

ООО «Наука и образование»

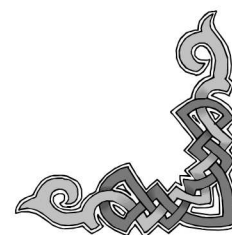
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 12
2019**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2019, № 12

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28

тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ректор Адыгейского государственного университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

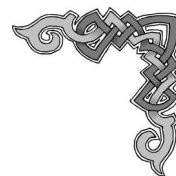
Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Ессентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, President of Adyghe State University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of law, professor, chief of department of criminal law and criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs university of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Когербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Мельников Александр Борисович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и внешнеэкономической деятельности Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, candidate of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kogerbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovalov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Alexander B. Melnikov, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economy and Foreign Economic Affairs in the Kuban State Agricultural University named of I.T. Trubilin;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Рассказов Леонид Павлович, Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Соколова Галина Николаевна, Заслуженный работник образования Республики Беларусь, доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом экономической социологии ГНУ «Институт социологии» РАН;

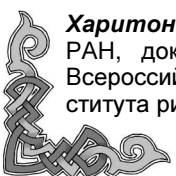
Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MGТУ of N.E. Bauman;

Leonid P. Rasskazov, Honored Worker of Science, Doctor of Laws, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory, History of Law and State at the Kuban State Agrarian University named of I.T. Trubilin;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimshikova, doctor of Economic Sciences, professor of economics and financial management at the Kuban State Technological University named of I.T. Trubilin;

Sokolova Galina Nikolaevna, Honoured worker of formation of Republic of Belarus, professor, the doctor of sociological sciences, the manager of department economic sociology of the GNU «Institute of sociology» of RAN;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university

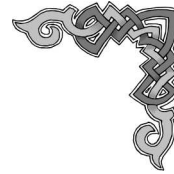
Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

*Коллектив редакции журнала поздравляет
членов редакционной коллегии
с Днем Рождения!!!*

Невский Сергей Александрович,

Силин Анатолий Николаевич.

Примите наши самые искренние и теплые поздравления с Днем Рождения и пожелания крепкого здоровья, успешной и плодотворной работы. Пусть в жизни всегда сопутствует хорошее настроение и неиссякаемый оптимизм. Желаем Вам новых творческих успехов!!!

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ:

Поздравления	6
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Белозерова К.С. Вторичный социологический анализ межэтнической эгалитарной семьи в современном обществе	19
Белозерова К.С. Образ семьи в представлении молодежи города Ставрополя	22
Булатецкая А.Ю. Институциональные основы развития человеческого капитала в экономике знаний	25
Брусенцева Д.М., Дуленко В.Р., Курило М.В. Особенности социализации подростковой молодежи в условиях развития информационных компьютерных технологий	29
Гринь М.В., Кулик С.В. Глобальный космополитизм на современном этапе: классовая и национальная проблематика	33
Дагаев Р.Р. Социализация индивидуальных черт личности в кругу семьи	40
Демонина Я.О. Трансформации процессов прекариатизации занятости. Исторический экскурс вопроса	43
Золин И.Е. Рынок труда российских моногородов: социальное измерение	46
Егоров А.В., Девлетов Р.Н. Социальная защита в условиях современного этапа развития России	51
Канифатов А.С., Рогов И.И. Привилегированный класс в системе имперского социума	56
Караковский К.А. Социологическая поддержка и моделирование сетевых социально-групповых отношений в условиях цифровой экономики	62
Карапетян Е.А., Прохоренко О.Н., Петров А.А. Коммуникативная компетентность в системе подготовки студенческой молодежи в образовательном пространстве	66
Касьянов В.В., Шкуропий О.И., Гафиатулина Н.Х. Специфика социальной адаптации молодежи как механизм профилактики поведенческих аддикций	70
Колмыкова М.А. Управленческая культура: многообразие теоретических подходов	75
Криворотенко С.Н. Проблемы обеспечения безопасности взаимодействия человека со средой обитания: теория, методика, организация	79
Крупеникова Л.Ш. Динамика массового сознания и протестная активность россиян	83
Кычкина В.Г., Борисова У.С. Сравнительный анализ деятельности академий МВД РФ городов Москвы и Омска	87
Лукьяшко А.Г. Ценность здоровья в дискурсе научно-исследовательских практик	91
Михайлова Э.А. Современное состояние и развитие скотоводства в республике Саха Якутия. Социологический аспект	96

Муха В.Н., Литовка В.А., Вахрамеева Д.В. Социальная идентичность современных поколений: предварительные теоретико-методологические замечания	99
Мухаметзянова-Дуггал Р.М., Хабибуллина З.Р., Надыршин Т.М., Кляшев А.Н. Религиозное поле республики Башкортостан: конфликтность и толерантность (по данным полевых исследований)	103
Протопопова К.Н., Борисова У.С. Социальное неравенство в обществе: отношение студенческой молодежи	107
Райдугин Д.С., Наберушкина Э.К., Горбунов С.П. Методология и методика исследования возможностей профессиональной самореализации людей с инвалидностью в контексте проблемы урбанистического благополучия	110
Семенов А.А., Касьянов В.В., Чупрынников С.А. Постреволюционный хаос на Северном Кавказе в воспоминаниях очевидцев: социоисторический анализ	117
Стригуненко И.К. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел: анализ, причины и пути преодоления	123
Тихонина С.А., Шрайнер О.В. Проблема трансформации региональной системы управления дошкольным образованием: социологический подход	127
Троцук И.В., Субботина М.В. Социологическая трактовка понятий со сложной коннотацией: взаимосвязь героизма и счастья	131
Тужба Э.Н., Муха В.Н. Социальная адаптация мигрантов: теоретическая модель анализа	137
Тюнь А.П. Отношение к полиции как фактор эффективности защиты правопорядка	141
Узюмова Н.В. Концептуальная модель оценки влияния корпоративной культуры на социальную эффективность адаптации новых сотрудников	145
Усова Л.В., Заболотских Т.Б., Скрипченко О.В. Здравоохранение в доктрине национальной безопасности страны	148
Хазуев И.А. Социальное предпринимательство в контексте теории социального происхождения	152
Шагина И.Р., Кубекова А.С., Смахтина Т.А. Диагностика социально-психологического климата у первокурсников	155
Ямщиков С.В., Дмитренко М.С. Искусство фотографии в поле визуальной социологии	159
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Аведян А.А. Факторы профессиональной виктимности сотрудников органов внутренних дел	165
Афанасьев С.А., Алексеев В.В. Совершенствование институционального развития российского Крайнего Севера и Арктики	171
Афаунов А.З., Чхвимиани Э.Ж., Данилов Д.В. Правовой менталитет российского общества: особенности генезиса, тенденции изменений	175
Биярсланова А.М. К вопросу о правовом регулировании представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственных служащих	180
Бешкок А.А., Михайловская О.В. К вопросу о правовой регламентации контроля и записи переговоров	184
Гараева Г.Ф. Особенности взглядов Е.Н. Трубецкого и П.И. Новгородцева на методологические проблемы естественного права на рубеже XIX – нач. XX вв.	187

Голубихина Н.В., Назарова Е.А. Стихийные факторы формирования правовой культуры российской молодежи	192
Горовая В.Ю., Горовой С.А., Стародубцева М.А. О квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности	196
Диденко Ю.М., Горовая В.Ю., Горовой С.А., Стародубцева М.А. Насильственный и ненасильственный экстремизм в молодежной среде Алтайского края	200
Загалаева Ж.А. Понятие «недействительная сделка» в гражданско-правовом поле России	203
Закаева А.Х. Правовая оценка законов в современной России	207
Зацепина Н.С. Злоупотребление правом при подаче заявок на регистрацию товарного знака: скрытые проблемы и классификация	210
Зыков Д.А., Семенов С.А., Шаназарова Е.В. Некоторые проблемы развития уголовного законодательства в РФ	215
Кангезов М.Р. Электронное уголовное дело на предварительном следствии в условиях развития цифровых технологий	218
Коновалова Л.Г., Решетников Г.Е., Пинчук А.П. Вина юридических лиц при совершении административных правонарушений: подходы к определению, проблемы правоприменительной практики	221
Кочевцева Н.И. Сиротские произведения в праве интеллектуальной собственности Европейского Союза и России	226
Крюк В.С. Криминологические и статистические параллели семейно-бытового насилия	230
Кузьмин С.В., Варченко И.А. Уголовная ответственность за незаконную госпитализацию лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях: объективные признаки основного состава преступления (ч. 1 ст. 128 УК)	234
Лазарева О.В., Павлов Е.В., Морозова Ю.М. Судебно-следственные функции губернской полиции Российской империи второй половины XIX века: формы и методы реализации	240
Ламсков Д.С. Современные проблемы реорганизации акционерных обществ в Российской Федерации с позиции учредителя	245
Лапин А.А., Плешаков В.А. Стратегия обеспечения криминологической безопасности	248
Литвяк Л.Г., Смирнова К.С. Возвращаясь к проблеме применения ст. 286.1 УК РФ	255
Лебедев С.Я., Плешаков В.А. Системный анализ угроз криминологической безопасности	258
Малокостова П.Р. О криминологической обоснованности уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности	263
Меретуков А.Г., Федченко В.В. Проблемы квалификации убийства, совершенного по мотиву кровной мести, и его отграничения от других составов преступлений	267
Мигачева А.Ю., Мажник Д.А., Дубинец Д.П. К проблеме правового регулирования лизинга в Российской Федерации	271
Нимировский В.В. Механизмы международно-правового сотрудничества государств-участников Совета Европы в противодействии торговле людьми	276
Овсянникова М.А., Тарыкин В.К., Тулиёва В.В. К вопросу о способах совершения побегов подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными из мест лишения свободы и средствах их предупреждения	281

Олиндер Н.В. Версионный анализ преступлений, совершенных с использованием платежных систем	285
Прохорова М.Л., Прохоров Л.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: эволюция уголовно-правового «статуса»	289
Смирнов А.М. К вопросу о превышении пределов необходимой обороны	293
Смирнов А.М. Необходимая оборона и условия ее легитимности	296
Смирнов А.М. Развитие права на необходимую оборону в дореволюционной России	299
Смирнова К.С., Литвяк Л.Г., Челпук Э.А. К вопросу о государственной тайне	301
Табакowa Н.А. Особенности уголовной ответственности за манипулирование рынком	304
Турицын Д.А. Договор купли-продажи в условиях цифровизации договорного права	309
Узгорская И.А. К вопросу о целесообразности изменения срока дознания	313
Усманова Е.Ф., Зеленова Н.А. Право на доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство: международно-правовые аспекты (на примере практики Европейского суда по правам человека)	316
Хабиева З.Д. Современные проблемы уголовного законодательства Российской Федерации	320
Хабиева З.Д. Современное понимание уголовного права в правовой системе РФ	323
Хазуев И.А. Анализ законодательной базы в отношении социального предпринимательства в Федеративной Республике Германии	326
Хомякова А.В. Вопросы подготовки государственного обвинителя к доказыванию в судебном разбирательстве	329
Числов А.И., Поделякин А.А. Вопросы, связанные с определением правового статуса участников дорожного движения, использующих электрические средства передвижения	333
Швец Ю.Ю. Значение конституционного права человека на здравоохранение в отношении прочих конституционных прав на примере выбранной страны	336
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Акопова Е.С., Крятова Г.А., Самыгин С.И. Национальный бизнес в условиях глобализации	343
Баляев Н.Д. Управленческий баланс предприятия и методика его составления	347
Богданов И.Я., Бусыгин А.Е. Основные векторы социально-экономического развития современного российского общества в контексте внешних и внутренних угроз национальной безопасности: теоретический и методологический аспекты	351
Доленко А.А. Современные концепции управления инновационными предприятиями	364
Жигунова Т.С. Механизмы экономического развития индустрии туризма и гостеприимства в туристской дестинации «Ленинградская область»	368

Зарецкий А.Д., Иванова Т.Е., Плешакова М.В. Институционализация ценностей в современном обществе	370
Карпова Ю.С., Драчев А.В. Реализация внешнего финансово-бюджетного контроля во Владивостокском городском округе	374
Колпащикова А.А., Акимова Е.Н., Лавров М.Н. Интеллектуальный капитал как фактор устойчивого развития региона	377
Коскова В.С. Децентрализация – магистральный путь развития российской экономики	380
Михайлов В.А. Денежное довольствие военнослужащих войск национальной гвардии РФ в условиях современного развития России	384
Некрасов К.В. Применение инновационных технологий в организациях агропромышленного комплекса	388
Никитин Н.С. История научных исследований в области автоматизации производства	390
Осипов Г.В., Каропова С.Г., Некрасов С.В. Инфраструктурный мегапроект «Транс-Евразийский пояс RAZVITIE (ТЕПР) – интегральная евразийская транспортная система (ИЕТС)»	394
Преснякова Д.В., Галицких Е.В., Галицких В.Н. Направления проведения диагностики финансовой несостоятельности организаций в целях повышения эффективности хозяйственной деятельности	398
Семенова А.Г., Данилова Е.В. Особенности управления развитием персонала образовательных учреждений в условиях современной модели образования	401
Стрябкова Е.А., Лысых Ю.Г. Европейский и российский опыт создания межрегиональных кластеров	404
Хубаев Г.Н. Модели для прогнозирования ожидаемой продолжительности жизни населения страны: выбор состава факторов и структуры модели по критерию минимума ошибки функции отклика (на примере Российской Федерации и Германии)	409
Хусаинова А.И., Коцегулова И.Р. Институт денег: проблема оценки уровня доверия к денежной единице	415
Цыганова И.А., Ханжина Н.В., Савина К.Ю. Проект корпоративной информационно-аналитической системы оценки кредитоспособности физических лиц	419
Шелестова Д.А., Шор Д.М., Шор И.М. Государственная финансовая поддержка как фактор развития субъектов малого и среднего бизнеса	421

CONTENTS:

Congratulations	6
SOCIOLOGICAL SCIENCES	
Ksenia S. Belozerova Secondary sociological analysis of inter-ethnic egalitarian family in modern society	19
Ksenia S. Belozerova The family image in the view of the youth of the city of Stavropol	22
Alena Yu. Bulatetskaya Institutional foundations of human capital development in the knowledge economy	25
Darya M. Brusentseva, Victoria R. Dulenko, Marina V. Kurilo Features of socialization of adolescent youth in conditions of information computer technologies development	29
Maksim V. Grin, Stanislav V. Kulik Global cosmopolitanism at the present stage: class and national range of problems	33
Rashid R. Dagayev Socialization of individual personality features in the family circle	40
Yaroslavna O. Demonova Transformation processes precariatization employment. Historical background	43
Igor E. Zolin Labor market of Russian single towns: social dimension	46
Alexey V. Egorov, Ruslan N. Devletov The feature of social protection in the modern stage of Russia's development	51
Alexander S. Kanifatov, Ilya I. Rogov Privileged class in the system of imperial society	56
Konstantin A. Karakovsky Sociological support and modelling of social and group relations in the digital economy	62
Elena A. Karapetyan, Olga N. Prokhorenko, Andrey A. Petrov Communicative competence in the system of preparation of student youth in educational space	66
Valery V. Kasyanov, Olga I. Shkuropy, Natalya Kh. Gafiatulina Specificity of social adaptation of youth as a mechanism for prevention of behavioral addictions	70
Marina A. Kolmykova Management culture: diversity of theoretical approaches	75
Svetlana N. Krivorotenko Security problems human interactions with the habitat: theory, methodology, organization	79
Leila Sh. Krupenikova Dynamics of mass consciousness and protest activity of Russians	83
Vera G. Kychkina, Uliana S. Borisova Comparative analysis of the academies of the rf mia of the cities of Moscow and Omsk	87
Alena G. Lukyashko The value of health in the discourse of research practices	91
Elvira A. Mikhailova The current state and development of cattle breeding in the Republic of Sakha Yakutia. Sociological aspect	96
Victoria N. Mukha, Vera A. Litovka, Daria V. Vakhrameeva Social identity of modern generations: preliminary theoretical and methodological observations	99

Regina M. Mukhametzyanova-Duggal, Zilia R. Khabibullina, Timur M. Nadyrshin, Aleksander N. Klyashev Religious field of the republic of bashkortostan: conflictiness and tolerance (according to the field works)	103
Kyunnyay N. Protopopova, Uliana S. Borisova Social Inequality in Society: Student Attitudes	107
Dmitry S. Raydugin, Elmira K. Naberushkina, Sergey P. Gorbunov Methodology for the study of opportunities for professional self-realization of persons with disabilities in the context of urban well-being	110
Alexander A. Semenov, Valery V. Kasyanov, Sergey A. Chuprynnikov Post-revolutionary chaos in the north caucasus in the memoirs of eyewitnesses	117
Ivan K. Strigunenko Professional deformation of the personality of an employee of the internal affairs bodies: analysis, causes and ways to overcome	123
Swetlana A. Tikhonina, Olga W. Shrayner The problem of transformation of the regional system of preschool education management: sociological approach	127
Irina V. Trotsuk, Maria V. Subbotina Sociological interpretation of the complex and connoted concepts: The relationship of heroism and happiness	131
Emir N. Tuzhba, Victoria N. Mukha Social adaptation of migrants: a theoretical model of analysis	137
Andrei P. Tyun Social perception of the police as a factor in the effectiveness of the protection of law and order	141
Natalya V. Uzyumova Conceptual model for assessing the impact of corporate culture on the social effectiveness of adaptation of new employees	145
Lyubov V. Usova, Tatyana B. Zabolotskikh, Olga V. Skripchenko Health-care in the doctrine of national security	148
Izaur A. Khazuev Social entrepreneurship in the context of the Social origins theory	152
Inna R. Shagina, Aliya S. Kubekova, Tatyana A. Smakhtina Diagnostics of socio-psychological climate at first-years of medical university	155
Sergey V. Yamshchikov, Mikhail S. Dmitrenko The art of photography in the field of visual sociology	159
JURISPRUDENCE	
Arkady A. Avedyan Factors of professional victimization of internal affairs officers	165
Sofron A. Afanasyev, Vitaly V. Alekseev Institutional improvement of the Russian High North and the Arctic sustainability	171
Anzor Z. Afaunov, Eduard Zh. Chkhvimiani, Dmitry V. Danilov Legal mentality of the Russian society: features of Genesis, tendencies of changes	175
Asiyat M. Biyarlanova On the question of legal regulation of submission of information on income, expenditure, property property and liabilities of state servants	180
Alena A. Beshcock, Olga V. Mikhailovskaiy On the issue of legal regulation of control and recording of negotiations	184
Galina F. Garaeva Specificity of views of E.N. Trubetskoy and P.I. Novgorodtsev on methodological problems of natural law at the turn of the 19th-early 20th centuries	187
Natalia V. Golubikhina, Ekaterina A. Nazarova Spontaneous factors of formation of legal culture of the Russian youth	192
Victoria Yu. Gorovaya, Svyatoslav A. Gorovoy, Maria A. Starodubtseva About qualification of public appeals to implementation of extremist activity	196

Julia M. Didenko, Victoria Yu. Gorovaya, Svyatoslav A. Gorovoy, Maria A. Starodubtseva Violent and non-violent extremism among the youth of the Altay Region	200
Zhaneta A. Zagalaeva The concept of «invalidative transaction» in the civil legal field of Russia	203
Aminat Kh. Zakaeva Legal assessment of laws in modern Russia	207
Nataliia S. Zatsepina Trademark Application Law Abuse: Hidden Legal Problems & Classification	210
Daniil A. Zykov, Sergey A. Semenov, Elena V. Shanazarova Some problems of development of criminal legislation in the Russian Federation	215
Marat R. Kangezov Electronic criminal case on the preliminary investigation in the conditions of the development of digital technologies	218
Lyudmila G. Konovalova, Gleb E. Reshetnikov, Anton P. Pinchuk The fault of legal entities in the administrative offenses: approaches to determination, problems of law and practice	221
Natalia I. Kochevtseva Orphaned works in the intellectual property law of the European Union and Russia	226
Viktoriya S. Kryuk Criminological and statistical parallels of family-domestic violence	230
Sergei V. Kuzmin, Igor A. Varchenko Criminal liability for unlawful hospitalization of a person in a medical organization providing psychiatric care in stationary conditions: objective evidence of the basic crime (part 1 article 128 criminal code)	234
Oksana V. Lazareva, Evgeny V. Pavlov, Julia M. Morozova Judicial and investigative functions of the provincial police of the Russian Empire of the second half of the XIX century: forms and methods of implementation	240
Daniil S. Lamskov Current problems of reorganization of joint-stock companies in russian federation from the position of founder	245
Alexey A. Lapin, Vladimir A. Pleshakov The strategy for the promotion of criminological security	248
Larisa G. Litvyak, Karina S. Smirnova Returning to the problem of application of article 286.1 of the criminal code	255
Semen Ya. Lebedev, Vladimir A. Pleshakov A systematic analysis of threats to criminological security	258
Polina R. Malokostova On the criminological validity of criminal law on liability for crimes in the field of economic activities	263
Aidamir G. Meretukov, Vladimir V. Fedchenko Problems of qualification of a murder committed on the grounds of blood vengeance and its delineation from other corpus delicti	267
Anna Ju. Migacheva, Dmitrii A. Mazhnik, Diana P. Dubinets To the problem of legal regulation of leasing in Russia	271
Vitalii V. Nimirovskii International judicial cooperation mechanisms of member-states of Council of Europe in actions against human trafficking	276
Maria A. Ovsyannikova, Vladimir K. Tarykin, Victoria V. Tuliyo On the issue of methods of escape by suspects, accused and convicted persons from places of imprisonment and means of their prevention	281
Nina V. Olinder Versioned analysis of crimes committed using payment systems	285
Marina L. Prokhorova, Leonid A. Prokhorov The highest position in the criminal hierarchy: evolution of criminal law «status»	289

Alexander M. Smirnov	
To the question of exceeding the limits of necessary defense	293
Alexander M. Smirnov	
Necessary defense and conditions of its legitimacy	296
Alexander M. Smirnov	
Development of the right to necessary defense in pre-revolutionary Russia	299
Karina S. Smirnova, Larisa G. Litvyak, Eden A. Celph	
On the question of state secrets	301
Natalia A. Tabakova	
Features of criminal liability for market manipulation	304
Dmitry A. Turitsyn	
Sale Contract in the Conditions of Digitalization of Contract Law	309
Irina A. Uzgorskaya	
To the question of the appropriateness of changing the period of inquiry	313
Elena F. Usmanova, Natalia A. Zelenova	
Right to access to justice and a fair trial: international legal aspects (case law of the European Court of Human Rights)	316
Zaira D. Khabieva	
Modern problems of the criminal legislation of the Russian Federation	320
Zaira D. Khabieva	
Modern understanding of criminal law in the legal system of the Russian federation	223
Izaur A. Khazuev	
Analysis of the legal framework regarding social entrepreneurship in the Federal Republic of Germany	326
Alevtina V. Khomyakova	
Issues of preparing a public prosecutor for evidence in litigation	329
Alexander I. Chislov, Alexander A. Podelyakin	
Issues related to determining the legal status of road users using electric vehicles	333
Yuriy Shvets Yu.	
The significance of the constitutional human right to health in relation to other constitutional rights, as exemplified by a selected country	336
ECONOMIC SCIENCES	
Elena S. Akopova, Galina A. Kriatova, Sergey I. Samygin	
National business in the conditions of globalization	343
Naran D. Baliaev	
Management balance sheet of the enterprise and methods of its preparation	347
Igor Ya. Bogdanov, Andrey E. Busygin	
The main vectors of the socio-economic development of modern russian society in the context of external and internal threats to national security: theoretical and methodological aspects	351
Andrey A. Dolenko	
Modern concepts of managing innovative enterprises	364
Alexander D. Zaretsky, Tatiana E. Ivanova, Marina V. Pleshakova	
Institution value in the modern society	368
Tatiana S. Zhigunova	
Mechanisms of economic development of the tourism and hospitality industry in the tourist destination «Leningrad region»	370
Yulia S. Karpova, Artem V. Drachev	
Implementation of external financial and budgetary control in Vladivostok city district	374
Anastasia A. Kolpashchikova, Elena N. Akimova, Mikhail N. Lavrov	
Intellectual capital as a factor of sustainable development of the region	377
Veronica S. Koskova	
Decentralization – the main way of development of the russian economy	380

Alexandrovich V. Mikhailov Monetary allowance of servicemen of the national guard of the Russian Federation in the conditions of modern development OF Russia	384
Konstantin V. Nekrasov Application of innovative technologies in organizations of agro-industrial complex	388
Nikolai S. Nikitin History of scientific research in the field of industrial automation	390
Gennady V. Osipov, Svetlana G. Karepova, Sergey V. Nekrasov The infrastructural megaproject «trans-eurasian belt of razvitie (TEBR) – integrated eurAsian transport system (IETS)»	394
Daria V. Presnyakova, Elizaveta V. Galitskikh, Vladimir N. Galitskikh Directions for diagnosing financial insolvency of organizations in order to increase the efficiency of economic activity	398
Ariadna G. Semenova, Elena V. Danilova Peculiarities of management of personnel development of educational institutions in conditions of modern model of education	401
Elena A. Strybkova, Yuliya G. Lysykh European and Russian experience in creating interregional clusters	404
Georgy N. Khubaev Models for forecasting the expected life of the population of the country of the country: choosing the composition of factors and structure of the model by the criterion of minimum errors of the function of response (on the example of the Russian Federation and Germany)	409
Aliya I. Khusainova, Ilmira R. Koshchegulova Institute of money: the problem of evaluating the level of trust in monetary unit	415
Irina A. Tsyganova, Natalya V. Khanzhina, Ksenja Yu. Savina Draft corporate information-analytical system for evaluating the credit ability of individuals	419
Dildarakhon A. Shelestova, Dmitriy M. Shor, Inna M. Shor State financial support as a factor of development of subjects of small and medium business	421

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Белозерова Ксения Сергеевна
аспирантка кафедры социологии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
ksenya.belozerova.93@mail.ru

ВТОРИЧНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ЭГАЛИТАРНОЙ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается анализ динамики, наблюдающейся в одном из базовых институтов общества: институте семьи. Рассматриваются проблемные ситуации, характерные для данной малой ячейки общества, в частности, проблема многочисленных разводов и их причины: конфликтов, алкоголизма в браке и прочее. Рассматривается характеристика межэтнической эгалитарной семьи в современном обществе. Приводится интерпретация понятий «межэтнический» и «межрасовый» браки, «гипергамия», «гипогамия». Анализируются проблемы, с которыми вынуждена сталкиваться современная межэтническая эгалитарная семья.

Ключевые слова: семья, динамика института семьи, межэтнический брак, гипогамия, эгалитарная семья, современное общество, гипергамия, распад брачного союза, конфликты.

Актуальность темы исследования обусловлена следующим рядом причин.

Во-первых, данная тема не является достаточно изученной. Научная разработанность темы отмечена работа следующих ученых: И. Бахофена, М. Ковалевского, Л. Моргана, которые начиная с 20 века, занимались исследованием семейных форм жизни [1].

Во-вторых, в настоящее время, отмечается кризисное состояние в институте семьи и семейных ценностей, увеличилось число распада заключенных брачных союзов над количеством тех пар, которым удалось сохранить брак. Межэтническая эгалитарная семья также претерпевает на себе различные негативные тенденции, зачастую, связанные с трансформациями, происходящими в обществе. Поэтому изучение перечня существующих проблем в данной сфере приобретает возрастающую значимость, как в теоретическом, так и в практическом смысле.

Анализ результатов многих социологических исследований позволяет прийти к выводу, что одной из частых причин, ведущих к расторжению брачного союза, выступает конфликт, доведен-

Ksenia S. Belozerova
Graduate student
of Department of Sociology,
North Caucasian Federal University
ksenya.belozerova.93@mail.ru

SECONDARY SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF INTER-ETHNIC EGALITARIAN FAMILY IN MODERN SOCIETY

Annotation. This article analyzes the dynamics observed in one of the basic institutions of society, the Institute of the family. The problem situations typical for this small cell of society are considered. The problem of numerous divorces, and their causes, conflicts, alcoholism in marriage and so on. The characteristic of interethnic egalitarian family in modern society is considered. The interpretation of the concepts of «interethnic» and «interracial» marriages, hypergamy, hypogamy is given. The problems faced by the modern interethnic egalitarian family.

Keywords: family, dynamics of the family institution, interethnic marriage, hypogamy, egalitarian family, modern society, hypergamy, dissolution of marriage, conflicts.

ный супругами до крайней черты, что уладить его иными способами становится невозможным [1].

Безусловно, любые изменения, происходящие в обществе, затрагивают абсолютно все его сферы и, в частности, институт семьи.

Внешние показатели, отвечающие за стабилизацию семьи и семейных отношений, в настоящее время, понизились. К ним относят следующие показатели: опасение осуждения развода, а также немаловажна материальная зависимость женщины от своего супруга, последнее было характерно для традиционного вида семьи.

Следует отметить, что причины конфликтов, и, следовательно, распадов браков, принято делить на две группы [1]:

I группа – причины образовались непосредственно в совместной жизни супругов.

II группа – причины, которые молодые люди не урегулировали до момента вступления в супружескую жизнь, опасаясь вероятности распада брака. Здесь многое зависит от образования и личности супругов.

К данным причинам относятся:

– склонность кого-либо из супругов к вредным привычкам (например, алкоголизм);

– не достаточно серьезное отношение к созданию семьи (легкомыслие); различие супругов в полученном образовании;

– если брачный союз заключен без обоюдного согласия [2].

Существует несколько определений понятия «межэтнический брак»:

– Межнациональный брак – это законно оформленные супружеские отношения между представителями разных национальностей, рас, этносов;

– Межэтнический брак (или межрасовый, межнациональный брак) – форма экзогамии, подразумевающая брак между супругами, принадлежащими к разным этносам [2].

Главным внешним фактором, который оказывает воздействие на восприятие межэтнических отношений и браков, является отношение к подобным союзам в семьях и в обществе, в которых такие пары проживают [2]. К тому же, подобные браки часто сталкиваются с расизмом, что может стать еще одной сферой потенциальных разногласий.

Нами было проведено пилотажное социологическое исследование на тему «Отношение к межнациональным бракам в современном обществе». Рассмотрим полученные данные, применяя метод вторичного анализа данных. Проблемная ситуация исследования состоит в том, что молодая пара, вступая в межнациональный брак проходит через притирание двух культур, что нередко приводит к возникновению конфликтов, неодобрению обществом подобных союзов, ассимиляции культур, в конце концов, есть опасения, что такие браки могут привести к потере народом своей самобытности. С другой стороны, межнациональные браки могут способствовать укреплению терпимого отношения представителей разных национальностей. Следует отметить, что одна часть общества приветствует заключение межнациональных браков, другая же, придерживается нейтральной или негативной позиции.

Цель: изучить отношение к межнациональным бракам в современном обществе.

Объект исследования: межнациональные браки в современном обществе

Предмет исследования: отношение к межнациональным бракам

Гипотеза – исследования: отношение к межнациональным бракам в современном обществе, в целом, положительное.

Мы провели интерпретацию основных понятий:

1. Межнациональный брак – это законооформленные супружеские отношения между представителями разных национальностей, рас, этносов.

2. Брак – это законно (ЗАГС) оформленные супружеские отношения.

В качестве способа сбора первичной информации нами был выбран метод анкетирования, следовательно, разработан социологический инструментарий – это электронная анкета, включающая в себя 16 вопросов, опрос проходил на виртуальной площадке «Google Forms».

В пилотажном исследовании, в котором участвовали 45 респондентов, 60 % – женщин, 40 % – мужчин, возрастной интервал варьируется от 21 года до 46 лет, показаны следующие результаты.

На вопрос « По Вашему мнению, насколько часто встречаются межнациональные браки в современном обществе?» 15,6 % респондентов отметили, что межнациональные браки встречаются очень часто, 64 % часто отметило, 17,8 % ответивших склонны считать, что межнациональные браки в настоящее время встречаются редко.

На вопрос: «Как Вы относитесь к межнациональным бракам?», большая часть ответивших положительно относится к межнациональным бракам и лишь 26,7 % респондентов в силу личностных, семейных, культурных причин воспринимают данное явление отрицательно.

Далее приведены варианты ответов на вопрос: «От чего зависит Ваше отношение к межнациональным (межрасовым) бракам?»:

– от счастья людей в браке;

– брак заключается для создания семьи по причине любви;

– СМИ;

– от степени взаимоотношения между супругами;

– от семей супругов;

– от культуры межнациональных отношений в обществе;

– сохранение традиций; от жизненного опыта;

– от их неестественности; собственного опыта общения; разная культура;

– от степени религиозности;

– от мировосприятия;

– от представителей этой нации;

– от поведения представителей другой национальности;

– от дружеских знакомств с разными национальностями и хорошим к ним отношением.

Очевидно, что у 82,2 % опрошенных имеются знакомые, которые состоят в межнациональном браке с представителем той или иной национальности. Это подтверждает то, что подобные союзы не редкость, как в Ставропольском крае, так и современном обществе, меньшая часть – 17,8 % таких знакомых не имеет.

Далее, 64,4 % респондентов имеют круг знакомых, которые состояли в межнациональном браке, но в силу определенных причин, данный брак распался. Причем, это могут быть следующие причины:

- разная культура, разное мировоззрение;
- разные семейные понятия; разный менталитет;
- разные традиции;
- неспособность адаптироваться к обычаям, традициям, правилам, вкусовым пристрастиям, которые естественны для национальности супруга или супруги.

Результаты ответа на вопрос: «Как Вы думаете, влияет ли поддержка со стороны друзей и родных на взаимоотношение между членами межнациональной семьи?». Мы видим, что 46,7 % опрошенных придерживаются мнения, что поддержка со стороны друзей, родных оказывает влияние на взаимоотношение между членами межнациональной семьи, и только 6,7 % респондентов, считают, что воздействия родных и друзей не происходит.

На вопрос: «Чьим мнением Вы руководствуетесь при выборе пары для брака?» Большая часть респондентов (75,6 %) при выборе своего партнера для заключения брака руководствуются своим личным мнением, меньшая часть (2,2 %) прислушиваются к мнению родных и близких родственников, 22,2 % совмещают данные мнения.

Литература:

1. Динамика института семьи. URL : <https://studfiles.net/preview/5862520/page:6/>
2. Понятие и характеристика межнациональных (межэтнических браков). URL : <https://studfiles.net/preview/403726/>

Большинство респондентов (51,1 %) на момент проведения опроса состоят в браке, 48,9 % выбрали категорию «Не замужем/ Не женат».

Согласно полученным данным, у 75,9 % респондентов брак, является межнациональным.

Итак, в начале исследования нами была выдвинута гипотеза о том, что отношение к межнациональным бракам в современном обществе, в целом, положительное. Данную гипотезу подтверждает то, что 73,3 % ответивших респондентов действительно относятся к межнациональным бракам позитивно. Также, подтвердилась предположение о том, что семья, воспитание в семье влияет на отношение человека к межнациональным бракам, с данным утверждением согласились 30 человек.

Следует отметить, что не оправдалась гипотеза о том, что межнациональные браки крепче, чем мононациональные, с данным утверждением согласно всего 3 человека.

В современном обществе межнациональный брак встречается довольно часто, и отношение к нему может быть положительным, негативным, нейтральным. Это зависит от общественных, семейных установок, традиций, обычаев, правил, вы которых воспитывается человек, однако, необходимо помнить, что брак – это, прежде всего, добровольный союз, который заключается на основе любви для создания крепкой, надежной семьи. И национальная принадлежность здесь совсем ни при чем.

Проведенный вторичный анализ данных показал, что институт семьи находится в кризисном состоянии, увеличилось число распадов браков, и причины тому могут заключаться в неразрешенных конфликтах, пристрастии к пагубным привычкам, различию в возрасте и полученном образовании, и т.д.

Literature:

1. Dynamics of the family Institute. URL : <https://studfiles.net/preview/5862520/page:6/>
2. The concept and characteristics of interethnic (interethnic marriages). URL : <https://studfiles.net/preview/403726/>

Белозерова Ксения Сергеевна
аспирантка кафедры социологии,
Северо-Кавказский
федеральный университет
ksenya.belozerova.93@mail.ru

ОБРАЗ СЕМЬИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ МОЛОДЕЖИ ГОРОДА СТАВРОПОЛЯ

Аннотация. В данной статье проводится анализ данных первичной информации проведенного автором пилотажного социологического исследования на тему: «Образ семьи в представлении молодежи города Ставрополя». В результате его нам удалось сформировать представление о том, какой себе представляют свою собственную семью парни и девушки, достигшие возраста для вступления в брак, проживающие на территории города. Рассматриваются основные причины, по которым респонденты не принимают решения о создании своей семьи.

Ключевые слова: семья, образ семьи, молодежь, традиционная семья, современная семья, супружеская семья.

Актуальность темы исследования обусловлена недостаточной изученностью проблемы. Во все времена существования социума, институт семьи всегда оставался одним из значимых и фундаментальных институтов, влияющий на формирование качеств личности (процесс первичной социализации), ее дальнейший жизненный путь. В проведенном нами пилотажном исследовании на тему «Семейные ценности ориентации молодежи города Ставрополя», как мы видим, семья для многих ответивших означает поддержку, любовь, взаимопонимание и опору. Следовательно, возникает следующий вопрос: «Какой образ своей собственной семьи существует в представлении ставропольской молодежи?». В связи с этим, нами была поставлена следующая цель: изучить представление о семье и семейных отношениях, характерных для молодежи г. Ставрополя.

Объект исследования: образ семьи в представлении молодежи города Ставрополя.

Предмет исследования: представление о семье и семейных отношениях, характерных для молодежи г. Ставрополя.

Гипотеза:

Молодежь города Ставрополя предпочитает партнерский тип семьи традиционному типу.

Ksenia S. Belozerova
Graduate student
of Department of Sociology,
North Caucasian Federal University
ksenya.belozerova.93@mail.ru

THE FAMILY IMAGE IN THE VIEW OF THE YOUTH OF THE CITY OF STAVROPOL

Annotation. In this article the analysis of data of the received primary information, the conducted aerobatic sociological research on a subject is considered: «the Image of a family in representation of youth of the city of Stavropol». As a result, we were able to form an idea of what their own families imagine boys and girls who have reached the age for marriage, living in the city. The main reasons why respondents do not make a decision to create their own family are considered.

Keywords: family, family image, youth, traditional family, modern family, married family.

Гипотеза-следствия:

Основные причины, по которой молодежь не спешит вступать в брачный союз, заключается в отсутствии подходящего партнера, недостаточной материальной обеспеченности и экономической самостоятельности для создания семьи.

В качестве способа сбора первичной социологической информации, мы избрали метода анкетирования. Нами был разработан социологический инструментарий, а именно, анкета, включающая в себя 14 вопросов.

Проведение пилотажного исследования подразумевает под собой неуглубленное изучение проблемной ситуации, предусматривает минимальное количество респондентов, которое варьируется от 25–30 человек. В нашем исследовании принимало участие 30 участников – молодежь, возраст которой варьируется от 18 до 35 лет, гендерное соотношение составляет – 46 % мужчин, 53 % – женщин, 66 % получили высшее образование, 3% имеют несколько высших образований, 16 % – среднее специальное образование, 3 % – неоконченное среднее специальное образование, 6 % – неоконченное высшее образование.

Респондентам был задан следующий вопрос: «Планируете ли Вы в будущем вступить в

брак?», опираясь на данные, которые отображены на рисунке 1, очевидно, что 87 % – планируют создание своей собственной семьи, 7 % уже со-

стоят в браке, 3 % разделили следующие ответы «Нет, не планирую», «Затрудняюсь ответить», (рис. 1).

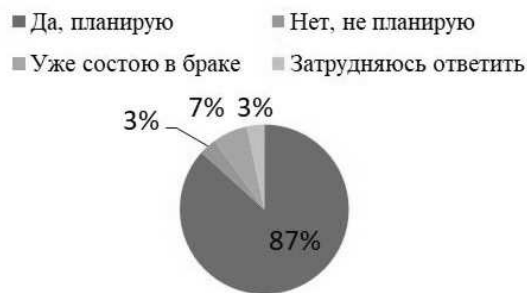

Рисунок 1 – «Планируете ли Вы в будущем вступить в брак?»

Полученные ответы респондентов второй вопрос анкеты, который был сформулирован следующим образом: «Если Вы планируете, создание своей собственной семьи, то укажите, пожалуйста, наиболее оптимальный для этого возраст, по Вашему мнению?». 60 % ответивших для создания собственной семьи, считают оптимальной возрастную категорию 26–28 лет, 16,7 % отметили варианты 22–25 и 29–35 лет, в достаточно раннем возрасте, заключить брачный союз предпочитают 3 % – 18–21 год.

На рисунке 2, отображены ответы на вопрос: «Какие, по Вашему мнению, существуют причины, по которым молодежь не торопится выходить замуж/жениться?», мы видим, что 40,4 % считают, что основная причина – это недостаточная материальная обеспеченность и экономическая самостоятельность, 30,8 % респондентов отметили отсутствие подходящей пары, 13,5 % – предпочтение так называемым «свободным отношениям», «гражданскому браку», 9,6 % – нежелание кого-либо оформлять официальные отношения, 5,8 % – рост количества разводов (рис. 2).

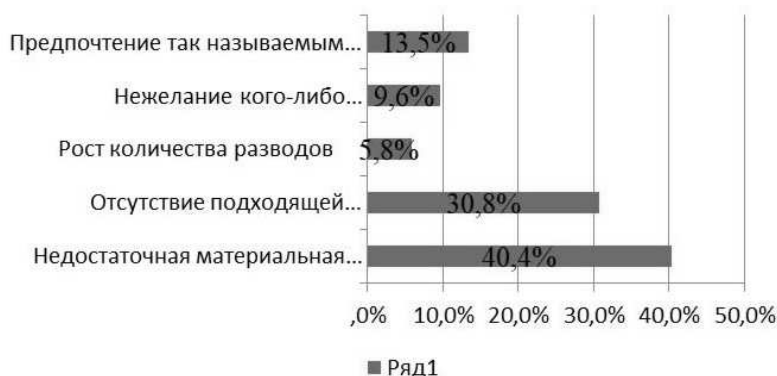

Рисунок 2 – «Какие, по Вашему мнению, существуют причины, по которым молодежь не торопится выходить замуж/жениться?»

На вопрос: «Выберите, какой из приведенных ниже типов семей, Вы бы избрали, при создании своей собственной и семьи?», 43,3 % придерживаются традиционного вида семьи, где отличительной чертой является значительная зависимость жены от супруга, а детей – от родителей, сохранение и поддержание целостности семьи. Общие семейные интересы предстают как наивысшая главенствующая ценность, а личные (индивидуальные) интересы каждого из членов семьи не учитываются.

Супружеская семья – ориентация на товарищество, сексуальное партнерство, продолжительное сожительство (супружество) партнеров, связанность общностью быта – 30 % ответивших [1].

Детоцентристская (современная) семья – возвышенное представление о частной (личной

жизни), возвышение ценности детей, следовательно, что основное место в таких семьях отводилось на репродуктивную функцию, принятию матерью и отцом своих социальных ролей, – к данному виду склоняются 10 % респондентов.

Далее, ответы на вопрос: «Чьим мнением Вы бы руководствовались при выборе пары для брака?», наглядно видно, что при выборе партнера для брака, молодежь города Ставрополя руководствуется своим личным мнением – 73 %, 26,7 % предпочитают придерживаться своего мнения и прислушиваться к мнению своих родных и близких.

На вопрос: «Сколько бы Вы хотели завести детей?», 40 % респондентов хотели бы иметь одного или два ребенка, 36,7 % – двух или трех детей, 6,7 % – поделили такие варианты, как

«только одного ребенка», «трех и больше», «затрудняюсь ответить».

На вопрос: «Что, по Вашему мнению, в настоящее время не позволяет Вам выйти замуж/жениться?». Здесь, основными причинами, которые не позволяют респондентам связать себя узами брака, выступают две основные причины:

- Недостаточная материальная обеспеченность и экономическая самостоятельность – 42,1 %;
- Отсутствие подходящей кандидатуры – 39,5 %.

7,9 % – предпочтение так называемым «свободным отношениям», «гражданскому браку»; 5,3 % – рост количества разводов, нежелание кого-либо оформлять официальные отношения.

Мы задали респондентам следующий вопрос: «Какой Вы видите свою собственную семью?», который решили оставить открытым, чтобы участники могли отобразить свою личную точку зрения по этому поводу.

«Я вижу свою семью...»:

- традиционная семья;
- дружной, со своими традициями;
- полноценной, уважительной и ответственной;
- любящей, уважающей друг друга и интересы друг друга, любящих детей;
- счастливый брак;
- обеспеченную, без секретов, путешествующую, равноправную, с изюминкой.

Большая часть опрошенных (34 %) не желала бы заключить брачный союз с гражданином другой страны, предпочитая брак с гражданином своей страны. Вероятно, здесь учитывается разница в менталитетах, языковой барьер и прочие факторы. Положительно ответили всего лишь 10 % респондентов, а 23 % дали неопределенные ответы: «скорее да, чем нет», «скорее нет, чем да».

Согласно полученным данным, половина респондентов согласна с фразой: «Брак – это один раз и на всю жизнь», следовательно, что и поиск

Литература:

1. Семейные ценности. URL : <https://studfiles.net/preview/1865072/>

ки подходящего партнера будут проходить осознанно и серьезно, а не легкомысленно, что говорит о нелегкомысленном отношении ответивших к созданию семьи, 27 % – не смогли дать определенный ответ, выбрав «скорее нет, чем да», 14 % – «скорее да, чем нет», 7 % – не согласились с данным высказыванием.

Далее, рассмотрим ответы на вопрос: «Что для Вас значимо в семье (браке)?», мы видим, что для 17,9 % значимо взаимопонимание супругов и любовь, 16,1 % доверие между супругами, 15,2 % верность и поддержка, 8,9 % обеспеченность семьи и дети.

Таким образом, проведя пилотажное социологическое исследование, мы составили образ семьи в представлении молодежи города Ставрополя. Дадим подытоживающее краткое описание. Семья глазами ставропольской молодежи выглядит как счастливый, крепкий брак, полноценная семья, в которой можно получить поддержку, где царит верность, взаимопонимание и поддержка. Семья – союз, заключенный один раз и на всю жизнь для 52 % респондентов, по количеству детей, то 40 % желали бы завести одного или двух детей, наиболее значимыми характеристиками в браке выступают доверие и взаимопонимание в супружеской паре. Оптимальный возраст для создания семьи для 60 % 26–28 лет, а основными причинами, по которым молодые люди не торопятся вступать в брак, обусловлено недостаточной обеспеченностью, экономической самостоятельности и в отсутствии достойного партнера, большинство 73 % ответивших при его выборе руководствуется только своим личным мнением. Традиционного вида семьи придерживается 43,3 % респондентов.

Несмотря на то, что институт семьи, в данное время, пребывает в кризисном состоянии, для молодежи города Ставрополя семья продолжает оставаться актуальной и значимой. Выдвинутая в начале исследования гипотеза о том, что «молодежь города Ставрополя предпочитает партнерский тип семьи традиционному типу», подтвердилась: 43,3 % ответивших респондентов. Также оправдалась гипотеза о том, что основными причинами, по которым молодое поколение не торопится заключать брак – это отсутствие подходящего партнера и недостаточная материальная обеспеченность (42,1 %) и отсутствие подходящей кандидатуры (39,5 %).

Literature:

1. Family values. URL : <https://studfiles.net/preview/1865072/>

Булатецкая Алёна Юрьевна

кандидат социологических наук,
кафедра социологии,
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет РФ
alena.bulatetskaya@gmail.com

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ
РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО
КАПИТАЛА В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ**

Аннотация. В условиях становления современной экономики знаний человеческий капитал обеспечивает созидательную направленность человеческой деятельности, её постиндустриальную модернизацию и инновационное развитие. Рассмотрение сущностных и структурных характеристик человеческого капитала через призму институционального подхода позволяет определить влияние институциональной среды на его становление, проанализировать отличительные особенности функционирования данного капитала, выделить и обосновать институциональные компоненты, позволяющие активизировать человеческий капитал в современной экономике знаний.

Ключевые слова: человеческий капитал, институциональные основы, экономика знаний, общество знаний, институциональные условия развития.

Инновационное развитие современной экономики, формирование в развитых странах мира экономики знаний приводит к изменению положения человека в системе общественных отношений, трансформации «формализованного знания в нематериальный капитал» [2, с. 22], укреплению антропоцентристской модели организации труда, направленной на активизацию творческого потенциала личности, повышению значимости человеческого капитала в экономических и социальных процессах.

В наиболее общем виде, под человеческим капиталом понимается совокупность интеллектуальных ресурсов, которые используются индивидом или организацией для получения дохода [6, с. 81], созданных в условиях развития постиндустриального общества и вбирающих в себя «совокупность всех атрибутивных качеств и свойств, производительных способностей и сил, функциональных ролей и форм, ...включённых в систему рыночной экономики в качестве ведущего творческого фактора общественного воспроизводства» [3, с. 4]. Сюда относится накопленный человеком запас здоровья, знаний, профессиональных компетенций, способностей, мотиваций, выступающих основой трудовой деятельности работника по созданию продукции и услуг,

Alena Yu. Bulatetskaya

Candidate of Sociological Sciences,
Sociology Department,
Perm State National Research
University of the Russian Federation
alena.bulatetskaya@gmail.com

**INSTITUTIONAL FOUNDATIONS
OF HUMAN CAPITAL DEVELOPMENT
IN THE KNOWLEDGE ECONOMY**

Annotation. In the conditions of formation of modern economy of knowledge the human capital provides a creative orientation of human activity, its postindustrial modernization and innovative development. Consideration of the essential and structural characteristics of human capital through the prism of the institutional approach allows us to determine the impact of the institutional environment on its formation, to analyze the distinctive features of the functioning of this capital, to identify and justify the institutional components that allow to activate human capital in the modern knowledge economy.

Keywords: human capital, institutional foundations, knowledge economy, knowledge society, institutional conditions of development.

повышению производительности труда, созданию условий для увеличения его доходов и качества жизни.

Человеческий капитал имеет полифункциональный характер и выступает как определённый институт, обеспечивающий созидательную направленность человеческой деятельности, её постиндустриальную модернизацию и инновационное развитие. Он отличается от других видов капитала длительностью инвестиционного периода, разнообразностью форм отдачи, высокой степенью риска, значительными финансовыми вложениями, принадлежностью профессиональных знаний, практических навыков, творческих и мыслительных способностей работников компании не самой организации, а его конкретным сотрудникам.

По мнению зарубежных исследователей, структура человеческого капитала включает следующие основные компоненты:

- во-первых, капитал образования как совокупность общих и профессиональных знаний;
- во-вторых, капитал здоровья, обеспечивающий профессиональную деятельность личности;

– в-третьих, капитал профессиональной подготовки, включающий соответствующую квалификацию, производственный опыт и навыки работника;

– в-четвёртых, информационный капитал, позволяющий обладать информацией о состоянии рынка труда и производства;

– в-пятых, капитал миграции, способствующий обеспечению социальной мобильности людей;

– в-шестых, капитал мотивации экономической деятельности, дающий возможность развития творческих способностей и инициативы работников [4, с. 97].

Эффективность научного рассмотрения и понимания сущностных характеристик человеческого капитала предполагает необходимость его исследования через призму институционального подхода, позволяющего осуществлять комплексный анализ многообразных социально-экономических процессов, протекающих в формирующемся обществе знаний.

Концептуальные основания институционального анализа закладываются в работах Т. Веблена, исследующего институты как привычные способы «осуществления процесса общественной жизни в её связи с материальным окружением, в котором живёт общество» [1, с. 21]. Эти институты, с точки зрения Т. Веблена, существуют и действуют как регуляторы общественных отношений, вбирающих в себя совокупность социальных правил и соглашений в виде языка общения, денег, права, системы мер и весов, а также фирм (и иные виды организаций), выступающих результатом поведенческих привычек [1, с. 21]. Т. Шульц трактует институты, как правила, включающие денежно-кредитные отношения, организационные структуры, права собственности, формы человеческого капитала, материально-техническую инфраструктуру [7].

Значительный интерес представляет разработанная Д. Нормом концепция институционального развития, в которой заложена идея созидательной роли человеческого капитала в процессе трансформации институциональной среды. По мнению Д. Норта, институт представляет собой «совокупность созданных человеком ограничений, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие» [5, с. 17]. Влияние этих институтов осуществляется путём реализации человеческого капитала в организационных структурах в форме институциональных инноваций, обеспечивающих изменение сознания личности в процессе обучения и получения новых знаний о мире. В соответствии с данным представлением учёный делит институты на формальные и неформальные. Формальные институты, с его точки зрения, составляют лишь видимую часть институциональной системы. В тоже время, значительную часть в этой системе занимают неформальные институты, которые формируются в результате длительного процесса исторического развития и

воздействуют на человеческий капитал через культуру, традиции, стереотипы поведения [5, с. 17].

Таким образом, рассмотрение сущностных и структурных характеристик человеческого капитала позволяет определить влияние институциональной среды на человеческий капитал через организационные структуры и институциональные соглашения, выделить формальные и неформальные институты, участвующие в его формировании и развитии. К числу формальных институтов относятся: законодательная база, определяющая функционирование работника в трудовой деятельности, получении образования, сохранении и укреплении здоровья и т.д., а также комплекс соответствующих инфраструктурных учреждений, обеспечивающих производственную, учебную, научную, здравоохранительную, культурно-воспитательную, социальную деятельность работников. Неформальные институты, в свою очередь, включают: институт семьи, социальное окружение, религию, культуру, идеологию, ментальность, национальные традиции и др. Как правило, воздействие формальных институтов носит направленный, адресный характер по отношению к объектам человеческого капитала, в то время как влияние неформальных институтов более размыто, хотя и проявляется практически во всех аспектах деятельности человека.

Исторический опыт развития различных стран показывает, что формируемая экономическая модель функционирования общества включает в себя определённый набор формальных и неформальных институтов, отличающихся от других моделей по временным и содержательным характеристикам, причём, существующая модель достаточно чувствительна к институциональным трансформациям. Поэтому использование опыта ведущих стран мира по развитию своих экономических систем требует его адаптации к национальным особенностям развития стран и народов.

Цивилизационные трансформации современного мира связаны с формированием и развитием общества знаний, в основе которого лежит новая экономическая модель – экономика знаний, приходящая на смену индустриальной экономике. Переход к экономике знаний активизирует антропоцентристскую модель организации труда, предполагающую необходимость расширения масштабов инвестирования в человеческий капитал, позволяющих превратить данный капитал в ведущий фактор инновационных преобразований экономики, творческого развития современного работника.

Современное общество знаний характеризуется превращением знаний в основной источник накопления человеческого капитала, главный ресурс производства, изменением характера и содержания труда работников, совершенствованием его творческого, интеллектуального характера, созданием информационно-коммуникаци-

онных ресурсов и сетевых возможностей для институционального развития, глобализацией и мировой интеграцией экономических и социаль-

ных процессов, существенно изменяющих условия функционирования национальных экономик и бизнес-моделей (табл. 1).

Таблица 1

Отличительные особенности функционирования человеческого капитала в индустриальной экономике и обществе, основанном на знаниях

Критерий	Индустриальная экономика	Общество знаний
Влияние знаний на производственные процессы и развитие личности	Вспомогательный компонент процесса производства, зависящий от уровня образования и профессионализма работников	Системообразующий капитал и важный ресурс, используемый для производства товаров и услуг, требующий от работника постоянного совершенствования своего образования
Направленность инвестиций	Инвестиции в рост собственных активов компании	Инвестиции в интеллектуальный капитал работников компании
Лидерство и система управления	Вертикальное лидерство, централизованная система управления	Распределенное лидерство: уполномочивание подчиненных и самолидерство, командное взаимодействие локальных подразделений
Характеристики рабочей силы	Гендерное неравенство, высокая доля полуобученных и необученных работников	Равноправие полов; высокая доля работников с высшим образованием
Умения	Узкая специализация, стандартизация процессов	Широкая специализация, инновационная гибкость и взаимодействие
Требования к образованию	Сертификат или диплом	Непрерывное обучение в течение всей трудовой деятельности
Отношения менеджера и подчиненных	Конфронтация	Сотрудничество, командная работа
Занятость	Стабильная	Подвержена влияниям рыночных возможностей и факторов риска
Сотрудники рассматриваются как:	Затраты	Инвестиции

Развитие человеческого капитала в России замедляется из-за неэффективности использования знаниевых ресурсов в человеческой деятельности, неопределенности последствий управленческих решений в условиях неполного знания, неразвитости институциональной инфраструктуры, снижающей возможности технологической модернизации предприятий и фирм, ухудшающей направленность инвестиционной активности в развитие человеческих ресурсов, создание высокотехнологичных инновационных производств на базе развития научно-исследовательских и образовательных кластеров.

Становление экономики знаний в современной России предполагает выделение следующих институциональных компонентов, позволяющих активизировать человеческий капитал:

– развитие новой модели образования, обеспечивающей институциональную систему непрерывного образования, ориентированного на формирование творческой личности, готовой к осуществлению созидательной инновационной деятельности;

– инвестирование в институты, обеспечивающие сохранение и накопление человеческого капитала: развитие многозвенной системы здравоохранения, совершенствование диагностики, профилактики и лечения, увеличение финансирования в культуру, физическую культуру и спорт, жилищно-коммунальные и бытовые услуги, охрану окружающей среды;

– обеспечение устойчивого тренда на развитие фундаментальной и прикладной науки, активи-

зация разработки и применения научных достижений через создание инновационно-образовательных кластеров, технопарков и центров трансферта технологий, софинансирование НИОКР с совместным участием представителей государства, науки и бизнеса и обязательной коммерциализацией результатов изобретений;

– обеспечение качественных преобразований институциональной культуры, нравственных норм, ценностей и моделей поведения российских граждан, активное использование знаниевых ресурсов и информационно-коммуникационных технологий, позволяющих расширять возможности социализации личности, её нравственное воспитание и инновационное развитие;

– трансформация системы управления, позволяющая активно использовать наряду с централизованным управлением подвижную модульную схему управления организацией, усиливающих командное взаимодействие локальных подразделений, соединенных в постоянно меняющуюся конфигурацию;

– создание мотивационных ориентиров и условий для раскрепощения инициативы работников, готовности к инновационной деятельности и творческому труду, поддержание и развитие у работников предприимчивости, креативности, способности к выработке плодотворных бизнес-идей.

Таким образом, важнейшим условием эффективного формирования экономики знаний выступает создание институциональной среды, обеспечивающей полноценное воспроизводство человеческого капитала, основанное на качествен-

ных изменениях жизнедеятельности человека, его отношении к самому себе и окружающему миру, позволяющих трансформировать всю эко-

Литература:

1. Веблен Т. Почему экономика не является эволюционной наукой // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2006.
2. Горц А. Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Логос. М., 2007. № 4 (61).
3. Добрынин А.И. Производительные силы человека: структура и формы проявления / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов. СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 1993.
4. Курганский С.А. Человеческий капитал: сущность, структура, оценка. Иркутск : ИГЭА, 1999. 286 с.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997.
6. Руус Й. Интеллектуальный капитал: практика управления / Й. Руус, С. Пайк, Л. Фернстрём; Пер. с англ.; Под ред. В.К. Дерманова. Высшая школа менеджмента СПбГУ. 2-е изд. СПб. : Изд-во «Высшая школа менеджмента»; Издат. дом. С.-Петербург. ун-та, 2008.
7. The Global Competitiveness Report 2011–2012. World Economic Forum. Geneva, Switzerland, 2011.

номику в благоприятную среду для расширенного воспроизводства науки и культуры, в опору российской государственности.

Literature:

1. Veblen T. Why Economics is not an evolutionary science // Origins: from the experience of studying Economics as a structure and process. M., 2006.
2. Gortz A. Knowledge, value and capital. On the critique of the knowledge economy // Logos. M., 2007. № 4(61).
3. Dobrynin A.I. Productive forces of man: structure and forms of manifestation / A.I. Dobrynin, S.A. Dyatlov. SPb. : Publishing house of SPSUEF, 1993.
4. Kurgan S.A. Human capital: essence, structure, assessment. Irkutsk : Igea, 1999. 286 p.
5. North D. Institutions, institutional change and the functioning of the economy. M. : Foundation of the economic book «Beginnings», 1997.
6. Ruus Rd. Intellectual capital: management practice / Rd. Ruus, S. Pike, L. Fehrstrom; ed.: Graduate school of management. 2nd ed. SPb.; Publishing house «Higher school of management»; Izdat. house. S.-Peterb. un-ta, 2008.
7. The Global Competitiveness Report 2011–2012. World Economic Forum. Geneva, Switzerland, 2011.

Брусенцева Дарья Михайловна
аспирантка по направлению
«социологические науки»
кафедры региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
bru.dasha@yandex.ru

Дуленко Виктория Рубеновна
директор,
Детский культурно-просветительский
центр «Русская сказка»
rusaskayaskazka@gmail.com

Курило Марина Викторовна
Ростовское областное училище
олимпийского резерва,
Гимназия № 52 им. А.А. Печерского,
магистрант
Академии психологии и педагогики;
Южный федеральный университет
marina-best72@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ПОДРОСТКОВОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

■ ■ ■
Аннотация. В статье рассматриваются особенности социализации современной подростковой молодежи в условиях развития информационных компьютерных технологий. Процесс социализации молодежи в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий и роста социальной значимости глобальной сети Интернет является сложным и противоречивым. Современное молодое поколение социализируется в качественно иных обстоятельствах по соотношению с предыдущими поколениями.

Ключевые слова: подростковая молодежь, социализация, информационно-коммуникативные технологии, Интернет, онлайн-идентичность, социальная роль.

■ ■ ■
Социализация современной подростковой молодежи протекает под воздействием процессов информатизации и развития информационно-коммуникативных технологий (ИКТ): сегодня на социализацию подростковой молодежи оказывают влияние такие социальные институты, как средства массовой информации (СМИ), Интернет, массовая культура, молодеж-

Darya M. Brusentseva
Graduate student in Sociology,
Department of Regional Sociology
and Social Process Modeling,
Institute of Sociology and Regional Studies
of Southern Federal University
bru.dasha@yandex.ru

Victoria R. Dulenko
Director,
Children's Culture and Education
Center «Russian Fairy Tale»
rusaskayaskazka@gmail.com

Marina V. Kurilo
Rostov regional school
Olympic reserve,
Gymnasium № 52
named after A.A. Pechersky,
Undergraduate of the Academy
of Psychology and Pedagogy;
South Federal University
marina-best72@mail.ru

FEATURES OF SOCIALIZATION OF ADOLESCENT YOUTH IN CONDITIONS OF INFORMATION COMPUTER TECHNOLOGIES DEVELOPMENT

■ ■ ■
Annotation. The article discusses the features of socialization of modern teenage youth in the development of information computer technologies. The process of socializing young people in the context of the progress of information and computer technologies and the growing social importance of the global Internet is complex and contradictory. The modern younger generation is socialized in qualitatively different circumstances in relation to previous generations.

Keywords: adolescent youth, socialization, information and communication technologies, Internet, online identity, social role.

■ ■ ■
ная субкультура [1]. Процесс социализации молодежи усложняется под воздействием новых тенденций, происходящих в информационной среде.

В связи с этим, особенности социализации молодых людей связаны с бурным развитием и распространением ИКТ как инновационных (не-

традиционных) агентов социализации молодежи. Как подчеркивает С.В. Шимко, поскольку молодое поколение является наиболее активным «потребителем СМИ и пользователем сети Интернет, влияние этих агентов на ее сознание и поведение стало приобретать тот социализационный характер, который уже не позволяет рассматривать нетрадиционные агенты социализации как второстепенные» [2, с. 63].

Таким образом, специфической особенностью социализации подростковой молодежи в условиях развития информационных компьютерных технологий традиционные агенты социализации (семья, школа) утрачивают свое значение, тогда как ИКТ и сеть Интернет приобретает все большее социализирующее воздействие [3].

Рост социальной значимости Интернета в повседневной жизнедеятельности подростковой молодежи приводит к дисфункциям в процессе ее социализации, ибо молодые люди извлекают в сети Интернет разнообразную неконтролируемую информацию, подчас асоциального и анти-социального содержания [4]. В результате, стихийная социализация (посредством ИКТ) превагирует в среде подростковой молодежи, в то время как традиционные агенты социализации утрачивают первостепенное значение в информационном обществе.

Что же представляет собой подростковая молодежь? Опираясь на воззрения М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги, следует отметить, что подростковая молодежь – это социально-демографическая группа, выделяемая на основе:

– совокупности определенных возрастных характеристик;

– специфики социального положения и особых социально-психологических особенностей, имеющих общественно-историческую природу и зависящих от особенностей развития информационного общества;

– закономерностей социализации в условиях динамичного развития ИКТ в информационном пространстве общества [5].

Немецкий философ и психолог Э. Шпрангер разработал культурно-психологическую концепцию подросткового возраста. Подростковый возраст, по его мнению, – это возраст вхождения в культуру. Он указывал на то, что социально-психическое воспитание есть вхождение личной психики в непредвзятый и нормативный дух предоставленной эпохи (в нашем случае – эпохи информационных технологий). Основными социализационными новообразованиями данного возраста являются раскрытие «Я», возникновение рефлексии, постижение личной индивидуальности, связанной с развитием медиакультуры подростковой молодежи [6].

В подростковом возрасте происходит становление личности, в ходе которого отмечается переход от детства к взрослости, очерчиваются сложные личностные переустройства, своего рода ступени развития личности подростковой

молодежи. Анализ данных, полученных из исследований Д.И. Фельдштейна, позволяет выделить три стадии развития подростковой молодежи:

1) «локально-капризная» стадия (обусловленная доминированием ситуативно обусловленных эмоциональных переживаний): тяготение подростка к самостоятельности выражается в надобности признания со стороны взрослых его потенциалов и значения через решение частных задач;

2) «правозначимая» стадия (детерминированная необходимостью в социальном признании): подросток уже не довольствуется своим участием в установленной совокупности дел, принятии решений, у него возникает потребность в социальном признании;

3) «утверждающе – действенная» (обусловленная потребностью самоопределения и самореализации): у подростковой молодежи создается готовность к деятельности во взрослом мире, появляется стремление показать и реализовать себя, стать участником социального взаимодействия в информационном обществе [7, с. 280].

Особенности Интернета как пространства виртуальной реальности обуславливают специфический характер социализации подростковой молодежи. Причем, одной из особенностей черт социализации личности имеет непосредственное отношение к проблеме «множественной онлайн-идентичности, которая обладает пластичными свойствами и наполнена множеством не похожих друг на друга персонажами – автономными цифровыми двойниками, возникающими в ходе различных компьютерных игр» [2, с. 23]. Такой множественный и изменчивый характер онлайн-идентичности вызывает противоречия в процессе социализации подростковой молодежи:

– с одной стороны, он дает возможность молодому индивиду повысить уровень своего творческого потенциала и его дальнейшей самоактуализации;

– с другой – исключает проблему истинности действительного мира, освобождая личность от необходимости принятия тех или иных этических решений и внутренней рефлексии [8].

Следовательно, результат воздействия ИКТ на подростковую молодежь в ходе социализации способен привести к различным исходам.

К основным социокультурным трансформациям современной социализации молодежи, сопряженным со становлением и развитием ИКТ, относятся: неопределенность общественных институтов социализации, разрушение внутренних семейных связей, рост прагматических и утилитарных ценностей, превалирование индивидуализации (ибо ключевым ориентиром социокультурного развития молодежи в условиях развития ИКТ становится приоритет индивидуального личностного начала). Соответственно, по мне-

нию В.О. Ивушкиной, основная цель процесса социализации молодежи состоит в переходе к самодетерминации познания и поведения; дезинтеграция личного социального пространства при интеграции человеческого сообщества «всемирной паутиной» [9].

Динамичное развитие ИКТ актуализирует проблемы, связанные с адекватной времени социализацией личности молодых людей. Как указывает О.Н. Васильев, содержание процесса социализации молодежи «не исчерпывается формированием социальной установки, а включает в себя формирование у субъекта способности к выработке новых образцов социального действия на основе усвоенных социальных правил (ролей)» [10].

В силу того, что в информационном обществе современной молодежи приходится играть значительно больше социальных ролей, востребованными становятся:

– социально-психологические особенности личности, детерминированные не только традиционными моделями социализации, но и воздействием нетрадиционных моделей, связанных с

ИКТ и формированием информационной культуры личности (например, повышается значение таких личностных качеств, как стрессоустойчивость;

– мобильность мыслительных процессов; способность потреблять и перерабатывать разнообразную информацию, анализировать и творчески использовать ее в целях решения многообразных задач;

– способность критически оценивать чужое мнение и аргументированно выражать свою точку зрения и т.д.).

Таким образом, процесс социализации молодежи в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий и роста социальной значимости глобальной сети Интернет является сложным и противоречивым. Современное молодое поколение социализируется в качественно иных обстоятельствах по соотношению с предыдущими поколениями и необходимо, наряду с традиционными, искать инновационные формы социализации и подходы в развитии личностных качеств молодежи, востребованных в эпоху динамичного развития ИКТ.

Литература:

1. *Гафиатулина Н.Х.* Информационная сетевая среда как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Рачипа, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 23–27.
2. *Шимко С.В.* Сепцифика социализационных рисков в российском обществе : монография. Ростов-н/Д., 2012. 122 с.
3. *Gafiatulina N.Kh.* Integration of health-saving technologies in the process of educational and professional socialization of the Russian student-age population. International Journal of Applied Exercise Physiology / N.Kh. Gafiatulina, L.I. Makadei, I.V. Gluzman et al. 2019. Т. 8. № 2.1. С. 293–300.
4. *Брусенцева Д.М.* Модель противодействия освещению деятельности террористической организации в медиапространстве / Д.М. Брусенцева, Н.Х. Гафиатулина. Ростов-н/Д., 2018.
5. *Горшков М.К.* Российская молодежь: истоки и этапы социологического изучения / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М. : ЦСПиМ, 2010. С. 25.
6. *Шпрангер Э.* Психология юношеского возраста. М., 1931.
7. *Фельдштейн Д.И.* Психология развивающейся личности : Избр. психол. тр. М., 1996. 512 с.
8. *Дэвис Э.* Техногнозис: миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Екатеринбург, 2008. С. 418–419.
9. *Ивушкина В.О.* Социализация молодежи в условиях информационного общества // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1.

Literature:

1. *Gafiatulina N.Kh.* Information network environment as a factor of influence on the social health of Russian student youth / N.Kh. Gafiatulina, A.V. Rachipa, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 1. P. 23–27.
2. *Shimko S.V.* The Septicism of Socialization Risks in Russian Society : monograph. Rostov-n/D., 2012. 122 p.
3. *Gafiatulina N.Kh.* Integration of health-saving technologies in the process of educational and professional socialization of the Russian student-age population. International Journal of Applied Exercise Physiology / N.Kh. Gafiatulina, L.I. Makadei, I.V. Gluzman et al. 2019. Т. 8. № 2.1. С. 293–300.
4. *Brusentseva D.M.* A model for counteracting the coverage of a terrorist organization in the media / D.M. Brusentseva, N.Kh. Gafiatulina. Rostov-on/D., 2018.
5. *Gorshkov M.K.* Russian youth: the origins and stages of sociological study / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M. : TsSPiM, 2010. P. 25.
6. *Spranger E.* Psychology of adolescence. M., 1931.
7. *Feldstein D.I.* The Psychology of a Developing Person. M., 1996.
8. *Davis E.* Technognosis: myth, magic and mysticism in the information age. Ekaterinburg, 2008. P. 418–419.
9. *Ivushkina V.O.* Socialization of youth in the information society // Historical and socio-educational thought. 2012. № 1.

10. *Васильев О.Н.* Социализация личности в условиях формирования информационного общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Волгоград, 2000.

10. *Vasiliev O.N.* Socialization of personality in the formation of the information society : abstract. dis ... cand. Philos. Volgograd, 2000.

Гринь Максим Валентинович

доктор философских наук,
профессор кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
grin.m@kubsau.ru

Кулик Станислав Владимирович

аспирант кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина,
stas.k.44@mail.ru

**ГЛОБАЛЬНЫЙ КОСМОПОЛИТИЗМ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
КЛАССОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

Аннотация. Статья нацелена на определение проблематики и перспектив глобальных идеологических тенденций, через анализ их классовой и национальной проблематики. Авторы приходят к выводам, что мировое идеологическое пространство в некотором смысле поляризовано. Глобальные элитные группы, четко осознающие собственные коллективные интересы и цели, являются носителями идеологии глобального космополитизма, имеющего довольно умозрительную либеральную основу, и в целом враждебного в отношении национальных особенностей. Данное обстоятельство, плюс очевидно классовая ориентация глобального космополитизма, фактически лишает его реальной возможности завоевать статус планетарной идеологии, объединив сознание большинства людей. В то же время, глобальный космополитизм не имеет на сегодняшний момент сопоставимого политического конкурента именно в мировых масштабах. Избавленное от монополии идеологической триады духовное пространство заполняется множеством частичных или фрагментарных идеологий, часто оппонирующих между собой. Это работает на плюрализацию и эклектизацию идейной сферы, косвенным образом содействуя укреплению глобального космополитизма. Подобная ценностная неопределенность, по мнению авторов, может быть ликвидирована лишь в случае целенаправленных усилий государства как идеологического актора, в ходе формирования целостного мировоззрения, нацеленного на решение задач общенационального уровня.

Maksim V. Grin

Doctor of Philosophical Science,
Professor of the Department of Sociology
and Cultural Studies,
Kuban State Agricultural University
name of I.T. Trubilin
grin.m@kubsau.ru

Stanislav V. Kulik

Graduate student of the Department
of Sociology and Cultural Studies
Kuban State Agricultural University
name of I.T. Trubilin
stas.k.44@mail.ru

**GLOBAL COSMOPOLITISM
AT THE PRESENT STAGE:
CLASS AND NATIONAL RANGE
OF PROBLEMS**

Annotation. The article is devoted to determination of a range of problems and prospects of global ideological tendencies, through the analysis of their class and national range of problems. The authors have concluded that the world ideological space is polarized in a sense. The global elite groups clearly realizing their own collective interests and purposes, are carriers of the global cosmopolitanism ideology, having liberal basis which is speculative enough and, as a whole, hostile to national peculiarities. This circumstance and obvious class orientation of global cosmopolitanism, actually deprives it of real possibilities to win the status of planetary ideology, uniting consciousness of the majority of people. At the same time, global cosmopolitanism has for today no comparable political competitor on a global scale. Relieved of monopoly of an ideological triad the spiritual space is filled with numerous partial or fragmentary ideologies often opposing each other. It promotes pluralization and eclectization of ideological sphere, indirectly supporting global cosmopolitanism strengthening. Similar value uncertainty, according to the authors of the article, can be liquidated only in case of purposeful efforts of the state as an ideological actor, during formation of the complete world outlook for solution of national level tasks.

Ключевые слова: глобализация, идеология глобального космополитизма, «яппи-интернационал», идеологическая триада, государство, корпоративные и политические структуры, фрагментарные идеологии.

Keywords: globalization, ideology of global cosmopolitanism, «Yuppie-international», ideological triad, state, corporate and political structures, fragmentary ideologies.

Усиление процессов глобализации не оспаривается практически не одной из серьезных научных школ общественности. Другое дело, что собственно феномен глобализации получает различные описания своих источников и факторов, что обычно сильно коррелирует с оценкой данного явления. Так, либеральноориентированные ученые в целом являются апологетами глобализации, видя в ней результат стремительного технико-технологического прогресса. А вот неомарксистские направления – практически неизменно выступают как жесткие критики глобализации, констатируя ее капиталистический социально-экономический базис. Как бы то ни было, но господство ряда глобальных трендов есть объективный факт. В связи с этим актуализируются вопросы идеологического обеспечения мировых процессов, что и будет выступать предметом анализа в настоящей статье. Ее цель может быть определена как определение проблематики и перспектив идеологических тенденций, претендующих на глобальное выражение, через анализ их классовый и национальной проблематики. В этой связи планируется, во-первых, уточнение объективных предпосылок образования идеологии элитных групп международного социально-экономического пространства; во-вторых, анализ содержательного характера глобального космополитизма через призму национальной и классовый компоненты; в-третьих, определение возможного вектора его динамики.

В ходе жесткого идеологического противостояния со своими духовно-политическими оппонентами, длившегося на протяжении большей части двадцатого столетия (в силу этого прозванного «веком идеологий»), либерализм одержал безоговорочную победу, что обуславливалось комплекс объективных и субъективных причин [11]. Вполне логично, что глобальный мир выстроился по либеральным принципам. Британец Дж. Шварцмантель характеризует мировую идеологическую ситуацию как «противостояние неолиберализма и целого круга движений сопротивления, которые в некотором роде разделяют идеологию, для определения которой можно использовать очень неопределенный общий термин «анти-либерализм» [18, с. 248].

Социальное бытие закономерно предполагает наличие идеологических процессов глобального уровня (Е. Бабосов). Ряд известных ученых констатируют, что глобальные идентичности выходят на первые роли, оттесняя все прочие. Именно неолиберальный проект представляет собой ориентир для глобальных процессов. Однако сам по себе мировой неолиберализм не может считаться признанным мировым социальным большинством. Глобальный капитализм остро

нуждается в дополнительных средствах легитимации, в связи с чем пытается использовать идейные схемы, упирающие на ценности, выходящие за пределы «человека экономического». Здесь на помощь нередко приходят концептуальные разработки мыслителей, критикующих глобальный капитализм, но сохраняющих приверженность классическим либеральным ценностям.

Так, германский философ Ю. Хабермас считает, что на сегодняшний день национальные государства лишились «единого культурного субстрата», ранее обеспечивающего гражданское единство. В силу этого, им предлагается, отказавшись от ставки на национальную культуру и историю, сделать упор на некоторые универсальные ценности и конституционные права. Речь идет о концепции «конституционного патриотизма», консолидирующей индивидов по идеологическому признаку, но не по этнонациональной принадлежности. Конкретнее говорится о преданности либерально-демократическим ценностям, имеющим обечеловеческий (универсальный) смысл [18, с. 172–175].

Весьма схожий подход предлагается американцем Дж. Ролзом, известным автором теории социальной справедливости, а также концепции политического либерализма. Им признается объективный факт культурного плюрализма современности и предлагается поддержание сферы единства и согласия исключительно конституционными основами. Такая точка зрения явно сужена, поскольку отталкивается от идеи нейтральности либерального государства, занимающегося только обеспечением конституционного порядка, прав и свобод. Трудно отрицать, что в мировой научной среде поддерживается высокая популярность классических либерально-демократических идей. Но проблема в том, что классический либерализм все труднее согласовывается с реальной неолиберальной практикой.

Неолиберальная логика ведет к усилению мирового социально-экономического расслоения, закономерно формируя глобальный лидирующий класс («номенклатуру глобального капитала» по удачному выражению А. Бугалина и А. Колганова) [12, с. 310]. Сюда относятся ведущие предприниматели, политики, избранные представители культуры, а также другие успешные профессионалы, занятые в различных сферах (топ-менеджеры, финансисты, правозащитники, пиарщики и т.п.). Групповое сознание представителей этого «яппи-интернационала» (термин П. Бергера) [1, с. 11], есть смысл обозначить термином глобальный космополитизм.

Яппи-интернационал ведет схожий образ жизни, его представители регулярно ездят в разные

уголки земного шара, проводя в поездках от 25 до 60 % всего времени [15, с. 351]. Как правило, пункты их назначения – отнюдь не отсталые развивающиеся регионы, а крупные города, мегаполисы являющиеся торговыми и культурными центрами. Легко меняя места пребывания, членами этой группы тем не менее посещаются места не отличающиеся друг от друга – международные аэропорты, отели, офисы, наделенные стандартными удобствами для работы (электронная почта, факс и спутниковое телевидение) и досуга (обеденные и жилые комнаты в западном стиле) [15, с. 353]. Взаимодействие яппи-интернационала происходит с близкими по статусу лицами, то есть представителями той же глобальной сети. В подобных кругах, как правило, царит дружелюбие и атмосфера предсказуемости, общение идет на английском языке (за малым исключением), включая других неанглоязычных европейцев. С местными культурами и народами, куда командированы представители яппи-интернационала, они практически не взаимодействуют.

По мысли Дж. Хантера и Д.Йейтса, «глобализаторы живут в некоей искусственно созданной социокультурной оболочке, которой нет вообще никакого дела до того, что между национальными культурами имеются резкие различия» [15, с. 355]. В ходе их международной деятельности ими широко используются типичные либеральные категории, (типа «универсальных прав и потребностей»), применительно к различного рода явлениям [15, с. 357]. В глобализации яппи-интернационал закономерно видит, прежде всего гуманную сторону, а проблематика фактически ими сотворенного глобального мира возникает по причинам местных культурных особенностей и безответственности национальных правительств. Эти люди совершенно искренне верят в то, «что они и их работа способствуют нравственному совершенствованию» [15, с. 375].

Тем самым, природа глобального космополитизма, сама по себе, предполагает неизбежный разрыв с культурными традициями. Это неслучайно, поскольку после мировой победы капитализма либеральная идеология закономерным образом приобретает все более абстрактный смысл, выдвигая на первый план «человека рыночного» и «человека потребляющего», при этом вынося за скобки национально-культурные факторы. Рост умозрительности неолиберального глобализма происходит вследствие попыток духовного охвата мировой капиталистической экономики, вовлекающей большинство стран мира. Отсюда следует стремление преодолеть влияние национальных культурных факторов. В итоге, глобальные ценности приобретают «расплывчатый» вид с претензией на «общечеловеческий» статус. Духовной базой глобализма выступают привычные постулаты рынка, демократии, прав человека, которые сильно удалены от реальности. С точки зрения А. Чеснокова, идеология глобализма есть рафинированные идеологии либерализма и имеют скорее теоретическое, чем практическое присутствие [17].

Мы склонны полагать, что преодоление влияния традиции кроется не только в умозрительности идейной системы глобального космополитизма. Здесь ощутимо влияние многочисленных влиятельных социальных институтов, реализующих политкорректные идеи и принципы ювенальной юстиции на практике. Несомненно, влияние логики глобального капитализма, заинтересованного в максимальной атомизации индивидов, что существенно повышает степень управляемости общества. Лишенный влияния традиционных связей и ценностей через институты семьи и образования, индивид, становится куда более подверженным информационным манипуляциям в политическом или экономическом ключе.

При этом упомянутые попытки дискредитации затрагивают не только незападные культуры, но также элементы европейской традиции (Дж. Грэй, А. де Бенуа). Помимо этого, ряд весомых классических либеральных идеологов («равенство перед законом», «права человека»), сыгравшие значительную роль в исторической борьбе против абсолютизма, на сегодняшний момент приходят в противоречие с реальностью глобального капитализма. Об этом говорят неоднократные случаи двойных стандартов западных информационно-идеологических субъектов, на что указывают даже западные эксперты Дж. Кьеца, Д. Мэтлок, Г. Меттан, П. Робертс и др.

Каковы же перспективы идеологии глобального космополитизма на современном этапе?

Очевидно, что дальнейшая реализация неолиберального проекта на мировом уровне приведет к столкновению с рядом классических либеральных ценностей, что приведет неолиберализм к ситуации самоотрицания. В этом плане, имеет смысл упомянуть о тех же правах человека и равенстве перед законом. Тем не менее, именно либеральный идейный костяк по-прежнему применим для обоснования капиталистической глобализации. Политолог Дж. Шварцмантель констатирует своего рода оскопление классического либерализма [18, с. 101]. В основе современной версии либерализма лежит антропологический синтез «человека экономического» и «человека потребляющего», тогда как либеральные гуманистические ценности все сильнее вытесняются, хотя и остаются привлекательными для многих людей из разных стран. По данному поводу в рассуждениях ряда приверженцев классического либерализма (Д. Роткопф, Ю. Хабермас, Е. Морозов) просматривается очевидная тревога.

По мнению Дж. Шварцмантеля, слабое место глобальной идеологии заключается в том, что данные идеи «не обращаются к «корням» и «почве», отвергая признание конкретной культуры, а потому не в силах реально и надолго объединить большую часть граждан. Абстрактный космополитизм наделен ограниченной институциональной ценностью в современных условиях. Названная идеология употребляется интеллектуалами, не будучи способной «обеспечить эмо-

циональный отклик», необходимый для массовой мобилизации [18, с. 179–180]. Как нам кажется, британский политолог точно улавливает слабое место глобального космополитизма – фактическое отсутствие привязки к этнонациональной «почве». В то время, как последняя продолжает проявлять существенную роль даже среди тех же преуспевающих европейцев. Так, жители Германии склоняются больше к идее Европы, нежели безоговорочно принимают англосаксонские глобальные универсалии, отстаивая при этом собственное видение глобализации [5, с. 147–148].

Однако трудности космополитического мировоззрения не объяснимы только лишь «отрывом от почвы». Никуда не девается его очевидная классовая сущность, на что указывает тот факт, что носителями идеологии глобального космополитизма выступают преуспевающие на сегодняшний момент группы – представители директората, политики, корпоративный топ-менеджмент и т.д. Классовый характер этой идеологии обосновывается неолиберальными положениями, в связи с чем, ей трудно реально привлечь большинство человечества.

Тем не менее, в контексте противодействия с другими ценностными системами обнаруживаются политические преимущества глобального космополитизма, субъектами которого выступают группы, четко осознающие свои цели и интересы, (то есть являющиеся и «классом в себе» и «классом для себя»). Все остальное идеологическое пространство очень разнообразно и пестро, а некоторые авторы (Б.Ю. Кагарлицкий) безуспешно доказывают латентную интегрированность радикалов-альтернативщиков в буржуазную систему [3], о чем те могут не догадываться. Разобщенность идейных движений, идентифицирующих себя как, антикапиталистические, снимает вопрос о действительно возможном проекте-альтернативе.

Идеологический плюрализм следует трактовать как отражение неоднородного «текущего» (по определению З. Баумана) социума. Культурно-духовное разнообразие приобретает самые различные формы, в зависимости от ситуации или даже от конкретного индивида. Множественность фрагментарных идеологий различного содержания естественным образом ведет к духовному эклектизму, подвергающему общественное сознание деформации и усиливающему неопределенность его смыслов. В значительной степени отражает это актуализирующаяся проблема идентичности, а также все более распространенное явление «кентавризации» (Ж.Т. Тощенко). Первое выступает предметом рассуждений многих известных исследователей (З. Бауман, Дж. Шварцмантель, М. Кастельс, Н. Федотова и др.), которые сходятся во мнении о том, что идентичность может без особых проблем возникнуть на основе любых характеристик в условиях институциональной делегитимации, приобретаемая любой, даже самый негативный вид.

Суть кентавризма основательно описана в трудах Ж. Тощенко и, в общем, и целом представ-

ляет состояние сознания, где отражается сочетание несочетаемого [13]. Социальный кентавризм имеет очевидную тенденцию к возрастанию в период социальных деформаций, нестабильности, рассогласования социальных связей. В современных условиях кардинальных социальных изменений кентавризм, «в определенной степени, становится нормой, характерной для сознания и поведения людей» [14]. Здесь можно указать на разрыв между теоретическими представлениями и реальностью, отвержение прошлого опыта, смешение идеологии и науки, шизофренизацию сознания, эклектичное смешение принципиально различных мировоззрений, отход здравого смысла на второй план и т.п. Кентавр-идеи проявляются на макроуровне («гуманитарные бомбардировки» Югославии), в групповом или личном масштабе. Кентавризм идентичностей можно констатировать в том случае, когда конкретный индивид сочетает противоположные статусы – например, является представителем официальных властей, одновременно, будучи криминальным авторитетом.

В итоге анализа вышеназванных процессов констатируется разрушение ценностной иерархии, определяющей контуры социального мировоззрения. Р. Соколова и В. Спиридонова пишут, что «вызов, который индивидуализм бросает обществу, не должен переходить за рамки, определяющие возможность выживания самого общества» [10, с. 222]. Тем не менее, сейчас возникает похожая ситуация и на глобальном уровне. Деформация ценностей представляется нам в следующих моментах.

1) Вырождение политических элит, прежде всего, в моральном ключе. Это явление имело место и ранее, однако, в современном мире приобрело столь масштабный глобальный характер. Западные ученые и публицисты (К. Крауч, К. Лэш и др.) определяют в качестве главных причин – выхолащивание демократии, работающей на элиты, а не на общество, а также – взаимное слияние корпоративных и политических структур.

2) Тенденции тотальной культурной массовизации, отражающие характерную для постмодерна моральную релятивизацию. При этом данное явление затрагивает и политические сферы. В силу фактического снижения (если не снятия) планки запретов на потребление происходит размывание сферы интима и культурная деградация. В этом плане ярким примером служит порно-культура, ставшая официальной частью шоу-бизнеса.

Отсюда вполне целесообразно говорить о факте аномизации и ценностной неопределенности для большей части мирового социума. Более или менее устойчивы в ценностном плане представители яппи-интернационала – выигравшей от глобализации группы, являющейся носителем классовой идеологии глобального космополитизма. Другие группы, обладающие более или менее идеологической устойчивостью, обычно немногочисленны, изолированы от властных рычагов, фрагментарны и не консолидированы между собой.

Вопрос о перспективах преодоления анонимизации некоторые известные авторы стремятся решить посредством ставки на участие тех или иных социальных институтов. Например, исследователь США Д. Роткопф считает необходимым действовать в направлении формирования глобальных политических структур, устанавливающих рамки для международного капитала [9, с. 140]. Англичанин К. Крауч всерьез надеется на социальную ответственность крупных компаний, уже мало рассчитывая на национальные правительства. В его видении это будет являть переход «от нерегулируемого приватизированного кейнсианства к саморегулируемому приватизированному кейнсианству» [6].

В несколько ином направлении строит рассуждения другой британский исследователь Дж. Шварцмантель, заявляя об образовании новой идеологии. С его точки зрения, идеологическую триаду рано сбрасывать со счетов, но он предлагает синтезировать классические идеологии с молекулярными (частичными) идеологиями, делающими ставку на узкую социальную конкретику. Тем самым, старые и новые идеологии нуждаются друг в друге и могут взаимодополняться. Первые настроены на масштабный социальный охват, порой, недооценивая значение более узкой проблематики, тогда как вторые, упирают на специфическую область общественной практики, не дотягивая до обобщенного политического уровня. Дж. Шварцмантель предлагает некую модернизацию традиционных идеологий, включая в них элементы частичных мировоззрений. В итоге, образуется, своего рода, контр-идеология, активно противодействующая неолиберализму. По его мнению, нечто подобное уже имеет место в зародышевом состоянии и в перспективе может выйти на политический уровень [18, с. 283].

С нашей точки зрения, предположения названного автора несколько поспешны. Идея мировоззренческого синтеза – очень здравая, однако, уязвимым местом здесь выступает отсутствие субъекта, который сможет реализовать такого рода синтез. Как нам представляется, в этом плане возможна ставка на национальные государства, что расходится с упомянутыми позициями Д. Роткопфа и К. Крауча. Однако мы руководствуемся следующими соображениями.

Во-первых, собственно природа государства предполагает заботу о национальных общественных потребностях, что закладывает некую составляющую ответственности и морали. На это указывает К. Крауч, когда характеризует отличия корпоративных и государственных структур [6]. Во-вторых, реально сопротивляться про-

цессам глобализации по силам только структуре государственного масштаба, что также указывается в ряде работ [3]. И, в-третьих, прецеденты худо-бедно успешного сопротивления глобальному капитализму со стороны национальных государств, все же, имеются, пусть это только фрагментарные случаи и их немного, в этой связи можно назвать Беларусь, а также некоторые латиноамериканские страны (Венесуэла, Боливия).

Нам представляется, что с помощью определенной государственной политики возможно преодоление анонимизации, формирование у социального большинства граждан относительно целостного мировоззрения на базе общенациональных стратегий и задач. По сути, здесь речь идет о запуске процессов формирования национальной государственной идеологии, что предполагает обязательное участие как почвеннических элементов (национальный миф), так и идей социальной справедливости (классовый миф). В той или иной степени, в государственных идеологических построениях должна быть решена также проблема индивидуализма.

В заключении можно констатировать, что мировое идеологическое пространство в некотором смысле поляризовано. Глобальные элитные группы, четко осознающие собственные коллективные интересы и цели, соответственно, более едины в плане мировоззрения. Их идеологией является глобальный космополитизм, опирающийся на довольно умозрительные либеральные тезисы, и в целом враждебный в отношении национальных особенностей. Данное обстоятельство, плюс очевидно классовая ориентация глобального космополитизма, фактически блокирует для него возможности завоевать статус планетарной идеологии, объединив сознание большинства людей.

В то же время, глобальный космополитизм не имеет на сегодняшний момент сопоставимого политического конкурента именно в мировых масштабах. Избавленное от монополии идеологической триады духовное пространство заполняется множеством фрагментарных (частичных) идеологий, часто оппонированных между собой. Это работает на плюрализацию и эклектизацию сферы идей, косвенным образом содействуя укреплению глобального космополитизма. И такая ценностная неопределенность имеет шанс быть преодоленной только в случае целенаправленных усилий государства в качестве идеологического актора, в ходе формирования целостного мировоззрения нацеленного на решение общенациональной стратегии.

Литература:

1. Бергер П. Культурная динамика глобализации / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М.: Аспект-Пресс, 2004. С. 8–26.

Literature:

1. Berger P. Cultural dynamics of globalization / under the ed. of P. Berger and S. Huntington // The many faces of globalization. Cultural diversity in the modern world. M.: Aspect Press, 2004. P. 8–26.

2. *Бобков Ф.Д.* Современный глобальный капитализм / Ф.Д. Бобков, Е.Ф. Иванов, А.Л. Свечников, С.П. Чаплинский. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 351 с.
3. *Кагарлицкий Б.Ю.* Между классом и дискурсом. Левые интеллектуалы на страже капитализма. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 280 с.
4. *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
5. *Кельнер Х.* Культурная глобализация в Германии / Х. Кельнер, Х-Г. Зофнер; Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М. : Аспект-Пресс, 2004. С. 131–158.
6. *Крауч К.* Что последует за упадком приватизированного кейнсианства?. Постдемократия. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 161–185.
7. *Кузнецов В.Н.* Социология идеологии. М. МГУ, 2007. 403 с.
8. *Морозов Е.* Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М. : Издательство Corpus, 2014. 528 с.
9. *Роткопф Д.* Суперкласс. Те, кто правит миром. М. : Центр Полиграф, 2010. 475 с.
10. *Соколова Р.И.* Государство в современном мире / Р.И. Соколова, В.И. Спиридонова. М. : ИФРАН, 2003. С. 253.
11. *Тамбиянц Ю.Г.* Почему побеждает либерализм.: Осмысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии. Ростов-н/Д. : Издательство АПСН СКНЦ ВШ, 2006. 395 с.
12. *Тамбиянц Ю.Г.* Современная общественная динамика: теория и практика / Ю.Г. Тамбиянц, М.В. Гринь, В.В. Кулинченко. Краснодар : КГАУ, 2014. 448 с.
13. *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 3–12.
14. *Тощенко Ж.Т.* Кентавр-проблема в познавательной и преобразующей деятельности человека // Социологические исследования. 2005. № 6. С. 3–14.
15. *Хантер Дж.Д.* Мир американских глобализаторов / Дж.Д. Хантер, Д. Йейтс; Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. М. : Аспект-Пресс, 2004. С. 341–377.
16. *Хорина Г.П.* Глобализм как идеология // Глобализация и гуманитарное знание 2005. № 1. С. 71–78.
2. *Bobkov F.D.* Modern global capitalism / F.D. Bobkov, E.F. Ivanov, A.L. Svechnikov, S.P. Chaplinsky. M. : OLMA-PRESS, 2003. 351 p.
3. *Kagarlitsky B.Yu.* Between class and discourse. Leftist intellectuals on guard of capitalism. M. : Publishing. House of the Higher School of Economics, 2017. 280 p.
4. *Castells M.* Information era. Economics, society and culture. M. : HSE, 2000. 608 p.
5. *Kölner H.* Cultural globalization in Germany / H. Kölner, H-G. Zofner; Ed. P. Berger and S. Huntington // The Many Faces of Globalization. Cultural Diversity in the Modern World. M. : Aspect-Press, 2004. P. 131–158.
6. *Crouch K.* What will follow the decline of privatized Keynesianism? / Crouch K. Post-Democracy. M. : Publishing. house of state. University – Higher School of Economics, 2010. P. 161–185.
7. *Kuznetsov V.N.* Sociology of ideology. Moscow State University, 2007. 403 p.
8. *Morozov E.* Internet as an illusion. Reverse side of the network. M. : Corpus Publishing, 2014. 528 p.
9. *Rothkopf D.* Superclass. Those who rule the world. M. : Center Polygraph, 2010. 475 p.
10. *Sokolova R.I.* State in the modern world / R.I. Sokolova, V.I. Spiridonova. M. : IFRAN, 2003. P. 253
11. *Tambiyants Yu.G.* Why liberalism wins :. Understanding the mechanisms of interaction between ideology and social hierarchy. Rostov-on/D. : APSN Publishing House SKNTS VS, 2006. 395 p.
12. *Tambiyants Yu.G.* Modern social dynamics: theory and practice / Yu.G. Tambiyants, M.V. Grin, V.V. Kulinchenko. Krasnodar : KGAU, 2014. 448 p.
13. *Toshchenko Zh.T.* Centaur-ideas as a deformation of public consciousness // Sociological studies. 2011. № 12. P. 3–12.
14. *Toshchenko Zh.T.* The centaur problem in the cognitive and transformative activities of man // Sociological studies. 2005. № 6. P. 3–14.
15. *Hunter J.D.* World of American globalizers / J.D. Hunter, D.Yates; Ed. P. Berger and S. Huntington // The Many Faces of Globalization. Cultural Diversity in the Modern World. M. : Aspect-Press, 2004. P. 341–377.
16. *Khorina G.P.* Globalism as an ideology // Globalization and humanitarian knowledge. 2005. № 1. P. 71–78.

17. *Чесноков А.* Роль идеологии в условиях глобализации // Космополис. 2007. № 16. URL : <http://www.intelros.ru/index.php?newsid=349> (дата обращения 07.12.2014).

18. *Шварцмантель Дж.* Идеология и политика. Харьков : Изд-во Гуманитарный центр, 2009. 312 с.

17. *Chesnokov A.* The role of ideology in the context of globalization // Cosmopolis. 2007. № 16. URL : <http://www.intelros.ru/index.php?Newsid=349> (accessed 07.12.2014).

18. *Schwarzmantel J.* Ideology and politics. Kharkov : Publishing House of the Humanitarian Center, 2009. 312 p.

Дагаев Рашид Рамазанович
старший преподаватель кафедры теории
и технологии социальной работы,
Чеченский государственный университет»
rashdagaev@gmail.com

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ В КРУГУ СЕМЬИ

Аннотация. В статье подробно рассматривается и анализируется развитие личности, ее формирование с раннего детства в семье. Также, автором исследуется роль родителей при формировании социально значимых качеств у детей. Рассматриваются и сопоставляются основные взгляды, связанные с этапами развития ребенка и его психологических качеств, в трудах: И.А. Ильина, И. Канта, Э. Эриксона, К.А. Гельвеция и Э. Роу. Проводится анализ видов воспитания и развития ребенка, и дается характеристика каждому из них. Данная тема актуальна в среде таких научных дисциплин, как педагогика, социология и этика.

Ключевые слова: семья; девиантное поведение; воспитание; дети; родители; возраст; родительский контроль; дисциплина; интерес; психологические потребности.

Семья – это основной институт становления человека, и значение семейной педагогики для формирования личности чрезвычайно высоко. Нравственное, физическое и даже умственное совершенствование человека во многом зависит от того, как он формируется в семье. В семье происходит первичная социализация.

Как говорил И.А. Ильин, семья – это первичное лоно человеческой культуры [3]. Мы знаем с вами, что семья – это ячейка общества, так как она в миниатюре воспроизводит всю систему общественных отношений. Следовательно, там должны иметь место образовательные отношения, то есть воспитание, обучение. Важнейшие ее социальные функции – это деторождение, воспитание и обучение (первичная социализация, подготовка к будущей жизни в обществе).

Подлинная миссия семьи – воспитание детей. Родители продолжают жить в детях. Таким образом, рождение ребенка имеет непреходящее значение, как для человека, дающего жизнь, так и для того, кому дается эта жизнь. Еще И. Кант говорил об общем долге родителей перед ребенком, из которого проистекает их ответственность растить и поддерживать его до тех пор, пока он сам не сможет делать этого [4, с. 59].

Rashid R. Dagayev
Senior Lecturer
Department of Social Work Theory
and Technology,
Chechen State University
rashdagaev@gmail.com

SOCIALIZATION OF INDIVIDUAL PERSONALITY FEATURES IN THE FAMILY CIRCLE

Annotation. This article examines and analyzes in detail the development of personality, its formation from early childhood in the family. The role of parents in the formation of socially significant qualities in children is also investigated. The main views associated with the stages of development of the child and his psychological qualities in the works are examined and compared: I.A. Ilyin, I. Kant, E. Erickson, K.A. Helvetius and E. Rowe. The analysis of the types of upbringing and development of the child is carried out, and each of them is characterized. This topic is relevant among such scientific disciplines as pedagogy, sociology and ethics.

Keywords: family; deviant behavior; education; children; parents; age; parental control; discipline; interest; psychological needs.

Воспитательный потенциал многодетных семей имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, очень хорошо, когда много детей. Здесь нет почвы для формирования эгоизма. В большой семье у детей успешно формируются такие качества, как ответственность, толерантность, чуткость, самостоятельность. Кроме того, дети здесь растут трудолюбивыми, умеют много делать. С другой стороны, ребенок в многодетной семье остро ощущает дефицит персонального тепла и внимания. Отсюда у таких детей часто растет тревожность, чувство ущербности, что нередко ведет к агрессии.

Воспитание же одного ребенка, что сейчас распространено в массовом порядке в нашем обществе, есть гораздо более трудная задача, чем воспитание нескольких детей. Единственный ребенок становится центром семьи, поэтому любовь к нему отличается нервозностью родителей, которая практически всю жизнь преследует их. Волей-неволей в таких семьях подпитывается эгоизм. Лучший вариант, когда в семье несколько детей (два или три) с минимальной разницей год, или два-три. В этом случае родительская забота распределяется равномерно между детьми. Такой ребенок с малых лет привыкает к коллективу, приобретает опыт взаимной любви и

дружбы. Да и потом во взрослом состоянии он уже не останется одинок.

Клод Гельвеций в книге «О человеке» говорит о том, что воспитывает в семье и в доме все, все окружающие предметы. Вместе с тем, когда воспитывается несколько детей, то это воспитание, как правило, единообразное в силу постоянства стиля семейной жизни [1, с. 29]. Он строит свою теорию на системе оппозиций, которая характерна для подростковой идентификации. Для грудного возраста это оппозиция доверие – недоверие, 1–2 года – автономия – сомнение, 3–5 лет – инициатива – чувство вины, 6–11 лет – трудолюбие – неполноценность, 12–18 лет – идентификация – диффузия, начало взрослости – интимность – одиночество, средний возраст – творческая активность – застой, старость – умиротворение – отчаяние [11, с. 37–38].

В жизни человека существует, так называемый, критический возраст. Первый критический возраст наступает, где-то, от 3 до 5 лет, это возраст становления пола. Второй – это пубертатный возраст, он самый проблемный. Это связано с интенсивными гормональными физиологическими изменениями, происходящими в организме человека. Они провоцируют бурную психическую динамику, человек не может справиться с собой. В этом возрасте происходит эмоциональная, поведенческая эмансипация от родителей, ребенок добивается расширения своих прав, предъявляет завышенные требования к своим родителям. Чем старше ребенок, тем вероятнее, что идеалы он черпает из более широкого окружения. Здесь надо уметь не давить на подростка, умерить воспитательный пыл, быть ненавязчивым, но, не отпуская контроля. Третий критический возраст это где-то 40–43 года, время переоценки ценностей. Все, что было задумано, к этому возрасту было реализовано [11, с. 39].

По мнению многих педагогов, лучшей средой воспитания является атмосфера семейной любви, что должно быть основой семейного быта. Эрих Фромм отмечает, что мать всегда любит своего ребенка за то, что он есть. Конечно, любовь в семье должна быть размеренной, разумной, а не слепой. Она должна сочетаться с требовательностью, дисциплинированностью и контролем [10, с. 79].

Есть различные виды родительского контроля и стилей семейного воспитания. Выделяют авторитарный, попустительский и демократический стили родительского контроля. Различные стили ведут к тому, что у детей может быть либо высокая активность, самостоятельность, инициативность, либо пассивность, зависимость, подчиненность.

Когда мы говорим о руководстве в семье, то нужно иметь в виду, кто получает решающий голос в семье. Лучше всего если это будет папа. Демократические семьи предполагают свободу самопроявления, для этого ни один из родителей не должен подчеркивать, что он единоличный и непререкаемый глава семьи. Также, не должны заводиться ссоры при детях. Американ-

ский психолог – Энн Роу, утверждает, что тип взаимоотношений ребенка с родителями формирует и будущие профессиональные ориентации личности, профессиональные интересы, склонности и специальные способности. Он доказывает, что теплые отношения между ребенком и родителями предопределяют выбор профессии, которая связана с общением [8, с. 95].

Важно формировать самостоятельность детей. Опека не значит контролирование каждого шага своего ребенка, потому что жесткое контролирование это, по сути, натуральная агрессия в отношении ребенка. Отсюда возникает упрямство, капризность.

Очень важно заложить основы духовности человека, поэтому необходимо постоянно беседовать с ребенком обо всех проблемах, помогать ему во всех школьных делах. Значительная роль в этом принадлежит игрушкам. Игрушка – это материальный предмет (или деятельность, если речь идет об игре), который содержит в себе некий знак. По мнению многих педагогов, лучшей средой воспитания является атмосфера семейной любви, что должно быть основой семейного быта.

Девиантное поведение (от латинского «*deviatio*») означает отклонение. Соответственно, под девиантным поведением понимается поведение субъекта, отклоняющегося от нормы. Наиболее пристальное изучение девиаций началось в конце 19 века, когда исследователи пытались выяснить их причины. Первое объяснение девиации было предложено Эмилем Дюркгеймом, который считал, что сложившиеся в обществе социальные нормы обычно усваиваются людьми и определяют их поведение. Но возникающий в обществе кризис, какие-то радикальные изменения приводят к разрушению сложившихся норм. И это явление Эмил Дюркгейм назвал аномией (отсутствие организации, закона), что можно перевести как дезорганизация, болезнь общества [2, с. 49].

Девиантное поведение всегда носит конкретно-исторический характер. Выделяют следующие формы отклоняющегося поведения: антидисциплинарная, антисоциальная, делинквентная (криминальная), аутоагрессивная (аутодеструктивная).

Некоторые ученые считают, что на девиантное поведение личности влияет исключительно генетический фактор. Конечно, игнорировать, а тем более, отрицать роль генетического фактора никак нельзя. От социальных связей, воспитания, обучения зависит то, как пройдет процесс формирования и развития ребенка. Если мы способны к обучению, то все здесь зависит от того, чему мы научимся, что в свою очередь определяется существующими социальными условиями. Те же самые задатки, которые позволяют ребенку при благоприятных социальных условиях расти добрым и нравственным, в криминальной среде, если он попадет в нее, могут сделать его преступником. Весь вопрос в том, чему и как он будет учиться. Причинами агрес-

сивности могут быть: стремление привлечь к себе внимание, ущемление достоинств другого,

Литература:

1. *Гельвеций К.А.* О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938. С. 27–35.
2. *Дюркгейм Э.* Воспитание и социология. 1922. С. 47–55.
3. *Ильин Ю.Т.* Лисица // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. 2816 с.
4. *Кант И.* Лекции по этике. Серия: Библиотека этической мысли. Изд-во : Республика. М., 2005. С. 57–75.
5. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Серия: Классическая философская мысль. Изд-во: Мысль. М., 2001. С. 32–48.
6. *Коген Г.* Теория опыта Канта / Г. Коген; Пер. с нем. В.Н. Белова. М. : Академический Проект, 2012. С. 78–90.
7. *Леденева Е.В.* Кант: говорить правду (кантовское учение о долге и экзистенциалистская этика). «CREDO NEW». 2017. № 2(90). С. 43–53.
8. *Роу Э.* Психология: Биографический библиографический словарь / Э. Роу; Под ред. Н. Шихи, Э.Дж. Чепмана, У.А. Конроя. СПб. : Евразия, 1999. С. 90–103.
9. *Судаков А.К.* Категорический императив // Новая философская энциклопедия : в 4-х томах. Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. 2-ое издание, испр. и допол. М. : Мысль, 2010. С. 93–113.
10. *Фромм Э.* Социально-психологическая часть / Э. Фромм; Под ред. М. Хоркхаймера. // Исследования авторитета и семьи. Отчёт об исследованиях Института Социальных Исследований Париж, 1936. С. 77–135.
11. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон; Пер. с англ.; Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М. : Прогресс. 1996. С. 33–38.

защита от нападения, стремление занять первое место и так далее.

Literature:

1. *Gelvetius K.A.* About man, his mental spocathedrals and his upbringing. M., 1938. P. 27–35.
2. *Durkheim E.* Education and Sociology. 1922. P. 47–55.
3. *Ilin Y.T.* Lisica // New Philosophical encyclopedia: in 4 tons / pre. scientific and editorial council. V.S. Stöpin Council. 2nd ed., used and added. M. : Thought, 2010. 2816 p.
4. *Kant I.* Lectures on Ethics. Series: Library of Ethical Thought. Publishing house : Republic. M, 2005. P. 57–75.
5. *Kant I.* Foundations of metaphysics of morality. Series: Classical philosophical thought. Publishing house: Thought. M, 2001. P. 32–48.
6. *Kogen G.* Theory of experience of Kant / G. Kogen experience theory; Lane With Mr. V.N. Belova. M. : Academic Project, 2012. P. 78–90.
7. *Ledeneva E.V.* Kant: to tell the truth (Kantov-th teaching about debt and existentialist this-ka). «CREDO NEW». 2017. № 2(90). P. 43–53.
8. *Rou E.* Psychology: Biographical Bibliogra-Phic Dictionary / E. Rou; Under ed. N. Shihi, E.J. Chapman, W.A. Conroy. SPb.: Eurasia, 1999. P. 90–103.
9. *Sudakov A.K.* Categorical Imperative // New Philosophical Encyclopedia : in 4 volumes. Chair-man of the Scientific and Editorial Council V.S. Stepin. 2nd edition, used and completed. M. : Thought, 2010. P. 93–113
10. *Fromm E.* Socio-Psychological Part / Under ed. M. Horkheimer // Studies of Authority and Family. Research report of the Institute of Social Research. Paris, 1936. P. 77–135.
11. *Erickson E.* Identity: Youth and Crisis / E. Erickson; Lane with English; Society. ed. and Prelist. A.V. Tolstykh. M. : Progress. 1996. P. 33–38

Демонова Ярославна Олеговна
аспирантка факультета истории,
социологии и международных отношений,
Кубанский государственный университет
demonova.y.o@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОЦЕССОВ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС ВОПРОСА

Аннотация. В данной статье рассматривается научная дискуссия по теме такого явления в современном обществе, как прекариат. Автором представлена ретроспектива концептуализации неустойчивой занятости и процессов разрушения традиционной модели системы наемного труда. Также, в статье рассмотрена проблематика гендерного аспекта труда, процессов феминизации занятости и изменение модели семейной заработной платы. Отдельное внимание уделяется проблеме найма и труда мигрантов. Проводится теоретический анализ процессов трансформации прекариатизации занятости в странах Глобального Юга.

Ключевые слова: прекариат, прекариатизация занятости, феминизация труда, неформальное трудоустройство.

Экскурс в историю наемного труда позволит разобраться в вопросе трансформации прекариатизации занятости. Историческое обозрение дает возможность выделить временной период зарождения нового класса и проанализировать его формирование через встраивание в него разнородных групп, отмеченных социальными ярлыками.

Периоды истории развития трудовых отношений, в которых была распространена неустойчивая занятость, значительно отличаются друг от друга. Ранний этап формирования и развития отношений имеет свою специфику, которая выражается в том, что наемный труд еще не стал ядром общественной системы, им не была охвачена большая часть трудоспособного населения, он не был единственным источником дохода, не служил основой самоидентификации и показателем социального статуса. Это доказывает, что прекариат был сформирован как класс в результате разрушения социально-устаревшей модели трудовых отношений. Появление нового класса ознаменовало новый этап в истории наемного труда. В новую модель стабильных перспективных трудовых отношений, находящихся в центре системы полной долгосрочной занятости, было вовлечено большинство трудоспособного населения. Но это вовсе не значит, что другие формы занятости упраздняются. Остаются сезонные, кратковременные, случайные виды ра-

Yaroslavna O. Demonova
Postgraduate Department of History,
Sociology and International Relations,
Kuban State University
demonova.y.o@gmail.com

TRANSFORMATION PROCESSES PRECARIATIZATION EMPLOYMENT. HISTORICAL BACKGROUND

Annotation. This article discusses the scientific discussion on the topic of such a phenomenon in modern society as the precariat. The author presents a retrospective of the conceptualization of unstable employment and the processes of destruction of the traditional model of the wage labor system. The article also considers the problems of the gender aspect of labor, the processes of feminization of employment and changes in the model of family wages. Special attention is paid to the problem of recruitment and labour of migrants. The theoretical analysis of the processes of transformation of precariatization of employment in the countries of the Global South is carried out.

Keywords: precariat, prioritatio employment, feminization of labour, informal employment.

бот, в них вовлекаются мигранты и женщины. Трудовое положение этих групп населения напрямую связано с отсутствием гражданства и гендерным контрактом. Под контрактом гендерного плана понимается деление трудовых обязанностей по признаку принадлежности к тому или иному полу: женщины выполняют низкооплачиваемую работу, а мужчины – высокооплачиваемую. У женщин – другая ролевая функция: они отвечают за социальное воспроизводство населения, а мужчины – исторически – за материальное благополучие клана посредством семейной заработной платы высокого уровня. Концепция стандартной занятости в одной из своих частей базируется на семейной заработной плате. Часто мужчины работали продолжительное время у одного и того же работодателя вплоть до выхода на пенсию, женщины же работали, как правило, временно до момента вступления в брак, а потом были вытеснены из области оплачиваемого наемного труда и выполняли неоплачиваемую домашнюю работу [4].

Вторая половина XX века изменила многое в социальной жизни общества, в том числе модель семейной заработной платы. Модель морально устарела и перестала быть доминирующей. Но, несмотря на устранение брачных барьеров и внедрение системы минимальных стандартов занятости, женщины все еще достаточно часто занимали нестандартные рабочие места (и

занимают до настоящего времени). Причина этого явления кроется в том, что равенство между мужчиной и женщиной в сфере труда является формальным и установлено оно было на фоне ухудшения норм занятости и параллельно с феминизацией экономики. Процесс феминизации труда уникален. Все присущие личной и профессиональной жизни женщины черты, а именно: значительная степень адаптации, умение эффективно работать в плоскости многозадачности, гибкость мышления, успешное выполнение одновременно множества социальных ролей (хозяйки дома, матери, супруги) распространяются на сферу занятости и, что характерно, затрагивают не только женщин, но и мужчин [7]. Есть важные аспекты так называемого «женского опыта», которые лежат в русле развития тенденций прекариатизации и уже стали частью онтологического опыта мужчин, находящихся в прекариате. Заметим, что гендерная принадлежность по-прежнему остается одним из важных факторов, оказывающим влияние на прекариатизацию [1]. Пограничное положение, занимаемое представителями ряда отдельных социальных групп, распространяется на большое количество наемных работников, причем, и в рамках трудового рынка и за его границами. Первыми членами нового класса – прекариата, составляющими значительную его часть, являются женщины, мигранты и этнические меньшинства. Такое положение объясняется следующим образом: неустойчивый характер занятости, по исторически сложившейся традиции, был закреплен за этими социальными группами, они всегда входили в «группу риска» [5].

В своей работе «Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда» Р. Кастель изложил историю и теорию наемного труда [2]. Автор справедливо замечает, что общество, использующее наемный труд, формируется в ходе индустриализации, при этом на первоначальном ее этапе отношения между работодателями и работниками носили нестабильный характер. Рабочие, как правило, были лишены правовых гарантий, уровень вознаграждения, назначенного работодателем за труд, был крайне низок, все это приводило работников к необходимости частой смены места работы с целью увеличения платы за труд. Закономерно было то, что периоды занятости все время чередовались с периодами вынужденной безработицы. Назрела необходимость поэтапного перехода к трудовым отношениям нового формата. Это было обусловлено несколькими факторами:

– было проведено разделение между постоянной и временной занятостью (краткосрочная занятость справедливо названа препятствием на пути к рационализации рынка труда);

– сформирован график рабочего времени; обеспечен доступ рабочих к массовому потреблению, что стало возможно увеличению вознаграждения за труд; положения трудового права распространяются на новый социальный субъект – рабочего.

Научная дискуссия о прекариате как отдельном классе набирает обороты и еще одно ее направ-

ление состоит в стремлении оспорить глобальный статус этого класса. Выше было замечено, что прекариат возник в ходе разрушения традиционной модели занятости, что произошло после расцвета капитализма, который еще называют «золотым веком». Особенность этого периода заключается в том, что он был характерен только для стран Западной Европы и Северной Америки. Эта ограниченность и определенного рода избирательность дают повод для критики теории прекариата и, вкупе с ней, концепций неустойчивой занятости. Исследователь Р. Мюнх, излагая свою позицию по этому вопросу, пишет, что прекариат, формируясь в процессе глобализации, сам, при этом, не является глобальным классом [8]. В странах Глобального Юга ни на одном из этапов его развития не было государства всеобщего благосостояния, там преобладала неформальная экономика, в рамках которой трудовые права не бывают защищены.

Однако тезис о том, что прекариат не формируется в странах Глобального Юга и, следовательно, не может быть глобальным классом, оспорен рядом эмпирических исследований названного явления [6]. Д. Полковска, апеллируя к опыту Сейшельских островов, доказывает, что в странах периферийного капитализма возрастает число представителей прекариата, и это напрямую связано с результатами процессов глобализации. Развивая сферу туризма, власти разработали привлекательную схему для иностранных инвестиций, что привело к интенсификации практики найма сезонной рабочей силы из-за рубежа, а также к импорту продуктов питания. Это повлекло за собой увеличение числа мигрантов, так как привлечение местного трудового ресурса связано с необходимостью реализации всего комплекса мер социальной защиты и, соответственно, ухудшением условий труда для всех индивидов [9].

В разных странах последствия прекариатизации отличаются в большей или меньшей степени, различен и состав групп, которые составляют сам прекариат. Б.Скалли, проведя исследование прекариата в Калифорнии США и Гаутенге Южно-Африканской республики, пришел к выводу, что численный состав названного класса в обоих городах значительно увеличился за сорок лет – с 1970 по 2010 годы. При этом в Калифорнии новый класс представлен в основном мигрантами, как правило, не имеющими гражданства, но хорошо интегрированными в трудовой рынок, а в Гаутенге работники имеют официальный гражданский статус, но вынуждены проходить через более длительные периоды безработицы [10]. Г. Стендинг, отвечая своему научному оппоненту, утверждает, что его концепция прекариата основана на базе ряда исследований, проведенных в странах Глобального Юга. Становление отдельного класса сопровождается «бразилианизацией» Запада, что подтверждают эмпирические данные. Под этим процессом подразумевается распространение форм занятости неустойчивого характера, снижение мер соцзащиты, приостановление профсоюзного движения в

странах «первого мира» [3]. Это подтверждает определенное сходство между организацией труда в странах Севера и Юга и дает повод заявить о том, что новый класс проходит процесс

Литература:

1. *Илимбетова А.А.* Глобальный процесс феминизации миграции. М. : Век глобализации, 2013. № 1. 312 с.
2. *Кастель Р.* Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. М. : Астрель, 2009. 118 с.
3. *Стендинг Гай.* Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргеним Пресс, 2014. 328 с.
4. *Casas-Cortés M.A* Genealogy of Precarity: A Toolbox for Rearticulating Fragmented Social Realities in and out of the Workplace. Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society, 2014. Vol. 26. 219 с.
5. *Fudge J.* Precarious work, women and the new economy: the challenge to legal norms. Hart publishing / J. Fudge, O. Rosemary. Oxford, 2006. 12 с.
6. *Leschke J.* Precarious employment in the public and private sectors: comparing the UK and Germany. European Economic and Employment Policy / J. Leschke, M. Keune. 2008. № 1. 6 с.
7. *Morini C.* The feminization of labour in cognitive capitalism. Feminist Review, 2007. Vol. 87. 47 с.
8. *Munck R.* The Precariat: a view from the South. Third World Quarterly, 2013. Vol. 34. 754 с.
9. *Polkowska D.* Precariat: Contemporary Face of Labour Relations. Warsaw Forum of Economic Sociology, 2016. Vol. 7:1(13). 32 с.
10. *Scully B.* Precarity North and South: A Southern Critique of Guy Standing. Global Labour Journal, 2016. Vol. 7(2). 163 с.

формирования в большинстве современных государств, которые имеют развитую систему наемного труда.

Literature:

1. *Ilimbetova A.A.* Global process of feminization of migration. M. : The age of globalization, 2013. № 1. 312 p.
2. *Castel R.* Metamorphoses of the social question. Chronicle of wage labor. M. : Astrel, 2009. 118 p.
3. *Standing Guy.* Precariat: a new dangerous class. M. : Ad Marginem Press, 2014. 328 p.
4. *Casas-Cortés M.A* Genealogy of Precarity: A Toolbox for Rearticulating Fragmented Social Realities in and out of the Workplace. Rethinking Marxism: A Journal of Economics, Culture & Society, 2014. Vol. 26. 219 p.
5. *Fudge J.* Precarious work, women and the new economy: the challenge to legal norms. Hart publishing / J. Fudge, O. Rosemary. Oxford, 2006. 12 p.
6. *Leschke J.* Precarious employment in the public and private sectors: comparing the UK and Germany. European Economic and Employment Policy / J. Leschke, M. Keune. 2008. № 1. 6 p.
7. *Morini C.* The feminization of labour in cognitive capitalism. Feminist Review, 2007. Vol. 87. 47 p.
8. *Munck R.* The Precariat: a view from the South. Third World Quarterly, 2013. Vol. 34. 754 p.
9. *Polkowska D.* Precariat: Contemporary Face of Labour Relations. Warsaw Forum of Economic Sociology, 2016. Vol. 7:1(13). 32 p.
10. *Scully B.* Precarity North and South: A Southern Critique of Guy Standing. Global Labour Journal, 2016. Vol. 7(2). 163 p.

Золин Игорь Евгеньевич

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономики и обеспечения
экономической безопасности,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
iz.iz2016@yandex.ru

Igor E. Zolin

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Economics
and Welfare economic security,
Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of the Russian Academy
Of the National Economy and State
Services under the President
of the Russian Federation
iz.iz2016@yandex.ru

**РЫНОК ТРУДА
РОССИЙСКИХ МОНОГОРОДОВ:
СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

**LABOR MARKET
OF RUSSIAN SINGLE TOWNS:
SOCIAL DIMENSION**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению социальных факторов развития рынка труда российских моногородов. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что сложившиеся в моногородах производственные отношения – сложная система государственного регулирования: 1) экономической деятельности; 2) рынка труда; 3) социальной защиты населения, в которой потеря или ослабление одного звена разрывает или ослабляет всю систему. Решение проблем моногородов должно быть комплексным и конкретным, учитывать их социальное измерение. Особое значение для моногородов имеет разработка и реализация политики регулирования рынка труда, направленной на преодоление бедности, повышение социально-трудовой мобильности работников, развитие социально ответственного предпринимательства, совершенствование системы подготовки и переподготовки кадров. Оценки и выводы, содержащиеся в статье, позволяют глубже понять необходимость усиления регулятивного воздействия государства на рынок труда моногородов в целях достижения эффективной занятости.

Ключевые слова: моногорода, рынок труда, бедность, государственное регулирование, образование, мобильность, предпринимательство, служба занятости, социальные факторы, реформы.

В результате радикальной экономической реформы, протекающей в настоящее время в России, осуществляется непростой переход к новой системе социально-экономических отношений, которая сопровождается новыми межрегиональными и международными кооперативными связями. Несмотря на значительный период времени, произошедший с момента реформирования экономики России, этот процесс особенно болезненно сказывается на моногородах. В целом, свертывание крупных производств в России в 1990-х гг. создало серьезные трудности для

Annotation. The article is devoted to the consideration of social factors of labor market development in Russian single-industry towns. As a result of the analysis, it is concluded that the existing industrial relations in single-industry towns are a complex system of state regulation: 1) economic activity; 2) labor market; 3) social protection of the population, in which the loss or weakening of one link breaks or weakens the entire system. Solving the problems of single-industry towns should be complex and specific, taking into account their social dimension. Of particular importance for single-industry towns is the development and implementation of labor market regulation policies aimed at overcoming poverty, increasing social and labor mobility of workers, the development of socially responsible entrepreneurship, improving the system of training and retraining. The assessments and conclusions contained in the article allow a deeper understanding of the need to strengthen the regulatory impact of the state on the labor market of single-industry towns in order to achieve effective employment.

Keywords: single-industry towns, labor market, poverty, state regulation, education, mobility, entrepreneurship, employment service, social factors, reforms.

населения этих городов в связи с отсутствием в них достаточного количества рабочих мест. О подтверждении данного тезиса свидетельствуют высокий уровень безработицы, нерациональная отраслевая структура занятых, высокий удельный вес низкоквалифицированной рабочей силы, низкая заработная плата. В настоящее время эти проблемы решаются посредством репрофилирования монопрофильных производств, а также с помощью комплексного развития различных отраслей. Сложность проблемы моногородов иллюстрируют некоторые статистические

данные: действующий перечень монопрофильных муниципальных образований включает 319 моногородов, где по состоянию на начало 2016 г. проживало более 13 млн человек или 9 % населения России. При этом более двух трети населения монопрофильных территорий живет в городах, где социально-экономическая обстановка уже является крайне сложной и существуют риски ее ухудшения [1].

Можно выделить несколько узловых проблем, оказывающих, как представляется, значительное влияние на ход проводимых реформ в моногородах.

Во-первых, ощущение бедности, свойственное большинству населению моногородов.

Во-вторых, значительное расслоение населения по уровню доходов.

В-третьих, чувство социальной несправедливости, которое испытывают многие жители моногородов, связанное с разгосударствлением экономики в 1990-х гг.

Ощущение бедности – понятие многогранное, оно включает как малообеспеченность, так и ухудшение положения значительных слоев населения. Понятно, что возможны разные пути и варианты развития моногородов, направленные на уменьшение потерь общества, связанных с недостаточным уровнем и качеством жизни людей, за которые приходится платить разную социальную цену и которые получают различную оценку населения. Как показывают социологические опросы службы спецсвязи и информации ФСО России, находящиеся в открытом доступе, почти 60 % населения российских моногородов называют социальное и экономическое положение своего города нетерпимым, 5 % считают, что живут за чертой бедности, а более трети населения говорит о кризисной ситуации на рынке труда, так как найти достойную работу почти невозможно [2]. Подобной точки зрения придерживаются и другие исследователи данной проблемы, считающие российские моногорода анклавами бедности в современном обществе, что является свидетельством сложного положения работников в экономической и социальной областях [3]. Этот вопрос имеет дополнительную особенность и рассматривается социологами с точки зрения механизмов формирования и преодоления бедности [4]. Исследователи проблемы бедности полагают, что бедность выполняет функцию общественного зеркала, и значительные ее масштабы ставят своим существованием под сомнение социальную организацию общества. В этой связи, ряд ученых выделяет два основных вида бедности – устойчивую (традиционную) и плавающую. В отличие от устойчивой бедности, которая, как они утверждают, в определенных масштабах обязательно воспроизводится из поколения в поколение в любой стране, плавающая – результат прыжка бедных из своего социального круга. Рост числа бедных оказывает пагубное воздействие на занятость, так как способствует согласию на любую работу и сти-

мулирует расширение неформальной занятости. Такая занятость, как правило, означает:

– не регламентированность рабочего времени, полную незащищенность от увольнения;

– заниженную и нерегулярную заработную плату;

– увеличенный риск производственного травматизма;

– отсутствие социальных пособий, отпуска, пенсий, профсоюза, коллективного договора, элементарных удобств.

Перед такими работниками остро стоят задачи реализации своих социальных гарантий – права на труд, его оплату, отвечающую современному уровню социальных потребностей, удовлетворительные производственные и бытовые условия. При этом происходит существенная деградация не только данного сектора рынка труда, но и определенная деградация общества. Поэтому в России и в ее регионах, особенно в моногородах, необходима системная реформа рынка труда и социально-трудовых отношений, которая до сих пор не проводилась. Если же говорить, например, о макроэкономических итогах формирования рынка труда, в целом, то можно утверждать, что большинство задач, которые предполагалось решить, так и остались нереализованными [5, с. 35]. Таким образом, моногорода – это потенциальный источник социального напряжения и социальных потрясений, так как, даже в случае частичного свертывания производства на данных территориях, сразу начинаются серьезные социальные проблемы. Для их решения недостаточно осуществления системы материальной поддержки безработных. Это не только бесполезно, но подчас и вредно. Опыт развитых государств показывает, что большое пособие нередко формирует потребительскую психологию. Государственные службы поддержки должны стимулировать модернизацию рабочих мест и создание новых. На государственном уровне целесообразно формировать систему импортозамещения (или, точнее, импортовытеснения), по крайней мере, в тех отраслях, которые, традиционно, были развиты в России, и которые не требуют сложных технологий.

Деятельность по возрождению традиционных отраслей, успешно функционировавших в нашей стране, трудно осуществить малым предприятиям и индивидуальным предпринимателям, здесь нужна новая организация – возможно, типа распределенных мануфактур. Предпосылки к этому есть, например, достаточно развитая в стране гаражная экономика как эффективная форма самозанятости, в которую вовлечены, в среднем, 15 % трудоспособного населения крупных городов России. Среди них население таких моногородов как Набережные Челны, Тольятти [6]. Основная проблема мелких фирм и индивидуальных предпринимателей в том, что они не могут конкурировать с крупными фирмами: у них нет аналитических, конструкторских, маркетинговых отделов, отделов сбыта. Очевидно, здесь могли бы помочь новые формы кооперации, теорети-

ческий анализ которых имеет развитую отечественную историю, основанную на трудах М.И. Туган-Барановского и А.В. Чаянова. Таким образом, проблема современного этапа социально-экономического развития состоит в необходимости стимулирования использования внутренних ресурсов не только отдельных регионов и отраслей, но и каждого предприятия. При этом инновационный потенциал крупных предприятий полностью не используется в связи с тем, что они неповоротливы и в них зачастую отсутствуют соответствующие подразделения, ответственные за инновации, а в малых предприятиях просто недостаточно собственных средств, т.к. кредиты слишком дороги и разорительны для них. Поэтому новое социально-экономическое поле, в котором оказалась Россия, в целом, и моногорода, в частности, требует новых подходов с чем, в частности, связана инициатива Правительства РФ под названием «законодательная гильотина», ликвидирующая устаревшие законодательные и нормативные акты, сдерживающие развитие страны. Но этого мало. В настоящих условиях требуется совершенствование системы налогообложения, позволяющей оставлять на предприятиях собственные средства, направляемые на модернизацию. Кроме этого, чрезвычайно важным моментом для инноваций является экономическая стабильность народного хозяйства, основанная на устойчивых правилах игры: в процессе социально-экономического развития недопустимы частые и резкие изменения условий хозяйственного функционирования. Однако на этом пути есть существенная проблема – бюрократия. На местах бюрократизм дополняется истолкованием законов по-своему, в удобном для себя профиле. На почве бюрократизма активно развивается коррупция, достигающая размеров таких масштабов, что это можно назвать приватизацией власти. Нередко, чиновники разного уровня используют свое служебное положение как способ собственного обогащения. Борьба с такими явлениями очень затруднена и активное законодотворчество здесь едва ли может помочь: обилие законов (нередко противоречащих друг другу) создает благоприятную почву для развития бюрократии и возможности интерпретировать их в удобном для себя ключе. Поэтому необходим принципиально новый механизм, основанный на национальных традициях и национальной культуре. Попытка формирования такого социально-политического механизма просматривается в таком новом явлении, как прямая линия Президента РФ с народом [7]. Это мероприятие всегда ожидается местными чиновниками с трепетом. По результатам таких мероприятий появляется знаменитая зеленая папка Президента РФ, которую он лично передает губернатору с просьбой со всем разобраться. За этим просматривается процесс формирования механизма взаимодействия Президента РФ с подведомственной ему вертикалью власти. На сегодняшний день это мероприятие воспроизводится только аппаратом Президента Путина и только с его участием. Это – уникальный опыт и до сих пор такие насыщенные информационные упражнения ни в нашей стране, ни за рубежом не проводились. Показательно, в этой связи, обращение жителей моногорода Нижнего Тагила

на прямую линию Президента РФ, состоявшейся в июне 2017 года, и связанное с невыплатой на протяжении нескольких лет заработной платы работникам завода теплоизоляционных изделий и невозможностью ее разрешения на местном уровне [8]. Задержки выплат заработной платы – не единственная проблема моногородов, требующая, как показывает практика, государственного участия и контроля. В настоящее время государственная помощь заключается в целевой поддержке моногородов и депрессивных отраслей, которая направлена на вложение инвестиций в наиболее сложные отрасли. Так, для поддержки отечественного автопрома, который оказался в сложном положении конкуренции с известными мировыми брендами, Правительство РФ осуществляло программу утилизации автомобилей, позволявшую в обмен на старый автомобиль получить скидку на приобретение нового. По этой программе необходимо сдавать автомобиль любого производителя, но приобрести можно автомобиль только отечественного производства. Это дало серьезный импульс к развитию таких монопрофильных территорий как г. Тольятти (ОАО «Автоваз»), г. Сердобск (ЗАО «Сердобский машиностроительный завод»), р.п. Побединка (ОАО «Скопинский автоагрегатный завод»), г. Тутаев (ОАО «Тутаевский моторный завод») и др.

Важное значение для моногородов имеют латентные факторы развития, которые не столь очевидны, но их присутствие обнаруживает себя в особенностях исторического пути России и, в частности, в опыте социального возрождения страны в последние десятилетия. Специфика нашей страны, проявляющаяся, прежде всего, в ее размерах и особенностях освоения суровых климатических зон, не позволяет ей в полной мере воспользоваться опытом лидеров экономического прогресса, основанного на инновациях: этот опыт, в той или иной мере, специфичен для каждой страны и в каждом конкретном случае основан на преимуществах и достоинствах конкретной страны. Преимущество России заключается в том, что страна может развиваться за счет собственных ресурсов, что и было продемонстрировано в период многочисленных санкций. Именно санкции позволили обнаружить собственные ресурсы и начать эффективно использовать их. Во многом внутренние ресурсы связаны с наличием компетентных и ответственных людей в системе управления. Так, в Нижегородской области немало примеров того, как социально ответственные предприниматели совместно с региональными властями смогли не только сохранить производство в моногородах, но и расширить, модернизировать его, создать новые рабочие места, в том числе, высокотехнологичные. Примерами таких производств могут служить Новогорьковский нефтеперерабатывающий завод в Кстово или Выксунский металлургический завод. Иллюстрацией эффективной совместной работы является история «Кирскабеля» в городе Кирсе Кировской области, где практически на 10 тысяч человек одна тысяча работает на заводе. Этот моногород и его экономику удалось удержать, благодаря ответственности собственников различных пред-

приятый. Сохранение экономики города произошло также во многом из-за наличия достаточно развитой предпринимательской культуры, способности предпринимателей эффективно взаимодействовать. Успешное преодоление проблем в данном примере связано и с тем, что экономика данной территории была в достаточной мере диверсифицирована. Здесь наряду с новыми технологическими отраслями присутствуют и традиционные – предприятия пищевой и молочной промышленности, деревообработка. Сохранились и сельхозпредприятия, находящиеся, кстати, в зоне рискованного земледелия. По-прежнему складывалась судьба Навашинского судостроительного завода в Нижегородской области, акции которого неоднократно перепродавались биржевыми спекулянтами, что привело моногород Навашино к реальной социально-экономической депрессии. В связи с этим, возрастает необходимость повышения территориальной мобильности имеющихся в моногородах трудовых ресурсов. Повышение мобильности трудовых ресурсов, являясь важным фактором развития рынка труда, в состоянии достаточно быстро решить проблему реструктуризации экономики моногородов. Однако на этом пути просматриваются три существенных препятствия: слабо развитая инфраструктура (особенно транспортная), дороговизна жилья и национальная традиция населения России жить в месте своего рождения.

Закрытие производств в моногородах приводит к необходимости научить высвободившиеся кадры новой профессии, освоить новую квалификацию. Такая задача может быть выполнена службами поддержки и развития трудовых ресурсов, службами занятости, которые могли бы переобучить людей. Как показывают имеющиеся исследования, значительная часть бюджетных средств, предусмотренных для обеспечения активных мероприятий по содействию занятости населения, сегодня направляется на развитие структуры органов службы занятости и внедрение IT-технологий. По мнению А.В. Сальниковой, точку зрения которой мы целиком разделяем, мероприятия по содействию занятости населения в рамках решения данной тактической задачи могут быть более эффективными, если вкладывать средства во внедрение интенсивных технологий обучения. Это будет способствовать ускорению процесса обучения, что влияет на сокращение сроков безработицы, а также – позволяет охватить большую категорию лиц, что приведет к оптимизации использования финан-

совых ресурсов с целью развития человеческого капитала [9, с. 47].

Классический опыт экономического развития показывает, что для рынка труда в моногородах важно также расширение пространства деятельности малого и среднего бизнеса. Простое копирование зарубежного опыта развития малого предпринимательства нередко является затруднительным по ряду причин и, прежде всего, в связи с отсутствием соответствующих социальных традиций – особенно в сфере обслуживания населения. Например, маленькие семейные кафе едва ли могут найти широкое распространение в силу того, что российская традиция связана с общением в гостях, когда люди посещают своих друзей на дому, обмениваясь визитами. Хотя, с другой стороны, современная молодежь готова встречаться и проводить время в недорогих кафе, но эра таких семейных кафе на 4–5 столиков придет только тогда, когда наши люди (молодые, зрелые или пожилые) будут иметь привычку традицию проводить совместно время в них, рассматривая это место не как пункт общественного питания, где можно перекусить, а как клуб, место встречи и место общения. Такие кафе не приносят больших доходов, но дают стабильный доход. Это означает готовность предпринимателя довольствоваться небольшими прибылями. Экономическое пространство такого бизнеса – это, прежде всего, некая новая социально-экономическая культура.

Таким образом, в современных условиях необходимо комплексное, системное федеральное регулирование развития моногородов, причем не отраслевое, а территориальное. Моногорода, ранее достаточно благополучно развивавшиеся в СССР, прежде всего, в интересах крупной промышленности и оборонного комплекса страны, сегодня в большинстве своем не могут эффективно быть встроены в региональную экономику. Это значит, что монопрофильные территории должны активнее интегрироваться в межрегиональные социально-экономические отношения, например, посредством повышения мобильности рабочей силы в целях активного участия в формировании межрегионального рынка труда со всей присущей ему необходимой инфраструктурой, в том числе, образовательной. При этом важное значение при регулировании рынка труда приобретает учет социальных факторов, связанных с преодолением бедности, повышением социально-трудовой мобильности работников, развитием социально ответственного предпринимательства.

Литература:

1. Обзор российских моногородов. Аналитический доклад ИКЦИ. URL : https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (дата обращения 07.09.2019).
2. Милукова Я. Терпится с трудом: ФСО замерила экономическое самочувствие в моногородах. URL : <https://www.rbc.ru/economics/24/02/2016/56cdb2b69a7947557237c6c3> (дата обращения 30.09.2019).

Literature:

1. Overview of Russian single-industry towns. ICSI analytical report. URL : https://icss.ru/images/pdf/research_pdf/MONOTOWNS.pdf (accessed 07.09.2019).
2. Milyukova Ya. can hardly Wait: FSO measured the economic well-being in single-industry towns. URL : <https://www.rbc.ru/economics/24/02/2016/56cdb2b69a7947557237c6c3> (accessed 30.09.2019).

3. *Малый В.И.* Российские моногорода как анклавы бедности в современном обществе / В.И. Малый, В.В. Гусев; Отв. Ред. С.Г. Ивченков // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. Материалы VI Международной научной конференции. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 463–467.
4. *Золин И.Е.* Государственное регулирование современного российского рынка труда: социально-экономический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: социальные науки. 2019. № 3. С. 135–140
5. *Беглова Е.И.* Бедность как социально-экономическое явление : автореф. дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.01. СПб., 2014. 44 с.
6. *Лория Е.* «Гаражная экономика» спасает россиян от нищеты и безработицы. URL : <https://iz.ru/news/610539> (дата обращения 01.10.2019).
7. *Давыборец Е.Н.* «Прямая линия президента с народом» как социально-политическая технология // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 57–62.
8. Путин призвал разобраться с невыплатой зарплаты в Нижнем Тагиле URL : <https://rg.ru/2017/07/09/reg-urfo/putin-prizval-razobratsia-s-nevyplatoj-zarplaty-v-nizhnem-tagile.html> (дата обращения 01.10.2019).
9. *Сальникова А.В.* Направления совершенствования механизма финансирования региональных целевых программ // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2014. № 1. С. 44–48.
3. *Maly V.I.* Russian single-industry towns as enclaves of poverty in modern society / V.I. Maly, V.V. Gusev // Social inequality of modernity: a new reality of scientific understanding. Proceedings of the VI International scientific conference. Executive editor S. G. Ivchenkov. Saratov : Saratov source, 2018. P. 463–467.
4. *Zolin I.E.* State regulation of the modern Russian labor market: socio-economic analysis. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevsky. Series: social Sciences. 2019. № 3. P. 135–140
5. *Beglova E.I.* Poverty as a socio-economic phenomenon : author's abstract dis. ... doctor of economic Sciences: 08.00.01. SPb., 2014. 44 p.
6. *Loria E.* «Garage production» save the Russians from poverty and unemployment. URL : <https://iz.ru/news/610539> (date accessed 01.10.2019).
7. *Davyborets E.N.* «Direct line of the President with the people» as a socio-political technology // Sociological research. 2015. № 4. P. 57–62.
8. Putin urged to deal with non-payment of wages in Nizhny Tagil. URL : <https://rg.ru/2017/07/09/reg-urfo/putin-prizval-razobratsia-s-nevyplatoj-zarplaty-v-nizhnem-tagile.html> (accessed 01.10.2019).
9. *Salnikova A.V.* Directions of improvement of the mechanism of financing of regional target programs // proceedings of the far Eastern Federal University. Economics and management. 2014. № 1. P. 44–48.

Егоров Алексей Владимирович
адъюнкт,
Саратовский военный ордена Жукова
Краснознаменный институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации
kafedra_soc.nauk@bk.ru

Alexey V. Egorov
Graduated in a Military Academy,
Saratov Military order of Zhukov
Institute Decorated with
the Order of the Red Banner
National Guard Troops
Russian Federation
kafedra_soc.nauk@bk.ru

Девлетов Руслан Николаевич
адъюнкт,
Саратовский военный ордена Жукова,
Краснознаменный институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации
kafedra_soc.nauk@bk.ru

Ruslan N. Devletov
Graduated in a Military Academy,
Saratov Military Order of Zhukov
Institute decorated with
the Order of the Red Banner
National Guard Troops
Russian Federation
kafedra_soc.nauk@bk.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА РАЗВИТИЯ РОССИИ

THE FEATURE OF SOCIAL PROTECTION IN THE THE MODERN STAGE OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

■ ■ ■

Аннотация. Социальная защита населения в современных условиях представляет собой механизм достижения минимальных стандартов уровня жизни различных незащищенных слоев населения. Это – фактор достижения устойчивости потребления, обеспечения минимально необходимого качества жизни населения, создания условий стабильности потребления населения имеющего различный уровень жизни. В новых условиях важно оптимизировать комплекс защиты социально слабых (незащищенных) групп населения. Здесь социальная защита не может перейти грань, при которой в обществе начинает увеличиваться состав населения, для которого интерес к реализации труда вытесняется желанием сохранять статус малоимущего. Существенно должна усилиться социальная поддержка отдельных профессиональных групп населения (шахтеров, военнослужащих и т.д.). Данная подсистема одновременно призвана оптимизировать факторы мотивации к осуществлению специфической профессиональной деятельности трудовых акторов.

■ ■ ■

Ключевые слова: социальная защита, уровень жизни, население, минимальные государственные стандарты, трудовые акторы.

■ ■ ■

Annotation. The purpose of the article is to identify the features of social protection in the post-crisis conditions of Russia's development. The method of abstraction and the method of system analysis are applied. Currently, a specific system of social protection is being formed, which is characterized by increased differentiation of social projects aimed at sub-system objects of protection: the population; socially weak (unprotected) groups of the population; individual professional groups.

Social protection of the population in post-crisis conditions is a factor in achieving sustainable consumption, ensuring the minimum necessary quality of life of the Russian society as a whole.

Optimized the complex protection of the socially weak (vulnerable) groups of the population. Here, social protection cannot cross the line at which society begins to increase the composition of the population, for which the interest in the implementation of labor is replaced by the desire to maintain the status of the poor.

The social support of certain professional groups (miners, military personnel, etc.) is significantly enhanced. This subsystem is designed to optimize the motivation factors for the implementation of specific professional activity of labor actors.

■ ■ ■

Keywords: social protection system, quality of life, population, minimum state standards.

В результате экономического кризиса 1990-х годов в России обострились социально-экономические проблемы:

- ухудшилось качество жизни различных групп населения;
- усилились диспропорции на рынке труда;
- упало качество потребления;
- снизилась трудовая мотивация работников.

В современных условиях еще сохраняются экономические диспропорции, отсутствует стабильность развития региональных рынков труда. Последнее приводит к необходимости, с одной стороны, разработки и реализации специализированных проектов защиты, направленных на отдельные профессиональные группы населения, с другой – важно обеспечение роста эффективности института социальной защиты, достижение оптимизации процессов восстановления качества жизни незащищенных слоев населения России. В данном контексте нам представляется актуальной разработка новых принципов системы социальной защиты в условиях преодоления глубинных социально-экономических противоречий экономического развития России.

Рассмотрим основные теории, обосновывающие функциональную направленность системы социальной защиты в условиях экономической неустойчивости как фактора стабилизации качества жизни населения, проанализируем научные разработки по проблеме, ранжируем их на группы. Наиболее значимые исследования по данной проблеме представлены в междисциплинарных, социально-экономических, социально-политических концепциях. Рассмотрим данные теоретические взгляды подробнее, выявим обобщающие теоретические принципы исследования, уточним функции социальной защиты как фактора достижения устойчивости качества жизни населения.

На междисциплинарном уровне представляется расширительный контекст сущностных характеристик социальной защиты. Подчеркивается, что данная категория отражает систему распределительных отношений, а также процесс распределения и перераспределения государственного дохода в целях материальной, экономической помощи, культурной и социальной поддержки социальных групп общества и населения в целом [1]. Реализация социальной защиты в условиях экономической неустойчивости, преимущественно осуществляет государство. С одной стороны, оно обеспечивает условия минимально необходимого потребления, а значит и потребительского самосохранения человеческого потенциала акторов труда [2], с другой — осуществляет поддержку и помощь людям, не имеющим возможности зарабатывать. Социальная защита осуществляется на основе законодательных положений, утвержденных государственными институтами, в результате реализации социальных минимальных гарантий относительно населения или его отдельных социальных групп. В рамках междисциплинарного подхода, социальная за-

щита рассматривается как специфический социальный механизм, направленный на обеспечение минимально приемлемых условий жизнедеятельности различным социальным группам, поддержание минимально необходимого их качества жизни, регулирование предоставления государственных льгот, гарантий жизни и деятельности, обеспечение общественных прав и свобод. Здесь социальные права человека рассматриваются, прежде всего, как права на государственно гарантированные стандарты жизнедеятельности, защиту достоинства, получение «возможности каждому человеку и гражданину стать получателем социальных услуг и социальной помощи» [3]. Обеспечение социально-экономических прав – это цель социальной защиты (последнее определяет основы качества жизни населения и является основным показателем обеспечения государственных минимальных социальных гарантий) [4]. Социальная защита также призвана обеспечивать социальные льготы как наборы социальных преференций, обеспечение преимуществ некоторых специфических социальных групп по отношению к населению в целом. Здесь льготы реализуются на временной или постоянной основе и могут осуществляться как «в денежной, так и натуральной формах» [5].

Таким образом, уже на уровне междисциплинарных разработок определяются общие принципы системы социальной защиты как универсального механизма направленного не только на осуществление поддержки и помощи не имеющим возможности зарабатывать гражданам, но и призванного обеспечить условия минимально необходимого потребления различных групп населения, а также условия потребительского самосохранения человеческого потенциала акторов труда, а также уточняется ее сущность как процесса реализации механизмов социального регулирования потребления и поддержание социально необходимого качества жизни населения.

Система социальной защиты характеризуется многосубъектностью: общество; государственная федеральная, региональная, местная власть; отдельные хозяйственные организации. И это обстоятельство вызывает необходимость системного рассмотрения и объекта социальной защиты:

- 1) населения в целом;
- 2) отдельных малообеспеченных социальных групп;
- 3) отдельных экономически неустойчивых профессиональных групп.

По сути, система социальная защита ориентирована, с одной стороны, на поддержку населения в целом, а, с другой стороны, на поддержку отдельных социальных групп (в том числе и профессиональных).

Несложно заметить, что в рамках междисциплинарного подхода обосновывается, что социальная защита в условиях экономической неста-

бильности должна быть направлена с одной стороны на все население, с другой стороны на отдельные его группы. Она должна быть дифференцирована по отношению к различным категориям социума. В рамках данных подходов можно сделать вывод, что социальная защита в условиях экономической нестабильности должна быть двойственной системой. Во-первых – все население должно сохранять гарантии получения услуг социальной защиты. Данная подсистема социальной защиты здесь представляет собой общий комплекс поддержки качества жизни населения в целом (механизм регулирующего обеспечения минимальных социальных гарантий населения на уровне общества и региона). Во-вторых – это специфический комплекс поддержки отдельных слабо защищенных или особых профессиональных групп граждан (механизм регулирующего обеспечения социальных гарантий жизнедеятельности отдельных групп на уровне не только общества и региона, но и отдельной организации).

В рамках *социально-экономических концепций* нами обосновывается важность в условиях экономической нестабильности конструирования системных механизмов социальной защиты, направленных на достижение социальной справедливости, обеспечения соответствия трудового действия и материального воздаяния за него [6]. В современных условиях важно активизировать государственные механизмы, направленные на достижение социальной справедливости в системе труда и потребления. Социальная защита как механизм социальной защиты должна быть осмыслена в качестве фактора стабилизации развития современного общества. Именно социальная защита в условиях экономической неопределенности формирует условия стабилизации отношений труд-потребление, что в конечном итоге позволяет обеспечить устойчивый рост потребления временно малоимущих трудовых групп (групп людей работающих неполный рабочий день, достигнуть справедливого распределения общественных ресурсов [7]. В данных концепциях доказывается, что в современных условиях необходима смена характера функционирования института социальной защиты. Последний должен стать системным механизмом направленным, прежде всего, на устранения нищеты, сглаживания противоречий жизнедеятельности малообеспеченных слоев населения. При данном подходе основной субъект социальной защиты – малообеспеченные слои населения. Социальная защита в данном подходе призвана, с одной стороны, преодолеть социальную дестабилизацию общества, с другой стороны, восстанавливать равновесие между совокупным трудом и потреблением различных профессиональных групп социума.

Таким образом, в социально-экономических концепциях представляется узкий подход к раскрытию функций института социальной защиты в условиях экономической нестабильности. Социальная защита нам представляется как государственный механизм преодоления бедности, а

также достижения социальная справедливости в комплексе труда и потребления. Именно социальная защита при таком подходе призвана обеспечить стабильное потребление малоимущих трудовых групп, справедливого распределения и перераспределения общественных ресурсов. Поэтому сегодня необходимы изменения в системе социальной защиты, разработка и внедрение новых форм государственных минимальных стандартов:

- 1) отдельных стандартов защиты малоимущих групп населения;
- 2) стандартов защиты временно работающих субъектов неполный рабочий день;
- 3) социальной поддержки специализированных трудовых групп нуждающихся в социальной поддержке (военнослужащих, шахтеров и т.д.).

Именно в рамках узкого подхода система социальной защиты призвана определить оптимальное взаимоотношение комплексов трудового вклада и государственного обеспечения потребления, обновление набора социальных прав и обязанностей трудовых акторов.

Подводя итоги, необходимо отметить, что рассмотренные концепции представляют собой социальную защиту с различных методологических позиций. Вместе с тем, можно выделить общую сущностную основу данных подходов, обобщить теоретические подходы к исследованию социальной защиты в условиях экономической нестабильности.

В настоящее время формируется специфическая система социальной защиты, которая характеризуется:

- 1) усилением дифференциации социальных проектов, направленных на подсистемные объекты защиты: население; социально слабые (незащищенные) группы населения; отдельные профессиональные группы;
- 2) расширением механизмов реализации социальной защиты (материальная помощь, социально-экономическая поддержка, реализация образовательных, здравоохранительных, социокультурных проектов).

В условиях экономической нестабильности необходимо следующие направления оптимизации социальной защиты.

Во-первых, усиление подсистемы социальной защиты, направленной на социальную поддержку населения в целом. Здесь в современных условиях особое значение приобретает не только поддержание необходимого уровня потребления, но и предоставление базового пакета образовательных услуг, охраны здоровья (бесплатной медицинской помощи, санаторно-курортного оздоровления). В данном контексте система социальной защиты в условиях экономической нестабильности представляет собой фактор достижения устойчивости потребления, обеспече-

ния минимально необходимого качества жизни социума России в целом. Поэтому механизм формирования государственных минимальных стандартов жизни должен ориентироваться на обеспечение определенного (минимально необходимого) уровня потребностей различных групп населения. Механизм социальной защиты призван обеспечивать рост потребностей и потребления граждан. При этом государство должно осуществлять социальную поддержку населения только на минимально необходимом уровне обеспечивающего базовые основы качества жизни населения. Важно не перейти грань разумного, а также, обеспечить реализацию интересов людей, имеющих финансовые проблемы.

Во-вторых, оптимизация подсистемы, направленной на социальную поддержку отдельных незащищенных групп населения: инвалидов, многодетных семей, учащихся и т.д. Ведется поиск наилучшего соотношения социальной поддержки, а также стимулирования ограниченного труда незащищенных акторов. Данная подсистема призвана оптимизировать факторы социальной поддержки и мотивации к осуществлению ограниченной деятельности, создать условия использования их собственных способностей для возвращения к самостоятельному обеспечению жизненных благ, поддержать готовность заниматься общественно важной и полезной деятельностью. Несложно заметить, что стремление государства обеспечить необходимое качество жизни социума должно иметь ограничитель. Социальная защита не может создать условия, при которой в обществе начинает уве-

Литература:

1. *Быченко Ю.Г.* Современная социологическая интерпретация общественного воспроизводства / Ю.Г. Быченко, Т.М. Баладина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15. № 3. С. 46–52.
2. *Быченко Ю.Г.* Проектное развитие культурного человеческого капитала военнослужащих-контрактников Быченко Ю.Г., Ершов В.В. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 247–253.
3. *Кипинган Н.С.* Понятие и сущность социальной защиты населения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 143.
4. *Цалко А.В.* Обеспечение социальной защиты военного человека – важнейшее дело государства, всего общества // Информационный бюллетень МКРФ по социальным вопросам военнослужащих. 1993. № 1. С. 1.
5. Социальная политика, уровень и качество жизни. М. : ВЦУЖ, 2001. С. 84.
6. *Дыльнова Т.В.* Социальная справедливость в транзитивном российском обществе / Т.В. Дыль-

личиваться состав населения, для которого интерес к реализации труда вытесняется желанием сохранять статус малоимущего. В этом случае, будет возрастать группа населения, которую устраивает имеющийся уровень базового потребления, обеспечивающийся системой социальной защиты государства.

В-третьих, расширение подсистемы, направленной на социальную поддержку отдельных профессиональных групп населения (шахтеров, военнослужащих, полярников и т.д.). В рамках данной подсистемы особое значение приобретает социальная защита по следующему расширенному составу направлений:

- предоставление дополнительного права на жилье, на осуществление служебной, трудовой, досуговой деятельности, а также отдыха;
- страхование трудовых рисков; компенсаций по потере здоровья и увольнению;
- предоставление дополнительных льгот.

Однако необходимо помнить, что в условиях экономической нестабильности у государства должны аккумулироваться дополнительные финансовые ресурсы, направляемые на социальную защиту. Постепенно важно расширять состав населения способного самостоятельно обеспечить необходимые условия для достойного потребления, имеющего возможность самостоятельно заботиться о себе независимо от внешней социальной поддержки государства.

Literature:

1. *Bychenko Yu.G.* Modern sociological interpretation of social reproduction / Yu.G. Bychenko, T.M. Balandina // Izvestiya Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2015. T. 15. № 3. P. 46–52.
2. *Bychenko Yu.G.* Project development of cultural human capital of contract servicemen // Yu.G. Bychenko, V.V. Ershov Izvestiya Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science. 2017. T. 17. № 3. P. 247–253.
3. *Keepingan N. With.* The concept and essence of social protection of the population // Vestnik of Kemerovo state University. 2010. № 1. P. 143.
4. *Tsalko A.V.* Ensuring social protection of the military man – the most important business of the state, the whole society // Information Bulletin of the ICRF on social issues of servicemen. 1993. № 1. P. 1.
5. Social policy, level and quality of life. M. : VCUG, 2001. P. 84.
6. *Dylnova T.V.* Social justice in transitive Russian society / T.V. Dylnova; Ed. by Professor A.D. Star-

нова; Под. ред. проф. А.Д. Крахмалевой. Саратов : Изд-во «Научная книга». 2005. С. 152.

7. *Кудаев А.В.* Интегрированная оценка реализации социальных гарантий // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 4(49). С. 89–96.

chaleva. Saratov : publishing house «Scientific book». 2005. С. 152.

7. *Kudaev A.V.* Integrated assessment of the implementation of social guarantees // Bulletin of the Volga Institute of management. 2015. № 4(49). P. 89–96.

Канифатов Александр Сергеевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
a.kanifatov@mail.ru

Рогов Илья Игоревич

кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
rogov.skags@narod.ru

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЙ КЛАСС В СИСТЕМЕ ИМПЕРСКОГО СОЦИУМА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению привилегированного класса имперской системы, его специфике функционирования. Делается акцент на том, что именно бюрократия и есть привилегированный класс имперской системы. В статье отмечается корреляция между империей и её бюрократией. Авторы подчеркивают, что бюрократия является наиболее приемлемой формой управления империями, выделяя среди прочего и связь между стабильностью империи и крепостью бюрократической организации. Также, определяются тенденции взаимодействия бюрократии как класса с империей.

Ключевые слова: империя, социум, класс, привилегированный класс, бюрократия, бюрократическое управление, система управления, государство, иерархия.

Привилегированный класс в империи – это, так или иначе, её бюрократия. Не аристократия или элита – наследственные общности, а бюрократия как социальный класс профессиональных управленцев. И вне зависимости от принципов формирования (из дворянской элиты или демократически), бюрократия, в данном контексте, является привилегированным классом.

Следует помнить, что империя – не терминологическая абстракция, расположенная в вульгаре политической философии, но конкретный социально-политический институт, продукт общества [1, с. 288].

В литературе, традиция, идентифицировать империю с бюрократией, принадлежит Ш. Эйзенштадту [2]. И хотя интерес израильского учёного,

Alexander S. Kanifatov

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of State
and Municipal Management,
South-Russia Institute of Administration –
the branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Service
a.kanifatov@mail.ru

Ilya I. Rogov

Candidate of Philosophy,
Associate Professor of Sociology,
South-Russia Institute of Administration –
the branch of the Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Service
rogov.skags@narod.ru

PRIVILEGED CLASS IN THE SYSTEM OF IMPERIAL SOCIETY

Annotation. The article is devoted to the privileged class of the Imperial system, its specific functioning. The emphasis is on the fact that the bureaucracy is the privileged class of the Imperial system. The article notes the correlation between the Empire and its bureaucracy. The authors emphasize that bureaucracy is the most acceptable form of governance of empires, highlighting among other things the relationship between the stability of the Empire and the strength of the bureaucratic organization. The tendencies of interaction of bureaucracy as a class with the Empire are also determined.

Keywords: empire, society, class, privileged class, bureaucracy, bureaucratic management, management system, state, hierarchy.

в основном, сконцентрирован на политических системах средиземноморского бассейна, самой централизованной бюрократической империей следует назвать Китай. Империя династии Сонг содержала примерно в двадцать раз больше чиновников, чем современная ей империя Флавиев [3]. Даже после реформ Диоклетиана количество чиновников поздней Римской империи составляла одну четверть от Китайской. При примерно соотношении сорока миллионов населения Рима к шестидесяти миллионам китайцев мы получаем впечатляющие коэффициенты различия количества чиновников на душу населения. Римское управление базировалось на системе самоуправяемых городов, которые самостоятельно обеспечивали нужды империи. Власть же императора как чиновника была, по сути, невелика. Человек, бывший верховным

главнокомандующим и верховным судьей, обладал ограниченными возможностями в непосредственном управлении.

Древнейшая в мире китайская бюрократическая традиция разработала неимоверное количество методов управления, в частности, форм контроля императора над государственными чиновниками. Помимо цензоров, внутреннего двора (секретариата) и прочих институтов, эффективность и легитимность обеспечивались идентификацией управленческих и этических процедур. Культ, созданный из управленческой культуры государственной машины, рассматривался в древнем Китае как залог вселенской гармонии и устойчивой морали в обществе. Как следствие, статусу чиновника в этой стране сложно подобрать аналогии на Западе. Если в христианских странах управленец – прежде всего слуга народа, то в Поднебесной он, в первую очередь, слуга Неба, проводник высших моральных ценностей и норм общежития. Ни в одной из империй мира чиновники не имели такого огромного влияния, как в Китае. Только Советский Союз в период апогея сталинизма демонстрировал нечто подобное: военные стояли ниже управленцев. Все же прочие империи содержали более развитый культ собственной армии, или, как в случае с Британией, флота. Если в большинстве империй чиновники – винтики управленческого механизма, а военные – цвет и гордость нации, то, с определёнными натяжками, можно сказать, что в Поднебесной всё наоборот. Если царская Россия смотрела на военных с нескрываемой гордостью, то китайская элита рассматривала эту группу с достаточной долей презрения.

В соотношении же военной и цивилизаторской миссии империй, Китайская империя должна быть признана наиболее близкой ко второму типу, а континентальные империи Евразии – к первому.

Китайскую систему управления часто называют «восточной бюрократией». Отличие данной модели в том, что бюрократия ещё не стала обладать тем бесконтрольным объёмом власти, какой получила на просторах нашей необъятной родины. При всей гигантской роли, которую играло в функционировании государственной системы чиновничество, оно не имело возможности осознать себя самостоятельной политической силой. Причины такого развития событий можно усмотреть либо в системе устоявшихся традиций, как добровольном комплексе самоограничений, так и в абсолютном подавлении чиновников императором.

Для предотвращения процесса складывания бюрократической корпорации и осознания её представителями себя как класса действовал целый ряд механизмов разобщения интересов чиновников:

1) отсутствие у чиновников узкой специализации, делавшее возможным их безболезненную взаимозаменяемость;

2) постоянный избыток числа кандидатов на должности (сдача экзаменов не гарантировала получение должности, а лишь позволяло войти в число претендентов на нее, само же ожидание могло длиться неограниченно долго, но быть сокращено взяткой, хотя гарантий успеха не давала);

3) крайняя ограниченность перспектив служебной карьеры, что лишало смысла создание лестницы личных связей для продвижения вверх;

4) личная зависимость всех чиновников от императора;

5) жесткие меры против неформальных связей в среде чиновников, что предотвращало создания устойчивых коалиций (к числу таких мер относились: запрет на личную дружбу среди чиновников, запрещение чиновникам из одного семейного клана служить в одной провинции, запрет на брак с женщинами из числа местных жителей, находящейся под юрисдикцией чиновника);

6) финансовая зависимость чиновников не от императорского жалования, а от умения выжать из императорских подданных максимум доходов, в том числе и в свою личную пользу; это превращало чиновника в уязвимого нарушителя законов;

7) отсутствие каких-либо личных или корпоративных гарантий чиновников от произвольных увольнений и перемещений (все законы были таковыми) и сам чиновник просто не мог их не нарушать, поэтому находился под страхом разоблачения и наказания (это одно из ключевых отличий китайских чиновников от статуса их западных коллег);

8) тщательный контроль за более опасной для власти высшей и средней бюрократией по средствам независимой от бюрократии секретной помощи (цензоров), практики непосредственной связи императора с низшим эшелонном бюрократии, минувшая ее промежуточные уровни, отсутствие должности главы правительства, функции которого исполнял сам император и личной системы назначений [4].

Публичной службы, в современном понимании, в Китайской империи не существовало, поэтому, хотя некоторые чисто внешние ее атрибуты и роднят ее с европейской бюрократией нового времени, было бы правильнее характеризовать ее как псевдобюрократию, в отличие от европейской, в которой, помимо служения суверену, государственные чиновники ещё и выполняли ряд публичных функций.

А что Россия? Начало бюрократии положил Пётр Первый, введя «табель о рангах», хотя окончательное формирование её как класса следует отнести на период правления Александра Первого и Николая Первого, т.е., на целое столетие спустя. Русская бюрократия – это новый служилый класс, который создает империя, «пытаясь

заменить им слишком вольное, охладевшее к службе дворянство ... бюрократия была «инобытием» дворянства: новой, упорядоченной формой его службы» [5, с. 136–137]. Имперская бюрократия в своем развитии прошла три фазы эволюции:

– 1825–1855 гг. – период правления Николая I, когда бюрократия в качестве «инобытия дворянства» становится новым правящим классом;

– 1855–1881 гг. – период преимущественного положения либеральной бюрократии в качестве субъекта реформ 1860–70-х гг.;

– 1881–1917 гг. – период медленного упадка бюрократии, неэффективность которой стала одной из главных причин крушения Российской империи [6].

Хотя с последним утверждением можно и поспорить. Следуя линии, которую проводит М. Востенский [7], и, совершенно независимо от него, писатель Э. Радзинский, именно бюрократия допустила империю к гибели. Было то преступное бездействие людей, жаждущих править государством без царя, или сознательное предательство, мы никогда не разберёмся. Но уже в нашей стране, ещё до революции, бюрократия приобрела все те черты, которые реально можно назвать «классическими» для империй. Это, во-первых, определённая автаркия, обычно характерная для имперских элит. Во-вторых, осознание себя как центрального класса внутри могучей державы. В-четвертых, проецирование собственной корпоративной и административной культуры на всё общество и структурирование его по жестко иерархическим принципам. Но российское общество до сих пор иерархизировано; вероятно, такова особенность отечественной демократии.

Так, Макс Вебер, введя понятие «идеальная бюрократия», значительно возмутил спокойствие теоретиков системы управления. Он утверждал, что чисто бюрократическое управление представляет собой наиболее рациональную форму господства [8, с. 261]. Теорию Вебера восприняли как вызов (и либералы, и социалисты). Его подробно разбирали, «раскладывали по полочкам» и постепенно придавали сомнениям всё веберовское учение, исходя из того, что не может быть бюрократия наилучшим способом, инструментом и слоем управления государства. Только какого государства? Как мы понимаем, государства бывают разные. И не вдаваясь в полемику с антивеберовцами по поводу управления государством, в целом, предположим, что для империи подобное утверждение несколько поспешно. Возможно, для национального государства или колониальной демократии, бюрократия – суть воплощения некоего зла. В империи же иначе: анализ системы управления всеми истинно-сущими империями показывает, что львиная доля из них управлялась бюрократически.

Соответственно, рано или поздно вырисовывается корреляция связи между стабильностью

империи и крепостью бюрократической организации. Поэтому, последовательная империология принимает бюрократическое управление по той причине, что прочие либо вообще невозможны, либо откровенно неэффективны.

Естественно, необходимо поставить вопрос: а какое управление возможно помимо бюрократического? Понятно, прямая демократия, как в греческих полисах, когда все граждане могут собраться на агоре и все политики на виду. Такой способ предполагает ограниченное количество граждан с правом голоса и потому неприемлем не только для империй, но и для многих национальных государств. Количественная пропасть между малочисленными полисами и миллионными государствами современности, помноженная на всеобщее избирательное право, позволяют воплотить этот принцип только в «государствах-заповедниках», в обилии образовавшихся в Восточной Европе после Холодной войны (и то не во всех). Колониальная демократия как возможный полигон сразу отпадает: всё-таки в рассматриваемом случае необходимы однородность населения и следующий за ней высокий уровень политической культуры.

Феодальная и абсолютистская системы вместо безличной государственной бюрократии предполагают произвол графов, герцогов, генерал-губернаторов или самого короля.

Восточные политии, в которых тренд полновластия реализуют кланы и семьи (часто на профессиональном уровне), могут использовать бюрократический принцип руководства, когда он выгоден. Но тогда, что здесь от бюрократии или от управления, которое системно пытается выстроить Запад?

Список можно продолжить, но не избежать при этом вопроса: как же возможно небюрократическое управление крупного современного государства? Безусловно, на наш взгляд, никак.

Выше мы упомянули о корреляции между империей и её бюрократией. Связь эта прямая, но не по принципу силы (сильная бюрократия – сильная империя), а по принципу удовлетворённости. Империя сильна тогда, когда довольны те, кто ею управляет. Возможно, в такой формулировке мысль и покажется тривиальной по содержанию, но только в жизни она является реальным ориентиром для всех, находящихся внутри имперского механизма, и лакмусовой бумажкой оценки мощи империи для всех наблюдателей извне.

По большому счету, империя не может без бюрократии, но бюрократия будет сохранять такую систему правления пока ей самой выгодно.

Тем не менее, несмотря на идеологические штампы, бюрократия и есть привилегированный класс имперской системы.

Однако бюрократия не является универсально-космополитичным классом во всех имперских системах. В некоторых – да, но не во всех. Человеческий материал номенклатурной бюрократической верхушки всегда есть представители

элит. В устаревшей и преодоленной уже версии колониализма все высшие административные посты занимали представители имперообразующего этноса (что и было одним из признаков колониализма и империализма). В более сложной социальной организации имел место симбиоз между лояльными представителями региональных и центральных элит. Такой принцип применялся в позднем Риме, в Российской империи.

Система управления государством, и тем более, империей, – результат слагаемых интересов, потребностей, сил, страстей и индивидуальной воли всех представителей общества и не может быть изменена одним человеком или группой лиц, где в полной мере проявится первичность социального перед политическим или правовым. Отдельных лиц или даже социальные слои, стоящие у власти, можно сменить так называемой стихией революционных преобразований, а управленческую систему – нет. Потребуется многолетние реформы на протяжении поколений, отсутствие значимых геополитических вызовов, чтобы она трансформировалась и не по изначальному плану идеологов и утопистов, но сообразно специфике человеческого материала. Ведь победа профессионалов-управленцев в образе безличной бюрократии или в образе революции менеджеров – естественный результат на сегодняшний день.

Именно в связи с этим, отринув распространенные клише («неповоротливая имперская бюрократия», «высокомерная имперская бюрократия», «недалёкая имперская бюрократия»), бюрократия, все же, и являет собой наиболее приемлемую форму управления империями: не в силу её рационального проявления, но из-за неприятия неосуществимых утопий.

Можно с уверенностью констатировать большую устойчивость имперской бюрократии по сравнению с общей социальной организацией. Кроме того, система управления как скелет имеет больше шансов сохраниться, нежели мягкие ткани, которые в подтверждение чаяниям Б. Франклина [9], легко откусываются по краям.

Существует ещё один пункт взаимоотношений социально-политического организма империи и обслуживающего её класса бюрократии – обличаемая всюду коррупция, ситуация с которой не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Только ленивый не подвергал критике бюрократию с её ситуациями, при которых «личная заинтересованность (прямая или косвенная) служащего влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных обязанностей» [10]. Как пишет Бестужев в письме Николаю I – «в казне, в судах, в комиссариатах, у губернаторов, у генерал-губернаторов, везде, где замешался интерес, кто мог, тот грабил, кто не смел, тот крал» [11, с. 94]. «От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно», – вторит ему Пушкин [12]. Стоит ли упоминать о тысячах томов художественной и научной литературы, о десятках кандидатских и докторских

диссертаций, посвящённых беспардонной коррупции отечественной бюрократии? Серьёзные исследователи отмечают всё же сравнительно низкий уровень оплаты труда даже в империи Романовых, а уж в Советском Союзе – и подавно. Даже страстный обличитель номенклатуры М. Восленский [7] относит к действительно привилегированному классу сравнительно небольшой процент профессиональных управленцев, тогда как основная масса, обладая контролем над значительными ресурсами, получает сравнительно невысокую заработную плату. Эффективность управления и гражданское сознание чиновников в такой системе оставляет желать лучшего и потому нечего удивляться, что бюрократия использует империю в собственных интересах. До тех пор, пока в обществе будет культивироваться образ чиновника как «врага народа», об эффективном управлении можно забыть. А такой негативный имидж напрямую зависит от благосостояния самого населения империи.

Впрочем, все, что сказано, азбучные истины для современной социальной философии.

Рассмотрим теперь, как в стране победившей демократии, Соединенных Штатах Америки, самой Империи Добра.

Помимо ощущения величия, собственного призвания править «градом на холме», вести народы планеты к светлому демократическому постмодернистскому будущему, и т.п., система управления в Империи Добра предполагает законодательно закреплённый лоббизм и следующие из него пожертвования на благотворительность. В пользу двух партий, находящихся на политическом олимпе, или университетов, или иных общественных организаций. Лоббизм и благотворительность – прогрессивная система исчисления бонусов для функционирующей бюрократии. Разрешённая официально. В фиксированных пределах, конечно, но доказать в суде выход за дозволенные рамки очень непросто. Кроме того перед нами ситуация, когда одно удачное исключение лишь подтверждает общее правило. Даже если вы сможете добиться законодательно-закреплённого признания незаконности требуемых от вас пожертвований, вся система изымания благ в пользу правящего класса продолжит своё функционирование. И не только финансово-экономическая система, но, что важно, общественная мораль поддерживает идею благотворительности и добровольных пожертвований. Именно Империи Добра удалось добиться такого состояния внутреннего имперского сознания, которое не завидует чиновнику, но предполагает официальные выплаты (пожертвования) в необходимых случаях. Перед нами не банальная коррупция, предмет всеобщих насмешек и ненависти. Налицо специфическая система перераспределения благ, абсолютно легитимная в глазах основной массы народа. И сложившаяся ситуация – одно из условий лидерства Империи Добра в современном мире. Оно складывается в формулу: «богатая нация свободных предпринимателей – сильная бюрократия с официальными жертвованиями – государство»

гегемон». Эта система не идеальна. Мировой финансово-экономический кризис последних лет оголил имеющиеся у неё пороки. Аналитики соревнуются друг с другом в мрачности прогнозов будущего Империи Добра. Она, несомненно, перестанет быть гегемоном. Но перестав быть гегемоном, перестанет ли Империя Добра быть империей? Думаем, что нет.

Итак, центральную проблему взаимодействия бюрократии как класса с империей, ею управляемой, можно сформулировать как экономию средств оплаты труда (со стороны империи) и пути поиска альтернативных источников заработка (со стороны бюрократии).

Кто же сами имперские бюрократы? Отдельные её представители даже отождествляют себя с имперской мощью, что присуще для всех обладателей власти. Схема их рассуждений такова. Что ощущают представители маленькой, но гордой страны? Только то, что она маленькая и гордая. И независимая, т.е., выполняет все рекомендации МВФ и разрешает присутствие иностранных военных баз на своей территории только в обмен на солидные валютные вливания. Иное дело империя: в данном случае они, как представители бюрократии, а то и представители властной номенклатурной верхушки могут гордиться чем угодно – и славными победами, и не менее славными предками, и достижениями науки и техники и много ещё чем. Для людей, от природы стремящихся к власти, к управ-

Литература:

1. *Рогов И.И.* Теория империологии. М. : Книжный мир, 2017.
2. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: Сравнительное изучение цивилизаций. М. : Аспект-Пресс, 1999.
3. *Ливен Д.* Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Д. Ливен; Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова; Предисл. В. Глазычева. М. : Европа, 2007. С. 77–85.
4. *Оболонский А.В.* Бюрократия и бюрократизм (к теории вопроса) // Государство и право. 1993. № 12.
5. *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России : в 2 т. Т. 1 / Г.П. Федотов; Сост., вступ. ст., с. 3–38, примеч. Бойкова В.Ф. СПб. : София, 1991.
6. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006.
7. *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : Захаров, 2005.
8. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / Макс Вебер; [Пер. с нем.]; Сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. ис-след. ун-т «Высшая школа экономики».

лению другими, имперская бюрократия есть лучшая из возможных – по степени реализации желаний и потребностей, конечно же.

Ну, а кто же противники имперских бюрократов? Кто люди, бюрократию неистово критикующие? Школа политического реализма и подпитывающий её социал-дарвинизм утверждают следующее: вне зависимости от идеологической или партийной ориентации мы имеем дело либо с потенциальными анархистами, либо с неудачниками. Критикуют либо те, кто критикует всегда, либо те, кто и хотел бы быть среди сильных мира сего и решать проблемы, а не может.

Отметим, что специфика имперской бюрократии лежит в символическом поле.

Нагруженность символами, вызывающим гордость, и есть главное, отличительное свойство имперской бюрократии. Бюрократия во многом является материализованным носителем имперской идеи, воплощённой на уровне символов.

Таким образом, роль бюрократии в системе имперской организации весьма значительна и довольно велика.

А сама же имперская специфика, будет в большей степени воплощаться в тренде того, что в привилегированный управленческий класс рекрутируется инородный человеческий материал для придания стабильности системе.

Literature:

1. *Rogov I.I.* Theory of Imperiology. M. : Book World, 2017.
2. *Eisenstadt S.* Revolution and transformation of societies: a Comparative study of civilizations. M. : Aspect-Press, 1999.
3. *Lieven D.* The Russian Empire and its enemies from the XVI century to the present day. University Of Maryland, Platonov; Foreword. B. Arch. M. : Europe, 2007. P. 77–85.
4. *Obolonsky A.V.* Bureaucracy and bureaucracy (to the theory of the question) // State and law. 1993. № 12.
5. *Fedotov G.P.* Fate and sins of Russia: In 2 vols. 1 / G.P. Fedotov; Comp. please. V., p. 3–38, note. Boikova V.F. SPb. : Sofia, 1991.
6. *Gaman-Golutvina O.V.* Political elites of Russia: milestones of historical evolution. M. : ROSSPAN, 2006.
7. *Voslensky M.S.* Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union. M. : Zakharov, 2005.
8. *Weber M.* Economy and society: essays in understanding sociology: in 4 vols. / Max Weber; [TRANS.]; comp., General editorship and Foreword. L.G. Ionina; NAT. research. UN-t «Higher school of

М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. Социология. 445 с.

9. Философский век. Альманах. Т II. Вып. 32: Бенджамин Франклин и Россия. СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2006.

10. Методика Генеральной прокуратуры РФ «Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе. Памятка для служащих». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71564038/>

11. *Шедий М.В.* Социальная обусловленность возникновения коррупционных отношений в российском социуме // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 3(27).

12. *Пушкин А.С.* О русской истории XVIII века. URL : <https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/02articles/1074.htm>.

Economics». М. : Ed. house of Higher school of Economics, 2016. Vol. 1. Sociology. 445 p.

9. Philosophical age. Almanac. T II. Vol. 32: Benjamin Franklin and Russia. SPb.: St. Petersburg center for the history of ideas, 2006.

10. Methodology of the Prosecutor General's office of the Russian Federation «Conflict of interest in the state and municipal service. Memo to employees». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71564038/>

11. *Shediy M.V.* the Social conditionality of occurrence of corruption relations in the Russian society // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachenko. A series of Social science. 2012. № 3 (27).

12. *Pushkin A.S.* On Russian history of the XVIII century. URL : <https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/02articles/1074.htm>.

**Караковский
Константин Александрович**
аспирант,
Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Milena.555@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА И МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕТЕВЫХ СОЦИАЛЬНО-ГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. В рамках целевых проектов в России развивается современная цифровая инфраструктура, сквозные технологии для предоставления услуг и необходимой безопасности государственными органами. Изменяются и мотивы поступления на госслужбу, и требования к компетенциям, инструментарию управления, в частности, социологическому мониторингу и аналитике (Big Data, Social Mining и др.).

В работе проведен системный анализ поддержки «цифровизации» с ориентацией на потребности людей, а не только инфраструктурной. Предложена и исследована математическая модель социально-групповых отношений, в частности, полезной для решения проблемы сокращения к 2021 году госслужащих.

Ключевые слова: социальные группы, сетевые взаимоотношения, цифровая экономика, инфраструктура, эволюция, государственное управление.

Социальные аспекты «цифровых» отношений.

В России основными документами по цифровой экономике и поддерживающей ее инфраструктуры определены ориентиры (вплоть до 2030 г.). Апробируются прорывные (сквозные) технологии предоставления госуслуг, безопасности.

Различные практические аспекты категорий «сетевое общество» оказывают свое влияние и на социально-групповые взаимоотношения с двумя крайними опасностями – самоизоляции и «всеобщей диффузии», стремлением к глобализации.

Влияет и мотивированность, и владение цифровыми компетенциями, уровень подготовки профессиональных кадров и пользователей, хотя и прогнозируется к 2021 году более 40 % россиян с цифровыми навыками [1].

Konstantin A. Karakovsky
Postgraduate,
Russian Academy of National Economy
and Public Administration
under the President
of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

SOCIOLOGICAL SUPPORT AND MODELLING OF SOCIAL AND GROUP RELATIONS IN THE DIGITAL ECONOMY

Annotation. Within the framework of the targeted program and projects, Russia develops the infrastructure of the digital economy, end-to-end technologies for the provision of services and necessary security by state bodies. The motives of admission to the civil service, and requirements to competences, management tools, in particular, sociological monitoring and analytics (Big Data, Social Mining, etc.) change.

The work carried out a systematic analysis of support for «digitalization» with a focus on the needs of people, not just infrastructure. A mathematical model of social and group relations, in particular, useful for solving the problem of reduction of civil servants by 2021, has been proposed and studied.

Keywords: social groups, networking, digital economy, infrastructure, evolution, public administration.

В области развития госслужбы, активизация подготовки сводится не только адаптации граждан к цифровым условиям и навыкам, также необходимо создавать инфраструктурные условия их реализации, эволюции компетенций [2].

Происходит изменение традиционных мотивов поступления на госслужбу и профессиональных требований и предпочтений, инструментария управления настроем «цифрового персонала» [3]. Важно также учесть, что совершенствование инфраструктуры реализации кадровой политики в РФ – «отягощено наследственностью», коррупционными рисками [4].

В России, с ее традиционной значимостью социальных отношений в экономике и политике, падение доверия к государственным институтам, отношениям лишь возрастает, требуя эволюции структур государственной службы. Это подтверждает и социологический мониторинг настроения персонала [5].

Есть проблемы распределения «цифровых дивидендов», преимуществ, предоставляемых доступом к цифровым технологиям, цифровой инфраструктуре, различным базами и Big Data средам (например, нормативно-правовым), цифровой аналитике – социальной (Social Mining) и бизнес-ориентированной (BI). Без этого невозможно реализовать и «цифровую социологию», e-Social Science [6], активизировать системный подход.

Наблюдается осознание социального неравенства, стремление уйти от него в соцсети (особенно, молодежь, данные Gallup [7]). Требуется поддержка «цифровизации» с ориентацией на потребности людей, социума, а не (столько) на инфраструктуру. Соотечественники готовы поддерживать социально-групповые отношения, настроены на «цифровой оптимизм» (согласно исследованиям РВК, предпосылок регионального технологического развития, оптимистов – 48 %, скептиков – 28 %, технофобов – 24 %).

Следует эффективно адаптировать, подвергать «реинжинирингу» меры снижения социально-экономической сложности, активации конвергентных технологий, особенно, моделям взаимоотношений класса «Крауд*» [8]. Особенно значимо будет их актуализация в малообеспеченных профессиональными кадрами регионах, такой подход повысит кадровый потенциал и возможности улучшения социально-экономического развития региона [9].

Цифровизации, повышающей значимость, эффективность и результативность государственного управления в рамках освоения модели управления по результатам, приходится решать кризисные проблемы:

- 1) дублирования функционала;
- 2) плохой структурируемости (формализуемости);
- 3) избыточного госрегулирования;
- 4) отсутствия релевантного правового обеспечения;
- 5) изменения административно-бюрократических парадигм [10] и др.

Многие задачи передаваемы на аутсорсинг. К 2020 г. планируется сократить до 15 % количество госслужащих (от уровня организации) власти и перевести на конкурентную основу систему оплаты их труда, например, юридические отделы министерств.

Эволюция цифровой социологии и экономики требует активного изменения инфраструктуры, снижения угроз для личности, социума и государства. Здесь важно уметь моделировать, прогнозировать ситуационные сценарии поведения групп, развития в них взаимоотношений. Рассмотрим одну такую модель групповых взаимоотношений.

Моделирование социально-групповых отношений в сетевой экономике.

Пусть имеем социальную сеть, сообщество из n групп. В каждой группе i ($i = 1, 2, \dots, n$) численность позитивно настроенных – R_i , неопределившихся («нейтральных») – H_i . Аналогично для другой группы j .

Гипотезы рассмотрения задачи (моделирования):

- 1) оценивание осуществляется для случайных встреч, групп, динамика – согласно прямо пропорциональному закону, прирост пропорционален частоте встречаемости;
- 2) позитивный настрой передаётся «нейтральным»;
- 3) негативный настрой рассеивается при общении с «нейтральной» группой (подгруппой);
- 4) синергетический эффект взаимодействия групп i и j (представителей групп) – следствие взаимодействий «позитивных», их стремлений к увеличению группы по правилу $(H_i + H_j)A_iA_j$, а также переходов «нейтральных» (их нежелания примкнуть к группе «негативных»), по правилу оттока $(H_i + H_j)R_iR_j$;
- 5) медиа-информационный эффект – учёт общего и различного в общении группы i с группой j , в результате которого усиливаются позитивные стороны коммуникаций и рассеиваются негативные (u_i, u_j – интенсивности взаимодействий i -ой и j -ой группы, соответственно);
- 6) наличие напряженностей, из K альтернатив в i -ой группе N_{ik} участников приняли k -ое решение наиболее верным, в j -ой группе – их N_{jk} , причем

$$N_{i1} + \dots + N_{ik} = N_{j1} + \dots + N_{jk} = N,$$

- 7) если же такого решения (набравшего максимум голосов) – нет, то возникает напряженность, с мерой

$$P_k = N_{ik} - N_{jk}$$

Количество (прирост) воздействующих из групп i, j на группу неопределившихся, склоняя их к решению k , равно:

$$\Delta H_{ik} \equiv H_i N_{ik} N_{jk}, \quad N_{jk} \equiv H_j N_{jk} N_{ik}, \quad \Delta t = 1.$$

Тогда для численности

$$B_i = H_i + \sum_{j=1}^k N_{ij}$$

получаем, аналогично [11]:

$$\frac{dH_{ik}}{dt} = -a_{i1}H_iN_{i1}N_{j1} - \dots - a_{ik}H_jN_{ik}N_{jk}$$

$$\frac{dN_{ik}}{dt} = a_{ik}H_iN_{ik}N_{jk}, \quad k = 1, 2, \dots, K.$$

Аналогичная система соотношений верна для:

$$B_j = H_j + \sum_{i=1}^K N_{ij}.$$

Так как:

$$H_{i(j)} = B_{i(j)} - N_{i(j)1} - \dots - N_{i(j)k},$$

при $B_i = B_j = B$ система переписывается в виде:

$$\frac{dN_{i(j)k}}{dt} = a_{i(j)k}N_{i(j)k}N_{j(i)k} \left(B - \sum_{l=1}^K N_{i(j)l} \right).$$

Тогда положение равновесия системы будет найдено из соотношения:

$$N_{i1} + \dots + N_{ik} = B = N_{j1} + \dots + N_{jk}$$

Приведенная модель может быть использована в ситуационном моделировании соцсетевых взаимоотношений, групповых взаимопереходов, что позволит релевантно идентифицировать их особенности и управляющие ключевые параметры,

Литература:

1. План мероприятий по программе «Цифровая экономика России». URL : <http://static.government.ru/media/files/k87YsCABuiyuLAjcwDFILEh6itAirUX0.pdf> (дата обращения 30.11.2019).
2. *Магомедов К.О.* Социология государственной службы. М. : РАГС, 2010. 346 с.
3. *Захаров Н.Л.* Управление настроением персонала в организации (учеб. пос.) / Н.Л. Захаров, М.Б. Перфильева / Под ред. Б.Т. Пономаренко. М. : ИНФРА-М. 2009. 287 с.
4. *Брежнева А.П.* Совершенствование механизмов и технологий реализации государственной кадровой политики в условиях коррупционных рисков // Российская научно-практическая конференция «Аналитика развития и безопасности страны: реалии и перспективы». 2015. С. 48–50.
5. *Коростылева Н.Н.* Профессиональное развитие государственных гражданских служащих: результаты социологических исследований в режиме мониторинга // Вестник ПАГС. 2015. № 2. С. 58–66.
6. Big Data in Computational Social Sciences and Humanities. In book: Big Data in Computational Social Science and Humanities. 2018. P.1–25. DOI: 10.1007/978-3-319-95465-3_1

институциональные ловушки государственного управления.

Заключение.

Российской программой «Цифровая экономика» (составным проектом «Цифровое госуправление») предполагаются серьезные изменения во взаимодействиях граждан и государства. Цифровая трансформация, необходимая и естественная для всех, кардинально (системно) должна улучшить организацию и результативность работы госорганов.

Цифровые технологии не сами по себе улучшат реальную, «не отчетную» эффективность госуправления. Цифровое госуправление – не «параллельный» традиционному управлению функционал государственных органов.

Необходимо задействовать весь потенциал гражданского цифрового, информационного общества, гражданского самоуправления и контроля, необходимый инструментарий прогнозирования и оценки состояния общества. Необходим цифровой реинжиниринг и создание инфраструктуры (часто употребляется более узкая категория «платформа») всех управляющих процессов органов власти.

Для решения таких сложных проблем с не просчитываемыми априори рисками (ловушками цифровизации) необходим социологический мониторинг, ситуационное моделирование и принятие решений на их основе.

Literature:

1. Action plan for the program «Digital economy of Russia». URL : <http://static.government.ru/media/files/k87YsCABuiyuLAjcwDFILEh6itAirUX0.pdf> (accessed 30.11.2019).
2. *Magomedov K.O.* Sociology of public service. M. : RAGS, 2010. 346 с.
3. *Zakharov N.L.* The Control of the attitude of the personnel in the organization (proc. (in Russian) / N.L. Zakharov, M.B Perfil'eva; Ed. by B.T. Ponomarenko. M. : INFRA-M. 2009. 287 p.
4. *Brezhneva A.P.* Perfection of mechanisms and technologies of realization of the state personnel policy in the conditions of corruption risks // Russian scientific and practical conference «Analytics of development and safety of the country: realities and prospects». 2015. P. 48–50.
5. *Korostyleva N.N.* Professional development of civil servants: results of sociological research in monitor mode // Vestnik PAGS. 2015. № 2. P. 58–66.
6. Big Data in Computational Social Sciences and Humanities. In book: Big Data in Computational Social Science and Humanities. 2018. P.1–25. DOI: 10.1007/978-3-319-95465-3_1

7. *Standridge P.* Russians See Widening Gap Between Rich and Poor / P. Standridge, N. Esipova. URL : http://www.gallup.com/poll/209018/russians-wideninggap-rich-poor.aspx?g_source=russia&g_medi-um=topic&g_campaign=tiles (дата обращения 30.11.2019)

8. *Казиев В.М.* Модели взаимодействия класса «Крауд*» в веб-проектах / В.М. Казиев, Б.В. Казиева // В сб. статей Всероссийской конференции «Экономика России в фактах и цифрах», Центр «ЛОГОС». Ставрополь, 2017. С.110–113.

9. *Обухова Л.А.* Профессионализация как социальный процесс (к проблеме использования кадрового потенциала в стратегии социально-экономического развития региона) // Вестник Красноярского государственного педуниверситета им. В.П. Астафьева. 2012. № 1 (19). С. 11–23.

10. *Барбашев А.Г.* Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.

11. *Колесин И.Д.* Стабилизация отношений в этнических системах // Известия АН. Теория и системы управления. 2003. № 6. С. 129–134.

7. *Standridge P.* Russians See Widening Gap Between Rich and Poor / P. Standridge, N. Esipova. URL : http://www.gallup.com/poll/209018/russians-wideninggap-rich-poor.aspx?g_source=russia&g_medi-um=topic&g_campaign=tiles (дата обращения 30.11.2019)

8. *Kaziev V.M.* models of interaction of the class «crowd*» in web projects / V.M. Kaziev, B.V. Kazieva // In the collection of articles of the all-Russian conference «Russian Economy in facts and figures», LOGOS Center. Stavropol, 2017. P. 110–113.

9. *Obukhova L.A.* Professionalization as a social process (to the problem of using human resources in the strategy of socio-economic development of the region) // Bulletin of Krasnoyarsk state pedagogical University. V. P. Astafieva. 2012. № 1(19). P. 11–23.

10. *Barbashev A.G.* Crisis of public administration and its impact on the main administrative paradigms of the state and bureaucracy. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal governance*. 2016. № 3. P. 163–194.

11. *Kolesin I.D.* Stabilization of ethnic relations in the systems // *Izvestiya an. Theory and control systems*. 2003. № 6. P. 129–134.

Карапетян Елена Аветиковна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры
гуманитарных дисциплин,
Армавирский
механико-технологический институт,
(филиал) Кубанского государственного
технологического университета
karapetyan7@yandex.ru

Прохоренко Ольга Николаевна

преподаватель,
Ростовское областное училище (колледж)
олимпийского резерва
faraon43000@mail.ru

Петров Андрей Александрович

магистрант кафедры
психологии и педагогики,
Южный федеральный университет
azov61.petrov@yandex.ru

**КОММУНИКАТИВНАЯ
КОМПЕТЕНТНОСТЬ
В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Аннотация. В настоящий момент, обучение умению достигать соглашения в условиях совместной деятельности является чрезвычайно значимой областью современного образовательного пространства. В статье рассматривается проблема формирования коммуникативной компетентности в системе подготовки студенческой молодежи в образовательном пространстве высшей школы. В рамках компетентностного подхода проводится анализ компонентов коммуникативной компетентности, выделяются проблемы в области развития коммуникативной компетентности у студентов.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, компоненты коммуникативной компетентности, студенческая молодежь, конфликтная компетентность, образовательное пространство.

В нынешних стремительно изменяющихся общественных реалиях недостаточно, чтобы специалист той или иной сферы деятельности обладал только одной профессиональной компетентностью. Для эффективной профессиональной и личностной самореализации, а также – деловой и межличностной коммуникации, необходима также компетентность коммуникативная [1]. В настоящий момент, обучение умению достигать соглашения в условиях совместной дея-

Elena A. Karapetyan

Candidate of Philology,
Associate Professor
Humanitarian Disciplines,
Armavir
Mekhaniko-Institute of Technology,
(branch) of the Kuban State
Technological University
karapetyan7@yandex.ru

Olga N. Prokhorenko

Teacher,
Rostov Regional School (college)
Olympic reserve
faraon43000@mail.ru

Andrey A. Petrov

Undergraduate of Department
Psychology and Pedagogics,
Southern Federal University
azov61.petrov@yandex.ru

**COMMUNICATIVE
COMPETENCE IN THE SYSTEM
OF PREPARATION OF STUDENT YOUTH
IN EDUCATIONAL SPACE**

Annotation. At the moment, learning how to reach an agreement in a collaborative environment is an extremely important area of modern educational space. The article considers the problem of the formation of communicative competence in the system of training student youth in the educational space of higher education. Within the framework of the competency-based approach, an analysis of the components of communicative competence is carried out; problems in the field of development of communicative competence in students are highlighted.

Keywords: communicative competence, components of communicative competence, students, conflict competence, educational space.

тельности является чрезвычайно значимой областью современного образовательного пространства [2]. Особую актуальность данный вопрос приобретает в условиях многоуровневого образования, развивающегося после вступления России в Болонский процесс и наметившегося к реализации компетентностного подхода в обучении, в рамках которого принято выявлять разного рода компетентности, т.е. требования к знаниям и умениям профессионала.

Принадлежность к профессиям типа «человек-человек», бесспорно, выдвигает на передний план среди ряда других компетенций будущего специалиста коммуникативную компетентность. Как справедливо подчеркивает Е.А. Попович, отсутствие или «невысокий уровень развития коммуникативной компетентности приводит к умножению ситуаций неудач, разрушает профессиональную мотивацию», снижает уровень удовлетворенности профессией [3]. Исходя из этого, коммуникативная компетентность (КК), будучи необходимым профессиональным качеством, формируемым системой подготовки студенческой молодежи в современном образовательном пространстве, имеет множество трактовок.

На наш взгляд, прежде всего, стоит развести понятия компетентности и компетенции, лежащие в основе всякой профессиональной деятельности: компетентность – личностная характеристика, а «компетенция» обозначает должностные (функциональные) полномочия личности. Компетенции – это характеристики, необходимые для удовлетворительного выполнения задач, а компетентности представляют собой характеристики, отличающие наилучших работников от средних [4].

Сегодня понятие «коммуникативная компетентность» рассматривается многими исследователями из гуманитарных и общественных областей знания. Так, под коммуникативной компетентностью одни авторы понимают способность разбираться в разнообразных обстоятельствах деловой и межличностной коммуникации (Л.Д. Столяренко, С.И. Самыгин) [5]; другие – как умение решать социально-коммуникативные задачи (Н.В. Казаринова, В.Н. Куницына) [6]; третьи – как систему коммуникативных знаний, социально-психологических умений, навыков и способностей, соответствующих коммуникативным запросам (Е.В. Сидоренко, Т.Н. Щербаклова) [7].

В рамках последнего подхода Т.Н. Щербаклова рассматривает КК в качестве сложной личностной характеристики, включающей: коммуникативные способности и умения, психологические знания в области общения, социально-психологические свойства личности и знания в сфере профессионального и межличностного общения, психосоциальное самочувствие, сопровождающее процесс коммуникации [8, с. 16]. В данном контексте, с целью наиболее адекватной характеристики специфики коммуникативной компетентности, формируемой в рамках системы подготовки студенческой молодежи, целесообразно выделить ее различные компоненты. Так, коммуникативная компетентность в системе подготовки студенческой молодежи в образовательном пространстве включает ряд важных компонентов:

– мотивационный компонент (образуемый потребностями в общении, положительных контактах (аффилиацией), мотивами развития компетентности, семантическими установками «быть успешным» партнером взаимодействия);

– когнитивный компонент (включающий знания студенческой молодежи из сферы деловых и межличностных коммуникаций, знание языка, а также рефлексивные, оценочные и аналитические способности, демонстрирующие уровень развития социального интеллекта молодежи);

– личностный компонент (формируемый смыслами, образом личности другого индивида как партнера социально-психологического взаимодействия, а также включающий социально-перцептивные способности молодых людей, их индивидуально-личностные характеристики, образующие коммуникативный потенциал личности);

– поведенческий компонент (образуемый индивидуальной системой оптимальных моделей межличностного взаимодействия, а также субъективного контроля коммуникативного поведения) [8, с. 25].

По мнению, О.Ю. Шубкиной, помимо мотивационного и когнитивного компонентов, выделены деятельностный и рефлексивно-оценочный компонент коммуникации. Так, деятельностный компонент коммуникации предполагает анализ и оценку молодежью профессиональной коммуникативной ситуации, осуществление постановки цели общения, выбор коммуникативных стратегий и выстраивание коммуникативных тактик, включение в коммуникативную деятельность в качестве субъекта, стремящегося к реализации коммуникативного плана. Рефлексивно-оценочный компонент коммуникации проявляется в осуществлении анализа оценки эффективности собственного профессионального коммуникативного акта на основе рефлексии достигнутых коммуникативных целей, осмыслением путей своего совершенствования в профессиональной коммуникации [9]. Кроме того, формирование КК в процессе подготовки студенческой молодежи, по мнению Е.А. Смирновой и О.С. Ушаковой, предполагает и другие компетенции: языковую (обучение нормам языка и умение ими пользоваться адекватно коммуникативной ситуации), лингвистическую (знание о языке и речи, владение метаязыком лингвистики), культуроведческую (знание о языке и культуре народа) [10, с. 110]. Важно также подчеркнуть, что все компоненты коммуникативной компетентности предполагают в своей основе парадигму личностно-развивающего обучения студенческой молодежи в рамках образовательного пространства [11].

В структуре КК в системе подготовки студенческой молодежи в образовательном пространстве сегодня актуализировался компонент конфликтной компетентности, являющийся одной из важнейших общих характеристик профессионализма. Конфликтная компетентность нацелена на формирование способности личности, обеспечивающей эффективность ее коммуникации в разрешении различных конфликтных ситуаций. Б.И. Хасан характеризует ее как одну из ведущих характеристик личности и часть общей коммуникативной компетентности, определяя ее как уровень развития осведомленности будущих специалистов о возможном диапазоне стратегий поведения в конфликте и умений реализовать эти

стратегии в конкретной жизненной ситуации на практике. На основании проведенных исследований Б.И. Хасаном установлено, что ядро образовательного процесса – учебность – представляет собой конфликтную ситуацию, в которой конфликтная компетентность преподавателя – ученика воплощается в выборе адекватной образовательным целям стратегии и тем самым предопределяет эффективность самого образовательного процесса [12]. При этом важно отметить, что конфликтная компетентность может рассматриваться как вид коммуникативной компетентности, обладающий ее существенными качественными признаками: «сложность структурной организации, имеющей интегральный характер, связанность со структурой процесса коммуникации и его эффективностью, динамичность компонентов, возможность их совершенствования» в учебно-образовательном процессе [13, с. 16].

В соответствии с этим, исходя из практического опыта работы в образовательном пространстве высшей школы, можно выделить следующие основные проблемы в области развития коммуникативной компетентности у студентов:

– недостаточно развитая потребность в межличностном общении. По данным опросника аффилиации, 36 % студентов, обучающихся по специальности «педагог-психолог» в ФГОУ ВПО «ЮФУ» имеют низкий уровень развития мотива «стремление к людям», 64 % – средний; при этом по шкале «боязнь быть отвергнутым» высокий результат показали 9 % опрошенных студентов, 55 % – средний, и только 36 % – низкий [14];

– большинство студенческой молодежи даже к концу обучения в высшей школе не способны

аргументированно, разносторонне, с привлечением научных знаний и жизненного опыта излагать собственную точку зрения;

– студенты не достаточно владеют навыками слушания, испытывают трудности в тех случаях, когда требуется пояснить или продолжить высказанную сокурсником мысль, сформулировать и задать вопросы по излагаемому материалу в процессе специально организованного академического взаимодействия (беседы);

– студенческая молодежь, даже обладая достаточными теоретическими навыками по психологии общения, зачастую демонстрирует недоразвитие умений и навыков деловой коммуникации, проявляющейся в неспособности организовать сотрудничество с малоизвестными людьми, в неумении эффективно взаимодействовать при работе в группах, находить выход из конфликтных ситуаций [14].

В этой связи, высшее учебное заведение, ставя перед собой задачу развития КК у студенческой молодежи, может использовать с этой целью не только учебные программы, но и технологию активного обучения (проблемная лекция, различные виды дискуссий, работа в малых группах, деловые игры, тренинги активного слушания и пр.).

Таким образом, поскольку коммуникативная компетентность сопровождает любой вид профессиональных обязанностей, умений и навыков специалистов, формирование КК в системе подготовки студенческой молодежи в образовательном пространстве является необходимым условием успешной адаптации и будущей эффективной профессиональной деятельности молодежи.

Литература:

1. Гафиатулина Н.Х. Социально-психологические технологии деловых и межличностных коммуникаций / Н.Х. Гафиатулина, Я.В. Артамонова. Ростов-н/Д.; Таганрог, 2019.
2. Shakhbanova M.M. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, et al. // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № 2. С. 296–305.
3. Попович Е.А. Коммуникативная компетентность педагогов-психологов // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2018. № 1.
4. Митина Л.М. Профессиональная деятельность и здоровье педагога. М. : Академия, 2005. 368 с.
5. Столяренко Л.Д. Социальная психология / Л.Д. Столяренко, С.И. Самыгин. М., 2016. 332 с.
6. Куницына В.Н. Межличностное общение / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погорьша. СПб., 2001. 544 с.

Literature:

1. Gafiatulina N.Kh. Socio-psychological technology of business and interpersonal communications / N.Kh. Gafiatulina, Ya.V. Artamonova. Rostov-on/D.; Taganrog, 2019.
2. Shakhbanova M.M. The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, et al. // Revista Inclusiones. 2019. Т. 6. № 2. С. 296–305.
3. Popovich E.A. Communicative competence of educational psychologists // St. Petersburg Educational Bulletin. 2018. № 1.
4. Mitina L.M. Professional activities and the health of the teacher. M. : Academy, 2005. 368 p.
5. Stolyarenko L.D. Social Psychology / L.D. Stolyarenko, S.I. Samygin. M., 2016.332 p.
6. Kunitsyna V.N. Interpersonal communication / V.N. Kunitsyna, N.V. Kazarinova, V.M. Pogolsha. SPb., 2001. 544 p.

7. *Сидоренко Е.В.* Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии. СПб., 2004. С. 73.
8. *Щербакowa Т.Н.* Психологическая компетентность учителя: содержание, механизмы и условия развития. Ростов-н/Д., 2005.
9. *Шубкина О.Ю.* Формирование коммуникативной компетентности студентов технических направлений подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2016. 24 с.
10. *Смирнова Е.А.* Формирование коммуникативной компетентности студентов как условие их профессиональной деятельности / Е.А. Смирнова, О.С. Ушакова // Коммуникология. 2014. № 6. С. 109–121.
11. *Снеговая О.А.* Коммуникативно-компетентный подход в образовательном пространстве высшей школы / О.А. Снеговая, Е.А. Карапетян, В.Н. Власова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10.
12. *Хасан Б.И.* Психотехника конфликта и конфликтная компетентность. Красноярск, 2004. 157 с.
13. *Башкин М.В.* Конфликтная компетентность. Ярославль : Ярославский государственный университет, 2014. 72 с.
14. *Рошчевская Е.В.* Коммуникативная компетентность в системе подготовки педагогов-психологов / Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования: материалы Международной научно-практ. конф. Ростов-н/Д., 2010.
7. *Sidorenko E.V.* Communication skills training in business interaction. SPb., 2004. P. 73.
8. *Shcherbakova T.N.* The psychological competence of the teacher: content, mechanisms and development conditions. Rostov-on/d., 2005.
9. *Shubkina O.Yu.* Formation of the communicative competence of students in technical areas of training : author. diss. Cand. ped sciences. Krasnoyarsk, 2016. 24 p.
10. *Smirnova E.A.* The formation of communicative competence of students as a condition of their professional activity / E.A. Smirnova, O.S. Ushakova // Communicology. 2014. № 6. P. 109–121.
11. *Snegovaya O.A.* The communicative-competency approach in the educational space of higher education / O.A. Snegovaya, E.A. Karapetyan, V.N Vlasova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 10.
12. *Hasan B.I.* Psychotechnics of conflict and conflict competence. Krasnoyarsk, 2004. 157 p.
13. *Bashkin M.V.* Conflict competency. Yaroslavl : Yaroslavl State University, 2014. 72 p.
14. *Roshchevskaya E.V.* Communicative competence in the system of training teachers-psychologists / Innovative potential of the subjects of the educational space in the context of modernization of education: materials of the First International scientific and practical. conf. Rostov-on/D., 2010. P. 287–291

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Шкуропий Ольга Ивановна

старший преподаватель
кафедры гуманитарных дисциплин,
Армавирский
механико-технологический институт
(филиал)
Кубанского государственного
технологического университета
olgaskr17@yandex.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент,
докторант кафедры
региональной социологии
и моделирования социальных процессов,
Институт социологии и регионоведения;
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

**СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ МОЛОДЕЖИ
КАК МЕХАНИЗМ ПРОФИЛАКТИКИ
ПОВЕДЕНЧЕСКИХ АДДИКЦИЙ**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению социальной адаптации молодежи в качестве одного из механизмов профилактики поведенческих аддикций в молодежной среде. Описаны три группы механизмов процесса социальной адаптации молодежи: психические, социально-психологические, социальные. Авторы полагают, что исходным механизмом социальной адаптации молодежи с аддиктивным поведением является социальный контроль.

Ключевые слова: молодежь, социальная адаптация, механизмы адаптации, профилактика, поведенческая аддикция, гаджет-аддикции.

Современная молодежь – это такая категория населения, которая, с одной стороны, характеризуется наибольшей активностью, энергичностью, креативностью, стремлением к познанию нового, а с другой, – по известным причинам, связанным с маргинальным и неопределенным положением, подвержена риску влияния различных негативных явлений [1]. При этом череда непрекращающихся реформ всех соци-

Valery V. Kasyanov

Doctor of Social Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of Chair of History of Russia,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Olga I. Shkuropy

Senior Lecturer
of the Department
of Humanitarian Disciplines,
Armavir Institute of Mechanics
and Technology (branch),
Kuban State Technological University
olgaskr17@yandex.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of Sociological Science,
Associate Professor,
Doctoral Candidate of Department
Regional Sociology
and Modelling Social Processes,
Institute of Sociology and Regional Studies;
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

**SPECIFICITY OF SOCIAL
ADAPTATION OF YOUTH
AS A MECHANISM FOR PREVENTION
OF BEHAVIORAL ADDICTIONS**

Annotation. The article is devoted to the consideration of the social adaptation of youth as one of the mechanisms for preventing behavioral addictions in the youth environment. Three groups of mechanisms of the process of social adaptation of youth are described: mental, socio-psychological, social. The authors believe that social control is the initial mechanism for the social adaptation of youth with addictive behavior.

Keywords: youth, social adaptation, adaptation mechanisms, prevention, behavioral addiction, gadget addiction.

альных сфер жизнедеятельности, стремительные изменения в экономическом пространстве общества, в системе социального здравоохранения и образования, происходящие в российском обществе в последние десятилетия, значительно осложняют не только условия жизни, но и условия социального становления молодых людей [2].

В силу того, что молодежный возрастной период связан с такими важнейшими социально-демографическими «событиями» в жизнедеятельности молодых людей, как:

- формирование устойчивой системы ценностей и мотивационно-потребностной сферы личности;
- самоопределение в личной жизни и образовательно-профессиональной деятельности;
- начало самостоятельной трудовой деятельности и становление социального статуса – все это в совокупности оказывает влияние на выбор молодежью той или иной формы поведения, в т.ч. и деструктивного характера.

И если в этот период в структуру личности вторгаются различные виды отклонений, то они могут вызвать формирование не только химических зависимостей (курение, пьянство, алкоголизм, наркоманию), но и поведенческих (нехимических, технологических) аддикций. Инновационные технологии и Интернет являются относительно надежными и сильными средствами изменения психоэмоционального состояния молодежи, т.е. реализации у нее разных форм аддиктивного поведения [3].

Поэтому перед любым обществом стоит важная задача: минимизировать издержки и потери, связанные с социализацией молодых людей, социальной адаптацией и интеграцией их в единое социально-экономическое, политическое и социокультурное пространство. Следовательно, учитывая вышеизложенное, проблема социальной адаптации молодежи как механизма профилактики поведенческих аддикций в молодежной среде является одной из ключевых в современной психолого-педагогической и социальной науке. На основе показателя социальной адаптации исследуются и подвергаются анализу различные злободневные общественные проблемы, включая причины, следствия, а также профилактику поведенческих аддикций в молодежной среде.

Так, по мнению Л.А. Кайгородовой, социально-экономические просчеты на фоне значительной демократизации общественной жизнедеятельности одни исследователи склонны объяснять аддиктивными особенностями самой личности молодого человека (паразитическая, криминальная адаптация); другие видят источник проблем в низкой адаптивности организационно-институциональной структуры; третьи указывают на длительность процесса социальной адаптации молодежи в нестабильной, динамичной среде [4, с. 92]. При этом общим является признание положения о том, что социальная адаптация молодежи препятствует формированию различных социальных отклонений и тем самым является механизмом профилактики поведенческих аддикций.

Итак, каким же образом определяются поведенческие аддикции?

Аддиктивное поведение (поведенческая аддикция) представляет собой:

- одну из форм девиантного поведения, носящего деструктивный (разрушительный) характер;
- поведения с формированием стремления молодежи уйти от реальности путем изменения своего психического состояния приемом некоторых веществ или постоянной фиксацией внимания на определенных предметах или технических активностях (видах деятельности), с целью развития и поддержания интенсивных эмоциональных переживаний даже ценой серьезного риска [5, с. 34]. Более того, у молодежи, склонной к аддикции отмечается феномен «жажды острых ощущений», характеризующийся побуждением к риску [6; 7].

Разрушительный характер аддикции проявляется в том, что в этом процессе устанавливаются психоэмоциональные отношения и связи не с социальным окружением, а с неодушевленными предметами или явлениями при любых видах химических и нехимических аддикций: телевизионной аддикции, зависимости от гаджетов – мобильных телефонов, планшетов, Интернет-ресурсов, Интернет-игр, азартных игр и т.п. [8].

Однако при этом, как подчеркивает А.Ю. Егоров, важно разводить понятия аддикции и зависимости, определяя их следующим образом: в частности, аддикция характеризуется экстремальным или психопатологическим состоянием, когда утрачен контроль над собой (например, потерян контроль при употреблении психоактивных веществ или компьютерной игромании); зависимость же зачастую ассоциируется с толерантностью, синдромом отмены и отражает состояние нужды личности в чем-то с тем, чтобы функционировать адекватным образом [9, с. 105].

Р.А. Atroszko выделяют следующие социально-психологические особенности молодежи с аддиктивными формами поведения: сниженная переносимость трудностей повседневной жизни наряду с хорошей переносимостью кризисных ситуаций; скрытый комплекс неполноценности, сочетающийся с внешне проявляемым превосходством; внешняя социабельность при страхе перед стойкими социальными контактами; стремление уходить от ответственности в принятии решений; стереотипность, повторяемость поведения; зависимость и тревожность; социальная дезадаптивность [10].

Отечественный исследователь А.В. Котляров указывает на существование ряда основных признаков гаджет-аддикции, отражающих поведенческие отклонения в молодежной среде:

- отчетливая, осознаваемая связь настроения с применением гаджета;
- прогрессивное повышение времени использования гаджета;
- увеличение материальных затрат на гаджет;
- чувство вины, связанное с использованием гаджета;
- сужение сферы интересов до уровня, связанного с применением гаджета;

– физические, социально-психологические, семейные и профессиональные проблемы, сопряженные с использованием гаджета [11].

Как правило, большинство поведенческих аддикций среди молодежи имеют в своей основе главную причину – социальную дезадаптацию, источником которой является дезадаптированная семья. Ранняя социальная дезадаптация влияет на формирование молодого поколения, которое не приучено к труду, а также к созданию семьи. Социальная дезадаптация, вызванная рядом факторов социальной, экономической, социокультурной, психологической и психосоматической природы, приводит к изоляции, лишению или утрате молодым человеком основной потребности – потребности в полноценном развитии и самореализации. Следовательно, группы дезадаптированной молодежи нуждаются в полноценной социальной адаптации для гармоничного личностного развития [12].

Особое значение для формирования социологических взглядов на специфику социальной адаптации как механизма профилактики поведенческих аддикций в молодежной среде имели труды классиков социологии: Э. Дюркгейма, показавшего, каким образом в процессе адаптации происходит интериоризация индивидом социальных норм; М. Вебера, обосновавшего целерациональность процесса адаптации; Т. Парсонса, рассматривавшего адаптацию как взаимный компромисс между личностью и обществом; Р. Мертон, описавшего адаптационные механизмы молодежи в условиях социальной дезорганизации.

Социальная адаптация – это интегративный показатель состояния молодежи, отражающий ее «возможности выполнять определенные биосоциальные функции:

– адекватное восприятие окружающей действительности и собственного организма;

– адекватная система отношений и общения с окружающими» [13, с. 6].

Адаптация как результат является подтверждением того, в какой степени молодежь приспособлена к жизнедеятельности, насколько ее поведение, взаимоотношения и эффективность деятельности соответствуют возрасту, социальным нормам и правилам, принятым в этом обществе.

Социальная адаптация молодежи предполагает оптимальное функционирование личности во взаимодействии со средой, оптимальную самореализацию в условиях социальной среды, степень личностной интеграции, при взаимодействии индивида с социальной средой.

Важным моментом социальной адаптации считается принятие каждым молодым человеком социальной роли, что позволяет рассмотреть социальную адаптацию как социально-психологический механизм социализации личности.

В зависимости от используемых в процессе адаптации средств можно выделить группу механизмов процесса социальной адаптации молодежи:

– психические механизмы, которые направлены на формирование и развитие психики и сознания молодого индивида, воздействие на него различных факторов социальной среды и приспособления психического склада личности под требования социальной среды;

– социально-психологические механизмы, рассчитанные на приспособление личности молодого человека к социальной среде путем ее освоения разными способами;

– социальные механизмы, к которым относится механизм социальной деятельности, который можно рассматривать как многофункциональный механизм социальной адаптации. Именно в данном процессе социальной деятельности реализуется непосредственное вовлечение молодежи, склонной к аддикциям, в новую систему отношений, общепринятых норм и ценностей.

В условиях социальной деятельности аддиктивная личность приобретает новые социальные статусы и роли, открывающие ей путь к вступлению в новую социальную среду.

Процесс адаптации молодежи к новой среде жизнедеятельности предполагает акцентирование тех ее сторон, характеристик и свойств, к которым следует адаптироваться в первую очередь, т.е. объекта социальной адаптации. В зависимости от того, что именно выступает в таком качестве, Н.В. Майсак предлагает выделить три вида социальной адаптации [14]:

функциональную адаптацию, представляющую собой приспособление субъекта к новой социальной среде через выполнение и освоение новых социальных функций. (К примеру, адаптация молодого человека к учебно-образовательной деятельности посредством освоения им своих функциональных обязанностей обучающегося);

организационную, связанную с овладением и приспособлением молодого человека к новым организационным структурам, к новой системе социальной или внутригрупповой стратификации. (Например, освоение человеком иерархических отношений в новом для него военном коллективе);

ситуативную, представляющую собой внешнее приспособление молодого человека к новым условиям жизнедеятельности. Этот вид социальной адаптации наблюдается в случае, когда субъект начинает приспосабливаться к среде через исполнение ее требований, норм и правил.

Исходным механизмом социальной адаптации молодежи с поведенческими аддикциями, на наш взгляд, является социальный контроль, предполагающий совокупность методов воздействия социума и социальных институтов на желательные формы девиаций с целью их устранения или минимизации и приведение в

соответствие с социальными нормами. Важнейшей стратегией социального контроля является реализация государственной молодежной политики, призванной снизить аддиктивное поведение путем социальной адаптации и интеграции молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, в общественную жизнь [15].

Таким образом, профилактическая работа с молодежью, подверженной аддикциям, должна вестись с учетом группы механизмов процесса со-

Литература:

1. *Shakhbanova M.M.* The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, et al. // *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № 2. С. 296–305.
2. *Егорова Т.В.* Профилактика социальных отклонений студентов / Т.В. Егорова, Н.А. Козлов // Организация профилактики зависимого поведения молодежи в условиях модернизации системы образования: проблемы, перспективы, решения: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Владимир, 2014. С. 18–21.
3. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia) / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, V.V. Kasyanov, et al. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019. Т. 8. № 2.1. С. 250–257.
4. *Кайгородова Л.А.* Социальная адаптация студенческой молодежи как механизм профилактики зависимостей // Межведомственный подход в профилактике зависимостей в молодежной среде: материалы I межрегионального форума. Ростов-н/Д., 2013. С. 91–98.
5. *Руководство по аддиктологии* / Под ред. В.Д. Менделевича. СПб., 2007. 768 с.
6. *Петровский А.В.* Общая психология. М. : Просвещение, 2012.
7. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don) / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva // *Health Risk Analysis*. 2017. № 4. С. 66–75.
8. *Верещагина А.В.* Парадоксы терпимости и девиантного поведения молодежи / А.В. Верещагина, Н.Х. Гафиатулина, С.И. Самыгин // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 4. С. 32–37.
9. *Егоров А.Ю.* Нехимические зависимости. СПб, 2007. 190 с.
10. *Atroszko P.A.* Research on Behavioural Addictions: Work Addiction. *Modern Research Trends of*

циальной адаптации, поскольку последняя препятствует формированию различных поведенческих аддикций в молодежной среде и является механизмом их профилактики. При этом важно указать, что в процессе социальной адаптации молодежи необходимо объединение усилий многих специалистов (социологов, психологов, медиков, педагогов, юристов) в разработке мероприятий по профилактике аддикций в молодежной среде.

Literature:

1. *Shakhbanova M.M.* The role of trust in the formation of ethnic tolerance and social health in the modern Russian society / M.M. Shakhbanova, V.V. Kasyanov, et al. // *Revista Inclusiones*. 2019. Т. 6. № 2. С. 296–305.
2. *Egorova T.V.* Prevention of social deviations of students / T.V. Egorova, N.A. Kozlov // *Organization of prevention of dependent behavior of youth in the modernization of the education system: problems, prospects, solutions: Materials of the All-Russian scientific-practical conference*. Vladimir, 2014. P. 18–21.
3. *Ponomarev I.E.* The influence of social justice crisis on social health and spiritual security of young students (a case study of the south of Russia) / I.E. Ponomarev, N.K. Gafiatulina, E.I. Zritineva, V.V. Kasyanov, et al. *International Journal of Applied Exercise Physiology*. 2019. Т. 8. № 2.1. С. 250–257.
4. *Kaygorodova L.A.* Social adaptation of students as a mechanism for the prevention of addictions // *Interdepartmental approach to the prevention of addictions in the youth environment: proceedings of the I Interregional Forum*. Rostov-on/D., 2013. P. 91–98.
5. *Guide to addictology* / ed. V.D. Mendeleevich. SPb., 2007.
6. *Petrovsky A.V.* General psychology. M. : Education, 2012.
7. *Gafiatulina N.Kh.* Social health and perception of risks by students living in southern Russian regions (based on sociological questioning data obtained in Rostov-on-Don) / N.Kh. Gafiatulina, L.V. Tarasenko, S.I. Samygin, S.Yu. Eliseeva // *Health Risk Analysis*. 2017. № 4. С. 66–75.
8. *Vereshchagina A.V.* Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth / A.V. Vereshchagina, N.Kh. Gafiatulina, S.I. Samygin // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2018. № 4. P. 32–37.
9. *Egorov A.Yu.* Non chemical dependencies. SPB, 2007. 190 p.
10. *Atroszko P.A.* Research on Behavioural Addictions: Work Addiction. *Modern Research Trends of*

Young Scientists: Current Status, Problems and Prospects. 2012. P. 11–24.

11. *Котляров А.В.* Другие наркотики или Homo Addictus: Человек зависимый. М. : Психотерапия, 2006. 460 с.

12. *Коротков В.В.* Отношения в семье как залог формирования полноценной личности / В.В. Коротков, О.И. Шкуропий // В сборнике: Безопасность и противодействие терроризму: история и современность Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей. 2017. С. 105–107.

13. Краткий психологический словарь / Авт.-сост. С.Я. Подопригора, А.С. Подопригора. Ростов-н/Д., 2010. 318 с.

14. *Майсак Н.В.* Личностные особенности младшего подростка с девиантным поведением : дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 213 с.

15. *Касьянов В.В.* Эффективность управления региональной молодежной политикой: проблема детерминации критериев / В.В. Касьянов, Л.И. Щербакова, С.И. Самыгин // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 3. С. 230–234.

Young Scientists: Current Status, Problems and Prospects. 2012. P. 11–24.

11. *Kotlyarov A.V.* Other drugs or Homo Addictus: Addicted. M. : Psychotherapy, 2006. 460 p.

12. *Korotkov V.V.* Relations in the family as a guarantee of the formation of a full-fledged personality / In the collection: Security and counter-terrorism: history and modernity Materials of the International scientific-practical conference of students, graduate students, teachers. 2017. P. 105–107.

13. Brief psychological dictionary / ed. S.Ya. Podprigora, A.S. Subprior. Rostov-on/D., 2010. 318 p.

14. *Maysak N.V.* Personal characteristics of a younger teenager with deviant behavior : dis. ... cand. psychol. sciences. M., 2001. 213 p.

15. *Kasyanov V.V.* The effectiveness of managing regional youth policy: the problem of determining criteria / V.V. Kasyanov, L.I. Scherbakova, S.I. Samygin // State and municipal management. Scientists notes. 2019. № 3. P. 230–234.

Колмыкова Марина Александровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Оренбургский
государственный университет
mari_kol@mail.ru

Marina A. Kolmykova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor at the Chair
of the State and Municipal Management,
Orenburg State University
mari_kol@mail.ru

**УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:
МНОГООБРАЗИЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ**

**MANAGEMENT CULTURE:
DIVERSITY
OF THEORETICAL APPROACHES**

Аннотация. В данной статье проведен анализ теоретических подходов к пониманию природы и сущности управленческой культуры. Основываясь на результате количественного контент-анализа, делается вывод о междисциплинарном характере изучаемого феномена. Несмотря на многочисленные публикации по данной тематике, многие авторы не уделяют должного внимания взаимосвязи культуры управления с организационной культурой конкретной организации. В статье представлено авторское определение управленческой культуры.

Annotation. Theoretical approaches to understanding the nature and essence of the management culture were analyzed in this article. Based on quantitative content analysis, the conclusion is made about the interdisciplinary nature of the phenomenon under study. Despite numerous publications on this subject, many authors do not pay due attention to the relationship between the management culture and the organizational culture of a specific organization. The article presents the author's definition of management culture.

Ключевые слова: управленческая культура, организационная культура, национальная культура, управленческая деятельность, персонал, нормы, ценности.

Keywords: management culture, organizational culture, national culture, management activities, personnel, standards, values.

Коренные изменения, происшедшие в общественно-политическом строе России в конце XX в., послужили серьезным поводом для трансформации научных учений в области управления отечественными учеными. В западной научной мысли «менеджерский бум» давно способствовал появлению научных подходов к управлению как к профессиональной деятельности. Огромное количество исследований были посвящены поиску инструментов эффективного управления.

Их уникальные методы расстановки и обучения персонала привели к повышению эффективности деятельности каждого отдельно взятого работника, поскольку у них нет проблем, связанных с потерей работы, они уверены в завтрашнем дне и ориентированы на результат. Постоянное совершенствование своих навыков и использование сохраненных самобытных культурных норм и ценностей с учетом использования новейших технологий дало «свои плоды».

Интерес к изучению феномена организационной культуры в мировой науке связан с так называемым «японским экономическим чудом», когда в 60-х-70-х гг. прошлого века наблюдался экономический «взлет» страны, который протекал не по законам американской экономической теории.

Система пожизненного найма и патерналистский стиль управления являются отличительными характеристиками управленческой культуры японских предприятий.

Исследователи организационной культуры склонны считать, что изучение данного феномена возможно именно во взаимосвязи с национальной культурой. Действительно, опыт японцев, которые использовали концепции и опыт мировой науки управления, добавив свои национальные принципы управления, ориентированные на перспективу, закрепленные в массовом сознании, создали свою концепцию управления персоналом, которая стала известна во всем мире.

Одним из тех, кто изучал причины успеха японской экономики, был У. Оучи, который трактовал фактор национальной культуры как важнейшую составляющую японского экономического чуда. В 1980-х годах он опубликовал свою известнейшую работу «Теория Z» [1].

Наряду с популяризацией терминов «организационная» и «корпоративная культура», которые, согласно интерпретации Э. Шейна [2], являются инструментом внешней адаптации и внутренней интеграции предприятия, интерес представляет феномен управленческой культуры, который становится все более популярным из-за широко-

го проникновения управления во все сферы общественной жизнедеятельности.

Управленческая культура интересует исследователей самого разного предметного поля: экономического, социологического, педагогического, философского, культурологического и социально-психологического, что свидетельствует о многогранности изучаемого феномена.

Был проведен количественный контент-анализ научных трудов, размещенных на платформе научной электронной библиотеки <https://elibrary.ru>. По типу публикаций нас интересовали статьи в журналах, книги, материалы конференций и диссертации. Были проанализированы работы, в названии, аннотации и ключевых словах которых присутствует упоминание словосочетаний «организационная», «корпоративная» и «управленческая культура» за период с 1990 по 2019 год, что позволило выявить следующую тенденцию. На первом месте по изучению данной проблематики находится тематический раздел «Экономика. Экономические науки» (9472 работ), на втором – «Народное образование. Педагогика» (6745 работ), на третьем – раздел «Социология» (5980 работ), на четвертом – «Психология» (4583 работы) и на пятом – «Философия» (2096 работ). Выявляя данную тенденцию, необходимо отметить, что, ранжируя по мере убывания указанное количество работ, мы выделили максимальное количество работ по данным упоминаниям. На самом деле проблемы социокультурного пространства организации исследуются представителями и других научных направлений.

Целью данной статьи является рассмотрение теоретических подходов к анализу сущности природы управленческой культуры.

Анализ научной литературы по данной проблематике свидетельствует о том, что достаточная часть авторов, уделяющих внимание изучению сущности управленческой культуры, придерживаются мнения, что изучать данный социальный феномен необходимо с учетом особенностей национальной культуры: Хофштед Г., Льюис Р.Д., Наумов А.И., Шкаратан О.И., Карачаровский В.В., Перепелкин Л.С., Акимова Е.М. и др.

Обратим внимание на трактовку управленческой культуры с позиции концепции управления «человеческим ресурсом». По мнению Афонина О.А. и Галкиной О.В., данную культуру можно рассматривать «как целостный феномен, который описывает свойство личности, занятой в сфере управления». Причем отмечается, что у руководителя как носителя данной культуры должна быть способность к решению проблем и задач, возникающих в производственном процессе, а также сформированы навыки оказания помощи сотруднику, оказавшемуся в трудной профессиональной ситуации, и в ситуациях, «требующих управленческого воздействия с использованием знаний и опыта, ценностей, способностей и склонностей». Причем вышеуказанные авторы обращают внимание на то, что организационная культура является важной составляющей управленческой культуры, поскольку руководитель

может грамотно изменять культуру организации, если это необходимо [3].

По мнению Давыдовой А.В., управленческая культура – это совокупность этических, социально-психологических, профессиональных и целевых установок, определяющих эффективность функционально-ролевого взаимодействия руководителя и подчиненных. Причем она выделяет четыре составляющие управленческой культуры, а именно: нормативно-ценностную, социально-психологическую, профессионально-управленческую и целевую [4].

Духина Т.Н., анализируя проблему выбора стилей руководства в управленческой культуре, выделяет три важные составляющие, лежащие в основе совокупного портрета руководителя: особенности личности, стиль руководства и авторитет. Выделенные составляющие, по ее мнению, оказывают влияние на эффективность руководства коллективом в целом и, в конечном итоге, – на процессы формирования психологического климата. А говоря об авторитете руководителя, описывает три его формы проявления: моральное, функциональное и формальное [5].

Качалов Д.В. рассматривает управленческую культуру как разновидность профессиональной культуры, которая, в свою очередь, состоит из политической, административной, правовой, организационной, менеджерской, социально-психологической, информационной, коммуникационной и экономической культур. При этом добавляет, что культуру управления нужно рассматривать интегральным образованием системы знаний и умений, а также личностных качеств, мотивов и ценностей, которые реализуются в процессе осуществления управленческой деятельности [6].

Особый интерес представляет социолого-управленческий подход, предложенный Ильиных С.А., к пониманию сущности управленческой культуры, которую она определяет как сложный многоаспектный феномен. Поэтому к анализу управленческой культуры необходимо подходить с позиции комплексности, это становится возможным, используя системный, деятельностный и феноменологический подходы.

Управленческая культура как открытая система, по мнению автора, включена в системы более высокого порядка, а именно: социетальные социокультурные системы, национальную и организационную культуры. Это означает, что культура управления испытывает на себе влияние систем более высокого порядка. Управленческая культура как способ осуществления деятельности упорядочивает действия работников в организации, регулирует социальные процессы, проходящие внутри нее, «придает смысловую ориентацию через обеспечение преемственности общественного опыта» [7].

По мнению Ильиных С.А., феноменологический подход к анализу управленческой культуры позволяет рассмотреть культуру управления как культурное поле конструкторов, значений и смыслов.

Обратим внимание еще на одну концепцию, которая представляет для нас особый интерес. Красовский Ю.Д. в своих научных работах различает понятия «организационная культура» и «организационная культура управления». Мало того, он утверждает, что эти понятия коренным образом отличаются друг от друга. Основываясь на большом консалтинговом опыте, Красовский Ю.Д. считает, что изучение организационной культуры необходимо начинать с определения ее управленческой сущности, потому что именно представления и базовые ценности высшего руководства являются регуляторами поведения работников всего предприятия [8].

Диагностировать базовые организационные культуры управления Красовский Ю.Д. предлагает по авторской методике «Ракурс», в ходе подобного исследования представляется возможным получить среднюю оценку по каждому типу управленческой культуры по шкале от 1 до 10 баллов. Автор данной методики выделяет следующие базовые культуры управления: фронтальная, рейтинговая, командная, пирамидальная, кооперационная, патерналистская, мобильная и консолидированная [9].

Милютин П.В. предлагает проанализировать сущность управленческой культуры с социально-философской точки зрения, выделив ряд типологических черт изучаемого феномена, таких как: знания, умения, навыки, образ жизни, способность осваивать и воспроизводить лучшие образцы профессионального сознания и поведения, харизма, воля, способность предвидения (прогнозирования), гуманизм. Основываясь на подробном анализе перечисленных черт, Милютин П.В. предлагает рассмотреть управленческую культуру как «высокий уровень сформированности интеллектуальных, эмоционально-волевых, нравственных, физических качеств, совокупность которых позволяет решать профессиональные задачи в сфере социального управления с высокой степенью эффективности и стабильности» [10].

Васьков М.А. считает, что непосредственное влияние на культуру управления оказывает социальная среда с ее ценностями, нормами, ограничениями и запретами, которая формирует личность подчиненных и руководителя. При этом управленческую культуру руководителя он предлагает рассматривать в двух аспектах: как личную культуру, включающую личные психологические качества руководителя, уровень его образования, мировоззрение, ценности, стиль общения с подчиненными, так и профессиональную. Последняя, в свою очередь, является достаточно важным значением его личного и профессионального опыта, умения полноценно использовать его в процессе управленческой деятельности, способность к восприятию новых знаний [11].

Литература:

1. Ouchi W. Type Z Organization: Stability in the Midst of Mobility / W. Ouchi, A. Jaeger // Academy of Management Review, 1978. № 3. P. 305–314.

Исследования управленческой культуры государственных и муниципальных служащих необходимо рассматривать как отдельную научную категорию. Среди отечественных ученых, занимающихся изучением данного направления, можно выделить Зинченко Г.П., Корнееву М.Ю., Улунову А.Е., Начкебия М.С., Евтехову А.С., Ефимову Е.С., Вдовенко Е.О., Мирсаидова Б.М. и других.

На управленческую культуру данной профессиональной категории оказывает особое влияние национальный фактор, менталитет, общественное мнение. Кроме того, профессия государственного служащего существенно отличается от других, так как они представляют органы власти, государственный аппарат, созданный для функционирования государства, то есть для реализации им своих функций и задач. Соответственно, представители данной профессии должны соответствовать большому количеству правовых характеристик, определяющих само государство и отдельные его органы. Особую роль здесь приобретает их допуск к исключительным ресурсам государства (экономическим, правовым, организационным, военным, человеческим и пр.), а точнее, использование ими данных ресурсов в интересах государства.

В заключение хотелось бы отметить, что, изучая все многообразие подходов к пониманию сущности управленческой культуры, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, Россия вбирает в себя культуру восточного и западного подхода, при этом все эти подходы должны быть адаптированы под российскую ментальность. Имея богатейшую историю, Россия неоднократно переживала качественные изменения общественно-политического строя, и это не может не сказываться на российской управленческой культуре в целом.

Во-вторых, наблюдается тенденция, что понятие «управленческая культура», в современной науке рассматривается как самостоятельное, не совпадающее с понятиями «организационная и корпоративная культура», так и понятие, которое рассматривается как составляющая культуры высшего уровня.

В-третьих, основываясь на сущности понимания «культуры» в социологическом контексте, с учетом ее социальных функций, предлагаем следующее определение. Управленческая культура – это совокупность профессиональных навыков и лидерских качеств руководителя, выражающихся в стиле управления, методах мотивации персонала, профессиональном подходе к принятию управленческих решений, которые направлены на интеграцию персонала на основе единых норм, ценностей и установок, и влияющих на его поведение.

Literature:

1. Ouchi W. Type Z Organization: Stability in the Midst of Mobility / W. Ouchi, A. Jaeger // Academy of Management Review, 1978. № 3. P. 305–314.

2. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / Э. Шейн; Пер. с англ.; Под ред. В.А. Спивака. СПб. : Питер, 2002. 336 с.
3. Афонин О.А. Управленческая культура как фактор перехода к новой концепции управления «человеческим ресурсом» / О.А. Афонин, О.В. Галкина // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 10. С. 13–16.
4. Давыдова А.В. Влияние структурных компонентов управленческой культуры на развитие организации // Дискуссия. 2011. С. 134–138.
5. Духина Т.А. Проблема выбора стилей руководства в управленческой культуре: теоретический анализ. Краснодар : Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1. Ч. 2. С. 104–144.
6. Качалов Д.В. Модель формирования управленческой культуры будущих менеджеров // Дискуссия. 2015. № 9(61). С. 135–140.
7. Ильиных С.А. Управленческая культура: новые горизонты феномена // Вестник Забайкал. гос. ун-та. 2016. Т.22. № 12. С. 60–65.
8. Красовский Ю.Д. Социокультурные основы управления бизнес-организаций. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 391 с.
9. Красовский Ю.Д. Социокультурные основы менеджмента // Корпоративная культура. 2007. № 05(17). С. 32–39.
10. Милютин П.В. Управленческая культура личности и факторы ее развития // Власть. 2007. № 5. С. 90–92.
11. Васьков М.А. Социальный контекст формирования управленческой культуры региональной бизнес-элиты в переходный период в российском обществе // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 33–37.
2. Schein E. Organizational culture and leadership / E. Schein; Tr. from Eng. ; ed. by V.A. Spivak. SPb. : Piter, 2002. 336 p.
3. Afonin O.A. Management culture as a factor in the transition to a new «human resource» management concepts / O.A. Afonin, O.V. Galkina // Azimuth of Scientific Research: Economics and Management. 2015. № 10. P. 13–16.
4. Davydova A.V. Influence of structural components of management culture on the development of the organization // Discussion. 2011. P. 134–138.
5. Dukhina T.A. The problem of choosing leadership styles in management culture: theoretical analysis. Krasnodar: Historical and socio-educational thought. 2016. Vol. 8. № 1. Part 2. P. 104–144.
6. Kachalov D.V. The formation model of the management culture of future managers // Discussion. 2015. № 9(61). P. 135–140.
7. Ilyinykh S.A. Management culture: new horizons of the phenomenon // Gazette of the Transbaikal State University. 2016. T. 22. № 12. P. 60–65.
8. Krasovsky Y.D. Sociocultural foundations of managing business organizations. M. : UNITY-DANA, 2007. 391 p.
9. Krasovsky Y.D. Socio-cultural foundations of management // Corporate culture. 2007. № 05(17). P. 32–39.
10. Milyutin P.V. Management culture of personality and factors of its development// Power. 2007. № 5. P. 90–92.
11. Vaskov M.A. The social context of the formation of the managerial culture of the regional business elite in transition in Russian society // Society: politics, economics, law. 2010. № 1. P. 33–37.

Криворотенко Светлана Николаевна

кандидат педагогических наук,
доцент,
доцент кафедры
туризма и физической культуры,
Краснодарский государственный
институт культуры
snk379@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА
СО СРЕДОЙ ОБИТАНИЯ:
ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ОРГАНИЗАЦИЯ**

Аннотация. Статья посвящена теоретическим и организационно-управленческим аспектам взаимодействия человека со средой обитания, защиты окружающей среды и общества от негативных воздействий различных видов опасностей (естественно-природного, техногенного и социального происхождения), что способствует выработке эффективных мер по устранению причин их возникновения, созданию жизненно важных условий в системе «Человек – среда обитания».

Изложенная в настоящем исследовании концепция предназначена для обобщения и использования различных методов и средств обеспечения безопасности жизнедеятельности и защиты окружающей среды, необходимых для функционирования человека в разных средах его обитания: бытовой, в условиях производственной и непроизводственной сферы, живой и неживой природы, чрезвычайных ситуаций и иных средах и способствует формированию представления о неразрывном единстве эффективной профессиональной деятельности, социального взаимодействия, гармоничного духовного и физического развития.

Ключевые слова: система «Человек – среда обитания», факторы среды обитания, учение о человеко- и природозащитной деятельности, культура безопасности человека, безопасность жизнедеятельности, защита окружающей среды, техносфера.

Заметно возросший в последние годы интерес к стратегии устойчивого развития общества, направленной на достижение гармонии между людьми и между обществом и природой, вызван, прежде всего, признанием приоритета общечеловеческих ценностей, укрепления экологической безопасности и рационального природопользования, обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Это – стратегические национальные приоритеты, ориентированные на создание гуманистического

Svetlana N. Krivorotenko

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Tourism and Physical Culture,
Krasnodar State Institute of Culture
snk379@mail.ru

**SECURITY PROBLEMS HUMAN
INTERACTIONS WITH THE HABITAT:
THEORY, METHODOLOGY,
ORGANIZATION**

Annotation. The article is devoted to the theoretical and organizational and managerial aspects of human interaction with the environment, protecting the environment and society from the negative effects of various types of dangers (natural, technological and social origin), which contributes to the development of effective measures and means to eliminate the causes of their occurrence, to create vital conditions in the system «Man – the environment».

The concept presented in this study is intended to summarize and use various methods and means of ensuring life safety and environmental protection necessary for the functioning of a person in different environments: home, in the production and non-production sectors, living and non-living nature, emergency situations and other environments and contributes to the formation of the idea of the inextricable unity of effective professional activity, social interaction, harmony any spiritual and physical development.

Keywords: the system «man – the environment», environmental factors, the doctrine of human and environmental protection activities, human safety culture, life safety, environmental protection, technosphere, strategic national priorities.

и рационально обустроенного общества путем важнейших экономических, политических и социально-культурных преобразований для создания благоприятных условий по реализации всех процессов жизнедеятельности человека [7; 9; 8].

Как показало исследование, комплексное изучение проблемы взаимодействия в жизненном цикле человека со средой обитания в современных условиях приобретает все большую актуальность. Особенно возрастает роль теории о человеко- и природозащитной деятельности, в

основу которой положены систематизированные и обобщенные знания об объективных закономерностях существования и развития природы, человека и общества, необходимые для создания комфортного жизненного пространства, бережного отношения личности и общества к окружающей его действительности.

Нарастание негативного воздействия на человека и окружающую среду природных, антропогенных и техногенных опасностей (образование и накопление токсичных газов и вредных химических веществ, отходов производства и потребления, а также, проявление терроризма, вооруженных конфликтов и боевых действий и других видов опасностей) обуславливает необходимость решения конкретных задач по созданию комфортных и безопасных условий для наивысшей работоспособности и продуктивной деятельности человека, сохранению и развитию среды его обитания.

Под средой обитания понимается «совокупность объектов, явлений и факторов окружающей (природной и искусственной) среды, определяющая условия жизнедеятельности человека» » [10].

К числу основных факторов среды обитания относятся: «биологические (вирусные, бактериальные, паразитарные и другие), химические, физические (шум, вибрация, ультразвук, инфразвук, тепловые, ионизирующие, неионизирующие и излучения), социальные (питание, водоснабжение, условия быта, труда, отдыха) и иные факторы среды обитания, которые оказывают или могут оказывать воздействие на человека и (или) на состояние здоровья будущих поколений» [10].

Конституцией РФ закреплено право каждого гражданина «на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии» [4].

Статья 8 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» гласит: «Граждане имеют право: на благоприятную среду обитания, факторы которой не оказывают вредного воздействия на человека; получать в соответствии с законодательством Российской Федерации ... информацию о санитарно-эпидемиологической обстановке, состоянии среды обитания, качестве и безопасности продукции производственно-технического назначения, пищевых продуктов, товаров для личных и бытовых нужд, потенциальной опасности для здоровья человека выполняемых работ и оказываемых услуг; ...» [10].

В рамках проводимого нами исследования выявлено, что система «Человек – среда обитания» регулярно подвергается влиянию и разрушительному воздействию внешних и внутренних факторов и определяется конкретным качественным ее состоянием, а также характером и интенсивностью реализуемой в ее пространстве разнообразной человеческой деятельности: общественно-производственной, хозяйственной, творческой профессиональной и иной деятельности.

Поступательное развитие общества привело к созданию современной искусственной, техногенной среды обитания человека с множеством вредных факторов, имеющих поражающее воздействие, как на человека, так и на различные объекты окружающей среды, что представляет серьезную потенциальную или реальную опасность для здоровья и жизни людей, личностной целостности.

В этой связи, особое значение приобретают вопросы формирования качественной техносферы (производственной, городской, бытовой и др.) «...с целью наилучшего ее соответствия социально-экономическим потребностям человека» [2, с. 15], определения уровней показателей безопасности, реализации функции контроля и управления в этой предметной области.

В процессе исследования нами исследованы **наиболее характерные условия** взаимодействия человека со средой обитания, среди них: комфортные (оптимальные), допустимые (нейтральные), опасные (**экстремальные**) и чрезвычайно опасные (сверхэкстремальные) ситуации.

Анализ характерных состояний системы «Человек – среда обитания» свидетельствует о том, что только комфортные и допустимые условия являются **оптимальными** для жизни и деятельности человека. При этом риск возникновения угроз и опасностей минимален, не выходит за рамки приемлемых границ. В результате этого, безопасность человека в сфере деятельности, быта и отдыха оценивается как максимально возможная.

Опасные (экстремальные) и чрезвычайно опасные (сверхэкстремальные) условия недопустимы для всех процессов жизнедеятельности человека, а также сохранения и развития окружающей среды. В этих условиях риск возникновения угроз и опасностей огромен, а безопасность жизнедеятельности оказывается существенно ниже допустимого значения [1, с. 8; 6, с. 9].

В ходе становления и развития теории о человеко- и природозащитной деятельности выявлено, что «...потребность в безопасности, следуя непосредственно за физиологическими потребностями, присущими всему живому является первой потребностью, удовлетворение которой может быть достигнуто лишь с помощью присутствующего только человеку разума» [2, с. 31], «...человек постоянно стремился к применению и развитию средств обеспечения своей безопасности» [2, с. 30].

Мы отмечаем, «...что многие человеческие потребности выросли из потребности в безопасности. И прежде всего это относится к потребности в социальных связях, объединении людей в сообщество, которое повышает безопасность каждого его участника» [2, с. 31] путем формирования и развития культуры безопасности человека.

Культура безопасности человека определяет «уровень потребности личности в получении и применении знаний для обеспечения безопасно-

сти в постоянном совершенствовании умений и навыков при реализации человеко- и природо-защитной деятельности» [2, с. 37].

Знания основ культуры безопасности, комплекса опасностей, действующих на человека и природу, возникающих в любых условиях жизнедеятельности человека, в том числе в производственной сфере, а также соблюдения условий

личной и коллективной безопасности в повседневной деятельности и возникновения чрезвычайных ситуаций и др., способствуют созданию высококачественной комфортной и травмобезопасной техносферы [2, с. 9].

Компетентностный подход к обеспечению человеко- и природозащитных мер от опасностей в современной техногенной среде позволяет путем мониторинга и контроля прогнозировать разные угрозы, риски и виды опасностей, минимизировать или локализовать их до уровня нормативных значений посредством использования наиболее рациональных средств и методов защиты, а также осуществлять мероприятия по предупреждению и ликвидации последствий от воздействия чрезвычайных ситуаций на человека и среду его обитания [2; 3; 5].

Таким образом, изучение теоретико-методологических и организационно-управленческих аспек-

тов рассматриваемой проблемы способствует созданию единой системы человеко- и природо-защитной деятельности, направленной на обеспечение качества окружающей среды, необходимого для «реализации гражданами Российской Федерации права на жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие» [7].

Формирование благоприятных условий для взаимодействия человека со средой обитания может быть обеспечено только на основе знания и учета механизмов проявления в ней различных опасностей и навыков оптимального выбора средств защиты человека и природы в условиях чрезвычайных ситуаций и является важнейшим фактором повышения благосостояния и качества жизни людей.

В современных условиях деятельность человека должна быть направлена на совершенствование организационно-технического уровня производства и жизненного пространства, не причиняющего вреда среде обитания человека, состоянию его здоровья и будущих поколений, и нацелена на соблюдение санитарно-эпидемиологических и санитарно-гигиенических стандартов жизнеобеспечения, рациональное управление соотношением эволюции биосферы и культуры человека.

Литература:

1. Безопасность жизнедеятельности: учебное пособие для ино-странных студентов / Крепша Н.В.; Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск, 2014. 198 с. URL : [http:// portal.tpu.ru/SHARED/k/ KREPSHA/teach/bezop/uch_pos_14.pdf](http://portal.tpu.ru/SHARED/k/KREPSHA/teach/bezop/uch_pos_14.pdf) (дата обращения 02.09.2019).
2. Белов С.В. Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды (техносферная безопасность) : в двух ч. Ч. 1 : учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2017. 350 с.
3. Белов С.В. Безопасность жизнедеятельности и защита окружающей среды (техносферная безопасность) : в двух ч. Ч. 2 : учебник для академического бакалавриата. 5-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2017. 362 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). URL : [http://www.constultant.ru/document/ cons_doc_LAW_28399/](http://www.constultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/) (дата обращения 19.09.2019).
5. Криворотенко С.Н. Актуальные проблемы обеспечения безопасности жизнедеятельности: компетентностный подход // Стратегии устойчивого развития мировой науки: 51-я Международ-

Literature:

1. Life safety: a textbook for foreign students / Krepscha N.V. .; National Research Tomsk Polytechnic University. Tomsk, 2014. URL : [http:// portal.tpu.ru/SHARED/k/ KREPSHA/teach/bezop/uch_pos_14.pdf](http://portal.tpu.ru/SHARED/k/KREPSHA/teach/bezop/uch_pos_14.pdf) (accessed 02.09.2019).
2. Belov S.V. Life safety and environmental protection (technosphere safety). In two hours, Part 1: a textbook for academic undergraduate studies. 5th ed., Trans. and add. M. : Yurayt, 2017. 350 p.
3. Belov S.V. Life safety and environmental protection (technosphere safety). In two parts. Part 2 : textbook for academic undergraduate. 5th ed., Trans. And add. M. : Yurayt, 2017. 362 p.
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the people by voting on 12.12.1993) (as amended by the Laws On amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 № 6-FKZ, dated December 30, 2008 № 7-FKZ, dated February 2, 2014 № 2-FKZ, dated July 21, 2014 № 11-FKZ). URL : [http://www.constultant.ru/document/ cons_doc_LAW_28399 /](http://www.constultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/) (accessed 09/19/2019).
5. Krivorotenko S.N. Actual issues of collateral life safety: competency-based approach // Strategies for Sustainable Development of World Science: 51st International Conference of the Eurasian Scientific

ная конференция Евразийского Научного Объединения (Россия, г. Москва, 30–31 мая 2019 г. 2019. № 51. С. 507–509.

6. Белогоров С.Б. Методологические и правовые основы безопасности жизнедеятельности человека : учебное пособие для студентов / С.Б. Белогоров [и др.]. Иркутск : ИГМУ, 2014. URL : https://mir.ismu.baikal.ru/src/downloads/abd22ec1_metodol._i_pravovye_osnovy_bzhd.pdf (дата обращения 03.09.2019).

7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL : http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/294430 (дата обращения 10.09. 2019).

8. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения 01.10.2019).

9. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (редакция от 29.07.2018). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76299/c99c89c513ebf8109096b01a56db7bc6cae36757/ (дата обращения 01.10.2019).

10. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 № 52-ФЗ (последняя редакция) URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения 01.10.2019).

Association (Russia, Moscow, 30–31 May, 2019 2019. № 51. P. 507–509.

6. *Belogorov S.B.* Methodological and legal foundations of human life safety .: textbook for students / Belogorov S.B. [et al.]. Irkutsk : IGMU, 2014. URL : https://mir.ismu.baikal.ru/src/downloads/vabd22ec1_metodol._i_pravovye_osnovy_bzhd.pdf (accessed September 3, 2019).

7. The national security strategy of the Russian Federation until 2020. URL : http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/294430 (accessed date 09/10/2019).

8. Federal Law «On Security» dated December 28, 2010 № 390-ФЗ (latest revision) URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (date of access 01.10.2019).

9. The Federal Law «On Environmental Protection» dated 01.10.2002N 7-ФЗ (as amended on 07.29.2018). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76299/c99c89c513ebf8109096b01a56db7bc6cae36757/ (accessed 01.10.2019).

10. Federal Law «On the Sanitary and Epidemiological Well-Being of the Population» dated 03.30.1999 № 52-ФЗ (latest revision) URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (accessed 01.10.2019).

Крупеникова Лейла Шамильевна
кандидат социологических наук,
доцент Института
социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
leilakrupenikova@gmail.com

ДИНАМИКА МАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ РОССИЯН

Аннотация. В статье на основании фокус-групповых исследований рассматриваются изменения в массовом сознании россиян и их связь с ростом социальной и политической активности. Особенностью этих изменений является перелом привычных тенденций, существующих последние десятилетия. Эта намечающаяся динамика оказывает влияние на усиление протестных настроений, одобрение протестных действий и реальные социальные протесты в современной России. В статье определяется тип и характер социальных протестов и их возможная динамика.

Ключевые слова: массовое сознание, фокус-групповые исследования, локус контроля, процедурная справедливость, ценности самовыражения, ценности самоуважения, запрос на перемены, социально-политическая активность, социальный протест.

Социологические центры в России регулярно, на протяжении, примерно, трех десятков лет публикуют результаты исследований массового сознания, по которым только в долгосрочном периоде можно зафиксировать те или иные изменения. Инструментарий количественной социологии, предполагающий анкету, с заранее заготовленными ответами не достаточно чуток в отношении нарождающихся тенденций. В результате, потенциально новые идеи, которые раньше в обществе не звучали, но уже начинают высказываться отдельными людьми, и которые могут быстро распространиться, в количественной социологии часто проходят сквозь решетку заранее заданных вопросов. В фокус-групповых исследованиях принцип интерактивности высвечивает эти новые идеи, выраженные респондентами, позволяет в некотором смысле предугадать, куда могут повернуться настроения общества и смоделировать процесс их распространения. Поэтому основные тенденции динамики массового сознания и ее связь с протестной активностью в статье будет рассмотрена на основании данных фокус-групповых исследований, проведенных в разных регионах под руковод-

Leila Sh. Krupenikova
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
leilakrupenikova@gmail.com

DYNAMICS OF MASS CONSCIOUSNESS AND PROTEST ACTIVITY OF RUSSIANS

Annotation. The article, based on focus group studies, examines changes in the mass consciousness of Russians and their connection with the growth of social and political activity. The peculiarity of these changes is the change of the usual trends that have existed in recent decades. This emerging dynamic is having an impact protest moods, approval of protest actions and real social protests in modern Russia. The article defines the type and nature of social protests and their possible dynamics.

Keywords: mass consciousness, focus group research, locus control, procedural justice, values of self-expression, values of self-respect, demand for change, socio-political activism, social protest.

ством М. Дмитриева, С. Белановского, А. Никольской [2]. Задачей исследовательского коллектива было уловить основные тренды общественных настроений и мнений в краткосрочной перспективе.

Массовое сознание россиян, по мнению группы исследователей, на протяжении последних полутора лет находится в состоянии очень быстрых и резких изменений, затрагивающих устоявшиеся картины мира и привычные стереотипы. Каковы же основные векторы этих изменений, какие аспекты массового сознания претерпели наиболее существенные трансформации?

Первый вектор изменений связан со снижением и даже дискредитацией запроса на «сильную руку», сильного лидера, способного навести порядок, доминировавшим в массовом сознании на протяжении почти двух десятилетий. Этот запрос постепенно трансформируется в требование справедливости, причем, справедливость, которую социологи на основании ответов респондентов, интерпретировали как преимущественно дистрибутивную, постепенно смещается

к требованию процессуальной справедливости и должного уважения от власти. Россияне недовольны (возмущены), что принимаемые властью решения реализуются без объяснения смысла этих решений и без учета их мнения (пенсия реформа, новеллы в налогообложении, решения, где и что строить, или сносить). Их раздражают высказывания политиков и чиновников, свидетельствующие о глубоком равнодушии и пренебрежении к людям [2].

Второй вектор изменений, который констатируют исследователи – эта тяга к переменам, даже к рискованным, превышающая, популярную еще недавно, тягу к стабильности. На этом фоне, в том числе, возник запрос на новый тип политических лидеров, характеристики которых ассоциируются не с личным обаянием, жесткостью и концентрацией полномочий («сильная рука»), а с ценностями самовыражения (демократичность, умение быть честным и уважать людей, действовать в их интересах, признавать свои ошибки и т.п.) [2].

Третий вектор изменений связан со смещением локуса контроля с внешнего на внутренний: подавляющее число респондентов в исследовании этих авторов говорят о том, что необходимо менять собственную ментальность: прекращать полагаться на государство и объединяться с другими людьми для самостоятельного и эффективного решения общих проблем. Это серьезное изменение, поскольку во многих исследованиях последних десятилетий констатировался преимущественно патерналистский характер отношений россиян с государством [6].

Результаты исследований Фонда общественного мнения также фиксируют усиление ответственности людей за положение дел на местном уровне [10]. И большинство людей на фокус-группах выразили готовность заниматься филантропией, участвовать в разных общественных движениях, даже платить более высокие налоги, способствующие положительным изменениям. [2].

Увеличивающаяся самостоятельность жителей страны подрывает доверие к правительственной пропаганде. И это четвертый вектор изменений в массовом сознании россиян. Вопреки годам интенсивной пропаганды идея России как великой державы не стала доминирующей. В фокус-группах лишь 20 % респондентов согласны с этой идеей, а 49 % считают, что военная мощь и гордость за историю страны значат не так много, если ее экономику нельзя назвать процветающей, современной и социально ориентированной [2]. Потенциал телевизионной пропаганды сжался до пожилых аудиторий (это, по-прежнему, немалая аудитория, примерно 25 %), которые смотрят только телевизор и сразу готовы верить в то, что любая внутренняя политика в России возможна только «из-за рубежа». У молодежи (возраста до 30 лет) основную долю в информационной картине мира занимают социальные сети, видеоблогинг, новые медиа, и они живут в повестке, которая задается социальными медиа. Мощный разрыв между возрастными группами в последних опросах «Левада-Центр» между ауди-

ториями ТВ и Интернета – знак большого перелома. Аудитория Интернета теперь преобладает и со временем становится только больше [1].

Размывание действия пропаганды, запрос на справедливость и уважение, смещение внешнего локуса-контроля на внутренний привело к тому, что усилилось критическое отношение к власти, недоверие к ней и желание перемен. На первый план во взаимоотношении с властями стали выдвигаться запросы более высокого порядка, чем удовлетворение базовых потребностей. В этом смысле, новые требования справедливости, уважения достоинства, свобод, честных выборов свидетельствуют о некотором ценностном смещении – от экономических к постматериалистическим ценностям, ценностей самовыражения по сравнению с традиционными ценностями выживания [2].

Изменения в массовом сознании начинают проявляться в усилении протестных настроений и протестной активности. Чаще протесты связаны с местными проблемами, которые не могут (не способны) решить региональные или муниципальные власти и тогда возникает готовность принять меры для решения проблем самостоятельно, используя социальный протест как инструмент достижения цели.

Социальный протест исследуется в ряде социально-гуманитарных наук: в социологии общественных движений, в социально-психологических концепциях коллективного поведения и относительной депривации, организационной теории мобилизации ресурсов. Так, или иначе, социальный протест представляет собой несколько исследовательских уровней: социального, психологического, политологического, он может принимать различные формы и содержание.

При всей неоднозначности, неопределенности, расплывчатости этого термина, можно сформулировать его основное значение, состоящее в том, что протест является выражением несогласия и недовольства существующим положением дел в той или иной общественной сфере в потенциале, содержащим несогласие с существующим политическим порядком и организацией власти.

Россия нового времени имеет свою историю протестного движения. Сравнение сегодняшних региональных протестов с теми, которые были в середине девяностых годов свидетельствует об их некотором сходстве. Несмотря на то, что в те годы причинами протестов являлось обнищание, кризис экономики, закрытия предприятий, невыплаты и задержки зарплат и т.п., а сейчас поводы связаны с экологией, градостроительной политикой, социальной сферой (закрытие больниц и школ, нехватка мест в детских садах), но характер протестов в чем-то похож. Сходство заключается в том, что это, как правило, протесты местного характера, не связанные с общегосударственной социально-экономической или политической повесткой. В фокусе внимания – только местная проблема, которая плохо решается или решается не так, как хотелось бы жите-

лям. По поводу этой местной проблемы возникают региональные протесты, редко выходя за пределы и не превращаясь в устойчивые кампании в защиту общественных интересов [11].

Однако на фоне расширения информационного поля и изменений, происходящих в массовом сознании, социальные протесты стали пользоваться поддержкой и сочувствием за пределами региона. Самым ярким примером, подтверждающий эту тенденцию, является станция Шиес в Архангельской области, где продолжаются протесты против мусорного полигона. Этот экологический и региональный конфликт перерос за год, благодаря упорству и жесткости властей, в политический и федеральный [7]. Другой пример социального протеста в Екатеринбурге против строительства храма на месте городского сквера свидетельствует о раздраженности жителей решениями власти, без учета мнения людей [8]. Конфликт между местной властью и местными жителями по поводу пересмотра административной границы между Чечней и Ингушетией перерос в протест против законопроекта «О референдуме республики Ингушетия», позволяющего менять территории и границы республики без проведения референдума [4]. Один из последних кейсов – протесты в Калмыкии по поводу назначения нового мэра [12]. То есть, опять ключевой вопрос о несогласованности решений властей с общественностью, нежелание слышать и принимать во внимание мнение граждан, «неуважение», проявляемое властью, выводит социальный протест на политический уровень.

Рост протестного потенциала (готовности протестовать) социологи отмечают с 2017 года, который за период с июня 2017 по август 2019 увеличился почти вдвое (с 15 % до 27 %) респондентов готовы участвовать в протестных акциях [9]. Однако этой тенденции противостоит другая – низкий уровень коллективизма россиян. Международные исследования ценностей показывают, что для России как раз характерна ультра индивидуалистическая ориентация, неумение объединяться, отстаивать общие интересы [3]. Поэтому важный итог последних месяцев 2019 года – это формирование горизонтальных сетей взаимопомощи пострадавшим от репрессивных действий властей – деньгами на штрафы, переда-

чами задержанным активистам, поддержкой на митингах.

Под влиянием изменений в массовом сознании россиян происходит медленное расширение ареала протеста среди различных социальных страт российского общества. Особенно заметна политизация среди молодежи. Еще 5 лет назад социологи описывали молодежь (самые молодые возраста) как самую пассивную и конформно ориентированную социальную группу [5]. Сейчас – это, видимо, наиболее политизированная часть общества, в силу ряда причин: сужение горизонта возможностей, обостренное чувство несправедливости, присущее возрасту, расхождение между официальным дискурсом о построении в России демократии и реальное ее воплощение. Кроме того, большая свобода и бесстрашие преодолению барьера перед совершением протестных действий. В этом смысле можно говорить об отмирании обывательской культуры, культуры конформизма и невмешательства. Протест и активизм становятся всё более популярными: граждане не только одобряют социально-политическую активность, но и сами готовы стать активистами [2]. В этом смысле, можно говорить о постепенном отмирании обывательской культуры, культуры конформизма и невмешательства.

Таким образом, ряд отмеченных тенденций в изменении общественного сознания существенным образом коррелирует с ростом протестных настроений, одобрения протестных действий, готовности к протестным действиям и самими протестными акциями. Поэтому наиболее важным условием развития политической культуры в России, является коллективная самоорганизация и умение создавать общественные движения, осознающими себя политическими субъектами. Движения, которые имели бы совершенно конкретные цели, отстаивали собственные интересы и преодолевали бы все разногласия внутри себя. Этому могут способствовать изменения в массовом сознании, развивающиеся на основании естественных процессов перестройки экономических отношений, трансформации информационных каналов, изменения систем эффективных социальных связей, сменой поколений.

Литература:

1. Волков Д. Российский медиаландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети / Д. Волков, С. Гончаров. URL : <https://www.levada.ru/2019/08/06/49-moskvichej-44-molodyh-v-vozraste-ot-25-do-39-let-i-41-vysokoobrazovannyh-ne-hotyat-videt-putina-v-kachestve-prezidenta-strany-posle-2024-goda/> (дата обращения 09.10.2019).
2. Дмитриев М.Э. Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? / М.Э. Дмитриев, А.В. Никольская, С.А. Белановский, Е.В. Черепанова URL : iberall.ru/modules/spaw2/uploads/files/articles/2018/Doclad_Dmitriev_Nikolskaya_25122018.pdf (дата обращения 03.08.19).

Literature:

1. Volkov D. Russian media landscape 2019: television, press, Internet and social networks. / D. Volkov S. Goncharov. URL : <https://www.levada.ru/2019/08/06/49-moskvichej-44-molodyh-v-vozraste-ot-25-do-39-let-i-41-vysokoobrazovannyh-ne-hotyat-videt-putina-v-kachestve-prezidenta-strany-posle-2024-goda/> (date address 09.10.19)
2. Dmitriev M.E. Autumn Fracture in the minds of Russians: a fleeting surge or a new trend? / M.E. Dmitriev, A.V. Nikolskaya, S.A. Belanovsky, Cherepanova E.V. URL : iberall.ru/modules/spaw2/uploads/files/articles/2018/Doclad_Dmitriev_Nikolskaya_25122018.pdf (date address 03.08.19).

3. *Инглхарт Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Венцель. Новое издательство, 2011.
4. Кавказское неповиновение: как и почему конфликт между Ингушетией и Чечней создал опасный очаг протестов. URL : <https://tsn.ua/ru/svit/kavkazskoe-nepovinoenie-kak-konflikt-mezhdu-ingushetiy-i-chechney-sozda-nenuzhnyy-dlya-putina-ochag-protestov-1231098.html> (дата обращения 10.11.19).
5. *Левинсон А.* Еще молодые, уже пессимисты. URL : <https://www.levada.ru/2019/07/16/eshhe-molodye-uzhe-pessimisty/>
6. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: Монография / Отв. ред. А.В. Лубский. Ростов-н/Д. : Фонд науки и образования, 2016. С. 392.
7. Мусорный протест в Шиесе. URL : <https://www.fontanka.ru/2019/06/04/068/> (дата обращения 10.11.19)
8. Протест против строительства храма на месте сквера в Екатеринбурге. Хронология. URL : <https://www.currenttime.tv/a/ekaterinburg-protests/29938917.html> (дата обращения 10.11.2019).
9. Протестная активность. URL : <https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/> (дата обращения 10.11.19).
10. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1 / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М. : Изд-во: «Весь Мир», 2015. 336 с.
11. *Семенов А.* Хроники недовольства. Почему россияне (не) протестуют? URL : <https://republic.ru/authors/100564> (дата обращения 03.09.19)
12. Точка напряжения. URL : https://www.znak.com/2019-10-28/v_eliste_neskolko_tysyach_chelovek_vyshli_prottestovat_protiv_mera_eks_glavy_dnr (дата обращения 10.11.2019).
3. Inglehart R. Modernization, Cultural Change and Democracy: A Sequence of Human Development / R. Inglehart, K. Wenzel. New Publishing House, 2011.
4. Caucasian disobedience: how and why the conflict between Ingushetia and Chechnya created a dangerous hotbed of protests. URL : <https://tsn.ua/ru/svit/kavkazskoe-nepovinoenie-kak-konflikt-mezhdu-ingushetiy-i-chechney-s>. (date address 10.11.19)
5. *Levinson A.* Still young, already pessimistic. URL : <https://www.levada.ru/2019/07/16/eshhe-molodye-uzhe-pessimisty/>
6. Mental programs and models of social behavior in Russian society: Monograph / editor-in-chief A.V. Lubsky. Rostov-on/D. : Foundation for Science and Education, 2016. P. 392.
7. Garbage protest in Shies (Electronic resource) URL : <https://www.fontanka.ru/2019/06/04/068/> (date address 10.11.19).
8. Protest against the construction of a temple on the site of the square in Yekaterinburg. Timeline: <https://www.currenttime.tv/a/ekaterinburg-protests/29938917.html> (date address 10.11.19).
9. Protest Activity (Electronic Resource). URL : <https://www.levada.ru/2019/09/03/protestnaya-aktivnost-5/> (date address 10.11.19).
10. Russian society and the challenges of time. Kn. 1 / Under Ed. M.K. Gorshkova, N.E. Tikhonova. M. : «The Whole World», 2015. 336 p.
11. *Semenov A.* Chronicles of Discontent. Why are Russians (not) protesting? URL : <https://republic.ru/authors/100564> (date address 03/09/19).
12. Point of Voltage (Electronic Resource). URL : https://www.znak.com/2019-10-28/v_eliste_neskolko_tysyach_chelovek_vyshli_prottestovat_protiv_mera_eks_glavy_dnr (date address 10.11.19).

Кычкина Вера Геннадьевна
магистрант,
Северо-Восточный
федеральный университет.
kyckinavera@gmail.com

Борисова Ульяна Семеновна
доктор социологических наук,
профессор кафедры
социологии и управления персоналом,
Северо-Восточный
федеральный университет.
ulsem2012@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИЙ МВД РФ ГОРОДОВ МОСКВЫ И ОМСКА

Аннотация. Данная статья посвящена сравнительному анализу деятельности академий МВД РФ городов Москвы и Омска. В статье сравниваются такие показатели как: нормативная база Академий, оцениваются официальные сайты на полноту и доступность информации и сравниваются реализуемые профессиональные программы. В исследовании используются метод анализа документов, сравнительно-рейтинговой оценки и метод наблюдения.

Ключевые слова: академия, учебное заведение, МВД России, анализ, устав МВД, сайт, образование, программа.

Академия является образовательной организацией Министерства внутренних дел России, которая обеспечивает подготовку органов внутренних дел Российской Федерации по образовательным программам высшего образования, базовой программой профессиональной подготовки и дополнительным профессиональным программам и является ведущим научно-методическим центром по изучению проблем совершенствования управления органами внутренних дел, по улучшению подготовки кадров и деятельности руководства органов внутренних дел, а также основной организацией государств – участников СНГ по вопросам подготовки, переподготовки и повышения квалификации подготовка управленческих кадров для органов внутренних дел (полиции) [2].

Объектом исследования выступили модели подготовки кадров МВД РФ.

Предмет исследования: Академии МВД РФ городов Москвы и Омска

Vera G. Kychkina
Undergraduate,
North-Eastern Federal University.
kyckinavera@gmail.com

Uliana S. Borisova
Doctor of Sociology,
Professor Department of Sociology
and Personnel Management,
North-Eastern Federal University.
ulsem2012@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ACADEMIES OF THE RF MIA OF THE CITIES OF MOSCOW AND OMSK

Annotation. This article is devoted to a comparative analysis of the activities of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the cities of Moscow and Omsk. The article compares such indicators as: the regulatory framework of the Academy, evaluates official sites for completeness and accessibility of information. The method of researching documents, comparatively rating assessments and the method of observation.

Keywords: academy, educational institution, Ministry of Internal Affairs of Russia, analysis, charter of the Ministry of Internal Affairs, site, education, program.

Цель исследования – провести сравнительный анализ моделей подготовки кадров Академий МВД РФ городов Омска и Москвы.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать нормативную базу Академий МВД РФ городов Омска и Москвы;
- 2) оценить сайты Академий на полноту и доступность информации;
- 3) проанализировать реализуемые образовательные программы;

Методы исследования: метод анализа документов, метод сравнительной рейтинговой оценки (за основу были взяты работы А.В. Постюшкова [3], совместная работа Е.В. Федоркевич и В.О. Ветошев приспособлена к сравнительной оценке) [4], метод наблюдения.

На основании цели были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Нормативные документы покажут одинаковые показатели, то есть между ними не будет существенных различий.

2. В ходе проверки на полноту и доступность информации на официальных сайтах, сайт Академии управления МВД России будет больше отвечать заданным критериям.

3. Реализуемые образовательные программы будут отличаться.

«Омская Академия Министерства внутренних дел Российской Федерации (ОМА МВД России). Основан 17 апреля 1920 года, были созданы учебные курсы для командного состава милиции, которые позже изменили в среднюю школу командного состава милиции и уголовного розыска, и в 1965 г. стал высшим учебным заведением. Это была обширная материально-образовательная база, выпустившая тысячи средней и высшей квалификации. Академия расположена в городе Омске» [5].

«Академия управления МВД России (АУ МВД России) свою историю начала 8 июля 1929 года в Москве. Именно тогда было принято решение о создании учебных заведений, обеспечивающих высокий уровень специальной подготовки для сотрудников административных органов полиции, уголовного розыска и исправительно-трудовых учреждений. Также, были введены Высшие курсы повышения квалификации для старших командиров административно-милицейского аппарата и Высшие пенитенциарные курсы» [6].

Академии свою деятельность осуществляют на основе уставов, лицензий на осуществления образовательной деятельности, свидетельств о государственной аккредитации.

Уставы имеют следующие разделы:

– общее положение (имеют одинаковые смыслы изложения);

– предмет, цели, виды деятельности Академии (предмет деятельности отличается у ОМА МВД России – «Реализация в установленном порядке образовательных программ высшего образования, основных программ профессионального обучения, дополнительных профессиональных программ» [5], а у АУ МВД России – «Подготовка кадров для органов, организаций, подразделений МВД России путем реализации основных и дополнительных образовательных программ, включая образовательные программы, содержащие сведения, составляющие государственную тайну» [6];

– прием на обучение – различий не имеется;

– организация деятельности и управление Академией – различий не имеется;

– участники образовательных отношений – различий не имеется;

– имущество и финансовое обеспечение – различий не имеется; международная деятельность Академии;

– учет, отчетностью и контроль за деятельностью Академии – различий не имеется;

– реорганизация и ликвидация Академии – различий не имеется;

– заключительное положение – различий не имеется.

Уставы Академий не имеют ярко-выраженных различий, но предметы деятельности несколько отличаются.

Полнота и доступность информации об учреждениях оценивалась на официальных сайтах Академий МВД РФ городов Омска и Москвы:

• лаконичность: сайт не должен быть перегружен мультимедийной информацией (графикой, анимацией, видео);

• чёткость: текст в сайте должен быть читабельным и содержать структурированную информацию, излагаться по степени важности информации (по убыванию), возможность определения местоположения на сайте по URL адресу страницы, однородность структуры страниц сайта;

• взаимодействие: наличие достаточного количества ссылок на сайт и фрагментов страниц сайта, но в то же время отсутствие чрезмерного гипертекстовой связи, использование сегментированной информации;

• удобная для ориентации структура сайта, наличие обратной связи;

• адаптивность: возможность настроить сайт с вмешательством пользователя (например, изменить размер шрифта);

• доступность сайта: возможность использовать сайта с различными возможностями здоровья: текстовые и мультимедийные опции, предоставляя возможность использовать сайт с отключенными таблицами.

Каждый критерий оценивается в 1 балл (табл. 1).

Официальные сайты Академий выполнены в одном стиле, что и повлияло на полученные одинаковые данные. А именно отсутствие доступности использования сайта пользователями с разными возможностями здоровья. Адаптивность сайта присутствует, однако она является общей, поэтому баллы были поделены.

В Академии управления МВД России реализуются:

Программы магистратуры: менеджмент; управление персоналом; государственное и муниципальное управление; юриспруденция.

Программы подготовки научно-педагогических кадров: управление в социальных и экономических системах; социальная психология; юридическая психология; экономика и управление

народным хозяйством; теория и история права и государства, история учений о праве и государстве; конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право; гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право; финансовое право, налоговое право, бюджетное право; уголовное право и криминология, уголов-

но-исполнительное право; уголовный процесс; судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность; криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность; административное право, административный процесс; общая педагогика, история педагогики и образования.

Таблица 1

Оценка полноты и доступности информации

Критерии оценки (макс. кол-во 6 баллов)	ОмА МВД России	АУ МВД России
Лаконичность	1	1
Четкость	1	1
Взаимодействие	1	1
Удобная ориентировка, обратная связь	1	1
Адаптивность	0,5	0,5
Доступность	0	0
Итого	4,5	4,5

Данные программы реализуются в очной, заочной, очно-заочной форме. Также производится подготовка иностранных слушателей для правоохранительных органов иностранных государств.

Программы профессионального обучения – высшие академические курсы (повышение квалификации начальников отделов подразделений центрального аппарата МВД России, территориальных органов МВД России на окружном, межрегиональном и районном уровнях и их заместителей).

Дополнительные профессиональные программы:

Профессиональная переподготовка; повышение квалификации.

Омская Академия Министерства внутренних дел Российской Федерации предлагает следующие направления подготовки:

Программы специалитета: уголовно-правовая; оперативно-розыскная деятельность; административная деятельность; административная деятельность; экономико-правовое обеспечение экономической безопасности.

Программы бакалавриата: уголовно-правовой (деятельность оперуполномоченного уголовного розыска); уголовно-правовой (деятельность участкового уполномоченного полиции); деятельность участкового уполномоченного полиции (подготовка иностранных слушателей для правоохранительных органов иностранных государств).

Литература:

1. Кобозев А.А. Формирование и развитие системы профессиональной подготовки кадров полиции и милиции России // Новые методики подготовки кадров полиции/милиции: материалы междунар. семинара (24–25 января 2006 г.). М. : Моск. ун-т МВД России, Щит–М, 2006.

Программы среднего профессионального образования: административная деятельность.

Программы обучения научно-педагогических кадров: теория и история права и государства, история учений о праве и государстве; конституционное право, конституционный судебный процесс, муниципальное право; уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право; уголовный процесс; криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность; административное право, административный процесс; уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право.

По направлениям ведется очная и заочная форма обучения.

Проанализировав предложенные программы обучения можно сделать вывод, что Академии предлагают схожие направления. Список предлагаемых направлений в АУ МВД России дополнен такими специальностями, как менеджмент; управление персоналом, экономика и управление народным хозяйством.

Таким образом, было опровергнуто две гипотезы, выдвинутые до сравнительного анализа. Гипотеза идентичности нормативных документов был оспорен, так как предмет деятельности Академии управления МВД РФ отличается от предмета Омской Академии МВД РФ. Официальные сайты оказались исполненными в одном стиле, что привело к одинаковым результатам и опровергнуло вторую гипотезу. Третья гипотеза была подтверждена, как и предполагалось предложенные программы обучения были разные.

Literature:

1. Kobozev A.A. Formation and development of the system of vocational training of police and militia personnel in Russia // New methods for training police / militia personnel: international materials. a seminar (January 24–25, 2006). M. : Mosk. University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Shield – M, 2006.

2. Правила приема в вузы МВД РФ на обучение по очной форме // Министерство внутренних дел по Удмуртской Республике. URL : <https://18.xn--b1aew.xn--p1ai/document/1931443> (дата обращения 10.03.2019).

3. *Постюшков А.В.* Методика рейтинговой оценки предприятий // Имущественные отношения в РФ. 2003. №1. С. 46–54.

4. *Федоркевич Е.В.* Отбор критериев оценки качества сайтов образовательных организаций / Е.В. Федоркевич, В.О. Ветошев // Мир науки 2017. Т. 5. № 2. URL : <https://mir-nauki.com/PDF/43PDMN217.pdf> (дата обращения 07.10.2018).

5. Омская Академия Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL : <https://xn--80axf.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения 19.03.2019).

6. Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL : <https://xn--80a.xn--b1aew.xn--p1ai/> (дата обращения 19.03.2019).

2. The rules for admission to higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for full-time education // Ministry of the Interior in the Udmurt Republic. URL : <https://18.xn--b1aew.xn--p1ai/document/1931443> (accessed 03/10/2019).

3. *Postyushkov A.V.* Methodology for rating enterprises // Property relations in the Russian Federation. 2003. № 1. P. 46–54.

4. *Fedorkevich E.V.* Selection of criteria for assessing the quality of sites of educational organizations / E.V. Fedorkevich, V.O. Vetoshev // World of Science. 2017. Vol. 5. № 2. URL : <https://mir-nauki.com/PDF/43PDMN217.pdf> (accessed 07.10.2018).

5. Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Official site. URL : <https://xn--80axf.xn--b1aew.xn--p1ai/> (accessed 03/19/2019).

6. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Official site. URL : <https://xn--80a.xn--b1aew.xn--p1ai/> (accessed 03/19/2019).

Лукьяшко Алена Геннадиевна
преподаватель,
кафедра теоретических основ
физического воспитания,
Южный федеральный университет
aglukiashko@sfedu.ru

Ценность здоровья в дискурсе научно-исследовательских практик

Аннотация. В данной статье рассматривается ценность здоровья как предмет научного дискурса, имеющего свою длительную историю и логику развития, сформировавшиеся направления и традиции изучения здоровья, дискуссионные поля и солидаристские практики. Краткий обзор некоторых из направлений и авторских позиций позволил сделать вывод о том, что культура нездоровья в России, находящая наиболее яркое выражение в молодежной среде, является следствием кризисного характера развития российского общества, не способного к воспроизводству здорового общества как общества с высокой ценностью здоровья, реализуемой в реальных действиях и практиках. В российской реальности фиксируется глубокий разрыв между ценностью здоровья, традиционно занимающей высокое место в иерархии ценностей россиян, и поведенческими практиками в области здоровья, не сопоставимыми с культурой здоровья.

Ключевые слова: здоровье, ценность здоровья, культура здоровья, культура нездоровья, молодежь, российское общество.

Здоровье как ценность привлекает внимание представителей различных направлений и отраслей социально-гуманитарного знания, и это не вызывает удивления по ряду причин.

Во-первых, ценность здоровья является важнейшей в жизни каждого человека, и это фиксируют социологические исследования, показывающие, что при всех изменениях в ценностной иерархии жителей России на протяжении всего постсоветского периода здоровье сохраняет свои лидирующие позиции.

Во-вторых, здоровье россиян характеризуется отрицательной динамикой, и ухудшения фиксируются во всех возрастных группах с акцентом на молодежь, что в еще большей степени актуализирует проблему ценности здоровья, особенно в молодежной среде [1].

В-третьих, несмотря на высокую ценность здоровья в российском обществе, меняется отношение к здоровью, и ученые говорят об инстру-

Alena G. Lukyashko
Lecturer,
Department of Theoretical Foundations
of Physical Education,
Southern Federal University
aglukiashko@sfedu.ru

THE VALUE OF HEALTH IN THE DISCOURSE OF RESEARCH PRACTICES

Annotation. This article considers the value of health as a subject of scientific discourse, which has its own long history and development logic, the formed directions and traditions of studying health, discussion fields and solidarity practices. A brief review of some of the areas and the author's positions allowed us to conclude that the culture of ill health in Russia, which is most vividly expressed among young people, is a consequence of the crisis nature of the development of Russian society, which is not capable of reproducing a healthy society as a society with a high health value, realized in real actions and practices. In Russian reality, there is a deep gap between the value of health, which traditionally occupies a high place in the hierarchy of values of Russians, and behavioral practices in the field of health that are not comparable with the culture of health.

Keywords: health, value of health, health culture, culture of unhealth, youth, Russian society.

ментализации этой ценности в условиях распространения потребительской идеологии и потребительства как стиля и образа жизни [2], о кризисе культуры здоровья в целом.

Именно культура здоровья становится предметом особого исследовательского внимания в пространстве философской рефлексии, и, конечно же, ценностная составляющая в изучении данного феномена выступает первостепенной в числе других аспектов и факторов. Анализ имеющихся работ в этом тематическом направлении позволяет выделить те, в которых акцентируется внимание на явлении, производном от культуры здоровья, но характеризующемся противоположными ему признаками, – культуре нездоровья [3]. Ученые исходят из того, что основным критерием культуры здоровья и культуры нездоровья является отношение к здоровью как ценности, которое, в свою очередь, определяет поведенческие практики в сфере здоровья. С этих позиций дается определение культуры нездоровья как «синтеза когнитивных, ценностных и по-

веденческих установок, формирующих и выражающих в конкретных практиках отношение личности, социальных групп и общества к здоровью как малозначимой составляющей личностного и общественного бытия, определяющей негативные проявления на уровне личности и общества в сфере здоровья» [4]. Культуру здоровья исследователи рассматривают также с позиций ресурсного подхода, определяя ее в качестве основополагающей в социальном развитии и личностном становлении, в гармонизации общественных отношений и их воспроизводстве [5].

Проблему культуры нездоровья поднимают также социологи, стремящиеся, при этом, объяснить тенденции снижения уровня здоровья населения с точки зрения влияющих на данный процесс социальных факторов, неравномерного распределения здоровья и выявить возможности и ограничения ключевых агентов, ответственных на динамику здоровья/нездоровья в обществе [6]. Анализ социальных реалий, детерминирующих здоровье населения, позволил социологам выделить целый ряд факторов, без которых сложно диагностировать состояние здоровья различных социальных групп. Это - и экономические, и культурные, и статусные, и личностные. Последние особенно важны, поскольку свидетельствуют о роли самой личности в процессах, связанных с трансформацией института здоровья в обществе посредством формирования и изменения ценности здоровья у различных социальных групп, в различных этнокультурных анклавах и регионах.

Как видим, ценностная составляющая здоровья включена в различные аспекты и ракурсы, научные направления исследования данного явления, но сама проблема здоровья как ценности по-разному решается в дисциплинарных практиках.

Так, в социологической науке ценность здоровья изучается с позиций анализа мнения населения о состоянии здоровья, о месте ценности здоровья в системе базовых ценностей, о доступе к ресурсам, формирующим здоровье населения, о распространенности вредных привычек, о занятиях спортом и туризмом и других поведенческих проявлениях отношения к здоровью различных социальных групп [7]. В социологических исследованиях анализируются микро- и макрофакторы формирования ценности здоровья [8], а также, зачастую, сравниваются ценностные установки разных поколений и возрастных групп в области здоровья, выявляются противоречия между реальным поведением в данной области и ценностными ориентациями [9]. Порой, выводы авторов в данном контексте очень критичны. Так, анализ ценностных аспектов здоровья жителей г. Саратова, проведенный С.В. Ситниковой, дал основание для вывода о том, что «здоровье как ценность в массовом сознании отражена лишь как идеальная конструкция декларируемых принципов» [10]. Для изменения негативной ситуации в области здоровья социологи считают необходимым «объединение усилий со стороны государства, здравоохранения, институтов и

агентов социализации личности, а также самих личностей, социальных групп» [11].

Однако этим не ограничивается исследовательский репертуар социологической науки к изучению здоровья как ценности в современном мире. Так, в последнее время внимание социологов привлекают направления, связанные с новым пониманием здоровья, с хелсизмом, которые свидетельствуют о формировании в современном мире новой концепции здоровья. В ее основе – понимание здоровья как результата личного выбора, переориентация с предотвращения болезни на профилактику ее возникновения, а также морализаторский тон, задаваемый обществом, пропагандирующим здоровый образ жизни и определяющим негативную оценку тех, кто не отвечает навязываемому идеалу и образу здорового человека и гражданина. Новая концепция здоровья переворачивает представления о человеческом теле, которое в современных условиях играет важнейшую роль в достижении активно навязываемого статуса здорового гражданина [12].

И в данном ключе, нельзя не упомянуть теоретическом значении социологии тела, которая интенсивно развивается по мере изменения статуса и значения тела в жизни современного человека, вынужденного быть мобильным, адаптивным, работоспособным с энергичностью, свойственной молодости, а потому и тело человека становится проектом. Этот проект конструируется, меняется, дополняется на протяжении всей жизни человека в зависимости от требований эпохи, и на данный процесс работает специально созданная и разрастающаяся индустрия с целой сетью специалистов и комплексов технологий, разработанных для представителей различного возраста и пола [13]. Само здоровье при таком подходе к телу человека становится объектом коммерциализации и утрачивает необходимый баланс норм и ценностей для гармоничного развития, в котором телесное и духовное выступают как дополняющие друг друга сущности. В этой связи ученые предлагают в рамках разработки концепции здоровья интегральный подход как синтезирующий потенциал восточного и западного философских подходов к здоровью человека [14].

С философских позиций, как мы уже отмечали, ценность здоровья анализируется как вписанная в дискурс культуры человека и человеческой цивилизации, в современных реалиях стоящей перед необходимостью гуманитаризации, что и составляет, с точки зрения некоторых ученых, основу философской концепции здоровья, базирующейся на ценности гуманитарной культуры человека [15]. Интегральная парадигма в разработке концепции здоровья также определяется оптимальной С.С. Шматовой [16]. В рамках данной парадигмы здоровье предстает в виде многоуровневой системы, включающей в себя социальное здоровье отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом. А с позиций популярной сегодня интегральной философско-антропологической парадигмы здоровья утверждается в качестве основной «идея синтеза кос-

мического, биологического, духовного, социального и культурного компонентов бытия человека» [17].

С интеллектуально-культурологическими характеристиками связывает ценность здоровья В.В. Милованов, также, как и многие другие ученые, полагающий, что «человек творит свое здоровье сам, и удача в подобного рода творчестве зависит от уровня и полноты усвоения культурных ценностей, созданных человечеством» [18].

С психологических позиций интерес представляет исследовательский ракурс, связанный с изучением имплицитных (неосознаваемых) ценностей и процессов как источника фиксируемого социологами разрыва между намерением и действием в области здоровья. Психологов интересует, как принимается решение о здоровье на грани соотношения имплицитных (неосознаваемых) и эксплицитных ценностей [19].

В педагогических исследованиях раскрываются возможности развития культуры здоровья в рамках формирования ценности здоровья в процессе образования, и, в целом, можно выделить много работ, в которых ценность здоровья и ее формирование связываются с системой образования и педагогической средой, а также обращением к студенческой молодежи как носительнице ценности здоровья и здорового образа жизни [20]. Последний очень часто выступает в смысловой и тематической связке со здоровьем как жизненно важной ценности [21], но в студенческой среде современной России, как показывают исследования социологов, здоровье не является базовой ценностью, а выполняет роль ценности второстепенного порядка [22]. Результаты социологического исследования М.Ю. Ефловой, Ф.Ф. Ишкинеевой и Фурсовой В.В. также подтверждают этот факт – ценность здоровья оказалась на одном из последних мест в иерархии ценностей опрошенной ими студенческой аудитории [23]. Подобная ситуация говорит о сформированной в России тенденции, связанной с кризисом культуры здоровья в молодежной среде, а выражением этого выступает поступательное снижение реальной ценности здоровья у молодежи.

Представления о здоровье не статичны, они менялись, подчиняясь логике исторической динамики вместе со сменой цивилизаций, эпох и культур. Эти стороны здоровья как ценности анализируются в исторической науке [24], и здесь также, как и в психологических, и в социологических разработках, но сквозь призму исто-

рической динамики, указывается на поразительное расхождение между должным и сущим в отношении к здоровью в современной России.

Эта проблема по-разному решается в науке в свете сложившихся подходов к исследованию здоровья как ценности. Так, отмечается потенциал теории «социальных эстафет», связанный с тем, что она позволяет проанализировать культивируемые в обществе образцы, идеалы и ценности в области здоровья и определить те из них, которые сохраняются и транслируются другим поколениям, параллельно выделяя те, которые отмирают. Такой подход позволяет объяснить возникающее несоответствие понимания ценности здоровья и неразумного отношения к нему, которое, с точки зрения указанной теории, есть следствие двух параллельных, т.е. непересекающихся эстафет: теоретической, на уровне которой декларируется здоровье как высшая и важнейшая ценность, и практической, отражающей реальные практики здоровья с нигилистическим к нему отношением [25].

Подводя итоги, следует обратить внимание на тот факт, что при различных подходах к здоровью как ценности, сложившихся в пространстве дисциплинарных практик и на их пересечении, есть точки тематического и смыслового соприкосновения, связанные с обращением к молодежи в контексте осмысления проблемы здоровья и отрицательной оценкой того, что происходит в молодежной среде современной России с точки зрения отношения к здоровью. И ничего удивительного в этом единодушии нет, поскольку отношение к здоровью как ценности формируется в ранний период становления личности, в детстве, в юности, а устойчивое воспроизводство негативных явлений в молодежной среде, не сопоставимых с практиками здорового образа жизни, говорят о проблемах этого начального социализационного периода, когда закладываются основы культуры здоровья.

Очевидно, что формирование культуры нездоровья у российской молодежи – это результат кризиса духовной культуры общества и кризисного состояния социальных институтов в целом, поскольку, если исходить из положений интегральной парадигмы здоровья, в его формировании, развитии, поддержании принимает участие комплекс социальных акторов и агентов, представляющих все жизненно важные сферы жизнедеятельности социума (экономическую, политическую, образовательную, культурную, семейную и т.д.).

Литература:

1. Гафиатулина Н.Х. Социальное здоровье российской молодежи: риски разрушения в условиях глобализации / Н.Х. Гафиатулина, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 26–31.

2. Коваленко А.М. Ценность жизни в молодежной среде российского общества // Гуманитарий Юга России. 2017. Том. 6. № 6. С. 232–241.

Literature:

1. Gafiatulin N.Kh. Social health of Russian youth: the risks of destruction in the context of globalization / N.Kh. Gafiatulin, A.V. Vereshchagina, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 10. P. 26–31.

2. Kovalenko A.M. The value of life in the youth environment of Russian society // Humanitarian of the South of Russia. 2017. Vol. 6. № 6. P. 232–241.

3. *Дробизхева Л.М.* Ценность здоровья и культура нездоровья в России. URL : <http://spkurdyumov.ru/forecasting/cennost-zdorovya-i-kultura-nezdorovya-v-rossii/>
4. *Мавропуло О.С.* Культура нездоровья в российском обществе: ценностные детерминанты и поведенческие практики // Гуманитарий Юга России. 2017. № 3. С. 166.
5. *Макаренко В.К.* Культура здоровья как приоритетная задача общественного развития молодежи / В.К. Макаренко, О.Д. Григорьева, Ж.В. Тома. URL : <http://lib.sportedu.ru/Press/SP/2009N2/p63-67.htm>
6. *Щелкин А.Г.* «Культура нездоровья» как проблема практической социологии // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2009. № 1. С. 309.
7. *Бойков В.Э.* Здоровье как базовая ценность в сознании и быту российского населения. Социология власти. 2009. № 2. С. 26–37.
8. *Русанова Н.Е.* Здоровье населения: от индивидуальной ценности до базового фактора общественного развития // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 109–121.
9. *Немова О.А.* Здоровье как ценность: мечта и реальность / О.А. Немова, Л.И. Кутепова, В.В. Ретивина // Здоровье в XXI веке. 2016. № 11. С. 155–157.
10. *Ситникова С.В.* Аксиологические аспекты здоровья современного горожанина // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 23–28.
11. *Бояк Т.Н.* Здоровье как ценность // Здоровье в XXI веке. 2016. № 9. С. 142–146.
12. *Гольман Е.А.* Новое понимание здоровья в политике и повседневности: истоки, актуальные направления проблематизации // Журнал исследований социальной политики. Т. 12. № 4. С. 509–522.
13. *Антонова Н.Л.* Тело как проект: практики конструирования / Н.Л. Антонова, А.В. Меренков // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 8–20.
14. *Ковалевская А.Ф.* Проблема здоровья человека в контексте ценностного подхода // Гуманитарный вектор. 2009. № 2. С. 40–45.
15. *Кашапов Ф.А.* Здоровье как ценность: культура и биоэтика / Ф.А. Кашапов, О.В. Терентьев, В.Э. Цейсслер // Вестник ЮУрГУ. 2007. № 24(96). С. 107–111.
16. *Шматова С.С.* Эволюция представлений о здоровье в классических социологических теориях // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16. Вып. 4. С. 427–431.
17. *Климонова Е.С.* Концепт здоровье в философском дискурсе // Вестник ВГУ, серия: лингви-
3. *Drobizheva L.M.* The value of health and the culture of ill health in Russia. URL : <http://spkurdyumov.ru/forecasting/cennost-zdorovya-i-kultura-nezdorovya-v-rossii/>
4. *Mavropulo O.S.* Unhealthy culture in Russian society: value determinants and behavioral practices // Humanitarian of the South of Russia. 2017. № 3. P. 166.
5. *Makarenko V.K.* Health culture as a priority task of social development of youth / V.K. Makarenko, O.D. Grigoryeva, Zh.V. Toma. URL : <http://lib.sportedu.ru/Press/SP/2009N2/p63-67.htm>
6. *Schelkin A.G.* «The culture of ill health» as a problem of practical sociology // Health is the basis of human potential: problems and solutions. 2009. № 1. P. 309.
7. *Boykov V.E.* Health as a basic value in the consciousness and life of the Russian population. Sociology of power. 2009. № 2. P. 26–37.
8. *Rusanova N.E.* Population health: from individual value to the basic factor of social development // Population. 2018. Vol. 21. № 1. P. 109–121.
9. *Nemova O.A.* Health as a value: a dream and reality / O.A. Nemova, L.I. Kutepova, V.V. Retivina // Health in the XXI century. 2016. № 11. P. 155–157.
10. *Sitnikova S.V.* Axiological aspects of the health of a modern city dweller // Izv. Sarat. un-that. New ser. Ser. Sociology. Political science. 2014. Vol. 14. № 4. P. 23–28.
11. *Boyak T.N.* Health as a value // Health in the XXI century. 2016. № 9. P. 142–146.
12. *Golman E.A.* A new understanding of health in politics and everyday life: the origins, current directions of problematization // Journal of Social Policy Studies. Vol. 12. № 4. P. 509–522.
13. *Antonova N.L.* The body as a project: design practices / N.L. Antonova, A.V. Merenkov // Bulletin of PNIPU. Socio-economic sciences. 2019. № 2. P. 8–20.
14. *Kovalevskaya A.F.* The problem of human health in the context of the value approach // Humanitarian vector. 2009. № 2. P. 40–45.
15. *Kashapov F.A.* Health as a value: culture and bioethics / F.A. Kashapov, O.V. Terentyev, V.E. Zeissler // Bulletin of SUSU. 2007. № 24(96). P. 107–111.
16. *Shmatova S.S.* The evolution of health concepts in classical sociological theories // Izv. Sarat. un-that. New ser. Ser. Sociology. Political science. 2016. Vol. 16. № 4. P. 427–431.
17. *Klimonova E.S.* The concept of health in philosophical discourse // Bulletin of the Voronezh State

стика и межкультурная коммуникация. 2007. № 2 (ч. 2). С. 140.

18. *Милованов В.В.* Здоровье как интеллектуально-культурологическая ценность // Аналитика культурологии. 2004. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/14465126>.

19. *Арина Г.А.* Осознаваемые и неосознаваемые ценности и решение дилемм, связанных со здоровьем / Г.А. Арина, М.А. Иосифян, В.В. Николаева // Национальный психологический журнал № 4(32). 2018. С. 77–85.

20. *Макарова В.А.* Ценности здоровья в структуре ценностных ориентаций молодых людей // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/15530043>

21. *Денисова С.В.* Здоровье и здоровый образ жизни как ценность современной молодежи / С.В. Денисова, А.С. Сидоркин // Kant.2015. № 1(14). С. 66–69.

22. *Самарин А.В.* Здоровье в системе жизненных ценностей студенческой молодежи: по результатам социологического исследования / А.В. Самарин, Л.Л. Мехришвили URL : <https://research-journal.org/social/zdrove-v-sisteme-zhiznennyx-cennostej-studencheskoj-molodezhi-po-rezultatam-sociologicheskogo-issledovaniya/>

23. *Ефлова М.Ю.* Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте социальных изменений / М.Ю. Ефлова, Ф.Ф. Ишкинева, В.В. Фурсова // Вестник Института социологии. 2014. № 10. С. 34–44.

24. *Козырь П.В.* Проблема ценности здоровья в историческом аспекте // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 301. С. 20–22.

25. *Ковалевская А.Ф.* Указ соч.

University, series: Linguistics and intercultural communication. 2007. № 2 (part 2). P. 140.

18. *Milovanov V.V.* Health as an intellectual and cultural value // Cultural Studies Analytics. 2004. № 1. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/14465126>

19. *Arina G.A.* Conscious and unconscious values and the solution of health-related dilemmas / G.A. Arina, M.A. Iosifyan, V.V. Nikolaeva // National Psychological Journal. № 4(32). 2018. P. 77–85.

20. *Makarova V.A.* Health values in the structure of value orientations of young people / V.A. Makarova, A.K. Popov // Izvestiya TulGU. Humanitarian sciences. 2013. № 3. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/15530043>

21. *Denisova S.V.* Health and healthy lifestyle as a value of modern youth / S.V. Denisova, A.S. Sidorin // Kant. 2015. № 1 (14). P. 66–69.

22. *Samarin A.V.* Health in the system of life values of students: according to the results of a sociological study / A.V. Samarin, L.L. Mehrishvili. URL : <https://research-journal.org/social/zdrove-v-sisteme-zhiznennyx-cennostej-studencheskoj-molodezhi-po-rezultatam-sociologicheskogo-issledovaniya/>

23. *Eflova M.Yu.* Social well-being and value orientations of student youth in the context of social changes / M.Yu. Eflova, F.F. Ishkineeva, V.V. Fursova // Bulletin of the Institute of Sociology. 2014. № 10. С. 34–44.

24. *Trump P.V.* The problem of the value of health in the historical aspect // Bulletin of the Tomsk state. un-that. 2007. № 301. P. 20–22.

25. *Kovalevskaya A.F.* Decree Op.

Михайлова Эльвира Андреевна
аспирантка кафедры социологии,
Северо-восточный
Федеральный Университет
имени М.К. Аммосова
anton710710@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ СКОТОВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ САХА ЯКУТИЯ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Сельское хозяйство для Республики Саха (Якутия) является той отраслью экономики, которая обеспечивает не просто продовольственную безопасность, а и является национальной традицией местных жителей. Среди регионов Крайнего Севера Республика имеет самое развитое животноводство. В статье рассмотрено скотоводство как основа национальной культуры жителей Республики Саха (Якутия). Также освещены реалии современного состояния данной отрасли и основные направления исследований по улучшению качественных и количественных характеристик крупного скота в суровых условиях местности.

Ключевые слова: скотоводство, саха-ынага, порообразование, селекция, новые формы сельскохозяйственных животных.

Республика Саха (Якутия) занимает 2 место среди регионов ДФО по количеству скота. Сельскохозяйственная деятельность населения характеризуется приверженностью давним традициям земледелия в природных условиях севера. Вследствие таких объективных условий, как удаленность поселений друг от друга на обширной территории, низкая платежеспособность, коренные народы занимались натуральным и полусредним хозяйством с преобладанием ручного инструмента (горбуша, коса-литовка и т.д.), обеспечивая себя и семью всеми жизненно важными продуктами [5; 2]. В последнем скотоводство занимало важное место как основа продовольственной безопасности населения. Являясь дополнительным источником дохода на близком и прибыльном рынке сбыта, эта работа помогла повысить цены на сельскохозяйственную продукцию и послужила причиной заинтересованности населения в выращивании скота, увеличении количества голов и его продуктивности.

Предыдущий президент Республики Саха (Якутия) Е.А. Борисов, таким образом, отмечает роль скотоводства в жизни народа Саха – «Одним из почитаемых культов среди народа Саха всегда был дух Ынахсыт (от слова «ынах» – корова) [1; 2]. Крупному рогатому скоту отводится цен-

Elvira A. Mikhailova
Graduate student
Department of Sociology,
Northeast Federal University
name of M.K. Ammosov
anton710710@mail.ru

THE CURRENT STATE AND DEVELOPMENT OF CATTLE BREEDING IN THE REPUBLIC OF SAKHA YAKUTIA. SOCIOLOGICAL ASPECT

Annotation. Agriculture for the Republic of Sakha (Yakutia) is that sector of the economy that provides not only food security, but also is a national tradition of local residents. Among the regions of the Far North, the Republic has the most developed livestock. The article considers cattle breeding as the basis of the national culture of the residents of the Republic of Sakha (Yakutia). Also highlighted are the realities of the current state of the industry and the main areas of research to improve the qualitative and quantitative characteristics of cattle in harsh terrain.

Keywords: cattle breeding, saha-unaga, pore formation, selection, new forms of farm animals.

тральное место во всех основных жизненных реалиях: летоисчислении, национальных праздниках, рождении человека и т.д. Якутский скот – одна из главных действующих сил в народном эпосе Олонхо, признанном ЮНЕСКО шедевром устного и нематериального наследия человечества».

В течение тысячелетий единственным якутским скотом был саха-ынага. Саха ынага предоставляла еду и основные материалы для пошива одежды, дома, домашней утвари. Известно, что средняя семья из пяти якутов содержит 5–6 молочных коров. Большая зависимость якутов от молочных продуктов была выражена тем фактом, что даже под угрозой голода они часто отказывались убивать скот. Якуты также часто жили в одном доме со своим скотом. По материалам кулун-атахской археологической культуры XIV–XVI веков дом Саха представлен будками с комбинированным хлевами-хотонами.

Экономическая структура скотоводства нашла свое отражение и в семейных и календарных обрядах. Календарь народа Саха символически связан со скотом, особенно с быком, так как самое длинное время года – зима, для якутов она выглядела как большой бык с морозным дыханием.

Однако, имея высокий потенциал развития скотоводства и значимости самой отрасли для населения, данный сектор экономики идет на спад. Так, если проследить динамику КРС за 1990–2016 гг., то заметно снижение поголовья на 18,7 %. В первую очередь, сокращение поголовья скота происходит на этапе доразивания и откорме. При этом Республика Саха (Якутия) имела некоторые положительные моменты, например, у нее единственной поголовье коров оказалось выше у крестьянских хозяйств, чем в сельскохозяйственных организациях.

С начала этого века производство молока перестало падать, а с 2008 г. даже появился растущий тренд, что свидетельствует о положительной динамике. Однако последние 10 лет рост замедлился, в связи с чем можно сказать, что резервы роста находятся на исходе, а это требует пересмотреть политику поддержки развития скотоводства в регионах Крайнего Севера.

Вышеописанные причины негативно повлияли на уровень самообеспеченности регионов молоком и мясом. Если в 1990 г. данный уровень составлял около 60%, то к 2016 году он упал до 25,4 %. Такие показатели свидетельствуют о необходимости пересмотра стратегических планов для решения возникших проблем.

В связи с этим перед республикой стоит задача разведения мясного скота: ввоз мясных пород и с их помощью уже выводить новый местный тип мясного скота. Для реализации поставленной задачи используется система «теленки-коровы», которая заключается в предоставлении максимального количества времени выгулу коров с потомством (июнь-сентябрь), достижению круглогодичных отелов коров, содержанию крупного рогатого скота в светлых помещениях в зимний период и откорме молодняка и его выращивание на отдельных специальных площадках [4; 268].

При подсосном выращивании возрастает усвояемость высосанного молока, энергии роста телят, увеличении падежа исключаются.

Породообразованием занимаются ученые и специалисты по разведению новых пород животных. Его основными задачами являются создание крупного рогатого скота симментальской породы якутского типа, поддержка и рациональное использование имеющегося генофонда животных, увеличение качества и адаптационных условий местных пород лошадей, оленей, выведение типа, который был изначально представлен, формирование племенных ферм с поддержкой государства.

Также важным направлением в исследованиях является развитие якутского скота, так как он отличается наилучшей приспособляемостью к условиям Якутии и своими качественными характеристиками. Разработана концепция этапами производства симментализированного скота, и она включает в себя примерные требования по отбору скота по количественным и качественным характеристикам, а также подбора подходящей

пары. Также были отобраны хозяйства-оригинаторы в районах Республики.

Так как в климатических условиях Якутии стойловый период длится $\frac{3}{4}$ всего года, качество комбикорма является существенным фактором повышения производства. Для оптимизации состава рациона предлагается включить энерго-белково-минеральные кормовые добавки местного происхождения (пивная дробина, зерновая патока, УВМКК1 «Фелуцен»). При добавлении в рацион скота данных составляющих повышается питательность пищи и возрастает производство молока, как заявлено в исследовании [3; 112].

Чтобы создать племенную базу мясного скота, улучшить адаптацию к местным климатическим и экономическим условиям и улучшить качество говядины, были начаты работы по скрещиванию калмыцкой и якутской пород на основе товарного мясного хозяйства. В соответствии с дорожной картой научно-исследовательской работы «Развитие мясного скотоводства в Республике Саха (Якутия) на основе использования селекционных методов», ведутся разработки местного зонального мясного скота для разведения помесей второго поколения «в себе». Сама работа предполагает несколько этапов.

I этап – скрещивание первого поколения с использованием импортных мясных коров с быками-производителями местного скота или симментальной породы. Так же возможен вариант скрещивания местных коров с быками-производителями мясной породы.

II стадия – скрещивание полукровных телок с быками-производителями исходных пород;

III стадия – селекция гибридов второго поколения «в себе» со строгим отбором по качеству мяса, телосложению, производству молока, качеству потомства, адаптации к местным условиям.

Таким образом, сельское хозяйство для Республики Саха (Якутия) является играет существенную роль не просто как возможность иметь дополнительный заработок, но и как национальная традиция. Однако, имея высокий потенциал развития скотоводства и значимости самой отрасли для населения, данный сектор экономики идет на спад. Так, если проследить динамику КРС за 1990–2016 гг., то заметно снижение поголовья на 18,7 %. В первую очередь, сокращение поголовья скота происходит на этапе доразивания и откорме. При этом Республика Саха (Якутия) имела некоторые положительные моменты, например, у нее единственной поголовье коров оказалось выше у крестьянских хозяйств, чем в сельскохозяйственных организациях. Практически во всех регионах наблюдается деградация естественных кормовых угодий и снижение уровня эффективности производства кормовых культур, что ведет к снижению уровня использования продуктивного потенциала крупного рогатого скота и росту себестоимости продукции скотоводства. В связи с этим перед республикой стоит задача разведения мясного скота: ввоз мясных пород и с их помощью уже выводить

новый местный тип мясного скота. Для реализации поставленной задачи используется система «теленки-корова», которая состоит из нескольких этапов. Также ученые и специалисты занимаются выводом породообразованием. Его основными задачами являются создание крупного рогатого скота симментальской породы якутского типа, поддержка и рациональное использование имеющегося генофонда животных, увеличение качества и адаптационных условий местных пород лошадей, оленей, выведение типа, который

был изначально представлен, формирование племенных ферм с поддержкой государства. Также важным направлением в исследованиях является развитие якутского скота, так как он отличается наилучшей приспособляемостью к условиям Якутии и своими качественными характеристиками. На основании этого можно сказать, что исследования по совершенствованию крупного скота и его сохранению ведутся в Республике Саха (Якутия) ведутся и актуальны по сегодняшний день.

Литература:

1. Михайлова Э.А. Скотоводство как основа жизни народа Саха // International scientific review. 2014. С. 1–3.
2. Петрова-Шатохина Т.Р. Уровень развития скотоводства в регионах Дальневосточного федерального округа / Т.Р. Петрова-Шатохина, В.В. Реймер // Международный сельскохозяйственный журнал. № 1(361). 2018. С. 56–60.
3. Романова В.В. Актуальные направления исследований в животноводческой отрасли Республики Саха (Якутия) / В.В. Романова, Р.Г. Попов, Н.А. Николаева, В.И. Федоров, У.В. Хомподоева, В.Г. Осипов, Р.В. Иванов // Вестник ДВО РАН. 2017. № 3. С. 107–114
4. Слепцов И.И. Основные направления развития мясного скотоводства в Якутии / И.И. Слепцов, А.В. Чузунов, Е.И. Ильина // Вестник мясного скотоводства. 2017. № 4(100). С. 264–271
5. Третьякова В.А. Сфера традиционного хозяйствования сельского населения Республики Саха (Якутия) с позиции социального государства / В.А. Третьякова, Г.В. Толстых // Научно-методический электронный журнал «Концепт». № 6. 2019. С. 1–6.

Literature:

1. Mikhailova E.A. Cattle breeding as the basis of life of Saha people // International scientific review. 2014. P. 1–3.
2. Petrova-Shatohina T.R. Level of cattle breeding development in the regions of the Far East Federal District / T.R. Petrova-Shatohina, V.V. Reimer // International Agricultural Journal. 2018. № 1(361). P. 56–60.
3. Romanova V.V. Current directions of research in the livestock industry of the Republic of Sahara (Yakutia) / V.V. Romanova, R.G. Popov, N.A. Nikolayeva, V.I. Fyodorov, W.V. Khompodoyeva, V.G. Osipov, R.V. Ivanov // Journal of the Russian Academy of Sciences. 2017. № 3. P. 107–114
4. Sleptsov I.I. The main directions of development of meat cattle breeding in Yakutia / I.I. Sleptsov, A.V. Chuzhonov, E.I. Ilyina // Journal of meat cattle farming. 2017. № 4(100). P. 264–271
5. Tretiakov V.A. Sphere of traditional economic management of rural population of the Republic of Saha (Yakutia) from the position of social state / V.A. Tretiakov, G.V. Fat // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2019. № 6. P. 1–6.

Муха Виктория Николаевна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
v.mukha@bk.ru

Литовка Вера Александровна
кандидат социологических наук,
старший преподаватель
кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
veralitovka@yandex.ru

Вахрамеева Дарья Владимировна
старший преподаватель
кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
daria_kakadiy@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ПОКОЛЕНИЙ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что система социальной идентичности поколения отражает социальные трансформации, и стремительные общественные изменения ведут к разрыву идентификационных процессов между поколениями. Дается общая характеристика основных поколений российского общества: «молчаливое поколение», «бэйби-бумеры», поколение X, поколение Y поколение Z. сделан вывод, что для стабильного развития общества и преемственности социальной идентичности необходимо стабильное единство базовых ценностей в контексте поколенных отношений.

Ключевые слова: поколение, поколенческий анализ, теория поколений, социальная идентичность.

Современные общества, в том числе, и российское, существуют в условиях неопределенности, неустойчивости и постоянной изменчивости, что актуализирует проблему идентификационного поиска, как на социетальном уровне, так и на уровне личности, и социальной общности. Трансформация социальной структуры, модификация ценностных ориентаций, пересмотр и переосмысление исторических событий, неясность координат социокультурных изменений определяют многообразие идентификационных

Victoria N. Mukha
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Sociology, Law and Human Resources
Kuban State Technological University
v.mukha@bk.ru

Vera A. Litovka
Candidate of Sociological Sciences,
Senior Lecturer of the Department
of Sociology, Law and Human Resources
Kuban State Technological University
veralitovka@yandex.ru

Daria V. Vakhrameeva
Senior lecturer of the Department
of Sociology, Law and Human Resources
Kuban State Technological University
daria_kakadiy@mail.ru

SOCIAL IDENTITY OF MODERN GENERATIONS: PRELIMINARY THEORETICAL AND METHODOLOGICAL OBSERVATIONS

Annotation. The article substantiates the thesis that the system of social identity of a generation is reflected in social transformations and rapid social changes lead to a break in identification processes between generations. The general characteristic of the main generations of Russian society is given: «silent generation», «baby boomers», generation X, generation Y generation Z. it is concluded that for the stable development of society and the continuity of social identity, a stable unity of basic values in the context of generational relations is necessary.

Keywords: generation, generational analysis, generational theory, social identity.

полей и вариативность идентификационных стратегий, перестройку идентификационных матриц¹.

В данном контексте представляется важным понимание того, что в системе социальной идентичности того или иного поколений отражаются социально-экономические, политические и куль-

¹ Выполнено в рамках гранта РФФИ № 19-011-00834 «Идентификационные матрицы четырех поколений русских в современной России».

турные изменения, а сами процессы самокатегоризации и самоопределения личности определяют не только внешними факторами, но и внутренними (индивидуально-психологическими особенностями самой личности, включенностью в сообщество, социальным окружением и др.). Социальная идентификация выступает одним из основных механизмов социализации личности, при помощи которого индивид соотносит себя с определенной общностью или группой, интериоризирует ее образцы поведения, нормы и ценности. Однако в российском обществе противоречивые социальные трансформации, возрастающая скорость общественных процессов, определенные трудности с выстраиванием горизонтальных общественных связей привели к разрыву идентификационных процессов между поколениями. Очерченное поколение не может в полной мере воспользоваться социальным опытом предыдущего поколения, поскольку изменились общественные условия, перестали быть актуальными те или иные модели поведения, соответственно, старшее поколение перестает быть референтной группой для последующих.

По мнению М.Б. Глотова, поколение представляет собой объективно существующую социально-демографическую и культурно-историческую и общность людей, которых объединяет не только возраст, но и «общие условия функционирования и формирования в конкретно-исторический период времени» [1, с. 42]. Также, автор отмечает, что для поколения характерны общие духовные ценности, социально-психологические характеристики, сходный образ жизни и социальный опыт. В рамках социологического подхода исследования поколения внимание перемещается с демографических признаков на социальный контекст, то есть, на условия социального взросления, общую социальную деятельность, и тогда поколение может включать несколько возрастных групп, объединенных этим социальным контекстом. Как отмечает И.В. Троцук, «первичные характеристики поколения – социальный контекст становления, социализационные механизмы, системные (состав когорты) и биографические (ценностные ориентации и поведенческие модели) особенности; вторичные – количественный состав, гендерная, профессиональная, национальная и прочая структура» [2].

На данный момент наиболее разработанной является теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса; согласно ей, существование каждого из поколений отличают определенные события, которые и формируют ценности и социальную идентичность этих поколений [3]. Данная теория была адаптирована с учетом российской действительности исследовательским коллективом под руководством Е.М. Шамис, и в ней выделены следующие поколения:

- «молчаливое поколение» (годы рождения 1924–1943), «бэйби-бумеры» (годы рождения 1944–1963);
- поколение X (годы рождения 1964–1983);
- поколение Y (годы рождения 1984–2000);

поколение Z, родившихся после 2000 года, ценности которых находятся на стадии формирования [4].

Рассмотрим кратко особенности каждого из выделенных поколений.

Первое поколение – это так называемое «молчаливое поколение» – люди, которые родились в 1923–1943 годах, и формирование их ценностных ориентаций происходило в условиях голодного периода 1920–1930 годов, коллективизации, Второй мировой войны, культа личности и периода сталинских репрессий, тяжелых послевоенных времен. Условия, в которых происходило становление поколения, обусловили основные характеристики людей этого поколения: терпеливость, исполнительность, осторожность в действиях и высказываниях, скрытность, осознание постоянной внешней опасности, уважение законов и статусов, способность к тотальному подчинению. Поколение «молчаливых» обладает рядом специфических ценностей, среди которых законопослушность, беспрекословное подчинение законам и распоряжениям руководящих лиц. При этом полное подчинение не расценивается им как признак слабости, а является нормой. Также, для людей, рожденных в этот период, характерна ориентация на коллективизм, как в работе, так и в вопросах личной жизни и досуга. Необходимость выполнения государственных планов формирует в сознании «молчаливого поколения» значимость упорной и длительной работы. Самопожертвование ради страны, Родины – также характерны для данного поколения. В целом, «молчаливое поколение» можно охарактеризовать ценностями безопасности и стабильности. Представители этого поколения смогли установить новый социальный порядок, восстановить общественную жизнь после множества различных кризисов.

Всплеск рождаемости после победы во Второй мировой войне обусловил название следующего за «молчаливым» поколения – поколения «бэби-бумеров». При сохранившихся ориентациях на коллективизм, ценностях командного духа и упорную работу, это поколение характеризуется значительно большим оптимизмом, заинтересованностью в личностном росте, ярко выраженной индивидуальностью.

Основным архетипом поколения «бэби-бумеров» выступает образ «пророка», для которого характерны ориентация на общественные ценности, совершенствование и развитие религиозных и моральных устоев, мечта о создании «светлого будущего», идеализм и жертвенность. Во время формирования поколения «бэби-бумеров» СССР укрепляет свои позиции на международной арене и становится сверхдержавой, внутривнутриполитическая ситуация характеризуется наступлением «хрущевской оттепели». Поколение, воспитанное в сложившихся условиях, характеризуется яркостью в молодости, оптимизмом, готовностью прикладывать все необходимые усилия для достижения поставленных целей. В целом, поколение «бэби-бумеров» ориентируется на такие ценности, как стабильное эко-

номическое и политическое развитие, командный дух, упорный труд ради светлого будущего, соблюдение спортивного и здорового образа жизни, интерес к путешествиям, культ молодости, интерес в личностном росте и личных вознаграждениях.

Следующее поколение – поколение X, к которому относят людей, родившихся в период с 1963 по 1983 гг. Ценностные ориентации представителей данного поколения формировались под воздействием таких событий как холодная война, война в Афганистане, застой и падение социалистического режима, открытие границ и свобода передвижения, глобализация, экономическая перестройка. Представители данного поколения стали менее зависимыми от официальной власти, но при этом у них сформировалась апатия и безразличие к событиям, происходящим в политической сфере. По сравнению с родителями, у этого поколения менее развито чувство патриотизма и желание приносить пользу государству и более ценным для них является получение прибыли и личной выгоды. Им характерны такие качества, как индивидуализм, неформальность взглядов, прагматизм, надежда на себя, техническая грамотность, высокая готовность к изменениям. Семья для этого поколения является важной ценностью в силу того, что они недополучили от своих родителей любви. Работа для них является, прежде всего, средством достижения материального благополучия, поэтому они более склонны к профессиональному выгоранию.

Принципиально новое поколение Y – это люди, родившиеся в период с 1983 по 2003 гг., их также называют поколением «миллениумов». На формирование ценностей данного поколения оказали влияние такие события как распад СССР, рост преступности в 1990-е, терроризм, развитие цифровых технологий, появление мобильных телефонов, распространение Интернета и социальных сетей, онлайн технологии, идеология и практика мультикультурализма. Распад СССР, возникновение новых государств и общий передел мира дали «миллениумам» ощущение того, что нет ничего вечного, и что даже самые могущественные люди и государства могут в течение очень короткого времени потерять свой вес. Исходя из этого, «миллениумы» не признают какие-либо идеалы, не уважают власть и авторитеты. «Миллениумы» склонны принимать решения по какому-либо поводу очень быстро, так как бояться, что другой возможности может и не представиться. Стоит отметить, что взросление в быстро меняющемся мире развило у «миллениумов» склонность к быстрому потреблению и желанию

быстро достигать высоких результатов. Для представителей данного поколения не характерен длительный процесс труда в работе. Идеалом «миллениумов» является «американская мечта», возможность быстро и без усилий достичь успеха и денежного благополучия [5, с. 96]. Для «миллениумов» важен личный комфорт, самореализация и карьерный рост. Образование для них теряет смысл, так как оно не отвечает требованиям современной реальности и большую ценность приобретает саморазвитие. Отличительной особенностью данного поколения является оттягивание момента взросления, так как взросление предполагает ответственность.

Следующее поколение, относительно ценностей которого еще нет однозначного понимания, поскольку они еще до конца не сформированы – это поколение Z. К нему относятся люди, родившиеся, начиная с 2003 года, то есть, молодежь до 20 лет, которая заканчивает процесс обучения и вскоре выйдет на рынок труда. Процесс формирования ценностей данного поколения еще не окончен, но уже сейчас можно говорить о том, что большое влияние на них оказывает Интернет как основной источник получения информации, социальные сети, гаджеты, мобильные и цифровые технологии, геймификация, экономический кризис. Представители поколения Z большое внимание уделяют Интернету, основная их активность сосредоточена в сети. Через социальные сети они общаются, заводят друзей, покупают вещи, ищут необходимую информацию. Им легче воспринимать краткую и наглядную информацию, которая не требует долгой концентрации внимания и представлена с помощью иконок, смайлов и картинок, которые зачастую заменяют текст. Еще одна тенденция, характерная для представителей поколения Z – отсутствие долгосрочных трендов. Быстро сменяется информационные потоки, модные тенденции это порождает низкую лояльность к брендам, стилям одежды, кино, музыке.

В целом, можно отметить, что каждое поколение выступает носителем определенной системы ценностей и базовых традиций, одновременно создавая свои собственные, включается в процесс социокультурного производства. Как отмечает Г.А. Подогов, «восприятие и дальнейшая трансляция социокультурного наследия – динамичный и сложный механизм, а любой нарушение может привести к кризису социальной идентичности и межпоколенческому конфликту» [6, с. 82]. Именно поэтому для стабильного развития общества, обеспечения преемственности социальной идентичности необходимо стабильное единство базовых ценностей в контексте поколенных отношений.

Литература:

1. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42.
2. Троцук И.В. Поколенческий анализ: теоретические и методические компоненты // Обсерватория культуры. 2008. № 6. С. 25–32.

Literature:

1. Glotov M.B. Generation as a category of sociology // Sociological studies. 2004. № 10. P. 42.
2. Trotsuk I.V. Generational analysis: theoretical and methodological components // Observatory of Culture. 2008. № 6. P. 25–32.

3. Howe Neil, Strauss, William Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company, 1991.

4. Шамис Е. Теория поколений: необыкновенный Икс. М. : Университет «Синергия», 2016. 140 с.

5. Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015. № 1. С. 94–97 (С. 96)

6. Подогов Г.А. Исследование межпоколенческих отношений современными гуманитарными науками // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 3. С. 82.

7. Стефаненко Т.Г. Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа / Т.Г. Стефаненко, Т.А. Тумгоева, М.В. Котова // Национальный психологический журнал. 2017. № 4(28). С. 45–56.

3. Howe Neil, Strauss, William Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company, 1991.

4. Shamis E. Theory of Generations: Extraordinary X. M. : Synergy University, 2016. 140 p.

5. Ozhiganova EM The Generation Theory of N. Howe and V. Strauss. Possibilities of practical application // Business education in the knowledge economy. 2015. № 1. P. 94–97 (P. 96)

6. Podogov G.A. The study of intergenerational relations by modern humanities // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 3. P. 82.

7. Stefanenko T.G. The cultural memory and social identity of the Ingush as representatives of the repressed people / T.G. Stefanenko, T.A. Tumgoeva, M.V. Kotova // National Psychological Journal. 2017. № 4(28). P. 45–56.

**Мухаметзянова-Дуггал
Регина Массаровна**

доктор политических наук,
главный научный сотрудник
отдела религиоведения,
Институт этнологических исследований
имени Р.Г. Кузеева – обособленного
структурного подразделения
Федерального государственного
бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук (Уфа)
mdregm@yandex.ru

Хабибуллина Зия Рашитовна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела религиоведения,
Институт этнологических исследований
имени Р.Г. Кузеева – обособленного
структурного подразделения
Федерального государственного
бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук (Уфа).
zilyahabibi@mail.ru

Надыршин Тимур Маратович

младший научный сотрудник
отдела религиоведения,
Институт этнологических исследований
имени Р.Г. Кузеева – обособленного
структурного подразделения
Федерального государственного
бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук (Уфа).
timurimp@mail.ru

Кляшев Александр Николаевич

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
отдела религиоведения,
Институт этнологических исследований
имени Р.Г. Кузеева – обособленного
структурного подразделения
Федерального государственного
бюджетного научного учреждения
Уфимского федерального
исследовательского центра
Российской академии наук (Уфа).
ak1168@mail.ru

**РЕЛИГИОЗНОЕ ПОЛЕ
РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН:
КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ
И ТОЛЕРАНТНОСТЬ
(ПО ДАННЫМ ПОЛЕВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Regina M. Mukhametzyanova-Duggal

Doctor of Political Science,
Chief Researcher of Department
of Religious Studies,
Institute of Ethnological Research
named after R.G. Kuzeev – separate
structural division Federal State
budgetary Scientific Institution
the Ufa Federal Research center
Russian Academy of Sciences (Ufa)
mdregm@yandex.ru

Zilia R. Khabibullina

Candidate of Historical Sciences,
Senior Research Associate
Department of Religious Studies,
Institute of Ethnological Research
named after R.G. Kuzeev – separate
structural division Federal State
budgetary Scientific Institution
the Ufa Federal Research center
Russian Academy of Sciences (Ufa)
zilyahabibi@mail.ru

Timur M. Nadyrshin

Junior Researcher
of Department of Religious Studies
Institute of Ethnological Research
named after R.G. Kuzeev – separate
structural division Federal State
budgetary Scientific Institution
the Ufa Federal Research center
Russian Academy of Sciences (Ufa)
timurimp@mail.ru

Aleksander N. Klyashev

Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of
Department of Religious Studies,
Institute of Ethnological Research
named after R.G. Kuzeev – separate
structural division Federal State
budgetary Scientific Institution
the Ufa Federal Research center
Russian Academy of Sciences (Ufa)
ak1168@mail.ru

**RELIGIOUS FIELD OF THE REPUBLIC
OF BASHKORTOSTAN:
CONFLICTNESS AND TOLERANCE
(ACCORDING TO THE FIELD WORKS)**

Аннотация. В данной статье проводится сравнительный анализ отношения членов православных и мусульманских религиозных организаций Башкортостана к традиционным конфессиям и к новым религиозным движениям, функционирующих на территории Российской Федерации. У подавляющего большинства респондентов отношение к традиционным религиям не является негативным, в отношении представителей традиционных религий к российским НРД зафиксировано наличие конфликтного потенциала.

Ключевые слова: православие, ислам, Республика Башкортостан, новые религиозные движения, конфликтный потенциал.

Annotation. This article provides a comparative analysis of the attitude of members of Orthodox and Muslim religious organizations of Bashkortostan towards traditional faiths and new religious movements operating on the territory of the Russian Federation. The overwhelming majority of respondents have a negative attitude to traditional religions; there is a conflict potential in relation to representatives of traditional religions to Russian NSDs.

Keywords: orthodoxy, Islam, the Republic of Bashkortostan, new religious movements, conflict potential, tolerance.

Религиозный фактор приобретает все большее и большее значение в жизни, как мирового сообщества, так и современной России. Процесс трансформации, претерпеваемый современным российским обществом, привел к осознанию необходимости более фундаментального осмысления проблем сохранения национальной идентичности россиян, воспроизводства в дальнейших поколениях культурной и духовной самобытности России, защиты россиян от многократно умножившихся рисков и угроз духовному здоровью нации. Дифференциация общества по религиозному признаку может нести в себе конфликтный потенциал, выявление истоков которого является одной из важнейших прикладных задач российской гуманитарной науки.

Православие и ислам являются ведущими конфессиями, их объединения составляют 90 % от общего количества религиозных организаций: около 71 % – мусульманские, 19 % – православные. Протестантские формирования (баптисты, адвентисты, пятидесятники и др.) и прочие верования (старообрядцы, буддизм, языческие верования, а также новые религиозные движения) – около 10 %.

В Республике Башкортостан действуют 13 религиозных центров, 1978 религиозных объединений различных конфессий, из них зарегистрировано Управлением Министерства юстиции РФ по РБ 1568. На 1 января 2018 года на территории Республики Башкортостан находится 1392 мусульманских религиозных объединения.

Мусульманская умма представлена двумя духовными центрами:

Центральное духовное управление мусульман России, возглавляет Верховный муфтий, Шейх уль-ислам, Талгат Таджуддин. В структуру ЦДУМ входят 622 общины, расположенные в Республике Башкортостан (зарегистрировано 487 и 135 без регистрации) и объединённые в региональное ДУМ, которое возглавляет муфтий Мухаммад Таджуддинов.

Централизованная религиозная организация – Духовное управление мусульман Республики Башкортостан, возглавляет муфтий Айнура Бергалин. В структуре ДУМ РБ – 773 мусульманские

общины, действующие в республике (621 зарегистрирована и 152 без регистрации).

На территории Башкортостана расположено 1005 типовых мечетей и 168 приспособленных под мечети зданий [1].

Общая численность лиц, исповедующих протестантизм на территории РБ, по результатам проведенных НИР, составляет примерно 6000 чел. Функционируют религиозные организации классического (лютеранство немецкой и шведско-финской традиций), позднего (баптисты и христиане-адвентисты седьмого дня) и пятидесятилетнего направлений [2].

В рамках государственного задания по теме «Роль духовных факторов в предотвращении конфликтов и осуществлении безопасной жизнедеятельности общества» (регистрационный номер: АААА-А18-118041290050-7) Институтом этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева – обособленным структурным подразделением Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ИЭИ УФИЦ РАН) проводится анализ результатов полевых исследований, осуществляемых с 2014 г. в религиозных организациях, функционирующих на территории Республики Башкортостан.

Цель данной статьи – сравнительный анализ характеристик регулярных членов православных и мусульманских общин Республики Башкортостан, связанных с межэтническими отношениями.

Задачи исследования – выявление отношения респондентов к традиционным конфессиям (православию, исламу, иудаизму, буддизму) и новым религиозным движениям (окультизм, восточным мистическим и неоязыческим группам – НРД), функционирующих на территории Российской Федерации.

Объект исследования – члены православных и мусульманских религиозных организаций, функционирующих на территории Республики Башкортостан; **предмет** – некоторые их конфессиональные установки.

Методы и методология.

Сбор эмпирического материала осуществлялся различными методами. Факторы, касающиеся функционирования протестантских религиозных объединений, были выявлены с использованием метода полевой этнографии – включенного наблюдения, а также методом социологии – интервьюированием. Информация о социально-демографических характеристиках членов религиозных объединений была получена методами социологии: опросами посредством интервьюирования и анкетирования. Опросы проводились с использованием анкет закрытого и открытого типов. На эмпирическом уровне исследования применялись также общенаучные методы измерения и сравнения.

Принципиальным планом исследования была выбрана индуктивная стратегия, предполагающая обобщение эмпирического материала как модели объяснения исследуемого феномена; в целях теоретического обобщения эмпирических данных применялись методы анализа и синтеза.

Респондентами РПЦ (как и мусульманских объединений) являлись регулярные члены общин – согласно определению Ю.Ю. Синелиной, представители так называемого «ядра» верующего и религиозного населения с высокими показателями религиозного поведения и участия в религиозной жизни (в т.ч., посещением храмов и мечетей не реже одного раза в неделю, регуляр-

ным чтением молитв и текстов Библии и Корана) [3].

Общая генеральная совокупность по трем православным религиозным организациям г. Уфы Республики Башкортостан составляет 650 чел., общая выборочная совокупность составляет 52 респондента (8,0 %).

Общая генеральная совокупность по трем мусульманским религиозным организациям г. Уфы Республики Башкортостан составляет 700 чел., общая выборочная совокупность составляет 76 респондентов (10,8 %).

Результаты.

Отношение к традиционным для России религиям.

Результаты исследований демонстрируют, что отношение более чем у половины респондентов – православных (56,3 %), так и респондентов – мусульман (55,6 %) к традиционным для России религиям нейтральное. На втором месте – респонденты с положительным отношением к традиционным религиям (также православные и мусульмане) – 37 % православных и 22,2 % мусульман. Таким образом, у 93,8 % православных и 77,8 % мусульман отношение к традиционным религиям не является негативным, отрицательное отношение из обеих выборок демонстрируют только 11,1% респондентов-мусульман (табл. 1).

Таблица 1

Отношение к традиционным для России религиям

	РПЦ (РБ, 2017, % от числа опрошенных, N = 52)	ДУМ (РБ, 2017, % от числа опрошенных, N = 76)
положительно	37,5	22,2
нейтрально	56,3	55,6
отрицательно	–	11,1
затрудняюсь ответить	6,3	11,1

Источник: ПМА (Полевые материалы авторов) – опросы в мусульманских и православных религиозных организациях, г. Уфа, РБ, август 2017 г.;

Отношение к новым религиозным движениям.

Материалы исследований свидетельствуют о том, что отношение более чем у половины респондентов – православных (62,5 %), так и респондентов – мусульман (68,1 %) к новым рели-

гиозным движениям отрицательное. 25,0 % православных и 13,9 % мусульман затруднились определить свое отношение к новым религиозным движениям; нейтрально относится 15,3 % респондентов – мусульман, положительно – 12,5 % православных и 2,8 % мусульман (табл. 2).

Таблица 2

Отношение к новым религиозным движениям

	РПЦ (РБ, 2017, % от числа опрошенных, N = 52)	ДУМ (РБ, 2017, % от числа опрошенных, N = 76)
положительно	12,5	2,8
нейтрально	–	15,3
отрицательно	62,5	68,1
затрудняюсь ответить	25,0	13,9

Источник: ПМА (Полевые материалы авторов) – опросы в мусульманских и православных религиозных организациях, г. Уфа, РБ, август 2017 г.;

Выводы.

Приведенные в статье результаты обработки материалов полевых исследований, на наш

взгляд, наглядно демонстрируют, что у подавляющего количества респондентов – православных (93,8 %) и у 77,8 % респондентов – мусульман отношение к традиционным религиям не

является негативным, наличие конфликтного потенциала зафиксировано лишь у 11,1 % респондентов – мусульман. Более чем у половины респондентов – представителей обеих конфессий выявлено негативное отношение к новым религиозным движениям (62,5 % православных респондентов и 68,1 % респондентов – мусульман). Таким образом, можно отметить, что в отношении представителей традиционных религий к российским НРД конфликтотенный потенциал имеет место.

Необходимо отметить, что данные по мусульманам и православным РБ основаны на результа-

тах пилотажного исследования, носят предварительный характер и, по мнению авторов, требуют дальнейших широкомасштабных исследований.

Статья подготовлена в рамках проекта ИЭИ УФИЦ РАН «Роль духовных факторов в предотвращении конфликтов и осуществлении безопасной жизнедеятельности общества» (Программа Президиума РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России» подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление»).

Литература:

1. Информация о религиозной ситуации и государственно-конфессиональных отношениях на территории Республики Башкортостан на 01.01.2018г. Совет по государственно-конфессиональным отношениям при Главе Республики Башкортостан. Официальный сайт. URL : <https://glavarb.ru/rus/administration/sovetpogosudarstvenno-konfessionalnimotnosheniyampriprezidenterb/> (дата обращения: 20.11.2019).

2. ПМА – полевые материалы авторов – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан, Оренбургской области, Удмуртской Республики, Республики Коми. 2013–2015 годы.

3. *Синелина Ю.Ю.* «Новые тенденции в религиозном сознании и поведении россиян» / Вестн. моск. ун-та. сер. 18. Социология и политология. 2013. № 1. С. 81–82.

Literature:

1. Information on the religious situation and state-confessional relations on the territory of the Republic of Bashkortostan as of 01.01.2018. Council on state-confessional relations under the Head of the Republic of Bashkortostan. Official site URL : <https://glavarb.ru/rus/administration/sovetpogosudarstvenno-konfessionalnimotnosheniyampriprezidenterb/> (accessed 20.11.2019).

2. PMA-field materials of the authors-expeditions to Protestant churches of the Republic of Bashkortostan, Orenburg region, Udmurt Republic, Komi Republic. 2013–2015.

3. *Sinelina Yu.Yu.* «New trends in religious consciousness and behavior of Russians» / Vestn. Mosk. UN-TA. ser. 18. Sociology and political science. 2013. № 1. P. 81–82.

Протопопова Кюннй Николаевна
магистрант,
Северо-Восточный
федеральный университет
имени М.К. Аммосова
kunnei.gavr11@gmail.com

Борисова Ульяна Семеновна
доктор социологических наук,
профессор кафедры
социологии и управления персоналом,
Северо-Восточный
федеральный университет
имени М.К. Аммосова
ulsem2012@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕ: ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

■ ■ ■
Аннотация. В статье представлено отношение студентов Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова к проблеме социального неравенства в современном обществе (№ 101). Анализируются понимание респондентами понятия социальное неравенство, выявлены главные причины, способствующие неравенству, проблема доступности высшего образования в регионе.

Ключевые слова: социальная справедливость, неравенство, социальная стратификация, социальный статус, студенты, молодежь, безработица, гендерное различие.

■ ■ ■
Актуальность данной темы обосновывается тем, что вопрос неравенства считается основополагающим для развитых обществ. Социальная стратификация является одной из центральных задач социологии, вокруг него ведется большое количество научных и идеологических споров. Ключевыми факторами являются различия в собственности, власти и статуса. Социальные исследователи спрашивали, почему некоторые группы общества богаче или имеют больше власти, чем другие, и почему неравенство проявляется в развитых обществах; почему бедность продолжает существовать в сегодняшнем богатом обществе. [4, 3].

Этап формирования социального неравенства – закрепление сложившейся ситуации в условиях социального разделения труда и обмена. В обществе группы дифференцированы, неравны по характеру труда (работники интеллектуального и физического труда), в соответствии с социальными ролями (отец, врач, продавец, политик), по типу поселения и образу жизни (городское и сельское население). Неравенство усугубляется

Kyunnyay N. Protoporova
Undergraduate,
Northeast Federal University
name of M.K. Ammosov
kunnei.gavr11@gmail.com

Uliana S. Borisova
Doctor of Sociology,
Professor Department of Sociology
and Personnel Management,
Northeast Federal University
name of M.K. Ammosov
ulsem2012@mail.ru

SOCIAL INEQUALITY IN SOCIETY: STUDENT ATTITUDES

■ ■ ■
Annotation. The article presents the attitude of students of the North-Eastern Federal University to the problem of social inequality in modern society (№ 101). The authors analyze the respondents' understanding of the concept of social inequality, identify the main causes contributing to inequality, the problem of accessibility of higher education in the region.

Keywords: social justice, inequality, social stratification, social status, students, youth, unemployment, gender difference.

■ ■ ■
институционализацией и нормативно-правовой базой, определяющей место каждого человека в социальной структуре. В том числе природные различия приобретают социальную и институциональную форму. Женщины не равны в социальном отношении с мужчинами, молодежь – с пожилыми людьми. Существует устойчивая система социального статуса, который определяет количество людей в таких аспектах, как ответственность, доступ к власти и другое.

Особое значение имеет тема социального неравенства в контексте молодежных проблем. Молодежь – особая группа населения, для которой характерна высокая динамика развития, отражающая развитие общества в целом. Социальная сущность молодежи ряда исследователей рассматривается в связи с ее специфическим положением (статусом) в социальной структуре, которое отчасти определяется возрастом. Из-за того, что последствия молодежной политики проявляются не сразу, а через 30–40 лет, это зависит от ее эффективности, как государство и общество будут в ближайшем будущем, будет

ли решение проблем, стоящих перед обществом, последовательным, скоординированным или, наоборот, радикальным. [5, с. 56].

Целью нашего анкетного опроса, проведенного в октябре 2018 г., являлось выявление отношения к проблеме социального неравенства студентов

СВФУ им. М.К. Аммосова, в котором приняли участие бакалавры и магистры очной формы обучения. Объем выборочной совокупности составил 101 человек. Квотная выборка сформирована по курсам (с 1 по 5 курсы очного отделения, бакалавры и магистры) и по гендерному принципу (50 на 50).

Таблица 1

Понятие социального неравенства

Варианты ответа		По полу		Всего
		муж	жен	
Когда люди имеют неравный доступ	Количество	39	37	76
	В %	75,00 %	75,50 %	75,20 %
Дискриминация людей	Количество	2	3	5
	В %	3,80 %	6,10 %	5,00 %
Затрудняюсь ответить	Количество	11	9	20
	В %	21,20 %	18,40 %	19,80 %

Итак, рассмотрим таблицу № 1, на первый вопрос «что Вы понимаете под социальным неравенством?» 75 % респондентов дали ответ «когда люди имеют неравный доступ к таким социальным благам, как богатство, власть и престиж», из них 51 % – мужчины, 48 % – женщины. Всего 5 % выбрали ответ – «дискриминацию человека по полу и по цвету кожи», из них 40 % –

мужчины, 60 % – женщины. Остальные 20 % затруднились в ответе. Свое понимание социального неравенства дали Гладышева А.С. и Стоянова И.А.: «Социальное неравенство находит свое выражение в неравенстве условий жизни, в неравенстве возможностей при достижении желаемых целей и в неравенстве результатов» [3, с. 1].

Таблица 2

Главные причины социального неравенства

		пол		Всего
		Муж	Жен	
Высокий уровень инфляции	Количество	9	7	16
	% в № 2_1	56,3 %	43,8 %	100,0 %
	% в пол	17,3 %	14,3 %	15,8 %
Низкий уровень дохода	Количество	24	28	52
	% в № 2_1	46,2 %	53,8 %	100,0 %
	% в пол	46,2 %	57,1 %	51,5 %
Несправедливое распределение дохода	Количество	4	4	8
	% в № 2_1	50,0 %	50,0 %	100,0 %
	% в пол	7,7 %	8,2 %	7,9 %
Неэффективная работа правительства	Количество	6	5	11
	% в № 2_1	54,5 %	45,5 %	100,0 %
	% в пол	11,5 %	10,2 %	10,9 %
Коррупция, взяточничество	Количество	0	1	1
	% в № 2_1	0,0 %	100,0 %	100,0 %
	% в пол	0,0 %	2,0 %	1,0 %
Непрактичность людей	Количество	1	0	1
	% в № 2_1	100,0 %	0,0 %	100,0 %
	% в пол	1,9 %	0,0 %	1,0 %
Внешние обстоятельства	Количество	8	4	12
	% в №2_1	66,7 %	33,3 %	100,0 %
	% в пол	15,4 %	8,2 %	11,9 %
Всего	Количество	52	49	101
	% в № 2_1	51,5 %	48,5 %	100,0 %
	% в пол	100,0 %	100,0 %	100,0 %

В таблице № 2 мы видим, что причинами социального неравенства для молодежи являются – низкий уровень дохода (51 % респондентов), высокий уровень инфляции (15 %) и внешние обстоятельства, судьба, разные причины (12 %). Если рассматривать по полу, то мы видим, что мужчины, чаще всего, выбирали вариант ответа

«неэффективная работа правительства в социальной сфере». А женщины – «низкий уровень доходов».

На вопрос «Как бы Вы охарактеризовали социальное положение жителей нашей республики?» половина респондентов затруднились в ответе. 35 % респондентов считают, что социальное

положение жителей нашей республики (Республика Саха (Якутия)) нестабильным, 10 % – относительно стабильным, остальные 7 % охарактеризовали критическим.

В анкете был включен вопрос «Вы согласны с тем, что в России достаток в материальном плане зависит от места жительства и географического положения?». Результаты показали, что 89 % опрошенных согласны с тем, что в России достаток в материальном плане зависит от места жительства и географического положения, 9 % – не согласны, а остальные 3 % затруднились в ответе.

В следующем вопросе «Как бы Вы оценили доступность высшего образования в Якутии?» мы выявили, что доступность высшего образования для 75 % респондентов не доступна, так как деньги играют большую роль. Для 22 % опрошенных высшее образование не доступна, так как деньги играют большие роли. Это обусловлено тем, что количество бюджетных мест с каждым годом сокращается, а стоимость платного образования повышается. Те, кто могут позволить себе обучение на коммерческих местах уезжают в центральные города, так как там стоимость образования та же.

Также, в анкету был включен вопрос «Как Вы считаете, существует ли неравенство в современном обществе между мужчиной и женщиной?». Половина респондентов считают, что неравенство в современном обществе между мужчиной и женщиной скорее существует, чем нет, а 4 % респондентов не согласны, они считают, что неравенство скорее не существует. 27 % ре-

спондентов утвердили, что неравенство существует, а 3 % опрошенных дали обратный ответ. Остальные 15 % затруднились в ответе. Если смотреть по гендерным различиям, то девушки с 4 по 5 курс дали определенный ответ, «существует», а у молодых людей с 1 по 5 курс преобладал ответ «скорее существует». Мы так понимаем, что девушки уже в том возрасте, что уже почувствовали некое отношение к их полу.

Таким образом, проанализировав результаты социологического исследования, мы пришли к выводу о том, что основные причины социального неравенства для студентов СВФУ им. М.К. Аммосова связаны с уровнем материальной обеспеченности и социальной защищенности, с получением образования.

В 2016 году большинство студентов СВФУ отмечают то, что им не хватает возможности подрабатывать, подходящей работы, современных экономических и политических знаний, возможности трудиться с полной отдачей, а также полноценного досуга и юридической помощи в защите своих прав и интересов [1, с. 85–87]

И все же, молодое поколение не может жить без света «в конце туннеля», без надежды, даже в условиях глубокого кризиса общества и социально-экономической нестабильности. Поэтому успешность выхода из кризиса во многом зависит от инновационных способностей нашей страны, от способности формировать политический и экономический потенциал общества, так чтобы новое поколение не чувствовало превосходства или, наоборот, низости друг перед другом.

Литература:

1. *Васильева М.В.* Интегральный анализ социального самочувствия студенческой молодежи / М.В. Васильева, У.С. Борисова // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2017. № 6-1(60). С. 85–87.
2. *Вишневский Ю.Р.* Социология молодежи: курс лекций. / Ю.Р. Вишневский, Д.Ю. Нархов. Екатеринбург : изд-во Урал. ун-та, 2013. 246 с.
3. *Гладышева А.С.* Социальная справедливость и социальное неравенство в условиях современной России / А.С. Гладышева, И.А. Стоянов // *Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия*. 2016. № 2. С. 273–279.
4. Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости : сборник научных статей / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневского. М. : Российское общество социологов; Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. 253 с.
5. *Трофимова И.Н.* Молодежь и социальное неравенство в современной России // *Социальные исследования и мониторинг*. 2013. С. 1455.

Literature:

1. *Vasilieva M.V.* Integral analysis of the social well-being of student youth / M.V. Vasilieva, U.S. Borisova // *International Research Journal*. 2017. № 6-1(60). P. 85–87.
2. *Vishnevsky Yu.R.* Sociology of youth: a course of lectures. / Yu.R. Vishnevsky, D.Yu. Narkhov. Yekaterinburg : publishing house Ural. University, 2013. 246 p.
3. *Gladysheva A.S.* Social justice and social inequality in modern Russia / A.S. Gladysheva, I.A. Stoyanov // *Politics, Economics and social sphere: problems of interaction*. 2016. № 2. P. 273–279.
4. Students of Russia on social inequality and social justice: a collection of scientific articles. M. : Russian Society of Sociologists; Yekaterinburg: Publishing House of the UMTS UPI, 2016. 253 p.
5. *Trofimova I.N.* Youth and social inequality in modern Russia // *Social studies and monitoring*. 2013. P. 1455.

Райдугин Дмитрий Сергеевич
кандидат философских наук,
доцент,
доцент Департамента социологии,
истории и философии,
Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
raydmis@mail.ru

Наберушкина Эльмира Кямаловна
доктор социологических наук,
доцент,
профессор кафедры социологии,
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет
naberushkinaek@gmail.com

Горбунов Сергей Павлович
студент факультета
социологии и журналистики,
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет
sergeygorbunov1998@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ УРБАНИСТИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

■ ■ ■

Аннотация. В ситуации полипарадигмальности социогуманитарного знания дефиниция любой социальной категории представляет собой методологическую проблему. Категория благополучия в этом смысле – не исключение. Настоящая работа является продолжением цикла публикаций, посвященных концептуализации, формированию операциональной модели и выявлению фактических эмпирических показателей урбанистического благополучия инвалидности. Содержательно, статья включает в себя описание гносеологических аспектов проблемы благополучия, описание операциональной базы исследования возможностей профессиональной самореализации людей с инвалидностью в городской среде как одного из интегральных индикаторов урбанистического благополучия. Кроме того, в работе приведены результаты эмпирического исследования заявленной проблемы.

Ключевые слова: инвалидность, благополучие, урбанистическое благополучие, счастье, операциональная модель, концептуальная модель, выборочная совокупность, генеральная совокупность.

■ ■ ■

Dmitry S. Raydugin
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
Department of Sociology,
History and Philosophy
Financial University under the Government
of the Russian Federation
raydmis@mail.ru

Elmira K. Naberushkina
Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor
Professor of Department of Sociology,
Moscow State Humanitarian
and Economic University
naberushkinaek@gmail.com

Sergey P. Gorbunov
Student of the Faculty of Sociology
and Journalism,
Moscow State Humanitarian
and Economic University
sergeygorbunov1998@gmail.com

METHODOLOGY FOR THE STUDY OF OPPORTUNITIES FOR PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF PERSONS WITH DISABILITIES IN THE CONTEXT OF URBAN WELL-BEING

■ ■ ■

Annotation. In the situation of polyparadigmality of sociohumanitarian knowledge, the definition of any social category is a methodological problem. The category of well-being in this sense is no exception. This work is a continuation of a series of publications on conceptualization, operational model development and identification of actual empirical indicators of urban well-being of disability. The content of the article includes a description of the gnoseological aspects of the problem of well-being, a description of the operational base of research into the possibilities of professional self-realization of persons with disabilities in the urban environment as one of the integral indicators of urban well-being. In addition, the work presents the results of empirical research of the declared problem.

Keywords: disability, well-being, urban well-being, happiness, operational model, conceptual model, sample population, general population.

■ ■ ■

Человеческое благополучие выступает одним из самых сложных и полипредметных феноменов, когда-либо попадавших в ракурс социально-гуманитарных наук. Вместе с тем, для современных ученых эта предметность не является terra incognita и связано данное положение дел в первую очередь с тем, что, наряду с категорией «благополучие», в комплексе социально-гуманитарного знания употребляются понятия «счастье», «качество жизни», «благополучие» и иные. Эти – близкие по смыслу, но все же, не тождественные благополучию категории нашли отражение как в классических философских работах Платона, Аристотеля, Сенеки, Марка Аврелия, Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра, так и в работах современных философов и психологов. Не обошли своим исследовательским вниманием проблему счастья/благополучия и отечественные ученые социально-гуманитарного профиля. В частности, исследование благополучия входит в сферу научных интересов К.С. Дивисенко и А.Э. Белова [1], С.В. Мареевой [2], Т.А. Гурко [3], Д.В. Зайцева [4], О.А. Кислицыной [5], Л.С. Лебедевой [6], В.В. Ананишневой [7], А.Л. Темницкого [8], Д.В. Сальниковой [9], Л.А. Беляевой [10], Н.Н. Суртаевой [11], Р.В. Губарева [12] и ряда других, не менее значимых, ученых, чьи работы были учтены при подготовке настоящей статьи¹.

Однако категория «благополучие» используется учеными в различных значениях, существенно отличающихся по смыслу. С.В. Яремчук определяет благополучие как «удовлетворенность человека основными жизненными сферами и жизнью в целом» [13]. В проведенном ею исследовании выявляются показатели благополучности по шести основным «модусам», ранее предложенным Р.М. Шамионовым [14]:

- 1) материальное положение;
- 2) личностное самоопределение (оценка степени самореализации);
- 3) социальное самоопределение;
- 4) личностное благополучие (оценка собственного характера и индивидуальных особенностей);
- 5) профессиональное самоопределение;
- 6) физическое и психологическое здоровье.

Зарубежные коллеги Том Рас (Tom Rath) и Джим Хартер (Jim Harter) выделяют пять основных сфер благополучия:

- 1) профессиональное благополучие;
- 2) физическое благополучие;
- 3) социальное благополучие;
- 4) финансовое благополучие;

5) благополучие в среде проживания [15], отмечая при этом, что для достижения счастья успех должен быть достигнут во всех пяти областях и неудача хотя бы в какой-либо одной из сфер не может быть компенсирована благополучием в других.

Другая группа зарубежных авторов во главе с И. Джованини (E. Giovanini) выделяет шесть факторов благополучия:

- 1) физическое и психическое здоровье;
- 2) свобода и самоопределение;
- 3) хорошая работа;
- 4) удовлетворительные межличностные отношения;
- 5) материальное благополучие;
- 6) знание и понимание мира [16].

Отдельно следует упомянуть работу Р. Флориды «Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства», взятую за основу концептуальной базы проекта в части, касающейся «объективных» обстоятельств благополучия. Р. Флорида выделил ряд критериев благополучия, среди которых были использованы следующие:

- возможности профессиональной самореализации;
- эффективность управления;
- уровень реализации базовых ценностей;
- уровень психологического комфорта.

В целях достижения концептуального единства, мы сформулировали собственное определение категории «счастье» [17], а также – связанный с ним операциональный концепт благополучия как социального выражения счастья [18].

На основе операциональной модели была разработана объектная часть исследовательского инструментария урбанистического благополучия, в которой использовались следующие индикаторы:

1. Город проживания. Индикатор введен в связи с необходимостью дальнейшего сравнения уровня урбанистического благополучия в разных городах. Шкала открыта, так как, в дальнейшем, география исследования может быть расширена и выйти за пределы Москвы и Саратова.
2. Срок проживания. Индикатор введен в связи с необходимостью установления опыта проживания респондента в оцениваемом городе. Шкала открыта, так как требуется высокая точность (единица измерения – один полный год) и возможная группировка будет проводиться по итогам анализа.
3. Наличие опыта проживания в других городах. Индикатор введен в связи с необходимостью выявления возможности респондента сравнить уровень благополучия в актуальном городе с

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Грант № 18-011-00290 «Урбанистическое благополучие инвалидности»

другими городами. Шкала закрыта, значения противоречат друг другу и третье значение в альтернативном вопросе невозможно.

4. Пол. Индикатор введен в связи с необходимостью сравнения мужского и женского восприятия урбанистического благополучия. Шкала закрыта и исчерпывается двумя «классическими» значениями.

5. Возраст. Индикатор введен в связи с необходимостью установления возрастных корреляций в оценке урбанистического благополучия. Шкала открыта, так как требуется высокая точность (единица измерения – один полный год) и возможная группировка будет проводиться по итогам анализа.

6. Группа инвалидности. Индикатор введен в связи с необходимостью установления корреляций, связанных с группой инвалидности, в оценке урбанистического благополучия. Шкала полуоткрыта, так как, помимо основных официально принятых статусов, могут быть ответы с иными значениями.

7. Специфика основного диагноза. Индикатор введен в связи с необходимостью установления корреляций, связанных со спецификой ограничений здоровья, в оценке урбанистического благополучия. Шкала полуоткрыта, так как, помимо трех основных нозологических групп, требующих адаптации, существуют другие группы, перечислять которые затруднительно в силу того, что это значительно увеличит объем инструментария.

8. Оценка собственной физической мобильности. Индикатор дополняет предыдущие два, раскрывая их «субъективную» сторону. Шкала закрыта, ответы ранжированы в зависимости от степени ограничений мобильности.

9. Род занятий. Индикатор введен в связи с необходимостью установления корреляций, связанных со спецификой рода занятий, в оценке урбанистического благополучия. Шкала полуоткрыта, так как классификация родов деятельности не полна, но отражает при этом наиболее распространенные из них.

10. Оценка собственного материального положения. Индикатор введен в связи с необходимостью установления корреляций, связанных с уровнем доходов, в оценке урбанистического благополучия. Шкала закрыта, но имеет пустое значение на случай затруднения респондента с оценкой.

Для описания эмпирических данных, в предметной части исследования были разработаны индексы благополучия по 44 индикаторам, сгруппированным по следующим признакам оценки:

– возможности профессиональной самореализации (8 индикаторов);

– эффективности государственного управления (5 индикаторов);

– уровня реализации базовых ценностей (4 индикатора);

– уровня психологического комфорта (5 индикаторов);

– адаптированности городской пространственной среды (14 индикаторов);

– качества социальных услуг (8 индикаторов).

Для исчисления индексов использовались шкалы равных интервалов с пятью ненулевыми значениями, обозначающими пять интервалов:

1 – низкий уровень благополучия (0–0,2);

2 – уровень благополучия ниже среднего (0,21–0,4);

3 – средний уровень благополучия (0,41–0,6);

4 – уровень благополучия выше среднего (0,61–0,8);

5 – высокий уровень благополучия (0,81–1).

Алгоритм исчисления индекса благополучия (ИпО/М/С)

$$(\sum p_1 * 0) + (\sum p_2 * 0,25) + (\sum p_3 * 0,5) + (\sum p_4 * 0,75) + (\sum p_5 * 1) / P,$$

где:

ИпО/М/С – интегральная оценка уровня благополучия по определенному индикатору «п» по обобщенным подвыборкам «О», в Москве «М» либо в Саратове «С».

p1 – респонденты, выбравшие оценку «1» (метрическое значение «0»);

p2 – респонденты, выбравшие оценку «2» (метрическое значение «0,25»);

p3 – респонденты, выбравшие оценку «3» (метрическое значение «0,5»);

p4 – респонденты, выбравшие оценку «4» (метрическое значение «0,75»);

p5 – респонденты, выбравшие оценку «5» (метрическое значение «1»);

P – общее количество респондентов, выбравших одно из ненулевых значений.

Таким образом, в качестве эталона используется высший уровень благополучия, который респонденты отражают при выборе значения «5». Наименьший показатель благополучия отражен в шкальном значении «1». В числовом выражении индекс благополучия располагается в интервале от 0 до 1, где 0 – отсутствие благополучия, 1 – высший уровень благополучия. При обработке данных индексы округлялись до сотых значений.

С марта по июнь 2019 года на основе разработанного инструментария было проведено полевое исследование. В квотную выборку анкетного

опроса вошли две подвыборки в Москве и Саратове. Общий объем выборки составил 497 человек, что позволяет достичь доверительного интервала в 4,4 %.

Основные квоты распределялись следующим образом:

– по полу (мужчины – 48,5 %, женщины – 51,5 %).

Таблица 1

Пол

		Частота	Проценты	Процент допустимых	Накопленный процент
Допустимо	Мужчина	241	48,5	48,5	48,5
	Женщина	256	51,5	51,5	100,0
	Всего	497	100,0	100,0	

– по группе инвалидности (1 группа – 26,6 %; 2 группа – 35,4 %; 3 группа – 27,4 %; иные категории – 10,7 %).

Таблица 2

Группа инвалидности

		Группа инвалидности			
		Частота	Проценты	Процент допустимых	Накопленный процент
Допустимо	1 группа	132	26,6	26,6	26,6
	2 группа	176	35,4	35,4	62,0
	3 группа	136	27,4	27,4	89,3
	Иное (ребенок-инвалид, наличие ОВЗ, пр.)	53	10,7	10,7	100,0
	Всего	497	100,0	100,0	

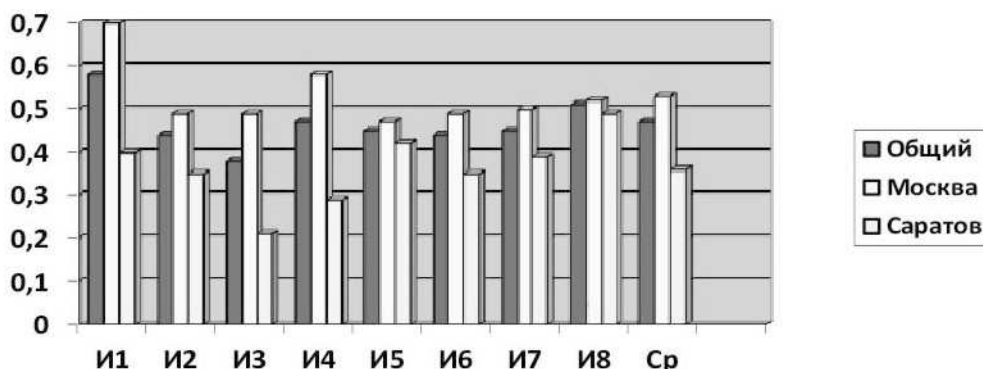
Кроме указанных оснований квотирования, учитывались возрастной состав, специфика основного заболевания и род занятий.

При формировании основных квот учитывалась структура генеральной совокупности на основе социально-демографических данных Федеральной службы государственной статистики по общей половозрастной структуре населения [19], а также – по численности лиц, впервые признанных инвалидами. Коллективом исполнителей Гранта было принято решение увеличить квоту людей с инвалидностью 1 группы за счет уменьшения квоты респондентов с 3 группой в связи с

тем, что по результатам пилотажного исследования лица с третьей группой инвалидности не идентифицируют себя как маломобильные и не требуют специальной адаптации условий городской среды.

В результате проведенного исследования урбанистического благополучия людей с инвалидностью был выявлен ряд показателей благополучия в сфере возможностей их профессиональной самореализации.

1. Сравнение показателей благополучия в сфере профессиональной самореализации

Общий индекс благополучия по группе индикаторов «возможности профессиональной самореализации» находится в значении 0,47. Разница между московской (0,53) и саратовской (0,36) подвыборками составляет 0,17.

Общая выборка. В «позитивной» зоне (0,61 и выше) нет ни одного индекса. В «негативной» зоне (0,4 и ниже) – индекс удовлетворенности уровнем зарплат (0,38). Наиболее благополучная ситуация – 0,58 – наблюдается в оценке

уровня жизни, наименее благополучная – 0,38 – в оценке уровня зарплат. Разница между наибольшим и наименьшим индексами составляет 0,2.

Московская подвыборка. В «позитивной» зоне располагается индекс удовлетворенности уровнем жизни (0,7). В «негативной» зоне нет ни одного индекса. Наиболее благополучная ситуация – 0,7 – наблюдается в оценке уровня жизни, наименее благополучная – 0,47 – в оценке актуальных профессиональных связей. Разница между наибольшим и наименьшим индексами составляет 0,23.

Саратовская подвыборка. В «позитивной» зоне нет ни одного индекса. В негативной зоне располагаются индексы удовлетворенности уровнем жизни (0,4), количеством вакансий (0,35), уровнем зарплат (0,21), возможностями карьерного развития (0,29), потенциальными профессиональными связями (0,39) и разнообразием круга работодателей (0,35). Наиболее благополучная ситуация – 0,49 – наблюдается в оценке доверия работодателям, наименее благополучная – 0,21 – в оценке уровня зарплат. Разница между наибольшим и наименьшим индексами составляет 0,28.

Таблица 3

Сводная по группе индикаторов «возможности профессиональной самореализации»

№	Название индекса	Значение (общее)	Значение (Москва)	Значение (Саратов)
И1	Уровень жизни	0,58	0,7	0,4
И2	Количество вакансий	0,44	0,49	0,35
И3	Уровень зарплат	0,38	0,49	0,21
И4	Возможности карьерного развития	0,47	0,58	0,29
И5	Актуальные профессиональные связи	0,45	0,47	0,42
И6	Потенциальные профессиональные связи	0,44	0,49	0,35
И7	Разнообразие круга работодателей	0,45	0,5	0,39
И8	Доверие работодателям	0,51	0,52	0,49
И1–8	Интегральный индекс оценки возможностей профессиональной самореализации	0,47	0,53	0,36

Подводя итоги данной статьи, следует отметить, что в методическом плане разработанный инструментарий и индекс адекватно отражают положение дел в части, касающейся возможностей профессиональной самореализации в столице и региональном центре: зафиксированная разница

в 0,17 балла весьма существенна, но, вместе с тем, не является критичной. При этом индекс показал себя как достаточно чувствительный и при этом устойчивый инструмент измерения урбанистического благополучия

Литература:

1. Дивисенко К.С. Социальные исследования благополучия в контексте духовности и религиозности / К.С. Дивисенко, А.Э. Белов // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 2. С. 51–73.
2. Мареева С.В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695–707.
3. Гурко Т.А. Благополучие мужчин и женщин различного брачного статуса: Россия в международном контексте // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 1. С. 73–94.
4. Зайцев Д.В. Социально-экономическое благополучие и социальная напряженность в Приволжском регионе / Д.В. Зайцев, И.Ю. Суркова, Ю.В. Селиванова // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 3. С. 494–502.
5. Кислицына О.А. Национальный индекс качества жизни (благополучия) как инструмент мониторинга эффективности социально-экономической ситуации в России // Журнал исследований социальной политики 2019. № 15(4). С. 547–558;

Literature:

1. Divisenko K.S. Social studies of well-being in the context of spirituality and religion / K.S. Divisenko, A.E. Belov // Sociological journal. 2017. Volume 23. № 2. P. 51–73;
2. Mareeva S.V. Zones of subjective well-being and disadvantage in Russian society // Journal of RUDN. Series: Sociology. 2018. T. 18. № 4. P. 695–707.
3. Gurko T.A. Welfare of Men and Women of Various Marital Status: Russia in International Context//Sociological Journal. 2018. Vol. 24. № 1. P. 73–94.
4. Zaytsev D.V. Social and economic well-being and social tensions in the Volga region / D.V. Zaytsev, I.U. Surkov, Yu.V. Selivanov // Journal of RUDN. Series: Sociology. 2019. T. 19. № 3. P. 494–502.
5. Kislytsyna O.A. National Index of Quality of Life (Well-Being) as a Tool for Monitoring the Effectiveness of the Social and Economic Situation in Russia // Journal of Social Policy Research 2019. № 15(4). P. 547–558.

6. *Лебедева Л.С.* «Качество жизни»: ключевые подходы и структура понятия // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 4(146). С. 69–79;
7. *Ананишнев В.В.* Счастье как один из показателей качества жизни в России // уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3(205). С. 106–110;
8. *Темницкий А.Л.* Удовлетворенность работой и удовлетворенность жизнью в современной России: модели взаимосвязей // Вестник Омского университета. Серия: «Экономика». 2018. № 4(64). С. 138–152.
9. *Сальникова Д.В.* Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 157–173.
10. *Беляева Л.А.* Качество жизни в субъективных оценках населения: Россия в европейском контексте // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 680–694.
11. *Суртаева Н.Н.* Социальное благополучие в современных условиях как научная и учебная проблема / Н.Н. Суртаева Ж.Б. Марголина // Вестник НВГУ. 2017. № 3. С. 57–62.
12. *Губарев Р.В.* Управление качеством жизни населения в регионах России / Р.В. Губарев, Е.И. Дзюба, О.М. Куликова, Ф.С. Файзуллин // Journal of Institutional studies. 2019. № 11(2). С. 146–170.
13. *Яремчук С.В.* Субъективное благополучие как компонент ценностно-смысловой сферы личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 5. С. 89.
14. *Шамионов Р.М.* Психология субъективного благополучия личности. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2004.
15. *Rath T.* Wellbeing: The Five Essential Elements / Rath T., Harter J. New York : GALLUP PRESS, 2010. 232 p.
16. *Галиахметова Л.И.* Благополучие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью: проблема взаимосвязи // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. № 3. С. 11–15.
17. *Райдугин Д.С.* Феномен благополучия в социальном конструктивизме / Д.С. Райдугин, С.П. Горбунов // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 4(36).
18. *Райдугин Д.С.* Концептуализация понятия урбанистического благополучия в проблемном поле социологии инвалидности / Д.С. Райдугин, Е.В. Воеводина // Человек. Общество. Инклюзия. 2018. № 2(34). С. 23–28.
19. Социально-демографическое обследование Росстата. URL : https://gks.ru/free_doc/new_site/
6. *Lebedeva L.C.* «Quality of Life»: key approaches and structure of concept // Monitoring of public opinion. 2018. № 4(146). P. 69–79.
7. *Ananishnev V.V.* Happiness as one of the indicators of quality of life in Russia//standard of living of the population of the regions of Russia. 2017. № 3(205). P. 106–110.
8. *Temnicki A.L.* Satisfaction with work and satisfaction with life in modern Russia: models of interrelationships // Journal of the University of Oman. Series: «Economy». 2018. № 4(64). P. 138–152.
9. *Salnikov D.V.* Sources of inconsistency of research results of relationship of objective and subjective well-being // Economic sociology. 2017. Т. 18. № 4. P. 157–173.
10. *Bialiayeva L.A.* Quality of Life in Subjective Population Estimates: Russia in the European Context // Journal of RUDN. Series: Sociology. 2018. Т. 18. № 4. P. 680–694.
11. *Surtayeva N.N.* Social well-being in modern conditions as a scientific and educational problem / N.N. Surtayeva, J.B Margolina // Journal of NWSU. 2017. № 3. P. 57–62/
12. *Gubarev R.V.* Management of Quality of Life of Population in Regions of Russia / R.V. Gubarev, E.I. Juba, O.M. Kulikova, F.C. Fayzullin // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11 (2). P. 146–170.
13. *Yaremchuk S.V.* Subjective well-being as a component of the value-sense sphere of personality // Psychological journal. 2013. Т. 34. № 5. P. 89.
14. *Shamionov R.M.* Psychology of subjective well-being of the individual. Saratov : Sarat publishing house. un-that, 2004.
15. *Rath T.* Wellbeing: The Five Essential Elements / T. Rath, J. Harter. New York : GALLUP PRESS, 2010. 232 p.
16. *Galiakhmetova L.I.* Well-being, subjective well-being, life satisfaction: the problem of interconnection//Journal of the University of Bashkortostan. 2015. Т. 20. № 3. P. 11–15.
17. *Raidugin D.S.* The phenomenon of well-being in social constructivism / D.S. Raidugin, S.P. Gorbachev // Man. Society. Inklyuziya. 2018. № 4(36);
18. *Raidugin D.S.* Conceptualization of the concept of urban well-being in the problematic field of disability sociology / D.S. Raidugin, E.V. Vojvodina // Person. Society. Inklyuziya. 2018. № 2(34). P. 23–28.
19. Socio-demographic survey of Rosstat. URL : https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/mi

population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 01.03.2019 г.).

20. Статистика здравоохранения Росстата. URL : <https://www.gks.ru/folder/13721>. (дата обращения 01.03.2019 г.).

cro-perepis/finish/micro-perepis.html (date of appeal 01.03.2019).

20. Health statistics of Rosstat. URL : <https://www.gks.ru/folder/13721> (date of appeal 01.03.2019).

Семенов Александр Альбертович

доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
гуманитарных дисциплин,
Армавирский механико-технологический
институт (филиала)
Кубанского государственного
технологического университета
orion156@mail.ru

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
заведующий кафедрой истории России,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Чупрынников Сергей Алексеевич

доктор исторических наук,
доцент,
профессор кафедры истории,
философии и психологии,
Институт фундаментальных наук,
Кубанский государственный
технологический университет
chuprynnikov@mail.ru

**ПОСТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ХАОС
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ:
СОЦИОИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. В статье рассматривается позиция большинства населения Северного Кавказа в годы Гражданской войны. Целью работы является определение специфики гражданского вооруженного конфликта на Северном Кавказе именно как народного конфликта, в котором участвовали все слои общества того времени. Авторы констатируют, что по своей сути это был многоуровневый и многоэтапный конфликт, который включил в себя все региональные группы и социальные слои, каждый из которых пытался улучшить собственное положение за счет других.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Гражданская война, хаос, социальные слои, политическая жизнь, политические течения, гражданский вооруженный конфликт, население.

Радикальные перемены, начавшиеся после октября 1917 г., первоначально незначительно сказывались на внутреннем положении

Alexander A. Semenov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of the Chair of Humanity Disciplines,
Armavir Institute of Mechanics
and Technology (branch),
Kuban State Technological University
orion156@mail.ru

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociological Sciences,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Head of the Department
of Russian History,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Sergey A. Chuprynnikov

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department of History,
Philosophy and Psychology,
Institute of Fundamental Sciences,
Kuban State Technological University
chuprynnikov@mail.ru

**POST-REVOLUTIONARY CHAOS
IN THE NORTH CAUCASUS
IN THE MEMOIRS OF EYEWITNESSES:
SOTSIOISTORICHESKY ANALYSIS**

Annotation. The article considers the position of the majority of the population of the North Caucasus during the Civil war. The aim of the work is to determine the specifics of the civil armed conflict in the North Caucasus as a popular conflict in which all layers of society of that time participated. The authors state that intrinsically it was a multi-level and multi-stage conflict, which included all regional groups and social strata, each of them tried to improve their own situation at the expense of others.

Keywords: North Caucasus, Civil war, chaos, social strata, political life, political trends, civil armed conflict, population.

региона. Находясь далеко от центров российской общественной и политической жизни в отдаленной провинции, он испытывал лишь незначи-

тельное влияние тех процессов, которые происходили в центре страны [1]. Настоящие перемены здесь начались только тогда, когда в Северо-кавказский край стали прибывать радикально настроенные элементы, представляющие различные политические силы, в большинстве случаев солдаты и казаки, участвующие в Первой мировой войне, да просто все те, кто были активно включены в общероссийские политические процессы [2].

Они несли в край собственные политические идеи и видение сложившейся ситуации, свое отношение к происходящим событиям. Кроме того, это были чрезвычайно активные и деятельные в социальном плане личности, готовые менять сложившееся в крае положение самым коренным образом. Так, один из таких людей, Ефименко, вспоминал: «Я уже хорошо был подготовлен, зная советские лозунги, а также и структуру советской власти, и 12 декабря 1917 г. я прибыл в своё село Привольное, Медвеженского уезда Ставропольской губернии и этого же числа я попал на митинг своего села, куда собралось всё живое население» [3].

Прибывшие с фронта в основном и выступали застрельщиками перемен, причем в их ходе сталкивались различные политические взгляды и идеи, конфликтовали различные политические силы. «На митинге эсеровское правительство во главе с председателем решало вопрос об отобрании земли у помещиков Деминых и Худинова и передаче её за выкуп крестьянам / Советской власти ещё не было /и когда этот вопрос был поставлен на голосование, я попросил слово, сорвал это голосование и предложил фронтовикам прогнать президиум, моё предложение было принято с радостью, после чего эсеровские заправила и помещики с митинга удрали, а вместо них был избран новый президиум из фронтовиков, на котором я председательствовал» [3]. Основное население региона плохо разбиралось в политических вопросах и зачастую не знало, какую сторону ему выбрать в нарождающемся гражданском конфликте, чаще всего оно шло за теми, кто был более решителен и представлялся ему социально близким.

Конечно, в такой атмосфере у представителей, так называемых, «имущих классов» было немного шансов привлечь на свою сторону большинство населения, ведь их политические позиции мало кто разделял из широких народных масс. «Крестьяне в то время, как их называли от сохи, очень мало разбирались в политических вопросах, что побудило наш президиум разграничить в зале заседания рабочих, крестьян и солдат по одну сторону, а буржуазию и попов по другую сторону, после чего ни одни из наших депутатов не голосовали за тот вопрос, за который буржуазия и попы поднимали руки. Все крестьяне следовали за рабочими и солдатами» [4].

Уже в таком разделении на этом небольшом собрании ставропольских обывателей вполне можно видеть тот водораздел, который пролегал в этот исторический период между основными слоями российского общества, а также возмож-

ности, сложившиеся для представителей радикальных политических течений, использовать данные противоречия в собственных политических целях. В данный момент положение осложнялось также тем, что никто толком не знал, какая политическая власть существует в региональных центрах, да и характер общероссийской политической власти также до конца был не ясен даже самими ее сторонниками. С властью на местах и вовсе было ничего не понятно, и сам ее характер вызвал большую свободу для политической интерпретации и конструирования различных политических сил и институтов. «Числа 16–17 декабря 1917 года ещё было неизвестно, какая же власть существует в губернском центре в городе Ставрополе и, по-видимому, существующая в Губернском центре власть тоже не учитывалась, какая власть существует на местах» [4].

В восприятии населением всех этих политических изменений также наблюдался полный хаос, и мало кто в широкой народной среде представлял, какая власть сейчас должна быть на местах и поддержка представителей каких политических сил будет предпочтительней для большинства населения края. Так, по воспоминаниям Лапина Т.В.: «В этот момент... Из нас многие верили, многие и не верили им, многие говорили, что эти люди не наши, что они пришли к нам завоевать себе авторитет, а при создании комитета Рабоче-крестьянских и солдатских депутатов они много проявили работы в создании этих комитетов и ещё раз испытывали препятствия от других партий, которые старались сорвать эту работу... По разъяснениям этих организаторов мы поняли, что эти люди были тогда коммунистами...» [5]. Впрочем, одними большевиками ведение агитации и пропаганды в крае в то время не ограничивалось, естественно, что и другие политические силы стремились склонить обывателей на свою сторону. «Те же офицеры и другие приходили в казармы и вели с нами беседу, что вас ведут на гибель, вы бросаете Родину и отечество и идёте с теми людьми, которые потеряли божество и ведут Вас на гибель» [5].

В то время, люди могли запросто менять политическую ориентацию и быстро переходили из одного политического лагеря в другой. «Характерно отметить, что население в это время выдвигало меня, как большевика, а Корчкина Трифона как социалиста-революционера. Сомневаюсь, какая же существует власть в центре губернии городе Ставрополе, я решил выехать раньше числа 19–20 декабря 1917 года, а съезд намечался на 27/XII 17, и вот я и товарищ Корякин выехали на линейке на съезд, проехав не более 15-ти вёрст в общем до села Ладвакского, и я уже из социалиста-революционера тов. Коняхина сделал самого настоящего большевика» [6].

Воспоминания очевидцев тех событий рисуют картину тотального грабежа и хаоса, который охватил регион в первые постреволюционные месяцы. Многие пытались воспользоваться сложившейся ситуацией беззастенчиво и получить свою долю награбленного у «эксплуататорских классов» имущества. Единственно, что смущало участвующих в этом процессе тотального грабе-

жа это то, что им может быть за такие действия, в случае если любая из существующих политических сил укрепитя в регионе. «По пути следовали на город Ставрополь, мы встречали массу нагруженных подвод с имуществом. Гнали скот, свиней, овец и птиц, это крестьяне везли с экономики помещиков: Деминых и Худинова, в том числе и крестьяне нашего села, мы приостанавливались, собрали колоссальный митинг...я крепко разъяснил, что имущество помещиков растягивать нельзя, как оно есть народное достояние и будет взято под контроль Советской властью, после чего одним выкрикивали, что я поддерживаю помещиков, другие задавали вопрос, что нам за это будет... (...)» [6].

Однако это все еще были лишь незначительные последствия тотального хаоса и общественной дезориентации, ими дело далеко не ограничивалось, и уже очень скоро региональный социум сталкивается с всеобъемлющим насилием, которое захватывает практически все социальные слои. «В ст. Успенской совместными атаманами моего отряда и тов. Селютин С.Г. были взяты те офицеры и солдаты, солдат некуда было отправить. Тов. Селютин С.Г. провёл с ними митинг и распустил, а офицеры были выведены на площадь, где было много повешенных иногородних женщин и девочек, где к ним была применена мера по заслугам (на кострах)» [7].

Инициаторами насилия были, с одной стороны, сами народные массы, которые таким способом стремились решить существующие и накапливающиеся в течение десятилетий, если не столетий, конфликты и противоречия, а с другой – представители различных политических сил, которые боролись за власть между собой и чьи интересы сталкивались в уже начинающемся военно-политическом противостоянии. С помощью применяемого ими насилия они надеялись укрепить собственные позиции в регионе и запугать своих политических противников. «Начались жестокие уличные бои, где трудно было понять, где свои и в кого стрелять, но факт тот, что бои в большей части были в ожесточенных схватках, после которых наутро многие стены и тротуары были облиты кровью» [8]. С военно-политическими противниками не церемонились, и обычно военные столкновения заканчивались различного рода эксцессами, жертвами которых становились все попавшие в плен представители противоположенного политического лагеря.

По воспоминаниям М.Г. Солодовникова (1918 г.): «Когда я прибыл в Ставрополь, то меня увидел тов. Попов и сразу предложил мне пригнать комендантский отряд. Тов. Попов занимал должность помощника коменданта города Ставрополя, и он рассказал мне, что те офицеры, которых мы обезоруживали, они восстают против нас, придёт их ликвидировать. Эти офицеры три дня не давали нам ходить по улицам города. Но тут этот отряд и матросский... взялись за контр-офицеров, и мы их за три дня всех успокоили, все они попали на холодный Родник, их было немало – 2700 человек, и после этого события в городе стала тишина и порядок» [9].

Естественно, что в такой ситуации мало кто из руководства противостоящих друг другу военно-политических лагерей был заинтересован в мирном разрешении имеющихся противоречий и конфликтов, уже всюду действовала логика гражданской войны, в которой не было места никаким примирительным шагам навстречу друг другу. В регионе структурировались различные военно-политические силы, целью которых стало достижение победы в гражданской войне любой ценой, и после установления контроля над Северным Кавказом продолжение военных действий уже на территории остальной России вплоть до занятия столицы и установления собственного военно-политического режима. 1918 год. «Создав так называемую Добровольскую армию в Ростове-на-Дону, генералы Корнилов, Алексеев и Деникин начали расширять плацдарм её деятельности» [10].

Напротив, большинство местного населения было не прочь установить мирное взаимодействие и решить существующие проблемы ненасильственным путем, но военно-политические вожди действующих в крае военных отрядов всячески препятствовали этому и неоднократно срывали намечающееся сближение сторон. «Стало совсем видно и из его рядов выскочило 8-10 казаков, и наши товарищи стали сходитьсь брататься, но в фланге мы стояли с пулемётами. Я меня пулемёт Максим, а у товарища кольт. Я стал стрелять прямо в середину, где были казаки и наша пехота и стали стрелять с моей тачанки» [11]. Противоречия между широкими народными слоями, участвовавшими в вооруженном противостоянии, вовсе не были такими уж непреодолимыми, но и те, и другие опасались мести противоположенной стороны за уже совершенные преступления и акты насилия. «Я допустил совсем близко всадников от себя, и я сразу выдвинул пулемёт и крикнул «Стойте, кто вы», всадники испугались, остановились и никак не смогут ответить, кто они – белые или красные» [12].

В обстановке хаоса и всеобщей войны всех против всех нередко допускались ошибки на поле боя и часто представители одного и того же политического лагеря сражались между собой. Действительно, отличить своих от врага в ряде случаев было достаточно трудной задачей, и следствием этого становились потери сторон от «дружественного огня». «Я стал стрелять, поставил ограничители, чтобы не захватить бежавших и стал стрелять, выпустил одну очередь. Когда подают знаки, на шашку одевали шапки и махали, это были наши, ни один не был ранен и убит. Когда они приехали к нам, то сразу спросили, кто стрелял, я сказал, что я стрелял по приказанию Дрававазова, спросили, где он, я им указал, и как стоял фаэтон с будкой, и они выстрелили прямо в будку. Дрававазов был убит» [13].

Совершенно очевидно, что в данной обстановке тотального противостояния, безвластия и всеобщего хаоса требовать от действующих военных отрядов дисциплины и подчинения было очень сложно. Нередко части воюющих армий, любой военно-политической принадлежности и

ориентации, больше напоминали собой бандитские шайки, которые жили за счет грабежа местного населения, имущество которого становилось легкой добычей разнообразных борцов за справедливость и народное счастье. «В такое тяжёлое время малоустойчивые командиры и их бойцы стали вести себя хулигански вызывающе, чем восстанавливали против Советской власти не только зажиточных, но и середняков – казаков и даже крестьян. Это усугубляло и осложняло и без того плохое положение» [14]. Конфликты и столкновения на Северном Кавказе были не только между представителями различных воюющих армий, нередко они имели место и среди сторонников одного и того же военно-политического движения, придерживавшихся одних идеологических концепций и взглядов [15].

Происходили столкновения различных амбиций, шла борьба за власть внутри одного и того же движения. «Командиры отдельных отрядов Сорокин и Жлоба были главными претендентами на пост командующего армией. Заняв этот пост, Сорокин всегда видел в лице Жлобы себе противника. Между ними были крайне натянутые, даже, пожалуй, вражеские отношения. Это и заставило Жлобу бросить фронт на Кубани и уйти со своими войсками под Царицыно» [16]. Кроме того, сама лояльность высшему партийному и военному руководству была относительной.

В любой момент приверженцы той или другой стороны в гражданском конфликте могли поменять собственную политическую ориентацию или попытаться начать действовать самостоятельно, не оглядываясь на органы центральной власти и военного командования. «Сорокин совершил авантюру, решил опереться на отсталые, не развивающиеся в политике массы. С этой целью он выпустил воззвание, в котором обвинял руководителей нашего советского правительства, что они якобы, имея много золота и других ценностей, хотели изменить Советской власти и бежать за границу ... (...)» [17].

Первое постреволюционное время было временем сильных личностей и прирожденных лидеров, которые выдвинулись в период общего хаоса и дезориентации, а также острой военно-политической конфронтации. Они обладали несомненными полководческими и организаторскими способностями, политической харизмой и могли вести за собой массы. Как правило, они были фанатично преданы той или иной политической идее и были убежденными борцами за собственное виденье будущего. «Кочубей недолюбливал богатых и офицеров, поэтому после революции стал на сторону Советской власти, организовал свой отряд, выросший затем в бригаду: Это был смелый и талантливый, энергичный и настойчивый командир, хорошо знавший тактику военного дела. Однако он был совершенно не грамотен. В политике не разбирался. Безграничным авторитетом для Кочубея был только В.И. Ленин: «Что Ленин прикажет, это я и сделаю», – говорил он» [18].

Задачи, которые ставило перед ними высшее руководство, они понимали по-своему и дей-

ствовали весьма специфическими методами, которые напоминали собой больше некую партизанщину или казачью вольницу, чем дисциплинарных боевых частей и соединений. Дисциплина и субординация в таких частях напрочь отсутствовали. «Под Кизляром он (Кочубей) встретив Аскурау, который выполнял решение РВС... отстранить Кочубея от командования бригадой, и вот за это Кочубей лично клинком снял голову Аскурау. Эти недостойные советского командира поступки стали известны командованию 12 армии и Леганьским фронтом. Было принято решение: бригаду Кочубей разоружить и рассредоточить по другим частям. Кочубея от командования бригадой отстранить. На основании этого решения, как только бригада Кочубея прибыла в вагонах, командир бригады Кочергин по распоряжению командующего XII армией Т. Кузнецова окружили бригаду Кочубея и потребовали разоружения, однако сам Кочубей не подчинялся этому требованию. С сотней преданных бойцов он ушёл обратно на Северный Кавказ, рассчитывая вновь развернуть там партизанскую борьбу против белых» [19].

Во многих отношениях был закономерен и конец многих из таких «полевых командиров» начального периода гражданской войны. Не найдя понимания среди собственного руководства и имея свои собственные представления о военном деле и способах борьбы с врагом, нередко они заканчивали весьма трагическим образом, навсегда, впрочем, оставаясь в народной памяти в качестве стойких несгибаемых лидеров, до конца боровшихся за собственные идеалы и виденье народного счастья. «По пути (Кочубей) заболел тифом, попал в плен к белым, не принял их предложение перейти к ним на службу. Остался верен Советской власти и Ленину, за что был в городе Св. Крест (теперь Буденовск) повешен» [19].

Практически все участники противостоящих друг другу военно-политических лагерей упоминали о сложной социальной картине гражданского противостояния в крае. «На Кубани и Северном Кавказе особо тяжёлые были условия борьбы за советскую власть. Причины этому не только классовая, но одновременно и сословная борьба» [20]. В ней совершенно не было места какой-либо резкой поляризации сил, здесь была масса переходных вариантов политических и идеологических полутонов, существования самых различных оттенков политического спектра и идейных течений. До самого конца гражданской войны в крае она носила характер народного движения, которое совмещало в себе различные формы общественной конфронтации и военного противостояния. Во многих отношениях гражданская война в крае напоминала собой военные конфликты прошлого, в которых принимали участие не только действующие армии, но и мирное население, которое так или иначе было втянуто в гражданское противостояние. «Обстановка создалась такая напряжённая, что бойцы, чтобы не потерять свои семьи, вынуждены были их возить за собой» [20].

Таким образом, в рассматриваемый период позиция большинства населения края была далека от определенности, широкие народные массы вообще плохо ориентировались в идеологическом различии сторон, в их целях и задачах, отсюда их многочисленные колебания из стороны сторону, полная дезориентация сознания и хаотические действия, которые кажутся на первый взгляд совершенно нелогичными и иррациональными в сложившейся ситуации. Они были отражением того общественного институционального хаоса, который установился в крае в первые послереволюционные месяцы и стал следствием распада традиционного общества и государства в революционный период. Тем не менее, таковы уж были особенности этой войны, которая включала в себя самые различные оттенки военно-политического противостояния: и застарелые социальные конфликты, и сословную, а также наднациональную подоплеку. И хотя сама по себе гражданская война вспыхнула

Литература:

1. Касьянов В.В. 1917 год в России: крах цивилизации или переход на новую стадию исторического развития? / В.В. Касьянов, В.В. Ковалев, С.И. Самыгин // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 5-1. С. 22–29.
2. Касьянов В.В. О причинах великой российской революции 1917 года (современный дискурс) // В сб.: Причерноморье в истории и современном развитии российского государства: опыт интеграции сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 3-8.
3. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 24. Воспоминания И.П. Ефименко. Гражданская война в Медвеженском уезде Ставропольской губернии.
4. ГАСК.Ф.Р 1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 25. Воспоминания Ефименко И.П. Гражданская война в Медвеженском уезде Ставропольской губернии.
5. ГАСК.Ф.Р1919. Оп.1. Д. 18. Л. 129. Воспоминания Лапина Т.В. 1917–1918 гг. Гражданская война в Медвеженском уезде Ставропольской губернии.
6. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 25. Воспоминания Ефименко И.П. Гражданская война в Медвеженском уезде Ставропольской губернии.
7. ГАСК.Ф.Р1919 Оп. 1. Д. 18. Л. 27. Воспоминания Ефименко И.П. Гражданская война в Медвеженском уезде Ставропольской губернии.
8. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 28. Воспоминания Ефименко И.П. Гражданская война в Медвеженском уезде Ставропольской губернии.
9. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. № 1. Д. 18. Л. 64. Воспоминания Солодовникова М.Г. (1918 г.).

не в самом регионе, а далеко за пределами его границ, она оставила неизгладимый след в сознании его населения, прочертив глубокие разделительные линии по всему региональному социуму и активизировав застарелые конфликты и противоречия.

По сути, это был многоуровневый и многоэтапный конфликт, который включил в себя все региональные группы и социальные слои, каждый из которых пытался улучшить собственное положение за счет других. Отсюда чрезвычайная жестокость и неприятие взглядов всех несогласных и стремление навязать собственное видение будущего остальным любой ценой, пусть даже и ценой разрушения собственного мира и собственной налаженной жизни. Этот суицидальный характер гражданского вооруженного конфликта, стремление к разрушению основ собственного общества и стали характерной чертой данного периода истории региона.

Literature:

1. Kasyanov V.V. 1917 In Russia: the collapse of civilization or the transition to a new stage of historical development? / V.V. Kasyanov, V.V. Kovalev, S.I. Samygin // Historical and socio-educational thought. 2017.V. 9. № 5-1. P. 22–29.
2. Kasyanov V.V. On the causes of the great Russian revolution of 1917 (modern discourse) / In collection: Black Sea coast in the history and modern development of the Russian state: integration experience collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 2017. P. 3–8.
3. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 24. Memoirs I.P. Efimenko. Civil war in the Medvezhensky district of the Stavropol province.
4. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 25. Memoirs I.P. Efimenko. Civil war in the Medvezhensky district of the Stavropol province.
5. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 129. Memoirs of Lapin T.V. 1917–1918 Civil war in the Medvezhensky district of the Stavropol province.
6. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 25. Memoirs I.P. Efimenko. Civil war in the Medvezhensky district of the Stavropol province.
7. GASK.F.R1919 Op. 1. D. 18. L. 27. Memoirs I.P. Efimenko. Civil war in the Medvezhensky district of the Stavropol province.
8. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18 .L. 28. Memoirs I.P. Efimenko. Civil war in the Medvezhensky district of the Stavropol province.
9. GASK.F.R1919. Op. № 1. D. 18. L. 64. Memoirs of Solodovnikov M.G. (1918 g.).

10. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 81. Воспоминания Эмотажного Г.Т.

11. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 68. Воспоминания Солодовникова М.Г. (1918 г.).

12. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 66. Воспоминания Солодовникова М.Г. (1918 г.).

13. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 69. Воспоминания Солодовникова М.Г. (1918 г.).

14. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 78. Воспоминания Эмотажного Г.Т.

15. Чупрынников С.А. Взаимосвязь профессиональных союзов и политических партий Северного Кавказа в дооктябрьский период (1905–1917 гг.) // Научная мысль Кавказа. 2003. № S13. С. 107–113.

16. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 82. Воспоминания Эмотажного Г.Т.

17. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 88. Воспоминания Эмотажного Г.Т.

18. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 86. Воспоминания Эмотажного Г.Т.

19. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 95. Воспоминания Эмотажного Г.Т.

20. ГАСК.Ф.Р1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 97. Воспоминания Эмотажного Г.Т.

10. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 81. Memoirs of Emotazhny G.T.

11. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 68. Memoirs of Solodovnikov M.G.

12. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 66. Memoirs of Solodovnikov M.G.

13. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 69. Memoirs of Solodovnikov M.G.

14. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 78. Memoirs of Emotazhny G.T.

15. Chuprynnikov S.A. The relationship of trade unions and political parties of the North Caucasus in the pre-October period (1905–1917) // Scientific Thought of the Caucasus. 2003. № S13. P. 107–113.

16. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 82. Memoirs of Emotazhny G.T.

17. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 88. Memoirs of Emotazhny G.T.

18. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 86. Memoirs of Emotazhny G.T.

19. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 95. Memoirs of Emotazhny G.T.

20. GASK.F.R1919. Op. 1. D. 18. L. 97. Memoirs of Emotazhny G.T.

Стригуненко Иван Константинович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
философии и социологии,
Краснодарский университет МВД России,
rosy27@mail.ru

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ
ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: АНАЛИЗ,
ПРИЧИНЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ**

Аннотация. В данной статье автор анализирует основные причины и пути преодоления профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел. Как отмечает автор, профессиональная деформация – это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности. Обычно профессиональная деформация проходит три уровня: начальный, средний и глубокий.

Ключевые слова: профессиональная деформация личности, сотрудник органов внутренних дел, профессиональное выгорание, эмоциональное выгорание, профессиональная деятельность сотрудника органов внутренних дел, причины профессиональной деформации.

Проблема профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел была, есть и будет актуальна до тех пор, пока существуют человеческие взаимоотношения (личные, профессиональные).

Профессиональная деформация (от лат. *deformatio* – искажение) – когнитивное искажение, психологическая дезориентация личности, формирующаяся из-за постоянного давления внешних и внутренних факторов профессиональной (*трудо*вой) деятельности и приводящая к формированию специфически-профессионального типа личности.

Профессиональная деформация – это постепенно накопившиеся изменения сложившейся структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности.

Наиболее подвержены профессиональной деформации лица, работающие с людьми, например: сотрудники правоохранительных органов,

Ivan K. Strigunenko

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the MIA of Russia
rosy27@mail.ru

**PROFESSIONAL DEFORMATION
OF THE PERSONALITY OF AN EMPLOYEE
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES:
ANALYSIS, CAUSES
AND WAYS TO OVERCOME**

Annotation. The author analyzes the main reasons and ways to overcome the professional deformation of the personality of an employee of the internal affairs bodies in this article. As the author notes professional deformation is the gradually accumulated changes in the existing structure of activity and personality that adversely affect productivity and interaction with other participants in this process, as well as the development of the personality itself. Usually professional deformation goes through three levels: initial, intermediate and deep.

Keywords: professional deformation of an individual, employee of internal affairs bodies, professional burnout, emotional burnout, professional activity of an employee of internal affairs bodies, reasons for professional deformation.

военнослужащие, социальные и медицинские работники. Для них профессиональная деформация может выражаться в формальном, сугубо функциональном отношении к людям. Влияние профессиональной деятельности на формирование личности начали изучать в конце 19 века, а выражение профессиональная деформация обозначил русский и американский социолог Питирим Сорокин еще в начале 20 века для обозначения этого социально-психологического явления. Данная проблематика была освещена в работах А.В. Буданова (1992), А.В. Дулова (1975), К.Р. Техасова (2000), С.Е. Борисовой (1998). В их работах рассматривается профессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов.

Этот процесс происходит с течением времени, зависит от степени и количества изменений, которым подвергается личность, от структуры её деятельности. Профессиональная деформация считается негативным процессом, сказывающимся на её развитии и взаимодействии с обществом.

Развитию профессиональной деформации в правоохранительной сфере способствует низкий уровень психологической подготовки, нравственной и моральной устойчивости.

Все подразделения системы МВД, так или иначе взаимодействующие с криминальным миром, подвергаются профессиональной деформации: специалисты органов предварительного следствия и дознания, оперуполномоченные уголовного розыска, сотрудники патрульно-постовой службы и так далее. Не только общение с представителями криминальной субкультуры, но и постоянный контакт с происходящими преступлениями (убийствами, разбоем, грабежами и т.д.), общение с потерпевшими и представителями власти, требующими немедленного разрешения дел накладывает свой отпечаток на психологическое здоровье и развитие личности сотрудника.

Если в начале своей карьеры человек старается продолжать придерживаться принципам морали, чести и достоинства, то с течением времени в нём формируется защитный механизм, позволяющий уберечься от стресса. Таким механизмом становится порой равнодушие, нетерпимость, раздражительность, формализм.

Именно поэтому необходимо с определённой периодичностью проводить психологическое исследование личности сотрудника в целях раннего выявления и пресечению признаков профессиональной деформации.

Каждому из нас известно, что в течение службы в органах внутренних дел сотрудник претерпевает профессиональную деформацию как некоторых черт характера, так и личности в целом. Это обуславливается постоянным контактом и взаимодействием с лицами, подозреваемыми в совершении преступлений, преступниками и лицами, совершившими рецидивное преступление.

По мнению А.В. Коваленко и Л.А. Шиканова, проявления профессиональной деформации личности сотрудника ОВД обусловлены влиянием комплекса факторов: личностных, социально-психологических и, в частности, содержащихся в них морально-психологических факторов, отягчающих данный процесс и оказывающих негативное влияние на положительный результат решения сотрудниками полиции профессиональных задач [1].

Также, например, следственная деятельность способствует развитию в человеке таких качеств как властность, излишняя вдумчивость в правовые аспекты диалога, низкий уровень нравственного развития. Всё это влияет на личную жизнь сотрудника, его семью и близких людей.

Так называемая внутренняя политика сотрудника полиции во многом «заточена» на то, чтобы в обычной непрофессиональной жизни и среде видеть то, чего не заметят другие. Например, сотрудник невольно запоминает государственный регистрационный номер автомобиля, лицо человека, который оказался ему подозритель-

ным или же будет употреблять жаргонные слова и профессиональные шутки вне службы.

Профессиональные интересы, манеры и поведение занимают доминирующую часть всей жизни.

Обычно профессиональная деформация проходит три уровня: начальный, средний и глубокий. Каждый из них появляется в разный момент службы в ОВД.

Первое время (несколько лет службы) профессиональная деформация не будет ярко выражена в поведении личности, практически незаметна.

Средний степень деструкции характеризуется немаловажными количественно-качественными переменами. Имеется постепенная гипертрофия, или же заострение, излишняя выраженность мастерски весомых свойств, последующая их модификация в собственную противоположность. Так, свойственная сотруднику бдительность преобразуется в подозрительность; уверенность – в самоуверенность; присутствие духа, покой – в безразличие; требовательность – в придирчивость; рвение – в педантизм и т.п. Отдельные психические черты, которые субъективно начинают восприниматься как второстепенные, а то и бесполезные подавляются, а в последующем и решительно атрофируются, пропадают. Затеривается убежденность в законопослушности людей, способности действенной борьбы с правонарушителями, в надобности показывать в собственной работе такие эмоции и чувства, как сопереживание, осознание, ... и готовность оказать поддержку [2].

Профессиональные интересы начинают занимать устойчивое преобладающее пространство и подчиняют для себя все иные. Казалось бы, в этом нет ничего вредоносного, в особенности для работы. Но сотрудник все более принимает и рассматривает находящуюся вокруг среду с позиции полезности для службы, интересуется лишь только тем, собственно, что возможно применить в работе. Понемногу, но непреклонно ограничивается круг внеслужебного общения, затеривается чувство общности с различными слоями населения. В конце концов, работа оказывается самодовлеющей, единственно необходимой и желательной сферой энергичности личности. Имеется желание под различными предлогами дольше пребывать на службе без надобности, стойкое любопытство к государственным делам при нахождении за пределами службы (во вне рабочее время, выходные, отпуск).

Заканчивается формирование необходимого профессионального навыка. Изучив, образно говоря, все ключевые тайны работы, сотрудник начинает отлично ориентироваться в том, какими общепризнанными мерками и прямыми обязанностями возможно брезговать или же заменять их личным истолкованием без особого риска понести ответственность за это. Осознание сути законопослушного поведения делается чисто личным и случайным: «Для заслуги цели все

способы допустимы» [3]. В базе всего этого лежат недостатки правосознания сотрудника органов внутренних дел, его нравственно-волевая ненадежность, психическая неустойчивость. Последнее произведено в невозможности противостоять давлению со стороны заинтересованных людей - должностных лиц, сослуживцев, самого объекта работы, его членов семьи и др.

Профессиональное выгорание – это не просто усталость и недостаток сил, а целый комплекс отрицательных переживаний, связанных со службой: эмоциональное и физическое истощение, безразличие и плохое отношение к гражданам, а также ощущение собственной некомпетентности.

Основным признаком эмоционального выгорания в профессиональной деятельности выступает состояние психического напряжения, которое чаще всего вызвано трудностями в решении сложных социальных проблем, сопровождающихся хронической тревогой, ощущением постоянного дискомфорта, фрустрацией, пессимизмом, а также конфликты, после которых не удаётся полностью восстановиться.

Разумеется, профессиональная деформация не является неизбежностью для каждого сотрудника. Практика подтверждает наличие, как минимум, трех групп факторов, препятствующих или исключающих возможность профессиональной деформации.

Первая группа непосредственно связана с направленностью личности. Чем выше уровень культуры сотрудника, тем шире набор альтернативных моделей поведения, позволяющих остаться в общесоциальных рамках при любом обострении обстановки. Многовековая практика показывает, что высокий уровень культуры – не декоративно-косметическое украшение статусных притязаний личности, а реальная основа сохранения себя в любых сложных жизненных ситуациях, в том числе основа физического выживания. Разумеется, речь идет не о демонстрации «культурности», а об устойчивом стремлении человека овладеть культурой для собственного развития и самосовершенствования. Сотрудник, считающий, что он всего достиг, все понял и все знает, обречен не только на профессиональную, но и естественно на личностную деформацию. Здоровое честолюбие является обязательным атрибутом профессионального успеха и дальнейшего профессионального и карьерного роста. В то же время анализ практической деятельности в экстремальных условиях показывает, что ориентация сотрудника исключительно на успех в профессиональной деятельности достаточно скоро влечет деформацию. Чаще других достигают профессионального успеха и практически не подвержены деформации сотрудники, ориентированные не только на свою деятельность, но и на сохранение круга доверительного общения: семьи, старых друзей. Это «психологический тыл», позволяющий восстановиться после любых перегрузок.

Вторая группа связана с прочностью личностных структур, уровнем развития профессионально значимых личностных качеств. Устойчивая направленность личности сотрудника (соответствующая социальным требованиям профессии), развитые волевые качества и коммуникативные способности являются базой противодействия любым деформирующим условиям. Прочность личностных структур – это не генетический признак. Она создается в ходе всего воспитательно-процесса и, прежде всего, в процессе самовоспитания сотрудника.

Третья группа – уровни овладения соответствующими профессиональными «психотехниками». Не каждый может выдержать длительные интенсивные эмоциональные нагрузки, но каждый может научиться регулировать свое эмоциональное состояние, «катализировать» агрессивные реакции в безопасном направлении. Не каждому дан талант общения, но каждый может овладеть «технологиями» контактного взаимодействия, нейтрализации конфликтов общения. В настоящее время существует множество высокоэффективных психологических «технологий», позволяющих защитить любого сотрудника от деформирующего воздействия. Чтобы овладеть ими, требуется знать основы психологии, а также четко осознавать необходимость такой защиты.

Учитывая причины возникновения профессиональной деформации, её открытую и скрытую формы проявления, следует осуществлять целенаправленное и постоянное **профилактическое воздействие**.

Работа по профилактике профессиональной деформации включает в себя меры как психологического, так и непсихологического организационно-управленческого, воспитательного характера.

К задачам, решаемым в процессе профилактики профессиональной деформации сотрудников ОВД, следует отнести:

- формирование у сотрудников четкой установки следовать в своей трудовой деятельности Типовому кодексу этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих (Одобрено решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21);
- совершенствование методов управления личным составом;
- формирование морально-психологического климата в подразделениях органов внутренних дел.

Главная задача воспитательной работы – это, прежде всего, формирование у каждого сотрудника активной жизненной позиции, компетентности, сознательного отношения к исполнению служебных обязанностей и служебному долгу.

В заключение хотелось бы сказать, что каждый сотрудник правоохранительных органов подвержен профессиональной деформации в той или

иной степени, но очень важно вовремя обнаружить ее и постараться исправить, так как в бу-

дущем такой возможности уже может и не представиться.

Литература:

1. Профессиональная деформация личности : учеб. пособие. (Сост. А.В. Коваленко, Л.А. Шиканов). Томск : Изд-во ТПУ, 2009. 90 с

2. Профессиональная деформация личностных качеств государственных гражданских служащих : монография / М.В. Полевая, Е.В. Камнева, Н.С. Пряжников, Л.А. Жигун, В.В. Бондаренко, Н.В. Анненкова, Р.А. Ширванов, З.И. Борисова, Ю.А. Жуйкова, В.В. Казьмина, Е.А. Урожек. М. : СВИВТ, 2017. 189 с.

3. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органа внутренних дел: методическое пособие / Под общ. ред. В.М. Бурькина. М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2004. 144 с.

Literature:

1. Professional deformation of the personality : Manual. (Compilers A.V. Kovalenko, L.A. Shikanov). Tomsk : Ed-v TPU, 2009. 90 p.

2. Professional deformation of personal qualities of the public civil servants: Monograph / M.V. Polevaya, E.V. Kamneva, N.S. Pryazhnikov, L.A. Zhigun, V.V. Bondarenko, N.V. Annenkova, R.A. Shirvanov, Z.I. Borisova, Yu.A. Zhuykova, V.V. Kazmina, E.A. Urozhok. M. : SVIVT, 2017. 189 p.

3. Prevention of professional deformation of the personality of an employee of the internal affairs body : methodological manual / For Society. V.M. Burykin. M. : IMC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2004. 144 p.

Тихонина Светлана Алексеевна

доктор социологических наук,
профессор кафедры философии,
социологии и психологии управления,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ov.shrayner@edu.pskov.ru

Шрайнер Ольга Викторовна

аспирантка кафедры философии,
социологии и психологии управления,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ov.shrayner@edu.pskov.ru

**ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ ДОШКОЛЬНЫМ
ОБРАЗОВАНИЕМ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Аннотация. В современном мире система образования как социальный институт, реализующий потребности общества в формировании и развитии личности, становится важнейшим фактором общественного прогресса. В статье рассматривается вопрос институционализации и трансформации дошкольного образования в рамках социологического подхода, когда дошкольное образование является пространством для реализации полифункционального вектора развития российского общества и его регионов. Описаны функции системы дошкольного образования и представлены условия управления дошкольным образованием на региональном уровне.

Ключевые слова: дошкольное образование, социологический подход, функции системы дошкольного образования, проблема трансформации.

В России запущен механизм трансформации существующей системы образования в целях приведения ее в соответствие с мировыми тенденциями с целью – к концу 2024 года войти в топ-10 стран мира по качеству общего образования [5]. Нам видится, что достичь данной амбициозной цели можно, но начать нужно с самого раннего детства, а именно – с повышения внимания к системе дошкольного образования, включая ее региональный уровень. В данном

Swetlana A. Tikhonina

Doctor of Sociology,
Professor Departments of Philosophy,
Sociology and Psychology of Management,
Nizhny Novgorod Institute of Management –
Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
Under the President
of the Russian Federation
ov.shrayner@edu.pskov.ru

Olga W. Shrayner

Graduate student of the Department
of Philosophy, Sociology
and Psychology of Management
Nizhny Novgorod Institute of Management –
Branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
Under the President
of the Russian Federation
ov.shrayner@edu.pskov.ru

**THE PROBLEM OF TRANSFORMATION
OF THE REGIONAL SYSTEM
OF PRESCHOOL EDUCATION
MANAGEMENT:
SOCIOLOGICAL APPROACH**

Annotation. The article considers the issue of institutionalization and transformation of pre-school education within the framework of the sociological approach, when pre-school education is a space for the realization of the polyfunctional vector of development of Russian society and its regions. The functions of preschool education system are described and conditions of preschool education management at the regional level are presented.

Keywords: preschool education, sociological approach, functions of preschool education system, transformation problem.

контексте закономерным представляется институционализация дошкольного образования как первого уровня общего образования, которая отражена в ФЗ «Об образовании» [6] впервые за всю историю развития отечественных образовательных систем.

Нам представляется, что в рамках социологического подхода дошкольное образование является пространством для реализации полифункциона-

нального вектора развития российского общества и его регионов, включая осуществление:

– функции воспроизводства общественных отношений (в том числе и на региональном уровне), благодаря действию которых институт дошкольного образования поддерживает устойчивость следующих уровней получения образования в рамках стандартизированных норм дошкольного образования детей [3];

– интегративной функции, которая состоит в сплочении и укреплении регионального сообщества через развитие связей между группами людей (воспитателей, детей и семей разного социального статуса), реализуемых через усиление контактов и взаимодействия между ними;

– регулятивной функции, состоящей в регулировании взаимоотношений между членами общества путем выработки шаблонов поведения, регламентации их действий на этапе становления личности ребенка и его первичной социализации и усвоении культурного капитала в рамках региональной специфики;

– коммуникативной функции, которая направлена на формирование регионального социального пространства для обеспечения связей и взаимодействия между участниками дошкольного образовательного процесса за счет установленного порядка их деятельности;

– транслирующей функции, содержанием которой является передача социального опыта, приобщение к социальным ролям, а также к ценностям и традициям данного регионального сообщества.

Таким образом, рассматриваемый подход к функциям системы дошкольного образования в современных условиях трактуется как реальный механизм развития личности, развития регионов и общества в целом. Сегодня в образовании формируется новая экосистема, наблюдается смещение акцентов с монополиста государства как заказчика образования на региональный уровень, на уровень родителя, ребенка. Все больше внимания уделяется учету региональных особенностей, уходу от унифицированной модели управления системой образования. На уровне государства формируется лишь рамочная конструкция как в области стандартов образовательных услуг, так и в системе управления образованием, наполнение которой должно осуществляться на региональном и муниципальном уровнях с учетом всех потребностей населения и особенностей регионов.

Имеет тенденцию к росту и роль дошкольного образования в социально-экономическом развитии регионов. И здесь, следом за О.И. Гапоненко [1], стоит отметить несколько аспектов:

1. Одной из главных причин возрастания социальной роли дошкольного образования в регионах состоит в том, что его развитие способствует повышению уровня использования трудового потенциала населения территории – эффективно работающие детские сады позволяют рабо-

тать на условиях полной или частичной занятости обоим родителям, находящимся в самом эффективном, с точки зрения отдачи, от трудовой деятельности возрасте – от 23 до 32 лет. Тем самым, компетенции родителей, сформированные с помощью профессионального образования, становятся востребованными в региональной экономике. Также, необходимо отметить, что качественное и доступное дошкольное образование становится фактором, обеспечивающим приток рабочей силы на предприятия региона. Все эти принципы отражены в федеральном проекте «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей до трех лет» национального проекта «Демография» [2]. Так, благодаря участию Псковской области в программе модернизации региональной системы дошкольного образования в 2013–2015 годах, а также в национальном проекте «Демография» в части строительства детских садов-яслей с 2018 года, доступность дошкольного образования для детей от 3 до 7 лет составила 100 % (2014 год – 98,1 %), а для детей в возрасте до 3 лет – 95,3 % (2014 год – 87,31 %). Возможность родителям отдать своих детей на полноценный день в дошкольную образовательную организацию позволяет им вернуться к трудовой деятельности или продолжить свой образовательный маршрут.

2. Современное дошкольное образовательное учреждение выступает, своего рода, вспомогательной «нишей» территориальной социокультурной среды [4], посредством которой осуществляется ежедневное взаимодействие, сотрудничество и соучастие всех субъектов образовательного процесса – родителей, педагогов, детей. Подобный широкий воспитательный эффект, в случае успешной реализации целевых мероприятий, позволяет расширить воздействие дошкольной образовательной организации на социально-бытовую и культурную среду региона и конкретной территории.

3. В связи с вышеуказанным эффектом, становится возможным говорить о третьем аспекте функционирования системы дошкольного образования – установлении отношений социального партнерства с представителями предприятий, общественности и руководителями образовательных организаций более высокого уровня для согласования планов, программ и отдельных мероприятий, нацеленных на повышение качества жизни населения. Сетевой уровень взаимодействия отражает один из принципов реализации национального проекта «Образование».

Для реализации этих значимых для всего общества функций необходимо, на наш взгляд, совершенствовать систему управления дошкольным образованием посредством новых технологий управления не только на уровне страны, но и на уровне региона. При этом необходимо учитывать уникальные особенности каждого региона как сложного структурного образования.

К сожалению, теоретический анализ научных работ в данной области позволяет сделать вывод о том, что тема выявления особенностей

управления дошкольным образованием на региональном уровне исследована явно недостаточно. В отличие от системы общего среднего образования, уровень научной разработанности проблем управления дошкольным образованием значительно ниже. Большая часть научных исследований посвящена проблемам содержания дошкольного образования, дидактическим подходам к его формированию, методикам реализации тех или иных воспитательных задач. Научные разработки вышеупомянутых направлений имеют глубокий смысл в теоретическом и практическом аспектах, однако, социально-управленческий аспект здесь выражен слабо. Во многом и поэтому система управления дошкольным образованием и ее развитие в разные периоды развития общества пользовалась методами, используемыми в области общего среднего образования.

Анализ практики и особенностей управления дошкольным образованием свидетельствует о том, что существуют противоречия, которые необходимо анализировать и разрешать, а именно:

– дошкольное образование определяется государством как первичная ступень непрерывного образования, однако региональные управленческие структуры не обеспечивают охват ею всех детей дошкольного возраста;

– степень дифференциации дошкольных образовательных потребностей регионов достаточно высока, однако возможности реализации дошкольных образовательных услуг в силу региональных субъективных и объективных причин – недостаточны;

– внедрение инновационных, в том числе проектных, подходов к управлению системой дошкольного образования признается законодательно необходимым, но практический опыт регионального управления дошкольным образованием с учетом новых социально-экономических реалий научной оценки пока не получает.

Одним из основных условий развития регионального компонента в управлении дошкольным образованием, на наш взгляд, является применение методов комплексного анализа социальной среды дошкольной образовательной организации [7]. При этом следует учитывать основные условия управления дошкольным образованием

Литература:

1. Гапоненко О.И. Региональная система дошкольного образования как основа устойчивого социально-экономического развития территории // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир. Сборник статей / О.И. Гапоненко; Под общей ред. В.Н. Скворцова, Отв. Ред. Н.М. Космачева. 2016. С. 1

2. Национальный проект «Демография». URL : <http://government.ru/rugovclassifier/839/events/> (дата обращения 20.11.2019).

на региональном уровне, которые можно систематизировать по трем группам.

Первая группа – единое социальное пространство взаимодействия субъектов образовательного процесса в регионе, которое включает в себя: учет субъектами потребностей друг друга; создание доброжелательной атмосферы в отношении друг к другу; реализация педагогами функции помощника, консультанта.

Вторая группа – особенности регионального пространства проявления базовых характеристик развивающей образовательной среды, которое включает в себя: открытость, вариативность, креативность, технологичность, культурную направленность, стабильность.

Третья группа – региональное пространство использования субъектами образовательного процесса ресурсов развивающей образовательной среды, которое включает в себя: уровень материально-технического обеспечения образовательного процесса, профессионализма педагогов, сформированности партнерских взаимоотношений взрослых и детей.

На комплексном анализе социальной среды образовательных организаций может быть выстроена функциональная, по своей сути, управленческая деятельность, которая является всеобъемлющей по содержанию и адекватной современным процессам и социально-экономическим изменениям в обществе. Задача функциональных направлений отражает социально-педагогические условия, то есть, синтез трансформированных в педагогическую среду политических, экономических и социальных процессов, которые происходят в обществе.

Таким образом, в отличие от существующих моделей управления, дошкольным образованием по результатам, важно, на наш взгляд, внедрять комплексный (результативно-процессный) подход. Так как на государственном уровне действует Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, то именно региональный уровень становится той системой, в которой можно реализовать инновационный подход к управлению, оценить социальные запросы населения региона и использовать имеющийся потенциал для удовлетворения потребностей граждан в сфере дошкольного образования.

Literature:

1. *Gaponenko O.I.* Regional system of preschool education as the basis of sustainable socio-economic development of the territory. Problems and ways of socio-economic development: city, region, country, world. Collected papers. Under the General editorship of V.N. Skvortsov, Executive editor N.M. Kosmachev. 2016. P. 1

2. National project «Demographics». URL : <http://government.ru/rugovclassifier/839/events/> (accessed 20.11.2019).

3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. № 1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования».

4. *Винникова Е.В.* Социокультурная среда образовательной организации как основа формирования позитивных ценностей молодежи / Е.В. Винникова, С.А. Тихонина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 66–71.

5. Указ Президента Российской Федерации от 07 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.

7. *Julie Lysdal Alexandre.* The ADHD rating scale-IV preschool version: Factor structure, reliability, validity, and standardisation in a Danish community sample / Julie Lysdal Alexandre, Anne-Mette Lange, Niels Bilenberg, Anne Mette Gorrissen, Rikkembek // Research in Developmental Disabilities, Vol. 78, July 2018. P. 125–135.

3. Order of the Ministry of education and science of the Russian Federation (Ministry of education and science of Russia) of October 17, 2013 № 1155 Moscow «on approval of the Federal state educational standard of preschool education.

4. *Vinnikova E.V.* Socio-cultural environment of educational organization as a basis for the formation of positive values of youth / E.V. Vinnikova, S.A. Tikhonina. // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2017. № 11. P. 66–71.

5. Decree of the President of the Russian Federation of may 07, 2018 № 204 «On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024».

6. Federal law «on education in the Russian Federation» dated 29.12.2012 № 273-FZ.

7. *Julie Lysdal Alexandre.* The ADHD rating scale-IV preschool version: Factor structure, reliability, validity, and standardisation in a Danish community sample / Julie Lysdal Alexandre, Anne-Mette Lange, Niels Bilenberg, Anne Mette Gorrissen, Rikkembek // Research in Developmental Disabilities, Vol. 78, July 2018. P. 125–135.

Троцук Ирина Владимировна

доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
trotsuk-iv@rudn.ru

Субботина Мария Владимировна

аспирантка кафедры социологии,
Российский университет
дружбы народов (РУДН)
subbotina-mv@rudn.ru

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ТРАКТОВКА ПОНЯТИЙ
СО СЛОЖНОЙ КОННОТАЦИЕЙ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ ГЕРОИЗМА И СЧАСТЬЯ**

Аннотация. Различия социологического дискурса и повседневного языка, как правило, сводятся к «масштабу» концептуальных обобщений, однако многие обыденные понятия используются и в социальных науках, сохраняя привычную неоднозначность и многослойность. В последние годы такими понятиями все увереннее становятся «счастье» (в психологическом контексте – как долг каждого, в социологическом – как критерий оценки благополучия целых сообществ и даже стран) и «героизм» (как метафора, идеал и формальное основание для социального признания). В статье представлен один из возможных подходов к поиску концептуальных и операциональных определений героизма – как взаимосвязанного со словом «счастье» в разных его интерпретациях и требующего дальнейшего исследования своего смыслового наполнения в сочетании с оценками субъективного благополучия.

Ключевые слова: счастье, героизм, герой, субъективное благополучие, концептуальное определение, эмпирические индикаторы, социологический дискурс, повседневность, социологические исследования.

Социологический дискурс нередко опирается на очень сложные обыденные понятия, полагая, что их неоднозначная научная концептуализация, в той или иной мере, компенсируется прозрачностью и очевидностью для любого человека, а потому инструментарий социологических исследований может использовать такие понятия как само собой разумеющиеся и даже как индикаторы неких социальных феноменов [см., напр.: 1]. К сожалению, это правило работает далеко не всегда, и самые яркие примеры подобных понятий, весьма неоднозначных в силу своей чрезмерной коннотированности, – это «счастье» и «героизм», которые сегодня часто встречаются как в социологических опросах, так

Irina V. Trotsuk

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of Department of Sociology,
Russian Peoples Friendship University
trotsuk-iv@rudn.ru

Maria V. Subbotina

Graduate student
of Department of Sociology,
Russian Peoples Friendship University
subbotina-mv@rudn.ru

**SOCIOLOGICAL INTERPRETATION
OF THE COMPLEX AND CONNOTED
CONCEPTS: THE RELATIONSHIP
OF HEROISM AND HAPPINESS**

Annotation. The differences between sociological discourse and everyday talks are usually determined by the «scale» of conceptual generalizations; however, many everyday concepts are also used in social sciences while preserving their usual ambiguity. In recent years, «happiness» (in the psychological context, as a duty of everyone, and in the sociological context, as a criterion for assessing the well-being of whole communities and even countries) and «heroism» (as a metaphor, ideal, and formal basis for social recognition) have become such concepts. The article presents one of the possible approaches to the search for conceptual and empirical definitions of heroism as related to happiness in its various interpretations and as requiring further studies of its content in relation with assessments of subjective well-being.

Keywords: happiness, heroism, hero, subjective well-being, conceptual definition, empirical indicators, sociological discourse, everyday life, sociological studies.

и в многочисленных медийных рейтингах и голосованиях. Так, например, в повседневной жизни мы обычно ассоциируем героизм с некоей вершиной мужества и добродетели, считаем его тем идеальным типом поведения, на который должен ориентироваться каждый человек, даже понимая свою неспособность достичь столь высокого уровня социального служения. Возникает ощущение, что героизм – это предельно простое понятие, отражающее способность человека на бескорыстный риск собственной жизнью и здоровьем во благо общества и/или разделяемых группой/сообществом ценностей. Однако, если даже не углубляться в изучение данного феномена, а просто задуматься о заключенных в нем

смыслах, станут очевидны многочисленные парадоксы и противоречия, которые вызывают интерес у исследователей и заставляют разрабатывать различные концептуальные и операциональные определения, призванные упростить (или, по крайней мере, прояснить) трактовку понятия «героизм». Кроме того, пониманию ряда сложнейших в интерпретационном плане феноменов иногда помогают попытки их определения через и во взаимосвязи с другими феноменами, особенно если речь идет о понятиях со сложной коннотацией. Героизм как объект социологического интереса предельно многогранен и потому взаимосвязан со многими социальными феноменами, одним из которых выступает счастье (некоторые стереотипные определения героизма прямо характеризуют его как способность отказываться от личного счастья во имя интересов других людей).

С одной стороны, счастье, как и героизм, – казалось бы, очевидное понятие в обыденном дискурсе, с другой стороны, с научной точки зрения, это объемное и размытое понятие, требующее массы дополнительных уточнений, особенно, когда мы хотим использовать его в социологических опросах. Толковый словарь С.И. Ожегова определяет счастье как чувство и состояние полного, высшего удовлетворения, успех и удачу [2]. Научные дефиниции «счастья» весьма разнообразны, поскольку опираются на обширный диапазон трактовок, которые учитывают религиозные, морально-этические, психологические, социально-экономические и философские аспекты счастья. Скажем, в философии счастье рассматривается как ощущение удовлетворенности жизнью в целом или как рефлексивная оценка человеком частоты и интенсивности положительных эмоций в ходе всей его жизни. Универсальным аспектом счастья в философии постулируется стремление к нему как изначально присущее каждому человеку и составляющее неотъемлемую часть его существования, а изменчивым аспектом – смысловое наполнение счастья в зависимости от поколенческой принадлежности человека, его образа жизни, общей жизненной стратегии, взглядов, установок, биографически детерминированной ситуации и т.д. [3]. Психологическая трактовка счастья, напротив, не разводит эти два аспекта, а утверждает, что ощущение счастья зависит от психологического состояния, поэтому можно говорить о кратковременном переживании радости, душевном подъеме, ощущении прилива сил, а также об ожидании и предвкушении таких состояний как единственных доступных человеку форматах счастья [4].

Для социологии наиболее близки те междисциплинарные определения счастья, что характеризуют его как удовлетворенность своей жизнью, хотя различают виды этой удовлетворенности [5]:

– эпизодическое счастье в случае удачи, успеха, любого достижения желаемого;

– удовлетворенность как общая фоновая характеристика продолжительных периодов жизни,

общее ощущение собственной «счастливости» или рациональное признание своей жизни таковой по определенному набору критериев¹.

Кроме того, для человека важно производить впечатление счастливого, потому что это социально одобряемое качество «нормального» члена общества.

Для многих исследователей счастье выступает синонимом субъективного благополучия, состояния удовлетворения всеми аспектами жизни [6], т.е. важно не только объективное наличие социальных благ и достижений, а их субъективная оценка как значимых. Соответственно, в социологии счастье нередко выступает как кратковременное чувство в конкретный период времени, поэтому столь важными оказываются мониторинговые «измерения» уровня счастья, а также изучение факторов, определяющих наличие или отсутствие ощущения счастья в конкретных условиях. Но в данной трактовке счастье оказывается связано с миром эмоций и мотиваций [7], и иногда исследователи пытаются дать определение счастья, обращаясь даже к иерархической модели потребностей человека А. Маслоу. Безусловно, эта иерархическая модель часто критикуется как утратившая свой эвристический потенциал в современном мире и даже как чрезмерно упростившая логику человеческой мотивации и поведения уже в момент своей разработки, однако нельзя не признать, что, как некая «идеальная модель» (в веберовском смысле), она все еще неплохо объясняет повседневные выборы людей и испытываемое ими ощущение счастья при удовлетворении потребностей каждого уровня, особенно, если эти запросы принимают острую форму: нам важно удовлетворить свои физиологические потребности, чувствовать себя в экзистенциальной и социальной безопасности, испытывать любовь, привязанность и принадлежность к социальной группе, где нас уважают и одобряют, и, скорее всего, лишь в таком спокойно-безопасном состоянии мы в полной мере способны испытывать эстетическое наслаждение и думать о самореализации и раскрытии собственного потенциала. Нередко именно те люди, что способны пренебречь самыми нижними или, напротив, самыми верхними уровнями потребностей ради безопасности других людей или общества в целом, и являются для нас героями.

Иными словами, «титул»/статус героя является социальной конструкцией – без внимания и признания обществом некоего поступка и/или решения героическим, феномен героизма просто невозможен: именно общество признает человека героем, а он, тем самым, удовлетворяет свою потребность в уважении. Кроме того, согласно пирамиде Маслоу, можно трактовать феномен героизма как высшую степень самореализации человека – через раскрытие им собственного

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00993 «Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации».

потенциала, т.е. героизм представляет собой наивысшее проявление человеческих возможностей. В то же время, героизм нередко трактуется как способ достижения счастья. Например, в книге «Героизм и благополучие в XXI веке» утверждается, что героические поступки во благо других и преодоление себя могут сделать человека счастливым [12], и эта идея лежит в основе проекта Ф. Зимбардо «Героическое воображение» (<https://www.heroicimagination.org>).

Связь между героизмом и счастьем – частый сюжет в исследованиях альтруизма, где, в частности, рассматриваются разные типы героизма [11]:

– военный – человек рискует жизнью по долгу службы/согласно формальным предписаниям и самой сути своей работы/профессии/ситуации;

– гражданский – добровольный риск собственной жизнью гражданскими лицами, не при исполнении должностных обязанностей, а «по зову совести/сердца»;

– социальный – помощь нуждающимся, занятия благотворительностью и другие форматы социального служения/заботы без непосредственного риска жизнью и здоровьем.

Благотворительность, иногда, прямо называют «целенаправленным героизмом» [10], причем, постоянное участие в чьей-то жизни удовлетворяет потребность человека в любви и уважении, делая его счастливым: забота о других подпитывает самоуважение, а альтруистические жесты создают ощущение полноценной жизни, не ограниченной только накоплением и потребительством. Кроме того, нередко, в словарях по своему эмоциональному наклону понятия «счастье» и «героизм» рассматриваются как, по сути, синонимичные понятия: например, в электронном словаре. URL : <https://thesaurus.plus/related/heroism/happiness#collocations> в качестве общего синонима слов «heroism» (героизм) и «happiness» (счастье) предлагается слово «exaltation» (восторг, восторженное состояние, (само)возвеличивание, самозабвенный восторг).

Несомненно, не только благотворительная деятельность и иные формы помощи нуждающимся вызывают у окружающих чувства одобрения и уважения. Сегодня появилось множество способов добиться общественного признания, однако, массовый обмен информацией между людьми посредством Интернета породил и феномен «лжегероизма», который еще более тесно связан с ощущением счастья, чем «классический героизм», не столь тотально детерминированный жаждой общественного признания. Например, «лжегерои-благотворители» занимаются помощью другим исключительно напоказ, активно сообщая о своей благотворительности в социальных сетях и используя ее для формирования положительного имиджа и повышения своей популярности (часто в коммерческих целях получения рекламных контрактов и доходов), т.е., конструируют образ героического «благотвори-

теля», не соответствуя при этом главному критерию «настоящего героизма» – не испытывая искреннего желания помочь нуждающимся людям. «Лжегерои-вдохновители» с помощью Интернета призывают людей к рискованным поступкам, вдохновляя их якобы на столь важное «преодоление себя» во имя разных социальных ценностей, но на самом деле речь часто идет о бессмысленном физическом и/или психологическом риске. «Лжегероям-вдохновителям» удается призывать множество последователей совершать определенные действия, благодаря авторитету и имиджу, который они сформировали также благодаря Интернету. Безусловно, в перечисленных случаях «лжегероизма» именно «ореол героизма» позволяет людям чувствовать себя счастливыми.

Практически ни одна работа о героизме не обходится без упоминания книги Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий герой» и описанной им концепции «путешествия героя» [11], которое состоит из трех этапов:

– сначала «персонаж» вовлекается в приключения, на которые соглашается только под влиянием внешних обстоятельств, и здесь же герой встречает наставника;

– второй этап путешествия состоит из столкновений с врагами, в ходе которых герой находит союзников и с разной степенью успешности проходит испытания, а завершается этап тем, что герой с честью выходит из главного испытания, преодолевает кризис самоидентификации и получает искомую награду;

– третий этап пути – это дорога обратно в привычный мир и изменение его к лучшему, благодаря полученным в ходе путешествия знаниям.

Концепция «путешествия героя» обрела междисциплинарную популярность: в частности, она используется в психологии как инструмент, помогающий человеку обрести тот образ жизни, что соответствует его внутренним ценностям и интересам, ведет к упрочению социальных связей и новому осознанию «себя». Такие термины, как «психическое здоровье», «устойчивость», «подлинное счастье» и «удовлетворенность жизнью» часто рассматриваются как цели и этапы «путешествия» человека в поисках своего жизненного благополучия. Ссылаясь на концепцию К. Юнга [12], Кэмпбелл утверждает, что странствия и подвиги героя отражают процесс становления личности: человеческое эго – своего рода активный субъект, который в мифах предстает как главный персонаж, его победа над врагами (чудовищами, стихиями и пр.) символизирует победу над нашими внутренними страхами и комплексами, а обретенная в конце странствий мудрость выражает идею окончательного становления самости. Впрочем, для Кэмпбелла «путешествие героя» – это не только метафора героического достижения поставленной цели в ходе преодоления трудностей, но и инструмент осознания и реализации собственного потенциа-

ла, поиск смысла жизни и обретение личной и социальной значимости [8].

Следует отметить, что концепция «путешествия героя» используется сценаристами при создании кинофильмов, например, «мономиф» Кэмпбелла как универсальная структура путешествия архетипического героя, лег в основу сценарной концепции путешествия героя Кристофера Vogлера, повлиявшей на мировую кинодраматургию [13]. Кинематографическое искусство создало собственные выразительные средства, которые основаны на особенностях нашего восприятия и технических возможностях камеры и позволяют максимально убедительно и зрелищно визуализировать все этапы «путешествия героя» во внешнем мире и к осознанию себя: кинематографические планы (отношение ключевого объекта к фону, изменения расстояния между камерой и объектом съемки, общий план – полусредний, средний, укрупненный и крупный и т.д.), переходы между ними, кадрами и эпизодами (технические и визуально-ассоциативного плана), движения камеры и ее «точки зрения», монтаж, организация времени и пространства (используются метафоры, заимствованные из художественной литературы).

Однако не только визуальные способы применяются в кинематографе, чтобы оказать визуальное и мотивационно-ценностное воздействие на зрителя. Существуют разные сценарные модели, которые базируются как на концепции «путешествия героя», так на других психологических теориях, в том числе структурной модели психики З. Фрейда (эго – герой, оно – зло, которое нужно победить, супер-эго – наставник, помогающий герою) или аналитической психологии К. Юнга с архетипами (структурными элементами коллективного бессознательного) [12]. Иными словами, визуальные образы и грамотное построение сценария, основанное на глубоком понимании психологии, дают кинофильмам возможность оказывать влияние на зрителя, заставляя его идентифицировать себя с киногероем, и испытывать те же переживания, что и персонаж на экране (если идентификации не происходит, фильм, скорее всего, ждет коммерческих крах). Таким образом, буквально, «проживая» с героем его сюжетную линию, зритель освобождается от внутренних переживаний и испытывает схожие с персонажем чувства, испытывая чувство счастья, как и реальный герой, преодолевающий аналогичные сложности в действительности. Отражение феномена героизма в кинематографе и ощущение зрителем счастья в процессе просмотра фильма (и идентификации себя с персонажем) помогают увидеть еще одну грань взаимосвязи феноменов героизма и счастья: кинематограф – это симуляция реальности, как любое другое искусство, это симулякр в положительном смысле, т.е. не подделка, а воплощение воображения, способ создавать новое, опираясь на «старое» – объективную реальность. Человек, как правило, предпочитает смотреть те фильмы, в которых персонажи преодолевают (метафорически) те же проблемы и препятствия внешнего и внутреннего свойства,

что и сам зритель, поэтому психологи утверждают, что выбор фильмов может многое рассказать о человеке – о его внутренних проблемах и восприятии социальных проблем [13]. Такой подход может быть интересен для социологов как своеобразная реализация проективных методик в изучении счастья и героизма.

Тем не менее, опираясь на перечисленные выше концепции и трактовки в теоретической интерпретации героизма, социологам, все же, необходимо четко развести разные типы героизма в интересах его эмпирической интерпретации и прикладного изучения. Так, З. Франко, К. Блау и П. Зимбардо [9] попытались внести семантическую ясность в понятие «героизм», обозначив типы ситуаций, в которых этот термин используется в повседневной жизни и в исследовательской практике. Они предложили различать 12 героических подтипов и ситуаций, которые «требуют» героических поступков: разработанная классификация включает в себя военный и гражданский героизм (две формы героизма, связанного с риском для жизни и здоровья), а также десять вариантов социального героизма в соответствующих ситуациях (табл. 1). Авторы честно признают, что, как большинства аналогичных априорных и неформальных классификаций, их «реестр» героических типажей несколько произволен и отражает их личные пристрастия, однако нельзя не признать, что предложенная типология и лежащая в ее основе логика заслуживают внимания, пусть и с критическими уточнениями.

Можно создать и иные классификации героизма, основываясь и/или принимая во внимание такой критерий, как испытывает ли человек ощущение счастья (может ли назвать себя счастливым) после совершения героического поступка. Например, в разработанной нами классификации, которая содержит следующие типы героев – герой-воин, герой-спасатель, герой-благотворитель, герой-вдохновитель, герой-авантюрист и герой-демонстратор [14], можно сделать уточнение, что при совершении героического поступка счастье испытывают следующие типы: герой-спасатель (самоактуализация через спасение человеческой жизни и последующее социальное признание), герой-благотворитель (помощь нуждающимся, ощущение чувства возвышенного социального служения без корыстных интересов, но с последующим социальным признанием), герой-вдохновитель (возможность сделать жизнь других людей лучше и изменить социальную действительность) и герой-авантюрист (самоактуализация). В то же время, вероятно, счастье как эмоциональное переживание и социальная удовлетворенность в меньшей степени встроены в такие типы героического поведения, как герой-воин (героизм по долгу службы, необходимость отнимать жизни других людей во имя защиты родины) и герой-демонстратор (тип, пересекающийся и даже накладывающийся на типах «лжегероизма» – «героические» поступки напоказ, не приносящие полноценного удовлетворения).

Типы героев и ситуации, провоцирующие героические действия

Тип риска	Героический подтип	Определение/ситуация
Физическая опасность	Военные герои и герои по долгу службы	Люди, участвующие в военных или спасательных операциях, которые постоянно оказываются в условиях повышенного риска. Героические поступки должны выходить за рамки долга
	Гражданские герои – подвергающие себя риску не по долгу службы	Гражданские лица, которые стремятся спасти других от физических травм или смерти, сознательно подвергая свою жизнь опасности
Социальная жертва	Религиозные деятели	Посвящение себя религии, пожизненное религиозное служение, воплощающее высшие принципы или открывающее новую религиозную/духовную основу. Часто: служение наставником или примером покаяния
	Политико-религиозные деятели	Религиозные лидеры, занимающиеся политикой, чтобы реализовать изменения, или политики, которые имеют религиозные взгляды, которые определяют их политическую деятельность
	Мученики	Религиозные или политические деятели, которые сознательно (иногда преднамеренно) ставят свою жизнь под угрозу во имя идеи или чтобы привлечь внимание к несправедливости
	Политические или военные лидеры	Обычно возглавляют нацию или группу в сложный период (война или катастрофа). Служат объединению нации, обеспечивают общее видение проблемы и воплощают качества, которые считаются необходимыми для выживания группы
	Авантюрист/исследователь/ первооткрыватель	Люди, которые исследуют неизвестные географические районы или используют новые и неизученные методы
	Герои науки (совершающие открытия)	Люди, которые исследуют неизвестные области науки, новые методы исследования или открывают новые данные, ценные для человечества
	Добрый самаритянин	Люди, которые делают шаг, чтобы помочь нуждающимся (похоже на альтруизм). Их деятельность может подразумевать или нет непосредственный физический риск
	Преодолевший трудности/ неожиданный победитель	Люди, которые, невзирая на инвалидность или неблагоприятные условия, преуспели, став социальным и моральным ориентиром для других
	Бюрократические герои	Сотрудники крупных организаций, участвующие в спорных ситуациях. Как правило, имеют принципиальную позицию, несмотря на давление со стороны, отказываются соответствовать шаблону или слепо подчиняться тем, кто выше по статусу
	Информаторы	Люди, которые знают о незаконной или неэтичной деятельности и сообщают о ней публично, чтобы добиться изменения ситуации, без ожидания вознаграждения и/или невзирая на негативные последствия для себя

Безусловно, это лишь гипотеза, которая требует не менее серьезной эмпирической проверки, чем исследование Франко, Блау и Зимбардо, которые для подтверждения своей классификации

типов героизма и сопоставления феноменов героизма и альтруизма опросили несколько тысяч респондентов.

Литература:

1. Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М. : Аспект-Пресс, 1996.
2. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М. : Азъ, 1994.
3. Намлинская О.О. «Экономика счастья» как актуальная проблема эволюции национальной экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 3.
4. Veenhoven R. Questions on happiness: Classical topics, modern answers, blind spots // F. Strack, M. Argyle, N. Schwarz (Eds.) Subjective Well-Being: An Interdisciplinary Perspective. Oxford : Pergamon Press, 1991.

Literature:

1. Berger P.L. Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective. M. : Aspect-Press, 1996.
2. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova M. : Az, 1994.
3. Namlinskaya O.O. «Economics of happiness» as an urgent problem of the national economy evolution // Regional Problems of Economic Transformations. 2014. № 3.
4. Veenhoven R. Questions on happiness: Classical topics, modern answers, blind spots // F. Strack, M. Argyle, N. Schwarz (Eds.) Subjective Well-Being: An Interdisciplinary Perspective. Oxford : Pergamon Press, 1991.

5. *Каретко М.А.* О счастье // Вопросы психологии. 1992. № 1–2.
6. *Ortiz-Ospina E.* Happiness and life satisfaction / E. Ortiz-Ospina, M. Roser. URL : <https://ourworldindata.org/happiness-and-life-satisfaction>
7. *Качур Н.В.* Эволюция социологической интерпретации счастья // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 4.
8. Heroism and Wellbeing in the 21st Century. Applied and Emerging Perspectives / O. Efthimiou, S.T. Allison, Z.E. Franco (Eds.). New York : Routledge, 2018.
9. *Franco Z.* A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism / Z. Franco, K. Blau, Zimbardo P. Heroism // Review of General Psychology. 2011. Vol.15. № 2.
10. *Bronk K.* The intersection of purpose and heroism: A study of exemplars / K. Bronk, B. Riches // S.T. Allison, G.R. Goethals, R.M. Kramer (Eds.). Handbook of Heroism and Heroic Leadership. New York : Routledge, 2017.
11. *Кэмпбелл Д.* Тысячеликий герой. К.-М. : Ваклер; Рефл-бук; АСТ, 1997.
12. *Юнг К.Г.* Очерки по психологии бессознательного. М. : Когито-Центр, 2010.
13. *Салахиева-Талал Т.* Психология в кино: Создание героев и историй. М. : Альпина нон-фикшн, 2019.
14. *Троцук И.В.* Оценка влияния кинематографа на социальные представления о героизме: апробация одного подхода / И.В. Троцук, М.В. Субботина // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4.

5. *Karetko M.A.* On happiness // Issues of Psychology. 1992. № 1–2.
6. *Ortiz-Ospina E.* Happiness and life satisfaction / E. Ortiz-Ospina, M. Roser. URL : <https://ourworldindata.org/happiness-and-life-satisfaction>
7. *Kachur N.V.* The evolution of the sociological interpretation of happiness // Proceedings of the Saratov University. Series: Sociology. Political Science. 2013. Vol. 13. № 4.
8. Heroism and Wellbeing in the 21st Century. Applied and Emerging Perspectives / O. Efthimiou, S.T. Allison, Z.E. Franco (Eds.). New York : Routledge, 2018.
9. *Franco Z.* A conceptual analysis and differentiation between heroic action and altruism / Z. Franco, K. Blau, Zimbardo P. Heroism // Review of General Psychology. 2011. Vol. 15. № 2.
10. *Bronk K.* The intersection of purpose and heroism: A study of exemplars / K. Bronk, B. Riches // S.T. Allison, G.R. Goethals, R.M. Kramer (Eds.). Handbook of Heroism and Heroic Leadership. New York : Routledge, 2017.
11. *Campbell J.* The Hero with a Thousand Faces. Kiev-Moscow: Wackler; Refl-book; AST, 1997.
12. *Jung C.G.* Essays on Psychology of the Unconscious. M. : Kogito-Center, 2010.
13. *Salakhieva-Talal T.* Psychology in the Cinema: Creating Heroes and Stories. Moscow: Alpina non-fiction, 2019.
14. *Trotsuk I.V.* Assessment of the cinematographic influence on the social representations of heroism: Approbation of an approach / I.V. Trotsuk, M.V. Subbotina // Communicology. 2018. Vol. 6. № 4.

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Муха Виктория Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
v.mukha@bk.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ
АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ:
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ АНАЛИЗА**

Аннотация. В статье рассмотрено и концептуализировано понятие «социальная адаптация мигрантов», определены составляющие и особенности данного процесса. Авторами представлены и охарактеризованы критерии успешности/неуспешности процесса адаптации. Охарактеризованы основные типы социальной интеграции: культурная, нормативная, коммуникативная, функциональная; проанализированы интеграционные модели: мультикультурализм, сегрегация, изоляция, интеграция и их применение к российской действительности. Сделан вывод, что успешная адаптация представляет собой интеграцию с сохранением собственной социальной и этнокультурной идентичности и обретением новой социальной идентичности, адекватно сложившимся условиям.

Ключевые слова: социальная адаптация, интеграция, идентичность, адаптационные установки, мультикультурализм, стратегии, мигранты, принимающее население.

Иntenсивность миграционных процессов в условиях глобализации и открытости границ, привела к ряду проблем социокультурного и психологического характера, способствовавших росту научного интереса к теме адаптации мигрантов в условиях новой среды. Мировые миграционные процессы, в основе которых лежат социально-экономические, религиозные, политические мотивы приобрели новые формы и направления. Актуальна эта проблема и для российского общества, так как от процесса социальной адаптации мигрантов, их включения в систему социальных отношений, зависит в определенной степени стабильность нашего общества.

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociology,
Professor Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

Victoria N. Mukha

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Law and Human Resources,
Kuban State Technological University
v.mukha@bk.ru

**SOCIAL ADAPTATION
OF MIGRANTS: A THEORETICAL
MODEL OF ANALYSIS**

Annotation. The article considers and conceptualizes the concept of «social adaptation of migrants», defines the components and features of this process. The authors present and characterize the criteria of success/failure of the adaptation process. The main types of social integration are characterized: cultural, normative, communicative, functional; integration models are analyzed: multiculturalism, segregation, isolation, integration and their application to the Russian reality. It is concluded that successful adaptation is an integration with the preservation of their own social and ethno-cultural identity and the acquisition of a new social identity, adequately existing conditions.

Keywords: social adaptation, integration, identity, adaptation attitudes, multiculturalism, strategies, migrants, the host population.

Многие вопросы, связанные с адаптацией мигрантов в поликультурное российское общество остаются не решенными. Соответственно, назрела необходимость выработки адекватной современным условиям миграционной политики, в целях развития общества и предоставления реальной помощи и поддержки, как мигрантам, так и принимающему населению¹.

Под социальной адаптацией мы понимаем процесс приспособления в результате простран-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 19-411-230018 «Социальная адаптация мигрантов с Юго-Востока Украины в Краснодарском крае».

ственного перемещения, индивида, группы к принимающей инокультурной среде, к изменениям внутреннего и внешнего характера, происходящих в результате изменений социальных и культурных образцов поведения, основанный на объективных закономерностях необходимости взаимодействия мигранта с новой социокультурной средой.

Социальную адаптацию следует трактовать как процесс интерпретативно-информационного отражения окружающей действительности, характерный для любой социальной системы. Существующие объективные условия социальной среды вступают в связь с субъективной спецификой интерпретативного процесса, что проявляется в символах и значениях определяющих вектор суждений и адаптивных установок субъектов адаптации. Таким образом, характер адаптивного процесса можно рассматривать, как противостояние мигрантов и среды приспособления. Социальная адаптация, это процесс взаимоотношений изменяющихся систем: личности и среды приспособления, причем среда приспособления есть объект адаптации, то к чему адаптируется субъект адаптации. Она диктует нормы и правила, которыми обязан руководствоваться мигрант, выступает ресурсом, полем взаимодействия и обмена. Любой мигрант интерпретирует и воспринимает окружающую среду исходя из своих культурных, исторических, религиозных, языковых и других представлений, соответственно окружающая среда рассматривается как объект объяснительной деятельности для мигранта [1].

При оценке последствий социальной адаптации используются понятия успешности/не успешности. Успешная адаптация предполагает социальную и этническую интеграцию, при которой мигранты сохраняют элементы собственной культуры, и принимают правила и нормы социального взаимодействия без их нарушения. Следовательно, не успешная адаптация или дезадаптация, или очень низкий ее уровень, наблюдается в том случае, когда мигранты не удовлетворены условиями новой среды, отказываются воспринимать и принимать ее культуру, не довольны собственным бытием.

К факторам удовлетворенности мигрантов своим положением относят следующие: удовлетворенность профессиональной деятельностью, возможностью карьерного роста; жилищными условиями и обустройством быта; собственной социальной и политической активностью; удовлетворенность отношениями с принимающим населением (в том числе и в плане заключения межнациональных браков); усвоение культурных норм и правил принимающей стороны; удовлетворенность наличием своих религиозных, общественных и культурных организаций, органов самоуправления.

Итак, успешная, позитивная адаптация предполагает относительно гармоничное вхождение в новую социальную и культурную среду, что выражается в освоении норм среды, ее ценностей и правил поведения, что в свою очередь не

предполагает потерю собственной культурной идентичности. Возникновение новых связей, вживание в социальные отношения предполагают реализацию определенной стратегии. В широком спектре отношений с принимающим населением, возникает позитивная идентичность – главное условие успешной адаптации. При таком сценарии развития, социальная адаптация плавно перетекает в интеграцию – процесс установления оптимальных отношений между самостоятельными социальными объектами (государствами, группами, общностями, индивидами) с целью дальнейшего превращения их в единую взаимосвязанную систему на основе общих интересов. Успешная адаптация индивида, группы в условиях новой социальной среды – это интеграция, с сохранением собственной социальной и этнокультурной идентичности и обретение новой социальной идентичности, адекватной сложившимся условиям [2].

Различают следующие типы социальной интеграции:

1. Культурную – проявляющуюся в согласованности между культурными нормами, стандартами и образцами поведения;
2. Нормативную – предполагающую координацию культурных стандартов и поведения индивидов. Такое состояние, при котором основные нормы культуры «институализированы» в основных элементах социальной системы и действиях индивидов;
3. Коммуникативную – предполагающую взаимообмен информацией, культурными символами, демонстрирующую уровень охвата ими всего социума либо конкретной группы;
4. Функциональную – основанную на общественном разделении труда, взаимозависимости и обмене услугами. Исходя из доминанты, определенных оснований, интеграционные процессы обретают характерные формы.

Социальную интеграцию следует рассматривать в контексте складывающихся отношений между ее элементами. Жизнеспособная социальная интеграция возникает из целостности и единства элементов, целей, интересов [3]. Социальная интеграция, является результатом в разной степени адаптации, социализации, частичной инкультурации и ассимиляции. Современный социум не безразличен к культурным и этническим различиям, поэтому социальную адаптацию и интеграцию следует рассматривать в контексте индивидуального подхода, с позиции конкретного человека, насколько его жизненный образ соотносится с принципами и нормами принимающей среды. Определенная интеграционная модель, принятая обществом (точнее государством, так как например, европейская интеграционная модель не находит понимания в общественном мнении, тем не менее, она принята и «продавливается» государственными структурами) составляет основу процесса интеграции.

Ученые выделяют несколько интеграционных моделей:

Мультикультурализм – предполагающий компактное проживание мигрантов на территории заселения с сохранением своего культурного комплекса (традиций, обычаев, норм) принесенного с территории исхода, при признании норм принимающего общества;

Сегрегация – предполагающая ограничение мест проживания мигрантов, хозяйственных сфер открытых для них принимающим обществом;

Изоляция – предполагающая ограниченные места расселения мигрантов, в условиях жесткого контроля любой мобильности и перемещений;

Интеграция – предполагающая контроль и управление потоками миграции, создание селективных механизмов, деятельность по интеграции мигрантов в принимающее общество, по формированию толерантных отношений между мигрантами и принимающим населением [4].

Отсюда интерес к уровням среды адаптации, среди которых выделяются: макро, мезо, микро уровни. Приступая к их рассмотрению, следует отметить, что успешность адаптации зависит от происходящих во внешней среде изменений. Если эти изменения носят стабильный характер, вероятность успешной адаптации выше, отсутствие же стабильности уменьшает возможности социальной адаптации. Важную роль во взаимоотношениях мигранта и внешней среды играет тип сложившейся между ними связи, основу которой составляет реакция мигранта, скорость реагирования на условия и вызовы внешней среды.

Рассмотрим три основных типа реагирования: запаздывающий, синхронный и опережающий.

Принимающая макросреда представляет собой совокупность ценностей, социальных норм, повседневности, а также факторов (экономических, политических, информационных и т.д.) оказывающих воздействие на поведение мигранта.

Мезосреда представляет совокупность внешних характеристик социальной общности (территориальной, этнической, профессиональной и т.д.) утвердившихся в поле определенной культуры.

Микросреду характеризует интегральная совокупность социальных институтов и групп, с которыми вступает во взаимодействие мигрант. Это взаимодействие предполагает ряд систематических действий, основу которых составляет ожидание ответной реакции, что порождает новые реакции.

Запаздывающее реагирование характеризуется задержкой ввиду отсутствия времени на обработку информации, наличия адекватных стандартов реагирования, а также желанием мигранта, выдержать «паузу».

Готовность и способность синхронно реагировать, позволяет говорить о высоком потенциале мигранта к изменениям его опыта взаимодействия с окружающей социальной средой.

Опережающее реагирование просматривается тогда, когда мигрант обладает интуицией или способностью анализировать и предвидеть будущее. При этом типе реагирования общее количество адаптивных ресурсов, потраченных мигрантом при приспособлении, пропорционально скорости и глубине изменений, происходящих в окружающем пространстве.

Принятая ЕС модель мультикультурализма, направленная на интеграцию мигрантов (из бывших колоний, Африки и Азии) в единый общеевропейский дом, привела к возникновению разного рода конфликтов между принимающим населением и мигрантами, что позволяет говорить о провале данной модели интеграции. Возникает вопрос, почему России обладающей огромным многовековым опытом политики мультикультурализма удалось собрать в рамках единого государства более ста различных народов, которые длительное время сосуществуют и сосуществовали вместе, не смотря на все различия, а Европе нет.

По мнению Леденевой В.Ю. главная причина провала политики мультикультурализма на Западе кроется в отличии культур принимающего населения и мигрантов. Автор пишет: «Если на территорию вселения массово пребывают мигранты с более низкой культурой в сравнении с культурой принимающего общества, то между ними возникают непреодолимые социальные барьеры. Принимающий социум не воспринимает культуры мигрантов и отгораживается от них... В свою очередь мигранты, ощущая это, и не видя перспектив сближения, обособляются, ведут клановый образ жизни, в котором видят свою защищенность от посягательств коренного населения. В такой обстановке взаимодействующие культуры не сближаются, а сегрегируются и процесс интеграции по мультикультурной модели «застыл» на многие десятилетия. Возникает благоприятная среда для радикализации отношений и разрушительной деятельности, как в среде мигрантов, так и принимающего населения» [5].

Иная ситуация по мысли автора, складывалась в России. В первом варианте, когда на территорию вселения прибывали мигранты более высокие в культурном отношении (например, немцы Поволжья), а местное население к ним тянулось и стремилось к обогащению новой культурой. Взаимодействующие культуры постепенно сближались и взаимно обогащались, сохраняя собственную самобытность и культуру. Уровень конфликтности на такой территории существенно ниже.

В России веками реализовывался второй вариант политики мультикультурализма, при которой местное население постепенно включала в себя этносы и народы, обогащая их великой русской культурой.

В миграционной политике России должен быть дифференцированный подход в выборе интеграционной модели. Если на территорию вселения ожидается приток мигрантов с более высокой культурой, то целесообразна мультикультурная модель интеграции, если же с более низкой

культурой – то более жесткая селективная интеграционная модель.

Суждения автора на наш взгляд спорны, ввиду отсутствия критериев оценки высоты культуры, хотя без сомнения заслуживают внимания. Допустим, если разговор идет о малочисленных бесписьменных северных народах, существовавших веками в рамках собственных традиций, то для них русская культура – это путь в большой мир. Что же касается армян, грузин, эстонцев, то тут все неоднозначно, можно ли эти народы в культурном отношении ставить ниже?

Итак, в процессе социальной адаптации индивид включается в разветвленную и разно уровневую сеть внешних (микро, мезо и макро) сред; участвует во множестве социальных взаимодействий, исполняет различные социальные роли. Каждый субъект испытывает на себе разнонаправленную адаптивную нагрузку различных внешних сред. Тип связи внешняя среда-субъект может классифицироваться по типу реагирования субъекта, уровню агрессивности и состояния среды.

Литература:

1. *Bochner S.* The Social Psychology of Cross-Cultural Relations // *Cultures in Contact* / Ed. by S.Bochner. Oxford Pergamon Press, 1982. P. 5–44.
2. *Berry J.W.* Immigration, Acculturation and Adaptation. Ontario. 1996.
3. *Юдина Т.Н.* Классические и современные теории миграции в западной традиции // *Социология миграции*. М. : Академический проект. 2006. С. 120–272 с.
4. *Мукомель В.И.* Адаптация и интеграция мигрантов. Миграция в России 2002–2012. Хрестоматия : в 3-х томах. Т. 1. Ч. 2. М. : РСМД. 2013. С. 696 – 960 с.
5. *Леденева В.Ю.* Формы и модели социальной адаптации и интеграции мигрантов // *Политика и общество*. №6(126). 2015. С. 717–728.
6. *Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества / Отв. ред. Л.М. Дробизева; Институт социологии РАН. М. : Институт социологии РАН, 2016*

Возникновение новых связей, вживание в социальные отношения предполагают реализацию определенной стратегии. В широком круге отношений с принимающим населением, возникает позитивная идентичность – главное условие успешной адаптации. Более успешный сценарий адаптации – это интеграция определяющаяся стремлением индивида к самоуважению и самоактуализации. Успешная адаптация индивида в условиях новой социальной среды – это интеграция, с сохранением собственной социальной и этнокультурной идентичности и обретение новой социальной идентичности, адекватной сложившимся условиям.

Опираясь на эмпирические результаты исследований в социологии [6], можно сказать, что основу анализа процесса адаптации должны составлять: совмещение разных подходов; различные уровни анализа; нахождение факторов внешнего и внутреннего характера, определяющих позитивную/негативную адаптацию личности в новых условиях.

Literature:

1. *Bochner S.* The Social Psychology of Cross-Cultural Relations // *Cultures in Contact* / Ed. by S. Bochner. Oxford Pergamon Press, 1982. P. 5–44.
2. *Berry J.W.* Immigration, Acculturation and Adaptation. Ontario. 1996.
3. *Yudina T.N.* Classical and modern theories of migration in the Western tradition. *Sociology of migration*. M. : Academic project. 2006. P. 120–272 p.
4. *Mukomel V.I.* Adaptation and integration of migrants. Migration in Russia 2002–2012. Anthology in 3 volumes. Vol. Part 2. M. : RIAC. 2013. P. 696–960 p.
5. *Ledeneva V.Yu.* Forms and models of social adaptation and integration of migrants / / *Politics and society*. № 6(126). 2015. P. 717–728.
6. *Interethnic harmony as a resource for the consolidation of Russian society / Ed. ed. L.M. Drobizhev; Institute of Sociology RAS. M. : Institute of Sociology RAS, 2016.*

Тюнь Андрей Петрович
кандидат социологических наук,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

ОТНОШЕНИЕ К ПОЛИЦИИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВОПОРЯДКА

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме отношения к полиции, как фактора ее эффективности. Проводится анализ основных связей между характером отношения к правоохранительным органам и степенью их эффективности. Рассматриваются тенденции отношения к полиции, характерные для российского общества. Анализируются основные факторы, задающие характер отношения к правоохранительным органам. Обосновывается высокая значимость институционального и медийного направлений воздействия на отношение к полиции в обществе.

Ключевые слова: полиция, отношение к полиции, общество, эффективность полиции, социальное мировоззрение.

Правоохранительные органы реализуют важную защитную функцию общества, связанную с недопущением правонарушений через пресечение и предупреждение преступной деятельности. И в этом плане нет ничего удивительного в том, что одним из важных направлений научных изысканий является поиск факторов, которые могли бы способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов, а также выявление социальных проблем, препятствующих эффективной реализации социальной функции правоохранительной сферы. Общество активно меняется, возникают новые проблемы и вызовы, а привычные явления подлежат трансформации. Так, например, любой политический режим типологически (более подробно вопрос типологизации политических режимов рассматривается в исследовании Н.В. Нарыкова [1]) накладывает отпечаток, как на характер деятельности правоохранительных органов, так и на их оценку. То же самое относится и к институциональным аспектам, таким как экономика, право или религия. И потому даже те вопросы, которые ранее уже были рассмотрены и детально изучены (за исключением случаев, когда они носят универсальный, чисто теоретический характер), со временем приобретают новое значение и требуют дополнительного изучения.

В настоящей статье ставится вопрос о значении социального отношения населения к полиции,

Andrei P. Tyun
Candidate of Sociological Sciences,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

SOCIAL PERCEPTION OF THE POLICE AS A FACTOR IN THE EFFECTIVENESS OF THE PROTECTION OF LAW AND ORDER

Annotation. The article is devoted to the current problem of social perception of the police as a factor of its effectiveness. The main links between the nature of the attitude towards law enforcement agencies and their effectiveness are analysed. Trends in attitudes towards the police in Russian society are considered. The main factors determining the nature of the attitude towards law enforcement agencies are analysed. The high importance of the institutional and media directions of influence on attitudes towards the police in society is justified.

Keywords: police, attitude towards the police, society, efficiency of the police, social outlook.

как фактора деятельности правоохранительных органов. Важность этой темы напрямую определяется тем, что от способа социального восприятия полиции в целом и ее сотрудников, в частности, сильно зависит способ взаимодействия населения с сотрудниками правоохранительной сферы, что уже сказывается на эффективности деятельности последних. Кроме того, заслуживает внимания такой аспект, как предрасположенность членов общества к принятию установок криминальной субкультуры, которая может развиваться на фоне негативного отношения к сотрудникам правоохранительных органов. Наконец, немаловажное значение имеет и то, что способ отношения к правоохранительным органам в гражданской среде – это, в том числе, критерий профориентации. И потому, рассматривая данный вопрос на дальнюю перспективу, мы также видим существенный фактор повышения или снижения эффективности правоохранительных органов, связанный с кадровым аспектом.

В рамках статьи ведущими методами являются сравнительный анализ, а также социально-феноменологический и исторический подходы. В анализе отдельных аспектов работы задействованы элементы социально-конструктивистской теории.

Основными источниками, на которые мы опираемся, являются социологические исследования, посвященные состоянию полиции в российском

обществе и отношении к ней, а также работы, имеющие для настоящей темы теоретико-методологическое значение. Также, в качестве теоретической основы исследования мы руководствовались социокультурным подходом в рассмотрении соотношения объективного и ценностного аспекта понимания смысла выполнения служебных задач сотрудниками правоохранительных органов [2].

Прежде всего, следует очертить предметную область исследования. Рассмотрение отношения к полиции предполагает анализ области мировоззрения и его отражения в культуре (коль скоро мы говорим об отношении к социальной группе в общем ключе). Одновременно с этим, анализ влияния отношения к полиции на эффективность последней уже предполагает отражение институционального аспекта деятельности правоохранительных органов. То есть, на выходе мы имеем ориентацию исследования на сопоставление двух различных аспектов существования полиции в обществе, различающихся не только своей локализацией, но и социальной природой. Это – одна из причин того, что раскрытие значения отношения к полиции представляет собой сложную исследовательскую задачу. Вместе с тем, коль скоро обозначенные аспекты связаны между собой (и, в том числе, существуют механизмы их взаимного влияния друг на друга, а также четко прослеживающиеся зависимости), поставленная задача не выглядит невыполнимой. Главным условием успешного ее разрешения является последовательность в изложении и анализе материала. Отправной точкой в данном случае является вопрос о том, каким образом отношение к сотрудникам правоохранительных органов влияет на выполнение служебных обязанностей последних.

Прежде всего, как уже было сказано выше, деятельность сотрудников правоохранительных органов является социально-ориентированной, то есть предполагает активное взаимодействие сотрудников правоохранительных органов с населением. При этом следует отметить, что в данном случае идет речь как о функциональных контактах, инициируемых сотрудниками правоохранительных органов в процессе выполнения служебных обязанностей, так и о взаимодействии населения с полицией, в рамках которого представители гражданской сферы сигнализируют о фактах правонарушений (как уже свершившихся, так и потенциальных), а также сообщают о деталях происшествий, уже попавших в объектив рассмотрения сотрудников полиции. Тут стоит подчеркнуть, что, в большинстве случаев решение о возбуждении дела и проведении расследования принимается на основании обращения граждан. Необращение граждан в правоохранительные органы представляет собой одну из серьезных причин снижения эффективности последних, поскольку неосведомленность о факте совершения преступления не позволяет сотрудникам полиции как-либо на него отреагировать [3].

Анализируя первый аспект, хотелось бы акцентировать внимание на том, что в область слу-

жебных обязанностей сотрудников полиции входит не только оперативно-следственная деятельность, но также и осуществление воспитательной и разъяснительной работы с населением. И в данном случае, очень важное значение имеет то, насколько авторитетной для членов общества является позиция сотрудника полиции и насколько они готовы прислушаться к его словам.

Что касается следственной работы, одним из серьезных факторов в данном случае является взаимодействие с населением с целью выяснения обстоятельств расследуемого дела. Соответственно, от степени готовности членов общества к сотрудничеству во многом зависит то, насколько полной информацией будут располагать работники полиции в ходе осуществления следственных мероприятий, а это напрямую определяет эффективность последних и, соответственно – раскрываемость преступлений. Здесь, как и в первом случае, мы наблюдаем взаимосвязь между отношением к сотрудникам полиции в гражданской среде и степенью эффективности их деятельности. Отдельно следует отметить, что от уровня доверия к эффективности работы правоохранительных органов в отдельных случаях зависит то, готовы или не готовы граждане к даче показаний. В данном случае вопрос оценки личной безопасности соотносится членами общества с оценкой профессионализма и добросовестности работников правоохранительной сферы.

Как видим, существует серьезная связь между отношением населения к работникам полиции и степенью функциональной эффективности последней. Также имеют большое значение косвенные факторы уровня криминогенной обстановки, связанные с характером отношения к полиции, присутствующего в гражданской среде. Среди них ключевое значение имеют два фактора: представления об эффективности правоохранительных органов, как фактор принятия решения о совершении противоправных действий; отношение к полиции, как фактор восприятия правовой сферы.

Рассмотрим по порядку каждый из обозначенных аспектов. Прежде всего, обратимся к такому вопросу, как соотношение социальных оценок эффективности правоохранительных органов и уровня предрасположенности общества к осуществлению криминальной деятельности. В данном случае ключевую роль играет то, что принятие решения о преступлении (или отказе от реализации преступной модели) опирается на два типа регуляторов – внутренние, связанные с моральными ограничениями или высоким уровнем правосознания, и внешние, связанные с механизмами социального контроля и возможностью санкций внешнего плана.

Что касается внешних санкций, налагаемых на человека за нарушение закона, они возникают в том случае, если правоохранительные органы в конкретном случае эффективно реализуют свою функцию. То есть, оценка эффективности правоохранительных органов – это одновременно

оценка вероятности наказания в случае совершения правонарушения. В этом плане, высокий уровень оценки правоохранительной сферы представляет собой серьезный сдерживающий фактор на пути развития преступности.

Интересно, что характер отношения к полиции в обществе влияет и на область внутренних регуляторов правовых отношений. В данном случае ключевую роль играет то, что через отношение к полиции у некоторых членов общества происходит формирование отношения к закону. Причем речь может идти как о позитивных, так и о негативных примерах. Позитивные примеры, в целом, понятны – если работник полиции обладает положительными личностными качествами и пользуется авторитетом среди своего окружения, это способно оказать существенное позитивное влияние на характер их правосознания. Вместе с тем, существуют и обратные примеры – когда члены общества, руководствуясь принципом «Если правоохранители нарушают закон, то и мы можем», воспринимают отдельные негативные случаи как прецедент, дающий им моральное право на нарушение закона.

Итак, как мы видим, отношение к полиции тесно связано с эффективностью последней. И в данном случае особую актуальность приобретают два основных вопроса:

– каково актуальное отношение к правоохранительным органам?

– какие факторы могут повлиять на улучшение отношения к полиции в гражданской среде?

Что касается актуального отношения к правоохранительным органам в гражданской среде, то следует констатировать наличие противоречивых позиций. С одной стороны, часть населения сохраняет позитивные установки восприятия правоохранительных органов, связанные с признанием важности той социальной функции, которую они реализуют. Вместе с тем, по данным социологических исследований, менее половины представителей гражданского населения положительно оценивают сотрудников полиции, а 29% выражают негативную их оценку [4].

В социальной среде присутствуют устойчивые стереотипы восприятия сотрудников правоохранительной сферы, связанные с представлениями об осуществляемых ими (причем на уровне стабильной, распространенной практики) нарушениях, к числу которых относятся:

– злоупотребление служебными полномочиями;

– осуществление неправомерных насильственных действий в отношении представителей гражданского населения;

– участие в коррупционной деятельности (вымогательство, взяточничество и т.д.);

– совершение должностных преступлений, связанных с помощью злонамеренным преступным лицам (феномен «оборотней в погонах», активно воспринимаемый представителями гражданского

населения благодаря новостному материалу, а также разнообразным криминальным фильмам и сериалам).

Наличие подобного ряда стереотипных представлений никак не может способствовать улучшению социального восприятия работников правоохранительной сферы. Особую опасность в данном случае представляет то, что члены общества зачастую формируют недифференцированное отношение ко всей социальной группе на основании знания о частных случаях некорректной деятельности работников полиции [5]. То есть, исходные социальные ожидания, направленные в сторону работников правоохранительной сферы, во многом, оказываются негативными в силу приверженности конкретного человека описанным выше стереотипам отношения.

Для того, чтобы иметь возможность как-то воздействовать на ситуацию, необходимо понимать причины, вызывающие ее. Мы намеренно в данном случае концентрируем свое внимание на той части населения, которая относится к полиции негативно, поскольку именно изменение социального восприятия полиции в этой группе людей может способствовать существенному улучшению характера отношения к полиции в обществе и, следовательно, опосредованно повлиять на уровень правопорядка.

Прежде всего, следует отметить, что отношение к какой-либо социальной группе представляет собой составляющую индивидуального, либо массового мировоззрения. Соответственно, в гражданском отношении к полиции (и, в частности, наличии его негативных форм) могут иметь место как культурные факторы, связанные с восприятием конкретным человеком модели отношения извне, так и личный опыт взаимодействия с сотрудниками полиции (а также, последующее индивидуальное его осмысление).

Рассматривая факторы формирования социального мировоззрения, можно выделить следующие их уровни: индивидуальный; локально-групповой (формирование мировоззрения через контакт с ближайшим окружением) и культурно-информационный (формирование мировоззрения через восприятие основной культурной продукции, транслируемой в коммуникативной среде).

Как уже было сказано выше, индивидуальный аспект формирования отношения к полиции – это, прежде всего, личный опыт взаимодействия с ее представителями. Соответственно, факты непрофессионализма, грубости, склонности к реализации коррупционных схем – все это, в совокупности, задает перспективы развития негативной модели восприятия сотрудников правоохранительных органов.

Локально-групповой уровень социального познания связан с восприятием окружающего мира посредством восприятия позиций и точек зрения, характерных для ближайшего окружения человека [6]. В данном случае реализуется момент преемственности и, в частности, проявляется

влияние исторически отдаленных факторов оценки полиции: родители могут делиться с ребенком оценочными суждениями в отношении правоохранительных органов, опираясь на опыт их восприятия, имевший место на момент формирования их собственной позиции. По этой причине многие социальные стереотипы так устойчивы и могут сохраняться, практически, не будучи никак подтвержденными на уровне реальной практики отношений.

Что касается культурно-информационного уровня, следует отметить, что в современном обществе все более отчетливо прослеживается тенденция смещения социального восприятия в сторону обращения членов общества к каналам массовой коммуникации, через которые они черпают информацию о наиболее актуальных сторонах общественной жизни. Проблема в данном случае состоит в том, что, далеко не всегда, такие источники являются репрезентативными, при этом, их влияние на общественное сознание весьма велико.

Литература:

1. *Нарыков Н.В.* К проблеме типизации политических режимов // Теория и практика общественного развития. 2009. № 3–4. С. 22–36.
2. *Нарыков Н.В.* Ценностный и объективистский подходы в социологическом анализе явлений культуры / Н.В. Нарыков, Е. В. Фатальникова ; Мино внутренних дел Российской Федерации, Краснодарский ун-т. Краснодар, 2006.
3. *Долгорукова И.В.* Динамика виктимизации населения России: социологическая оценка / И.В. Долгорукова, А.В. Кириллов, Ю.Н. Мазяев, Д.К. Танатова, Т.Н. Юдина // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 2.
4. *Дубнякова А.И.* Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4(55).
5. Подробнее о групповом аспекте восприятия полиции см. *Передня Д. Г.* Имидж полиции России, эмпирический анализ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 1 (76).
6. Данный феномен получил выражение в концепции «домашней группы», как среды опосредованного социального познания, см. *Шюц А.* Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А. Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

Анализируя в данном контексте то, каким образом можно противодействовать негативным формам отношения к полиции и, напротив - способствовать улучшению отношения к ней, отметим, что наиболее перспективными направлениями, на наш взгляд, является воздействие на общественное мнение через первый и третий каналы социального познания, а именно - через индивидуальный опыт взаимодействия и через сферу массового отражения социальных характеристик работников полиции в культурно-информационном пространстве. Первое может быть реализовано при условии повышения общей эффективности и корректности деятельности сотрудников полиции, что предполагает принятие мер институционального плана. Второе может быть реализовано через создание культурной продукции, освещающей позитивный образ работника полиции, а также способствующей восприятию населением успехов правоохранительных органов и позитивных сдвигов в их деятельности и организации.

Literature:

1. *Narykov N.V.* To the problem of typification of political regimes // Theory and practice of social development. 2009. № 3–4. P. 22–36.
2. *Narykov N.V.* Value and Objectivity Approaches in Sociological Analysis of Cultural Phenomena / N.V. Narykov, E.V. Fatalnikov; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar Un. Krasnodar, 2006.
3. *Dolgorukova I.V.* Of victimization of the population of Russia: sociological assessment / I.V. Dolgorukova, A.V. Kirillov, Yu.N. Mazayev, D.K. Tanatov, T.N. Yudina // Journal of RUDN. Series : Sociology. 2018. № 2.
4. *Dubniakova A.I.* The image of a police officer in the minds of citizens // Psychopedagogic in law enforcement agencies. 2013. № 4(55).
5. For more information on the group aspect of the perception of the police, see *Rednya D.G.* Image of the Russian Police, Empirical Analysis // Journal of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2016. № 1(76)
6. This phenomenon was expressed in the concept of «home group», as an environment of mediated social knowledge, see *Schutz A.* The meaning structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology / A.J. Sost. Alkhasov; Lane With English A.Y. Alkhasova, N.Y. Mazlumyanova; Nauchn. Ed. Translation by G.S. Batygin, M. : Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.

Узюмова Наталья Владимировна
аспирантка Департамента
социологии, истории и философии,
Финансовый университет
при Правительстве РФ
nataly@uzyumova.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОЦЕНКИ ВЛИЯНИЯ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ НА СОЦИАЛЬНУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДАПТАЦИИ НОВЫХ СОТРУДНИКОВ

Аннотация. Статья посвящена проблеме оценки влияния корпоративной культуры организации на социальную эффективность адаптации новых сотрудников. Автором предложена концептуальная модель, в которой корпоративная культура определяется как метод непрямого управления, уточнены определения социальной адаптации и социальной эффективности адаптации новых сотрудников, рассмотрены стадии социальной адаптации.

Ключевые слова: адаптация новых сотрудников, корпоративная культура, социальная эффективность адаптации новых сотрудников, стадии социальной адаптации.

Успешная деятельность международных корпораций связана с такими факторами, как технологии, инновации и культура [1, с. 148], которые, соединяясь воедино, порождают феномен комплексного корпоративного управления. По мере развития технологий и узкой спецификации труда, контроль качества выполняемой работы требует всё больше производственных ресурсов, так как уровень проверяющих должен быть, как минимум сопоставим с уровнем квалификации исполнителей.

Перспективный выход из сложившейся ситуации – в развитии у всех категорий сотрудников способности и готовности к самоконтролю, который базируется не только на высоких профессиональных качествах, но и на личном достоинстве, причастности к общему делу, гордости за отличное качество выполняемых работ [2, с. 47]. Именно корпоративная культура способна создать условия для формирования и реализации таких качеств личности работника и сделать трудовую деятельность пространством личного роста, самовыражения и самореализации.

В рамках данного исследования, корпоративная культура понимается как метод непрямого управления, основанный на представлении о коммерческой организации как о социальной организации, обладающей едиными ценностями,

Natalya V. Uzyumova

Postgraduate student of the Department
of Sociology, History and Philosophy,
Financial University under the Government
of the Russian Federation
nataly@uzyumova.ru

CONCEPTUAL MODEL FOR ASSESSING THE IMPACT OF CORPORATE CULTURE ON THE SOCIAL EFFECTIVENESS OF ADAPTATION OF NEW EMPLOYEES

Annotation. The article is devoted to the problem of assessing the impact of corporate culture on the social effectiveness of adaptation of new employees. The author proposes a conceptual model in which corporate culture is defined as a method of indirect management, clarifies the definition of social adaptation and social effectiveness of adaptation of new employees, considers the stages of social adaptation.

Keywords: adaptation of new employees, corporate culture, social efficiency of adaptation of new employees, stages of social adaptation.

в рамках которой согласованы цели и ожидания компании и сотрудников.

Культура организации включает в себя:

- миссию, идеологию, деловое кредо;
- ценности и ценностные ориентации;
- социальные нормы и стандарты поведения;
- символы и артефакты.

Усвоение корпоративной культуры коммерческой организации новыми сотрудниками происходит посредством социальной адаптации – процесса взаимной встречной активности работника и организации, основанного на согласовании взаимных требований и ожиданий, в результате которого новичок становится полноценным членом трудового коллектива, способным ориентироваться в социальной среде компании и самостоятельно выполнять трудовые функции.

Успешность адаптации зависит от степени усвоения, глубины интериоризации корпоративной культуры, в результате которой, нормы, стандарты, ценности присущие новой социальной среде, из внешней доминанты, будучи приняты новым сотрудником, становятся его внутренними ориентирами, частью его личности. Основными

агентами адаптации для нового сотрудника являются носители корпоративной культуры: его новые коллеги, другие новички, непосредственный начальник, наставник, заказчики и клиенты.

Задача коммерческой организации при таком подходе заключается в создании условий для успешного встраивания новичка в систему социальных связей, информационных потоков, профессиональных и личностных ролей, всего того спектра возможностей, который поможет новому сотруднику в кратчайшие сроки стать высокопроизводительным работником.

Социальная адаптация на предприятии включает в себя стадии: предварительную, столкновения и метаморфозы.

Предварительная адаптация преследует цели отбора подходящих на должность кандидатов и их знакомства с корпоративной культурой. Данный этап начинается задолго до вступления нового сотрудника в должность, и охватывает период с момента выбора коммерческой организации до фактического выхода на работу. Н. Тичи и М. Деванна назвали данный процесс «культурным отсевом», так как организации предстоит идентифицировать и набрать людей, не только обладающих определенными знаниями, навыками и способностями, но и потенциально совместимых с культурой компании [3, с. 211].

Стадия «столкновения» знакомит новичка с работой организации и её корпоративной культурой изнутри. Сотрудник сравнивает представления, полученные о компании на стадии предварительной адаптации с тем, как функционирует организация в действительности.

Если служба персонала качественно осуществила отбор, и стремление сотрудника было подкреплено встречной активностью организации, то работник благополучно переходит на стадию «метаморфозы». Процесс социальной адаптации, в целом, завершён, новички воспринимают социальную среду как комфортную, способны самостоятельно решать стоящие перед ними задачи, получают удовлетворение от работы, чувствуют уважение со стороны коллег. Таким образом, новый работник усвоил нормы корпоративной культуры, чувствует уважительное отношение коллег и ощущает себя частью компании.

Оценить степень согласования интересов нового работника и организации можно с помощью понятия «социальная эффективность адаптации новых сотрудников», которое – есть соответствие социальных результатов деятельности руководства по обеспечению условий адаптации, с одной стороны, и позитивная оценка сотрудниками с другой [5, с.113].

Каждый успешно адаптированный новый сотрудник укрепляет корпоративную культуру коммерческой организации и способствует повыше-

нию её социальной эффективности, неудачная попытка адаптации снижает данный показатель и способна повысить текучесть персонала.

Учитывая вышесказанное, понимание особенностей прохождения различных стадий социальной адаптации способно помочь в выработке наиболее эффективной системы «встраивания» персонала, а в перспективе – способствовать закреплению работников в организации.

Для того, чтобы непосредственно оценить влияние корпоративной культуры на социальную эффективность адаптации новых сотрудников необходимо ответить на следующие вопросы:

Какова корпоративная культура данной организации?

Как она взаимосвязана с адаптацией новых сотрудников?

Какие особенности характеризуют кадровую политику организации?

Насколько сотрудники удовлетворены своей работой в целом и её отдельными сторонами?

Какие факторы оказывают наибольшее воздействие на социальную адаптацию персонала?

Рассмотрение особенностей корпоративной культуры организации требует анализа материалов из открытых источников, в том числе, корпоративных сайтов и порталов для поиска работы, изучения корпоративных документов, получение обратной связи от сотрудников, руководителей и сотрудников службы персонала.

Изучение системы адаптации персонала предполагает рассмотрение её структуры, целей и задач, степень формализации, определение ответственных сотрудников, ограничение сроков проведения, и наконец, критерии эффективности такой системы.

Оценка социальной эффективности адаптации новых сотрудников пересекается с уровнем адаптированности, но предполагает также положительную оценку сотрудниками самой системы адаптации и деятельности руководства по обеспечению её условий.

С целью выявления факторов, оказывающих основное влияние на эффективность социальной адаптации нового персонала, необходимо рассмотреть мотивы выбора места работы и причины, по которым новички пришли именно в эту коммерческую организацию.

Таким образом, для того, чтобы корпоративная культура эффективно выполняла управленческие задачи, в том числе, способствовала повышению социальной эффективности адаптации новых сотрудников, необходимо систематическое изучение организационной культуры, и возможно, проведение корректировки.

Литература:

1. *Беляева К.В.* Корпоративная социально-технологическая культура промышленного предприятия // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2013. № 16 (159). С. 148–158
2. *Заславская Т.И.* Избранное. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. М. : ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. Том 2. 591 с.
3. *Кричевский Р.Л.* Если Вы – руководитель. Элементы психологии менеджмента в повседневной работе. М. : Дело, 1993. 352 с.
4. *Персикова Т.Н.* Корпоративная культура : учебник. М. : Логос, 2015. 288 с.
5. *Тюриков А.Г.* Оценка социальной эффективности управления регионом по критерию качества жизни населения / А.Г. Тюриков, А.С. Якунин // Армия и общество. 2011. №1(25). С. 111–117.

Literature:

1. *Belyaeva K.V.* Corporate social and technological culture of industrial enterprise // Scientific Vedomosti Belgu. Series: Philosophy. Sociology. Right. 2013. № 16(159). P. 148–158.
2. *Zaslavskaya T.I.* Selected. The transformation process in Russia: in search of a new methodology. M. : ZAO «Publishing house Economics». 2007. 591 p.
3. *Krichevsky R.L.* If You are a leader. Elements of management psychology in everyday work. M. : Delo, 1993. Vol. 2. 52 p.
4. *Persikova T.N.* Korporativnaya kul'tura. M. : Logos; 2015. 288 p.
5. *Tyurikov A.G.* Ocenka social'noj ehffektivnosti upravleniya regionom po kriteriyu kachestva zhizni naseleniya. Armiya i obshchestvo. 2011. № 1(25). P. 111–117.

Усова Любовь Викторовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Кубанский государственный университет
lyubov_soc@mail.ru

Lyubov V. Usova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Kuban State University
lyubov_soc@mail.ru

Заболотских Татьяна Борисовна

кандидат медицинских наук,
доцент кафедры госпитальной терапии,
Кубанский государственный
медицинский университет МЗ РФ,
врач высшей квалификационной
категории по специальности «Терапия»
zabtb70@mail.ru

Tatyana B. Zabolotskikh

Candidate of Medical Sciences,
Associate Professor of Department
of Hospital Therapy,
Kuban State Medical University,
Doctor of the Highest qualification
category on specialty «Therapy»
zabtb70@mail.ru

Скрипченко Ольга Викторовна

врач-терапевт
терапевтического отделения № 1,
ГБУЗ «Клиническая больница
скорой медицинской помощи»,
врач высшей квалификационной
категории по специальности «Терапия»
skrip-med@yandex.ru

Olga V. Skripchenko

therapist
Therapeutic department № 1,
GBUZ «Clinical hospital
emergency medical service»,
doctor of the highest qualification
Categories in the specialty «Therapy»
skrip-med@yandex.ru

**ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ДОКТРИНЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
СТРАНЫ**

**HEALTH-CARE IN THE DOCTRINE
OF NATIONAL SECURITY**

■ ■ ■
Аннотация. В данной статье анализируется специфика реализации стратегии национальной безопасности в сфере здравоохранения. Концентрация внимания национальной безопасности на здравоохранении связана, в значительной степени, с массовым распространением заболеваемости населения, повышением показателей инвалидности. Необходимость воздействия национальной безопасности, также, может быть связано с реализацией гарантий оказания медицинской помощи населению, несовершенством действующей системы медицинского страхования, недостаточным финансированием системы высокотехнологичной медицинской помощи и низким уровнем квалификации медицинских работников. Кроме того, необходимо повышать качество жизни, доступность и качество медицинской помощи, информированности граждан в сфере здравоохранения.

■ ■ ■
Annotation. The article provides the implementation of the national security strategy in the health-care sector. The focus of national security on health-care is connected with the mass spread of incidence in the population as well as the increase in disability rates. The necessity to ensure national security can also be associated with the implementation of guarantees of medical care to the population, the imperfection of the current health insurance system, insufficient financing of high-tech medical care system and low level of medical workers qualification.

■ ■ ■
Ключевые слова: национальная безопасность, здравоохранение, национальное здоровье, оценка здоровья, медико-демографические показатели, рождаемость, смертность, естественный прирост, депопуляция, продолжительность жизни.

■ ■ ■
Keywords: National security, health-care, national health, health assessment, medical and demographic indicators, fertility, mortality, natural growth, depopulation, life expectancy.

■ ■ ■
Национальными интересами и приоритетами государства на долгосрочную перспективу является повышение качества жизни,

■ ■ ■
укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития страны. Для реализации национальных приоритетов

тридцать первого декабря 2015 г. был подписан документ «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации». В условиях реформирования страны основополагающее значение приобретает здоровье населения, напрямую зависящее от состояния здравоохранения в целом, и выражается в активности, работоспособности, безопасности, доступности, включая качество лекарственного обеспечения и лечения, информированности.

Здравоохранение является одним из основных направлений национальной безопасности в нашей стране, без которого невозможно решать проблемы социально-экономического развития страны, сохранять ее обороноспособность и интеллектуальный потенциал.

Национальную безопасность в Российской Федерации в своих трудах рассматривали Н.В. Колотова, Т.В. Закупень, Н.Н. Пономарева и др. [1; 2]. Так, в доктрине национальной безопасности значимое внимание отводится здравоохранению и привлекает внимание многих исследователей, например, Борисова Д.А., Нижегородцева Т.В., Мисюлина С.С., Пановой Т.В., Пепелевой А.А. [3; 4] и других авторов.

Президент России регулярно обращается к вопросам здравоохранения. Так, в 2016 году в послании Федеральному Собранию он сосредоточивал свое внимание на человеческом капитале как главном богатстве России. В долгосрочном прогнозе социально-экономического развития РФ прослеживаются варианты развития проблем в сфере здоровья и организации здравоохранения. Так, в консервативном сценарии развития РФ расходы на здравоохранение к 2020 году будут составлять до 5,6 % ВВП.

Цель государственной политики в сфере «Здравоохранения» – это увеличение численности населения и продолжительности жизни, снижение смертности населения и уровня инвалидности, повышение доступности и качества медицинской помощи, соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья.

Здоровье населения – стратегический потенциал национальной безопасности, стабильности государства. При этом социологическое исследование показало, что большинство опрошенных (40%) оценивают состояние своего здоровья, как «хорошее». Далее, ответы респондентов распределились поровну, так что около 30% считают себя «очень здоровыми», оставшиеся 30% оценивают, как «удовлетворительное». Удивительно, что никто из опрошенных не ответил, что у него плохое здоровье или же очень плохое. Ответы респондентов демонстрируют положительное оценивание своего здоровья.

При обсуждении состояния здоровья россиян всех впечатляют широко распространенные данные о продолжительности жизни. Министр здравоохранения РФ Вероника Скворцова докладывает о достижении такого показателя как 72,7 года. Однако, несмотря на положительную динамику представленных показателей, в Российской Федерации он ниже, чем в зарубежных странах. Например, в Японии средняя продолжительность жизни достигает 83,6 года. На начало 2019 г. продолжительность жизни по данным Министерства здравоохранения РФ 73 года и в ближайшее десятилетие наша страна должна войти в клуб стран 80+. Это можно достичь, благодаря трансформации идеологии организации медицинской помощи.

Для достижения поставленных задач необходимо изменить медицинскую идеологию, изменить кардинально показатели продолжительности жизни в различных социально-демографических группах.

Достичь такого показателя сложно. Министерство здравоохранения РФ публикует следующие показатели смертности населения в трудоспособном возрасте. За 2017 года по сравнению с 2016 года смертность населения снизилась на 8,5 % (с 517,6 до 473,4 на 100 тыс. человек).

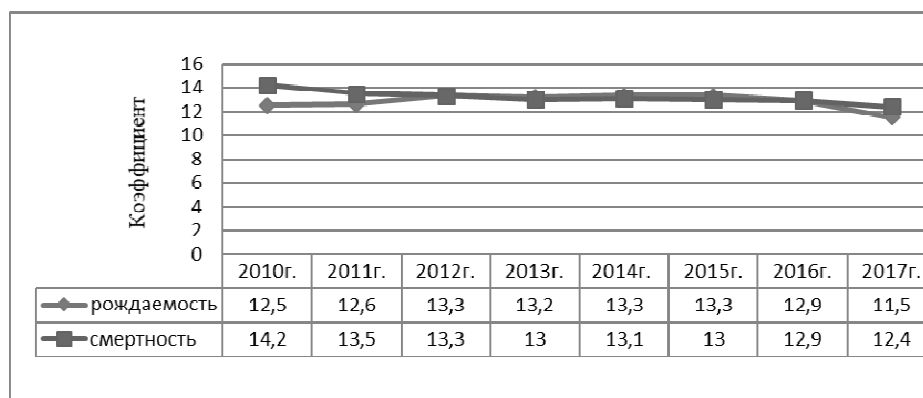

Рисунок 1 – Общие коэффициенты рождаемости и смертности (число умерших на 1000 человек населения)

Так, в 2018 г. умерших по данным органов государственной статистики в Российской Федерации зафиксировано около 12,5 на тысячу человек, а родившихся – 10,9 на тысячу человек

населения. Показатели смертности в стране превышает значения показателей рождаемости. Только за этот период естественный прирост населения составила – 1,6 на тысячу человек.

Динамика заболеваемости населения в Российской Федерации неуклонно растет.

Так, заболеваемость населения по основным классам болезней, зарегистрированных у пациентов с диагнозом впервые в жизни, увеличилась за период с 2010 г. по 2017 г. на 2 954 тыс. чел. Например, по официальным данным Федеральной службы государственной статистики, число пациентов, которым был поставлен диагноз впервые, в 2017 г. составило 114382 тыс. человек (в 2010 г. – 111428 тыс. человек). Если говорить о социально значимых заболеваниях, то взор необходимо обратить на болезни сердечно-сосудистой системы, органов дыхания, злокачественные новообразования, эндокринной системы.

Серьезным индикатором заболеваемости являются показатели новообразований. Сравнивая эти показатели, прослеживается динамика в сторону повышения. Если в Российской Федерации за 2010 г. цифра была на уровне 516,9 тыс. человек, то уже в 2016 г. – 599,39 тыс. человек. При существующем положении в стране, заболеваемость злокачественными новообразованиями у женщин выше чем у мужчин. Только отметим цифры за 2016 г. Так, заболеваемость среди мужчин составила 273,6 тыс. чел., а женщин – 325,86 тыс. чел. В структуре заболеваемости женщин в 2016 г. преобладают заболевания молочной железы, шейки и тела матки, желудка.

Социологическое исследование, проведенное ВЦИОМ в начале 2019 года, показало, что 75 % респондентов имели опыт с онкологическим заболеванием, были знакомые или родственники. Чуть больше половины опрошенных отметили, что не имеют возможности получить квалифицированную медицинскую помощь, о высокой стоимости лечения отметило 61 % респондентов. Данные свидетельствуют, что население все чаще сталкивается с проблемой онкологии.

Статистическая информация по структуре заболеваний важна при определении основных приоритетных направлений в здравоохранении, позволяет рационально перераспределять денежные ресурсы, решать вопросы подготовки и переподготовки медицинских работников, оснащать медицинские учреждения как первичного звена, так и стационара.

В частности, увеличение хронических заболеваний может быть связано с низким уровнем профилактической медицины. Для совершенствования профилактических мер со стороны государства в 2012 г. был подписан приказ Минздрава России «Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения». Диспансеризация определяет программу здоровьесбережения населения, является специфической мерой в снижении преждевременной смертности населения и выявлении основных характеристик состояния здоровья, ведения строгого учета. Так, по итогам прошедших пяти лет, доля взрослого населения, прошедшего диспансеризацию, ежегодно увеличивается.

Результаты социологического исследования, проведенного ВЦИОМ в сентябре 2019 г. (было опрошено 1600 респондентов), показал, что каждый пятый респондент готов пройти диспансеризацию в медицинском учреждении.

Помимо общей заболеваемости населения в стране особую тревогу вызывают показатели инвалидности. По данным федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр инвалидов», на первое января 2018 г. общая численность инвалидов составила 12111 тыс. человек.

Общее количество инвалидов свидетельствует об общем ухудшении здоровья населения. Не только физическое здоровье является залогом качественной жизнедеятельности, но и психическое здоровье человека. Численность пациентов с психическими расстройствами и расстройствами поведения, состоящих на учете в лечебно-профилактических организациях на 2016 г., составляет 1020,9 человек на 100 тыс. населения. Из-за увеличения психических заболеваний происходит изменение в организации психиатрической службы.

Заболеваемость населения зависит от образа жизни населения, наследственности, экологии и многих других факторов. Наиболее значимо наблюдаться или проходить курс лечения по профилю патологии. В условиях модернизации системы здравоохранения происходит реструктуризация лечебно-медицинских организаций, сокращение и рационализация использования коечного фонда, происходит стационарозамещающие на дневные стационары всех типов, центры амбулаторной хирургии и другое.

По сравнению с 2010 г., происходит повсеместное уменьшение количества больничных организаций. Если в 2017 г. их количество составляло 5357 больниц, что на 951 меньше чем в 2010 г. Укомплектованность врачебных должностей в подразделениях, оказывающих медицинскую помощь в амбулаторных условиях, составляет 80%, что говорит о нехватке врачебных кадров.

Очевидно, что неуккомплектованность медицинскими кадрами оказывает влияние на качество предоставления медицинских услуг. Согласно результатам опроса аналитического центра «Левада-Центр», 39 % респондентов ответило «скорее нет» на вопрос: «Можете ли вы, другие члены вашей семьи при необходимости получить хорошее медицинское обслуживание?», 26 % – «определенно нет», лишь 25 % – «скорее да» и только 7 % опрошенных «определенно да».

Интересным в контексте укомплектованности персоналом выступают результаты исследования. 20 % респондентов, отметили, что прийти к нужному узкому специалисту всегда легко. Однако вдвое больше людей (40 %) ответило, что попасть на прием к специалисту в определенной узкой сфере – дело случая. Столько же респондентов (40 %) всегда испытывают трудности при посещении необходимых им специалистов. Дан-

ные результаты можно объяснить нехваткой кадров.

Анализ полученных данных показывает, что наиболее остро, по мнению респондентов, в учреждениях здравоохранения стоит проблема отсутствия нужных специалистов. Также, слишком длинные очереди на прием являются злободневной проблемой. В поисках решения своих проблем население обращается в частные клиники или даже едут в другие города ради более качественного обслуживания.

Необходимо обратить внимание на то, что для закрепления врачей на селе значительное внимание уделяется программе «Земский доктор». В рамках данной программы, выразившие желание трудиться в сельской местности не менее пяти лет, могут получить миллион рублей. Государственная программа, действующая с 2012 г., до сих пор не решила проблему кадрового дефицита.

Принципиальный пересмотр государственной политики в системе здравоохранения произошел в 2019 г. с принятием национального проекта «Здравоохранение». Проект направлен на снижение младенческой смертности, смертности населения трудоспособного возраста, смертности населения от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, больничной летальности, укомплектованности врачами и медсестрами,

Литература:

1. Колотова Н.В. Социальная безопасность как элемент национальной стратегии // Труды Института государства и права РАН. 2013. № 1. С. 60–82.
2. Пономарев Н.Н. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года как важнейшее направление обеспечения национальной безопасности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31). С. 26–30.
3. Борисов Д.А. Выявление угроз и обеспечение национальной безопасности РФ в сфере здравоохранения / Д.А. Борисов, Т.В. Нижегородцев, С.С. Мисюлин // Главный врач: Хозяйство и право. 2011. № 6. С. 17–20.
4. Панова Т.В. Здравоохранение в системе национальной безопасности Российской Федерации // Страховое дело. 2017. № 5(290). С. 42–46.

внедрение «бережливых технологий» и профилактических медосмотров.

Структура приоритетного национального проекта «Здравоохранение» предполагает:

- снижение показателей смертности населения, младенческой смертности;
- устранение кадрового дефицита в медицинских организациях;
- всеобщность профилактических осмотров;
- борьбу с сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями;
- развитие детского здравоохранения;
- доступности для населения медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь и пр.

Таким образом, можно отметить, что здравоохранение занимает центральное место в доктрине национальной безопасности РФ. Данная проблема требует большего внимания со стороны государства. Можно предположить, что увеличение ресурсного обеспечения благотворно повлияет на развитие всей системы здравоохранения. Российское здравоохранение должно выйти на новый качественный уровень, устранить предрассудки у граждан, стать основой для социально-экономического развития.

Literature:

1. Kolotova N.V. Social'naya bezopasnost' kak element nacional'noj strategii // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2013. № 1. P. 60–82.
2. Ponomarev N.N. Strategiya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda kak vazhnejshee napravlenie obespecheniya nacional'noj bezopasnosti // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 1(31). P. 26–30.
3. Borisov D.A. Vyyavlenie ugroz i obespechenie nacional'noj bezopasnosti RF v sfere zdravoohraneniya / D.A. Borisov, T.V. Nizhegorodcev, S.S. Misyulin // Glavnyj vrach: Hozyajstvo i pravo. 2011. № 6. P. 17–20.
4. Panova T.V. Zdravoohranenie v sisteme nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Strahovoe delo. 2017. № 5(290). P. 42–46.

Хазуев Изнаур Алхазурович
аспирант,
Северо-Кавказский
федеральный университет
iznaur.khazuev@gmail.com

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Аннотация. Социальное предпринимательство относится, частично, к третьему сектору и, частично - к коммерческому сектору. Опираясь на международные исследования, можно отметить, что социальный бизнес во многом имеет характерные черты организации третьего сектора, так как в нем или в его деятельности большой упор делается на социальную миссию и социальное воздействие. Важно также заметить, что понятие социальной инновации всегда является неотъемлемой частью социального предпринимательства. К этому понятию зачастую обращаются исследователи социального предпринимательства. Кроме этого, в основе предмета лежат теоретические обоснования, сформированные в конце 20 века и в начале 21 века. Рассмотрению одной из таких теорий и посвящена статья.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, институционализация, нормы и правила социального института, государственный сектор, некоммерческий сектор, благотворительность, коммерческий сектор, социальные инновации, теоретические основы.

В данной статье предлагается рассмотреть теоретическую рамку, которая на макроуровне позволяют сформировать понимание базы, на которой может быть основана деятельность третьего сектора в связке с социальными инновациями, а, следовательно, и социальным предпринимательством. Мы ознакомимся с популярной в научном сообществе Теорией социального происхождения, авторами которой являются Хельмут Анхаер и Лестер Саламон.

Для того, чтобы получить первое представление о влиянии социального и экономического контекстов на вовлеченность третьего сектора в отношении социальной инновации, рассмотрим «Теорию социального происхождения», которая описывает непосредственную связь этих явлений. Для определения различий в сервисных функциях и представительских функциях некоммерческих организаций на международном уровне Л. Саламон и Х. Анхаер рассмотрели стандартные теории третьего сектора. Авторы

Iznaur A. Khazuev
Postgraduate student,
Caucasus Federal University
iznaur.khazuev@gmail.com

SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE CONTEXT OF THE SOCIAL ORIGINS THEORY

Annotation. Social entrepreneurship is partly in the third sector and partly in the commercial sector. Based on international studies, it can be noted that social business in many respects has the characteristic features of the organization of the third sector, since much attention is paid to social mission and social impact in it or in its activities.

It is also important to note that the concept of social innovation is always an integral part of social entrepreneurship. Social entrepreneurship researchers often turn to this concept. In addition, the subject of the subject is a theoretical justification, formed at the end of the 20th century and the beginning of the 21st century. The article is devoted to one of these theories.

Keywords: social entrepreneurship, institutionalization, norms and rules of a social institution, public sector, non-profit sector, charity, commercial sector, social innovation, theoretical rationales.

теории обнаружили, что ни одна из ранее существовавших теорий не объясняет различия в некоммерческих секторах разных стран. Причина отсутствия такого рода знания заключалась в том, что экономические подходы к вопросу были минимальными или очень упрощенными, а основной фокус в литературе по социальному обеспечению сосредоточивался на государстве (первый сектор) как гаранте социальной поддержки граждан.

С целью улучшения знания о роли третьего сектора в разных государствах, Х. Анхаер и Л. Саламон разработали «Теорию социального происхождения». Таким образом, авторы продолжают дискуссию Эспинга-Андерсена о том, что такие сложные социальные явления, как социальное государство, развиваются в историческом процессе, который сильно зависит от соотношений сил. В соотношениях сил роль играет не только государство (как один из секторов), но и общественные силы в лице некоммерческих

организаций. Поэтому Х. Анхаер и Л. Саламон модифицируют теорию режимов социальных государств путем включения некоммерческого сектора и увязывания размера третьего сектора с расходами государства на социальное обеспечение. В результате они выделяют четыре вида «режимов» некоммерческого сектора: либеральный, социал-демократический, корпоративистский и этатистский [1].

Либеральный режим характеризуется малой долей государственного вклада в социальную сферу и относительно большим третьим сектором. Некоммерческие организации берут на себя большую долю социальной поддержки, а из-за ограниченного государственного финансирования в основном зависят от других типов фандрайзинга (пожертвования, членские взносы).

Социал-демократический режим характеризуется большими расходами государства на социальную сферу и относительно умеренным третьим сектором. Социальная поддержка предоставляется в основном государством. Однако, существует большое количество ассоциаций, которые имеют более экспрессивную функцию (например, спортивные и культурные сообщества).

Корпоративистский режим характеризуется как развитой системой государственной социальной поддержкой, так и большим третьим сектором. Третий сектор рассматривается как «носитель социальной пользы», другими словами, им оказываются социальные услуги (например, уход за пожилыми людьми), однако, в основном, он финансируется государством.

Этатистский режим некоммерческого сектора делится на средиземноморский и посткоммунистический. В обоих подвидах расходы государства на социальную сферу ограничены; однако,

это не компенсируется развитым третьим сектором. Преимущественно, в религиозных аграрных обществах (территория бывшего Древнего Рима) доминируют семейные структуры поддержки и не развиты ассоциативные формы благотворительности [2].

Вышеизложенное позволяет предположить, что мы можем отображать основные эмпирические показатели (размер и объем, доходы, количество добровольцев) третьего сектора в разных странах. Более того, можно установить взаимосвязь между размером сектора (показатели: количество организаций третьего сектора, их относительная доля в расходах государства на социальное обеспечение, относительный вклад сектора в ВВП или доля занятых рабочих в третьем секторе от общего количества занятых по стране) и государственными социальными расходами. На таблице 1 продемонстрируем то, как можно классифицировать третий сектор в любой стране согласно «Теории социального происхождения».

Ученые исследовали третий сектор через призму данной теории в разных странах Европы. Ими проводился глубокий анализ вышеперечисленных показателей некоммерческого сектора (размер и объем, доходы, количество добровольцев). В ходе исследований были сделаны выводы, что организации третьего сектора лучше предрасположены к социальным инновациям, чем бизнес или государство. Социальные инновации являются ключевым инструментом воздействия третьего сектора на социально-экономическое развитие страны. Также, ученые пришли к тому, что чем больше масштаб третьего сектора и чем выше уровень гражданской вовлеченности, тем выше вероятность развития социальных инноваций. Эти выводы продемонстрированы в таблице 2.

Таблица 1

Расходы государства – Размер третьего сектора

	Низкие социальные расходы государства	Высокие социальные расходы государства
Маленький масштаб третьего сектора	Этатистский	Социал-демократический
Большой масштаб третьего сектора	Либеральный	Корпоративистский

Таблица 2

Связь гражданская вовлеченность – уровень социальных инноваций

	Низкая гражданская вовлеченность	Высокая гражданская вовлеченность
Маленький масштаб третьего сектора	Низкий уровень социальных инноваций	Средний уровень социальных инноваций
Большой масштаб третьего сектора	Средний уровень социальных инноваций	Высокий уровень социальных инноваций

Опираясь на теорию социального происхождения, можно охарактеризовать Россию, как страну с небольшим некоммерческим сектором и со все еще зарождающимся уровнем гражданской вовлеченности. Тем не менее, отмечается, что

начался рост уровня гражданской сознательности и вовлеченности. Можно наблюдать растущий интерес к социальному предпринимательству, по крайней мере, на местном и региональном уровнях.

Литература:

1. *Salamon L.M. & Anheier H.K.* VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1998. № 9. 213 с.
2. *Anheier H.K.* Theory and empirical capturing of the third sector at the macro level. Deliverable 2.1 of the project: «Impact of the Third sector as Social Innovation» (ITSSOIN), European Commission – 7th Framework Programme, Brussels: European Commission, DG Research / H.K. Anheier, G. Krlev, S. Preuss, G. Mildenberger, T. Einarsson. 2014. P. 9–12.
3. *Тарасенко А.* Некоммерческий сектор в странах Европейского Союза и России в контексте трансформации государства благосостояния. СПб. : Норма, 2015. 224 с.

Literature:

1. *Salamon L.M. & Anheier H.K.* VOLUNTAS: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. 1998. № 9. 213 p.
2. *Anheier H.K.* Theory and empirical capturing of the third sector at the macro level. Deliverable 2.1 of the project: «Impact of the Third sector as Social Innovation» (ITSSOIN), European Commission – 7th Framework Programme, Brussels: European Commission, DG Research / H.K. Anheier, G. Krlev, S. Preuss, G. Mildenberger, T. Einarsson. 2014. P. 9–12.
3. *Tarassenko A.* Non-profit sector in the countries of the European Union and Russia in the context of the transformation of the welfare state. SPb. : Norma, 2015. P. 224.

Шагина Инна Рудольфовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры физики, математики
и медицинской информатики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
inna_shagina@mail.ru

Кубекова Алия Салаватовна

старший преподаватель
кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России
alya_kubekova@mail.ru

Смахтина Татьяна Александровна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный
медицинский университет
Минздрава России, t.sm.2019@bk.ru

**ДИАГНОСТИКА
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
КЛИМАТА У ПЕРВОКУРСНИКОВ
МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА**

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования социально-психологического климата у студентов первого курса в медицинском университете. По результатам анкетирования было отмечено, что характер социально-образовательного климата у студентов первого курса медицинского университета зависит, в первую очередь, от социально-бытовых условий и объема учебной нагрузки. Необходимо отметить, что ведущим фактором низкого психологического комфорта для всех факультетов является «множество раздражителей». В целом, в вузе установлен средний уровень благоприятности социально-психологического климата у первокурсников медицинского вуза.

Ключевые слова: медицинский вуз; социально-психологический климат; социально-бытовые условия; эмоциональный подъём; объем учебной нагрузки; социальное окружение; студенты медицинского вуза.

Введение. «Диагностика» (греч.) – «познание, определение». Под диагностикой по-

Inna R. Shagina

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
Departments of Physics, Mathematics
and Medical Informatics,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inna_shagina@mail.ru

Aliya S. Kubekova

Senior Lecturer,
Department of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
alya_kubekova@mail.ru

Tatyana A. Smakhtina

Candidate of Psychological Sciences,
Associate Professor
of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
t.sm.2019@bk.ru

**DIAGNOSTICS
OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL CLIMATE
AT FIRST-YEARS
OF MEDICAL UNIVERSITY**

Annotation. The article presents the results of a sociological study of the diagnosis of the socio-psychological climate in first-year students at a medical university. Based on the results of the survey, it was noted that the nature of the socio-educational climate in first-year students of a medical university depends, first of all, on social conditions and the volume of the academic load. It should be noted that the leading factor in low psychological comfort for all faculties is «a lot of irritants». In general, the university has established an average level of favorable socio-psychological climate among freshmen in a medical university.

Keywords: medical university; socio-psychological climate; social conditions; emotional upsurge; volume of study load; social environment; medical students.

нимается механизм, позволяющий выявить индивидуальные особенности и перспективы [1].

Цель диагностики – получение оперативной информации о реальном состоянии и тенденциях изменения для процесса. В задачи диагностики входит: создание комплекса диагностических методик, отвечающих целевым установкам и программам; анализ процессов и результатов (объем и глубину); анализ процессов и достигнутых результатов; определение перспектив развития процесса [3]. Прогностическая диагностика (проводится при наборе или на начальном этапе формирования коллектива) – это изучение отношения индивида к выбранной деятельности, его достижения в этой области, личностные качества [5]. В кратком психологическом словаре понятие «социально-психологический климат» приводится так: «климат социально-психологический (от греч. klima (klimatos) – наклон) – качественная сторона межличностных отношений, проявляющаяся в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих продуктивной совместной деятельности и всестороннему развитию личности в группе [2]. Климат студенческой группы находится под воздействием ряда технических, санитарно-гигиенических факторов: оснащение аудиторий, обеспеченность учебной и научной литературой, разработанность программ обучения и т.д. [6]. Первый курс является первым этапом формирования студенческого коллектива [7]. Исследование социально-психологического климата в студенческих группах является актуальной проблемой в настоящее время, в результате этого было проведено данное исследование.

Цель исследования заключалась в диагностике социально-психологического климата у первокурсников медицинского вуза.

Материалы и методы. Исследование было проведено в марте 2019 г. в Астраханском государственном медицинском университете. В исследовании приняли участие студенты первого курса лечебного, педиатрического, стоматологического, фармацевтического, медико-профилактического факультетов. Выборка составила 690 человек в возрасте 17–19 лет. Для сбора данных

был использован метод анкетирования, который является одним из самых распространенных видов опросов в социологических исследованиях. Данный метод является главным источником информации существующих в реальности социальных фактах и социальной действительности. Результаты социологического исследования были подвергнуты качественному и количественному анализу. Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Результаты и обсуждение.

Согласно результатам социологического исследования, проведенного в Астраханском государственном медицинском университете (табл. 1), главным фактором социально-образовательного климата у студентов первого курса стоматологического факультета определяются: социально-бытовые условия (89,1 %), объем учебной нагрузки (81,1 %) и престиж будущей профессии (78,8 %). У первокурсников лечебного, медико-профилактического и педиатрического факультетов были зарегистрированы аналогичные факторы. Следует отметить, что факторами, составляющими социально-образовательный климат у первокурсников фармацевтического факультета, были диагностированы: новая образовательная среда (68,0 %), престиж будущей профессии (75,2 %) и социально-бытовые условия (81,0 %).

Стоит подчеркнуть, что характер социально-образовательного климата у студентов первого курса медицинского университета зависит, в первую очередь, от социально-бытовых условий и объема учебной нагрузки, кардинально изменившие привычные образ жизни, распорядок дня и специфику образовательной системы университета.

Результаты анкетирования первокурсников факторов психологического климата показали (табл. 2), что для студентов первого курса стоматологического факультета показателями психологического климата являются множество раздражителей (89,1 %), «мозговой штурм» (81,2 %) и эмоциональный подъем (78,8 %).

Таблица 1

Показатели социально-образовательного климата у первокурсников медицинского университета

	Факторы социально-образовательного климата	Медико-биологические факультеты				
		Стоматологический	Лечебный	Педиатрический	Медико-профилактический	Фармацевтический
1	Выбор учебного заведения	72,3 %	74,0 %	88,7 %	71,6 %	69,1 %
2	Престиж будущей профессии	78,8 %	82,4 %	91,0 %	77,3 %	75,2 %
3	Социальное окружение	62,0 %	71,5 %	79,6 %	61,2 %	55,6 %
4	Новая образовательная среда	73,6 %	78,5 %	72,0 %	71,0 %	68,0 %
5	Социально-бытовые условия	89,1 %	91,6 %	94,0 %	98,7 %	81,0 %
6	Новейшая система обучения	61,0 %	66,4 %	51,0 %	61,0 %	45,0 %
7	Объем учебной нагрузки	81,1 %	92,3 %	78,5 %	82,4 %	71,5 %
8	Самостоятельная работа	51,2 %	51,3 %	61,2 %	41,1 %	40,0 %
9	Поддержка деканата	61,5 %	71,5 %	81,8 %	61,2 %	51,4 %
10	Режим работы университета	71,9 %	81,5 %	61,5 %	51,2 %	51,0 %

**Показатели диагностирования психологического климата
у первокурсников медицинского вуза**

№	Факторы психологического климата	Медико-биологические факультеты				
		Стоматологический	Лечебный	Педиатрический	Медико-профилактический	Фармацевтический
1	Новые впечатления	72,3 %	74,0 %	88,7 %	71,6 %	69,1 %
2	Эмоциональный подъем	78,8 %	82,4 %	91,0 %	77,3 %	75,2 %
3	Ощущение комфорта	52,0 %	51,5 %	59,6 %	51,2 %	55,6 %
4	Интерес к обучению	53,6 %	68,5 %	62,0 %	61,0 %	58,0 %
5	Множество раздражителей	89,1 %	91,6 %	94,0 %	98,7 %	81,0 %
6	Неуверенность в себе	61,0 %	56,4 %	51,0 %	41,0 %	45,0 %
7	Сниженная внимательность	71,1 %	62,3 %	58,5 %	62,4 %	51,5 %
8	«Мозговой штурм»	81,2 %	71,3 %	71,2 %	81,1 %	80,0 %
9	Состояние усталости	61,5 %	71,5 %	81,8 %	61,2 %	71,4 %
10	Разочарование в образовании	71,9 %	81,5 %	61,5 %	71,2 %	61,0 %

Для студентов первого курса перечисленных факультетов на последнем месте был определен показатель «ощущение комфорта» (52,0 %). Первокурсники лечебного факультета испытывают разочарование в образовании (81,5 %) и ощущают множество раздражителей (91,6 %). Необходимо отметить, что ведущим фактором низкого психологического комфорта для всех факультетов является «множество раздражителей».

В целом, результаты анкетирования показали средние значения благоприятности социально-психологического климата у первокурсников, но студенты отмечают высокую учебную нагрузку.

Литература:

1. Авдеенко А.С. Психологическая адаптация студентов вуза // Совет молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2016 Т. 4. № 2 (13). С. 4–8.
2. Егорова Л.С. Управление социально-психологическим климатом на предприятиях / Л.С. Егорова, Н.Ю. Челнокова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. 2008. № 2. С. 162–168.
3. Кричевский Р.Л. Психология малой группы: Теоретический и прикладной аспекты / Р.Л. Кричевский, Е.М. Дубовская. М. : МГУ, 2011.
4. Максимова О.Г. Выбор будущей специальности студентами-медиками в зависимости от типа личности / О.Г. Максимова, О.В. Пешиков // В мире научных открытий. 2010. № 4–17. С. 148–149.
5. Пономарев П.А. Социально-психологическая адаптация студентов-первокурсников / П.А. Пономарев, Д.Е. Штильников, А.П. Пономарева // Психологические науки: теория и практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, июнь 2017 г.). М. : Буки-Веди, 2017. С. 38–42. URL : <https://moluch.ru/conf/psy/archive/238/12364/> (дата обращения 08.12.2019).

Заключение. На основании проведенного исследования диагностики социально-психологического климата у первокурсников медицинского университета, сделан вывод о том, что студенты первого курса пяти ведущих факультетов в целом удовлетворены социально-психологическим климатом в учебных группах, но также имеются факты, кто выражает открытое недовольство отношениями в группе. На основании обобщения результатов диагностики появляется необходимость в разработке и реализации программы формирования благоприятного социально-психологического климата первокурсников в вузе, т.к. неблагоприятный климат влияет на личностное развитие каждого студента, его адаптацию и выстраивание пирамиды роста профессионализма.

Literature:

1. Avdeenko A.S. Psychological adaptation of university students // Council of young scientists and specialists of the Chelyabinsk region. 2016 Т. 4. № 2(13). P. 4–8.
2. Egorova L.S. Management of the socio-psychological climate in enterprises / L.S. Egorova, N.Yu. Chelnokova // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky: Series Social Sciences. 2008. № 2. P. 162–168.
3. Krichevsky R.L. Small Group Psychology: Theoretical and Applied Aspects / R.L. Krikii, E.M. Dooovskaya. M. : Moscow State University, 2011.
4. Maksimova O.G. The choice of future specialty by medical students depending on the type of person / O.G. Maksimova, O.V. Peshikov // In the world of scientific discoveries. 2010. № 4–17. P. 148–149.
5. Ponomarev P.A. Socio-psychological adaptation of first-year students / P.A. Ponomarev, D.E. Shtilnikov, A.P. Ponomareva // Psychological sciences: theory and practice: materials of the V Intern. scientific conf. (Moscow, June 2017). M. : Buki-Vedi, 2017. P. 38–42. URL : <https://moluch.ru/conf/psy/archive/238/12364/> (accessed 12/08/2019).

6. *Соболева Е.В.* Анализ личностного ресурса студентов-первокурсников психологических специальностей // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL : <http://www.science-education.ru/118-14405>.

7. *Соболева Е.В.* Субъективные факторы психической адаптации студентов в новой лично-стно значимой социальной ситуации // Психология обучения. 2014. № 06. С. 74–80.

8. *Шаманова А.Ю.* Концепция формирования врача-специалиста / А.Ю. Шаманова, О.В. Пешиков // В мире научных открытий. 2010. № 4–18. С. 167–168.

6. *Soboleva E.V.* Analysis of the personal resource of first-year students of psychological specialties / E.V. Soboleva // Modern problems of science and education. 2014. № 4. URL : <http://www.science-education.ru/118-14405>

7. *Soboleva E.V.* Subjective factors of students' mental adaptation in a new, personally significant social situation // Psychology of Education. 2014. № 06. P. 74–80.

8. *Shamanova A.Yu.* The concept of the formation of a specialist / A.Yu. Shamanova, O.V. Peshikov // In the world of scientific discoveries. 2010. № 4–18. P. 167–168.

Ямщикова Сергей Викторович

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры социологии
и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
iiysv@yandex.ru

Дмитренко Михаил Сергеевич

магистрант кафедры
социологии и гуманитарных наук,
Государственный университет «Дубна»
dms32rus@yandex.ru

ИСКУССТВО ФОТОГРАФИИ В ПОЛЕ ВИЗУАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Аннотация. Рассматривается методологическая и методическая проблема использования фотографии как источника познания социальной реальности в поле визуальной социологии. Представлены сложившиеся в социологии подходы к решению этой проблемы и авторская интерпретация её.

Ключевые слова: визуальное, визуальная социология, фотография, социальная реальность.

Социологическая наука, развиваясь и совершенствуясь в познании социальной реальности, вводит в научный оборот новые информационные источники, что приводит к её дальнейшей внутренней дифференциации: к появлению новых отраслей социологии со специфическими объектно-предметными областями. В связи с началом использования в социологии разнообразных зрительно познаваемых артефактов в качестве эмпирических объектов исследования возникает визуальная социология. Её становление приходится на конец XIX – начало XX веков. Именно тогда американские социологи обратили пристальное внимание на фотографию как источник изучения социальной реальности.

С 1896 по 1916 гг. в «Американском социологическом журнале» (*American Journal of Sociology*) были опубликованы более 30 статей, сопровождаемые многочисленными фотографиями. Со временем журнал приобрёл позитивистский характер, и мотивы визуальной социологии исчезли из него. Однако она еще существенно заявляла о себе в американской социологии города и городской антропологии 30-х гг. XX века. Так, например, Ф. Трешер в исследовании делинквентности в качестве источника социологической информации использовал четыре десятка фотографий молодежных банд [12, с. 4].

Sergey V. Yamshchikov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
iiysv@yandex.ru

Mikhail S. Dmitrenko

Undergraduate of Department
of Sociology and Humanities,
State University «Dubna»
dms32rus@yandex.ru

THE ART OF PHOTOGRAPHY IN THE FIELD OF VISUAL SOCIOLOGY

Annotation. The methodological and methodological problem of using photography as a source of knowledge of social reality in the field of visual sociology is considered. The approaches to solving this problem and the author's interpretation of it that have taken shape in sociology are presented.

Keywords: visual, visual sociology, photography, social reality.

На формирование визуальной социологии существенно повлияла визуальная антропология – субдисциплина культурной (социальной) антропологии, направленная на изучение культуры через этнографическую фотографию и кино [11, с. 1345].

В 70-е гг. XX века в США визуальная социология институционализируется: вводятся курсы по визуальной социологии, в 1972 г. в Бостонском университете начинает издаваться журнал «Видеосоциология», в 1979 г. учреждается «Международная ассоциация визуальной социологии» (*International Visual Sociology Association*), в 1986 г. возникает журнал «Визуальная социология» (*Visual Sociology*), в 1994 г. в Оксфордском «Словаре социологии и общественных наук» появляется термин «визуальная социология» [6, с. 25].

Один из основоположников визуальной социологии, американский социолог Г. Беккер, выдвинул идею интеграции искусства фотографии и социологической науки в познании социальной реальности. При этом он отводил социологу роль модератора для профессионалов, фиксирующих общество на камеру. «Мы не фотографируем то, что для нас неинтересно или не имеет значения. То, что может иметь значение и быть интересным, является функцией теорий, которые мы принимаем в отношении того, что

является предметом нашего исследования. Только тогда, когда наша теория учитывает непосредственно наблюдаемый слой социальной жизни, когда мир, о котором она говорит, является, по меньшей мере, миром визуальным, фотографический метод обретает смысл и применение», – писал Беккер [8, с. 9].

О продуктивности взаимодействия социологии и фотографии при изучении социальной реальности говорил И. Гофман. В работе «Гендерная реклама» он принципиально по-новому интерпретировал рекламные фотоматериалы. По его наблюдениям, на фоторекламе женщина, как правило, представлена ниже и меньше мужчины, её прикосновение к одушевлённым и неодушевлённым объектам очень свободное и мягкое, она – позади мужчины, изображается в подчинённой мужчине позиции, подчёркивается её положение в семье как матери, сближающей её с дочерью, а мужчины, как отца, с сыном [10, с. 28–29].

П. Бурдьё считал фотографию социальной практикой. По его мнению, фотография субъективна, она всегда связана с выбором, но социум изначально приписывает фотоизображению объективность. Фотопрактика принадлежит к определённым социальным группам, которые через фотографию выражают свои социальные представления и нормы. В этом случае задача социолога заключается в раскодировании визуального источника, в раскрытии ситуации, в которой он был создан, в одномоментной фиксации представлений и норм социальной группы, отражённых на фотоснимке [9, с. 13].

Для Ж. Деррида фотография – репродукция репродукции, иллюзия реального мира, то, что содержит в себе иной мир. Реальный мир имеет существенные расхождения с фотографическим миром. Визуальные проявления образов рассматриваются им не более чем образы, и лишь в негативе, выражаясь языком метафор, в них можно усмотреть признаки реализма [4, с. 60].

Р. Барт отводил визуальным материалам роль зеркала и приравнивал социальную реальность и её отражение в визуальном зеркале: «Я интересуюсь многими фотоснимками, потому что воспринимаю их как политические свидетельства, ...дегустирую их как добротные исторические полотна...» [1, с. 53]. Он возложил на фотографию функцию трансляции социальных знаков и выявил прямую связь между саморепрезентацией человека через фотографию и его внутренним миром, его системой ценностей [1, с. 55]. Исследовательское поле визуальной социологии Барт представляет двояко: во-первых, изучение социального посредством визуального и, во-вторых, изучение самого визуального как социального конструкта [1, с. 56].

У. Эко исходил из того, что фотография не более чем похожа на реальность. По его мнению, познающий субъект распознаёт объективную реальность в фотографии (визуальном символе) лишь потому, что располагает закодированным набором ожиданий, который эквивалентен ей. «Визуальные символы не имеют никакого непо-

средственного отношения к кодифицированному языку, выступая самостоятельными единицами для изучения» [7, с. 128]. Он подчёркивал, что иконические знаки воспроизводят некоторые условные восприятия объекта, но только после процедуры отбора, осуществлённого на основе кода узнавания и последующего согласования их с имеющимся репертуаром графических конвенций. Примечательно, что Эко связывал фотографию не с событием, а с определёнными характеристиками визуального знака: оптическими (видимыми), онтологическими (предполагаемыми), условными (временными) [7, с. 121].

М.М. Бахтина интересовал визуальный образ человека на фотоснимке, который он рассматривал как оболочку внутреннего мира, открываемого художником, скульптором, режиссёром, актёром, музыкантом, учёным, но не фотографом. «Фотография даёт только материал для сличения, и здесь мы не видим себя, но лишь своё отражение без автора, правда, оно уже не отражает отношение фиктивного другого, то есть более чисто, чем зеркальное отражение, но оно случайно, искусственно принято и не выражает нашей существенной эмоционально-волевой установки в событии бытия – это сырой материал, совершенно не включимый в единство моего жизненного опыта, ибо нет принципов для его включения», – писал М.М. Бахтин в «Эстетике словесного творчества» [2, с. 33].

С точки зрения Ж. Бодрийяра, фотографическое изображение не имитирует объективную реальность, а строго реалистично представляет её. «Фотография – извечная игра в «кошки-мышки», когда объектив пытается поймать нечто в наше отсутствие. При этом виртуальные свойства будут присущи не субъекту, который отражает мир в соответствии со своим видением, а объекту, использующему виртуальную среду объектива» [3, с. 84]. Бодрийяр придаёт визуальной культуре статус гиперреальности, некоей надстройки над социальной реальностью [3, с. 224]. Фотография, по его оценке, не в меньшей степени (а может даже и в большей), чем кино, представляет собой симулякр, порождающий определённые паттерны поведения: с одной стороны, человек воспроизводит реально существующие структуры, а с другой – «потребляет» эти структуры [3, с. 225].

С. Холл исследовал взаимосвязи процессов репрезентации и создания смыслов. По его мнению, именно посредством репрезентаций социальные субъекты используют любую систему знаков для производства значений. Одно из ключевых методологических положений теории Холла заключается в том, что реальные события не существуют в принципе до тех пор, пока они не опосредованы языком или другими знаковыми системами [5, с. 946]. Современные средства массовой коммуникации перестали транслировать денотативные («вечные») значения культуры, которая в свою очередь теряет своё универсальное значение и перестаёт быть понятной для всех. Человеческое знание об окружающем мире превращается в дискурсивное, т.е. опосредованное языком, звуком или изображением. Для Холла фотография, как и любой визуальный

объект, – это знаковая система, являющаяся посредником между субъектом познания и объективной реальностью. «В процессе создания знаковой системы грань между коннотацией и денотацией стирается: дело в том, что значения настолько закрепились в общественном сознании, что уже не осознаются» [5, с. 946]. В связи с этим Холл предлагает «категорезировать подходы к рассмотрению процессов порождения знаковых значений на основе трёх моделей интерпретации: отражательной (миметической), интенциональной и конструктивистской» [5, с. 946].

Серьёзная методологическая проблема использования фотографии как источника познания социальной реальности в поле визуальной социологии состоит в соотношении объективного и субъективного: фотография субъективна (зависит от фотографа, исследователя, от настроения, установок, желаний познающего) или фотография – это зеркальный слепок объективной реальности, не зависящий от субъективных факторов?

Литература:

1. *Bart P.* Camera lucida / Пер. с фр. М. Рылкина. М. : Ад Маргинем Пресс, 2011. 272 с.
2. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 423 с.
3. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла / Пер. с фр. Л. Любарская, Е. Марковская. М. : Добросвет, 2000. 258 с.
4. *Деррида Ж.* О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Пер. с фр. Г.А. Михалкович. Мн. : Современный литератор, 1999. 832 с.
5. Постмодернизм. Энциклопедия. Мн. : Интерпресс-сервис, Книжный Дом, 2001. 1040 с.
6. *Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования : учебник / Пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. М. : Логос, 2007. 168 с. + 32 с.
7. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с ит. А.Г. Погоняйло, В.Г. Резник. СПб. : ТОО ТК Петрополис, 1998. 432 с.
8. *Becker H.* Exploring Society Photographically. North-western University Press, 1981. 96 p.
9. *Bourdieu P.* Photography: A Middle-brow Art. Oxford : Polity Press, 1998. 232 p.
10. *Goffman E.* Gender Advertisements. London : Macmillan, 1979. 84 p.
11. *Ruby J.* Visual Anthropology. Encyclopedia of Cultural Anthropology. 1996. Vol. 4. P. 1345–1351.
12. *Thrasher F.M.* The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago : Chicago University Press, 1927. 605 p.

Восприятие самой фотографии и транслируемой ею реальности затрудняется субъективной интерпретацией фотографического изображения в широком смысле слова –собственно фотографии, кадра из кинофильма, скриншота из интернета и т.п. При этом критериями анализа фотографического изображения выступают его общая композиция, цвет, расположение и размерность объектов, ракурс и время съёмки и т.д.

Именно поэтому наиболее важным и основополагающим при интерпретации визуального считается контекст, от которого, в первую очередь, зависит исследовательское восприятие самого изображения и его месседжа. Владение контекстом фотографического изображения даёт возможность делать выводы о его смыслах, латентных посылах и на основе этого проводить корректную и репрезентативную аналитику, делать вероятные прогнозы, давать научно-обоснованные рекомендации, ставить социальные диагнозы.

Literature:

1. *Bart R.* Camera lucida / trans. with fr. M. Rylkina. M. : Ad Marginem Press, 2011. 272 p.
2. *Bakhtin M.M.* Aesthetics of verbal creativity. M. : Art, 1979. 423 p.
3. *Baudrillard J.* Transparency of Evil / Per. with fr. L. Lyubarskaya, E. Markovskaya. M. : Dobrosvet, 2000. 258 p.
4. *Derrida J.* On a postcard from Socrates to Freud and not only / per. with fr. G.A. Mikhalkovich. - Minsk: The modern writer, 1999. 832 p.
5. Postmodernism. Encyclopedia. Mn. : Interpress service, Book House, 2001. 1040 p.
6. *Shtompka P.* Visual Sociology. Photography as a research method : textbook / trans. from polish. N.V. Morozova, ed. entry Art. N.E. Pokrovsky. M. : Logos, 2007. 168 p. + 32 s. col. silt.
7. *Eco U.* Missing structure. Introduction to Semiology / Per. with it. A.G. Pogonyailo, V.G. Reznik. SPb. : TK Petropolis LLP, 1998. 432 p.
8. *Becker H.* Exploring Society Photographically. North-western University Press, 1981. 96 p.
9. *Bourdieu P.* Photography: A Middle-brow Art. Oxford : Polity Press, 1998. 232 p.
10. *Goffman E.* Gender Advertisements. London : Macmillan, 1979. 84 p.
11. *Ruby J.* Visual Anthropology. Encyclopedia of Cultural Anthropology. N.Y. 1996. Vol. 4. P. 1345–1351.
12. *Thrasher F.M.* The Gang: A Study of 1,313 Gangs in Chicago. Chicago : Chicago University Press, 1927. 605 p.

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аведян Аркадий Аведикович
преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
arkadiy.avedyan@mail.ru

ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. Параметры виктимизации сотрудников органов внутренних дел при совершении в отношении них различного рода преступлений имеют определенную специфику, обусловленную, прежде всего их профессиональной виктимностью. Профессиональная виктимность сотрудников органов внутренних дел объективно обусловлена их служебным статусом и выполняемыми правоохранительными функциями. Установлены основные группы факторов профессиональной виктимности сотрудников ОВД, обусловленных спецификой их служебной деятельности.

Ключевые слова: виктимность, сотрудник органов внутренних дел, профессиональная деятельность, фактор, статус.

Феномен преступного поведения как объектом исследования представляет собой довольно широкое и насыщенное многочисленными детерминантами проблемное поле, охватывающее внешние (объективные) и внутренние (субъективные) факторы, влияющие на содержание и динамику феномена преступности, т.е. комплекс взаимосвязанных явлений и процессов, протекающих в различных сферах жизни общества, а также разнообразные характеристики и проявления биосоциальной природы человека [1, с. 130–132]. Жертву преступления следует рассматривать как фактор, генетически и динамически влияющий на преступность. Данные виктимологического характера имеют значение не меньшее, чем информация о преступниках. Роль жертв преступлений в их возникновении и развитии часто очень значительна, а следовательно, необходим анализ криминологически значимых ролей жертв и учет всех виктимологических обстоятельств [2, с. 15]. Таким образом, существенную роль в детерминации преступного поведения, а в некоторых случаях – ключевую, играют виктимологические факторы, в частности, обусловленная объективными и субъективными факторами виктимность отдельных индивидов, социальных групп и населения, в целом.

Виктимность традиционно определяют в широком смысле как потенциальную и реальную спо-

Arkady A. Avedyan
Teacher of Department
Criminal law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
arkadiy.avedyan@mail.ru

FACTORS OF PROFESSIONAL VICTIMIZATION OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS

Annotation. The parameters of victimization of internal affairs officers when committing various kinds of crimes against them have certain specifics, due primarily to their professional victimization. The professional victimization of internal affairs officers is objectively determined by their official status and the law enforcement functions performed. The main groups of factors of professional victimization of internal affairs officers, determined by the specifics of their performance, are identified.

Keywords: victimization, an internal affairs officers, professional activity, factor, status.

собность лица стать жертвой, а в узком смысле как социальное, психологическое и моральное отклонение от норм безопасного поведения, которое предопределяет потенциальную и реальную способность лица стать жертвой преступления [3, с. 80].

Виктимность, преимущественно, обусловлена поведением (в самом широком смысле), образом жизни человека. При этом каждый человек, в силу свободы воли, сам определяет свой жизненный путь, линию и формы своего поведения. Свобода воли является источником активности человека и определяет его поведение в социально обусловленных формах. Практическим выражением (реальным проявлением) свободы воли человека является свобода выбора. Хотя конкретная ситуация выбора – объективная, сам процесс выбора неизбежно субъективный, зависит от возможностей человека, его интеллекта, знаний, умений и навыков, моральных и нравственных качеств и пр. Проблема в том, что наша свобода поведения часто и на массовом уровне приводит к нашей виктимизации [4].

Сегодняшние условия социализации, развития и реализации личностного потенциала можно охарактеризовать существенной дисфункцией системы обеспечения безопасности граждан в различных проявлениях и ситуациях жизнедеятельности. И это касается не только и не столько

организационной компоненты в структуре общей и специальной превенции преступности, сколько не сформированности прогностического (не говоря уже о криминологическом) типа мышления у большинства населения, а особенно у молодежной его части [3, с. 79–85]. На уровне общества, т. е. массовая, виктимность определяется степенью уязвимости населения, реализующейся в массе разнохарактерных индивидуальных виктимных проявлений, в различной степени детерминирующих совершение преступлений и причинение вреда [5, 6].

Параметры виктимизации сотрудников органов внутренних дел (ОВД) при совершении в отношении них различного рода преступлений имеют определенную специфику, обусловленную, прежде всего, их профессиональной виктимностью. Последняя, в свою очередь, связана со статусом сотрудников ОВД и выполнением ими своих служебных функций.

Сотрудниками органов внутренних дел являются лица, осуществляющие профессиональную служебную деятельность граждан на должностях в органах внутренних дел Российской Федерации, которые учреждаются в федеральном органе исполнительной власти, осуществляющем функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, его территориальных органах, подразделениях, организациях и службах [7]. Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции, а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел [8].

Специфика служебной деятельности, определяемая функциональными особенностями ОВД, обуславливает существование следующих групп факторов профессиональной виктимности сотрудников ОВД:

1. Виктимность сотрудников ОВД, обусловленная конфликтогенным характером их профессиональной деятельности. Профессиональная виктимность сотрудников ОВД объективно обусловлена их служебным статусом и выполняемыми правоохранительными функциями, реализация которых связана с преимущественно конфликтным характером взаимоотношений с иными лицами. Именно конфликтогенность сферы правоохранительной деятельности во многом определяет перманентное состояние сотрудников ОВД как потенциальной жертвы различных, но, прежде всего, насильственных посягательств со стороны правонарушителей и иных лиц.

Поведение сотрудника ОВД предопределено Присягой, законами, уставами, наставлениями, приказами, служебным долгом и, объективно

требует от него инициативных действий, направленных на борьбу с различными формами проявления преступности, т.е. институционально формирует его объективно повышенную по сравнению с другими лицами иных профессий виктимность, независимую от него самого [9, с. 157]. Сферы общения способствуют проявлению личностью своей социально-позитивной или негативной направленности, ее социализации, формированию конкретных черт, определяющих ее поведение в обществе [10, с. 181]. Как отмечал И.И. Карпец, трагедией для сотрудников ОВД является то, что они испытывают на себе обратное влияние самого преступного мира [11, с. 371]. При этом выполнение функциональных служебных обязанностей сопряжено с повышенной ответственностью сотрудника ОВД за свои действия, а также повышенным риском, прежде всего, для его жизни и здоровья. Несение службы нередко происходит в экстремальных ситуациях с непредсказуемым исходом, психическими и физическими перегрузками, необходимостью постоянного общения с разнообразным контингентом лиц, имеющих устойчивые антисоциальные установки, опыт преступной деятельности и повышенную агрессивность, и требует от сотрудника решительных действий и способности пойти на риск [12, с. 113].

Такого рода специфические особенности профессиональной деятельности оказывают значительное влияние на личностные характеристики ее представителей и могут приводить, с одной стороны, к развитию профессиональной деформации, а с другой стороны, обуславливать профессиональную виктимность и повышенный риск виктимизации сотрудников ОВД.

2. Виктимность сотрудников ОВД, обусловленная экстремальным и стрессогенным характером профессиональной деятельности.

Специфика профессиональной деятельности сотрудников ОВД обуславливает, к сожалению, реальную опасность нежелательных изменений в мировоззрении сотрудника, в системе его нравственных ценностей, психическом и физическом состоянии. В экстремальных ситуациях психические и другие перегрузки достигают пределов, за которыми могут наступить психологическая дезадаптация, нервное истощение, аффективные реакции, патологическое состояние и полный срыв деятельности.

Вполне очевидно и предсказуемо, что не все сотрудники ОВД способны преодолеть объективные трудности службы, обусловленные спецификой профессиональной деятельности. Раздражительность, агрессивность, нервозность, грубость и прочие негативные личностные характеристики, их появление и развитие связано не только и не столько с культурным и интеллектуальным уровнем работника ОВД, а прежде всего, с его плохим физическим и психическим самочувствием [13, с. 200]. Деятельность большинства служб и подразделений ОВД характеризуется психофизиологическими перегрузками сотрудников, обусловленными нестабильным графиком работы, работой в сверхурочное вре-

мя, резкими колебаниями активности или монотонностью деятельности, продолжительными дежурствами, высокой эмоциональной насыщенностью при дефиците позитивных впечатлений. Отрицательные эмоции сотрудникам приходится подавлять, а эмоциональная разрядка, равно как и избавление от физической усталости и умственного переутомления, бывает отсрочена во времени на длительный период. Снижению психоземotionalной устойчивости сотрудников ОВД также способствует повышенная ответственность за результаты их профессиональной деятельности, когда успехи могут оказываться незамеченными, но почти каждая ошибка становится объектом пристального внимания со стороны общества и может быть наказуема законом [14, с. 38–39].

Одним из факторов, обуславливающих экстремальность профессиональной деятельности сотрудников ОВД, являются различные по природе и характеру стрессы. Среди основных стрессогенных факторов можно выделить:

- гибель сослуживца при исполнении служебных обязанностей;
- увечье или травма сослуживца;
- ранение или лишение жизни человека при исполнении служебных обязанностей;
- самоубийство сослуживца;
- гибель потерпевших от преступлений;
- задержание преступника и участие в спецоперациях;
- ссора и конфликт с сослуживцами;
- несправедливое отношение со стороны руководства;
- угроза увольнения;
- семейные и личные неприятности, связанные с неудовлетворенностью (личной и близких лиц) социальным положением и профессиональной деятельностью сотрудника и пр.

Состояние повышенной бдительности, тревожного ожидания, наличие непростого в психоземotionalном отношении опыта опасных ситуаций у сотрудников ОВД нацеливает работу интуиции на выделение из контекста именно таких ситуаций, что может иметь важное значение при разыскной и оперативной работе в ситуациях с дефицитом информации и/или времени [15; 16]. Однако в условиях постоянных психофизиологических перегрузок и стрессов сотрудник ОВД не только утрачивает интуитивные, но и иные адаптивные способности, необходимые как для эффективного выполнения профессиональной деятельности, так и для обеспечения собственной безопасности при ее осуществлении.

В результате воздействия экстремальных условий профессиональной деятельности и постоянных стрессов у сотрудников ОВД снижаются

адаптивные возможности организма, трудоспособность и продуктивность деятельности, ухудшается координация действий, концентрация внимания, мускульная и рефлекторная реакция, понижается способность критического и оперативного мышления, соответственно, принятия адекватных обстановке решений. Физическая, психосоматическая усталость и эмоциональное истощение и вызывают эмоциональную неустойчивость, повышенную возбудимость, раздражительность, нервозность, агрессивность. Как следствие, повышается вероятность травм, происшествий и конфликтов с участием сотрудника, в том числе спровоцированных по его вине. Следовательно, повышается и уровень его профессиональной виктимности, в том числе, от насильственных преступлений.

3. Виктимность сотрудников ОВД, обусловленная недостатками организационно-управленческого и правового обеспечения их профессиональной деятельности. Профессиональная деятельность сотрудников ОВД осуществляется в рамках правового поля. При этом ряд аспектов данной деятельности отличается несовершенством и противоречивостью правового регулирования, сложностью организационно-управленческого обеспечения. В частности, это связано со сложностями и недостатками правового регулирования применения сотрудниками ОВД силы и использования властных полномочий, а также проблемами квалификации насильственных преступлений в отношении сотрудников правоохранительных органов. Отчасти, данные факторы связаны с несовершенством (противоречивостью, пробельностью) современного законодательства, вообще, его объективным отставанием от развития общества в целом и преступности, в частности, а также дискретностью деятельности сотрудников ОВД во многих сложных, неоднозначных, с точки зрения возможной правовой оценки, ситуациях.

Оказавшись в сложной, нетипичной служебной ситуации, недостаточно регламентированной (как в правовом, так и в организационном плане), с точки зрения поведения и полномочий, сотрудник ОВД является потенциально виктимным, как в силу возможности принятия решений и совершения действий ошибочных с позиции обеспечения его безопасности, так и в силу возможной последующей ошибочной оценки его действий (бездействия) как неправомерных и необоснованным привлечением их к ответственности.

4. Виктимность сотрудников ОВД, обусловленная самим фактом принадлежности лица к числу сотрудников ОВД как к специфической обособленной социальной группе. Специфика и уровень виктимности сотрудников ОВД зависят от конкретной сферы правоохранительной деятельности, принадлежности к той или иной службе и непосредственно выполняемых служебных функций. В то же время, сам факт принадлежности лица к социальной группе сотрудников ОВД является виктимогенным и детерминирует, вне зависимости от непосредственной профессиональной деятельности конкретных сотрудников, совершение в отношении них раз-

личных, мотивированных ненавистью и враждой, насильственных и иных преступлений.

Как отмечает А.Н. Игнатов, преступления на почве ненависти представляют собой крайние, наиболее опасные проявления нетерпимости и дискриминации. Общественная опасность данных обусловлена, прежде всего, тем, что данные преступления причиняют вред не только непосредственно потерпевшему, а и его семье, окружающим, отдельным группам населения повышают социальную напряженность и дестабилизируют обстановку в стране, препятствуя ее стабильному демократическому развитию. Жертва данных преступлений избивается в связи с ее реальной или мнимой связью с определенной социальной группой. При этом под «группой» понимается группа (сообщество), которая основана на свойстве, характерном ее членам – реальная или мнимая принадлежность к расе, национальности, этносу, речи, цвет кожи, религия, пол, возраст, физическая или умственная неполноценность, сексуальная ориентация или иные подобные признаки. Таким образом, можно говорить о групповой виктимности отдельных категорий населения [17, с. 151–156].

Как справедливо отмечает А.А. Глухова, с одной стороны, криминализация всех основных сфер социально-экономической жизни определяет всю конфронтацию преступников с их антагонистом – правоохранительной системой, в том числе, и органами внутренних дел. Как следствие – людские потери среди сотрудников в процессе службы. С другой стороны, равно как теория «стигмы» объясняет преступное поведение, девиантность как следствие наклеивания ярлыка, даваемого системой уголовной юстиции и обществом в целом, так и для ряда преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, характерна просто-напросто стигматизация (клеймение) будущей жертвы. Здесь решающим является отождествление жертвы со всей системой органов внутренних дел [9, с. 156–157].

Следует отметить, что в некоторых случаях совершению в отношении сотрудников ОВД преступлений, мотивированных ненавистью и враждой к ним, как представителям обособленной социальной группы, т.е. их криминальной виктимной стигматизации, могут способствовать различные негативные проявления поведения сотрудников в сфере профессиональной деятельности.

Одним из таких факторов может выступать наличие негативных проявлений «профессиональной» субкультуры сотрудников ОВД, которая характеризуется:

Литература:

1. *Игнатов А.Н.* Методологические основы исследования преступности / А.Н. Игнатов, Е.Б. Ильичев // *Общество и право.* 2015. № 2 (52). С. 130–132.
2. *Коновалов В.П.* Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. М., 1962.

– существующей в некоторых коллективах сотрудников органов ОВД отрицательной радикальной установкой достижения цели любыми средствами;

– гипертрофированной профессиональной корпоративностью;

– негативными особенностями личности руководителя коллектива и стилем управления;

– злоупотреблением отдельными сотрудниками алкоголем, аддиктивными веществами;

– использованием «профессионального» жаргона и нецензурной лексики;

– предвзятым, с карательным уклоном, отношением к отдельным категориям населения (правонарушителям, мигрантам и др.) [18].

Таким образом, профессиональная виктимность сотрудников ОВД может быть обусловлена самим фактом принадлежности лица к числу сотрудников ОВД как к специфической обособленной социальной группе вне зависимости (как связанная, так и нет) от непосредственной профессиональной деятельности конкретных сотрудников.

На основании вышеизложенного, можем сделать вывод о том, что параметры виктимизации сотрудников ОВД при совершении в отношении них различного рода преступлений имеют определенную специфику, обусловленную, прежде всего, их профессиональной виктимностью. Последняя, в свою очередь, связана со статусом сотрудников ОВД и выполнением ими своих служебных функций. Специфика служебной деятельности, определяемая функциональными особенностями ОВД, обуславливает существование следующих групп факторов профессиональной виктимности сотрудников ОВД:

- 1) обусловленные конфликтогенным характером их профессиональной деятельности;
- 2) обусловленные экстремальным и стрессогенным характером их профессиональной деятельности;
- 3) обусловленные недостатками организационно-управленческого и правового обеспечения их профессиональной деятельности;
- 4) обусловленные самим фактом принадлежности лица к числу сотрудников ОВД, как к специфической обособленной социальной группе.

Literature:

1. *Ignatov A.N.* Methodological foundations of crime research / A.N. Ignatov, E.B. Ilyanovich // *Society and law.* 2015. № 2(52). P. 130–132.
2. *Konovalev V.P.* Study of victims with the aim of improving crime prevention. M., 1962.

3. *Игнатов А.Н.* Свобода виктимности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2017. № 3(40). С. 79–85.
4. *Вишневецкий К.В.* Классификация виктимности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.
5. *Вишневецкий К.В.* Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: монография / Под ред. С.Я. Лебедева. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2010.
6. *Вишневецкий К.В.* Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10.
7. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/
8. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 18.07.2018) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/
9. *Глухова А.А.* Виктимологические факторы преступности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Нижний Новгород, 1999. 223 с.
10. *Ларин В.А.* Понятие и структура личности совершающего преступления в ситуациях острой социальной напряженности // Современная научная мысль. 2015. № 5. С. 181.
11. *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М. : Рос. право, 1992.
12. *Рожков О.А.* Профессиональная деформация ценностно-мотивационной сферы сотрудников правоохранительных органов как фактор их криминализации // Прикладная юридическая психология. 2008. № 3. С. 112–121.
13. *Балалаева М.В.* Обстоятельства, исключающие преступность действий сотрудников органов внутренних дел, совершаемых в сфере их профессиональной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Н. Новгород, 2001. С. 200.
14. *Диденко-Чинтимур Д.С.* Влияние процессов профессиональной деформации на формирование девиантного поведения сотрудников органов внутренних дел, психологическая профилактика девиантного поведения / Д.С. Диденко-Чинтимур, Т.В. Гаврилова // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 5. С. 35–40.
15. *Григорьев П.Е.* Индивидуально-психологические корреляты особенностей интуитивного предсказания опасных ситуаций сотрудниками органов внутренних дел / П.Е. Григорьев,
3. *Ignatov A.N.* Freedom of victimization // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3(40). P. 79–85.
4. *Vishnevetsky K.V.* Victimization classification // Theory and practice of social development. 2014. № 2.
5. *Vishnevetsky K.V.* Criminogenic victimization of social groups in modern society: monograph / ed. S.Ya. Lebedev. M. : UNITY-DANA, 2010.
6. *Vishnevetsky K.V.* Mechanism of victimological determination // Theory and practice of social development. 2014. № 10.
7. Federal Law of 30.11.2011 № 342-ФЗ (as amended on 08/03/2018) «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/
8. Decree of the President of the Russian Federation dated December 21, 2016 № 699 (as amended on July 18, 2018) «On approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulation on the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the constituent entity of the Russian Federation». URL : / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209309/
9. *Glukhova A.A.* Victimological factors of crime : dis. ... of the cand. of legal sciences: 12.00.08. N. Novgorod, 1999. 223 p.
10. *Larin V.A.* The concept and structure of the person committing a crime in situations of acute social tension // Modern Scientific Thought. 2015. № 5. P. 181.
11. *Karpets I.I.* Crime: illusions and reality. M. : ROS. law, 1992.
12. *Rozhkov O.A.* Professional deformation of the value-motivational sphere of law enforcement officers as a factor in their criminalization // Applied Legal Psychology. 2008. № 3. P. 112–121.
13. *Balalaeva M.V.* Circumstances excluding the criminality of the actions of employees of internal affairs bodies committed in the field of their professional activity : dis. ... cand. legal Sciences: 12.00.08. N. Novgorod, 2001.
14. *Didenko-Chintimur D.S.* The influence of professional deformation processes on the formation of deviant behavior of employees of internal affairs bodies, psychological prevention of deviant behavior / D.S.Didenko-Chintimur, T.V. Gavrilova // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. № 5. P. 35–40.
15. *Grigoriev P.E.* Individual psychological correlates of intuitive prediction of dangerous situations by employees of the internal affairs bodies / Grigoriev P.E., I.V. Vasilieva, A.N. Ignatov // Bulletin

И.В. Васильева, А.Н. Игнатов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1(31). С. 196–201.

16. *Григорьев П.Е.* Возможная роль интуиции в прогнозировании эмоциональных и криминогенных ситуаций / П.Е. Григорьев, И.В. Васильева, А.Н. Игнатов // В сборнике: Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России Крымский филиал. 2015. С. 234–238.

17. *Игнатов А.Н.* Латентность преступлений, совершаемых на почве ненависти / Под общей ред. А.Н. Игнатова // В сборнике: Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе. Научные труды Международной научно-практической конференции. Симферополь : Издательство «Крымучпедгиз», 2012. С. 151–156.

18. *Игнатов А.Н.* Детерминация насильственных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД в связи со служебной деятельностью // Право и безопасность. 2008. Т. 7. № 2. С. 52–58.

of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1(31). P. 196–201.

16. *Grigoriev P.E.* The possible role of intuition in predicting emotional and criminogenic situations / P.E. Grigoriev, I.V. Vasilieva, A.N. Ignatov // In the collection: Countering extremism and terrorism in the Crimean Federal District: problems of theory and practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Crimean branch. 2015. P. 234–238.

17. *Ignatov A.N.* Latency of hate crimes // Collected: Combating Xenophobia, Extremism, and Terrorism in Modern Society. Scientific works of the International scientific-practical conference. Under the general editorship of Ignatov A.N. Simferopol : Krymuchpedgiz Publishing House, 2012. P. 151–156.

18. *Ignatov A.N.* Determination of violent crimes committed by police officers in connection with official activities // Law and Security. 2008.V. 7. № 2. P. 52–58.

Афанасьев Софрон Антонович

кандидат юридических наук,
Asofron@yandex.ru

Алексеев Виталий Владиславович

кандидат экономических наук,
доцент кафедры журналистики,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М.К. Аммосова
vva72@mail.ru

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОГО КРАЙНЕГО СЕВЕРА
И АРКТИКИ**

Аннотация. Муниципальные образования, расположенные в Арктической зоне, получили возможность оперативно приобретать товары и услуги, имеющие невысокую стоимость, но очень важное значение в условиях разбросанности поселений, слабого уровня развития транспортной инфраструктуры, высокой стоимости на товары первой необходимости в силу сложностей по доставке грузов на Север. Помимо внедрения налоговых льгот для жителей и хозяйствующих субъектов Севера, необходимо законодательно разрешить проводить закупки товаров и услуг у единственного поставщика. Парламентом Республики Саха (Якутия) разработан проект федерального закона «О внесении изменения в статью 93 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» в целях совершенствования правового регулирования контрактной системы для обеспечения муниципальных нужд для районов Крайнего Севера. Законопроект внесен на рассмотрение Государственной Думы РФ в качестве законодательной инициативы. Он направлен на предоставление дополнительных гарантий органам местного самоуправления, расположенных в Арктической зоне. Законопроектом предлагается дополнить перечень случаев, в которых закупка может осуществляться у единственного поставщика. В случае принятия проекта федерального закона «О внесении изменения в статью 93 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», предложенные изменения позволят существенно сократить срок реализации социальных программ, что благоприятным образом отразится на качестве жизни северян.

Ключевые слова: муниципальные образования, институциональное развитие, налоговые льготы, закупки, транспортная инфраструктура, муниципальные нужды, контрактная система, законопроект, поставщик, устойчивое развитие.

Sofron A. Afanasyev

Candidate of Law Sciences,
Asofron@yandex.ru

Vitaly V. Alekseev

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Journalism,
North-East Federal University
named after M.K. Ammosov
vva72@mail.ru

**INSTITUTIONAL IMPROVEMENT
OF THE RUSSIAN HIGH NORTH
AND THE ARCTIC SUSTAINABILITY**

Annotation. Municipalities located in the Russian Arctic zone have received an opportunity to obtain certain goods and services in a much faster way. This has a significant role for the North sustainability which still faces such challenges as dispersed settlements, not well-developed transportation infrastructure, high expenses on certain goods, cargo delivery difficulties. In order to achieve this service there is a need to implement procurement considering the sole supplier. The State Assembly (Il Tumen), the regional parliament of Republic of Sakha (Yakutia), has developed the draft of law adopting changes on article 93 of the federal Act which regulates state procurements on goods and services for the government and municipal needs. The draft was created in order to improve the contract system for the northern municipalities' needs. This draft was submitted as a legislative initiative for the State Duma of the Russian Federation.

The law draft is designed to reach additional guarantees for municipalities located in the Arctic. According to the law draft, there will be a number of additional legal cases to accomplish state procurements from the sole supplier.

In case if the federal law draft implementing changes on of the federal Act which regulates state procurements of goods, works and services for the government and municipal needs will be adopted, the social programs will run for much shorter periods. Indeed, this will play a great role in the northern regions sustainability.

Keywords: municipalities, institutional development, tax benefits, procurements, transportation infrastructure, municipal needs, contract system, lawdraft, supplier, sustainability.

В силу своего геополитического расположения, огромного ресурсного потенциала и экологического значения для всей Земли Арктика сегодня является регионом особых стратегических интересов для многих стран мира, включая Российскую Федерацию.

В качестве приоритетных направлений деятельности в Арктической зоне Российской Федерации можно определить:

- комплексное социально-экономическое развитие;
- развитие науки и технологий;
- создание современной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры;
- обеспечение экологической безопасности;
- международное сотрудничество в Арктике;
- обеспечение военной безопасности, защиты и охраны государственной границы.

Указом Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (с изменениями от 13 мая 2019 года № 220) определен состав сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации. Это: территория Мурманской области; территория Ненецкого автономного округа; территория Чукотского автономного округа; территория Ямало-Ненецкого автономного округа; территории муниципальных образований «Беломорский муниципальный район», «Лоухский муниципальный район» и «Кемский муниципальный район» (Республика Карелия); территория муниципального округа «Воркута» (Республика Коми); территории Абыйского улуса (района), Аллаиховского улуса (района), Анабарского национального (долганово-эвенкийского) улуса (района), Булунского улуса (района), Верхнеколымского улуса (района), Верхоянского района, Жиганского национального эвенкийского района, Момского района, Нижнеколымского района, Оленекского эвенкийского национального района, Среднеколымского улуса (района), Усть-Янского улуса (района) и Эвено-Бытантайского национального улуса (района) (Республика Саха (Якутия); территории городского округа города Норильска, Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, Туруханского района (Красноярский край); территории муниципальных образований «Город Архангельск», «Мезенский муниципальный район», «Новая Земля», «Город Новодвинск», «Онежский муниципальный район», «Приморский муниципальный район», «Северодвинск» (Архангельская область); земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане, указанные в Постановлении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» и других актов СССР.

Вопросы стратегического развития Арктической зоны Российской Федерации отражены в целом

ряде концептуальных и нормативных правовых документов. Они предусматривают значительное изменение институциональной системы северных территорий.

В частности, для развития российской Арктики необходимы льготы и налоговые каникулы. Так, жители арктической зоны Якутии с налогового периода 2018 года освобождены от уплаты транспортного налога.

Пунктом 3 статьи 59 Налогового кодекса Российской Федерации установлено, что законами субъектов Российской Федерации могут быть установлены дополнительные основания признания безнадежными к взысканию недоимки по региональным налогам, задолженности по пеням и штрафам по этим налогам. Руководствуясь указанной нормой, для жителей Арктических районов предусматривается введение дополнительного основания для признания безнадежной к взысканию и списания недоимки и задолженности по пеням по транспортному налогу.

18 июня 2019 года в ходе восьмого (очередного) пленарного заседания парламента Республики Саха (Якутия) – Государственного Собрания (Ил Тумэн) – принят республиканский закон, которым вносятся изменения в налоговую политику региона в части предоставления льгот на транспортный налог жителям арктических районов [4].

В целях создания условий для повышения комфортности проживания и стабилизации численности населения в Арктической зоне Якутии предлагается, начиная с налогового периода 2018 года и на бессрочный период, установить льготу в виде освобождения физических лиц от уплаты транспортного налога. Они будут распространяться на все транспортные средства, включая моторные катера и снегоходы. Также, во всех поселениях Арктических районов Якутии отменен земельный налог и налог на имущество физических лиц.

Кроме того, сегодня сложилась ситуация, когда органы местного самоуправления в пределах своих полномочий самостоятельно решают проблемы обеспечения муниципального образования необходимыми товарами, услугами. Ключевым инструментом в этом процессе выступает закупка товаров, работ, услуг для муниципальных нужд.

В северных широтах, где слабо развита транспортная инфраструктура, себестоимость строительства выше среднероссийской в разы, условия работы осложнены неблагоприятным северным климатом; нормы федерального законодательства о контрактной системе, которые ориентированы на конкурентную среду, работают с большим трудом, в связи с чем, в муниципальных образованиях, расположенных в Арктической зоне, возникают проблемы со строительством социально значимых объектов. Именно поэтому для северных регионов необходимы особые условия, учитывающие их специфику.

Так, принятие специальных норм для проведения закупок для нужд Крайнего Севера, в том числе, Арктической зоны, помогло бы улучшить и оптимизировать этот процесс.

Для решения проблемы с закупками для Крайнего Севера жители и ряд глав населенных пунктов, расположенных на севере Якутии, вышли с ходатайством к народным депутатам Республики Саха (Якутия) о разработке федерального законопроекта и внесении изменения в ФЗ-44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Инициаторы считают, что действующие нормы о контрактной системе, ориентируясь на конкурентную среду, на арктических территориях работают с большим трудом – для северных регионов необходимы особые условия, учитывающие их специфику.

В мае 2019 года был проведен анализ объем подписанных и расторгнутых муниципальных контрактов с 2016 года по 2018 год. Результаты анализа закупок за последние 2 года показывают объективно сложившиеся особенности работы по Федеральному закону от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Доля досрочно расторгнутых контрактов составила около 30 %, при этом основными причинами стали неисполнение обязательств по контракту со стороны подрядчика и односторонний отказ заказчика.

Также, определены проблемы в реализации федерального закона, а именно: отсутствие заявок на конкурентные закупки, просрочка исполнения обязательств из-за сложной транспортной инфраструктуры и суровых погодных условий. Кроме того, подрядчики не имеют возможности участвовать в закупках из-за плохого доступа к сети Интернет и т.д. Автором статьи разработан проект федерального закона «О внесении изменения в статью 93 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который был поддержан депутатами парламента Якутии.

Проект федерального закона разработан в целях совершенствования правового регулирования контрактной системы для обеспечения муниципальных нужд для районов Крайнего Севера. Законопроектом предлагается дополнить перечень случаев, в которых закупка может осуществляться у единственного поставщика. За-

Литература:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации.
2. Федеральный закон от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

купка у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика) относится к наиболее распространенным способам закупки. Благодаря этому способу, заказчики могут оперативно приобрести те или иные товары, работы, услуги, имеющие невысокую стоимость либо специфические характеристики.

19 июня 2019 года данный законопроект на пленарном заседании Государственного Собрания (Ил Тумэн) Якутии был рассмотрен и поддержан депутатами.

В соответствии со статьей 104 Конституции РФ, Государственное Собрание (Ил Тумэн) республики внесло на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ в качестве законодательной инициативы проект федерального закона «О внесении изменения в статью 93 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Законопроект направлен на предоставление дополнительных гарантий органам местного самоуправления, расположенных в Арктической зоне.

В случае принятия проекта федерального закона «О внесении изменения в статью 93 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предложенные изменения позволят существенно сократить срок реализации социальных программ, что благоприятным образом отразится на качестве жизни северян. Закон в отдельных случаях позволит исключить необходимость проведения конкурентных процедур при определении поставщика (подрядчика, исполнителя).

Следует отметить, что мероприятия по совершенствованию институциональных основ должны освещаться средствами массовой информации, с привлечением интернет ресурсов, социальных медиа. Конечно, информационное сопровождение должно осуществляться с учетом того, что интернет связь является все еще не полностью доступной в северных арктических районах.

Таким образом, совершенствование институциональных основ – налоговой системы, системы проведения закупочных процедур – сможет оказать значительное влияние на улучшение качества жизни населения Севера, создать предпосылки для устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации.

Literature:

1. The Internal revenue code of the Russian Federation.
2. Federal Law 44 «About contract system in the field of goods and services procurement for covering public needs» adopted on April 5, 2013.

3. Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 года № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

4. Закон Республики Саха (Якутия) от 18.06.2019 г. 2142-З № 195-VI «О налоговой политике Республики Саха (Якутия)».

5. *Андриченко Л.В.* Правовая регламентация статуса коренных малочисленных народов России // Российская Арктика – теория права. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Администрация Ямало-Ненецкого АО, 2014. С. 243–261.

6. *Гаврилов В.В.* Правовое развитие Арктического региона: предпосылки и перспективы // Журнал российского права, 2017. № 3. С. 148–157.

7. *Трутнев Ю.П.* Арктике нужны льготы и налоговые каникулы на все // Сайт ИА «Интерфакс», 4 марта 2019 г. URL : <https://www.interfax.ru/interview/652915>

3. The Decree of the President of the Russian Federation 296 «About continental territories of the Arctic zone of the Russian Federation» adopted on May 2, 2014.

4. The Law of the Republic of Sakha (Yakutia) 2142 Number 195-VI «About the tax policy of the Republic of Sakha (Yakutia)» adopted on June 6, 2019.

5. *Andrichenko L.V.* The legal regulation of Russia's aboriginal people's status // The Russian Arctic as a theory of juridical theory. Moscow: the Russian government Institute of law and comparative jurisprudence, regional administration of Yamal Nenetski autonomous okrug, 2014. P. 243–261.

6. *Gavrilov V.V.* The juridical development of the Arctic region: prerequisites and perspectives // The journal of Russian jurisprudence, 2017. № 3. P. 148–157.

7. *Trutnev Yu.P.* The Arctic needs tax benefits / Yu.P. Trutnev // web-site of Interfax Information agency, March 4, 2019. URL : <https://www.interfax.ru/interview/652915>

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
заместитель начальника
кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
майор полиции
milena.555@mail.ru

Чхвимиани Эдуард Жульенович

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры специальных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России,
подполковник полиции
milena.555@mail.ru

Данилов Дмитрий Владимирович

полковник полиции,
Краснодарский университет МВД России,
milena.555@mail.ru

**ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ОСОБЕННОСТИ ГЕНЕЗИСА,
ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ**

Аннотация. В статье отмечается, что правовой менталитет российского общества выполняет ряд важных функций, связанных с добровольным следованием гражданами требованиям норм права. Под воздействием ряда объективных и субъективных факторов трансформирующегося социума XXI в. наблюдается динамика правового менталитета. В этой связи, весьма важны прогностические функции науки, направленные на диагностику возникающих проблем и вынесение рекомендаций государственным управленческим структурам.

Ключевые слова: общество, государство, право, правовой менталитет, нормы права, социально-правовая реальность, субъективные и объективные факторы.

Правовой менталитет – один из устойчивых элементов социокультурной регуляции поведения людей. Наряду с правовой культурой, правовым сознанием, правовой идеологией, он обеспечивает глубокое осознание людьми важности основных регулятивов социума – государства, права, правового порядка и т.д. Правовой

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Sociological Sciences,
Deputy Head of the Department
of Special Disciplines,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation,
police major
milena.555@mail.ru

Eduard Zh. Chkhvimiani

Candidate of Law,
Associate Professor,
Associate Professor of Special Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation,
Police lieutenant colonel
milena.555@mail.ru

Dmitry V. Danilov

Police colonel,
Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

**LEGAL MENTALITY
OF THE RUSSIAN SOCIETY:
FEATURES OF GENESIS,
TENDENCIES OF CHANGES**

Annotation. The article notes that the legal mentality of the Russian society performs a number of important functions related to the voluntary adherence of citizens to the requirements of the law. Under the influence of a number of objective and subjective factors of the transforming society of the XXI century, the dynamics of the legal mentality is observed. In this regard, the prognostic functions of science aimed at diagnosing emerging problems and making recommendations to state management structures are very important.

Keywords: society, state, law, legal mentality, legal norms, social and legal reality, subjective and *objective factors*.

менталитет, в случае его полноценного функционирования в системе духовной культуры, обеспечивает добровольные, инициативные действия граждан в сфере государства и права. Дисфункциональное состояние правового менталитета, напротив, ослабляет позиции государства и усиливает криминальное мировоззрение у

населения, создает условия для роста радикализма и экстремизма.

В научной литературе существует множество различных точек зрения относительно содержания понятия «правовой менталитет». Большинство исследователей видят генетическую связь данной категории с более широким – менталитетом народа (национальный менталитет).

С точки зрения И.А. Демидовой, «существуют следующие научные позиции в установлении сущности менталитета:

- 1) отождествление с психикой или с сознанием;
- 2) уподобление некоторым свойствам, элементам, частям, сферам или уровням сознания, или психики;
- 3) понимание как совокупности особенностей сознания или психики» [2, с. 14].

Очевидно, что научное понимание менталитета во многом связано с иррациональной, психической, эмоционально-чувственной стороной человека. Данная конструкция отражает пограничную, рационально-иррациональную категорию мышления народа, непосредственно связанную с его историческими традициями. В этой связи, вполне закономерно, что правовой менталитет, во многом, занял нишу именно «переживания» по поводу права, а затем уже – размышления о праве.

Р.М. Овчиев отмечает, что «правовой менталитет – это совокупность стереотипов правового мышления, юридической деятельности и правового поведения, основывающихся на сформированной в конкретном государственно-правовом пространстве системе правовых ценностей, традиций и приоритетов» [7, с. 75–77].

По мнению В.А. Рыбакова, «правовой менталитет представляет собой определенную направленность национального правового сознания, является психологической основой положительного национального права, выражает правовое сознание в историческом времени и географическом пространстве» [8, с. 12–18].

История конкретного народа (в данном случае – российского) и специфика его социально-психологических особенностей предопределила облик правового менталитета россиян. Одна из атрибутивных характеристик правового менталитета заключается не просто в выходе на первый план психологических особенностей субъектов правового менталитета, а – в акценте на иррациональной, аффективной стороне сознания. При этом основной парадокс ситуации состоит в том, что право – предельно рациональный регулятивный конструкт. Таким образом, здесь закладываются основы системного противоречия, которое не имеет в настоящее время какого-либо конкретного решения.

По справедливому замечанию К.А. Сигачева, «существование менталитета предполагает наличие нерациональных механизмов жизненно-

го понимания права. Понимание законодателем и правоприменителем сущности правового менталитета народа (нации) делает их юридически значимые действия более обоснованными и поддерживаемыми народным правовым духом» [9, с. 21–23].

Как полагают А.Ю. Мордовцев и А.Ю. Мамычев, «содержание правового менталитета определяет совокупность готовностей и предрасположенностей индивида действовать, мыслить, чувствовать, воспринимать различные явления, оценивая их в качестве положительных или отрицательных, в государственно-правовой сфере» [6, с. 444–447].

Научное понимание правового менталитета конструирует облик явления, находящегося на стыке рационального и иррационального, мыслительного и чувственного, специализированного и обыденного.

Структура правового менталитета, также, отражает его уникальный статус в социально-правовой системе. С точки зрения О.В. Довлекаевой, «правовой менталитет включает в себя следующие элементы:

– осознанные и неосознанные представления о правовой реальности, выполняющие функцию когнитивного мотива правового поведения,

– ценностные правовые ориентации, носящие как осознанный, так и неосознанный характер и выполняющие функцию ценностного мотива правового поведения,

– правовые аттитюды и установки – осознанные готовности и неосознанные предрасположенности реагировать определенным образом на ситуацию» [3, с. 15].

Следует заметить, что правовой менталитет – объективное явление социально-правовой действительности современной России. В этом контексте, целесообразно принимать во внимание комплекс факторов, связанных как с внешней средой, в которой происходит актуализация правового менталитета, так и с внутренней, непосредственно связанной с субъективными особенностями того индивида, который является носителем правового менталитета.

Объективные условия генезиса правового менталитета связаны с состоянием общества, его основных институтов и подсистем. В данном аспекте, следует обратить внимание на следующие элементы социально-правовой действительности:

1. Сложившаяся социально-правовая реальность, состояние правопорядка и законности, наличие или отсутствие серьезных позиций криминальной культуры в обществе, состояние правосознания (деформированное или стабильное). В процессе правовой социализации подрастающее поколение погружается в социально-правовую реальность, приобретает позитивный или негативный опыт, связанный с функционированием государства и права. Учитывая ла-

бильное сознание молодежи, ее неустойчивую психику, склонность к аффектам, любой негативный опыт, связанный с неэффективностью права, конкретным безнаказанным правонарушением, может способствовать деформации правового менталитета молодежи.

2. Состояние институциональных структур, ответственных за социализацию и воспитание, их дисфункции, негативно отражаются на правовом менталитете. Особенно опасна ситуация, когда агенты социализации демонстрируют противоправное поведение, придерживаются установок правового нигилизма. Такие примеры особенно серьезно воздействуют на правовую социализацию людей, на участников социализационного процесса.

3. Состояние духовной культуры общества, его основных элементов (искусства, морали, религии, науки и т.д.). Превалирование образцов массовой культуры в современном российском обществе, эксплуатирующих сцены насилия, убийств и т.п. наряду с деформацией морали, слабостью позиций религии (особенно в крупных городах), приводят к смещению системы социокультурных координат, понимания добра и зла, справедливости и несправедливости неизбежно отражается и на правовом менталитете.

4. Исторические традиции взаимодействия россиян с правом, законами. В частности, в середине XIX в. глава Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии граф А.Х. Бенкендорф в письме издателю А.А. Дельвигу сформулировал концептуальное понимание права, свойственное авторитарным и тоталитарным режимам: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и Вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться или ими оправдываться» [10].

Следует заметить, что в XIX – начале XX в. в научный оборот были введены весьма специфические положения государственно-правовой теории, доказывающие относительность основных институциональных элементов государства и права. Классическим примером подобных построений выступает марксизм. В представлениях марксистов (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин и др.), государство посредством законотворческой деятельности осуществляет защиту богатых от бедных (угнетаемых, эксплуатируемых классов). Это социально-философское учение отражало точку зрения об относительном, временном, преходящем характере государства, что, соответственно, актуализировало идеи о революционной смене государственной власти.

В этой связи, справедливо замечание В.А. Рыбакова о том, что «правовой менталитет содержит «указание на историчность, устойчивость правовых взглядов, стереотипов мышления и поведения, передаваемых из поколения в поколения, которые во многом и определяют преемственность в развитии права» [8, с. 12–18].

История развития государства и права оказывает воздействие на восприятие современной пра-

вовой реальности. Социально-исторические факты, проникая в искусство, мораль, систему образования и т.п., оказывают воздействие на процесс правовой социализации личности, именно поэтому важно учитывать, как происходил генезис правовой системы в нашей стране. В частности, каковы традиции правового государства, демократии в России.

Учитывая тот факт, что до 1906 г. в нашей стране существовали, в основном, диктаторские политические режимы в форме абсолютной монархии, начиная с раннефеодальных монархий Древней Руси (исключение составляли Новгородская и Псковская республики с элементами вечевой демократии, прекратившие существование в 1478 и 1510 годах, соответственно), инерция этих событий сказывается до настоящего времени, будучи интегрированной в национальный и правовой менталитет. Сказываются и тяжелые последствия диктатуры большевиков, начиная с 1917 года, власть которых попирала право ради достижения политических целей, осуществляла внесудебные расправы над миллионами людей, фактически уничтожила правосудие. Данная трагическая эпоха оставила следы в произведениях искусства, доводится до населения системой образования. Соответствующей законодательной оценки на государственном уровне тоталитарная советская эпоха не получила, более того – она героизируется, мифологизируется, глубоко проникает в общественное сознание, оставляя следы в правовом менталитете современных россиян.

В свою очередь, субъективными факторами генезиса правового менталитета россиян выступают:

– социальный опыт, связанный, в том числе, с неоднозначными правовыми обстоятельствами в жизни конкретного человека;

– наличие/отсутствие, а также – частота контактов с криминальным окружением, лицами, характеризующимися деформированным правосознанием;

– особенности психики конкретного человека;

– индивидуальный уровень образования, интеллекта граждан;

– последствия воспитательной деятельности, прежде всего, в семье и школе.

Касательно тенденций изменений правового менталитета россиян, следует отметить, что нынешнее его состояние выглядит весьма противоречивым. С одной стороны, существенных угроз правопорядку, законности, какого-либо разгула преступности не наблюдается – об этом свидетельствуют объективные научные данные. Такая ситуация сложилась, в том числе, и в силу сформированного правового менталитета большинства российских граждан. Правовой менталитет осуществляет весьма важный сегмент регулятивной деятельности в российском обществе.

С другой стороны, ситуация в социально-правовой сфере, в том числе, и касательно правового менталитета, не является оптимальной. В каждой отдельно взятой сфере российского общества: политической, экономической, социальной, духовной, периодически наблюдаются дисфункции, связанные, в том числе, с проблемами правового менталитета. Люди, зачастую, следуют требованиям норм права, лишь опасаясь угроз принуждения со стороны государства. Периодически появляются сообщения о том, что в той или иной сфере общества имеют место противоправные резонансные деяния:

- массовые беспорядки в ходе митингов;
- устойчиво высокий уровень коррупции, в том числе и на высоких властных уровнях;
- сильные позиции теневой экономики;
- агрессивное общение между гражданами, особенно в социальных сетях Интернета, на форумах, в блогах.

Практически безграничная свобода в виртуальной интернет-реальности приводит к росту проявлений радикализма и экстремизма – религиозного, политического, социального, информационного. Данный факт косвенно свидетельствует о наличии определенных проблем, связанных с правовым менталитетом.

Касательно правового менталитета, серьезную опасность представляет его иррационально-аффективная составляющая, связанная с эмоционально-чувственной сферой социума. Это двойственное состояние правового менталитета вполне соответствует характеру данного явления. Опасные последствия для социума вызывает именно доминирование иррациональных элементов над рациональными в структуре правового менталитета. Типичным примером здесь является правовой менталитет российской моло-

Литература:

1. *Вовк В.Н.* Патернализм в российском правовом менталитете : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.
2. *Демидова И.А.* Менталитет и ментальность как интегративные научные категории: осмысление в контексте познания правовой культуры общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. №1.
3. *Довлекаева О.В.* Правовой менталитет: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2007.
4. *Емелькина И.В.* Российский правовой менталитет: сущность, специфика, перспективы развития // Мир науки и образования. 2016. №3.
5. *Меняйло Д.В.* Правовой менталитет : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2003.
6. *Мордовцев А.Ю.* Правовой менталитет как основание исследования национального права и

дежи. Однако данная социально-демографическая группа известна неустойчивостью своего социального и социокультурного статуса – такое положение является вполне предсказуемым. Применительно к взрослым членам общества, подобная ситуация становится опасной, так как именно взрослые люди в большей мере рациональны, чем эмоциональны – в отличие от молодежи.

Ряд факторов способен ухудшить состояние российского правового менталитета. Среди них целесообразно отметить:

- социально-экономические проблемы, которые могут повлиять на состояние правопорядка и законности. Противостоять этому возможно лишь посредством стабильной системной духовно-правовой конструкции, важным элементом которой выступает правовой менталитет;
- обострение политической борьбы, в ходе которой традиционно имеет место посприятие норм права во имя обладания властью;
- рост социокультурной, духовно-нравственной напряженности, возникающей вследствие социально-политического напряжения, противоборства различных политических акторов.

Таким образом, нынешнее состояние российского правового менталитета продиктовано социально-историческими особенностями развития нашей страны, а также – уникальными социокультурными и социально-психологическими характеристиками россиян. Вместе с тем, трансформация социальной системы с неизбежностью приводит и к изменениям правового менталитета, которые должны оперативно отслеживаться научно-управленческой мыслью с целью поиска оптимальных социально-управленческих подходов к решению неизбежно возникающих противоречий.

Literature:

1. *Vovk V.N.* Paternalism in the Russian legal mentality : dis. ... cand. the faculty of law. sciences. Krasnodar, 2010.
2. *Demidova I.A.* Mentality and mentality as integrative scientific categories: comprehension in the context of cognition of legal culture of society // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2019. No. 1.
3. *Davleyev O.V.* Legal mentality: socio-philosophical analysis: dis. ... cand. philos. sciences. Rostov-on/D., 2007.
4. *Emelkina I.V.* The russian legal mentality: essence, specifics, development prospects // The world of science and education. 2016. № 3.
5. *Menyailo D.V.* Legal mentality : dis. ... cand. the faculty of law. sciences. Rostov-on/D., 2003.
6. *Mordovtsev A.Yu.* Legal mentality as the basis for the study of national law and public-power or-

публично-властной организации в XXI в. / А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4. С. 444–447.

7. *Овдиенко К.А.* Структура правового менталитета // Общество и право. 2011. № 3. С. 75–77.

8. *Рыбаков В.А.* Правовой менталитет и преемственность в праве // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 2. С. 12–18.

9. *Сигачев К.А.* Определение правового менталитета // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2008. № 1. С. 21–23.

10. URL : <http://www.russika.ru/t.php?t=3026> (дата обращения 10.12.2019).

ganization in the XXI Century / A.Yu. Mordovtsev, A.Yu. Mamychev // Azimuth of scientific research: Economics and management. 2016. Vol. 5. № 4. P. 444–447.

7. *Ovdiyenko K.A.* Structure of the legal mentality // Society and law. 2011. № 3. P. 75–77.

8. *Rybakov V.A.* Legal mentality and continuity in law // Law enforcement. 2017. Vol. № 2. P. 12–18.

9. *Sigachev K.A.* Definition of legal mentality // Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of internal Affairs of Russia. 2008. № 1. P. 21–23.

10. URL : <http://www.russika.ru/t.php?t=3026> (дата обращения 10.12.2019).

Биярсланова Асият Магомедовна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Дагестанский государственный
университет народного хозяйства
bruo2@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ДОХОДАХ, РАСХОДАХ, ОБ ИМУЩЕСТВЕ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы антикоррупционного законодательства, новеллы в законодательстве о представлении государственными служащими сведений о доходах и расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера как инструмент профилактики коррупции в государственных органах.

По мнению автора, одним из действенных элементов, имеющих значительный антикоррупционный потенциал в системе мер по профилактике коррупционных правонарушений должностных лиц, является представление государственными служащими и иными лицами сведений о собственных доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также - аналогичных сведений, касающихся их супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: коррупция, профилактика коррупции, ограничения и запреты в связи с государственной гражданской службой, сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, государственные служащие, антикоррупционные меры, проверка сведений.

Проблема предотвращения и пресечения нарушений антикоррупционных обязанностей, запретов, ограничений, нарушений правил служебного поведения на государственной службе является одной из наиболее острых на протяжении уже нескольких лет.

Одним из действенных элементов, имеющих значительный антикоррупционный потенциал в системе мер по профилактике коррупционных правонарушений должностных лиц, является представление государственными служащими и иными лицами, перечень которых установлен нормативными правовыми актами Российской Федерации, сведений о собственных доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также аналогичных

Asiyat M. Biyarlanova
Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines
GAOU IN Dagestan State University
of National Economy
bruo2@mail.ru

O THE QUESTION OF LEGAL REGULATION OF SUBMISSION OF INFORMATION ON INCOME, EXPENDITURE, PROPERTY PROPERTY AND LIABILITIES OF STATE SERVANTS

Annotation. The article discusses some problems of anti-corruption legislation, novels in the legislation on the submission by government officials of information on income and expenses, on property and property obligations as a tool for preventing corruption in state bodies.

According to the author, one of the effective elements that have significant anti-corruption potential in the system of measures for the prevention of corruption of officials is the submission by state officials and other persons of information about their own income, expenses, property and property obligations, as well as similar information, concerning their spouse and minor children.

Keywords: corruption, corruption prevention, restrictions and prohibitions in connection with the state civil service, information on income, expenses, property and property obligations, government employees, anti-corruption measures, verification of information.

сведений, касающихся их супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Следует отметить, что нормативно-правовая база в данной сфере, в целом, уже сформирована. Так, круг лиц, которые обязаны представлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, определен Федеральным законом от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

Порядок осуществления проверки достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера определен Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и

полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению». Минтруд России разработал Методические рекомендации по вопросам представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и заполнения соответствующей формы справки в 2018 году (за отчетный 2017 год).

Федеральными законами от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» закреплена ответственность за несоблюдение гражданским служащим ограничений и запретов, требований о предотвращении или урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции данными законами. Так, в соответствии со статьей 59.1 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», гражданскому служащему за нарушение данных норм может быть сделано замечание, объявлен выговор или вынесено предупреждение о неполном должностном соответствии. Кроме того, статьей 59.2 Федерального закона от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусмотрена возможность увольнения за утрату доверия, если гражданский служащий, например, не представил сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Аналогичные правовые акты также приняты в субъектах Российской Федерации.

Несмотря на достаточно обширное нормативное и методическое регулирование данной сферы, правоприменительная практика позволяет выявить ряд проблем, связанных с представлением сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера и с их анализом.

Вместе с тем, анализ правоприменительной практики в части представления и последующего анализа сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера позволил выявить следующие недостатки.

Наиболее часто встречающейся проблемой в правоприменительной практике является представление лицом неполных (недостовверных) сведений, что, в основном, обусловлено небрежным (формальным) отношением к заполнению сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, невнимательностью при заполнении справок, а также в связи с отсутствием должной разъяснительной работы по заполнению соответствующих справок.

В большинстве случаев – это ошибки не коррупционного характера и не связано с умыслом

скрыть какие-либо сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

Рассмотрим наиболее частые ошибки, допускаемые при представлении указанных сведений.

В справке о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за отчетный период отсутствуют сведения о недвижимости, транспортных средствах, которые были указаны в справках за предыдущий отчетный период. При этом в графе «Иные доходы» раздела 1 «Сведения о доходах» не указываются доходы от реализации недвижимого и иного имущества.

В разделе 3 «Сведения об имуществе» отражаются только те объекты недвижимости, на который имеется документ о праве собственности.

В разделе 4 «Сведения о счетах в банках и иных кредитных организациях» не указываются сведения о счете, открытом в банке, который использовался в отчетном периоде только для совершения сделки по приобретению объекта недвижимого имущества, либо не отражаются счета в банках, для зачисления заработной платы, либо некорректно указываются наименование, адрес банка, вид счета, дата его открытия.

Не заполняется подраздел 6.1 «Объекты недвижимого имущества, находящиеся в пользовании», при этом подраздел 3.1 «Недвижимое имущество» также не заполняется.

При этом действующим законодательством Российской Федерации предусмотрено юридическая ответственность за указанные нарушения, что подтверждается практикой привлечения к дисциплинарной ответственности в субъектах РФ.

Таким образом, видится необходимость на регулярной основе обеспечивать ознакомление государственных служащих с нормативными и методическими актами, регулирующими порядок заполнения и представления указанных сведений, а также - проведения обучающих семинаров с гражданскими служащими по вопросам заполнения справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

К другой проблеме организационного характера, которая препятствует эффективной работе по выявлению и пресечению коррупционных правонарушений, можно отнести отсутствие возможности оперативного доступа к информации при проверке сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также – соблюдения запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции.

Зачастую, запрос сведений и получение информации от государственных органов, например, органов МВД России, занимает длительное время, что препятствует эффективной работе по выявлению коррупционных правонарушений.

В связи с этим, следует обеспечить доступ должностных лиц, ответственных за профилактику коррупционных и иных правонарушений в государственных органах, к информации, содержащейся в различного рода единых государственных реестрах, например, к сведениям ЕГРИП и ЕГРЮЛ, а также – наладить более эффективное межведомственное взаимодействие органов государственной власти путем заключения соответствующего соглашения с государственными органами, являющимися носителями необходимой информации, в части получения сведений из налоговых органов, органов миграционной службы, органов МВД России. Целесообразным видится создание единой информационно-коммуникационной системы для автоматизированного анализа сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера.

При этом для организации более эффективной работы в данном направлении немаловажное значение будет иметь изучение положительного опыта других субъектов РФ. Так, в Пермском крае для активизации и совершенствования работы по инициированию и проведению всесторонней проверки достоверности и полноты представляемых сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера администрацией губернатора разработана и пилотно апробирована карта анализа и проверки представляемых сведений о доходах, отражающая перечень позиций, подлежащих проверке. Карта анализа и проверки содержит перечень структурированных по разделам справки сведений и документов, которые необходимо проанализировать с целью устранения нарушений правил оформления сведений о доходах, а также – ожидаемые результаты данного анализа. Также, исходя из анализируемых сведений обозначен перечень вопросов, ответы на которые стимулируют инициацию дальнейших проверочных мероприятий, в том числе, перечень организаций, в которые необходимо направить запросы с целью проверки полноты и достоверности представленных сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, фактически выявленные в ходе проверки расхождения.

Другой проблемой организационного характера является наличие узкого перечня круга лиц, имеющих полномочия по сбору информации в целях осуществления анализа справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. С учетом действующего законодательства перечень должностных лиц, наделенных на региональном уровне полномочиями по направлению запросов в кредитные организации, налоговые органы РФ и органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, при проведении проверок в целях противодействия коррупции ограничивается высшими должностными лицами [1, с. 146–153].

Так, в Республике Дагестан запросы в кредитные организации, налоговые органы Российской Федерации и органы, осуществляющие государ-

ственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, направляются Главой Республики Дагестан, Председателем Народного Собрания Республики Дагестан либо специально уполномоченными ими должностными лицами.

В соответствии со статьей 26 Федерального закона от 2 декабря 1990 года № 395-1 «О банках и банковской деятельности» справки по операциям, счетам и вкладам физических лиц выдаются кредитной организацией высшим должностным лицам субъектов РФ (руководителям высших исполнительных органов государственной власти субъектов РФ) при наличии соответствующего запроса. Наличие такого узкого круга лиц, наделенного полномочиями по направлению указанных запросов, препятствует осуществлению оперативной проверки в части наличия у проверяемого лица счетов в банках и иных кредитных учреждениях, наличия ценных бумаг и т.д.

Мы полагаем, что в целях оперативного и должного осуществления проверок для противодействия коррупции необходимо закрепить, как минимум, за руководителем государственного органа субъекта РФ полномочия по направлению запроса по операциям, счетам и вкладам физических лиц в кредитные организации, налоговые органы Российской Федерации и органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним.

Одним из возможных способов в борьбе с коррупцией в государственных органах послужит расширения перечня лиц, о доходах которых должны уведомлять государственные служащие, то есть, помимо супруга (супруги) и несовершеннолетних детей, в список следует включить совершеннолетних детей и родителей государственных служащих.

Требование о представлении членами семьи сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера опирается на узкое понятие семьи, включающее помимо самого должностного лица его супругу (супруга) и несовершеннолетних детей. С одной стороны, основание для этого кроется в самом понимании семьи как нераздельного целого с характерными признаками ведения общего хозяйства, общей «инфраструктурой» для жизни, общими жизненными интересами. Без угрозы утраты или публичной огласки коррупционные доходы должностного лица или приобретаемые на них вещи могут передаваться и перераспределяться между членами семьи, оставаясь при этом в семейном бюджете [2, с. 37–46].

Безусловно, фактический состав семьи должностного лица, а значит, и каналы сокрытия и легализации коррупционных доходов могут быть гораздо шире. Сюда включаются совершеннолетние дети, родители должностного лица либо родители его супруги (супруга). Для этих же целей могут использоваться и связи с иными (близкими и дальними) родственниками.

Кроме того, зарегистрированный брак не является ни единственной, ни обязательной предпосылкой возникновения семьи как социального факта. Семейный союз, основанный на институте гражданского брака, может быть заменен (а не только дополнен) семейным союзом, освященным по религиозным канонам, либо союзом, основанным на чувстве любви, отношениях доверия и взаимной ответственности, скрепленном рождением общих детей (так называемое сожительство). В рамках семьи, основанной на церковном браке либо отношениях сожительства, возникают те же каналы легализации коррупционных доходов, что и в рамках семьи, основанной на гражданском браке. Однако в отсутствие формально определяемых признаков понятия «семья» в указанных случаях требовать от членов семьи декларирования своих доходов оказывается невозможно.

Так, в 2013 году, когда в России был принят новый антикоррупционный закон, обязывающий государственных служащих декларировать сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также – своих супругов и несовершеннолетних детей, по стране прошла волна многочисленных фиктивных расторжений браков у депутатов, чиновников.

Литература:

1. Черепанова Е.В. О некоторых вопросах правового регулирования представления сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 146–153.
2. Баженова О.И. Об эффективности антикоррупционного механизма контроля имущественного положения должностных лиц // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 12. С. 37–46.
3. Фиктивные разводы помогают чиновникам обходить антикоррупционные законы. URL : <https://newsland.com/user/4297677095/content/fiktivnye-razvody-pomogaiut-chinovnikam-obkhodit-antikorrupsionnye-zakony/5379019>

Так, по словам В. Соловьева, заместителя председателя Комитета по конституционному законодательству Государственной Думы Российской Федерации (VI созыв), с того момента, когда депутатов обязали подавать декларацию о доходах в Госдуме, 102 депутата развелись со своими женами. До этого разводов практически не было (в Госдуме V созыва – 7 разводов). Тенденцию фиктивных разводов чиновников, приспособившихся, тем самым, к антикоррупционным требованиям, подтверждает К. Кабанов (председатель Национального антикоррупционного комитета) [3].

Возможным решением может быть внесение изменений в антикоррупционное законодательство, в части обязывания должностных лиц предоставлять сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера не только супругов, находящихся в официальном браке, но - и расторгнувших брак, но продолжающих совместное проживание и ведение хозяйства.

Проведенный анализ показал, что для повышения эффективности реализуемых мер по профилактике коррупции необходимо устранить выявленные недостатки правового и организационного характера на законодательном уровне.

Literature:

1. *Cherepanova E.V.* On some issues of legal regulation of the presentation of information on incomes, expenses, on property and liabilities of a property nature // Journal of Russian Law. 2018. № 3. P. 146–153.
2. *Bazhenova O.I.* On the effectiveness of the anti-corruption mechanism for monitoring the property status of officials // Constitutional and municipal law. 2016. № 12. P. 37–46.
3. Fake divorces help officials circumvent anti-corruption laws. URL : <https://newsland.com/user/4297677095/content/fiktivnye-razvody-pomogaiut-chinovnikam-obkhodit-antikorrupsionnye-zakony/5379019>

Бешкок Алена Анатольевна
преподаватель кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
alena_yarovaya83@mail.ru

Михайловская Ольга Валентиновна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
olichka_miha@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОНТРОЛЯ И ЗАПИСИ ПЕРЕГОВОРОВ

■ ■ ■
Аннотация. Важным критерием эффективной борьбы с преступностью является применение правоохранительными органами технических средств, предназначенных для получения информации, передаваемой, прежде всего, по линиям телефонной связи. В данной статье проанализирована правовая природа следственного действия «контроль и запись переговоров», рассмотрено соотношение данного следственного действия с оперативно-розыскным мероприятием «прослушивание телефонных переговоров».

Ключевые слова: следственное действие, контроль и запись переговоров, прослушивание телефонных переговоров, оперативно-розыскное мероприятие, следователь, дознаватель.

■ ■ ■
Представить современный мир без телефонной связи сегодня вряд ли получится, в последнее десятилетие динамично набирающей обороты и внедряющейся абсолютно во все сферы жизнедеятельности человека. В таких условиях важным критерием эффективной борьбы с преступностью является применение правоохранительными органами технических средств, предназначенных для получения информации, передаваемой, прежде всего, по линиям телефонной связи. И здесь, на наш взгляд, необходимо уделить пристальное внимание относительно новому и довольно сложному следственному действию – контролю и запись телефонных переговоров.

Наличие в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве указанного следственного действия до сих пор вызывает множество дискуссий о правовой природе его производства, целесообразности и обоснованности

Alena A. Beshcock
Teacher of Department
of Criminal Proceedings,
Krasnodar University Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
alena_yarovaya83@mail.ru

Olga V. Mikhailovskaiy
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian Federation,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure
olichka_miha@mail.ru

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF CONTROL AND RECORDING OF NEGOTIATIONS

■ ■ ■
Annotation. An important criterion for effective crime control is the use by law enforcement agencies of technical means designed to obtain information transmitted primarily through telephone lines. This article analyzes the legal nature of the investigative action «control and recording of negotiations», considers the relationship of this investigative action with the operational-search event «wiretapping».

Keywords: investigative action, control and recording of negotiations, wiretapping, operational-search event, investigator, interrogator.

■ ■ ■
проведения, а также его соотношении с оперативно-розыскным мероприятием «прослушивание телефонных переговоров». Ряд российских правоведов, опровергающих принадлежность «контроля и записи переговоров» к следственным действиям, указывают на несоответствие процессуального порядка его проведения и существующего понятия следственного действия.

Впервые возможность прослушивания телефонных переговоров в ходе расследования уголовного дела появилась 12 июня 1990 года в связи с принятием Закона СССР № 1556-1 «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства СССР и союзных республик». Согласно указанному нормативному правовому акту данная мера могла применяться в отношении подозреваемого, обвиняемого и иных лиц, причастных к совершению преступления, в случае наличия угрозы совершения насилия либо вымогательства, а также, иных противоправных

действий в отношении потерпевшего или свидетеля. В качестве основания для производства контроля и записи переговоров требовалось заявление лица, в отношении которого осуществлялись противоправные деяния, постановление органа дознания или следствия с санкцией прокурора, либо определение суда. Процессуальный порядок прослушивания и звукозаписи определялся законодательством каждой из республик Союза ССР, в том числе РСФСР. Единый подход при этом был изложен в «Рекомендациях по применению средств видео и звукозаписи, кинофотоаппаратуры, телефонной связи и использованию полученных результатов при раскрытии и расследовании преступлений», утвержденных совместным законом Верховного Суда СССР, Министерства юстиции, Прокуратуры, МВД и КГБ от 30 июня 1990 года. Указанный закон обязывал привести уголовно-процессуальное законодательство союзных республик в соответствии с общесоюзными рекомендациями, при этом республиканским законодателям было дано право вносить поправки и дополнения по своему усмотрению. В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР подобные дополнения отсутствовали. При формулировании аналогичной нормы в действующем УПК РФ были учтены закрепленные рекомендации с учетом конструктивных замечаний.

Исходя из определения, изложенного в соответствии 14.1 ст. 5 УПК РФ, под контролем и записью переговоров следует понимать следственное действие, заключающееся в контроле и фиксации на записывающие технические средства содержания переговоров подозреваемого, обвиняемого и других лиц путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм на основаниях и в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом. Особенностью рассматриваемого следственного действия является то, что непосредственные контроль и запись переговоров реализуются не лицом, производящим расследование (следователем или дознавателем), а соответствующими специалистами. После производства технических мероприятий следователю и дознавателю предоставляется фонограмма для осмотра и прослушивания. Таким образом, лишь часть действий, составляющих «контроль и запись переговоров» можно отнести к процессуальным.

Соответственно, это основание позволяет многим отечественным правоведом говорить о сходстве рассматриваемого следственного действия и оперативно-розыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров», предусмотренное п. 10 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995.

По мнению А.И. Бастрыкина [1], в качестве следственного действия понимаются поисковые, познавательные и достоверительные действия уполномоченного лица, расследующего уголовное дело, производимые в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и нацеленные на собирание, проверку и оценку

доказательств для установления обстоятельств, составляющих предмет доказывания по конкретному уголовному делу. В свою очередь, Р.Х. Рахимзода [2] даёт следующее определение оперативно-розыскному мероприятию: структурный элемент оперативно-розыскной деятельности, состоящий из совокупности взаимосвязанных действий, носящих разведывательно-поисковый характер и направленных на получение информации о лицах, замышляющих, подготавливающих и совершающих преступления, скрывающихся от следствия и суда и без вести пропавших граждан, а также, о наличии материальных следов преступления.

Проанализировав вышеуказанные определения, а также соответствующие нормы уголовно-процессуального и оперативно-розыскного характера, мы склонны рассматривать контроль и запись переговоров как следственное действие, обладающее рядом признаков, отличающих его от аналогичного оперативно-розыскного мероприятия. Так, в отличие от прослушивания телефонных переговоров, контроль и запись переговоров проводятся по инициативе лица, осуществляющего предварительное расследование и производятся только после возбуждения уголовного дела. Иными отличительными особенностями являются обязательное предоставление результатов контроля и записи переговоров в виде фонограммы следователю или дознавателю, а также наличие у результатов контроля и записи переговоров статуса доказательств. Тем не менее, поскольку рассматриваемое следственное действие неразрывно связано с ограничением конституционных прав человека, оно требует исключительную правовую регламентацию.

Помимо уже упомянутой статьи 186 УПК РФ, правовую основу контроля и записи переговоров составляет целый комплекс законов и подзаконных нормативных актов. В соответствии со статьёй 64 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О Связи» с 2016 года операторы связи, осуществляющие свою деятельность на территории Российской Федерации, обязаны сохранять текстовые сообщения, голосовую информацию, изображения, звуки, видео и иные сообщения абонентов на срок до шести месяцев с момента окончания их приёма, передачи, доставки и обработки в строгом соответствии с правилами, установленными Постановлением Правительства РФ № 445 от 12.04.2018. Эта же статья обязывает операторов связи предоставлять вышеперечисленную информацию, а также сведения о лицах, пользующихся услугами связи, уполномоченным государственным органам, в целях выполнения возложенных на них задач.

Непосредственно взаимодействие операторов связи и уполномоченных государственных органов регламентируются соответствующими правилами, утверждёнными Постановлением Правительства РФ № 538 от 27.08.2005. В частности, оно устанавливает ведущую роль органов федеральной службы безопасности при взаимодействии с операторами связи, также определяя проведение указанных мероприятий органами

внутренних дел при отсутствии у органов федеральной службы соответствующих оперативно-технических возможностей. При этом перечень применяемых для негласного получения информации специальных технических средств законодательно ограничен десятью определёнными законом [3] наименованиями, включая специальные технические средства, предусмотренные для прослушивания телефонных переговоров негласного. Положение о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, конкретизирует понятие «специальные технические средства для негласного прослушивания переговоров» и относит к ним системы проводной связи и радиоаппаратуру, предназначенные для негласного прослушивания телефонных переговоров.

Детальную регламентацию действия, связанные с осуществлением контроля и записи переговоров, получили в подзаконных актах таких ведомств, как Министерство связи и массовых коммуникаций, Федеральная служба безопасности, Министерство внутренних дел и некоторых других, в полномочия которых входит проведение оперативно-розыскных мероприятий. Так, например, в таких нормативных актах Минкомсвязи РФ, как приказ № 6 от 16.01.2008, приказ № 285 от 27.06.2016, закреплены требования к сетям электросвязи для проведения оперативно-розыскных мероприятий. В частности, требуется исключить любую возможность передавать информацию от пункта управления оперативно-розыскным мероприятием к конечным элементам сети или абонентам, а также, влиять на функционирование узла связи и услуг связи. При проведении контроля и записи переговоров уполномоченными государственными органами должен соблюдаться план мероприятия по внедрению технических средств. Требования к плану устанавливаются совместным приказом

Литература:

1. Уголовный процесс : учебник / Под ред. проф. А. И. Бастрыкина. 3-е перераб. И доп. М. : Юрайт, 2016. 172 с.
2. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскные мероприятия в системе оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскной политике // Мир политики и социологии. СПб., 2016. С. 150–162.
3. Постановление Правительства РФ от 10.03.2000 « 214 (ред. от 20.03.2018) «Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, и списка видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию».

Минкомсвязи России и ФСБ России № 391/437 от 01.08.2017.

Поскольку зачастую контроль и запись переговоров производится путём негласных мероприятий с использованием сил и средств подразделений, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, лицами, проводящими указанному мероприятию должны соблюдаться положения ФЗ «О государственной тайне», так как сведения в области оперативно-розыскной информации являются секретными и защищаются государством

Тот факт, что проведение рассматриваемого следственного действия «контроль и запись переговоров» регламентируется большим количеством нормативных правовых актов, регулирующих проведение оперативно-розыскных мероприятий объясняется тем, что в соответствии со ст. 11 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты оперативно-розыскной деятельности, и непосредственно оперативно-розыскных мероприятий, могут использоваться как для подготовки, так и для проведения следственных действий, к числу которых относится контроль и запись переговоров.

Хочется отметить, что правовая основа контроля и записи переговоров не ограничивается перечисленными правовыми актами. Этому способствует ряд факторов. Во-первых, оперативно-техническое обеспечение, используемое при проведении рассматриваемого следственного действия, определяет закрытость некоторых источников, регулирующих проведение контроля и записи переговоров. Во-вторых, в настоящее время заметна тенденция расширения правовой базы указанного следственного действия. Основанием такой тенденции является повышение уровня легитимности и допустимости мероприятий, связанных с ограничением права человека на частную жизнь.

Literature:

1. The criminal process : textbook / Under the editorship of Professor A.I. Bastyrykin. 3rd reprint and additional M. : yurayt, 2016. 172 p.
2. *Rahimzoda R.H.* Operational-search measures in the system of operative-investigative activities and investigative policy // World politics and sociology. SPb., 2016. P. 150–162.
3. The decree of the RF Government dated 10.03.2000 № 214 (edited on 20.03.2018) «On approval of the Regulations on import to the Russian Federation and export from the Russian Federation of special technical means intended for secret receipt of information, and a list of the types of special technical means intended for secret receipt of information, import and which export are subject to licensing».

Гараева Галина Фаизовна

доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры общетеоретических
правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
sophia_kub@mail.ru

Galina F. Garaeva

Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Chair of General
Theoretical and Legal Department,
North-Caucasian branch
of Russian State University of Justice
sophia_kub@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДОВ

Е.Н. ТРУБЕЦКОГО

И П.И. НОВГОРОДЦЕВА

НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

НА РУБЕЖЕ XIX – НАЧ. XX ВВ.

SPECIFICITY OF VIEWS

OF E.N. TRUBETSKOY

AND P.I. NOVGORODTSEV

ON METHODOLOGICAL PROBLEMS

OF NATURAL LAW AT THE TURN

OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Аннотация. В статье рассматривается методологический аспект возрождения естественного права в конце XIX – нач. XX вв. на примере философии права Е.Н. Трубецкого и П.И. Новгородцева. Автор статьи акцентирует внимание на методологическом плюрализме, который становится основой эволюционного развития идеи естественного права в работах Е.Н. Трубецкого и П.И. Новгородцева. Критический анализ естественно-правового наследия прошлых столетий показал его отстраненность от проблем новой исторической эпохи. Оставаясь на позиции методологического монизма, невозможно было преодолеть указанный недостаток. Е.Н. Трубецкой и П.И. Новгородцев рационально-критически подошли к выбору методологического основания идеи возрождения естественного права и способствовали ее содержательному наполнению, обратившись к методологическому плюрализму.

Ключевые слова: метод, кризис методологии права, методологический плюрализм, философия права Е.Н. Трубецкого, философия права П.И. Новгородцева, естественное право, позитивное право, исторический метод, эволюция естественно-правовой концепции.

Ф илософско-правовое наследие мыслителей прошлых столетий не утрачивает своей актуальности и в наши дни. Особый интерес представляет анализ их работ с точки зрения методологического поиска, так как вопросы методологии познания права никогда не теряют своей актуальности, тем более, если имеет место попытка рассмотреть феномен права как многоаспектное явление на основе принципа методологического плюрализма.

Период конца XIX – начала XX вв. в истории естественного права в Западной Европе и Рос-

Annotation. The article deals with the methodological aspect of the revival of natural law in the late XIXth – early XXth centuries by the example of the philosophy of law of E.N. Trubetskoy and P.I. Novgorodtsev. The author of the article focuses on the methodological pluralism, which becomes the basis of the evolutionary development of the idea of natural law in the works of E. N. Trubetskoy and P.I. Novgorodtsev. A critical analysis of the natural-legal heritage of the past centuries showed its detachment from the problems of the new historical era. Remaining on a position of methodological monism it was impossible to overcome the specified lack. E.N. Trubetskoy and P.I. Novgorodtsev rationally and critically approached the choice of the methodological basis of the idea of the revival of natural law and contributed to its content, turning to methodological pluralism.

Keywords: method, crisis of methodology of law, methodological pluralism, philosophy of law by E.N. Trubetskoy, philosophy of law by P.I. Novgorodtsev, natural law, positive law, historical method, evolution of natural law concept.

сии имеет особое значение, так как является переломным моментом с точки зрения новых импульсов для переосмысления мировоззренческих и методологических проблем естественного правопонимания. Этот период характеризовался подведением итогов господства позитивистского подхода к праву, который, как казалось, основательно утвердился в правовой теории и практике XIX века, оттеснив «в тень» естественно-правовую концепцию права. К тому же, исторический и социологический принципы, утвердившиеся в качестве эффективных методологических инструментов в объяснении правовых явле-

ний, не могли обеспечить целостный взгляд на право, и охватить помимо прошлого и настоящего, также – проблемы будущего развития правовой системы, раскрыть сущность правового идеала. Не случайно, в это время стал подниматься вопрос о том, что юриспруденция из науки превратилась в служанку законодательства.

Потребность в реформировании правовой науки ощущалась практически всеми юридическими школами, ведь, наряду с несомненными достоинствами исторического и социологического подходов к праву, открылась также их методологическая ограниченность. На этом фоне особую актуальность стала приобретать тема возрождения естественного права, которое рассматривалось в качестве антипода по отношению к позитивному праву. Однако это была непростая задача, ведь, историческая школа права предложила простой и понятный подход к праву, который не нуждался в естественно-правовой концепции. Следовательно, возродить естественное право можно было, только критически осмыслив сложившуюся ситуацию и естественно-правовое наследие. В качестве неотложных вопросов, на которые необходимо было ответить сторонникам естественного правовопонимания, были такие, как:

– критическая оценка естественного права с точки зрения новых исторических условий и возможностей;

– поиск новых методологических оснований познания права в целом и естественного права, в частности; взаимосвязь естественного и позитивного права, фундаментальные основания естественного права;

– диалектика формы и содержания, абсолютного и относительного в естественном праве ит.д.

Все эти вопросы были актуальными не только для дальнейшей судьбы естественно-правовой школы, но и для сложившейся в конце XIX – нач. XX вв. ситуации, связанной с необходимостью реформирования правовой науки и поиском новых методологических оснований в правовом познании.

В числе представителей естественного типа правовопонимания, внесших заметный вклад в его развитие на рубеже XIX – нач. XX вв. в России, были Е.Н. Трубецкой и П.И. Новгородцев. Философско-правовое творчество каждого из них отразило круг проблем одного и того же исторического времени, а, следовательно, даёт возможность сравнительного анализа их взглядов, выявления общих и особенных моментов в отношении эволюционного развития естественного правовопонимания в рассматриваемый период.

Е.Н. Трубецкой (1863–1920) – правовед, философ и общественный деятель, сторонник развития естественно-правовой идеи в новых исторических условиях. При этом он не только критически осмыслил естественно-правовое наследие прошлых столетий, но и обратился к методологическим проблемам правового познания, в том числе и применительно к естественному праву.

Осознав ошибку старых теоретиков естественно-правовопонимания, которые разделяли метафизический подход, а потому утверждали вечный и неизменный характер содержания естественного права, Е.Н. Трубецкой, по существу, стал рассматривать его с диалектической позиции. Он выделил в естественном праве, как неизменяющую составляющую, так и ту, которая испытывает воздействие исторических факторов. Это была не просто реакция на критику сторонников исторической школы права, а эволюционное развитие идей естественного права, сопряженное с развитием методологии. Важно подчеркнуть, что, обращаясь к методологическим проблемам естественного права, Е.Н. Трубецкой рассматривал их в контексте кризисного состояния правовой науки конца XIX – нач. XX вв. и видел пути выхода из этого состояния в следовании методологическому плюрализму, который нашел отражение в его творчестве.

Е.Н. Трубецкой подчеркивал, что всякая правовая теория, наряду с определенными недостатками также содержит долю истины, а следовательно, является только частью правового знания и не может рассматриваться как завершенное целое [1]. Преодоление методологического монизма старой школы представителей естественного правовопонимания Е.Н. Трубецкой видел не в дальнейшем совершенствовании какого-либо одного метода, позволяющего раскрыть новые грани в познании естественного права, а обратился к методологическому арсеналу, сложившемуся в то время в правовой науке и успешно использовал его, следуя методологическому плюрализму. Оставаясь верным исходному тезису естественно-правовой школы о том, что естественное право отражает вечный закон добра, есть вечная идея права, в тоже время, Е.Н. Трубецкой, следуя диалектическому подходу и принципу историзма, выделяет в естественном праве исторически изменяющееся содержание, обусловленное решением задач конкретного исторического периода. Такой взгляд на сущность естественного права определялся тем, что оно является нравственным правом, а нравственность, заключающая в себе вечный закон добра и блага, с одной стороны, существует через это вечно, а с другой стороны, изменяется, так как меняются конкретные задачи по достижению добра и блага у различных народов и разных обществ.

Методологический плюрализм, пришедший на смену методологическому монизму в отношении естественного права и нашедший выражение, на наш взгляд, в философско-правовом творчестве Е.Н. Трубецкого, позволил более чётко выявить диалектику личного и общественного блага. «Естественное право, – отмечал Е.Н. Трубецкой, – ... предписывает, чтобы каждое отдельное лицо пользовалось внешней свободой в тех пределах, в каких это требуется добром. Требование это может быть сформулировано еще и таким образом: отдельному лицу должен быть предоставлен максимум внешней свободы, совместимой с благом общества как целого» [2]. Признавая важность баланса личного и общественного интереса в правовом регулировании, Е.Н. Трубец-

кой подчеркивал большое значение личностного начала для понимания права, а точнее – того обстоятельства, что каждое лицо обладает свободой – внутренней и внешней. И если внутренняя свобода не поддается регулированию и ограничению, то внешняя свобода лица, связанная с осуществлением тех или иных действий для достижения целей, может быть подавлена, ограничена или стеснена либо внутренней свободой, либо внешним средством – нормой права. Имея ввиду данное обстоятельство, Е.Н. Трубецкой определяет право как внешнюю свободу, предоставленную и ограниченную нормой [3].

Развивая концепцию естественного права в новых исторических условиях, когда большинством правоведов разделялась позитивистская парадигма, Е.Н. Трубецкой, стремясь к целостному восприятию права, признал необходимость властного авторитета для обеспечения действия нормы права, в том числе и естественного права. В силу того, что естественное право не выражено в форме кодекса, конкретных правовых норм, возникает проблема его соблюдения и решить ее возможно, только призывая внешний авторитет. «Этим оправдывается существование такого внешнего авторитета, такой власти, которая бы имела полномочие установить права, обязательные для всех членов той или другой общественной группы, и решать споры о праве» [4], – подчеркивает Е.Н. Трубецкой. Развивая концепцию естественного права и дополняя ее элементами, созвучными новым историческим условиям и новым методологическим подходам к праву, Е.Н. Трубецкой остается верен главному – признанию неразрывной связи права и нравственности, а потому подчёркивает: «Разумеется, с точки зрения общественного права, может быть оправдан не всякий общественный авторитет, не всякая власть как таковая, а только тот авторитет и та только власть, которая действительно служит общему благу и в данное время, и при данных исторических условиях является наиболее пригодным орудием для осуществления правды в общественных отношениях» [5].

Содержательный анализ кризисного состояния естественно-правовой школы, недостатков позитивистского подхода к праву, ограниченных возможностей исторического и социологического методов познания права нашли отражение в работах видного представителя естественно-правовой школы П.И. Новгородцева (1866–1924). Несмотря на то, что взгляды П.И. Новгородцева на проблему реформирования науки права отражают особенности вполне определенного исторического времени, они и сегодня не потеряли своей актуальности в принципиальных моментах и обретают особое значение в свете современных методологических исканий теоретиков и философов права, обращающихся к методологическому плюрализму и вопросам интегративного подхода к праву с целью преодоления одностронности и неполноты знания о нем.

Свою работу «Нравственный идеализм в философии права» П.И. Новгородцев всецело посвящает вопросу возрождения естественного права.

Но на самом деле, в этой работе он не только отстаивает объективную необходимость присутствия естественного права в жизни людей, но и поднимает серьезные методологические вопросы, в том числе, и проблему методологического плюрализма. Подобного рода утверждения становятся возможны в силу анализа методологической позиции П.И. Новгородцева, который, признавая необходимыми исторический и социологический подходы, в тоже время, отмечает их ограниченные возможности в раскрытии сущности права. Так, согласно историческому принципу в познании права, становится возможным рассматривать его с точки зрения особенностей конкретной исторической среды и эпохи. Но другие важные вопросы, например, связанные с должным в праве и соответствующим ему целеполаганием, исторический метод решить не способен, так как ограничен выявлением естественных (эмпирических) причин правовых явлений и позитивных норм. Он не поднимается до вопроса о должном в праве, так как имеет дело только с конкретным историческим результатом.

Однако позитивная наука о праве не могла удовлетвориться только конкретным уровнем его постижения и потому, наряду с историческим методом стал активно использоваться социологический, который рассматривал право в неразрывной связи с общественным строем, но не усматривал в нравственности закон личной жизни и внутреннюю абсолютную ценность, которой нельзя пренебрегать безнаказанно. Таким образом, выявляя недостатки известных методов познания права, П.И. Новгородцев соотносил их с вопросом о границах познания, которые устанавливаются методом. Эти границы определяют не только результат научного познания, но и соответствующий понятийно-категориальный аппарат.

Для того, чтобы постичь иные важные аспекты права, считал П.И. Новгородцев, необходимо обратиться к другим терминам и понятиям, а также, к иным методам познания. В качестве таких терминов, описывающих право и открывающих объективно необходимые явления, выступают «естественное право», «нравственный закон», «правовой идеал» и т.п. Их «изъятие» из правовой науки в условиях торжества позитивистского типа правопонимания не могло отменить эти явления де факто. Естественное право – это всегда проблема должного в праве, соответствия нравственной норме, критическая оценка позитивного права.

Отстаивая мысль об объективно необходимом присутствии естественного права в жизни людей, П.И. Новгородцев отмечал: «Мысль человеческая имеет это свойство жить не только в настоящем, но и в будущем, переносить в него свои идеалы и стремления, и, в этом смысле, естественно-правовые построения являются неотъемлемым свойством нашего духа и свидетельством его высшего призвания» [6].

Естественное право, согласно П.И. Новгородцеву, выступает живой потребностью, необходимым законом научного развития и звеном в из-

вестной системе понятий, так как оно отвечает нравственной сущности человека. В силу абсолютного характера нравственного начала, имманентного для человека как разумного существа, только он обладает способностью выносить свой суд над историей и изменчивым позитивным правом. Иными словами, истоки естественно-правовых взглядов находятся в личности, ее потребности в нравственной оценке правовых явлений и стремлении к правовому идеалу, отвечающему нравственной норме.

Как видно, идейная позиция П.И. Новгородцева не была простым созвучием и продолжением теорий XVII–XVIII вв., в которых естественное право понималось только как первоначальные нормы, закрепленные в результате общественного договора и образования государства. П.И. Новгородцев истолковывал естественное право в качестве вечного неотъемлемого права человеческой личности, имеющего нравственную природу и характер абсолютной ценности и определял его как совокупность моральных (нравственных) представлений о праве (не положительном, а должноствующем быть), как идеальное построение будущего и нравственный критерий для оценки, существующей независимо от фактических условий правообразования. Такое представление о естественном праве стало возможным, благодаря философскому анализу, который позволял выявить идеальные первоосновы права и их неразрывную связь с личностью. «Формулу философского изучения права мы уже установили выше: это изучение берет право не как историческое и общественное явление – эта точка зрения вполне уместна, а как явление и закон личной жизни, как внутреннюю абсолютную ценность» [7]. Иными словами, развивая естественно-правовую концепцию, П.И. Новгородцев в качестве метода адекватного предмету исследования и дополняющего уже известные методы познания права называет идеалистическую философию, а точнее – нравственный идеализм. Такой подход отвечал не только идее возрождения естественного права, восстановления его авторитета после «атак» позитивистов, но соответствовал целям и задачам реформирования юриспруденции. С точки зрения П.И. Новгородцева, крупной и знаменательной работа юриспруденции может быть только тогда, когда она основывается на идеальных началах и вдохновляется ими. Квинтэссенция реформаторского взгляда П.И. Новго-

родцева на юриспруденцию заключается в обращении к правовому идеалу, нравственному идеалистическому основанию права, неразрывно связанного с естественным правом.

На первый взгляд, возвращение к правовому идеалу – это возвращение к истокам юриспруденции и, следовательно, оно должно быть гармонично принято юридической общественностью. Однако отмечал П.И. Новгородцев, для этого необходим не только призыв возвращения к идеальным началам права, но и сама готовность юристов выступить субъектами реформирования юриспруденции.

Развивая идеи естественного права, П.И. Новгородцев не противопоставлял методологическую базу естественно-правового подхода к праву позитивистским методам, а напротив, подходил к методологическим вопросам с позиции признания плюрализма методов познания права. Так, в частности, он отмечал, необходимость использования исторического и социологического методов познания, раскрывающих общественную и изменчивую природу права. Необходимым при изучении права является и нормативный подход, который, однако, он, также, дает неполное знание о праве, ограничиваясь лишь эмпирическим уровнем его проявления. Если же нормативный подход развить далее в направлении философского осмысления, то «...нормативное рассмотрение, философски поставленное, должно продолжить свои линии в ту глубину человеческого сознания, из которой черпают свою силу все нормы» [8]. Таким образом, П.И. Новгородцев показал системный и неслучайный характер взаимосвязи методов познания права, каждый из которых позволяет познать в праве какие-либо свойства, в совокупности, составляющие его единую сущность.

Рассмотрев особенности подходов к анализу концепции естественного права, которые имели место в философско-правовом наследии Е.Н. Трубецкого и П.И. Новгородцева, можно говорить о том, что предпринятое ими возрождение естественного права, выразившееся в дальнейшем развитии этой идеи, происходило на основе методологического плюрализма, что позволило дополнить естественное правопонимание аспектами, отражающими особенности этого типа правопонимания в новых исторических реалиях XIX–XX веков.

Литература:

1. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права // Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. М., РХГИ, 2001. С. 303.
2. Трубецкой Е.Н. Указ.соч. С. 323.
3. См.: Указ. соч. С. 292.
4. Указ.соч. С. 326.
5. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права // Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. С. 326

Literature:

1. *Trubetskaya E.N.* Lectures on the Encyclopedia of Law // Trubetskaya E.N. Works on the Philosophy of Law. M., RKHGI, 2001. P. 303.
2. Trubetskaya E.N. Index. P. 323.
3. See: Decree. Fr. P. 292.
4. Decree.soch. P. 326.
5. *Trubetskaya E.N.* Lectures on the Encyclopedia of Law // Trubetskaya E.N. Works on the Philosophy of Law. P. 326.

6. *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сборник статей (1902). М. : Модест Колеров и «Три квадрата». 2002. С. 522.

7. *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сборник статей (1902). С. 557.

8. *Новгородцев П.И.* Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма. Сборник статей (1902). С. 554.

6. *Novgorodians П.И.* Moral idealism in the philosophy of law // Problems of idealism. Collection of Articles (1902). М. : Modest Kolerov and «Three Squares». 2002. P. 522.

7. *Novgorodians П.И.* Moral idealism in the philosophy of law // Problems of idealism. Collection of articles (1902). С. 557.

8. *Novgorodians П.И.* Moral idealism in the philosophy of law // Problems of idealism. Collection of articles (1902). С. 554.

Голубихина Наталья Валерьевна

кандидат юридических наук,
заместитель начальника
кафедры конституционного
и административного права,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

Назарова Екатерина Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры
теории и истории права и государства,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

**СТИХИЙНЫЕ ФАКТОРЫ
ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ
КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**

Аннотация. В статье отмечается, что формирование правовой культуры играет важную роль в становлении гражданина демократического государства. Особое значение процесс формирования правовой культуры имеет в молодежном возрасте, в активной фазе социализации. В современном информационном обществе генезис правовой культуры осуществляется не только системными, но и стихийными инструментами, к числу которых относятся Интернет, информационно-компьютерные технологии и электронные СМИ, активной аудиторией которых является молодежь.

Ключевые слова: общество, государство, право, правовая культура, молодежь, социализация, Интернет, информационно-компьютерные технологии, электронные СМИ.

Правовая культура – один из ключевых элементов социокультурной системы, обеспечивающей стабильное функционирование государства и его системы права. Правопорядок и законность достигаются институтом государства не только применением насильственного принуждения (или угрозой такового). Важное значение имеет именно осознание большинством граждан необходимости и важности права, соблюдения законов, уважения прав и свобод других людей. Убежденность в утилитарности (не только в общественном, но и личном аспектах) государства, государственной власти продуцирует правомерное поведение, позволяет преодолевать риски криминализации, радикализма, экстремизма в масштабах государства. Одним из таких элементов социокультурной регуляции поведением людей является правовая культура.

Natalia V. Golubikhina

Candidate of Law Sciences,
Deputy Head of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Milena.555@mail.ru

Ekaterina A. Nazarova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
at the Department of Theory
and History of Law and State,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Milena.555@mail.ru

**SPONTANEOUS FACTORS
OF FORMATION OF LEGAL CULTURE
OF THE RUSSIAN YOUTH**

Annotation. The article notes that the formation of legal culture plays an important role in the formation of a citizen of a democratic state. Of particular importance is the process of formation of legal culture in youth, in the active phase of socialization. In the modern information society, the Genesis of legal culture is carried out not only by systemic, but also by spontaneous tools, which include the Internet, information and computer technologies and electronic media, the active audience of which is young people.

Keywords: society, state, law, legal culture, youth, socialization, Internet, information and computer technologies, electronic media.

В.П. Сальников определяет правовую культуру как «особое социальное явление, которое может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, подлежащее структурированию по различным основаниям» [6, с. 29].

По мнению В.Н. Гуляихина, правовая культура – это «духовная и материальная система правовой жизни социума, детерминируемая общественно-экономическим строем, и оцениваемая исходя из достигнутого уровня развития правосознания, правовой деятельности, юридической техники и эволюции человека как субъекта права» [2, с. 135–158].

С точки зрения Т.В. Синюковой, правовая культура является сферой практики людей, прояв-

ляющей как «совокупность норм, ценностей, юридических институтов, процессов и форм, выполняющих функцию социоправовой ориентации людей в конкретном обществе (цивилизации)» [7, с. 17].

Е.К. Кибизова акцентирует внимание на социально-исторических факторах генезиса и развития правовой культуры, так как право неразрывно связано с динамикой института государства и государственной власти в стране. Автор отмечает, что «правовая культура – это исторически сложившаяся разновидность общей культуры, которая находит выражение в формировании, сохранении и передаче правовых ценностей, служащих критериями юридически значимого поведения» [3, с. 83–88].

Правовая культура характеризуется сложной структурой. Как полагают Л.А. Петручак и А.В. Корнев, речь идет о «многоуровневом образовании, «включающем в себя правовую культуру общества, классов, социальных групп, отдельной личности» [5, с. 203–217].

Очевидно, что формирование конструктов правовой культуры личности предполагает не только получение необходимого объема знаний о праве, что также представляет собой проблему в современной системе среднего образования – у молодежи нередко эти знания носят отрывочный, фрагментарный и неполный характер. Речь идет о формировании отношения социализирующейся личности к праву, «размещения» права в системе индивидуальных социокультурных координат – мировоззрения, ценностей, идеалов и т.п. Подобный результат достигается не только усилиями личности (этого зачастую бывает недостаточно для успешного формирования правовой культуры), но и институциональных структур, агентов правовой социализации. В условиях общества XXI в. с кардинальными изменениями в процессах передачи социального опыта и культурного наследия (с возрастанием роли масс-медиа и Интернет) на первый план выходит проблема самостоятельного усвоения правовой культуры и соответствующего формирования правового облика личности. В этой связи правомерен вопрос о том, какие последствия такая ситуация будет иметь как в правовой сфере, так и в государстве в целом.

С точки зрения А.А. Курносенко, «процесс усвоения молодежью стандартов и установок правовой культуры на сегодняшний день не мыслим без интернет-среды, которая во многом замещает инструменты формальной коммуникации неформальными. Вследствие этого имеет место нарушение процесса передачи знаний, социального опыта от старших поколений к молодежи, что неизбежно негативно сказывается на состоянии правовой культуры и динамике ее развития» [4, с. 10–12]. Автор справедливо отмечает, что симуляционная виртуальная интернет-среда не обладает возможностями в полной мере заменить традиционные инструменты передачи социального и культурного опыта. В значительной степени это относится и к генезису правовой культуры в современных условиях. Практически

безграничная свобода коммуникаторов в Интернете, возможность удаленного размещения сообщений, в том числе и из-за пределов России, предоставляет экстремистам, радикалам, различным асоциальным и антисоциальным личностям отрицательно воздействовать на правовую социализацию молодежи, подростков, таким образом, деформируя правовую культуру, разрушая основы, на которых она базируется.

Острота проблемы стихийного, а не целенаправленного, системного формирования правовой культуры в условиях современного российского социума видится нам в том, что структура полноценной правовой культуры подразумевает наличие не только знаний о праве (что теоретически можно достичь даже посредством самообразования, в том числе и в Интернете), но и превращение правовой информации в правовые убеждения, идеологии, мировоззренческие комплексы. Эффективность таких самостоятельных действий социализирующихся личностей можно поставить под серьезное сомнение. Еще большую сложность предполагают алгоритмы правомерных практик, которые формируются на основе правовой информации и правовых убеждений. В данном аспекте серьезное негативное влияние оказывает сложившаяся на сегодняшний день правовая реальность российского общества с достаточно высоким уровнем коррупции, организованной преступности. Едва ли не самой большой проблемой выступает глубокая криминализация обыденного сознания россиян, репрезентирующаяся в интернет-пространстве.

В качестве примера проанализируем реакцию пользователей глобальной сети на сообщение об умышленном поджоге машины в Краснодаре от 19.12.2019. Реакцию большинства пользователей социальной сети «В Контакте» сообщества «Типичный Краснодар» олицетворил комментарий: «Просто так авто не подожгут, как по мне» набрал 106 лайков, противоположный по смыслу комментарий собрал лишь 62 лайка – по данным на 20.12. 2019 [9]. Большинство комментариев интернет-пользователей и реакции на данный комментарий – оправдывают правонарушителя. При этом транслируется криминальная идеология и мировоззрение, связанные с тем, что лиц, нарушающих «криминальные понятия», необходимо самовольно наказывать, исходя из криминальных мотивов, вопреки праву и законам. Подобное распределение мнений среди пользователей обычного провинциального интернет-ресурса демонстрирует актуальный на данный момент тренд виртуальной реальности, связанный с фактической пропагандой идеи и устоев криминального мира. В результате, социализирующаяся личность, сталкиваясь с подобной информацией, рискует также деформировать свое отношение к праву, в том числе и правовую культуру.

Однако именно такие и подобные им интернет-ресурсы осуществляют стихийную правовую социализацию подрастающего поколения россиян. «Втягиваясь» в обсуждение криминальной повестки дня, повергаясь манипулированию фактами, «передергиванием» социально-правовой

информации, сознание подростков и молодежи оказывается просто не в состоянии сформировать объективную картину правовой реальности, валидную нынешней российской действительности.

Как справедливо отмечает В.М. Фатьянов, «вместе с развитием интернет-технологий обостряется проблема формирования правовой культуры современной молодежи. В условиях глобального социокультурного кризиса происходит деструкция традиционных механизмов передачи основ правовой культуры, опыта старшего поколения молодым гражданам. Ключевой проблемой является хаотичный, стихийный характер социализации, вследствие чего происходит деформация правовой культуры молодежи» [8, с. 58–60].

Формирование правовой культуры активно происходит именно в молодежной среде. В этом аспекте необходимо учитывать особенности реципиентов важной социально-правовой информации. Молодежь, в отличие от других групп, общностей, слоев, классов российского общества XXI в. отличается рядом уникальных характеристик. Как отмечает В.Н. Гуляихин, «кроме неопределенности своего общественного статуса, другой отличительной чертой российской молодежи является ее слабая социальная интеграция и, соответственно, слишком высокий уровень дифференциации, в основе которой лежат разнообразные экономические, географические, этнические, религиозные и культурные причины и факторы» [1, с. 88–104].

Работа по формированию различных социокультурных конструктов в сознании российской молодежи весьма сложна и требует привлечения наработок различных наук об обществе – социологии, психологии и др. Воздействие на генезис правовой культуры молодежи со стороны государства должно быть взвешенным, весьма осторожным и, главное, не ангажированным. В противном случае, молодые люди, отличающиеся серьезным конструкторным потенциалом, могут начать демонстрировать антисоциальные и антиправовые стратегии поведения в качестве своеобразной «защитной реакции» на предполагаемое «внешнее вторжение» в их жизненный мир.

Ключевую роль в формировании правовой культуры российской молодежи должно играть государство. Это объясняется тем, что одним из наиболее значимых регуляторов правовой культуры является государственная власть. Государство играет особую роль в становлении и развитии правовой культуры, формулирует правовые нормы как важнейшие компоненты соционормативной системы общества в качестве общеобязательных для всех людей. Инструменты социального контроля в значительной мере находятся под влиянием субъектов власти.

Управление процессом генезиса и развития правовой культуры российской молодежи представляется не оптимальным. В настоящее время слабо используется потенциал эмпирической науки, которая могла бы, в опоре на первичную

информацию, выработать рекомендации для государственных управленческих структур по оптимизации ситуации с генезисом и развитием правовой культуры. Сейчас интернет-среда обладает очевидными преимуществами в аспекте трансляции идей, которые внедряются в сознание молодежи, оказывает воздействие на ее правовое поведение.

Таким образом, объективными атрибутами глобального информационного общества XXI в. являются доминирующие каналы и инструменты стихийной социализации, осуществляющиеся посредством интернет-коммуникации. Традиционные агенты социализации – семья и образовательные учреждения, утрачивают свои позиции под воздействием тотального проникновения информационно-компьютерных технологий в жизнь общества. Подобные тенденции оказывают существенное влияние на правовую социализацию российской молодежи, на ее приобщение к правовой информации, а шире – правовой реальности.

Вместе с тем, приобщение молодежи к правовой реальности, усвоение подрастающим поколением правовой информации с целью формирования отношения к правовым явлениям, предполагают весьма сложные инструменты, обычно, свойственные для системы образования и воспитания. Однако интернет-среда не обладает подобным потенциалом. Ее сила проявляется в использовании потенциала межличностной и групповой коммуникации социальными сетями, форумами, блогами Интернета. Именно поэтому такие сообщения вызывают доверие молодых людей. Качество транслируемой правовой информации не позволяет сформировать в полной мере полноценную правовую культуру, особенно ее общетеоретические конструкты. Слабость теоретической основы правовой культуры неизбежно низводит ее до уровня обыденного, неспециализированного сознания, которое зачастую оказывается не в состоянии рефлексировать по поводу сложных, неоднозначных социально-правовых явлений, процессов, феноменов.

Описанное противоречие осложняется социально-психологическими, социокультурными и социально-возрастными характеристиками молодежи. Именно поэтому данная особая социально-возрастная группа российского общества весьма сложно осваивает и усваивает правовую информацию, предполагающую рационально-логическое, а не эмоционально-чувственное реагирование. В силу возрастного положения и социального статуса молодежи сложно воспринимать правовые конструкты, а тем более – рефлексировать по их поводу, формировать собственное отношение к праву. Именно поэтому молодые пользователи Интернета с готовностью воспринимают чужое мнение о праве, зачастую на эмоциональном, нерассудочном уровне. Этим пользуются опытные интернет-коммуникаторы, преследующие свои цели, далеко не всегда правомерные. Так, в Интернете формируются весьма опасные стереотипные (не вытекающие из собственного жизненного опыта молодых людей)

суждения о несправедливости права, законов в России, в связи с чем, сознание молодежи «подводится» к тезису о том, что антиправовое поведение – это некая форма протеста против сложившейся объективной реальности.

Данная проблема, вместе с тем, недооценивается современной системой государственного управления – это подтверждает незначительное число научных публикаций по данной тематике. Последствия отрицательного воздействия стихийных факторов формирования правовой культуры российской молодежи посредством, прежде

Литература:

1. *Гуляихин В.Н.* Вхождение российской молодежи в общественно-правовую жизнь: роль правовой социализации // Юридические исследования. 2013. № 11. С. 88–104.
2. *Гуляихин В.Н.* Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Вопросы права и политики. 2013. № 4. С. 135–158.
3. *Кибизова Е.К.* Проблемы формирования правовой культуры молодежи в России // Инновационная наука. 2017. № 4. С. 83–88.
4. *Курносенко А.А.* Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества : дис. ... канд. соц. наук. Краснодар, 2016. С. 10–12.
5. *Петручак Л.А.* Современный российский социум и формирование правовой культуры молодежи / Л.А. Петручак, А.В. Корнев. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2018. № 5. С. 203–217.
6. *Сальников В.П.* Правовая культура // Актуальные проблемы теории права / Под ред. К.Б. Толкачева и А.Г. Хабибулина. Уфа, 1995.
7. *Синюкова Т.В.* Правовая культура // Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. Саратов, 1995.
8. *Фатьянов В.М.* Роль сетевых коммуникаций в процессе формирования правовой культуры современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 58–60.
9. URL : https://vk.com/typical_krd?w=wall-33025155_8533990 (дата обращения 20.12.2019).

всего, глобальной сети Интернет могут быть весьма серьезными, так как именно молодежь – стратегический ресурс развития государства в ближайшей временной перспективе. В настоящее время государство должно оптимизировать подходы к правовой социализации молодежи, в том числе и к формированию правовой культуры, так как «передоверие» вещательной инициативы интернет-коммуникаторам в этом вопросе несет в себе неоднозначные последствия – как на макро-, так и на микроуровне социальной реальности.

Literature:

1. *Gulyikhin V.N.* The entry of Russian youth into social and legal life: the role of legal socialization // Legal studies. 2013. № 11. P. 88–104.
2. *Gulyaikhin V.N.* Legal culture as an object of scientific research: methodological approaches, structure and assessment criteria // Questions of law and policy. 2013. № 4. P. 135–158.
3. *Kibizova E.K.* Problems of formation of legal culture of youth in Russia // Innovative science. 2017. № 4. P. 83–88.
4. *Kurnosenko A.A.* Internet in the process of formation of legal culture of youth in the conditions of transforming Russian society : dis. ... cand. soc. sciences. Krasnodar, 2016. P. 10–12.
5. *Petruchak L.A.* Modern Russian society and formation of legal culture of youth / L.A. Petruchak, A.V. Kornev // Bulletin of the Moscow state linguistic University. Education and pedagogical Sciences. 2018. № 5. P. 203–217.
6. *Salnikov V.P.* Legal culture // Actual problems of the theory of law / ed. By K.B. Tolkahev and A.G. Khabibulin. Ufa, 1995.
7. *Sinyukova T.V.* Legal culture // Theory of state and law: a course of lectures / ed. By N.I. Matuzov and A.V. Malko. Saratov, 1995.
8. *Fatyanov V.M.* The role of network communications in the process of formation of legal culture of modern Russian youth // Humanities, socio-economic and social Sciences. 2018. № 1. P. 58–60.
9. URL : https://vk.com/typical_krd?w=wall-33025155_8533990 (дата обращения 20.12.2019).

Горовая Виктория Юрьевна
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
v.deminova@inbox.ru

Горовой Святослав Александрович
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

Стародубцева Мария Александровна
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
starodubzewa@gmail.com

О КВАЛИФИКАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Публичность призыва означает его открытый характер, обнародование в присутствии публики, адресованное к широкой аудитории. Достаточно спорным является вопрос относительно количества адресатов призывов. В настоящей статье понимаются проблемы квалификации состава публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Некоторые признаки публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности подвергаются сомнению, предлагается иное их видение.

Ключевые слова: публичные призывы, экстремистская деятельность, экстремизм, экстремистские материалы.

Термин «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний) определяется как «приверженность к крайним взглядам и радикальным мерам, а также реализация этих мер» [2, с. 122]. Актуальность темы исследования подтверждают данные официальной статистики. Всего за 2018 год судами Алтайского края было рассмотрено 14 уголовных дел экстремистской направленности в отношении 15 лиц (в 2017 году – 17 дел в отношении 19 лиц). При этом за преступления экстремистской направленности, совершенные с использованием сети «Интернет», осуждено 9 лиц.

Принятие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – ФЗ № 114) [3] ознаменовало серьезные изменения и дополнения в УК РФ. В частности, в этот период термин «экстремизм» получил уголовно-правовое закрепление и одновременно сформировалась группа

Victoria Yu. Gorovaya
Master of Law Institute,
Altai State University
v.deminova@inbox.ru

Svyatoslav A. Gorovoy
Master of Law Institute,
Altai State University
svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

Maria A. Starodubtseva
Master of Law Institute,
Altai State University
starodubzewa@gmail.com

ABOUT QUALIFICATION OF PUBLIC APPEALS TO IMPLEMENTATION OF EXTREMIST ACTIVITY

Annotation. The publicity of the appeal means its open character, publicity in the presence of the public, addressed to a wide audience. The question of the number of call recipients is quite controversial. This article deals the problems of qualification of the composition of public appeals to extremist activities. Some signs of public calls to extremist activity are questioned, the authors propose a different vision.

Keywords: public appeals, extremist activity, extremism, extremist materials.

преступлений, получившая наименование «преступления экстремистской направленности». Сюда же примыкают так называемые «экстремистские материалы».

В ч.3 ст.1 ФЗ № 114 дано определение экстремистских материалов. Цель признания материалов экстремистскими заключается в недопустимости дальнейшего распространения на территории РФ данных материалов.

Согласно п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 28.06.2011 г. №11 под публичными призывами понимаются выраженные в любой форме обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности [4]. Публичные призывы носят общий характер и обращены к неопределенному (неограниченному) кругу лиц. В противном случае, это будет подстрекательством к конкретному преступлению экстремистского характера.

В п. 2 примечания к ст. 282.1 УК РФ дано понятие «преступление экстремистского характера». Считаем необходимым подробнее рассмотреть вопрос о мотивах преступлений экстремистского характера, в частности, публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. По нашему мнению, формулировка «по мотивам» в указанном выше примечании не совсем корректна, так как экстремист может руководствоваться и одним мотивом. Следовательно, необходимо изменить формулировку нормы, закрепив в ней: «по одному, либо нескольким мотивам».

Верховный Суд Российской Федерации в п. 2 Постановления Пленума от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» признает, что к преступлениям экстремистской направленности может быть отнесено любое преступление, если оно было совершено по одному из шести экстремистских мотивов. На наш взгляд, верно утверждение на этот счет С.В. Борисова и А.В. Жеребченко, которые считают, что такая широкая трактовка размывает уголовно-правовые рамки экстремизма [1, с. 58].

Публичность призыва означает его открытый характер, обнаружение в присутствии публики, адресованное к широкой аудитории. Достаточно спорным является вопрос относительно количества адресатов призывов. По нашему мнению, в каждом конкретном случае наличие или отсутствие в деянии признака публичности необходимо устанавливать в зависимости не от количества присутствующих во время совершения деяния человек, а от того, какие отношения связывают этих людей с человеком призывающим, как их воспринимает исполнитель и т.п. Считаем, что обсуждение подобных проблем в узком кругу единомышленников не образует состава данного преступления.

Публичные призывы составляют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ. В этом контексте, по нашему мнению, они представляют собой специальный случай подстрекательства. Это такие ситуации, когда подстрекатель склоняет к преступной деятельности неопределенный круг лиц, склонение же конкретного лица квалифицируется по ч. 4 ст. 33 и по статье Особенной части УК РФ, предусматривающей преступление, к которому подстрекал виновный. Исключение будут составлять деяния, предусмотренные в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, подстрекательство к ним квалифицируется без ссылки на ст. 33 УК РФ, а публичный призыв охватывается ч. 1 ст. 205.2 УК РФ.

При анализе судебной практики можно заметить, что нередко допускаются ошибки при разграничении подстрекательства к преступлению и деяния, предусмотренного ст. 280 УК РФ. Так, Воркутинский городской суд Республики Коми осудил по ч. 1 ст. 280 УК РФ гражданина К. Из материалов дела следует, что каждый раз группа лиц, которых К. и Н. пытались вовлечь в созда-

ние экстремистского сообщества, была одной и той же. К. и Н. разработали тщательный план создания экстремистского сообщества и его последующей деятельности и пытались склонить перечисленных выше граждан к соучастию в этом преступлении [5].

По нашему мнению, данное деяние нельзя квалифицировать по ст. 280 УК РФ. Из материалов уголовного дела видно, что граждане К. и Н. были заинтересованы именно в этих людях, у них имелся четкий план создания экстремистского сообщества и при каждой встрече они пытались склонить одних и тех же граждан, с которыми они были знакомы, к соучастию. Таким образом, основными признаками, отличающими деяние, предусмотренное ст. 280 УК РФ, от подстрекательства к конкретному преступлению является признак адресности призывов конкретным лицам и индивидуальная определенность общественно опасных действий.

Мы склонны полагать, что публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, квалифицируемые по ст. 280 УК РФ, возможны только по мотивам политической или национальной ненависти или вражды, так как остальные экстремистские мотивы охватываются ст. 282 УК РФ.

Необходимо отметить, что публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности содержатся и в КоАП РФ (ст. 20.3 и 20.29 КоАП РФ). Ст. 20.3 КоАП РФ устанавливает ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование атрибутики и символики запрещенных законом организаций, в частности нацистских.

Примером практики по ст. 20.3. КоАП РФ может служить решение Алтайского краевого суда от 01.11.2017 года. Гражданка г. Рубцовска публично демонстрировала фотографии с нацистской свастикой на своей Интернет-странице в социальной сети «В Контакте» в свободном доступе для просмотра других лиц. Дело прекратили в связи с истекшим сроком давности привлечения к административной ответственности [6].

В феврале 2018 года член Совета Федерации Антон Беляков внес в Госдуму законопроект о внесении изменений в статью 20.3 КоАП РФ. Предлагалось изменить название и формулировку статьи так, чтобы в ней шла речь только о таком публичном демонстрировании символики, которое направлено на пропаганду, запрещенную федеральными законами. Одним из примеров необходимости данных изменений может послужить решение Архангельского областного суда от 15.02.2018 года. Гражданин г. Архангельска перед 9 мая опубликовал на своей странице в социальной сети «ВКонтакте» фотографию, на которой советские солдаты держат опущенные немецкие знамена. 19.01.2018 года Исакогорским районным судом города Архангельска он был оштрафован на 1 тысячу рублей за публикацию этого фотоснимка. Архангельский

областной суд данное решение отменил, отметив, что фотография представляет собой историческую ценность [7].

Согласно статистике Судебного департамента Верховного суда, только в первой половине 2017 года к ответственности по ст. 20.3 КоАП было привлечено 910 лиц. За 2018 год только нами посредством постоянного мониторинга отмечено 46 эпизодов привлечения к ответственности за публичную демонстрацию нацистской символики или символики запрещенных организаций, явно не нацеленную на опасную пропаганду, что приблизительно в два с половиной раза больше, чем годом ранее.

Приведем в качестве иллюстрации практику в Краснодарском крае. В июне 2017 года сторонница Вячеслава Мальцева, координатор протестных прогулок движения «Артподготовка» в Краснодаре Наталья Кудеева получила 14 суток ареста по ст. 20.3 КоАП РФ за публикацию во «ВКонтакте» коллажа со свастикой и портретом Путина [8].

Литература:

1. *Борисов С.В.* Квалификация преступлений экстремистской направленности : учеб. пособие / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко; Отв. ред. и предисл. – засл. деят. науки РФ, д-р юрид. наук, проф. Н.И. Ветров. М., 2011. 287 с.
2. *Экстремизм и его причины* / Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2010. 288 с.
3. «О противодействии экстремистской деятельности»: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Консультант Плюс: справочная правовая система. URL : <http://www.consultant.ru>.
4. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 // Консультант Плюс: справочная правовая система. URL : <http://www.consultant.ru>
5. Решение Воркутинского городского суда Республики Коми от 15 мая 2014 г. № 1-10/2014. URL : vktsud.komi.sudrf.ru (дата обращения 08.10.2019).
6. Решение Алтайского краевого суда от 01 ноября 2017 г. № 7-349/2017. URL : kraevoy.alt.sudrf.ru (дата обращения 21.09.2019).
7. Решение Архангельского областного суда от 15 февраля 2018 г. № 7п-68/2018. URL : oblsud.arh.sudrf.ru (дата обращения 21.09.2019).
8. Постановление Ленинского районного суда г. Краснодара от 20.06.2017 года. URL : <http://activatica.org/blogs/view/id/4120/title/k-chemu-privodyat-videoroliki-siloviki-hotyat-posadit-v-tyurmu-kubanskogo-blogera-za-kritiku-vlasti> (дата обращения 21.10.2019).

По ст. 20.3 наказывают также за публикацию изображений исторических объектов. Так, в ноябре 2017 года Красноармейский районный суд г. Волгограда оштрафовал на тысячу рублей старшего аппаратчика завода «Каустик» Сергея Демидова за то, что он разместил на странице во «ВКонтакте» изображение флага Третьего рейха, а также атрибутов униформы военных структур нацистской Германии [9]. Из материалов дела можно установить, что Демидов участвовал в раскопках на местах боев в Волгоградской области и публиковал в соцсети фотографии находок; пропаганда нацизма в его намерения явно не входила.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основные признаки публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности представляют собой публичность (открытость), адресованность неопределенному кругу лиц. Ответственность за публичные призывы содержится так же в КоАП РФ, причем прослеживается тенденция к ее снижению.

Literature:

1. *Borisov S.V.* Qualification of crimes of extremist orientation : studies. textbook / S.V. Borisov, A.V. Zhrebchenko; ed. ed. and Preface. «Yes», he said. acts. Russian science, Dr. jurid. Sciences, prof. Moscow, 2011. 287 p.
2. *Extremism and its causes* / ed. Yu.M. Antonyana. M., 2010. 288 p.
3. About counteraction to extremist activity: the Federal law of 25.07.2002 № 114-FZ // Consultant Plus: reference legal system. URL : <http://www.consultant.ru>
4. «About judicial practice on criminal cases about crimes of extremist orientation»: the resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 28.06.2011 № 11 // Consultant Plus: reference legal system. URL : <http://www.consultant.ru>
5. Decision № 1-10/ 2014 of the Vorkuta city court of the Republic of Komi dated may 15, 2014. URL : vktsud.komi.sudrf.ru (date accessed: 08.10.2019).
6. Decision of the Altai regional court of November 01, 2017 № 7-349 / 2017. URL : kraevoy.alt.sudrf.ru (date accessed 21.09.2019).
7. The decision of the Arkhangelsk regional court of February 15, 2018 № 7P-68/2018. URL : oblsud.arh.sudrf.ru (date accessed 21.09.2019).
8. The resolution of Leninsky district court of Krasnodar of 20.06.2017. URL : <http://activatica.org/blogs/view/id/4120/title/k-chemu-privodyat-videoroliki-siloviki-hotyat-posadit-v-tyurmu-kubanskogo-blogera-za-kritiku-vlasti> (accessed 21.10.2019).

9. Постановление Красноармейского районного суда г. Волгограда от 21 ноября 2017 г. № 5-1575/2017. URL : krasn.vol.sudrf.ru (дата обращения 08.10.2019).

9. Resolution of Krasnoarmeysky district court of Volgograd of November 21, 2017 № 5-1575/2017. URL : krasn.vol.sudrf.ru (date accessed 08.10.2019).

Диденко Юлия Максимовна
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
didenko_969696@mail.ru

Горовая Виктория Юрьевна
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
v.deminova@inbox.ru

Горовой Святослав Александрович
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

Стародубцева Мария Александровна
магистрант Юридического института,
Алтайский государственный университет
starodubzewa@gmail.com

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ И НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье исследуется экстремизм как социально-политический феномен, представляющий в современных условиях небывалую опасность. В рамках исследования избирается уникальный подход к вопросу о выделении видов экстремизма, в частности, в зависимости от степени общественной опасности, выделяется насильственный и ненасильственный экстремизм (информационный). Подробно рассматривается специфика насильственного и ненасильственного экстремизма в молодежной среде Алтайского края, предлагаются пути решения обозначенной проблемы.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, насильственный экстремизм, ненасильственный экстремизм, государственная политика, молодежь, Алтайский край.

Постановка вопроса об опасности такого социально-политического феномена, как экстремизм в последние десятилетия приобрела небывалую популярность. Причин, в силу которых он возведен в ранг острейшей проблемы, затрагивающей интересы всего мирового сообщества, множество. Понимая и оценивая их, все страны ищут способы повышения эффективности противодействия экстремизму.

Происхождение слова «экстремизм» связано с латинским «extremus» (буквально – «крайний»), что имеет смысл понимать как нечто, выходящее за определенные нормы, очерченные рамки. Относительно определения экстремизма, в юри-

Julia M. Didenko
Master of Law Institute,
Altai State University
didenko_969696@mail.ru

Victoria Yu. Gorovaya
Master of Law Institute,
Altai State University
v.deminova@inbox.ru

Svyatoslav A. Gorovoy
Master of Law Institute,
Altai State University
svyatoslav_gorovoy@inbox.ru

Maria A. Starodubtseva
Master of Law Institute,
Altai State University
starodubzewa@gmail.com

VIOLENT AND NON-VIOLENT EXTREMISM AMONG THE YOUTH OF THE ALTAI REGION

Annotation. The article explores extremism as a socio-political phenomenon, which is dangerous in modern conditions. The study takes a unique approach to the issue of identifying types of extremism, in particular, violent and non-violent extremism (informational) is distinguished depending on the degree of social danger. The specifics of extremism in the youth environment of the Altai Territory and ways to solve the identified problem are proposed.

Keywords: extremism, countering extremism, violent extremism, non-violent extremism, public policy, youth, Altai Region.

дической литературе существуют различные точки зрения. Наиболее распространены подходы к экстремизму как противоправной деятельности, осуществление которой причиняет или может причинить существенный вред основам конституционного строя или основам межличностных отношений или же как к идеологии, пропагандирующей крайние, насильственные меры отстаивания взглядов, непримиримость и агрессию в отношении инакомыслящих [1, с. 59; 2, с. 22]. Вместе с тем, находятся желающие обратить смысловое наполнение понятия в позитивную плоскость и рассмотреть экстремизм как проявление катарсиса, очищения посредством страха и страдания [3]. Все это указывает на

объективную сложность рассматриваемого феномена и его субъективную многозначность.

Тот факт, что экстремизм сегодня невероятно разнообразен по видам своего выражения не подвергается сомнению. В отечественной научной литературе он классифицируется по различным основаниям. Наиболее распространены следующие классификации. По направленности экстремизм делится на политический, религиозный, экономический, экологический и др. [4, с. 37]. Особое место в этой системе занимает молодежный экстремизм как объективация пренебрежения к действующим в обществе правилам, устоям, нормам поведения. В зависимости от целей экстремизм можно разделить на спланированный, демонстрационный, конфронтационный и провокационный [5, с. 37–45]. По масштабы действий бывает внутригосударственный (репрессии против собственного народа) и межгосударственный (утверждение собственных норм и принципов в мировом масштабе).

В рамках данного исследования предлагаем, в зависимости от степени общественной опасности (количественного критерия, связанного с размером причиненного или потенциального ущерба и более низкой или более высокой опасностью конкретного способа посягательства), выделять насильственный и ненасильственный экстремизм (информационный).

Насильственный экстремизм осуществляется общественно опасным способом, проявляющемся в причинении имущественного ущерба, причинении телесных повреждений вплоть до убийства и т.д. Насильственный экстремизм, как и экстремизм в целом, осуществляется на почве ненависти и вражды. На почве ненависти и вражды экстремизм может осуществляться и посредством информационного пространства: информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», средств массовой информации и т.д. В частности, может иметь место размещение в социальных сетях постов, текстов, изображений, аудио- и видеозаписей из Федерального списка экстремистских материалов, а также форм нацистской символики или сходных с ней до степени смешения знаков и т.д. Такого рода экстремизм является противоправным деянием, причиняет вред общественным отношениям, однако, степень его общественной опасности, по сравнению с насильственным, значительно ниже. В рамках предложенной классификации описанный вид экстремизма именуется ненасильственным.

В целом, разделение экстремизма на насильственный и ненасильственный не подразумевает жесткой привязки к виду ответственности (уголовной или административной). Вместе с тем, анализ современной правоприменительной практики совершения преступлений и правонарушений экстремистского характера позволяет проследить некоторые закономерности. Так, чаще всего, административная часть антиэкстремистского законодательства применяется в результате мониторинга публикаций и перепостов

в социальных сетях, следовательно, связана с проявлениями ненасильственного экстремизма. Наиболее тесная связь уголовной составляющей законодательства о противодействии экстремизму, бесспорно, прослеживается с проявлениями насильственного экстремизма. Уголовная ответственность эффективно применяется в отношении организаций и группировок, в значительной степени сориентирована на борьбу с радикальным исламистским движением в России.

Рассмотрим подробнее специфику насильственного и ненасильственного экстремизма в молодежной среде Алтайского края.

Согласно данным информационно-аналитического центра «Сова», в Российской Федерации число насильственных преступлений, совершенных по мотиву ненависти с 2007 по 2018 год составляет 3546. На протяжении ряда лет число преступлений экстремистской направленности, осуществляемых насильственным путем, непреклонно снижается: в 2007 году имело место 695 преступлений, в 2018 эта цифра уменьшилась в 15 раз – 44 преступления. В Алтайском крае с 2007 по 2019 год зафиксировано всего 10 пострадавших от насильственных преступлений, совершенных по мотиву ненависти [6]. Динамика положительная, однако, при этом непреклонно увеличивается число преступлений, совершаемых в информационном пространстве.

Большое влияние на активность экстремистской деятельности имеют особенности региона, в частности, наиболее привлекательными для совершения экстремистских актов были и остаются города-миллионеры. Тем не менее, Алтайский край – часть общего геополитического пространства, а потому население края подвержено информационному, политическому влиянию, испытывает влияние миграционных потоков. По оснащенности транспортными магистралями Алтайский край превосходит среднероссийские и среднесибирские показатели [7]. Такое географическое положение региона позиционируется как выгодное с точки зрения возможности установления экономических связей, однако открывает широкие возможности для осуществления экстремистской деятельности.

В основе проявлений экстремизма в молодежной среде лежат различные мотивы. Зачастую преступления экстремистской направленности в молодежной среде совершаются из чувства лжепатриотизма организаций. Участники считают, что своими действиями защищают Россию, ее суверенитет, считая фактически противоправную деятельность благой. Также имеет место провокационная деятельность в средствах массовой информации, сети «Интернет». Серьезный фактор – неконтролируемая агрессия молодых людей, связанная с возрастными особенностями, бытовыми и социальными условиями жизни, что при умелой внешней манипуляции преобразуется в чувство тотальной ненависти, а впоследствии выливается в экстремистское поведение.

Отсюда население Алтайского края в возрасте от 14 до 35 лет является объектом воздействия экстремистских настроений. В настоящее время действующих организаций экстремистской направленности на территории Алтайского края нет, но отдельные случаи проявления криминального экстремизма, совершенного организованными группами, имели место быть.

Подводя итог, зафиксировав, что в рамках исследования была предложена классификация экстремизма в зависимости от степени общественной опасности на насильственный и ненасильственный экстремизм. Выявлена закономерность, касающаяся уменьшения удельного веса

Литература:

1. *Хлебушкин А.Г.* Экстремизм. Уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов, 2007. 160 с.
2. *Баева Л.В.* Экстремизм: Природа и формы проявления // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2008. № 3(16). С. 21–25.
3. *Сундиев И.Ю.* Экстрим и экстремизм современной России. URL : <https://izborsk-club.ru/374> (дата обращения 20.10.2019).
4. *Ефимов В.* Исламский фундаментализм: угроза для России // Свободная мысль. 1993. № 6. С. 32–38.
5. *Телегин Г.И.* Теоретико-правовая характеристика видов и форм современного экстремизма // Вестник Тамбовского университета. 2014. С. 37–45.
6. Центр «Сова». База данных. URL : <http://www.sova-center.ru/database/> (дата обращения 15.11.2019).
7. Министерство экономического развития Алтайского края. URL : <http://www.econom22.ru/economy/AltaiRegionCharacteristic/> (дата обращения 19.11.2019).

насильственного экстремизма в молодежной среде Алтайского края и непреклонного распространения информационного. Возможен прогноз: с учетом современной геополитической ситуации, напряженности в отношениях между Российской Федерацией и некоторыми зарубежными странами, другими обстоятельствами проявления экстремизма в молодежной среде не удастся искоренить в ближайшее время. Однако грамотная государственная политика, подкрепленная неукоснительным следованием намеченным установлениям, окажет неоценимую помощь в вопросе о противодействии экстремизму (в особенности противодействию ненасильственному экстремизму в информационном пространстве).

Literature:

1. *Khlebushkin A.G.* Extremism. Criminal Law and Criminal Political Analysis: monograph. Saratov, 2007. 160 p.
2. *Baeva L.V.* Extremism: Nature and forms of manifestation // Caspian region: politics, economics, culture. 2008. № 3(16). P. 21–25.
3. *Sundiev I.Yu.* Extreme and extremism of modern Russia. URL : <https://izborsk-club.ru/374> (date of the application 20.10.2019).
4. *Efimov V.* Islamic fundamentalism: a threat to Russia // 1993. № 6. P. 32–38.
5. *Telegin G.I.* Theoretical and legal characteristics of the types and forms of modern extremism // Bulletin of the Tambov University. 2014. P. 37–45.
6. Center «Owl». Database. URL : <http://www.sova-center.ru/database/> (date of the application 15.11.2019).
7. Ministry of Economic Development of Altay Region URL : <http://www.econom22.ru/economy/AltaiRegionCharacteristic/> (date of the address 19.11.2019).

Загалаева Жанета Алхазуровна
ассистент кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет»
zagalaevag@gmail.com

ПОНЯТИЕ «НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ СДЕЛКА» В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОМ ПОЛЕ РОССИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются взаимоотношения в гражданско-правовом поле РФ, в контексте которых выявляются принципиальные различия между фундаментальными понятиями Гражданского Кодекса РФ, как «правонарушение» и «недействительная сделка». Очень часто, в гражданско-правовой практике многим свойственно приравнивать эти два понятия, в силу того факта, что обе эти категории предусматривают нарушение закона. Для опровержения подобного утверждения, анализируются различные примеры с приведением аргументов «за» и «против» признания правомерности в качестве конститутивного признака в гражданско-правовом поле РФ, в частности, в вопросе заключения сделок, и признания их недействительности.

Ключевые слова: недействительная сделка, нарушение прав, право, противоправные действия, гражданское право.

Нынешнее законодательство РФ по гражданскому праву имеет в своем содержании положения, которые напрямую связаны с вопросом ведения, заключения и прекращения взаимоотношений между сторонами. В частности, здесь же затрагивается тема о признании сделок «недействительными» и не имеющими юридической силы. Большая часть правовых норм по регулированию сферы заключения сделок отражена в Гражданском Кодексе РФ.

Интересным обстоятельством до сих пор остается тот факт, что нет такого закона в Гражданском Кодексе РФ, который ясно и четко давал бы определения термину «недействительная сделка». Лишь поверхностно данный вопрос затрагивается в пункте 1, статьи 166 Гражданского Кодекса РФ. Хотя из истории советского законодательства известно, Гражданский Кодекс РСФСР в 1960-е годы и вовсе не содержал никаких положений, относительно признания сделки «недействительной».

В стремительно развивающемся мире, и гражданского общества в нем, большую значимость имеет актуализация темы, связанной с признанием сделки «недействительной». Так как большинство предпринимателей все чаще заключают

Zhaneta A. Zagalaeva
Assistant Department
of Civil Law and Procedure,
Chechen State University
zagalaevag@gmail.com

THE CONCEPT OF «INVALIDATIVE TRANSACTION» IN THE CIVIL LEGAL FIELD OF RUSSIA

Annotation. This article discusses the relationship in the civil field of the Russian Federation, in the context of which the fundamental differences between the fundamental concepts of the Civil Code of the Russian Federation, as an «offense» and «invalid transaction» are revealed. Very often, in civil law practice, many tend to equate these two concepts, due to the fact that both of these categories provide for a violation of the law. To refute such a statement, various examples are analyzed, with the arguments «for» and «against» the recognition of legitimacy as a constitutive feature in the civil law field of the Russian Federation, in particular in the issue of concluding transactions, and the recognition of their invalidity.

Keywords: invalid transaction, violation of rights, law, illegal actions, civil law.

сделки и когда сталкиваются с проблемами, юридически не знают, как быть в той или иной ситуации. Не знают, к каким источникам и нормам в Гражданском Кодексе РФ они могут апеллировать [4].

Относительно отнесения «недействительных» сделок к правонарушению, существует немало теорий и точек зрения среди экспертов и юристов. Однако, вначале стоит дать определение термину «сделка». Согласно статье 153 Гражданского Кодекса Российской Федерации, сделками являются определенные действия граждан РФ, а также юридических лиц, которые устанавливают между сторонами особые взаимоотношения, связанные с изменением и прекращением гражданских прав и обязанностей. При проведении сравнительного анализа советского Гражданского Кодекса с современным Гражданским Кодексом РФ, обнаруживается, что вышеприведенное определение термина «сделка» заимствовано из статьи 41 Гражданского Кодекса 1960-х годов. Очевидно, что с тех времен данное понятие и вовсе не подвергалось никакой «трансформации».

«Сделкой», в юридическом понимании, принято называть «проявление воли граждан РФ, кото-

рая направлена на достижение определенной цели, согласно законодательству РФ» [10, с. 67]. На протяжении многих лет, на тему более конкретного определения «сделки», велись многочисленные дискуссии. По сей день, научное сообщество не пришло к «единому» согласованному определению, которое подпадало бы в корректное определение согласно законодательству РФ.

Стоит также заметить, что, согласно многим мнениям экспертов, отталкивающих от цивилистических источников, правомерность и вовсе не относится к отличительным признакам данного понятия [2, с. 49]. С критикой к подобным позициям, выступали многие исследователи. Например, О.А. Красавчиков привел следующие доводы: «Отмечая правомерность термина «сделка», стоит заметить, что автоматически снимается сама идейная направленность акта» [7]. О.А. Красавчиков также отмечает, что стоит «сделку» определить – как действие юридического, которое никоим образом не следует относить к самой этой направленности. Очевидно, что таким утверждением происходит «приравнение» термина «сделка» с деликтом.

Аналогичной точки зрения придерживался и И.Б. Новицкий. Автор отмечал, что важным и основополагающим признаком сделки является его правомерное действие. То есть, правомерность – это неотъемлемая составная часть «сделки», оцениваемая лишь государством [8, с. 13]. Сторонников отнесения «недействительной сделки» к особому виду правонарушения достаточно количество в современном гражданском обществе РФ. Одним из таких сторонников считается А.Б. Венгеров. Он в своих замечаниях отмечает, что «недействительная сделка» является частью ответственности, относимой к гражданско-правовой сфере [1, с. 472]. Интересными по своему содержанию считаются неординарные точки зрения о «недействительных» заключениях сделок в правовой системе РФ. Например, согласно Н.В. Рабинович, «недействительная сделка», заключенная между двумя или несколькими сторонами, никак не отменяет своего формального значения «сделки» по определению. Этот вид сделки, согласно автору, необходимо отнести к правонарушению особого вида. «Недействительность» данного вида заключения контракта кроется в наличии некоторых существенных недостатков. Благодаря этому признаку, Гражданский Кодекс РФ и относит данный вид определению «сделки», а не деликта [9, с. 6].

В нынешнее время большая часть исследователей данной тематики гражданско-правовых отношений, настаивают на включении правомерности «сделки» в список признаков конститутивного характера. Однако все это никоим образом не отменяет теоретическую структуру сложившихся проблем в поле правомерности действий.

В таком случае, будет прослеживаться дифференцирование между «недействительными сделками» и «действительными». При этом основополагающим признаком будет выступать природа правового состояния, призывающая анализи-

ровать эти термины отдельно друг от друга, в качестве юридических фактов.

Своеобразие и специфичность приверженцев подобного подхода к рассмотрению сложившейся проблемы, наглядно всем показывает, что отсутствуют «согласованность» между юристами. Согласно Ф.С. Хейфецу, большинство из «недействительных сделок», в свою очередь, относятся и к правонарушениям в гражданско-правовом поле вне зависимости признания вины участников сделок. Автор утверждает, что подобное заключение сделок содержит в своем составе специфическую правовую природу [12, с. 46].

Исходя из всех вышеприведенных точек зрения многих экспертов и юристов, стоит отметить, при характеристике «действительных» и «недействительных» сделок, стоит учитывать следующие положения:

Также, автоматически снимается с рассмотрения вопрос о «неправомерности» сделки, так как сам законодательный орган не поднимает данный вопрос на обсуждение. Действие лиц, заключающих сделку, которые по закону РФ имеют свою направленность, теряют смысл содержания уже в самом определении.

Поведение может считаться правомерным, то если оно подпадает под силу действующего законодательства. Данное положение, также необходимо рассмотреть и проанализировать. Очевидно, что это положение нуждается в доработке. Многие деяния распределяются по правам субъектов на неправомерные и неправомерные [5, с. 266], то есть, на поощряемые и порицаемые законодательством РФ.

Вред наносимый «недействительными сделками» велик и очевиден. Большей частью, от такого заключения сделок страдают отношения имущественного характера. Согласно С.А. Комарову, поведение субъекта состоит из следующих составляющих [6, с. 341]:

- правомерное поведение субъекта;
- юридически нейтральное поведение субъекта;
- неправомерное (или противоправное) поведение субъекта.

Одним из заинтриговывающих, и вызывающих дополнительные вопросы из перечисленных вариантов является юридически нейтральное поведение субъекта. Опираясь на Гражданский Кодекс РФ, очень трудно его как-то квалифицировать. Такой вид поведения субъекта не влечет за собой никаких противоправных действий, в силу того, что это разрешено самим положением закона.

Многие исследователи полагают, что стоит обозначать 3 способа поведения субъекта, не приходящих при этом особой значимости правомерности действий, и предполагающих равнозначность социального поведения. Обосновывают они свое утверждение тем, что некоторые действия правомерного типа – необходимая часть

должного функционирования социальных взаимоотношений. Есть также такие, которые исследователи относят к допустимым действиям [11, с. 403].

Наличие перечисленных вариантов наглядно показывает, что есть необходимость различать сами подходы к рассмотрению правомерности действий, при этом, учитывая не только общественные и правовые нюансы, но и экономическую сторону данного вопроса. Согласно В.П. Грибанову, нарушение положений права – есть упущения из вида обязанностей юридического характера, вне зависимости, откуда они вытекают [3, с. 325].

Приравнение целокупности «недействительных сделок» к видам правонарушений гражданского типа, накладывает дополнительную нагрузку на стороны, заключающих сделку. При этом, предъявляемые требования также распространяются на состав правонарушения. При наличии вины, соответственно, присутствует состав правонарушения, а если вины нет, то привлекать не из-за чего. По этой причине, нельзя не отметить, что, при присутствии состава нарушения права, после совершения определенных деяний, стоит относить к Гражданскому Кодексу РФ.

Литература:

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права : учебник. 3-е изд. М. : Юрист, 1999. 528 с.
2. Генкин Д.М. Недействительность сделок, совершённых с целью, противной закону // Учёные записки ВИЮН. 1947. Вып. 5. С. 40–57.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.
4. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве: теория и практика оспаривания. М. : Бератор Пресс, 2003. 576 с.
5. Иоффе О.С. Избранные труды : в 4-х т. Советское гражданское право. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. Т. 2. 544 с.
6. Комаров С.А. Общая теория государства и права : учебник. 3-е изд., переработанное и дополненное. М. : Юрайт, 1997. 411 с.
7. Красавчиков О.А. Теория юридических фактов в советском гражданском праве. Свердловск, 1950. 564 с.
8. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М. : Госюриздат, 1954. 247 с.
9. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и её последствия. Л., 1961. 39 с.
10. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права : учебник. М. : Изд-во БЕК, 2000. 400 с.

Особенность «недействительной сделки» состоит и в том, что подобный вид деятельности – есть «сделка» по определению. Также, это акт воли субъекта, которая совершается равноправными (с юридической точки зрения) субъектами. Кроме всего, сделка «включает» субъект и объект сделки в особые правоотношения.

Однако есть правовые особенности, при несоблюдении которых возможно отметить, что сделка не состоялась. В первую очередь, не соблюдение условий сделки. Затем, не достижение желаемых (указанных в контракте, договоре) результатов одной из сторон.

В заключении отметим, что после анализа современного законодательства, а также соответствующей литературы, очевидно, что проблема с «недействительной сделкой» актуальна и мало изучена. При более детальном рассмотрении структурных компонентов термина «сделка», не стоит делить ее на «действительную» и «недействительную», потому что судить дальше о том, есть ли это действие со стороны субъекта или нет невозможно. При объективном рассмотрении данной проблемы, трудно даже представить себе, категорию «недействительности» сделки.

Literature:

1. Vengerov A.B. Theory of state and law : textbook. 3rd ed. M. : Lawyer, 1999. 528 p.
2. Genkin D.M. Invalidity of transactions made with a purpose contrary to the law // Scientific notes of VIYUN. 1947. Iss. 5. P. 40–57.
3. Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. M. : Statute, 2000. 411 p.
4. Gutnikov O.V. Invalid transactions in civil law: theory and practice of contestation. M. : Berator Press, 2003. 576 p.
5. Ioffe O.S. Selected Works: in 4 vols. Soviet civil law. SPb. : Publishing House «Legal Center Press», 2004. T. 2. 544 p.
6. Komarov S.A. The general theory of state and law : textbook. 3rd ed., Revised and supplemented. M. : Yurayt, 1997. 411 p.
7. Krasavchikov O.A. The theory of legal facts in Soviet civil law. Sverdlovsk, 1950. 564 p.
8. Novitsky I.B. Deals. Limitation of actions. M. : Gosyurizdat, 1954. 247 p.
9. Rabinovich N.V. Invalidity of transactions and its consequences. L., 1961. 39 p.
10. Sanfilippo C. Roman Private Law Course : textbook. M. : Publishing house BEK, 2000. 400 p.

11. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. М. : Норма, 1997. 570 с.

12. Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву. М. : Юрайт, 1999. 164 с.

11. Theory of state and law : textbook for law schools and faculties / ed. V.M. Korelsky and V.D. Perevalova. M. : Norma, 1997. 570 p.

12. *Kheifets F.S.* Invalidity of transactions under Russian civil law. M. : Yurayt, 1999. 164 p.

Закаева Аминат Хизировна
ассистент кафедры
теории и истории государства и права,
Чеченский государственный университет
zakaeva_1992@mail.ru

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЗАКОНОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье проведен анализ термина «законность» с соответствующей правовой оценкой в Российской Федерации. Также исследуются современные методы по его усовершенствованию, отталкиваясь от моральных и правовых установок. Уделяется внимание недавно внесенным изменениям в различных законах, относительно судебной ветви власти РФ. Подчеркивается необходимость, тщательного и соответствующего отношения к моральным и правовым ценностям гражданско-правового поля страны. Также анализируется деятельность и специфичность органов государственной власти в РФ, которые призваны защищать права и свободы граждан России.

Ключевые слова: закон, ценность, право, свобода, модернизация, гражданин, Россия.

Правовая оценка законотворческой деятельности РФ – является важной задачей, выполнение которой консолидирует все гражданское общество. Российский основной закон был принят в тяжелые и кризисные времена для всей страны. После многочисленных дискуссий, в 1993 году, данный законопроект был утвержден на референдуме. В истории России, этот документ был первым, который был принят, опираясь на мнение самого гражданского общества страны. В итоге, за всю историю российской государственности, многие принципы, а также важности соблюдения законов, просуществовали долгое время без всяких корректировок. Это действительно было одно из великих достояний всех народов, проживающих на территории России.

В ранние годы своего существования, соблюдение законности в стране благотворно влияло на судьбы России, так как во многом, он защищал и охранял их права и свободы. Каждый гражданин России, был уверен в соблюдении законов каждым человеком. На то время, было очень трудно переоценить всю значимость данного факта, так как сами законы вселяли уверенность своей прозрачностью.

Есть такие категории, упомянутые и в самом тексте как «патриотизм» и «национальные ценности». Хотя, кажется многие о них и совсем позабыли. Однако не стоит забывать, что соблюдение законов, также представляет собой ценность. И эта ценность не одного человека или

Aminat Kh. Zakaeva
Assistant of the Department
of Theory and History of State and Law,
Chechen State University
zakaeva_1992@mail.ru

LEGAL ASSESSMENT OF LAWS IN MODERN RUSSIA

Annotation. The article analyzes the term «legality» with an appropriate legal assessment in the Russian Federation. It also explores modern methods for its improvement, starting from moral and legal principles. Attention is paid to recent amendments to various laws regarding the judicial branch of the Russian Federation. The necessity of careful and appropriate attitude to the moral and legal values of the civil law field of the country is emphasized. It also analyzes the activity and specificity of state authorities in the Russian Federation, which are designed to protect the rights and freedoms of Russian citizens.

Keywords: law, value, law, freedom, modernization, citizen, Russia.

одного региона, а ценность всех граждан РФ [2]. Отсюда следует то, что каждый человек, обязан заново «переосмыслить» понятие ценности и уяснить для себя, что соблюдение законов – это гарантия стабильности и уверенность в завтрашнем дне. Кроме того, законы РФ, заботятся о правах граждан, и позволяют гражданам быть идеологически «свободными» и равными между собой.

Благодаря законам, в сохранности остается и суверенность всего государства. Это стоит учитывать тем, кто стремится всячески побудить у всех анархический режим власти. Необходима крайняя осторожность при каких-либо корректировках в законопроектах. Так как последствия могут быть тотальными, и скажутся на жизни каждого человека.

Исходя из сложившейся традиции, находятся некоторые лица, обычно из политических и научных кругов, жаждущих всяческих перемен и переворотов. В основном, причиной этому является стремление простого народа защищать свои права и свободы, в соответствии со сложившейся обстановкой в мире [3].

Именно благодаря «законности» власти в РФ, существует возможность регулировать социальные взаимоотношения. Из признанных всем обществом ценностей в сфере благополучного развития общества, стоит выделить: соблюдение прав и свобод граждан страны; благополуч-

ное процветание всех народов на обширной территории, где каждый считает себя ценным и важным гражданином своей Родины.

Стоит отметить и волевые качества гаранта законности РФ – Президента В.В. Путина. Благодаря его стойкости, Россия действительно «расправила плечи». Благодаря инициативе Главе государства, были внесены некоторые корректировки. В научной среде, да и многие политики (в основном представители Запада и Соединенные Штаты Америки) сильно критиковали подобные «выходки» со стороны российской государственной «верхушки». Большая часть критиков, отталкивалась от того положения, что власть и полномочия первого лица государства, не соответствуют таким органам государственной власти – как Парламент и Правительство (члены правительства). Хотя, что интересно, именно В.В. Путин и внес предложение по укреплению функциональных обязанностей членов Федерального Собрания РФ.

Президент РФ внес поправку, согласно которой был увеличен срок президентства и членов Думы (срок президентства – увеличен до шести лет, а срок действия полномочий народных избранников – до пяти лет) [4]. Нельзя не отметить и поправку, которая вызвала шквал критики со стороны многих экспертов, политологов и юристов.

Подобные перемены коснулись и государственных обвинителей (прокуратуры). Была внесена поправка в статью сто двадцать девять Основного закона РФ, согласно которой деятельность государственных обвинителей стали контролировать федеральным законом РФ. При всем этом, законов РФ, не коснулась темы конституционного строя государства, и не изменила основополагающие принципы суверенного государства. Все подобные коррективы, продемонстрировали стержневую мощь страны, и показали всему обществу, как гражданам РФ, так всему иностранному сообществу, что данные коррективы только усилили мощь государства.

Президент РФ, Федеральное собрание и правительство – относятся к основополагающим федеральным органам. Однако, стоит не забывать, что Россия занимает большую территорию, соответственно, немалая ответственность возлагается на органы местного самоуправления. Лишь этот институт в состоянии решать насущные проблемные вопросы населения на местах.

При необходимости и возможности перейти к модифицированному пути политического развития, очень важно учесть и специфические черты различных политических институтов власти, найти к каждому из них необходимый подход, и

Литература:

1. *Баглай М.В.* Конституция Российской Федерации: историко-правовой комментарий М.В. Баглая. 3-е изд., перераб. М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. 159 с.

постараться их защитить всяческого негативного воздействия, как со стороны, так и изнутри государства. Подобная необходимость становится актуальной, если уже ветхая система политической составляющей государства становится мало функционирующей «машиной», с недостаточно развитыми органами ведения государственной деятельности.

Конечно, многим (как «Запад») все это не понравилось. Так как Россия с каждым годом прочно становилась на ноги, и заявляла о себе на равных. Оберегание законности в стране – является задачей каждого гражданина, истинного патриота своего отечества. Подорвать авторитет законов РФ всячески старается и такое направление как нигилизм, которому свойственно ставить все моральные и сложившиеся ценности под сомнение, с целью в будущем сокрушить их. Нигилистический настрой среди россиян на сегодняшний день также актуален. Связано это с тем, что как только в жизни происходит что-то плохое, или наступают трудные времена (в основном связанные с финансовым и материальным состоянием), человек начинает винить во всем правительство и власть [5].

Основным состоянием данного направления – является патернализм. Гражданин вдруг начинает интересоваться своими правами, и в большинстве случаев, начинает полагать, что его права всячески и всесторонне ущемляются. Наконец, самым большим «врагом» современного гражданского общества, да и всего государства, является коррупционная деятельность. В большинстве случаев, многие случаи коррупции остаются «скрытыми» и незамеченными. Учитывая такое положение дел, это зло прогрессивно набирает все большие обороты [8, с. 76].

Сохранность ценностей конституционного порядка, в частности стойкости фундамента и основ конституционного устройства, непоколебимое правосудие, сохранность свобод и прав граждан страны, равенство граждан РФ перед законом – есть истинное проявление патриотизма. Именно в этих вышеперечисленных качествах и заключается великое и светлое будущее всего многонационального народа РФ.

При желании модифицировать уже давно сложившиеся положения и устои законов страны, каждому стоит помнить, что он, прежде всего, меняет «исторически» сложившиеся традиции своих предков. Поэтому, наилучшим будет стремление к сохранности законности, нежели его преобразования. Именно в постоянстве и заключается стабильность. Это стоит помнить и учитывать каждому, кому вздумается посягнуть на самое святое, что унаследовали граждане России.

Literature:

1. *Baglai M.V.* Constitution of the Russian Federation: historical and legal commentary M.V. Baglaya. 3rd ed., Revised. M. : Norma : INFRA-M, 2010. 159 p.

2. О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федер. конституц. закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 12, ст. 1201.

3. О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 7-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1. Ст. 2.

4. Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 1. Ст. 1.

5. О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации : Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 6. Ст. 548.

6. О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4202.

7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ 5 ноября 2008 г. URL : [http:// archive.kremlin.ru/appears/2008/](http://archive.kremlin.ru/appears/2008/) (дата обращения 11.11.2019).

8. *Зенкин С.А.* Как изменить Конституцию: о конституционном пересмотре и конституционных поправках // Представительная власть: мониторинг, анализ, информация. 1996. № 8(15).

2. On the admission to the Russian Federation of the Republic of Crimea and the formation in the Russian Federation of new entities – the Republic of Crimea and the city of federal significance of Sevastopol: federal. constitution Law of March 21, 2014 № 6-FKZ // *Sobr. Legislation Ros. Federation.* 2014. № 12, Article 1201.

3. On the control powers of the State Duma in relation to the Government of the Russian Federation: Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 № 7-FKZ // *Sobr. Legislation Ros. Federation.* 2009. № 1. Art. 2.

4. On changing the term of office of the President of the Russian Federation and the State Duma: Law of the Russian Federation on amending the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 № 6-FKZ // *Sobr. Legislation Ros. Federation.* 2009. № 1. Art. 1.

5. On the Supreme Court of the Russian Federation and the prosecutor's office of the Russian Federation: Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 05.02.2014 № 2-FKZ // *Sobr. Legislation Ros. Federation.* 2014. № 6. Art. 548.

6. About the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of July 21, 2014 № 11-FKZ // *Sobr. Legislation Ros. Federation.* 2014. № 30 (part I), Art. 4202.

7. Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation on November 5, 2008. URL : [http:// archive.kremlin.ru/appears/2008/](http://archive.kremlin.ru/appears/2008/) (accessed 11.11.2019).

8. *Zenkin S.A.* How to change the Constitution: on constitutional review and constitutional amendments // Representative power: monitoring, analysis, information. 1996. № 8(15).

Зацепина Наталия Сергеевна

аспирантка кафедры
патентного права и правовой охраны
средств индивидуализации,
Российская государственная
академия интеллектуальной
собственности
natalia.zatsepina@gmail.com

Nataliia S. Zatsepina

Graduate student of Department
Patent Law and Legal Protection
Means of Individualization,
Russian State Academy
of Intellectual Property
natalia.zatsepina@gmail.com

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ
ПРИ ПОДАЧЕ ЗАЯВОК
НА РЕГИСТРАЦИЮ
ТОВАРНОГО ЗНАКА: СКРЫТЫЕ
ПРОБЛЕМЫ И КЛАССИФИКАЦИЯ**

**TRADEMARK
APPLICATION LAW ABUSE:
HIDDEN LEGAL
PROBLEMS & CLASSIFICATION**

Аннотация. В статье обозначены основные виды возможных злоупотреблений правом при регистрации товарных знаков, а также указан описанный практическое значение вид злоупотребления правом, возникающий при подаче заявок на регистрацию товарного знака, исключительной целью которых служит блокировка регистрации обозначений, подаваемых на регистрацию добросовестными правообладателями.

Annotation. The article describes main kinds of trademark registration abuse and indicate an abuse kind, having practical importance, appearing within trademark and service mark application filing, if the application meaning is to block designations, filed for registration by fair right holders.

Ключевые слова: товарный знак (знак обслуживания), злоупотребление правом, заявка на регистрацию товарного знака (знака) обслуживания.

Keywords: trademark (service mark), law abuse, trademark (service mark) application.

В условиях современной действительности, характеризующейся, в том числе и ростом уровня интеграции экономики отдельных государств в мировую, и как следствие объединением рынков, повышается актуальность вопросов индивидуализации товаров, услуг и работ, производимых и выполняемых различными компаниями и индивидуальными предпринимателями, а также проблематика защиты таких средств индивидуализации. Как в экономике – с ростом спроса растёт и предложение, так и в сфере охраны и защиты товарных знаков (знаков обслуживания) – с ростом необходимости защитить исключительные права добросовестных правообладателей на товарные знаки от недобросовестных пользователей, растут и прогрессируют способы нарушения исключительных прав на такие средства индивидуализации.

страции товарного знака: проблемы квалификации и способы защиты» Ворожевич А.С. и Козлова Н.В. выделили следующие недобросовестные стратегии, связанные с приобретением и осуществлением исключительных прав на товарные знаки, а именно:

Нарушители прогрессируют и развиваются. Виды нарушений становятся менее очевидными, то есть дело не ограничивается просто грубым производством контрафактной продукции, где факт нарушения очевиден и легко доказывается, а приобретает более необычные и трудно доказываемые формы злоупотребления правом, построить линию защиты от которых становится труднее.

- регистрация известного товарного знака в отношении иного класса товаров с целью паразитирования на репутации популярного бренда;
- регистрация в качестве товарного знака обозначения, широко используемого, но ранее не зарегистрированного конкурентами;
- аккумулятивное использование товарных знаков для последующего предъявления исков о нарушении исключительных прав и др. [1].

В частности, в статье «Недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при реги-

Данная классификация не является исчерпывающей.

В дополнение к приведённой выше классификации следует добавить такой вид злоупотребления правом, как подача заявки на регистрацию (без получения правовой охраны заявленного на регистрацию обозначения) тождественного или сходного до степени смешения обозначения с уже зарегистрированным и используемым обозначением, для блокировки регистрации добросовестным правообладателем новых товарных

знаков (знаков обслуживания); подобное злоупотребление правом является отдельным видом патентного троллинга и, как следствие, специализацией отдельных недобросовестных юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, подающих такие заявки исключительно в целях получения денежных средств с правообладателей, или для получения иных ресурсов, которые они смогут использовать в последующем.

Природа данного вида злоупотребления правом заключается в недобросовестном использовании подпункта 1 пункта 6 статьи 1483 Гражданского кодекса Российской Федерации (части четвёртой) (далее – ГК РФ), согласно которому не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с товарными знаками других лиц, заявленными на регистрацию (иными словами, с заявками на регистрацию товарных знаков (знаков обслуживания)), в отношении однородных товаров и имеющими более ранний приоритет, если заявка на государственную регистрацию товарного знака не отозвана, не признана отозванной или по ней принято решение об отказе в государственной регистрации товарного знака [2].

Ввиду динамичного и перманентного развития международного рынка товаров и услуг, у производителей товаров и поставщиков услуг (работ) постоянно возникает необходимость введения на рынок новых продуктов, которые маркируются новыми обозначениями, включающими в том числе, ранее зарегистрированные в качестве товарных знаков (знаков обслуживания) обозначения или базирующиеся на них. Производителям товаров и поставщикам услуг, ввиду изменения рыночной конъюнктуры, приходится модернизировать их продукты, менять их упаковки, как следствие, возникает необходимость и в модернизации товарных знаков (знаков обслуживания), используемых для маркировки этих продуктов. Следовательно, наличие недобросовестной «висячей» заявки сделает невозможным регистрацию нового обозначения.

При этом, ввиду наличия положений подпункта 2 пункта 6 статьи 1483 ГК РФ, согласно которому не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, сходные до степени смешения или тождественные с ранее зарегистрированным товарным знаком других лиц [2], подобные недобросовестные заявки никогда не будут зарегистрированы в качестве товарных знаков. Более того, лицам, которые выбирают такую стратегию злоупотребления правом и не нужна регистрация этих спорных обозначений – нарушителей вполне устраивает нахождение такой заявки в «висячем» положении (на стадии формальной экспертизы с неуплаченными пошлинами), так как российское законодательство допускает длительное нахождение подобных заявок на стадии формальной экспертизы, когда даже уплата пошлин за регистрацию заявки и проведение экспертизы заявленного обозначения по существу не требуется.

Следовательно, в качестве отличительных черт (особенностей) данного вида злоупотребления можно выделить такие:

– целью подачи такой заявки не является получение исключительного права на заявленное обозначение, обозначение подаётся на регистрацию для получения, так называемой, «висячей» заявки, предназначенной для блокировки новых заявок добросовестных правообладателей;

– дешевизна данного способа блокировки – злоупотребляющее правом лицо может вообще не платить пошлины за регистрацию заявки на товарный знак (знак обслуживания) и проведение экспертизы заявленного обозначения, ограничиваясь периодической подачей аналогичных «висячих» заявок, создавая, тем самым, перманентную блокировку обозначений.

В качестве примера таких «висячих» заявок можно привести группу обозначений, которые были поданы на регистрацию 27.04.2018 г. Обществом с ограниченной ответственностью Ликеро-водочный завод «Стрижамент», например:

1) Заявка на регистрацию товарного знака № 2018717533 [3], в которой заявлено на реги-

страцию обозначение «» [3], полностью копирующее принадлежащие иностранной компании – производителю алкогольных напитков «Diageo Brands B.V.» обозначения «JOHNNIE WALKER» (Свидетельство Российской Федерации о государственной регистрации товарного знака (знака обслуживания) № 20326) [3] и

«» Свидетельство Российской Федерации о государственной регистрации товарного знака (знака обслуживания) № 288030) [3].

2) Заявка на регистрацию товарного знака № 2018717532 [3], в которой заявлено на реги-

страцию обозначение «» [3], полностью копирующее принадлежащие иностранной компании – производителю алкогольных напитков «Diageo Brands B.V.» обозначения «WHITE HORSE» (Свидетельство Российской Федерации о государственной регистрации товарного знака

(знака обслуживания) № 31694) [3] и «» Свидетельство Российской Федерации о государственной регистрации товарного знака (знака обслуживания) № 151648) [3].

3) Заявка на регистрацию товарного знака № 2018719913 [3], в которой заявлено на реги-

АБСОЛЮТ
страцию обозначение «**ABSOLUT**» [3]. Часть данного обозначения копирует общеизвестный в Российской Федерации словесный товарный

знак «ABSOLUT», зарегистрированный по свидетельству о регистрации общеизвестного в Российской Федерации товарного знака № 75 [3], принадлежащего иностранному производителю алкогольных напитков – компании «The Absolut Company Aktiebolag»; вторая же часть обозначения сходна до степени смешения с названным общеизвестным в Российской Федерации товарным знаком до степени смешения.

Приведённый список заявок не является исчерпывающим. Ликеро-водочный завод «Стрижамент» подавал и другие заявки, полностью копирующие чужие известные обозначения (например, заявки на регистрацию товарного знака обслуживания) №№ 2018717531, 2018717529, 2018719507, 2018719913) [3]. Все указанные выше заявки были поданы для товаров 33 класса МКТУ, то есть для тех товаров, являющихся однородным тем товарам, для которых зарегистрированы указанные выше товарные знаки добросовестных правообладателей.

Названные заявки были признаны отозванными только 30.01.2019г., и, следовательно, в период с 27.04.2018 г. по 30.01.2019 г. блокировали возможность регистрации обозначения любой из указанных выше компаний – добросовестных правообладателей при подаче этих обозначений на регистрацию в период с 27.04.2019 г. по 30.01.2019 г.

Учитывая динамичность развития современного рынка, характеризующегося, в том числе и быстрым исчезновением интереса к продуктам, указанного срока может быть вполне достаточно, чтобы добросовестный правообладатель понёс убытки.

Также, подобные недобросовестные заявки могут подаваться на регулярной основе с периодичностью, не допускающей наличие свободного от «висячей» заявки периода, в связи с чем добросовестный правообладатель может в течение очень длительного времени не зарегистрировать нужное ему обозначение.

В большинстве случаев, лица, которые подают на регистрацию такие, так называемые, «висячие» заявки знают, что в силу действующего законодательства, правовая охрана заявленным в них обозначениям никогда не будет предоставлена – отчасти, именно по этой причине они оставляют данные заявки на стадии формальной экспертизы с неуплаченными пошлинами.

При этом, данный вид злоупотребления правом упускает как учебная литература, так и судебная практика, сложившаяся на текущий момент.

Говоря об учебной литературе, следует отметить, что ряд учебников в принципе упускает проблемы, связанные со злоупотреблением правом при регистрации товарных знаков, проработка данного вопроса стала появляться только в самых новых учебниках и учебных пособиях.

Более того, при подготовке к написанию данной статьи, удалось найти маленькое количество

источников, которые прямо затрагивают проблематику злоупотребления правом при регистрации товарных знаков. В качестве примера таких источников хотелось бы отметить следующие, а именно:

1) «Учебник Право интеллектуальной собственности: учебник / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др.; Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М. : Статут, 2018. Т. 3 : Средства индивидуализации. 432 с. (Документ взят из системы «КонсультантПлюс») [4] (далее – Учебник).

2) *Ворожевич А.С.* Недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при регистрации товарного знака: проблемы квалификации и способы защиты / А.С. Ворожевич, Н.В. Козлова // *Lex russica.* 2017. № 5. С. 70–82. (Документ взят из системы «КонсультантПлюс») [1].

В большинстве своём, публикации и учебники либо затрагивали данную проблему косвенно, либо исключительно со ссылками на подпункт 6 пункта 2 статьи 1512 ГК РФ [2].

Рассматривая проблематику вопроса злоупотребления правом при регистрации товарных знаков, освещённую авторским коллективом указанного Учебника, то в нём приводится следующая классификация злоупотребления правом на товарный знак, в частности авторский коллектив названного Учебника выделяет следующие виды «чистого» злоупотребления правом» [4] при регистрации товарного знака, а именно:

«...1. Регистрация в качестве товарного знака в отношении одних классов товаров, обозначения, которое стало известно в отношении других классов товаров (может быть даже зарегистрировано в качестве товарного знака по данным классам) в целях паразитирования на репутации такого обозначения.

2. Регистрация в качестве товарного знака, используемого иным субъектом обозначения при условии, что оно обладает положительной репутацией, известностью среди определенной группы потребителей. При условии, что средним потребителям оно неизвестно...» [4].

Резюмируя параграф шесть «Злоупотребление правом при регистрации товарного знака» Учебника, исходя из его положений можно выделить следующие два основных вида злоупотребления правом, а именно:

– регистрация в качестве товарных знаков обозначений, используемых иными лицами для эксплуатации чужой деловой репутации;

– регистрации товарного знака в целях блокирования бизнеса иных лиц [4].

Оба приведённых вида злоупотребления права говорят уже о зарегистрированном – то есть об обладающем правовой защитой недобросовестном обозначении.

Рассматривая судебную практику, посвящённую данным вопросам, следует отметить, что суды

рассматривают вопросы, связанные со злоупотреблением правом при подаче заявки на регистрацию товарного знака достаточно однобоко.

Например, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5], отражены аспекты возможного отказа правообладателю в защите исключительных прав на товарный знак, если такие действия будут признаны злоупотреблением, однако положения Постановления не отражают описанную выше ситуацию с «висячими» заявками (например, см. п. 154 названного Постановления Пленума Верховного Суда РФ) [5].

В качестве примера практики по злоупотреблению правом при регистрации товарных знаков можно привести и Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 февраля 2018 г. № С01-555/2017 по делу № А41-75281/2016 [6]. Указанным Постановлением, Суд по интеллектуальным правам оставил в силе принятые ранее судебные акты об отказе в удовлетворении требования о защите исключительного права на товарный знак, Суд по интеллектуальным правам исходил из наличия в действиях правообладателя, связанных с регистрацией спорного товарного знака и последующим запретом реализации товаров под спорным наименованием, признаков недобросовестной конкуренции и злоупотребления правом [6].

Также можно привести в качестве примера Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 сентября 2018 г. № С01-730/2018 по делу № А52-3475/2017 [7], которым Суд оставил без изменения судебные акты об обязанности прекратить неправомерное использование товарного знака и взыскании денежной компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак, поскольку недобросовестность либо злоупотребление правом со стороны истца не установлены, признаков недобросовестной конкуренции в его действиях также не выявлено [7].

Говоря о судебной практике, отсутствие в ней ссылок на описанную ситуацию с «висячими» заявками выглядит очевидным, так как, согласно разъяснениям пункта 155 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5], по смыслу положений пункта 1 статьи 1477, статьи 1481, пункта 1 статьи 1484 ГК РФ, обозначение, которое заявлено на государственную регистрацию и проходит экспертизу в Роспатенте, до даты его регистрации в Государственном реестре товарных знаков товарным знаком не является [5].

То есть, находящееся в процессе рассмотрения Роспатентом обозначение, заявленное на регистрацию добросовестным правообладателем, не будет являться товарным знаком до даты его регистрации, а, следовательно, не может пользоваться способами защиты, предназначенными

для товарных знаков. И, исходя из описанных норм, возникает замкнутый круг: добросовестный правообладатель не может зарегистрировать своё обозначение, чтобы пользоваться предусмотренными для товарных знаков способами защиты в полной мере (ранее зарегистрированный на имя добросовестного правообладателя товарный знак включает в себя только элементы нового обозначения), и, ввиду отсутствия возможных к применению способов защиты, сделать что-либо с «висячей» на стадии формальной экспертизы заявкой практически невозможно – заявка просто «висит» и блокирует регистрацию всех сходных обозначений.

Тот факт, что заявленное добросовестным правообладателем обозначение не является товарным знаком, не умаляет проблемы с «висячими» заявками, которые блокируют регистрацию добросовестных обозначений, а, следовательно, необходимо разработать систему мер для успешного решения данной проблемы.

Суммируя изложенное, выше хотелось бы отметить следующие основные моменты, а именно:

1. «Висячая» заявка – это заявка на регистрацию товарного знака (знака обслуживания), поданная в Роспатент и находящаяся на стадии формальной экспертизы, в которой в качестве обозначения, для которого испрашивается правовая охрана, указано обозначение, полностью тождественное уже зарегистрированному и используемому другим лицом (добросовестным правообладателем) товарному знаку (знаку обслуживания) или состоящее из нескольких таких обозначений, заявленная для однородных товаров или услуг.
2. Проблема «висячих» заявок существует и мешает добросовестным правообладателям вести свою экономическую деятельность в полном объёме в условиях динамично меняющейся рыночной конъюнктуры, когда интерес к товарам и услугам быстро пропадает.
3. На данный момент, ни учебная литература, не судебная практика не рассматривают вопрос злоупотребления правом, возникающий именно в связи с подачей «висячих» заявок, а, следовательно, работа по решению данной проблемы не ведётся.
4. Тот факт, что данная проблема лежит, как бы на грани (то есть новый товарный знак добросовестного правообладателя ещё не зарегистрирован, но был бы зарегистрирован, если бы «висячей» заявки не было), усложняет механизмы её решения. Поэтому для решения проблемы необходимо разработать взвешенную систему со сбалансированными пошлинами, при которой ни «висячие» заявки не будут блокировать добросовестные заявки, ни, при этом, не будет утяжеления делопроизводства и бюрократии при регистрации товарных знаков добросовестными заявителями – правообладателями.

Литература:

1. *Ворожевич А.С.* Недобросовестная конкуренция или злоупотребление правом при регистрации товарного знака: проблемы квалификации и способы защиты / А.С. Ворожевич, Н.В. Козлова // *Lex russica*. 2017. № 5. С. 70–82. (документ взят из системы «КонсультантПлюс»).
2. Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) (в ред.от 18.07.2019) // «Парламентская газета», № 214-215, 21.12.2006. (документ взят из системы «КонсультантПлюс»).
3. Открытые Реестры Роспатента. URL : <https://new.fips.ru/registers-web/action?acName=clickRegister®Name=RUTMAP> (дата обращения 16.12.2019г.).
4. *Ворожевич А.С.* Право интеллектуальной собственности : учебник / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др.; Под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М. : Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации. 432 с. (Документ взят из системы «КонсультантПлюс»).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». 2019. № 7.
6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 февраля 2018 г. № С01-555/2017 по делу № А41-75281/2016.
7. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 27 сентября 2018 г. № С01-730/2018 по делу № А52-3475/2017.

Literature:

1. *Vorozhevich N.V.* Kozlova Unfair competition or right abuse within registration of a trademark: problems of qualification and ways of protection // *Lex russica*. 2017. № 5. P. 70–82. «ConsultantPlus» (legal reference system).
2. Federal Law of 18.12.2006 № 230-FZ «Civil Code of the Russian Federation (part four) (ed. of 18.07.2019) // «Parliamentary Newspaper». № 214–215, 21.12.2006. «ConsultantPlus» (legal reference system).
3. Open Registries of the Rospatent. URL : <https://new.fips.ru/registers-web/action?acName=clickRegister®Name=RUTMAP> (appeal date 16.12.2019г.).
4. *Vorozhevich A.S.* Intellectual Property Law : textbook / A.S. Vorozhevich, O.S. Grin, V.A. Korneev and others; under the General e edition of L.A. Novoselova. M. : Statute, 2018. Vol. 3 : Brands. 432 p. «ConsultantPlus» (legal reference system).
5. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 № 10 «On application of part IV of the Civil code of the Russian Federation» // «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation». 2019. № 7.
6. Ruling of the Intellectual Property Rights Court of 15 February 2018 no. C01-555/2017 in case № А41-75281/2016.
7. Ruling of the Intellectual Property Rights Court of 27 September 2018 № С01-730/2018 in the case of № А52-3475/2017.

Зыков Даниил Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

Семенов Сергей Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказания
alyonapov@mail.ru

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказания
alyonapov@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РФ**

■ ■ ■

Аннотация. Проблемы юридической науки криминального цикла являются важным направлением деятельности по изысканиям в различных областях. Законотворчество представляется как процесс преобразования от конкретного к абстрактному. Чем глубже познана природа образования конкретного и соответствующих ему интересов, тем глубже и обоснованней будет приниматься правовая норма, и тем эффективнее она будет служить охране общественных отношений. По мере разрешения множества проблем, их, к глубокому сожалению, не становится меньше. Движение вперед в экономическом и социально-политическом развитии страны, изменение приоритетов развития, порождает новые и новые вопросы, для которых нужно искать обоснованные ответы.

Ключевые слова: закон, уголовное право, кодекс изменения, поправки, проблемы.

■ ■ ■

Любые изменения в законодательства являются важным событием: меняется целый ряд общественных отношений. Когда же выходит

Daniil A. Zykov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department
Public disciplines,
Vladimir Legal Institute
Federal Service
Executions of Punishments
daniilzykov@mail.ru

Sergey A. Semenov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public and Legal Disciplines,
Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute of the Federal Penal
Enforcement Service
alyonapov@mail.ru

Elena V. Shanazarova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Public and Legal Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penal Enforcement Service
alyonapov@mail.ru

**SOME PROBLEMS OF DEVELOPMENT
OF CRIMINAL LEGISLATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

■ ■ ■

Annotation. The problems of legal science of the criminal cycle are an important area of research in various fields. Legislation is presented as a process of transformation from concrete to abstract. The more the nature of the education of a particular and relevant interests is known, the more well-founded the rule of law will be, and the more effective it will be to protect public relations. As the resolution of many problems, they, unfortunately, does not become less. Moving forward in the economic and socio-political development of the country, changing development priorities, generates new and new questions for which it is necessary to look for reasonable answers.

Keywords: law, criminal law, code changes, amendments, problems.

■ ■ ■

целый ряд изменений в каком-либо кодексе, то это и вовсе изменяет условия, в которых находится население государства. Отличительной

чертой любого законодательства является то, что оно всегда трансформируется: появляются новые законы, изменяется и дополняется старые, устраняются пробелы и коллизии.

Законотворчество представляется как процесс преобразования от конкретного к абстрактному. Чем глубже познана природа образования конкретного и соответствующих ему интересов, тем глубже и обоснованней будет приниматься правовая норма, и тем эффективнее она будет служить охране общественных отношений.

Для полного и всестороннего развития и существования законотворческого процесса необходимо использовать результаты научных фундаментальных исследований и изысканий, прикладных разработок, имеющихся по определенной тематике. Результаты фундаментальных исследований и изысканий должны иметь огромное значение в прикладном применении, а результаты прикладного применения должны давать устойчивую почву для новых фундаментальных исследований и рекомендаций.

Фундаментальные исследования в юридической науке криминального цикла имеют своей целью изучение норм уголовного права, практики их применения, результатов, полученных в период применения данных норм, а также иных фактических обстоятельств, складывающихся на основе применения действующего законодательства. Одной из основных задач является исследование нормы на ее эффективность, достижение поставленной цели, простоты реализации, исходя из сегодняшней российской действительности.

Прикладное применение может иметь место лишь в случае принятия фундаментальных изысканий в ранг закона. В этом случае будет иметь место точное усвоение и четкое практическое применение данных законов, их отдельных норм и положений, а также достижение поставленных целей.

На сегодняшний день можно отметить низкий уровень применения фундаментальных и прикладных наук в принятии новых правовых норм и подзаконных актов.

Нарушение принципа системности и отступление от первоначальной концепции Уголовного кодекса РФ, касающееся Общей и Особенной части отрицательно сказалась на российском уголовном законодательстве. Анализ развития уголовного законодательства позволяет утверждать, что российская уголовно-правовая политика имеет существенные недостатки и нуждается в совершенствовании. За более чем 20 лет, прошедших с момента принятия действующего УК РФ, Федеральными законами было внесено порядка 2000 поправок. Мы полностью разделяем мнение ученых-криминалистов (Коробеева А.И., Лопашенко Н.А., Рагога А.И.), считающих, что действующий уголовный кодекс утратил ту целостность, то единство положений, характерных первоначальной редакции УК РФ, превратившись в «поскутное одеяло», «тришкин каф-

тан» и т.п. Все чаще звучат призывы о необходимости реформирования УК РФ, вплоть до издания нового УК. Ныне действующий УК РФ превратился в сборник не работающих, порой абсурдных норм, которые никоим образом не могут повлиять на перелом криминальной ситуации в стране.

Ярким примером необоснованности, непродуманности уголовно-правовой политики является не соответствие уголовного законодательства криминологической реальности. В последние десятилетия в России были отмечены неблагоприятные тенденции во многих видах преступности: в групповой, насильственной, несовершеннолетних и других. Так, по первоначальной концепции УК РФ, как условное осуждение, так и условно-досрочное освобождение от наказания применялись при назначении наказания в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы, содержания в дисциплинарной воинской части и лишения свободы. Лица, осужденные условно, и лица, условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания, имели практически одинаковое положение. После внесения в 2003 г. изменений в ст. 79 УК РФ была нарушена координация между ст. 73 и ст. 79 УК РФ. В соответствии с изменениями, условно могут назначаться 5 видов наказания, а условно досрочное освобождение от отбывания исправительных работ, ограничения по военной службе и ограничения свободы не предусмотрено, что неосновательно сужает сферу применения альтернативных мер уголовно-правового воздействия.

Социально-политические изменения, провозглашенные в 2010 г. Президентом России Д.А. Медведевым, коренным образом влияют на изменения в уголовном законодательстве, которые предусматривали мораторий на аресты за экономические преступления. Понятие «преступления небольшой тяжести» расширилось: это деяния, за которые лишают свободы на срок до трех лет, а не до двух, как было прежде [2].

Воплощена идея наказывать за экономические преступления не лишением свободы, а штрафом. В случае уклонения от уплаты налогов (ст. ст. 198,199 УК РФ) уголовной ответственности можно избежать, полностью возместив ущерб бюджету. А если возместить ущерб пострадавшему и заплатить в пятикратном размере штраф, то уголовного наказания можно избежать за более чем половину из 40 экономических преступлений, входящих в главу 22 УК РФ [3].

В 2019 году вступили в силу существенные изменения в Уголовный кодекс РФ. По ряду составов были предусмотрены послабления. В частности, это касается статей, предусматривающих ответственность за покупку шпионских устройств и следящей техники. Верховный суд указал на то, что в этих ситуациях должна уточняться цель их приобретения: если это личная безопасность или безопасность семьи, охрана имущества или контроль за домашним питомцем, то, в данных ситуациях, уголовного преследования быть не

может, так как речь не идёт о нарушении прав других граждан. Смартфоны, диктофоны и видеорегистраторы могут быть признаны шпионской техникой только после технических доработок, внесённых в конструкцию.

За противоправные репосты и лайки, а также, за нарушающие закон публичные высказывания в СМИ и интернете, прозвучавшие первый раз в году, наказание будет предусматриваться в виде штрафа (ч. 1 ст. 282 УК РФ), за повторное нарушение – в виде уголовного преследования. Уголовное дело будет заведено сразу, если призывы к вражде и унижение достоинства гражданина будет сопровождаться насилием или его угрозой, а также исходить от организованной группы или лица, пользующегося служебным положением (ч. 2 ст. 282 УК РФ).

Кроме этого, Верховный суд ввел в судебную практику понятие «уголовный проступок». Им считается нарушение закона, по своей опасности не достаточное для того, чтобы считать проступок настоящим преступлением. Главная цель нововведения – избавить от судимости граждан за деяния, не обладающие повышенной опасно-

стью. Под данное определение могут попасть более 80 составов преступлений, за которые в настоящее время не лишают свободы.

Подводя итог, отметим, что современное состояние преступности в Российской Федерации требует качественного переосмысления подходов к стратегии и тактике борьбы с нею. Важнейшим и приоритетным направлением государственной политики по борьбе с преступностью выступает уголовно-правовая политика, которая представляет целенаправленную деятельность государства по обеспечению воздействия на преступность арсеналом уголовно-правового характера.

Законодатель долгие годы приучал нас к тому, что, либо принимал законы, которые снижали уровень правовых гарантий лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, либо занимался, так называемой, косметической и реально, ни на что не влияющей правкой законодательства. Процесс уголовного нормотворчества требует внимательного отношения к сложившимся общественным отношениям и учету криминологических реалий при конструкции уголовно-правовых норм.

Литература:

1. *Рарог А.И.* Качество уголовного закона. Проблемы Особенной части : монография / А.И. Рарог; Отв. ред. А.И. Рарог; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский государственный юридический ун-т имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М. : Проспект, 2017. 381 с.
2. *Рарог А.И.* Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Международной научно-практической конференции 27–28 января 2011 г. М. : Проспект, 2011. С. 3–8.
3. *Кленова Т.В.* Обоснованность дополнений и изменений Уголовного кодекса Российской Федерации // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы 11-й Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова 30–31 мая 2012 г. М., 2012. С. 30–31.

Literature:

1. *Rarog A.I.* The quality of criminal law. Problems of the Special part : monograph / A.I. Rarog; Rev. ed. A. I. Rarog; M-in education and science of the Russian Federation, Moscow state law University named after O.E. Kutafin (msua). M. : Prospect, 2017. 381 p.
2. *Rarog A.I.* Russian criminal legislation: state and prospects // Criminal law: development strategy in the XXI century: proceedings of the Eighth International scientific and practical conference January 27–28, 2011. M. : Prospect, 2011. P. 3–8.
3. *Klenova T.V.* Validity of additions and amendments to the Criminal code of the Russian Federation // Five years of the criminal code: results and prospects: proceedings of the 11th international conference. science.- pract. Conf., held at the faculty of law of Moscow state University. M.V. Lomonosova may 30–31, 2012. M., 2012. P. 30–31.

Кангезов Марат Русланович

кандидат юридических наук,
начальник кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
karnl@mail.ru

Marat R. Kangezov

Candidate of Law,
Head of the Department
of Criminal Procedure and Criminology,
Novorossiysk branch of the Krasnodar
University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
karnl@mail.ru

**ЭЛЕКТРОННОЕ УГОЛОВНОЕ ДЕЛО
НА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ СЛЕДСТВИИ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ
ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**ELECTRONIC CRIMINAL CASE
ON THE PRELIMINARY INVESTIGATION
IN THE CONDITIONS
OF THE DEVELOPMENT
OF DIGITAL TECHNOLOGIES**

Аннотация. Электронные технологии прочно вошли во все сферы жизни общества. Они сопровождают нас как в бытовой сфере, так и в сфере защиты прав граждан: в уголовном, гражданском, административном производствах, а также при обращениях в различные министерства и ведомства. В статье освещаются вопросы эффективности введения в уголовное судопроизводство на стадии предварительного расследования электронного уголовного дела. Сформулировано авторское определение электронного уголовного дела. Выделены основные преимущества введения электронного уголовного дела в «оборот».

Annotation. Electronic technologies are firmly embedded in all spheres of society. They accompany us both in the domestic sphere and in the sphere of protection of citizens' rights: in criminal, civil, administrative proceedings, as well as in appeals to various ministries and agencies. The article highlights the issues of the effectiveness of criminal prosecution at the stage of the preliminary investigation of an electronic criminal case. The author's definition of an electronic criminal case is formulated. The main advantages of introducing an electronic criminal case into «circulation» are highlighted.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, прокурор, электронное уголовное дело, цифровые технологии.

Keywords: criminal trial, pre-trial proceedings, prosecutor, electronic criminal case, digital technology.

Электронные технологии прочно вошли во все сферы жизни общества. Они сопровождают нас как в быту, так и в сфере защиты прав граждан: в уголовном, гражданском, административном производствах, а также при обращениях в различные министерства и ведомства. Что касается уголовного судопроизводства, электронные технологии применяются на всех его стадиях.

ют, письменную форму фиксации хода расследования уголовного дела.

В действующей [1] редакции уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержится порядка 30 статей, в которых речь идет о технических средствах, которые применяются в уголовном судопроизводстве. Как правило, это нормы о применении технических средств, систем видео-конференц связи. Также, локальными нормативными актами МВД России также предусмотрены электронные системы для приема заявлений о преступлении. Так, в настоящее время очень активно используются электронные приемные министерств и ведомств.

В настоящей статье будет рассмотрен вопрос целесообразности и эффективности ведения электронных уголовных дел при производстве предварительного расследования.

Вопрос возможности использования электронных уголовных дел в уголовном судопроизводстве в науке обсуждается учеными-процессуалистами не первый год.

В соответствии с действующим законодательством, практически все нормы прямо закрепля-

По мнению Ю.Н. Познанского, электронное уголовное дело представляет собой инструмент решения проблемы разумного срока уголовного судопроизводства[2].

Абдулвалиев А.Ф. считает необходимым усовершенствовать стадию предварительного расследования в направлении внедрения в документооборот электронного уголовного дела. Однако для применения данной электронной технологии необходимо внесения изменений нор-

мативные акты с целью законодательного регулирования возможности применения рассматриваемой технологии [3].

Следует отметить, что иностранными учены также были высказаны мнения о ведении электронного вида уголовного судопроизводства, мнения носили преимущественно положительную окраску [4].

Электронный документооборот на стадии предварительного расследования также был поддержан и Генеральным прокурором Российской Федерации Ю.Я. Чайка, который 14 сентября 2017 года утвердил Концепцию цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года [5].

По нашему мнению, под электронным уголовным делом следует понимать созданную онлайн-платформу на которой будут в онлайн-режиме создаваться и храниться процессуальные документы, отражающие движение предварительного расследования.

Хотелось бы выделить основные преимущества введения электронного уголовного дела в «оборот»:

– случаи утери материалов дела или самого дела будут исключены;

– уйдет необходимость в восстановлении уголовного дела (ст. 158.1 УПК РФ);

– органы предварительного расследования смогут незамедлительно передавать уголовные дела или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому в порядке ст. 151 УПК РФ;

– прокуроры смогут изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти и передавать его (их) следователю Следственного комитета РФ с обязательным указанием оснований такой передачи;

– следователь (дознатель) незамедлительно будет передавать уголовное дело вместе с обвинительным заключением (обвинительным актом, обвинительным постановлением);

– в случае возвращения прокурором уголовного дела для пересоставления обвинительного заключения (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), обвинительного акта (п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ) или обвинительного постановления (п. 2 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ) следователю или дознавателю не понадобится перепечатывать данные документы, их можно будет пересоставить в электронном виде.

Указанные выше обстоятельства будут способствовать соблюдению законности на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что введение электронного уголовного дела в «оборот» упростит и надзорную деятельность органов прокуратуры.

Переход к единому электронному делу позволит прокурорам проводить проверку законности и обоснованности принятых процессуальных решений в режиме «реального времени», автоматически отслеживая ход производства.

Наравне с этим, лица, осуществляющие предварительное расследование, смогут автоматизировано выполнять требования прокурора о направлении копии процессуальных решений, которые призваны обеспечить доступ к правосудию. Среди таких решений можно назвать:

– постановление о возбуждении уголовного дела;

– постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и т.д.);

– а также иные процессуальные документы, направление которых предусмотрено нормами УПК РФ.

Работая с единым электронным делом, у прокуроров не будет необходимости запрашивать материалы уголовного дела с целью проверки обоснованности принятия того или иного процессуального решения, что позволит сэкономить время как надзирающего прокурора, так и лица, ведущего предварительное расследование. На практике, запросы о предоставлении материалов уголовного дела или материалов проверки сообщения о преступлении приводят к длительной переписке прокурора и руководителей следственных органов, так как материалы могут находиться у руководителя в рамках процессуального контроля.

Считаем, что внедрение единого электронного дела упростит обмен информацией между прокурорами и органами расследования, а также обеспечит разумный срок уголовного судопроизводства, проблемы осуществлений которого так часто обсуждаются в научной литературе.

Наряду с положительными моментами внедрения в практическую деятельность органов предварительного расследования электронных уголовных дел, существуют и сложности, связанные с их применением. Так, электронный документ должен обладать юридической силой, в связи с чем, можно было бы использовать электронную цифровую подпись. Но и здесь встречается ряд сложностей. Например, в соответствии с законодательством, протокол следственного действия подписывается всеми участниками следственного действия, но не все участники обладают этой цифровой подписью. Выходом из такой ситуации могут быть как видео фиксация следственного действия, так и составление протокола на бумажном носителе с последующим переводом бумажного носителя на электронный и приобщением к материалам электронного уголовного дела [6].

В настоящее время, в век высоких информационных технологий, нельзя быть уверенным в

том, что сфера уголовного судопроизводства, в части электронных уголовных дел не будет подвергнута хакерскому нападению. Поэтому необходим такой режим хранения электронных уго-

ловных дел, который бы исключал несанкционированные доступы посторонних лиц и обеспечивал сохранность файлов.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

2. *Познанский Ю.Н.* Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовных дел в разумные сроки // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 41–44.

3. *Абдулвалиев А.Ф.* Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 150–164.

4. *Беляева И.М.* Проблемы внедрения электронного формата уголовного расследования в Республике Казахстан / И.М. Беляева, А.К. Кусайнова, Б.М. Нургалиев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2018. Т. 18. № 2. С. 7–12. URL : <http://doi.org/10.14529/law180201>; Гридюшко П.В. Об электронной форме ведения уголовного процесса / П.В. Гридюшко, Н.С. Бушкевич // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2017. № 2 (34). С. 67–73.

5. Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года» (вместе с «Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года»). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278651/ (дата обращения 25.07.2019).

6. *Долгов А.М.* Электронное уголовное дело в досудебных стадиях уголовного процесса в России Общество: политика, экономика, право. 2018. № 9(62). С. 55–57.

Literature:

1. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation № 174-ФЗ of 18.12.2001 (ed. 03.07.2019) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 24.12.2001. № 52 (Part I). Art. 4921.

2. *Posnansky Yu.N.* Electronic criminal case in a solution of the problem of investigation of criminal cases in reasonable time // Works of the MIA Academy of Management. 2015. № 1(33). P. 41–44.

3. *Abdulvaliyev A.F.* Prerequisites and the prospects of introduction electronic forms of criminal case in activity of sou – the debnykh of bodies // Legal researches. 2013. № 5. P. 150–164.

4. *Bialiayeva I.M.* Problems of introducing an electronic format of criminal investigation in the Republic of Kazakhstan / I.M. Bialiayeva, A.K. Kusainova, B.M. Nurgaliyev // Journal of the South Ural State University. Series «Right». 2018. Vol. 18. № 2. P. 7–12. URL : <http://doi.org/10.14529/law180201>; *Gridyushko P.V.* About electronic to a form of conducting criminal proceedings / P.V. Gridyushko, N.S. Bushkevich // The Bulletin of Ministry of Internal Affairs Academy of Republic of Belarus. 2017. № 2(34). P. 67–73.

5. The order of the State Office of Public Prosecutor of Russia of 14.09.2017 № 627 «About the approval of the Concept of digital transformation of bodies and organizations of prosecutor's office till 2025» (together with «The concept of digital transformation of bodies and organizations of prosecutor's office of the Russian Federation till 2025»). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278651/ (date of appeal 25.07.2019).

6. *Dolgov A.M.* Electronic criminal case in pretrial stages of criminal proceedings in Russia Society: politics, economy, law. 2018. № 9 (62). P. 55–57.

Коновалова Людмила Геннадьевна
кандидат юридических наук,
доцент,
Алтайский государственный университет
vaskova82@yandex.ru

Решетников Глеб Евгеньевич
магистрант,
Юридический институт
Алтайского
государственного университета
nataparina1970@yandex.ru

Пинчук Антон Павлович
магистрант,
Юридический институт Алтайского
государственного университета
gos.2207@mail.ru

Вина юридических лиц при совершении административных правонарушений: подходы к определению, проблемы правоприменительной практики

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы вины юридических лиц. Авторы анализируют наиболее распространенные в доктрине подходы к пониманию вины юридических лиц. Приводится противоречивая судебная практика, при анализе которой отмечается, что суды, в большинстве случаев, перекладывают бремя доказывания невиновности на сами организации, что противоречит действующему законодательству. В связи с этим, авторами предлагается решение сложившейся проблемы посредством добавления Примечания в ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и внесения в ст. 2.2 части 3.

Ключевые слова: административное правонарушение, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, вина, юридическое лицо, форма вины, концепции вины юридического лица, правоприменительная практика.

■ ■ ■

На сегодняшний день понимание вины юридического лица в административном праве является предметом множества дискуссий. Данная проблема возникла с момента введения Закона Российской Федерации от 17 декабря 1992 г. «Об административной ответственности предприятий, учреждений, организаций и объединений за правонарушения в области строитель-

Lyudmila G. Konovalova
Candidate of Law,
Associate Professor,
Altai State University
vaskova82@yandex.ru

Gleb E. Reshetnikov
Undergraduate,
Legal Institute
Altai State University
nataparina1970@yandex.ru

Anton P. Pinchuk
Undergraduate,
Legal Institute
Altai State University
gos.2207@mail.ru

THE FAULT OF LEGAL ENTITIES IN THE ADMINISTRATIVE OFFENSES: APPROACHES TO DETERMINATION, PROBLEMS OF LAW AND PRACTICE

■ ■ ■

Annotation. The article discusses current issues of guilt of legal entities. The authors analyze the most common doctrine approaches to understanding the guilt of legal entities. The contradictory judicial practice presents. The analysis of this indicates that the courts in most cases shift the burden of proving innocence to the organizations themselves. As the result, it contradicts the current legislation. In this regard, the authors propose the solution to the existing problem by adding the Note to the Art. 2.1 in the Code of Administrative Offenses and the implementation part 3 in the Art. 2.2.

Keywords: administrative offense, Code of administrative offenses in the Russian Federation, guilt, legal entity, form of guilt, concept of guilt of the legal entity, law enforcement practice.

■ ■ ■

ства». Процедура привлечения была прописана в Положении о порядке наложения штрафов за правонарушения в области строительства, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 июля 1993 г. С тех пор административная наука признает организации надлежащим субъектом административной ответственности.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) отразил данную категорию в ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, согласно которой юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения в случае, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения всех норм и правил, за нарушение которых предусмотрена административная ответственность, однако данным лицом не были предприняты все меры по их соблюдению [1].

На сегодняшний день в теории административного права по проблеме вины юридического лица наиболее распространены следующие подходы: классический, субъективный, объективный. Чтобы разобраться в сущности этого признака субъективной стороны, охарактеризуем каждую из этих концепций.

Классическое понимание вины исходит из того, что использование вины применительно к юридическим лицам невозможно, поскольку она в данном подходе понимается как психическое отношение лица к совершенному противоправному деянию. Юридическое лицо – это правовая фикция, которая не обладает ни волей, ни сознанием, а значит, использование вины по отношению к юридическим лицам является внедрением посторонней категории в институт административной ответственности [2]. Соответственно, вина юридического лица рассматривается через конструкцию Гражданского кодекса РФ, а именно через презумпцию вины юридического лица. Необходимо отметить, что законодательство об административных правонарушениях содержит нормы, отвечающие этой концепции. Так, примечание ст. 1.5 КоАП РФ указывает, что презумпция невиновности не распространяется на правонарушения в области дорожного движения, зафиксированные в автоматическом режиме, а примечание ч. 7 ст. 2.10 КоАП РФ предписывает применять данную презумпцию к юридическим лицам, образовавшимся в результате реорганизации. Необходимо отметить, что эти нормы являются исключением из принципа презумпции невиновности юридического лица, предусмотренного ст. 1.5 КоАП РФ и в качестве общего правила использоваться не могут.

Мы полагаем, что одним из главных недостатков классической концепции является противоречие ст. 1.5 КоАП РФ, в которой отражается презумпция невиновности, а также содержится указание на то, что бремя доказывания возлагается на органы государственной власти.

Субъективная концепция понимания вины юридического лица, представителями которой являются Л.Л. Попов, Ю.Ю. Колесниченко, отражает следующую идею: виной юридического лица в совершении административного правонарушения является вина его коллектива, а именно её полномочных должностных лиц, а также иных лиц, имеющих право давать обязательные указания в пределах структуры юридического лица [3. с. 43].

В публично-правовых отношениях, регламентирующих ответственность юридических лиц, данная концепция нашла отражение лишь в нормах финансового законодательства, а именно в ч. 4 ст. 110 НК РФ, в которой указывается, что вина организации в совершении правонарушения определяется в зависимости от вины ее должностных лиц [4].

При изучении данного подхода, применительно к вине юридического лица при совершении административного правонарушения, можно выделить следующие проблемные аспекты. Во-первых, достаточно сложно определить структуру организации и установить ответственного сотрудника за совершение юридическим лицом административного правонарушения. Во-вторых, при таком подходе юридическое лицо будет нести ответственность за совершение административного правонарушения физическим лицом независимо от того, выполняло ли это лицо должностные инструкции или действовало в своих интересах.

Антиподом предыдущего понимания вины является поведенческая концепция. Она характеризуется тем, что вина рассматривается не через психическое отношение лица к содеянному, а как непринятие им объективно возможных мер по устранению или недопущению отрицательных результатов своих действий, диктуемых обстоятельствами конкретной ситуации [5]. В результате знакомства с действующим законодательством, можно заметить, что КоАП РФ, фактически, воспринял «поведенческую концепцию» определения вины юридических лиц. Рядом авторов критикуется данная точка зрения. Они указывают на то, что определение вины с помощью «поведенческой» концепции не может охватить умысел правонарушителя – юридического лица (можно определить лишь неосторожность) [6. с. 24–25].

Говоря об умысле юридического лица в рамках поведенческого подхода, нельзя не задаться вопросом, стоит ли выделять формы вины юридических лиц? Ведь некоторые статьи особенной части КоАП РФ предполагают ответственность юридических лиц только при наличии умысла. Например, ст. 17.7 КоАП РФ предусматривает ответственность за умышленное (выделено нами – Авт.) невыполнение требований прокурора и некоторых других должностных лиц. Неясность в данном вопросе устранил Высший Арбитражный Суд РФ. Так, в одном из актов Пленум ВАС РФ отметил, что при рассмотрении дел об административных правонарушениях арбитражным судам следует учитывать, что понятие вины юридических лиц раскрывается в части 2 статьи 2.1 КоАП РФ. При этом, в отличие от физических лиц, в отношении юридических лиц КоАП РФ формы вины не выделяет [7]. Такого рода выводы можно объяснить лишь особенностями самого субъекта. Форма вины – это сочетание интеллектуальных и волевых признаков субъекта при совершении им правонарушения. У юридического лица, как у фикции, некой неодуше-

ленной сущности, отсутствует интеллект и воля, в связи с чем, нельзя говорить об умысле или неосторожности с его стороны.

На сегодняшний день проблемы понимания вины юридического лица связаны не только с теоретическими дискуссиями. В практике зачастую встречается пренебрежение установлением вины юридического лица, различия в трактовке положений законодательства, а также перекладывание бремени доказывания.

Конституционный Суд РФ в 2008 г. отметил, что ст. 2.1 КоАП РФ направлена на обеспечение действия презумпции невиновности и на исключение безвиновного привлечения к ответственности юридических лиц [8]. Однако арбитражные суды и суды общей юрисдикции, как ранее отмечалось, зачастую игнорируют данные положения.

Так, в некоторых случаях, вина юридического лица определяется через субъективную сторону правонарушения, то есть анализируется психическое отношение коллективного субъекта к содеянному и определяются формы вины в виде умысла и неосторожности. Например, Седьмой Арбитражный Апелляционный суд в 2008 г. отметил, что вина юридического лица может быть представлена в виде умысла или неосторожности [9].

Противоречивая практика встречается касательно соприкосновения субъективного и объективного понимания вины юридического лица. Так, тот же Седьмой Арбитражный Апелляционный суд в 2008 г. посчитал верным определять вину юридического лица через вину его работника (продавца) [10].

Однако намного позднее Верховный Суд РФ в одном из своих решений указал, что ненадлежащее исполнение работником общества своих трудовых обязанностей не является обстоятельством, освобождающим само юридическое лицо от административной ответственности, а свидетельствует об отсутствии надлежащего контроля со стороны общества за действиями своих работников [11].

Наиболее важной проблемой, на наш взгляд, является пренебрежение судами правилом, установленным ч.3 ст. 1.5 КоАП РФ, в котором предусмотрено, что лицо, привлекаемое к административной ответственности, не обязано доказывать свою невиновность. В рамках исследования было проанализировано 20 судебных решений о привлечении юридического лица к административной ответственности. Приведем некоторые примеры судебного пренебрежения правилами КоАП РФ о бремени доказывания вины.

Так, в 2019 г. Арбитражный суд Челябинской области указал: «Поскольку ответчиком не представлено суду пояснений и доказательств, подтверждающих своевременное принятие им необходимых мер по соблюдению вышеуказанных требований законодательства, суд полагает наличие вины ответчика в совершении админи-

стративного правонарушения установленным» [12]. Аналогичная позиция содержится и в другом решении этого же суда: «ООО «Феникс» не представило суду пояснений и доказательств, подтверждающих своевременное принятие им каких-либо мер по соблюдению вышеуказанных требований действующего законодательства. Факт наличия в действиях (бездействии) ООО «Феникс» вины в рассматриваемом административном правонарушении Управлением установлен» [13].

Некоторые суды при изучении виновности юридического лица указывают на то, что в материалах дела каких-либо объективно непреодолимых, либо непредвиденных препятствий, находящихся вне контроля юридического лица, исключающих возможность соблюдения требований действующего законодательства нет [14; 15].

Единственное встретившееся дело, в котором бремя доказывания невиновности не было переложено на юридическое лицо, привлекаемое к административной ответственности, отразилось в решении одного из районных судов Белгородской области. Суд в этом случае установил особый статус привлекаемого к административной ответственности юридического лица – бюджетополучателя и далее выяснил, информировало ли данное лицо об отсутствии денежных средств для создания условий, непротиворечащих требованиям противопожарного законодательства [16].

Представители научного сообщества делают предположение, что практика исходит из того, что презумпция невиновности субъекта опровергается путем доказывания факта совершения им административного правонарушения [17. с. 23].

На основе всего вышесказанного можно прийти к следующему заключению.

Во-первых, исследование теоретических концепций понимания вины юридического лица приводят к выводу о том, что в законодательстве об административном правонарушении используется объективное (поведенческое) понимание вины юридического лица (ч. 2 ст. 2.2 КоАП РФ). Вина определяется, не исходя из «желаний» юридического лица, а, исходя из сопоставления объективных факторов: «имевшихся возможностей» и «принятых мер». Это обусловлено тем, что юридическое лицо является фикцией, в которой отсутствует интеллект и воля, в связи с чем, нельзя говорить о субъективном отношении к содеянному правонарушению.

Во-вторых, форма вины – понятие, относящееся сугубо к психической деятельности субъекта. Это применимо к физическим лицам, но исключено для организаций. Предложения о существовании таковой относительно юридических лиц выглядят логичными разве что в рамках субъективного подхода, признанного нами несостоявшимся.

В связи с этим, предлагаем добавить в статью 2.2 КоАП РФ часть 3, изложив ее в следующей

редакции: «Вина юридического лица при производстве по делу об административном правонарушении формами не осложнена»

В-третьих, при формальном господстве объективного понимания вины юридического лица в судебной практике зачастую имеет место игнорирование принципа презумпции невиновности. Можно говорить о том, что в правоприменительной практике имеются случаи безвинового привлечения юридического лица к административной ответственности, когда считается достаточным установление факта административного правонарушения. Хотя и нередко позитивные тенденции, направленные на изучение судами вины юридического лица в ч. 4 ст. 24.5, однако, это относится лишь к определенным субъектам – бюджетополучателям.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
2. *Сорокин В.Д.* О двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Правоведение. 2004. № 3.
3. *Попов Л.Л.* Административная ответственность юридических лиц / Л.Л. Попов, Ю.Ю. Колесниченко // Административная ответственность : сб. ст. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2001. С. 41–46.
4. Налоговый кодекс РФ. Часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ : (с изменениями на 31 октября 2019 года) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
5. *Панова И.В.* Еще раз о двух тенденциях, разрушающих целостность института административной ответственности // Вестник ВАС РФ. 2007. № 8
6. *Петров М.П.* Административная ответственность организаций (юридических лиц) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1998.
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда от 02.06.2004 № 10 РФ «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях Высшего Арбитражного суда РФ» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 20 марта 2008 г. № 210-О-О. URL : http://www.sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_528.htm
9. Постановление Седьмого Арбитражного Апелляционного суда от 25 июля 2008 года по делу № А27-5437/2008. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=102280&dst=100135#0008986636118585523>

Таким образом, необходимо разрешение сложившихся противоречий между нормами законодательства и судебной практикой. Решение данной проблемы возможно посредством изменения норм административного законодательства, а именно, введением Примечания к ст. 2.1 КоАП РФ в следующей редакции: «При привлечении юридического лица к административной ответственности органам, ведущим производство по делу об административном правонарушении в отношении юридических лиц, необходимо установить отсутствие объективных, чрезвычайных и непреодолимых обстоятельств, а также возможность соблюдения данным лицом всех мер по соблюдению норм и правил, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность».

Literature:

1. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law dated December 30, 2001 № 195-FZ (as amended on April 23, 2019) // A collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (part 1). Art. one.
2. *Sorokin V.D.* About two trends that destroy the integrity of the institution of administrative responsibility // Jurisprudence. 2004. № 3.
3. *Popov L.L.* Administrative responsibility of legal entities / L.L. Popov, Yu.Yu. Kolesnichenko // Administrative responsibility: Sat. Art. M. : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2001. P. 41–46.
4. The tax code of the Russian Federation. Part One of 07/31/1998 № 146-FZ: (as amended on October 31, 2019) // Meeting of the legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3824.
5. *Panova I.V.* Once again about two trends that destroy the integrity of the institution of administrative responsibility // VAS Bulletin of the Russian Federation. 2007. № 8
6. *Petrov M.P.* Administrative responsibility of organizations (legal entities) : dis. ... cand. legal sciences. Saratov, 1998.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court dated 02.06.2004 № 10 of the Russian Federation «On some issues that arose in judicial practice when considering cases of administrative violations of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2004. № 8.
8. The determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 20, 2008. № 210-O-O. URL : http://www.sudbiblioteka.ru/ks/docdelo_ks/konstitut_big_528.htm
9. The ruling of the Seventh Arbitration Court of Appeal of July 25, 2008 in case № А27-5437 / 2008. URL : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=102280&dst=100135#0008986636118585523>

10. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2008 г. по делу № 07АП-6062/08. URL : [http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007 &n=102280&dst=100135#0008986636118585523](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=102280&dst=100135#0008986636118585523)

11. Определение Верховного суда РФ от 4 сентября 2018 г. по делу № 303-АД18-12556 // СПС КонсультантПлюс

12. Решение Арбитражного суда Челябинской области от 5 июня 2019 г. по делу № А76-11656/2019. URL : [https://sudact.ru/arbitral/doc/ DNb2rFHJ1nbj/](https://sudact.ru/arbitral/doc/DNb2rFHJ1nbj/)

13. Арбитражного суда Челябинской области от 3 июня 2019 г. по делу № А76-12006/2019. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/oJDpIDCjqmQX/>

14. Решение Арбитражного суда города Москвы от 31 мая 2019 г. по делу № А40-107541/2019. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/xT3b51BS6ulc/>

15. Решение Арбитражного суда Нижегородской области от 5 июня 2019 г. по делу № А43-12605/2019. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/o9LOcMY6EmJS/>

16. Решение Ровеньского районного суда от 29 мая 2019 г. по делу № 12-11/2019 [Электронный ресурс] URL : <https://sudact.ru/regular/doc/jqGv9DF8bsHT/>

17. *Иванов Л.* Административная ответственность юридических лиц // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 21–23.

10. The ruling of the Seventh Arbitration Court of Appeal of October 27, 2008 in case № 07АП-6062/08. URL : [http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base= RAPS007 & n = 102280 & dst = 100135 # 0008986636118585523](http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007 &n = 102280 & dst = 100135 # 0008986636118585523)

11. The determination of the Supreme Court of the Russian Federation of September 4, 2018 in the case № 303-AD18-12556 // ATP Consultant Plus

12. Decision of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region of June 5, 2019 in case № А76-11656 / 2019. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/DNb2rFHJ1nbj/>

13. The Arbitration Court of the Chelyabinsk Region of June 3, 2019 in case № А76-12006/2019. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/oJDpIDCjqmQX/>

14. The decision of the Moscow Arbitration Court of May 31, 2019 in case № А40-107541/2019. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/xT3b51BS6ulc/>

15. Decision of the Arbitration Court of the Nizhny Novgorod Region of June 5, 2019 in case № А43-12605/2019. URL : <https://sudact.ru/arbitral/doc/o9LOcMY6EmJS/>

16. The decision of the Rivne district court of May 29, 2019 in case № 12-11 /2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/jqGv9DF8bsHT/>

17. *Ivanov L.* Administrative liability of legal entities // Russian Justice. 2001. № 3. P. 21–23.

Кочевцева Наталия Ивановна
аспирантка кафедры
авторского права, смежных прав
и частнопроводных дисциплин,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности
nnattaa2016@mail.ru

СИРОТСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПРАВЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ

Аннотация. Впервые понятие «сиротское произведение» официально было использовано в законодательстве Европейского сообщества только лишь в 2012 году.

В статье предлагается рассмотреть ситуацию с охраной сиротских произведений в Европейском Союзе и Российской Федерации. Учитывая, что правовое регулирование сиротских произведений отсутствует в законодательстве РФ, автор предлагает с учетом норм действующего законодательства в сфере интеллектуальной собственности формулировку понятия «сиротское произведение» и правовой режим его использования.

Ключевые слова: сиротские произведения, автор, право на имя, границы исключительного права.

Некоторое время назад наследники известного советского писателя столкнулись с тем, что широко известное литературное произведение их отца, охраняемое авторским правом еще как минимум 20 лет, вдруг стало «сиротским произведением».

Строчка из известнейшего произведения их отца, фронтовика, лауреата многочисленных премий, была использована кинокомпанией для рекламы фильма о войне. Кинокомпания не смогла самостоятельно найти наследников писателя и была вынуждена использовать часть произведения в рекламе фильма без их согласия, что вылилось в соответствующие претензии наследников к кинокомпани.

Юристы кинокомпании построили свою защиту на том, что кинокомпания считала данное произведение «сиротским», поскольку информация о правообладателях отсутствовала в открытом доступе, соответственно, кинокомпания была вправе его использовать без согласия наследников и без выплаты им авторского вознаграждения.

Вопрос между кинокомпанией и наследниками был урегулирован в досудебном порядке, одна-

Natalia I. Kochevtseva
Post-graduate student
of the Department of Copyright,
Related rights and Private Law disciplines,
Russian State Academy
of Intellectual Property
nnattaa2016@mail.ru

ORPHANED WORKS IN THE INTELLECTUAL PROPERTY LAW OF THE EUROPEAN UNION AND RUSSIA

Annotation. For the first time the concept of «orphan work» was officially used in the legislation of the European Community only in 2012.n. The article proposes to consider the situation with the protection of orphan works in the European Union and the Russian Federation. Considering that the legal regulation of orphan works is absent in the legislation of the Russian Federation, the author suggests taking into account the norms of the current legislation in the field of intellectual property the wording of the concept «orphan work» and the legal regime for its use.

Keywords: orphan works, author, right to a name, boundaries of exclusive rights.

ко, эта правовая ситуация заставила специалистов в сфере интеллектуальной собственности и правообладателей возобновить утихшую в последние несколько лет дискуссию относительно «сиротских произведений».

Что же такое «сиротское произведение», и какое место оно занимает в правовом поле?

Впервые понятие «сиротское произведение» официально было использовано в законодательстве Европейского сообщества только лишь в 2012 году.

Согласно статье 2 Директивы Европейского парламента и Совета Европейского Союза от 25 октября 2012 года 2012/28/ЕС об определенном разрешенном использовании сиротских произведений (Directive 2012/28/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on certain permitted uses of orphan works) (далее – Директива), произведение или фонограмма считаются «сиротским произведением» («*orphan work*»), если ни один из правообладателей такого произведения или фонограммы неизвестен или не обнаружено местонахождение ни одного из известных правообладателей в результате добросовестного поиска, проведен-

ного и зафиксированного по правилам Директивы [1]. В том случае, когда у произведения или фонограммы два или более правообладателя и не все из них установлены или же если местонахождение установленных правообладателей не обнаружено в результате добросовестного поиска, проведенного и зафиксированного по правилам Директивы, произведение или фонограмма могут быть использованы в соответствии с Директивой при условии, что установленные правообладатели, местонахождение которых известно, дали в отношении своих прав соответствующее разрешение.

Нужно отметить, что в некоторых российских источниках термин «orphan work» переводится на русский язык как «произведение, не определяемое по субъекту авторского права» [2].

Согласно статье 1 Директивы, действие Директивы распространяется на произведения или фонограммы, которые находятся под охраной авторского и смежного права и впервые были опубликованы/транслированы по каналам теле- и радиовещания на территории государства-члена ЕС.

К указанным в статье 1 Директивы произведениям относятся:

– произведения, опубликованные в книгах, журналах, газетах или в другом письменном виде, которые находятся в коллекциях публичных библиотек, образовательных учреждениях или музеях, а также в архивах или институтах кино- и аудионаследия;

– кинематографические и аудиовизуальные произведения и фонограммы, которые находятся в коллекциях публичных библиотек, образовательных учреждениях или музеях, а также в архивах или институтах кино- и аудионаследия;

– кинематографические и аудиовизуальные произведения и фонограммы, произведенные организациями публичного телерадиовещания до 31 декабря 2002 года включительно, которые находятся в их архивах;

– произведения и иные охраняемые объекты, которые являются составной частью произведений или фонограмм, указанных в Директиве.

Европейский законодатель не обошел своим вниманием и необнародованные произведения или фонограммы, распространив действие документа на перечисленные в Директиве произведения или фонограммы, которые никогда не были обнародованы (опубликованы или транслированы), но при соблюдении указанных в Директиве условий.

После того, как произведение или фонограмма, в соответствии с Директивой, признаны «сиротскими», их использование возможно без согласия правообладателя и без выплаты ему вознаграждения, но только предусмотренными Директивой способами (опубликование и воспроизведение) и в указанных в Директиве целях (до-

стижение общественно-полезных целей, в частности, в целях сохранения, восстановления, обеспечения доступа в культурных и образовательных целях).

Директива предусматривает, что использование «сиротских произведений» способами и в целях, предусмотренных Директивой, имеет право не любое лицо, а только перечисленные в статье 1 Директивы организации (бенефициары), которые располагаются в государствах-членах ЕС и деятельность которых преследует публичные интересы: публичные библиотеки, образовательные учреждения, архивы, институты кино- и аудионаследия, организации публичного телерадиовещания.

Указанные бенефициары при использовании «сиротских произведений» обязаны указывать имя авторов (правообладателей), если они известны. Такое указание требуется при каждом использовании «сиротского произведения» (п. 3 ст. 6 Директивы).

В соответствии с преамбулой Директивы, предусматривается создание единой базы данных для Европейского Союза, которая должна содержать информацию о «сиротских произведениях», в том числе об их пользователях, способах использования и изменениях их статуса.

Указанная база данных (Онлайновая база данных о сиротских произведениях для ЕС (*Online EU-wide database for Orphan Works*)) была создана Ведомством по гармонизации внутреннего рынка (OHIM) (с 2016 г. переименовано в Ведомство интеллектуальной собственности ЕС (EUIPO)), которое и продолжает ее администрировать.

На 2016 год в Онлайновой базе данных о сиротских произведениях для ЕС (*Online EU-wide database for Orphan Works*) в качестве «сиротских» было указано: 251 литературное произведение, 829 аудиовизуальных произведений, 39 кинематографических произведений, 341 фонограмма, 3 иллюстрации, 3 фотографии и 1 произведение изобразительного искусства [3, с. 35]. Очевидно, что этим не исчерпывается реальное количество «сиротских произведений», существующих в Европейском союзе в настоящее время.

На национальном уровне, в России, четвертая часть Гражданского Кодекса РФ не содержит такого понятия как «сиротское произведение», однако, определение содержания данного термина, на наш взгляд, возможно с позиции действующего нормативного регулирования и сложившихся доктринальных взглядов в российской цивилистике.

Четвертая часть Гражданского Кодекса РФ в статье 1265 закрепляет за автором право на имя. Право автора на имя – это право использовать или разрешать использование результата интеллектуальной деятельности под своим именем, под псевдонимом или анонимно.

Таким образом, существуют три способа обозначения имени автора при обнародовании и использовании произведения: под настоящим именем автора (ст. 19 Гражданского Кодекса РФ), под псевдонимом, т.е. вымышленным име-

нем, или без указания имени (анонимно). При этом в качестве псевдонима может выступать не только фамилия, имя, отчество или фамилия и имя, но даже ни к ней [4].

При опубликовании произведения анонимно или под псевдонимом (за исключением случая, когда псевдоним автора не оставляет сомнения в его личности) издатель (пункт 1 статья 1287), имя или наименование которого указано на произведении, при отсутствии доказательств иного, считается представителем автора и в этом качестве имеет право защищать права автора и обеспечивать их осуществление. Это положение действует до тех пор, пока автор такого произведения не раскроет свою личность и не заявит о своем авторстве.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1281 Гражданского Кодекса РФ [5], на произведение, обнародованное анонимно или под псевдонимом, срок действия исключительного права истекает через семьдесят лет, считая с 1 января года, следующего за годом его правомерного обнародования. Если в течение указанного срока автор произведения, обнародованного анонимно или под псевдонимом, раскроет свою личность или его личность не будет далее оставлять сомнений, исключительное право будет действовать в течение срока, установленного пунктом 1 статьи 1281 Гражданского Кодекса РФ, т.е., действовать в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора.

Исходя из указанного в статье 1265 Гражданского Кодекса РФ правомочия автора, нам представляется, что «сиротским произведением» является произведение:

- 1) опубликованное анонимно, т.е. без указания имени, но при условии, что на произведении не указан издатель, который в соответствии с Кодексом имеет право защищать права автора и обеспечивать их осуществление;
- 2) опубликовано под псевдонимом автора, но при условии, что на произведении не указан издатель, который в соответствии с Кодексом имеет право защищать права автора и обеспечивать их осуществление, а также при условии, что псевдоним не позволяет установить личность автора.
- 3) если автор произведения раскроет свою личность или его личность не будет далее оставлять сомнения, произведение утрачивает статус сиротского произведения и продолжает охраняться в соответствии с Гражданским Кодексом РФ.

Учитывая статью 1281 Гражданского Кодекса РФ, по аналогии закона, нам кажется допустимым распространение на «сиротские произведения» ограничения исключительного права по временному критерию: на сиротское произведе-

Литература:

1. Directive 2012/28/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on certain permitted uses of orphan works. URL :

ние срок действия исключительного права истекает через семьдесят лет, считая с 1 января года, следующего за годом его правомерного обнародования. Если в течение указанного срока автор сиротского произведения раскроет свою личность или его личность не будет далее оставлять сомнений, исключительное право будет действовать в течение срока, установленного пунктом 1 статьи 1281 Гражданского Кодекса РФ, т.е. действовать в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автор.

Предложенные формулировка понятия «сиротского произведения» и ограничения исключительного права по временному критерию на «сиротские произведения» не противоречат концепции «трехшагового теста», изложенной в статье 9(2) Бернской конвенции по охране литературных и художественных произведений и практически дословно воспроизведенной в пункте 5 статье 1229 Гражданского Кодекса РФ. Данная норма предусматривает, что ограничения исключительных прав на произведения науки, литературы и искусства либо на объекты смежных прав устанавливаются в определенных особых случаях при условии, что такое ограничение не противоречит обычному использованию произведений либо объектов смежных прав и не ущемляют необоснованным образом законные интересы правообладателей. Иные ограничения исключительного права на «сиротские произведения» (использование без согласия автора и без выплаты авторского вознаграждения при определенных обстоятельствах/в определенных случаях и т.д.) могут противоречить пункту 5 статьи 1229 Гражданского Кодекса РФ, поскольку безусловно будут ущемлять интересы авторов «сиротских произведений», которые столкнутся с тем, что их имущественные права, по сравнению с авторами иных произведений, будут ограничены.

Отнесение к «сиротским произведениям» произведений, не имеющих конкретных авторов, представляется недопустимым, поскольку, если применять аналогию закона (статья 1259 Гражданского Кодекса РФ), произведения, не имеющие конкретных авторов, не могут являться объектами авторского права.

Ситуации, связанные с произведениями, автор которых известен, но местонахождение его или его наследников неизвестно/или невозможно установить, с моей точки зрения, должны разрешаться не путем ограничения исключительного права автора/иных правообладателей, а с использованием иных правовых институтов, имеющих в распоряжении гражданское право и иных отраслей права.

Literature:

1. Directive 2012/28 / EU of the European Parliament and of the Council of October 25, 2012 on certain permitted uses of orphan works. URL :

<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32012L0028&rid=1> (дата обращения 21.11.2019).

2. Неофициальный перевод текста Directive 2012/28/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 on certain permitted uses of orphan works на русский язык // СПС «КонсультантПлюс», 2019.

3. Левова И.Ю. Сиротские произведения в России: статус, пути решения проблемы. Как открыть доступ к произведениям, авторов или законных правообладателей которых установить невозможно / И.Ю. Левова, Д.В. Винник, А.Ю. Моисеева. М. : Ваш Формат, 2016. 66 с.

4. Право интеллектуальной собственности.. Общие положения : учебник / Под общ. ред. д-р. юрид. наук, проф. Л.А. Новоселовой. М. : Статут, 2017. Т. 1 // СПС «КонсультантПлюс», 2019.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М. : Проспект, 2019. 736 с.

<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32012L0028&rid=1> (accessed 11/21/2019).

2. Unofficial translation of the text Directive 2012/28 / EU of the European Parliament and of the Council of October 25, 2012 on certain permitted uses of orphan works into Russian // ATP Consultant Plus, 2019.

3. Levova I.Yu. Orphan works in Russia: status, ways to solve the problem. How to open access to works whose authors or legal owners are impossible to establish / I.Yu. Levova, D.V. Vinnik, A.Yu. Moiseeva. M. : Your Format, 2016. 66 p.

4. Intellectual property law.. General Provisions : textbook / Ed. ed. Doctor of Law, Prof. L.A. Novoselova. M. : Statute, 2017 T. 1 // ATP Consultant Plus, 2019.

5. Civil Code of the Russian Federation. Parts of the first, second, third and fourth. M. : Prospect, 2019. 736 p.

Крюк Виктория Сергеевна
специалист по учебной работе
кафедры уголовного права,
Северо-Кавказского филиал
Российского государственного
университета правосудия
Milena.555@mail.ru

Viktoriya S. Kryuk
Academic Specialist,
Department of Criminal Law,
North Caucasian branch
of the SCF Federal State
Budgetary Educational Institution
of Higher Education
Russian State University of Justice
Milena.555@mail.ru

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

CRIMINOLOGICAL AND STATISTICAL PARALLELS OF FAMILY-DOMESTIC VIOLENCE

Аннотация. В статье анализируются закономерности преступлений, связанных с семейно-бытовыми конфликтами и сопровождающим их насилием; критически оцениваются уголовно-статистические свидетельства семейно-бытового насилия, не отражающие объективной криминологической картины реальных масштабов этого негативного социально-правового феномена; предлагаются криминологически обоснованные рекомендации по сокращению несоответствий между официальной статистической информацией и реальными, криминологически подтверждаемыми, фактами о криминальном насилии в семье.

Annotation. The article analyzes the patterns of crimes related to domestic conflicts and the accompanying violence; the criminal statistical evidence of domestic violence is critically evaluated, not reflecting the objective criminological picture of the real extent of this negative socio-legal phenomenon; Criminologically substantiated recommendations are offered to reduce inconsistencies between official statistical information and real, criminologically confirmed facts about criminal domestic violence.

Ключевые слова: семейная криминология, насилие в семье, предупреждение семейно-бытовых преступлений.

Keywords: family criminology, domestic violence, prevention of family crimes.

Насилие присуще любому обществу, разным социально-экономическим формациям, хотя формы проявления и уровень «насыщения насилием» не совпадают. Современные исследователи отмечают, что за последние 5,5 тысяч лет истории человечества произошло свыше 15 тысяч войн и вооруженных конфликтов, в которых погибло, по ряду оценок, несколько миллиардов человек [1].

другой документ, который находился в таком длительном «круговороте» (по некоторым оценкам, за последние 10 лет законопроекты о домашнем насилии вносились 40 раз), вызывая бурную реакцию в обществе и разделяя представителей гражданского населения, юристов, общественных деятелей на тех, кто за его принятие и кто против. При этом, как у сторонников, так и противников принятия данного закона находят свои убедительные (по их мнению) доводы и аргументы, «характерные» примеры из судебной-следственной практики, статистические «пассажи», результаты социологических опросов и даже собственный опыт разрешения проблем внутрисемейного насилия.

Между тем, сталкиваясь с насилием в различных сферах общественных отношений, человек подвергается насильственным действиям и в семье, которая априори должна быть опорой и защитой человека, обеспечивать безопасность подрастающего поколения. По мнению многих специалистов, чтобы снизить (локализовать) уровень внутрисемейного насилия; необходимо принятие соответствующего закона, который, в отличие от России, существует в большинстве развитых стран мира.

Такая бурная реакция общества неудивительна и вполне адекватна криминологической ситуации, складывающейся в сфере семейных отношений, впрочем, как и реакция на любые другие проблемы, поднимаемые в этой сфере. Ведь именно семья является той ячейкой общества, где объединяются зачастую разные по своим взглядам, социальному опыту, целям и потребностям люди. По образному выражению М. Вебера (1864–1920 гг.), немецкого социолога, фи-

21 октября 2019 г. в Госдуме прошло обсуждение законопроекта «Об основах профилактики семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Сложно припомнить еще какой-нибудь

лософа, историка и экономиста, семья представляет собой кипящий котел смеси теплых чувств и гнева, где за желанием подавить и доминировать, можно обнаружить все формы борьбы между людьми: от неприкрытого насилия до тонких манипуляций [2].

Соглашаясь с тем, что указанный законопроект, в целом, носит однобокий характер (крен в сторону защиты женщин) и включает меры, нарушающие конституционные права человека [3] отметим, что его текст лишен даже элементарной юридической техники и содержит ряд оценочных понятий, субъективное толкование которых приведет к неоднозначной практике применения. Так, среди мер, устанавливаемых судебным защитным предписанием, запрещено «преследование пострадавшего». Диапазон действий (и даже бездействий), подходящих под данное словосочетание, настолько широк, насколько широко субъективные представления человека (пострадавшего от семейного насилия, правоприменителя) об этом.

В связи с этим, подчеркнем, что принятие вышеуказанного законопроекта «Об основах профилактики семейно-бытового насилия в Российской Федерации» в представленной редакции лишь усугубит и обострит криминологическую ситуацию (и не только) в сфере семейных отношений.

Между тем, следует признать, что сегодня ни государство, ни общество не владеют достоверной информацией о реальных масштабах и тенденциях насилия в сфере семейно-бытовых отношений, поскольку при домашних конфликтах жертвы не склонны подключать к их разрешению правоохранительные органы. Разумеется, существует статистика (МВД РФ, Росстат России), однако, она не в состоянии отразить все социально-негативные последствия внутрисемейного насилия.

Хотя, справедливости ради, следует заметить, что охватить весь спектр социально-негативных последствий семейно-бытового насилия просто невозможно. Наряду с лишением жизни человека, причинением ущерба здоровью людей, нравственно-психологическим ущербом, многие члены семьи на почве конфликтных ситуаций приобретают тяжелые неизлечимые заболевания, связанные с психическими расстройствами и т.п. Эти последствия нельзя выразить ни в каких числовых эквивалентах, тем более, с уголовно-правовых позиций отнести их к вреду или ущербу, причиняемому преступлениями. Многие такие последствия не попадают в сферу «семейно-бытового насилия», поскольку по учетно-статистическим параметрам они напрямую не связаны с этой сферой.

В качестве разъяснения своей позиции, приведем пример из судебно-следственной практики. 17 декабря 2017 г. житель г. Дивногорска Красноярского края в ходе конфликта со своей женой на почве ревности, из принадлежащего ему охотничьего ружья произвел выстрел в голову женщины. В результате огнестрельного ранения потерпевшая скончалась на месте. В процессе

задержания мужчина убил одного из сотрудников полиции, а другого ранил. Было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа), ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство) [4]. Разумеется, что данные особо тяжкие преступления (за исключением убийства женщины) не были отнесены к сфере семейных отношений.

Другими словами, от внутрисемейного насилия, как от брошенного в воду камня, «круги» насилия и жестокости проникают во все сферы жизнедеятельности людей. Эти «круги» наносят вред обществу, отрицательно сказываются на общественных отношениях.

Здесь же можно привести и другие последствия внутрисемейного насилия, часто проявляющиеся в процессе конфликтов, возникающих в связи с определением места проживания детей после развода супругов. Как показывает судебная практика, во время такого «протистояния» совершаются различные насильственные преступления: причинение вреда здоровью различной степени тяжести и даже так называемые похищения детей, формально не подпадающие под действие УК РФ. Однако все насильственные действия между бывшими супругами, квалифицируемые как преступления, статистически не относятся к сфере семейно-бытовых отношений.

Между тем, подобные действия в любом случае наносят психологические травмы детям. Часто, при таких ситуациях, скрывая ребенка и любую информацию о нем, родители лишают детей возможности посещать детские учреждения и даже предпочитают не обращаться в поликлиники и больницы в необходимых случаях. От этого страдает и вся семья, членам которой наносится психологический, моральный ущерб.

Причем, такие ситуации возникают не только в «простых» семьях, но и в так называемых звездных и известных на всю страну семействах, о чем периодически сообщается в средствах массовой информации и говорится на телевидении. Возможно, подобные «громкие дела» стали, своего рода, сигналом для общества: периодически появляются предложения представителей депутатского корпуса об установлении уголовной ответственности за «родительские похищения» собственных детей.

Другой проблемой, сужающей представления о масштабах и последствиях насилия в сфере семейно-бытовых отношений, является и то обстоятельство, что из статистических учетов, характеризующих состояние криминального насилия в этой сфере, «выпадает» значительное число преступлений, совершаемых в социально-бытовых ячейках общества, где супруги проживают без регистрации брака. Хотя в, так называемом гражданском браке, или «сожителстве» также ведется совместное хозяйство, рождаются общие дети и т.д., факты внутрисемейного насилия, в большинстве случаев, не учитываются статистикой, как совершенные в отношении чле-

на семьи. При этом количество особо тяжких насильственных преступлений, совершаемых среди лиц, состоящих в незарегистрированных отношениях, достаточно высоко. Так, например, анализ материалов судебно-следственной практики, представленных на официальном сайте СК РФ по Краснодарскому краю за октябрь 2019 г. показал, что из восьми сообщений о совершении особо тяжких преступлений в сфере семейно-бытовых отношений, три деяния совершены в семейных ячейках с официально неоформленным браком. В двух случаях сожителям был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший смерть потерпевшей (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и в одном – мужчина убил мать своей сожительницы (ч. 1 ст. 105 УК РФ).

О высоком уровне насилия в семьях сожителей говорят и результаты проведенного нами анкетирования, согласно которому, среди обратившихся в Краснодарский краевой кризисный центр помощи женщинам, 31,7 % ответили, что стали жертвами насилия со стороны своих сожителей.

Однако это только одна сторона «медали». Проблемы внутрисемейного насилия в семьях с незарегистрированным браком не ограничиваются лишь супружеским насилием, но, главным образом, связаны с несовершеннолетними членами семьи. Речь идет о насильственных преступлениях, совершаемых с особой жестокостью и даже «зверством», когда, например, малолетние дети и младенцы попросту выкидываются с верхних этажей своих домов или их избивают до смерти, насилуют. Жертвами такого насилия становятся падчерицы и пасынки, страдающие от действий сожителей своих матерей.

Так, в августе 2019 г. был вынесен приговор 30-летнему гражданину Республики Азербайджан, который бы признан виновным в совершении насильственных действий сексуального характера в отношении малолетней девочки (п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ) и ее убийстве (п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Следствием и судом было установлено, что в ночь на 13 марта 2018 года обвиняемый находился дома вместе с 5-летней дочерью своей сожительницы в с. Бестужево Адлерского района города Сочи. Мать девочки в это время находилась на излечении в больнице. Мужчина воспользовался беспомощным состоянием малолетней, совершил в отношении нее насильственные действия сексуального характера. После этого он нанес ребенку не менее трех ударов руками в грудную клетку и живот. Впоследствии мужчина обнаружил, что девочка не подает признаков жизни, уложил ее тело в сумку и вынес на берег реки, где засыпал камнями [5].

В июле 2019 г. в Забайкальском крае по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство малолетнего), ч. 1 ст. 117 УК РФ был осужден В. Пауков. Как установлено следствием и судом, 6 сентября 2018 г. он избил до смерти пятилетнего пасынка. Преступление было совершено в то время, когда мать ребенка ушла из дома. В. Пауков, выпив

бутылку водки, решил научить ребенка читать, а когда тот отказался учиться, Пауков не менее четырех раз ударил мальчика рукой по груди и лицу. После этого он поднял мальчика над головой и бросил на пол. Ребенок от полученных травм скончался. Кроме того, было установлено, что Пауков в течение 2017–2018 гг. истязал свою сожительницу, систематически избивая ее [6].

Приведенные случаи, как показывают материалы судебно-следственной практики, к сожалению, не единичны. Однако такие преступления (включая убийство несовершеннолетних, сожителей), статистически не попадают в сферу семейно-бытового насилия, поскольку не относятся к числу преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении члена семьи, в том числе: супруга, сына, дочери [7]. Это не позволяет более объективно оценивать масштабы семейного насилия и его социально-негативных последствий. Между тем, у внутрисемейных насильственных преступлений, совершаемых как в семьях с официально зарегистрированными браками, так и в таких семейных формах, как сожительство, наблюдается общность криминологической детерминации, а также определенное сходство социальных и нравственно-психологических свойств лиц, их совершающих.

Не относя себя к сторонникам, «сгущающим краски», приводя «катастрофические» цифры внутрисемейного насилия, заметим, что и успокаиваться, ориентируясь лишь на относительно невысокие показатели статистики, характеризующие состояние насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений (33378 преступлений в 2018 г.), нельзя. Любые статистические цифры преступности в целях их адекватной интерпретации нуждаются в криминологическом анализе.

В связи с этим, следует отметить, что на фоне значительного сокращения заключения браков [8] и сохранения стабильно высокого количества разводов, следует ожидать, что статистически будут снижаться и абсолютные показатели насильственных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. Однако такое уменьшение масштабов внутрисемейного насилия не приведет к снижению уровня насилия в обществе в целом. Просто насильственные преступления из семейно-бытовой сферы «перекочуют» в другие «учетные категории». В этом случае, от перемены мест слагаемых сумма не изменится.

Между тем, несмотря на существующую статистику, свидетельствующую даже о снижении количества пострадавших от внутрисемейного насилия, нельзя забывать, что семейно-бытовое насилие – это та социально-психологическая и, конечно же, криминологическая проблема, которая переходит из поколения в поколение. Часто, дети, пережившие внутрисемейное насилие, начинают во взрослой жизни транслировать именно насильственный тип поведения [9]. Согласно имеющимся исследованиям, более 80 % женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы за деяния, совершенные путем приме-

нения насилия, в детстве и юности сами являлись жертвами насилия со стороны родителей и заменяющих их родственников [10].

А.И. Приставкин, с 1992 по 2001 г. возглавлявший Комиссию по помилованию при Президенте РФ, писал: «Когда погружаешься в мир насилия и жестокости, воочию видишь то, что все начинается с семьи и быта...» [11].

Подводя итоги своих размышлений, отметим, что внутрисемейное насилие (особенно в отношении несовершеннолетних) является, своего рода, концентратом, который при определенных условиях становится фактическим регулятором

Литература:

1. *Subetto A.I.* Конец онтологии мира войн и насилия в XXI веке (Доклад на Заседании Санкт-Петербургского отделения Европейской академии естественных наук в Смольном институте Российской академии образования 17 марта 2015 года, Санкт-Петербург). URL : noocivil.esrae.ru/pdf/2015/3/1363.pdf
2. Цитируется по: Лысова А.В., Щитов Н.Г. О внутрисемейном насилии // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 58.
3. Например, п. 3.1 ст. 25 проекта Закона, предусматривающий покинуть место совместного проживания с пострадавшим, независимо от того, кто является собственником жилья.
4. Официальный сайт СК РФ по Красноярскому краю. URL : <http://krk.sledcom.ru/news/item/1189249/>.
5. Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL : <https://sledcom.ru/news/item/1384115/?to=&from=&type=&dates=>
6. Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL : <https://sledcom.ru/news/item/1378897/?to=&from=&type=&dates=>.
7. Официальный сайт Федеральной государственной службы статистики РФ. Формы 7.25, 7.26 раздела «Социально-экономическое положение семей и тенденции их жизнедеятельности. URL : <https://www.gks.ru/folder/13807>
8. В 2018 г. количество заключенных браков по сравнению с 2013 г. сократилось на 28 %, при этом количество браков на 1000 чел. населения снизилось с 8,5 до 6,1 соответственно.
9. *Хилажева Г.Ф.* Насилие в семье как социальная проблема современного общества Социологические исследования. 2015. № 8. С. 63.
10. Криминальная психология : учеб. пособие / Авт.-сост. А.И. Ушатиков, О.Г. Ковалев. М., 2007. С. 256.
11. Цитируется по: Галюкова М.И. Криминологические аспекты семейно-бытового насилия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2007. № 9. С. 30.

насильственной преступности во всех ее проявлениях. При этом следует заключить, что криминологическая сущность семейно-бытового насилия и его статистическое отражение, к сожалению, так и остаются параллелями, которые не пересекаются.

Не являясь приверженцами получения все больших возможностей для государства вмешиваться в семейные отношения, все же заметим, что, сами по себе, проблемы внутрисемейного насилия не исчезают, поэтому требуют широкого общественного обсуждения и выработки адекватных мер противодействия.

Literature:

1. *Subetto A.I.* The End of the Ontology of the World of Wars and Violence in the XXI Century (Report at the Meeting of the St. Petersburg Branch of the European Academy of Natural Sciences at the Smolny Institute of the Russian Academy of Education on March 17, 2015, St. Petersburg). URL : noocivil.esrae.ru/pdf/2015/3/1363.pdf
2. Quoted by: Lysova A.V., Shchitov N.G. On domestic violence//Sociological research. 2003. № 4. P. 58.
3. For example, article 25, paragraph. 3.1, of the draft law provides for the departure of the place of cohabitation with the victim, regardless of who is the owner of the housing.
4. Official website of the IC of the Russian Federation on the Krasnoyarsk region. URL : <http://krk.sledcom.ru/news/item/1189249/>
5. Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL : <https://sledcom.ru/news/item/1384115/?to=&from=&type=&dates=>.
6. Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL : <https://sledcom.ru/news/item/1378897/?to=&from=&type=&dates=>.
7. Official website of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. Forms 7.25, 7.26 of the section «Socio-economic situation of families and trends of their life. URL : <https://www.gks.ru/folder/13807>
8. In 2018, the number of marriages contracted decreased by 28 % compared to 2013, with the number of marriages per 1,000 people. The population fell from 8.5 to 6.1, respectively
9. *Hilajeva G.F.* Domestic Violence as a Social Problem of Modern Society Sociological Research. 2015. № 8. P. 63.
10. Criminal psychology : tutorial / Avt. A.I. Ushatikov, O.G. Kovalev. M., 2007. P. 256.
11. Quoted by: Galyukova M.I. Criminological Aspects of Family and Domestic Violence//Journal of South Ural State University. 2007. № 9. P. 30.

Кузьмин Сергей Вениаминович
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
kevksv@rambler.ru

Варченко Игорь Александрович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Новороссийский филиал
Краснодарского университета МВД России
igorvarchenko@yandex.ru

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА НЕЗАКОННУЮ ГОСПИТАЛИЗАЦИЮ
ЛИЦА В МЕДИЦИНСКУЮ
ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ
ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ
В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ:
ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ
ОСНОВНОГО СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
(Ч. 1, СТ. 128 УК)**

■ ■ ■
Аннотация. В статье дана уголовно-правовая характеристика объективных признаков основного состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128 УК РФ, в т.ч., способов госпитализации (законных и неправомερных), а также понятия «медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях», с учетом изменений российского законодательства; выявлены несоответствия и пробелы правового регулирования; предложены пути совершенствования законодательства; высказано предложение о расширении криминализируемых деяний.

Ключевые слова: преступления против свободы личности; незаконная госпитализация; психиатрический стационар; медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях.

■ ■ ■
Права каждого человека на свободу, а также на личную неприкосновенность, являясь неотчуждаемыми и относящимися к числу наиболее значимых, гарантируются Конституцией Российской Федерации, содержащей нормы об охране и защите достоинства личности, запрете применения пыток, насилия, жестокого или унижающего человеческое достоинство обраще-

Sergei V. Kuzmin
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Novorossiysk branch of Krasnodar University
of the MIA of Russia
kevksv@rambler.ru

Igor A. Varchenko
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Novorossiysk branch of Krasnodar University
of the MIA of Russia
igorvarchenko@yandex.ru

**CRIMINAL LIABILITY FOR UNLAWFUL
HOSPITALIZATION OF A PERSON IN A
MEDICAL ORGANIZATION PROVIDING
PSYCHIATRIC CARE IN STATIONARY
CONDITIONS: OBJECTIVE EVIDENCE
OF THE BASIC CRIME (PART 1 ARTICLE
128 CRIMINAL CODE)**

■ ■ ■
Annotation. The article gives a criminal-legal characteristic of objective signs of the main corpus delicti provided for in part 1 of article 128 of the criminal code, including methods of hospitalization (legal and illegal), as well as the concept of «medical organizations providing psychiatric care in hospital», taking into account changes in Russian legislation; identified inconsistencies and gaps in legal regulation; proposed ways to improve legislation; proposed expansion of criminalized acts.

Keywords: crimes against personal freedom; illegal hospitalization; psychiatric hospital; medical organizations providing psychiatric care in inpatient conditions.

■ ■ ■
ния или наказания (статьи 17, 21 и 22 Конституции Российской Федерации).

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 128 УК, заключается в ограничении личной (физической) свободы человека. При этом предусмотренное ч. 1 ст. 128 УК преступление способно также причинить вред дополни-

тельным объектам: чести и достоинству личности, телесной неприкосновенности в случае применения «мер физического стеснения», а также создавать угрозу здоровью потерпевшего при необоснованном применении лекарственных средств.

Потерпевшим от преступления может выступать любое физическое лицо, как психически здоровое, так и нуждающееся в психиатрическом лечении (например, лицо, страдающее психическим расстройством, однако не нуждающееся в госпитализации). Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, с отступлениями от установленного порядка психически здорового лица, нуждающегося в госпитализации, формально содержит признаки состава преступления, предусмотренного ст. 128 УК. Однако нам представляется, что вопрос об уголовной ответственности лиц, совершивших такое деяние, должен решаться с учетом положений ч. 2 ст. 14 (малозначительность содеянного) либо ст. 39 (крайняя необходимость) УК.

Незаконное помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, означает неправомерную принудительную госпитализацию в специальное психиатрическое лечебное учреждение именно в качестве пациента. Данное преступление следует отличать от иных преступлений, обладающих внешне сходными признаками (например, от похищения человека либо захвата заложника с последующим удержанием потерпевшего в здании психиатрической лечебницы без придания ему статуса пациента).

С учетом изменений в законодательстве, в т.ч. принятия Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», использовавшийся ранее в ст. 128 УК РФ для определения места совершения преступления термин «психиатрический стационар» заменен понятием «медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях». В силу п. 11 ст. 2 ФЗ № 323, медицинской организацией признается юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, выданной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности. В силу прямого указания названного закона, положения, регулирующие деятельность медицинских организаций, распространяются и на иные юридические лица независимо от организационно-правовой формы, осуществляющие наряду с основной (уставной) деятельностью медицинскую деятельность, и применяются к таким организациям в части, касающейся медицинской деятельности.

Следует отметить, что в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» тем же термином – «медицинской орга-

низацией, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях» – названы организации либо их структурные подразделения, относящиеся лишь к государственной системе здравоохранения (ст. 9). При этом названной же статьей судебно-психиатрическая экспертная медицинская организация определена как медицинская организация, оказывающая психиатрическую помощь в стационарных условиях и специально предназначенная для производства судебно-психиатрической экспертизы, т.е., безотносительно к принадлежности государственной системе здравоохранения.

Исходя из того, что лишение человека физической свободы путем его незаконной госпитализации в медицинское учреждение является общественно опасным вне зависимости от принадлежности учреждения к государственной либо негосударственной системе здравоохранения, для целей применения ст. 128 УК РФ, мы полагаем, что под медицинской организацией, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, надлежит понимать юридическое лицо любой организационно-правовой формы, осуществляющее медицинскую деятельность по оказанию психиатрической помощи на основании лицензии, как в качестве основной, так и наряду с таковой в условиях, обеспечивающих круглосуточное медицинское наблюдение.

Незаконность помещения лица в психиатрическое лечебное учреждение означает госпитализацию лица в названное учреждение при отсутствии к тому оснований и (или) с нарушением установленного порядка.

Уголовно-правовая характеристика возможных способов незаконной госпитализации в психиатрическое лечебное учреждение предполагает понимание вариантов легитимной госпитализации в названные учреждения, однако такое понимание, в свою очередь осложняется регламентацией оснований и порядка такой процедуры множественными законодательными актами различной отраслевой принадлежности.

Так, основания, порядок помещения и дальнейшего содержания лиц, страдающих психическими расстройствами, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, определяются Законом РФ № 3185-1 от 02 июля 1992 г. «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (далее – Закон о психиатрической помощи), Федеральным законом № 73 от 31 мая 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – ФЗ о государственной судебно-экспертной деятельности) УК, УПК, Кодексом об административном судопроизводстве РФ, ГПК РФ, УИК РФ (например, ст. 173), Федеральным законом от 15 июля 1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 10, 24).

Общими основаниями для госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в

соответствии со ст. 28 Закона о психиатрической помощи, являются наличие у лица психического расстройства и решение врача-психиатра о проведении психиатрического обследования или лечения в стационарных условиях либо постановление судьи. Кроме того, в случаях и в порядке, установленных законами РФ, основанием для помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, может служить необходимость проведения психиатрической экспертизы (судебной, военной, трудовой).

В силу ст. 4 Закона о психиатрической помощи, госпитализация в психиатрический стационар осуществляется, преимущественно добровольно. Информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство получается в письменном виде свободно, без угроз или неоправданного принуждения после надлежащего предоставления пациенту в форме и на языке, понятном ему, достаточной и ясной информации о характере психического расстройства, целях, методах, включая альтернативные, и продолжительности рекомендуемого лечения, а также о болевых ощущениях, возможном риске, побочных эффектах и ожидаемых результатах (ст. 11 Закона о психиатрической помощи).

Если госпитализация в медицинское учреждение указанного профиля при заведомом отсутствии оснований осуществлена без согласия госпитализированного, а также, если согласие получено путем обмана, угроз или шантажа, помещение лица в стационар следует признавать незаконным, влекущим ответственность по ст. 128 УК, даже в случае оформления такой госпитализации в качестве добровольной. Помещение лица в психиатрический стационар, осуществленное при отсутствии к тому оснований, однако, с согласия лица (например, для проведения лечебных процедур, обеспечения ухода) и с предоставлением ему возможности покинуть лечебное учреждение, не должно влечь уголовной ответственности, поскольку в таком случае отсутствует посягательство на физическую свободу данного лица.

Госпитализация лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке (без его согласия либо без согласия одного из родителей или иного законного представителя) до постановления судьи возможна по основаниям, предусмотренным ст. 29 Закона о психиатрической помощи. При этом требуется установление совокупности следующих обстоятельств:

– во-первых, обследование или лечение этого лица возможно только в стационарных условиях;

– во-вторых, психическое расстройство, которым страдает лицо, должно быть тяжелым и обуславливать: либо непосредственную опасность этого лица для себя или окружающих; либо его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности; либо возможность причинения су-

щественного вреда здоровью этого лица вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

Судебная практика признает незаконными решения об оказании психиатрической помощи лицу при отсутствии письменного мотивированного заключения врача-психиатра, а также данных, свидетельствующих о неспособности самого лица в силу его психического состояния осуществлять жизненные потребности, либо об опасности его для окружающих или для самого себя [1].

Недобровольная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, регламентируется нормами ст. 32–36 Закона о психиатрической помощи и в любом случае требует судебного решения, принимаемого в порядке административного, уголовного либо гражданского судопроизводства. Так, несмотря на признание утратившими силу норм главы 35 ГПК РФ, вопросы принудительного направления гражданина на судебно-психиатрическую экспертизу при рассмотрении дела о признании гражданина недееспособным по-прежнему регулируются нормами ГПК РФ (ст. 283).

Высказанное в литературе мнение о том, что при недобровольной госпитализации помещение лица в стационарные условия для проведения психиатрической экспертизы осуществляется лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или судом [2], мы находим не основанным на положениях действующего уголовно-процессуального законодательства (см. ч. 2 ст. 203 УПК (в ред. Федерального закона от 25.11.2013 № 317-ФЗ)).

В порядке, установленном нормами главы 30 КАС РФ, рассматриваются административные дела:

– о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке;

– о психиатрическом освидетельствовании гражданина в недобровольном порядке.

В соответствии со ст. 32–36 Закона о психиатрической помощи, нормами гл. 30 КАС РФ, лицо, помещенное в недобровольном порядке в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, подлежит обязательному освидетельствованию в течение 48 часов комиссией врачей-психиатров психиатрического учреждения, которая принимает решение об обоснованности либо необоснованности госпитализации. Если госпитализация признается обоснованной, то заключение комиссии врачей-психиатров в течение 24 часов направляется в суд по месту нахождения психиатрического учреждения для решения вопроса о

дальнейшем пребывании лица в нем. Административное исковое заявление о госпитализации гражданина в добровольном порядке или о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке, подается медицинской организацией, в которую помещен гражданин, либо прокурором (ст. 274 КАС РФ).

Судья незамедлительно решает вопрос о принятии к производству суда указанного административного искового заявления, а в случае принятия заявления также незамедлительно решает вопрос о продлении пребывания гражданина в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, на срок, необходимый для рассмотрения административного дела.

Дело по административному исковому заявлению о госпитализации гражданина в добровольном порядке или о продлении срока госпитализации гражданина в недобровольном порядке подлежит рассмотрению в течение пяти дней со дня принятия административного искового заявления к производству суда.

Постановление судьи об удовлетворении заявления является основанием для госпитализации и дальнейшего содержания лица в психиатрическом стационаре.

Нормами УК РФ, УПК РФ определяется порядок разрешения требований, связанных с применением принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами и совершивших общественно опасные деяния, и с продлением применения указанных мер.

Основания назначения, продления, изменения и прекращения принудительных мер медицинского характера определяются ст. 97, 101, 102 УК. Порядок принятия судебных решений в этих случаях устанавливается нормами гл. 51 «Производство о применении принудительных мер медицинского характера» УПК. Медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях, в зависимости от интенсивности контроля за пациентами, подразделяются на:

– стационары общего, специализированного типов, а также специализированного типа с интенсивным наблюдением (ст. 101 УК);

– действующее на настоящий момент и носящее рекомендательный характер Положение об учреждениях, оказывающих внебольничную и стационарную психиатрическую помощь, а также Положение о психиатрической больнице, Временное положение о психиатрической больнице со строгим наблюдением, Временное положение об отделении с усиленным наблюдением психиатрической больницы, Временная инструкция о порядке применения принудительных мер и иных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасные деяния).

Основания и порядок разрешения требований, связанных с проведением судебно-психиатрических экспертиз, в том числе, с помещением гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства экспертизы регламентируется нормами ФЗ о государственной судебно-экспертной деятельности, а также соответствующим процессуальным законодательством (например, ст. 203 УПК РФ, ст. 283 ГПК РФ).

Так, в силу положений ст. 28, 29 ФЗ о государственной судебно-экспертной деятельности судебная экспертиза в отношении живых лиц может производиться в добровольном или принудительном порядке. В первом случае в государственное судебно-экспертное учреждение должно быть представлено письменное согласие лица подвергнуться судебной экспертизе. Для производства судебно-психиатрической экспертизы лицо помещается в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, только на основании определения суда или постановления судьи. В соответствии со ст. 30 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности», лицо может быть помещено в медицинский стационар для производства судебно-психиатрической экспертизы на срок до 30 дней. В случае необходимости, срок пребывания лица в стационаре может быть продлен постановлением судьи районного суда по месту нахождения указанного стационара еще на 30 дней.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что при общности оснований помещения лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, конкретные процедуры такой госпитализации весьма разнообразны. Это объясняется достаточно большим количеством законодательных актов, регламентирующих данные процедуры, и, к сожалению, не всегда продуманно.

В контексте приведенного вывода стоит упомянуть положения ФЗ-103 от 15.07.1995 «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», согласно ст. 10 которого, подозреваемые и обвиняемые, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, в случае назначения экспертизы по основаниям, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а также в случае оказания им медицинской помощи помещаются в медицинские организации в порядке, предусмотренном частью второй статьи 24 названного закона. Часть же 2 ст. 24 законодательно определенных правил не содержит, однако указывает на порядок оказания медицинской, в том числе психиатрической, помощи подозреваемым и обвиняемым, а также порядок их содержания в медицинских организациях определяемый федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, фе-

деральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, федеральным органом исполнительной власти, в области обеспечения безопасности и федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел. Попытка же отыскать первичные нормативные предписания приводит к:

– Постановлению Правительства РФ от 16.04.2012 № 301 «Об утверждении Положения об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

– Приказу Минюста России от 28.12.2017 № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы»;

– Приказу МВД России от 22.11.2005 № 950 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел»;

– Приказу ФСБ РФ от 24.03.2010 № 140 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов»;

– Приказу МВД РФ № 1115, Минздрава РФ № 475 от 31.12.1999 «Об утверждении Инструкции о порядке медико-санитарного обеспечения лиц, содержащихся в изоляторах временного содержания органов внутренних дел».

Учитывая множественность нормативных актов, затрагивающих процедуру госпитализации в медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь, пытаюсь обобщить вышеизложенное и сформулировать практически полезные выводы, предложим следующие ориентиры для квалификации противоправной госпитализации лица:

– при отсутствии оснований для госпитализации, предусмотренных законом, водворение лица против его воли в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, практически всегда будет общественно опасным деянием;

– при реальном же наличии действительных оснований для госпитализации отступление от процедур помещения в названные учреждения должно оцениваться с обязательным учетом степени общественной опасности такого деяния (его значительности либо малозначительности в смысле ст. 14 УК РФ).

Рассматриваемое преступление имеет формальный состав и является оконченным с момента незаконного помещения потерпевшего в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

В научной литературе и ранее, и в настоящий период выражаются мнения о том, что удержание в психиатрическом стационаре лица, излечившегося от психического расстройства, должно квалифицироваться как незаконное лишение свободы (ст. 127 УК) либо злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК) [3, 4]. Причиной тому является недостаточная точность законодателя при изложении диспозиции ст. 128 УК [5]. Авторы настоящей статьи продолжают придерживаться позиции, ранее неоднократно выражавшейся С.В. Кузьминым [6; 7], о том, что подобное решение не позволяет адекватно оценить специфику такого лишения свободы, а потому незаконное оставление в соответствующем стационаре в качестве пациента психически здорового человека следует расценивать как незаконную госпитализацию лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях [8].

Приготовление к совершению преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 128 УК, ответственности не влечет (ч. 2 ст. 30 УК).

В завершение анализа объективных признаков основного состава преступления, предусмотренного ст. 128 УК, нельзя оставить без внимания, предусмотренные отечественным законодательством, иные варианты госпитализации лиц в медицинские учреждения против их воли:

– глава 31 КАС РФ регламентирует производство по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке;

– ст. 51 Закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» уполномочивает главных государственных санитарных врачей и их заместителей при угрозе возникновения и распространения инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих, выносить мотивированные постановления о госпитализации для обследования или об изоляции больных инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, и лиц с подозрением на такие заболевания, проведении обязательного медицинского осмотра, госпитализации или об изоляции граждан, находившихся в контакте с больными инфекционными заболеваниями, представляющими опасность для окружающих.

Мы полагаем, что незаконность госпитализаций в вышеназванных случаях содержит не меньшую общественную опасность, нежели деяние, предусмотренное ст. 128 УК РФ. Решением же названной проблемы может являться исключение из диспозиции ч. 1 ст. 128 УК слова «психиатрическую».

Литература:

1. Законность. 1996. № 1. С. 60–61.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. / Под ред. А.В. Бриллиантова // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». М. : «Проспект», 2015. Т. 1.
3. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. М.П. Журавлева, С.И. Никулина. М., 1998. С. 84.
4. *Власенко В.В.* Некоторые проблемы уголовной ответственности за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ) / В.В. Власенко // *Медицинское право*. 2016. № 3. С. 38–43.
5. *Авдеев В.А.* Законодательная регламентация незаконного помещения в психиатрический стационар / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева // *Российский следователь*. 2013. № 18. С. 33–35.
6. Уголовный закон в практике районного суда: научно-практическое пособие / Под ред. заслуженного юриста РФ, канд. юрид. наук, доцента А.В. Галаховой. М. : Норма, 2007. С. 124.
7. Уголовный закон в практике мирового судьи : Научно-практическое пособие / Под ред. заслуженного юриста РФ, канд. юрид. наук, доцента А.В. Галаховой. 2-е изд., доп. М. : Норма, 2007.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; Отв. ред. В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII. 371 с.

Literature:

1. Legality. 1996. № 1. P. 60–61.
2. Comment to the Criminal code of the Russian Federation: in 2 vols. Ed. A.V. Brilliantova M. : «Prospect», 2015 // reference and legal system «Consultant Plus».
3. Russian criminal law. Special part. / Under the editorship of M.P. Zhuravlyov and S.I. Nikulina. M., 1998. P. 84.
4. *Vlasenko V.V.* Some problems of criminal responsibility for illegal hospitalization in the medical organization rendering psychiatric help in stationary conditions (Art. 128 of the criminal code of the Russian Federation) / V.V. Vlasenko // *Medical law*. 2016. № 3. P. 38–43.
5. *Avdeev V.A.* Legislative regulation of illegal placement in a psychiatric hospital / V.A. Avdeev, E.V. Avdeeva // *Russian investigator*. 2013. № 18. P. 33–35.
6. Criminal law in the practice of the district court: a Scientific and practical guide / ed. honored lawyer of the Russian Federation, PhD, associate prof. A.V. Galakhova. M. : Norma, 2007. P. 124.
7. Criminal law in the practice of the magistrate: a Scientific and practical guide / ed. honored lawyer of the Russian Federation, PhD, associate prof. A.V. Galakhova. 2-nd ed., additional M. : Norma, 2007.
8. Comment to the Criminal code of the Russian Federation: In 4 vols. / A.V. Brilliantov, A.V. Glakhova, V.A. Davydov, etc.; Rev. the editorship of V.M. Lebedev. M. : Yurayt, 2017. Vol. 2: Special part. Sections VII–VIII. 371 p.

Лазарева Оксана Владимировна

кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры теории,
истории государства
и права и философии,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России)» в г. Саранске
lazarevamgu_@mail.ru

Павлов Евгений Владимирович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории, истории
государства и права и философии
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России)» в г. Саранске
super.rpa12@yandex.ru

Морозова Юлия Михайловна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории, истории
государства и права и философии,
Средне-Волжский институт (филиал)
Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России)» в г. Саранске
morozova20.05@mail.ru

**СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ
ГУБЕРНСКОЙ ПОЛИЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА:
ФОРМЫ И МЕТОДЫ РЕАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. В статье рассматриваются судебно-следственные функции губернской полиции Российской империи во второй половине XIX века. Формы и методы реализации судебных функций полиции четко определялись Судебными уставами 1864 года и сводились, в основном, к производству розыска и дознанию.

Ключевые слова: полиция, судебные функции, предварительное расследование, дознание, розыск.

Полиция на всех этапах своего существования является одним из основных звеньев государственного аппарата. Участвуя в осуществлении правоохранительной функции госу-

Oksana V. Lazareva

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor Department of Theory,
History of State and Law and Philosophy,
Middle Volga Institute, Saransk Branch
of Russian University of Justice
(Russian Academy of Law of the Ministry of
Justice of the Russian Federation), in Saransk
lazarevamgu_@mail.ru

Evgeny V. Pavlov

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor Department of Theory,
History of State and Law and Philosophy
Middle Volga Institute, Saransk Branch
of Russian University of Justice
(Russian Academy of Law of the Ministry of
Justice of the Russian Federation), in Saransk
super.rpa12@yandex.ru

Julia M. Morozova

Candidate of Law,
Associate Professor Department of Theory,
History of State and Law and Philosophy,
Middle Volga Institute, Saransk Branch
of Russian University of Justice
(Russian Academy of Law of the Ministry of
Justice of the Russian Federation), in Saransk
morozova20.05@mail.ru

**JUDICIAL AND INVESTIGATIVE
FUNCTIONS OF THE PROVINCIAL POLICE
OF THE RUSSIAN EMPIRE
OF THE SECOND HALF
OF THE XIX CENTURY: FORMS AND
METHODS OF IMPLEMENTATION**

Annotation. This paper discusses the forensic investigation of the provincial police of the Russian Empire in the second half of the XIX century. Forms and methods of implementation of the judicial functions of the police clearly defined legal statutes in 1864 and were reduced mainly to the production of investigation and inquiry.

Keywords: police, the judicial function, the preliminary investigation, inquiry, retrieval.

дарства полицейские органы неизбежно взаимодействуют с органами правосудия и прокуратуры. Поэтому вопросы функционального разграничения между полномочиями правоохрани-

тельных органов всегда находились в России под пристальным вниманием представителей публичной власти.

С момента своего появления, в начале XVIII в. и на протяжении всего XIX в. полиция нашего государства постоянно реформировалась. Изменения проводились по определенной схеме: пересматривалась правовая основа, корректировались функции полиции, определялась штатная структура, устанавливались новые источники финансирования и т.д. Неизменной оставалась проблема осуществления полицейским аппаратом судебных функций при одновременной деятельности судебных органов.

Губернская полиция долгое время имела широкие судебно-следственные полномочия. Об этом говорит и терминология нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность полиции Российской империи. Так, еще в «Учреждении для управления губерний» одним из звеньев сельской полиции являлся нижний земский суд. По мнению некоторых исследователей, это был в первую очередь, административно-полицейский, а не судебный государственный орган. Например, Артамонова Г.К. и Мухортов А.А. в своей статье «Создание сельской полиции и ее организационно-правовые формы в Российской империи» утверждают, что роль земских судов в судопроизводстве определялась противоречиво, их судебные полномочия не были конкретно определены. А административно-полицейские функции напротив формулировались четко и с подробными инструкциями [1, с. 40].

Тем не менее, необходимо признать, что некоторые судебные функции за нижними земскими судами сохранились, но они занимали в иерархии компетенций незначительное место [15, с. 218, п. 231, 232], и по мнению исследователя Красильникова С.В. были фактически невыполнимы [5, с. 23].

На протяжении первой половины XIX в. Министерство Внутренних Дел постоянно стремилось отделить от полиции судебные функции. Но по предложению Государственного совета, члены которого в декабре 1821 года очередной раз обсуждали вопрос об эффективности уездной полиции в Империи, ей было дано право межведомственного взаимодействия с судебными органами «не только равными себе, но и высшими учреждениями других уездов и губерний, минуя губернское правление [8, п. 4]».

8 июня 1860 года вступил в действие Указ правительствующему Сенату «Об отделении производства следствий по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест от полиции» [9]. В одном из приложений к указу, который назывался «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключить в себе преступление или проступок» указывалось, что необходимо отделить судебно-следственную часть от полиции в 44 губерниях, а для производства следствий учредить судебных следователей.... «Оставить за полицией расследование по маловажным преступлениям и

проступкам, которые представлены разбору и суждению самих полицейских властей, а также и первоначальное дознание о происшествиях, кои могут, по связи с преступлением более важным, подлежать рассмотрению мест судебных» [10, п. 8].

Большинство исследователей высоко оценивают значение этих нормативно-правовых актов, считая, что появление института судебных следователей представлял собой один из первых этапов судебной реформы Александра II. Так, исследователи Герасенков В.М. и Герасенкова О.А. утверждают, что именно с изданием Указа от 08.06.1860 г. впервые в истории развития отечественного уголовного процесса произошло разделение предварительного следствия и дознания [2, с. 68]. Данный законодательный акт регламентировал процессуальные полномочия судебных органов, следователей и полиции, а также их взаимоотношения между собой. Полиция стала осуществлять деятельность, которая представляла собой сбор сведений для установления события преступления и признаков его совершения. Производство следственных действий органам полиции по общему правилу не разрешалось, за исключением случаев, когда их своевременное не производство могло повлечь за собой невозможную утрату доказательственной базы.

Таким образом, с появлением в России института судебных следователей полиция была почти полностью отстранена от судебного расследования, а после издания Судебных уставов 1864 года судебные функции перешли в разряд не основных полномочий полиции. Так исследователь Тараканова Н.Г. утверждает, что участие полиции в делах судебного ведомства продолжалось и после 1864 года, но ограничивалось теми обязанностями, которые «могли быть возложены на полицию в качестве вспомогательных для судебной власти» [12, с. 193]. Эти обязанности сводились к извещению судебных властей о правонарушениях и проведению предварительного следствия, в том числе производство дознаний, которые выполнялись частными и станывыми приставами [6, с. 94].

Еще в «Уставе благочиния» подробно регламентируется производство дознаний по преступлениям против личности и имущества. В этих случаях полицейские обязаны выяснить: «... 1) о особе над кем учинено? 2) о действии что учинено? 3) о способе или орудии чем учинено? 4) о времени когда учинено? 5) о месте где учинено? 6) о околностях объявляющих с намерением или без намерения, и утверждающих или обличающих как учинено? и 7) преступника как учинено?» [13, с. 343, п. 105].

В статьях 70 и 72 впервые полномочия полиции и судебных органов дифференцируются по отношению к преступлениям. В ст. 70 устанавливается, что по уголовным делам полиции необходимо проводить «словесное исследование» т.е. устное расследование [13, с. 341–342].

Статья 42 предусматривает направление обвиняемого в суд вместе с его делом [13, с. 335]. Значит, результаты «словесных исследований» в полиции необходимы документально зафиксировать. Тем более, что о необходимости составления протоколов при устном расследовании частным приставом прямо говорится в ст. 99 и ст. 103 [13, с. 347–348]. А ст. 45 предписывает при рассмотрении дела выяснять, с умыслом или без умысла совершено преступление или проступок [13, с. 335]. Это было необходимо для определения меры наказания, которое по действовавшему в то время законодательству, зависело от формы вины – умышленно, по неосторожности или случайно совершено преступление.

В июне 1837 года в структуре губернской полиции России появились новые должности – станковые приставы [6, с. 100], одной из обязанностей которых было проведение некоторых действий предварительного расследования в общем порядке по основной массе уголовных дел, совершаемых на вверенной территории. По мнению исследователя Мамонтова А.Г. именно они «составляли ядро уездного следственного аппарата» [7, с. 464].

Но Положение о земской полиции лишь разграничивало полномочия и действия по производству следствий между уездной полицией и судебными учреждениями, не снабжая первых подробной инструкцией и методикой проведения предварительного расследования. Так было указано лишь то, что становой пристав мог осуществлять судебно-следственные действия по делам ущерб которых был не выше 10 руб., а суд не сумму от 11 до 20 руб. [11, п. 5–6].

Наибольшую определенность в отношении алгоритма действий проведения предварительного следствия представляют различные постановления о производстве дознания и следственных действий по общим преступлениям, которые упоминаются в Судебных уставах 1864 г. А именно, в «Уставе уголовного судопроизводства» от 20.11.1864 года, где целый отдел посвящен деятельности полиции в проведении предварительного расследования [14, с. 145–146].

Взаимодействие полиции с судебными органами в рамках производства предварительного следствия осуществлялось в следующих формах:

- 1) дознание;
- 2) совершение разрешенных следственных действий
- 3) выполнение розыскных поручений следователя.

В опубликованных Государственной канцелярией «законодательных мотивах» к уставу, отмечалось, что «полиция должна предоставить только производство предварительных дознаний и действия ее ограничить самыми необходимыми изысканиями» [3, с. 113]. А само дознание

происшествий определялось как «первоначальные изыскания, производимые полицией для обнаружения справедливости или несправедливости дошедших до нее слухов и сведений о преступлении, а также происшествиях, о которых без разысканий нельзя определить, заключается или не заключается в них преступление» [3, с. 115].

Следовательно, составители судебных уставов видели необходимость в разграничении дознания и следствия, полагая при этом, что такой порядок расследования приведет к более эффективному результату. Этому должны были содействовать два важных условия сотрудничества полиции и суда:

– полиция, чтобы не сообщать следователю неверных сведений должна будет сначала сама удостовериться в правдивости того, о чем сообщает;

– судебный следователь, не участвуя в первоначальном следствии, не будет склонен к быстрым, «иногда ошибочным заключениям и догадкам о предполагаемом виновном, может беспристрастно, без всяких предубеждений, судить о вероятности возможного на кого-либо подозрения» [3, с. 112–113].

Традиционно дознанием занимались полицейские. Но не стоит забывать, что наряду с полицией дознание проводилось:

- 1) по преступлениям, совершаемым военными властями – военным начальством;
- 2) по должностным преступлениям и проступкам – гражданским начальством;
- 3) по религиозным проступкам – духовенством;
- 4) по преступлениям против казенной собственности – чиновниками определенных ведомств;
- 5) по политическим преступлениям – жандармерией [14, с. 146].

Как следует из указанных статей, дознание начиналось полицией не по всем сообщениям о происшествиях, а только тогда, когда ни прокурора, ни следователя нет на месте (ст. 252) или нет уверенности в том, что имело место именно преступление, а не иное происшествие (ст. 258). Надзор и общее руководство дознания осуществляла прокуратура, и только у нее было право прекратить дознание. В нормативно-правовом акте не указывалось, какой конкретно полицейский служащий может отправлять результаты дознания в прокуратуру, но на практике установился обычай отправлять их сначала приставу, который передавал документы по принадлежности следователю или прокурору [2, с. 67].

Розыск по Уставу уголовного судопроизводства, выступал как составная часть дознания и возлагался в равной степени и на органы дознания, и на органы следствия. Различные комиссии, создаваемые во второй половине XIX в., часто от-

мечали что этой функцией «тяготились и считали ее второстепенной как следователи, так и полиция» [14, с. 287].

Еще одной формой дознания были «словесные расспросы». Они различались с формальными допросами, к которым полиция могла приступить только в самом крайнем случае [14, с. 146, п. 258]. Вследствие этого запрета полиция не получила право на вызов, и тем более на привод не только свидетелей, но и подозреваемых.

Кроме того, полиция не имела права на составление протоколов, в которых показания могли быть засвидетельствованы подписью иным лицом, кроме дознавателя. Но, тем не менее, инструкции для прокуроров предписывали: «сведения, собранные полицией при дознании, вносятся с указанием источника, из которого они получены, в один общий акт, за подписью только одного должностного лица, производившего дознание» [14, с. 288]. Однако на практике протокол дознания был довольно распространенным яв-

лением, так как полиция стремилась к составлению протоколов, подписанными свидетелями или другими лицами, «для того, чтобы оградить себя от нареканий или обвинений в неправильности действий» [4, л. 45].

К числу действий полиции, предусмотренных дознанием, относилось и вскрытие трупа в случае, когда причины смерти не ясны и существуют подозрения в «постороннем насильственном действии» [14, с. 287].

Таким образом, судебно-следственные функции губернской полиции во второй половине XIX века заключались в проведении предварительного следствия, которое регламентировалось нормативно-правовыми актами, относящимися к уголовному судопроизводству 1864 года. В основном, компетенции полицейских сводились к производству розыска, словесному расспросу и других незначительных следственных действий. В ряде случаев полиция даже запрещалось вести протоколы дознания.

Литература:

1. *Артамонова Г.К.* Создание сельской полиции и ее организационно-правовые формы в Российской империи / Г.К. Артамонова, А.А. Мухортов // Правовое поле современной экономики. 2012. № 10. С. 39–46.
2. *Герасенков В.М.* Особенности производства дознания в российском уголовном процессе в соответствии с Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. / В.М. Герасенков, О.А. Герасенкова // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5. С. 67–69.
3. *Гисси С.А.* Дознание, его цели и способы производства. Руководство для чинов полиции, волостного и сельского начальства / С.А. Гисси, Д.А. Соколовский. Казань : Тип. Казан. Ун-та, 1879. 580 с.
4. Государственный Архив Пензенской Области. Ф.5: Канцелярия Пензенского губернатора (1801–1917). Оп. 1. Ед. хр. 3880.
5. *Красильников С.В.* Сельская полиция и ее место в системе органов местного самоуправления во второй половине XVIII в // История государства и права. 2009. № 2. С. 22–26.
6. *Лезина Е.П.* Правовое регулирование взаимодействия полиции с другими государственными органами в Российской империи / Е.П. Лезина, О.В. Лазарева // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2014. № 9-1. С. 87–105.
7. *Мамонтов А.Г.* Организация и практика производства предварительного следствия земской полицией в России в середине XIX века // Российская полиция: три века служения Отечеству. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 464–470.

Literature:

1. *Artamonova G.K.* Creation of rural police and its organizational and legal forms in the Russian Empire / G.K. Artamonova, A.A. Mukhortov // Legal field of modern economy. 2012. № 10. P. 39–46.
2. *Gerasenkov V.M.* Features of production of inquiry in the Russian criminal process according to the Charter of criminal proceedings of 1864 / V.M. Gerasenkov, O.A. Gerasenkova // Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiума Srednerusskiy universitet. Series : Humanitarian Sciences. 2015. № 5. P. 67–69.
3. *Gissi S.A.* Inquiry, its aims and methods of production. Guide for the ranks of the police, volost and rural authorities / S.A. Gissi, D.A. Sokolovsky. Kazan : Type. Cauldron. University press, 1879. 580 p.
4. State Archive of the Penza Region. F. 5: Office of the Governor of Penza (1801–1917). Op. 1. Ed. 3880.
5. *Krasilnikov S.V.* rural police and its place in the system of local self-government in the second half of the XVIII century // History of state and law. 2009. № 2. P. 22–26.
6. *Lezina E.P.* Legal regulation of police interaction with other state bodies in the Russian Empire / E.P. lezina, O.V . Lazareva // Historical and legal problems: a New perspective. 2014. № 9-1. P. 87–105.
7. *Mamontov A.G.* Organization and practice of preliminary investigation by the Zemstvo police in Russia in the middle of the XIX century. Russian police: three centuries of service to the Fatherland. SPb. : St. Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia, 2018. P. 464–470.

8. О сношении уездных судебных и полицейских мест разных губернии, прямо между собою, без посредства губернского правления: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета от 28.12.1821) // ПСЗРИ. Собр. I. Т. XXXVII. № 28851.
9. Об отделении производства следствий по преступлениям и проступкам, подлежащим рассмотрению судебных мест от полиции: Высочайше утвержденный указ от 08.06.1860 // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXV. № 35890.
10. О производстве дознания по происшествиям, могущим заключить в себе преступление или проступок: Высочайше утвержденный наказ полиции от 08.06. 1860 // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXV. № 35892.
11. О земской полиции и Наказ чинам и служителям земской полиции: высочайше утвержденное положение от 3.06.1837 // ПСЗРИ. Собр. II. Т. XII. Отд. I. № 10305.
12. *Тараканова Н.Г.* Судебная реформа 1864 г. в российской провинции (на примере Пензенской губернии). Саранск : «Красный Октябрь», 2009. 270 с.
13. Устав благочиния, или полицейский // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юрид. лит-ра, 1987. Т. 5. С. 324–387.
14. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Судебная реформа. М. : Юрид. лит-ра, 1987. Т. 8. С. 120–290.
15. Учреждения по управлению губерниями Российской империи // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М. : Юрид. лит-ра, 1987. Т. 5. С. 170–295.
8. About the communication of district judicial and police places of different provinces, directly among themselves, without the mediation of the provincial government: the most Highly approved opinion of the State Council of 28.12.1821) // PSZRI. Collection I. T. XXXVII. № 28851.
9. About separation of production of investigations on the crimes and misdemeanors which are subject to consideration of judicial places from police: the most High approved decree of 08.06.1860 // PSZRI. Collection II. T. XXXV. № 35890.
10. About production of inquiry on the incidents capable to conclude in itself a crime or a misdemeanor: the most High approved punishment of police of 08.06.1860 // PSZRI. Collection II. T. XXXV. № 35892.
11. On the Zemstvo police and Orders to the ranks and servants of the Zemstvo police: the most highly approved regulation of 3.06.1837 // PSZRI. Collection II. T. XII. Ed. I. № 10305.
12. *Tarakanova N.G.* Judicial reform of 1864 in the Russian province (on the example of the Penza province). Saransk : «Red October», 2009. 270 p.
13. Charter deanery, or police // Russian legislation X–XX centuries : In 9 T. Legislation of the heyday of absolutism. M. : Yurid. lit-ra, 1987. T. 5. P. 324–387.
14. Charter of criminal proceedings // Russian legislation X–XX centuries : In 9 t. Judicial reform. M. : Yurid. lit-ra, 1987. T. 8. P. 120–290.
15. Institutions for the management of the provinces of the Russian Empire // Russian legislation of the X–XX centuries : In 9 t. Legislation of the heyday of absolutism. M. : Yurid. lit-ra, 1987. T. 5. P. 170–295.

Ламсков Даниил Сергеевич
ведущий консультант отдела
по управлению акционерным капиталом,
ООО «Единые транспортные
энергосистемы»
lamsk@list.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ПОЗИЦИИ УЧРЕДИТЕЛЯ

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению наиболее особенностей реорганизации акционерных обществ в современных правовых условиях российской действительности и обусловленных такой реорганизацией проблемных аспектов, несущих потенциальные риски для учредителей (акционеров).

Любой субъект экономики представляет собой живой организм, вынужденный в процессе своего функционирования и развития постоянно адаптироваться к внешним, постоянно изменяющимся экономическим, социально-политическим, административно-юридическим и иным условиям. Акционерные общества, как динамичный экономический субъект не являются в данном случае исключением, при этом необходимость такой адаптации, ради сохранения эффективности и повышения конкурентоспособности может приводить в ряде случаев к необходимости изменять организационно-правовой формы.

Ключевые слова: акционерные общества, реорганизация, преобразование, юридические особенности, организационные особенности.

Согласно действующей на сегодняшний день в Российской Федерации системе, акционерные общества могут быть публичными и непубличными. В первом случае акционерное общество вправе проводить размещение акций и эмиссионных ценных бумаг, посредством открытой подписки, акции же непубличного общества и его эмиссионные бумаги, не могут предлагаться для приобретения неограниченному кругу лиц [1].

До 01.09.2014 г. акционерные общества в Российской Федерации по аналогичному признаку подразделялись на Открытые акционерные общества (ОАО) и закрытые акционерные общества (ЗАО), а вступившие с указанной даты изменения в закон «Об акционерных обществах» предоставили акционерам закрытых акционерных обществ преимущественное правом приоб-

Daniil S. Lamskov
Lead Consultant
in Equity Management,
ООО «Unified Transport
Power Systems»
lamsk@list.ru

CURRENT PROBLEMS OF REORGANIZATION OF JOINT-STOCK COMPANIES IN RUSSIAN FEDERATION FROM THE POSITION OF FOUNDER

Annotation. This article is devoted to the consideration of the most peculiarities of the reorganization of joint-stock companies in the current legal conditions of Russian reality and the problematic aspects resulting from such reorganization, which carry potential risks for founders (shareholders).

Any subject of the economy is a living organism, forced in the process of its functioning and development to constantly adapt to external, constantly changing economic, socio-political, administrative-legal and other conditions. Joint stock companies, as a dynamic economic entity, are not the exception in this case, and the need for such adaptation, in order to maintain efficiency and increase competitiveness, may lead in some cases to the need to change the organizational and legal form.

Keywords: joint-stock companies, reorganization, transformation, legal features, organizational features.

реть акции ЗАО, устав которого по состоянию на 01.09.2014 г не предусматривал такого права.

Владельцы и (или) учредители акционерного общества формируют уставный капитал соответствующего общества посредством внесения денег, ценных бумаг, иных вещей, имущественных прав, либо иных прав, которые могут быть выражены в денежном эквиваленте, при этом основной естественной целью деятельности любого акционерного общества, как субъекта предпринимательской деятельности, является извлечение наибольшей прибыли [2].

В соответствии с Российским законодательством акционерное общество, как юридическое лицо, обретает свою правоспособность с момента государственной регистрации такого общества [1], и формирует в момент создания как юридическое

лицо, обособленный имущественный комплекс, которым и отвечает по своим обязательствам перед контрагентами.

Необходимо отметить, что в качестве юридического лица акционерное общество, реализует концепцию ограниченной ответственности по обязательствам, при этом данный принцип можно выделить в качестве основного при создании корпораций, к которым, согласно части 1 ст. 65.1, Гражданского кодекса Российской Федерации относятся и акционерные общества; соответственно, каждый акционер общества несет риск убытков исключительно в пределах своего вклада, эквивалентного стоимости акций, находящихся в собственности акционера.

Поскольку акционерное общество – это коммерческая организация, ее абсолютно естественным устремлением является постоянное увеличение получаемой прибыли или дохода, в связи с чем, любое акционерное общество стремится к новым источникам денежных поступлений, которые могут быть обеспечены посредством диверсификации деятельности, вследствие чего акционеры, как правило, стараются закрепить за обществом максимально широкий объем правоспособности.

С другой стороны акционерное общество, как публичное, так и не публичное, оказавшись в неблагоприятной экономической, или юридической ситуации, не менее естественным образом постарается в перспективе оптимизировать степень своей ответственности и обязательств перед партнерами, клиентами, кредиторами и публично-правовыми образованиями.

В обоих случаях, для достижения поставленных целей акционерное общество может прибегнуть к изменению своего правового статуса, формы, или структуры, для чего потребуется процедура реорганизации или преобразования, в результате чего юридическое лицо может изменить спектр своих прав и обязанностей. Безусловно, обойти в данном случае положения ст. 58 Гражданского кодекса Российской Федерации, обеспечивающей сохранение текущих обязательств акционерной компании, имевшихся на момент проведения реорганизации, законным путем не получится, однако в результате реорганизации и изменения организационно-правовой формы компании можно изменить характер обязательств при совершении будущих коммерческих операций.

Из положений ст. 57 Гражданского кодекса Российской Федерации следует, что, содержание понятия «реорганизация», в том числе в отношении акционерных обществ раскрывается перечислением ее форм, а именно: слияние, выделение, разделение, присоединение, преобразование.

Итогом реорганизации, всегда является образование нового юридического лица, а сама реорганизация производится по решению учредителей или органа юридического лица, уполномоченного учредительными документами [3].

Норма статьи 104 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривают возможность преобразования акционерного общества в общество с ограниченной ответственностью (т.е. с 01.09.2014 – в непубличное акционерное общество, согласно изменениям в федеральном законе № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»), хозяйственное товарищество или производственный кооператив [3]. При этом преобразование публичного акционерного общества в непубличное и наоборот, считать реорганизацией нельзя, так как реорганизация, всегда связана именно со сменой организационно-правовой формы, что в случае изменения статуса публичности акционерного общества не происходит, т.к. организационно-правовая форма все равно остается прежней – акционерное общество. Юридический же смысл процедуры реорганизации акционерного общества заключается в создании новых юридических лиц и прекращении существования юридических лиц, зарегистрированных на момент принятия решения о реорганизации.

Реорганизация акционерного общества может быть либо добровольной, либо принудительной. Основанием для начала добровольной реорганизации является решение учредителей акционерного общества или всех организаций, принимающих участие в той или иной форме реорганизации. Соответствующее решение может быть принято либо каждым субъектом самостоятельно, либо решение может быть принято в качестве общего решения учредителей всех реорганизуемых юридических лиц;

Принудительная же реорганизация АО может быть проведена по решению уполномоченных государственных органов, либо по решению суда. Для целей настоящей статьи рассматривать случаи принудительной реорганизации не является целесообразным – как правило, принудительна реорганизация акционерного общества априори несет в себе целый спектр малоприятных осложнений для учредителей и акционеров, почти всегда связанный с утратой права, или части права собственности. В случае принудительной реорганизации правильнее говорить о юридических и правовых рисках существования акционерной компании, в форме и на условиях, способных спровоцировать принудительную реорганизацию.

В современной юридической литературе принято выделять пять основных стадий реорганизации: предварительную, оформления инициативы, организационную, утверждения и стадию регистрации изменений. В то же время анализ действующего российского законодательства позволяет выделить следующие основные этапы реорганизации акционерного общества:

1. Принятие решения полномочным органом о начале процедуры реорганизации;
2. Инвентаризация активов и обязательств;
3. Подготовка документов для реорганизации, в т.ч. проекта передаточного акта, и проекта устава;

4. Проведение общего собрания акционеров по вопросу о реорганизации и оформление протокола собрания с фиксацией принятого решения о преобразовании;

5. Предъявление акционерами требований о выкупе принадлежащих им акций в случае принятия общим собранием акционеров решения о реорганизации АО в форме преобразования

6. Направление уведомления о начале процедуры реорганизации в орган государственной регистрации и кредиторам;

7. Сверка по платежам с налоговым органом;

8. Направление сведений в органы пенсионного страхования;

9. Предъявление требований кредиторами;

10. выкуп акций, принадлежащих акционерам, в случае принятия решения о реорганизации АО в форме преобразования;

11. Направление документов в орган государственной регистрации;

12. Постановка вновь образованного юридического лица на учет во внебюджетные фонды, и в орган статистики.

13. Передача документов правопреемнику реорганизованного общества;

14. Уведомление Банка России об изменении сведений, связанных с выпуском ценных бумаг.

Таким образом, процесс реорганизации акционерного общества представляет собой сложную, многоступенчатую процедуру, грамотное оформление которой во многом является основой успешного функционирования вновь образо-

ванных в результате реорганизации юридических лиц.

Очевидно, что предусмотреть на этапе реорганизации акционерного общества все подводные камни, которые могут проявить себя в будущем довольно, проблематично, однако можно констатировать, что наиболее вероятные проблемы, которые могут ожидать учредителей реорганизуемых акционерных обществ заключаются в следующем.

Как уже было отмечено, реорганизация акционерного общества – это всегда организационно-правовое и (или) структурное изменение состояния. Поскольку из п. 3 ст. 10 федерального закона «Об акционерных обществах» следует, что учредители акционерного общества несут солидарную ответственность по обязательствам, связанным с его созданием и возникающим до государственной регистрации данного общества, очевидным является тот факт, что после государственной регистрации, риски учредителей преобразуются в риски акционеров, а следовательно в случае инициирования процедуры реорганизации акционерного общества могут выражаться прежде всего в полной, или частичной утрате прав на имущество, или финансы, изначально вносившиеся учредителями на этапе создания реорганизуемого общества. Кроме того, реорганизация акционерного общества требует тщательного соблюдения множества технических процедур, оспаривание которых в будущем также может нести риск имущественным правам учредителей реорганизуемого акционерного общества. Соответственно минимизация рисков учредителей в процессе реорганизации акционерного общества, учитывающая перечисленные факторы, является вопросом, требующим детальной проработки в случае принятия решения о такой реорганизации.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (в редакции от 04.11.2019) «Об акционерных обществах». Система «Консультант Плюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (дата обращения 22.12.2019).

2. *Тумаков А.В.* Актуальные проблемы современных акционерных обществ Российской Федерации// Вестник экономической безопасности. 2016. № 2. С. 229–233.

3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в редакции 18.07.2019 г.). Система «Консультант Плюс» URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 22.12.2019).

Literature:

1. Federal Law № 208-ФЗ dated 26.12.1995 (as amended on 04.11.2019) «On Joint Stock Companies» System «Consultant Plus» URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ (date of application 22.12.2019).

2. *Tumakov A.V.* Current problems of modern joint-stock companies of the Russian Federation//Journal of Economic Security. 2016. № 2. P. 229–233.

3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated 30.11.1994 № 51-ФЗ (as amended on 18.07.2019). Consultant Plus system URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of appeal 22.12.2019).

Лапин Алексей Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного права,
Северо-Кавказского филиал
Российского государственного
университета правосудия
Milena.555@mail.ru

Плешаков Владимир Алексеевич

доктор юридических наук,
профессор,
главный научный сотрудник НИЦ №1,
Всероссийский научно-исследовательский
институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Milena.555@mail.ru

СТРАТЕГИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье на основе концепции обеспечения криминологической безопасности предлагается стратегия обеспечения такой безопасности, которая призвана сосредоточить усилия государства, общества не только, а может быть, и не столько на воздействии на саму преступность и факторы, ее детерминирующие, сколько на защите личности, общества, государства от преступных посягательств. Такая стратегия будет предусматривать стратегию обеспечения безопасности личности, общества, государства от всех внутренних криминальных угроз, а также предусматривать стратегии обеспечения такой безопасности от криминальных угроз, возникающих в других сферах общественной безопасности.

Ключевые слова: криминологическая безопасность, стратегия обеспечения криминологической безопасности, критерии, цели, задачи, принципы стратегии, тактика реализации, система субъектов.

Рассмотрение понятий «криминологическая безопасность» и «ее обеспечение» на теоретическом уровне дало возможность определить, какие новые подходы предполагается предпринять для реализации этой концепции противостояния преступности и явлениям, с ней связанным. Концептуально, введение этих понятий было связано с необходимостью смещения центра тяжести в борьбе с преступностью с воздействия на саму преступность, личность преступника и порождающие ее причины на обеспечение защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, когда целью всей этой деятельности является обеспечение соци-

Alexey A. Lapin

Candidate of Law Sciences,
Professor,
Associate Professor,
Department of Criminal Law,
North-Caucasian Branch of the Russian
State University of Justice
Milena.555@mail.ru

Vladimir A. Pleshakov

Doctor of Law Sciences,
Professor,
Chief researcher of SIC №1 FGKU
«All-Russian Research Institute
of MIA of Russia»
Milena.555@mail.ru

THE STRATEGY FOR THE PROMOTION OF CRIMINOLOGICAL SECURITY

Annotation. On the basis of the concept of criminological security, the article proposes a strategy to ensure such security, which is designed to focus the efforts of the state, society not only, and maybe not so much on the impact on the crime itself and the factors that determine it, but on the protection of the individual, society and the state from criminal attacks. Such a strategy will provide for a strategy to ensure the security of the individual, society and the state from all internal criminal threats, as well as provide for strategies to ensure such security from criminal threats arising in other areas of public security.

Keywords: criminological security, strategy of ensuring criminological security, criteria, goals, objectives, principles of strategy, tactics of implementation, system of subjects.

ально приемлемого уровня криминологической безопасности. То есть, когда государство, общество способно контролировать преступность, минимизировать последствия ее проявлений, а преступность «адекватно» реагирует на, оказываемые на нее, антикриминогенные воздействия. Этот социально-приемлемый уровень определяет для себя общество, государство в зависимости от исторического периода развития, политического и социально-экономического состояния, наличия кризисных ситуаций (война, действие стихийных сил природы, экологическая, техногенная катастрофа, террористические акты и т.п.), социально-культурного уровня, возможно-

стей контролировать и сдерживать действие криминогенных факторов и т.д.

Для реализации такой сущности нужна соответствующая стратегия. Стратегия (в переводе с греческого) – искусство ведения крупных операций, кампаний и войн, а в переносном смысле – это искусство руководства (управления), основанное на научно обоснованных прогнозах развития ситуации в перспективе. Безусловно, такой прогноз без знания реальной ситуации невозможен.

Академик В.Н.Кудрявцев все стратегии борьбы с преступностью распределял исходя из представлений о механизме преступлений. Он выделил девять основных стратегий. За основу их классификации были взяты три основания:

а) историческая последовательность их проявления и использования;

б) процессуальная последовательность в основном числе случаев: пресечение, уголовное преследование, различные виды наказания и исправления преступника;

в) гуманитарная составляющая всей системы борьбы с преступностью, которая характеризуется постепенным отходом от жестокостей и переходом к мягким мерам [1].

При этом в числе стратегий борьбы с преступностью особо выделил стратегию безопасности, меры которой он определяет как «предпринимаемые в целях защиты людей, промышленных, военных, научных и иных объектов от преступных посягательств неустановленных (неопределенных) лиц. При этом центр тяжести перемещается с превентивной и потому незаконной репрессии в отношении «подозрительных» или «неблагонадежных» элементов на осуществление мер по охране и защите государственных и общественных объектов, а также граждан от возможных преступных посягательств» [2].

В рамках данной стратегии рассматривается ситуационное предупреждение, задача которого «состоит в том, чтобы опасную, провоцирующую или иным образом содействующую совершению преступления ситуацию превратить в нейтральную» [3]. Рассматривая тенденции и перспективы различных стратегий борьбы с преступностью В.Н. Кудрявцев выделяет два пути их реализации: эволюционный и реформаторский. При этом эволюционный путь, связанный с планомерным, последовательным и, по-видимому, достаточно медленным совершенствованием той громоздкой и неповоротливой системы уголовной юстиции, пройденный многими странами, не дал существенных результатов и поэтому в западных странах и США, столкнувшись с наиболее тяжкими проявлениями преступности, несколько раньше нас, стали разрабатывать более радикальные меры [4]. К такому направлению можно отнести и стратегию обеспечения криминологической безопасности.

Стратегия обеспечения криминологической безопасности в отличие ранее действовавших стра-

тегий борьбы с преступностью призвана сосредоточить усилия государства, общества не только, а может быть и не столько на воздействие на саму преступность и факторы, ее детерминирующие, сколько на защиту личности, общества, государства от преступных посягательств. При этом необходимо различать стратегию обеспечения криминологической безопасности и стратегию криминологической безопасности.

Стратегия криминологической безопасности должна быть направлена на определение основных критериев криминологической безопасности, то есть тех показателей, объективно характеризующих складывающуюся криминологическую ситуацию, которая является социально приемлемой. При этом должны учитываться не только показатели, характеризующие криминальную обстановку в тот или иной период времени, на той или иной территории, но и, самое главное, показатели, отражающие общественное мнение об этой ситуации, показывающие насколько население ощущает свою криминологическую безопасность, показывающие степень доверия граждан правоохранительным органам.

Стратегия обеспечения криминологической безопасности, в свою очередь, должна наметить основные направления достижения критериев криминологической безопасности. Для установления основной сущности стратегии обеспечения криминологической безопасности необходимо определить цели, задачи, принципы такой стратегии, а также тактику ее реализации и систему субъектов.

Целью стратегии обеспечения криминологической безопасности является создание и поддержание социально приемлемого уровня криминологической безопасности.

Достижение указанной цели осуществляется в результате применения целого комплекса согласованных мер, обусловленных задачами стратегии обеспечения криминологической безопасности.

К основным задачам стратегии обеспечения криминологической безопасности относятся:

– обеспечение необходимого уровня криминологической защиты личности, общества и государства от преступных посягательств с тем, чтобы криминальное воздействие преступности и всех ее проявлений не создавало серьезных помех для реализации основных жизненно важных интересов;

– снижение уязвимости объектов криминологической безопасности к преступным посягательствам;

– создание и организация эффективного функционирования государственной системы обеспечения криминологической безопасности;

– повышение результативности воздействия на источники угроз криминологической безопасности – преступность во всех ее проявлениях, личность преступника и криминогенные факторы;

– активизация предупреждения (профилактики, предотвращения, пресечения) преступных проявлений.

Стратегия обеспечения криминологической безопасности является составной частью более

глобальных стратегий, таких как стратегия обеспечения национальной безопасности, стратегия обеспечения государственной безопасности и стратегия обеспечения общественной безопасности. Соотношение их представлено на рисунке 1.

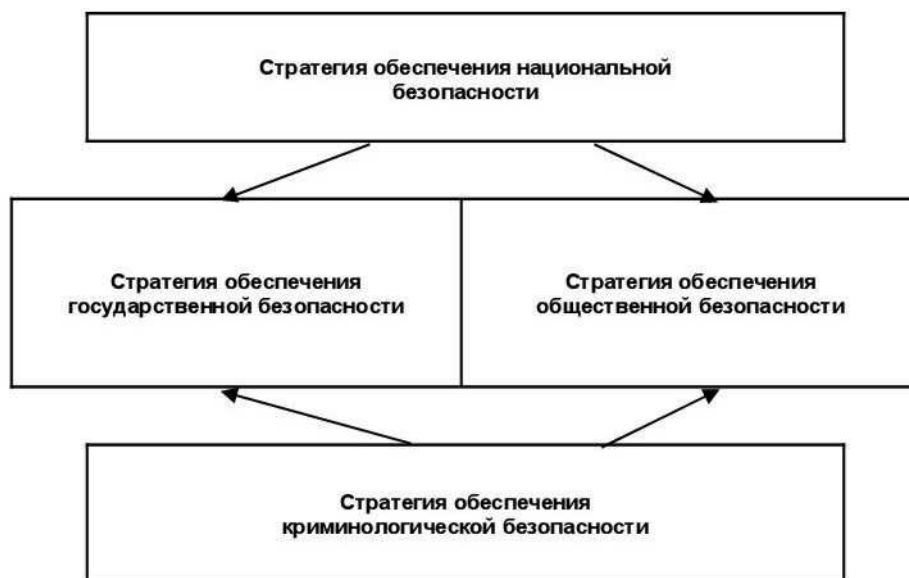

Рисунок 1

Рассматриваемый нами вид стратегии тесно связан как со стратегией обеспечения государственной безопасности, так и со стратегией обеспечения общественной безопасности. В стратегии государственной безопасности место стратегии криминологической безопасности определяется кругом задач противодействия внутренним угрозам, связанным с преступлениями в сфере политической, территориальной и военной безопасности.

Поскольку, криминологическая безопасность является одним из видов общественной безопасности, то и стратегия обеспечения криминологической безопасности структурно входит в стратегию обеспечения общественной безопасности. Беря за основу классификацию видов безопасности, предложенную А.Б. Антоновым и В.Г. Балашовым, а также, учитывая подобную классификацию в книге Е.А. Олейникова, рассмотрим, какое место занимает стратегия обеспечения криминологической безопасности в системе стратегий обеспечения общественной безопасности [5].

По характеру источника угроз систему общественной безопасности составляют подсистема безопасности от угроз, исходящих от природной среды, и подсистема безопасности, источником угроз которой являются действия отдельных людей и социальных сообществ. Подсистема безопасности от угроз, исходящих от природной среды, призвана обеспечивать защиту от действий стихийных сил природы, как независимых от человека, так и провоцирующих их путем неразумных, халатных или преступных деяний человека.

Таким образом, в общем виде подсистема безопасности от природных угроз включает в себя:

- безопасность от стихийных сил природы;
- безопасность от техногенных угроз;
- безопасность от экологических угроз.

Однако последние два вида безопасности непосредственно могут быть связаны с криминологической безопасностью, поскольку как техногенная, так и экологическая угрозы могут быть спровоцированы преступными деяниями человека. Комплексным аргументом этого может быть авария на Чернобыльской АЭС, когда преступная халатность персонала станции стала причиной как техногенной, так и экологической катастрофы. Подобные угрозы могут исходить и от террористической деятельности. Поэтому в эту подсистему безопасности также входит и криминологическая безопасность, предусматривающая защиту от преступных покушений на провоцирование техногенных и экологических угроз. Поскольку, криминологическая безопасность в данной подсистеме имеет свои особенности, то ее так можно и назвать криминологическая безопасность провоцирования техногенных и экологических угроз. В этой связи стратегия обеспечения криминологической безопасности в данной сфере будет направлена на криминологическое противодействие криминальным угрозам, направленным на провоцирование техногенных и экологических катастроф.

Подсистема безопасности от социальных источников угроз включает в себя: экономическую безопасность, социокультурную безопасность,

научно-техническую безопасность, информационную безопасность, противопожарную безопасность, продовольственную безопасность и криминологическую безопасность.

В данной подсистеме криминологическая безопасность выполняет как бы двойную роль:

– во-первых, основную, когда обеспечивает безопасность личности, общества и государства от любых преступных покушений;

– во-вторых, обслуживающую, когда реализует свои функции в сфере других видов безопасности в случае возникновения угрозы преступного покушения на защищаемые ими объекты.

Исходя из сущности видов безопасности, входящих в структуру общественной безопасности, соответственно и стратегия обеспечения криминологической безопасности в системе стратегий общественной безопасности будет предусматривать стратегию обеспечения безопасности личности, общества, государства от всех внутренних криминальных угроз, а также предусматривать стратегии обеспечения такой безопасности от криминальных угроз, возникающих в других сферах общественной безопасности.

Стратегию обеспечения общественной безопасности, таким образом, можно представить в виде схемы, показанной на рисунке 2.

Наличие реальной постоянной угрозы дальнейшего распространения преступности, особенно организованного ее вида в экономической, политической, социальной и других сферах общества, криминализации многих государственных структур, распространение коррупции и мздоимства диктует необходимость разработки стратегии обеспечения криминологической безопасности. В основу такой стратегии должна быть положена адекватная данным угрозам система обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства.

Для создания такой адекватной современному состоянию преступности системы криминологической безопасности потребуется выявить действительное состояние преступности и ее проявлений без идеологических, статистических и других приукрашиваний, чтобы определить реальные и потенциальные угрозы на всех уровнях государственной власти, для всех слоев населения, во всех сферах общественных отношений и для каждой территории.

Выявление реальных и потенциальных криминальных угроз должно производиться с учетом конкретных исторических условий жизнедеятельности личности, существования общества и государства, от внутреннего и международного положения страны, от уровня экономического развития государства, научно-технических возможностей, материального и культурного уровня населения, развития соответствующей законодательной базы и правовой культуры в целом.

Система обеспечения криминологической безопасности – совокупность субъектов обеспече-

ния криминологической безопасности, мер политического, правового, организационного, экономического, научного и иного характера, направленных на поддержание социально приемлемой криминологической безопасности, финансовое, ресурсное и иное обеспечение реализации этих мер. Основными целями и задачами системы обеспечения криминологической безопасности являются своевременное выявление появившихся и прогнозирование возможных негативных тенденций в состоянии преступности и ее проявлениях, которые могут угрожать жизненно важным интересам объектов криминологической безопасности, выработка и осуществление комплекса мер по предупреждению, пресечению и локализации действия этих угроз.

Решение задач обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства требует участия многочисленных органов и организаций, применения различных форм вовлечения в эту деятельность населения, а поэтому совместная деятельность этих субъектов криминологической безопасности должна быть систематизирована, то есть, в данном случае должна быть выстроена система субъектов изучаемого вида безопасности. Эта система субъектов должна быть построена по определенной иерархии, поскольку каждый уровень субъектов должен решать круг задач обеспечения криминологической безопасности, определяемый его компетенцией.

Таким образом, мы можем выделить несколько уровней, образующих систему государственных органов, ведомств, организаций, занятых в пределах своей компетенции проблемами обеспечения криминологической безопасности. Первый уровень: органы законодательной власти, определяющие политику и стратегию обеспечения криминологической безопасности личности, общества, государства и законодательный механизм реализации этой политики и стратегии.

Второй уровень: органы исполнительной власти, реализующие законодательно–утвержденную политику и стратегию обеспечения криминологической безопасности путем определения основных направлений и мер этой деятельности, круга ответственных субъектов, выделения необходимых сил и средств.

Третий уровень: судебные органы, органы прокуратуры, обеспечивающие соблюдение законов, регулирующих отношения в этом виде безопасности, осуществляющие правосудие, реализующие политику обеспечения безопасности личности общества и государства от лиц, совершивших преступления.

Четвертый уровень: правоохранительные органы, призванные оказывать необходимое оперативно – предупредительное воздействие на источники криминальных угроз и максимально снижать степень опасности угроз криминологической безопасности, обеспечивать своевременную криминологическую защиту объектов от преступных посягательств.

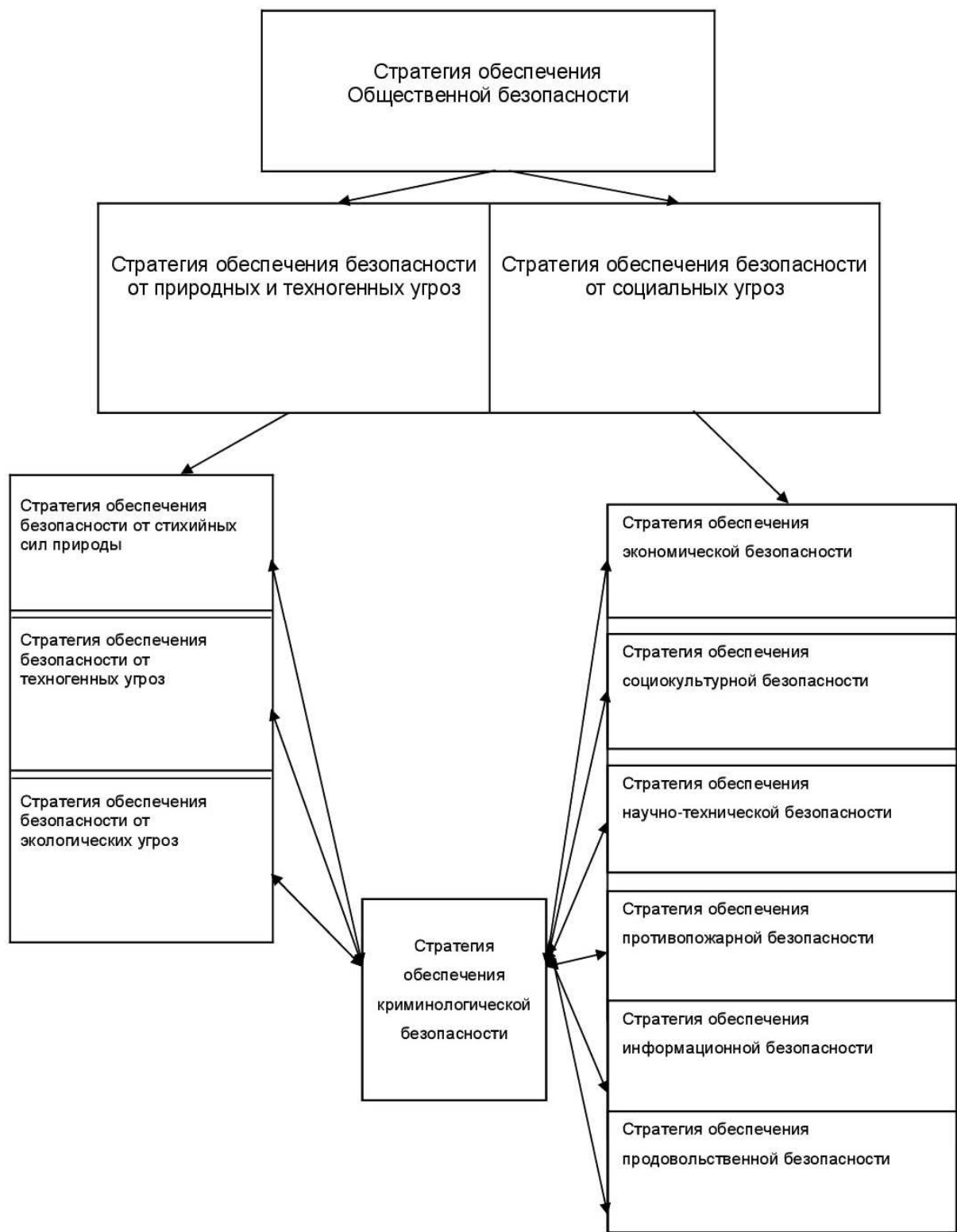

Рисунок 2

Пятый уровень: органы, осуществляющие административно-правовые, финансовые и другие режимы.

Шестой уровень: система государственных научных центров, разрабатывающих криминологически безопасные технологии, операции, процедуры, осуществляющие криминологическую экспертизу на предмет безопасности разрабатываемых программ, проектов, планов.

Седьмой уровень: негосударственные службы безопасности (службы безопасности различных фирм, банков, корпораций, частные охранные и детективные организации и т.п.), общественные организации и граждане, участвующие в обеспечении криминологической безопасности.

Главной целью создания системы субъектов криминологической безопасности является реализация стратегии обеспечения этого вида без-

опасности, которая предусматривает комплекс, систему мер политического, правового, экономического, административно-режимного, материально-технического, организационно-управленческого, финансового, кадрового, пропагандистского и специального характера, объединенных единым стратегическим замыслом. Не раскрывая подробно содержания этого комплекса мер, остановимся лишь на некоторых принципиальных положениях.

В основу классификации рассматриваемой системы мер могут быть положены основные стратегические направления обеспечения криминологической безопасности. В этом случае система мер обеспечения криминологической безопасности может включать в себя три основных подсистемы:

– меры воздействия на угрозы и их источники (преступность и ее проявления, личность преступника, криминогенные факторы);

– меры по криминологической защите, которые, в свою очередь, разделяются на меры по охране объектов от преступных посягательств и меры по созданию трудностей в реализации криминальных угроз;

– меры виктимологической профилактики.

Меры воздействия на угрозы и их источники - это практические меры борьбы с преступностью. Они включают в себя:

– меры по раскрытию преступлений и розыску преступников, расследованию преступлений, назначению и исполнению наказания;

– меры по предупреждению преступлений.

Меры по предупреждению преступлений являются ведущими в этой подсистеме мер безопасности, поскольку они непосредственно нацелены на профилактику, предотвращение и пресечение преступных деяний, то есть на недопущение или своевременное пресечение реализации угрозы преступного посягательства, минимизацию последствий ее воздействия.

Меры криминологической защиты объектов от преступных посягательств выполняют хотя и пассивную по отношению к криминальным угрозам роль, но, в условиях расширения криминальной дестабилизации многих процессов в обществе, усиления влияния криминогенных факторов, выходят на ведущие позиции. Подсистема мер криминологической защиты, как было указано выше, включает в себя меры по охране объектов от преступных посягательств и меры

Литература:

1. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М. : Юрист, 2003. С. 50.
2. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М. : Юрист, 2003. С. 307.

по созданию трудностей в реализации криминальных угроз.

В первую группу мер криминологической защиты входят меры технического, биологического и гуманитарного характера, которые создают преграду, препятствие на пути реализации криминальной угрозы.

Вторую группу этих мер составляют меры ограничительного, режимного характера, меры защиты предметов возможного преступного посягательства и меры интеллектуально-научного обеспечения развития системы криминологической безопасности. Основной целью использования таких мер является оказание информационного, интеллектуального, физического влияния на процесс замышления, подготовки и реализации преступного замысла, с тем, чтобы его предотвратить, создать дополнительные трудности, сделать невыгодным и опасным для потенциального преступника.

Меры виктимологической профилактики направлены на устранение криминальных или криминогенных ситуаций, провоцирующих или способствующих совершению преступлений, а также меры по обеспечению личной безопасности потенциальной жертвы преступления.

В целом же, стратегия обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства направлена на:

– защиту общества, государства, конституционных прав, свобод, неприкосновенности личности, имущества от преступных посягательств;

– обеспечение эффективной деятельности системы субъектов обеспечения криминологической безопасности;

– предупреждение угроз социально приемлемому состоянию криминологической безопасности;

– адекватную реакцию на возникновение угроз преступного посягательства и нарушение социально приемлемого состояния криминологической безопасности;

– ликвидацию и минимизацию последствий преступных посягательств.

Предложенные нами основы стратегии обеспечения криминологической безопасности позволят, возможно, по-другому подойти к разработке стратегии и тактики противодействия преступности, ориентируясь в этом, главным образом, на достижение основной цели – обеспечение социально-приемлемого уровня криминологической безопасности личности, общества, государства.

Literature:

1. Kudryavtsev V.N. Strategies for Combating Crime. M. : Lawyer, 2003. P. 50.
2. Kudryavtsev V.N. Strategies for Combating Crime. M. : Lawyer, 2003. P. 307.

3. *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М. : Юрист, 2003. С. 313.

4. *Кудрявцев В.Н.* Стратегии борьбы с преступностью. М. : Юрист, 2003. С. 345.

5. См. *Антонов А.Б.* Основы обеспечения безопасности личности, общества и государства : учебное пособие / А.Б. Антонов, В.Г. Балашов. М., 1996. С. 36–49; *Олейников Е.А.* Основы экономической безопасности. М., 1997. С. 13.

3. *Kudryavtsev V.N.* Strategies for Combating Crime. M. : Lawyer, 2003. P. 313

4. *Kudryavtsev V.N.* Strategies for Combating Crime. M. : Lawyer, 2003. P. 345.

5. See. *Antonov A.B.* Basics of ensuring the security of the individual, society and the state : manual / A.B. Antonov, V.G. Balashov. M., 1996. P. 36–49; *Oleynikov E.A.* Foundations of Economic Security. M., 1997. P. 13.

Литвяк Лариса Геннадиевна

кандидат юридических наук,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
llg1978@yandex.ru

Смирнова Карина Сергеевна

кандидат юридических наук,
начальник кафедры
специальных дисциплин,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
mail2smirnova@mail.ru

**ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПРОБЛЕМЕ
ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 286.1 УК РФ**

Аннотация. Статья посвящена анализу введенной в 2010 году в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 286.1 УК РФ «Неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа». Авторы постарались изучить причины, послужившие включению в УК РФ данной нормы, мнения ученых, политических деятелей о целесообразности введения такой нормы в действующее уголовное законодательство. Также, в статье предпринята попытка разобраться, почему данная статья практически не применяется. Авторами рассмотрены проблемы, возникающие при применении данной уголовно-правовой нормы, и предложены варианты выхода из сложившейся ситуации, вплоть до исключения данной статьи из УК РФ.

Ключевые слова: приказ, сотрудник органа внутренних дел, уголовная ответственность, статистика, преступления, законопроект, превышение должностных полномочий, Государственная Дума.

В октябре 2018 года Генеральная прокуратура России обнародовала данные о преступлениях, совершенных сотрудниками правоохранительных органов страны в 2017 году. Это 12 тысяч преступлений из более 1 млн 117 тысяч преступлений, расследованных в минувшем году, то есть, около 1,07 %. Больше всего преступлений в 2017 году (28,8 %) совершили сотрудники МВД. Также, в тройку лидеров вошли сотрудники ФСИН (8,3 %) и службы судебных приставов (6,9 %). По итогам первых шести месяцев 2018 года количество преступлений, совершенных силовиками, упало на 4,5 %. При этом в первом полугодии 2017 года оно, напротив, выросло на пятьдесят процентов в сравнении с аналогичным периодом предыдущего года. Од-

Larisa G. Litvyak

Candidate of Law,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch Ministry
of Internal Affairs
Krasnodar University of Russia
llg1978@yandex.ru

Karina S. Smirnova

Candidate of Law,
Chief of Chair of the Special Disciplines,
Novorossiysk branch Ministry of Internal
Affairs Krasnodar university of Russia
mail2smirnova@mail.ru

**RETURNING TO THE PROBLEM
OF APPLICATION OF ARTICLE 286.1
OF THE CRIMINAL CODE**

Annotation. The article is devoted to the analysis of article 286.1 of the criminal code of the Russian Federation «non-execution of an order by an employee of the internal Affairs body» introduced in 2010 into the criminal code of the Russian Federation. The authors tried to study the reasons for the inclusion of this rule in the criminal code of the Russian Federation, the opinions of scientists and politicians on the advisability of introducing such a rule into the current criminal legislation. Also, the article attempts to understand why this article is practically not applied. The authors consider the problems arising in the application of this criminal law, and proposed options out of this situation, up to the exclusion of this article from the criminal code.

Keywords: order, employee of the internal Affairs body, criminal liability, statistics, crimes, bill, abuse of power, the State Duma.

нако даже с учетом таких колебаний, по словам официального представителя Генпрокуратуры, общая статистика преступлений, совершенных силовиками, не выглядит удручающей, так как ситуация в этом плане остается стабильной уже несколько лет, а количество таких преступлений обычно не превышает 1 % от общего числа совершенных в стране [1].

Учитывая статистические данные за тот период, показывавшие рост числа преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, 18 февраля 2010 г. в Госдуму был внесен законопроект № 331365-5 «О внесении изменений в УК РФ и в УПК РФ», п. 2 которого предусматривал дополнить УК РФ статьей 286.1 [4]. Инициатором введения данной статьи был от Президент

РФ (в то время – Д.А. Медведев). В пояснительной записке к проекту было сказано, он «направлен на усиление защиты прав и законных интересов граждан и организаций от правонарушений сотрудников органов внутренних дел.» [5]. Этот документ не был отклонен, и были получены положительные отзывы различных комитетов и ведомств, хотя стоит отметить, что один отрицательный отзыв был, в последнем абзаце которого, однако, было сказано, что, в целом концепция, предложенная Президентом РФ, авторами данного заключения поддерживается. Этот документ был подготовлен Комитетом Государственной Думы по безопасности и в нем, в частности, было сказано: «...Необходимо также иметь в виду, что в соответствии с пунктом 3 части второй статьи 38 и пунктом 1 части третьей статьи 41 УПК РФ дознаватели и следователи, в том числе являющиеся сотрудниками органов внутренних дел, обладают процессуальной самостоятельностью и, следовательно, в первую очередь, обязаны руководствоваться законодательными нормами, а не приказами начальника... [6]. Также, в проект было внесено большое количество предложений депутатами ГД ФС РФ о доработке этого законопроекта, но почти все они были отклонены (так, например, предлагалось дополнить список субъектов данного преступления работниками прокуратуры, военнослужащими тех органов власти, которые занимаются вопросами безопасности и государственной охраны, или указать, что субъект – сотрудник правоохранительного органа) [7]. А вот какие критические замечания при обсуждении данного законопроекта звучали от депутатов Государственной Думы РФ о ненужности ст. 286.1 УК РФ и критериях ограничения ее от смежных составов. Депутат от КПРФ В.И.Илюхин в своем выступлении заявил, что, касаясь правовой стороны обсуждаемого вопроса, следует отметить, что диспозиция вновь вводимой статьи практически ничем не будет отличаться от диспозиций статей 285 и 286 УК РФ. По сути, превышение полномочий полностью охватывает объективную сторону предлагаемого преступления (неисполнение сотрудником органа внутренних дел приказа), а поэтому и применяться не будет. Данный депутат в своей речи также высказал мнение о том, что принятие такого закона может иметь отрицательные последствия, нельзя принадлежность к государственной службе считать отягчающим вину обстоятельством. По сути, этот законопроект, по мнению Илюхина В.И., заведомо и заранее объявляет МВД органом повышенной опасности, а это – его дискредитация. И не опаснее ли, по мнению выступавшего, преступления, совершаемые судьями или работниками прокуратуры или других силовых структур [8].

Вместе с тем, 09 июля 2010 года несколько измененный законопроект был принят в 3 чтении Государственной Думой и получил уже статус

Литература:

1. Генпрокуратура обнародовала «неудручающую» статистику преступлений силовиков время публикации: 31 октября 2018 г. URL : <https://www.newsru.com/russia/31oct2018/gp.html>

закона. 22 июля 2010 года он стал Ф3-155 и в УК РФ появилась ст. 286.1. То есть, несмотря на все высказанные замечания (и как нам кажется, весьма убедительные и состоятельные), закон был принят практически в первоначальной редакции, а депутат В.И.Илюхин оказался абсолютно прав. Прошло девять лет, но по данной статье, согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, осуждено всего два человека – по одному по части первой в 2017 и 2018 годах. Данная норма практически не действует. И основные причины этого были обозначены указанным депутатом еще в 2010 году. Это:

Наказание в санкции ч.1 ст. 286.1 УК РФ установлено максимально 2 года лишения свободы, а в ч. 1 ст. 285 и ч. 1 ст. 286 УК РФ – четыре. То есть, анализируемая нами статья, не может быть специальной по отношению к ст. 285 и 286 УК РФ, ведь, если применять без совокупности, то получится снижение уголовной ответственности для субъекта статьи 286 1. УК РФ, а если вменять ее в совокупности с данными статьями – ужесточим ее.

В ст. 63 УК РФ появилось новое обстоятельство - «совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел». В результате, если имеют место признаки статей 286 или 285 УК РФ в поведении сотрудника, то при назначении наказания появляется указанное отягчающее обстоятельство, если статьи 286.1 УК РФ, то такого обстоятельства уже нет, так как существует запрет их двойного учета. Учитывая пункт первый, это опять несправедливо.

В отличие от ст.ст. 285 и 286 УК РФ, где используется термин «существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства», в ст. 286.1 УК законодатель упоминает последствия в виде причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства. Нетрудно увидеть разницу в используемой терминологии. Вместе с тем, понятие, даваемое в ст. 286.1 УК РФ нигде не раскрывается (в отличие от последствий, указанных в ст. ст. 285, 286 УК РФ – они раскрыты в соответствующем Постановлении Пленума Верховного Суда). Предлагается дать соответствующее определение в примечании к ст. 286.1 УК РФ. Также в примечании предлагается раскрыть критерии разграничения смежных с данной статьей составов преступлений. Вот неполный перечень проблем, связанных с применением данной уголовно-правовой нормы. А правильнее, на наш взгляд, рассмотреть вопрос об исключении данной статьи из УК РФ.

Literature:

1. The Prosecutor General's office published «depressing» statistics of crimes of security forces publication time: October 31, 2018 access Mode. URL : <https://www.newsru.com/russia/31oct2018/gp.html>

2. *Varygin A.N.* О преступности сотрудников органов внутренних дел и ее тенденциях. КиберЛенинка. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prestupnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih>

3. МВД о статистике преступлений, совершенных милиционерами. URL hro.org, 26/01/2010

4. Перечень законопроектов, внесённых в Государственную Думу: Система обеспечения законодательной деятельности. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5>

5. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5#bh_histras

6. Заключение Комитета Государственной Думы по безопасности по проекту федерального закона № 331365-5 «О внесении изменений в УК РФ и в УПК РФ» (по вопросам обеспечения уголовной ответственности за преступления, совершенные сотрудниками органов внутренних дел). URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5>

7. Таблица поправок, рекомендуемых Комитетом Государственной Думы по безопасности к отклонению. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5#bh_histras

8. Стенограмма обсуждений проекта ФЗ № 331365-5 «О внесении изменений в УК РФ и в УПК РФ» (по вопросу об ответственности сотрудников органов внутренних дел за совершённые преступления). URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5>

2. *Varygin A.N.* About crime of employees of law-enforcement bodies and its tendencies. Cyberleninka. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/o-prestupnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih>

3. The Ministry of internal Affairs on statistics of crimes committed by police. URL : Hro.org, 26/01/2010

4. List of bills submitted to The state Duma: system of ensuring legislative activity. URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5>

5. Explanatory note to the draft Federal law «On amendments to the criminal code of the Russian Federation and the code of Criminal procedure of the Russian Federation». URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5#bh_histras

6. Conclusion Of the State Duma Committee on security on the draft Federal law № 331365-5 «On amendments to the criminal code and the code of criminal procedure» (on ensuring criminal liability for crimes committed by employees of internal Affairs bodies). URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5>

7. Table of amendments recommended by the State Duma Committee on security for rejection. URL : https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5#bh_histras

8. Transcript of discussions on draft Federal law № 331365-5 «On amendments to the criminal code and the code of criminal procedure» (on the responsibility of law enforcement officers for crimes committed). URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/331365-5>

Лебедев Семен Яковлевич

Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук,
профессор,
заведующий кафедрой экономической
безопасности, аудита и контроллинга,
Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина
Milena.555@mail.ru

Плешаков Владимир Алексеевич

доктор юридических наук,
профессор,
главный научный сотрудник НИЦ № 1,
Всероссийский научно-исследовательский
институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Milena.555@mail.ru

**СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ
УГРОЗ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Аннотация. В статье на основе теории криминологической безопасности предлагается анализ угроз такой безопасности. Анализ угроз криминологической безопасности проводится на общенациональном, региональном и индивидуальном уровне. При этом выделяются угрозы в различных сферах, таких, как сфера политики; сфера экономики; сфера защиты конституционных прав, свобод, неприкосновенности личности, имущества от преступных посягательств; сфера предупреждения преступлений.

Ключевые слова: криминологическая безопасность, угрозы криминологической безопасности, виды угроз, угрозы в различных сферах.

○ беспечение криминологической безопасности личности, общества, государства от угроз преступных посягательств, особенно со стороны организованной преступности выдвигается в число наиболее приоритетных задач всех институтов законодательной и исполнительной власти России. По смыслу данного нами ранее определения криминологической безопасности [1], основная сущность ее (безопасности) заключается:

- во-первых, в состоянии защищенности жизненно важных и иных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств,
- во-вторых, в состоянии защищенности от угроз таких посягательств, порождаемых различного рода криминогенными факторами и,
- в-третьих, осознание людьми такой своей защищенности.

Semen Ya. Lebedev

Honored Lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Jurisprudence,
Professor,
Head of the Department of Economic
Security, Auditing and Controlling,
Russian State University
named after A.N. Kosygin
Milena.555@mail.ru

Vladimir A. Pleshakov

Doctor of jurisprudence,
Professor,
Chief Researcher of NIC № 1,
All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

**A SYSTEMATIC ANALYSIS
OF THREATS
TO CRIMINOLOGICAL SECURITY**

Annotation. Based on the theory of criminological security, the article offers an analysis of threats to such security. The analysis of threats to criminological security is carried out at the national, regional and individual levels. There are threats in various spheres, such as politics; the economy; the scope of protection of the constitutional rights and freedoms, the inviolability of person, property from criminal attacks; the prevention of crimes.

Keywords: criminological security, threats to criminological security, types of threats, threats in various spheres.

Разберемся в каждом из этих сущностных понятий определения криминологической безопасности.

Состояние защищенности интересов личности, общества и государства означает такое состояние объектов криминологической безопасности, при котором они могут реализовать свои потребности, интересы без помех, создаваемых преступными посягательствами. Однако при современном уровне развития общества нереально добиться такой степени криминологической безопасности. Поэтому в данном случае имеется в виду то состояние защищенности, при котором преступность, ее проявления хотя и оказывают негативное воздействие на реализацию интересов личности, общества и государства, но уровень этого воздействия является социально-приемлемым. То есть, государство, общество способно контролировать преступность, минимизировать последствия ее проявлений, а преступ-

ность «адекватно» реагирует на, оказываемые на нее, антикриминогенные воздействия. Этот социально-приемлемый уровень определяет для себя общество, государство в зависимости от исторического периода развития, политического и социально-экономического состояния, наличия кризисных ситуаций (война, действие стихийных сил природы, экологическая, техногенная катастрофа, террористические акты и т.п.), социально-культурного уровня, возможностей контролировать и сдерживать действие криминогенных факторов и т.д.

Для того, чтобы обеспечить социально-приемлемый уровень влияния преступности, ее проявлений на реализацию интересов личности, общества и государства необходимо своевременно выявлять и устранять, нейтрализовывать угрозы преступных посягательств, порождаемых криминогенными факторами.

Понятие угрозы не раз давалось в различных литературных источниках, упоминается об этом и в законе «О безопасности», однако, не везде оно, на наш взгляд, адекватно отражает сущность этого понятия. Например, в работе А.В. Антонова и В.Г. Балашова определяется угроза «как процесс наступления таких изменений в состоянии личности, общества и государства, которые оцениваются ими как создающие помеху или делающие невозможным реализацию их национальных интересов» [2]. Вместе с тем, само слово «угроза» по словарю С.И. Ожегова [3] означает возможную опасность, т.е. еще не реализованную. Поэтому понятие угроза предполагает не процесс наступления изменений, а опасность этого, реальная или потенциальная. Поэтому понятие «угроза криминологической безопасности» или «криминальная угроза» можно сформулировать следующим образом: это преступность во всех ее проявлениях, совокупность криминогенных факторов, создающих реальную или потенциальную опасность преступного посягательства на объекты криминологической безопасности. Здесь имеется в виду, что сама преступность, как явление, ее проявления за счет способности к самовоспроизводству создают потенциальную угрозу посягательства на объекты криминологической безопасности, реализация которой возможна при способствующем действии криминогенных факторов.

Своевременное обнаружение криминальных угроз и принятие мер по их нейтрализации и отражению системой криминологической безопасности – основная задача обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства. Вид и характер угроз определяет основные направления сосредоточения усилий по их предупреждению, нейтрализации и устранению, как на стратегическом, так и на тактическом уровне.

Своевременное выявление угрозы позволяет выделить объекты, на которые необходимо оказать воздействие, а также объекты, нуждающиеся в защите. Четкое представление об источниках и носителях угрозы дает возможность нахо-

дить наиболее эффективные методы воздействия и защиты, формы организации работы, а также выбирать те средства решения задачи обеспечения криминологической безопасности, которые по своим свойствам и качествам позволяют достичь максимального результата при минимальном использовании ресурсов. Только в этом случае будет реализован основной принцип обеспечения безопасности личности, общества и государства – обеспечение безопасности должно соответствовать характеру и направленности угроз.

Сами угрозы возникают из источников угроз криминологической безопасности. Поскольку процесс реализации угрозы в самом общем виде проходит два этапа:

Первый – процесс формирования угрозы, способной нанести вред;

Второй – процесс непосредственной реализации угрозы, то есть нанесения вреда, то и источники угрозы мы можем разделить на следующие два вида: источники формирования угрозы и источники, из которых исходит непосредственная угроза.

К первому виду источников угроз криминологической безопасности относятся причины и условия, способствующие совершению преступлений, ко второму – преступность, как явление, продуцирующее саму себя, а потому создающее условия для своего существования и развития, сохраняющее в себе постоянную криминальную угрозу для любого объекта, а также носители этой криминальной угрозы-преступники, которые, имея соответствующую социально-психологическую установку на совершение преступления, обладая криминальным опытом и профессионализмом при способствовании криминогенных факторов готовы реализовать потенциальную угрозу криминологической безопасности.

Дифференциация угроз на различные виды преследует цель определения масштабов, общественной опасности, возможных объектов преступных посягательств и как следствие – способствует конкретизации мер по обеспечению криминологической безопасности, координации их принятия различными органами и организациями.

В зависимости от степени распространенности можно выделить следующие виды угроз:

Общациональная угроза криминологической безопасности, когда преступность и ее проявления создают серьезные помехи в реализации интересов общества, государства, затрудняют проведение позитивных процессов, проникают и дестабилизируют ситуацию во многих основных сферах жизнедеятельности. Чтобы понять масштабы этой угрозы, следует остановиться на некоторых политических, социальных, экономических и нравственно-политических последствиях проявлений преступности.

1. Современное состояние преступности заставляет оценивать ее не только как социально-

правовой, но и все более значимый политический феномен. Она принижает все самые важные сферы жизнедеятельности государства и общества. Она связана со всеми глобальными проблемами, вызывающими в обществе наивысшую напряженность: экономика, экология, национальные отношения, внутривнутриполитические преобразования и т.д., – любая из этих сфер испытывает на себе деструктивную силу криминальных процессов.

2. Стремление лидеров организованной преступности, накопивших огромные капиталы, вторгнуться в политику, лоббируя свои интересы во властных структурах всех уровней, подкупая представителей власти и должностных лиц, влияя на ход выборов и продвигая «своих» депутатов, непосредственно пытаясь войти в представительные политические органы, может привести к серьезным политическим последствиям, вплоть до контроля над деятельностью властных органов, принятия политических решений под диктовку криминальных структур.

3. Распространение уголовного террора, имеющего и политическую «окраску», когда преступному воздействию подвергаются представители исполнительной власти, несговорчивые банкиры, руководители крупнейших предприятий, предпринимательских структур и т.д., способен разрушить нормальные процессы перехода к рынку, стать препятствием в нормальной деятельности управленческих, банковских и предпринимательских структур.

4. Активно идущая консолидация преступных группировок в рамках отдельных территорий, а также в межрегиональных масштабах приводит к установлению прочных связей между крупными криминальными формированиями. Происходит раздел территории страны и «отраслей» преступного бизнеса на сферы влияния. В результате организованные преступные формирования устанавливают контроль за целыми отраслями торговли, производства, транспорта, малого, среднего и крупного предпринимательства, финансовыми операциями.

5. Криминальному террору подвергаются и судебные органы: не только судьи, но в первую очередь потерпевшие и свидетели по уголовным делам. Их силой и страхом смерти заставляют менять показания, отказываться от обвинения. В итоге от уголовной ответственности и наказания уклоняются наиболее опасные преступники. Это может привести к невозможности нормального отправления правосудия.

6. Коррупция в системе госаппарата, который непомерно раздут и продолжает угрожающе разрастаться, по данным исследований, поразила в той или иной мере от 50 до 80% должностных лиц. Реальная борьба с этим, разлагающим властью, явлением подменяется словесной. Опасность ситуации состоит в возможности превращения системы государственной службы в систему самообслуживания, совершенно не способную выполнять предписанные законом функции.

7. В стране, где разрушена старая и не построена новая система воспитания малолетних граждан, вырастает и входит в жизнь уже не одно поколение подростков, которые с рождения лишены нормального позитивного воздействия государственной и общественной системы формирования личности. Тем более, что многие из них не имеют нормального попечения родителей, а также находятся в зоне криминогенного влияния внутри семьи или ближайшего окружения. Здесь таится огромный негативный потенциал, грозящий в ближайшем будущем резким ростом преступности в самых тяжких ее формах, и иными неблагоприятными социальными последствиями.

8. Российская преступность уже отпугивает деловых людей из-за рубежа от поездок в нашу страну. Криминальная опасность грозит разрушить большинство контактов отечественных бизнесменов с иностранцами, прервать нормальный инвестиционный процесс, стать тормозом для цивилизованного вхождения России в мировое сообщество.

9. Серьезнейшие пороки присущи ныне складывающейся системе противодействия преступности, борьбе с ее наиболее опасными проявлениями, деятельности по предупреждению преступлений. Страдают недостатками комплекс ее законодательного, материального (ресурсного), финансового, кадрового обеспечения. Не разработана до конца сама идеология противодействия преступности.

Региональная угроза криминологической безопасности – это распространение описанных выше последствий преступности, а фактически криминальных угроз на определенной территории (село, деревня, город, район, область, край). Надо отметить, что процесс криминализации сфер, где сконцентрированы объекты наиболее доходных отраслей экономики, крупные финансовые структуры, транспортные узлы и т.п., то есть где есть возможность получения сверхприбылей, там криминальная угроза проявляется наиболее остро. До недавнего времени считалось, что в традиционно спокойных территориях, где и изменения заключаются в постепенном снижении всех показателей производства, вялотекущем процессе развития предпринимательской деятельности, снижении уровня жизни населения (сельские районы, отдаленные небольшие города, и т.п.) эта угроза так не проявляется, но выявленные факты диктата организованных преступных формирований в Куцевской, Гусь-Хрустальном и других «тихих» уголках, опровергает такие утверждения и доказывает всепроникновение преступности.

И индивидуальная угроза криминологической безопасности касается отдельных граждан. Снижение уровня жизни многих слоев населения, беззащитность перед преступными посягательствами, правовая, организационная и материальная неурегулированность обеспечения криминологической безопасности граждан порождает неверие в возможность правоохрани-

тельных органов защитить их от преступных посягательств, и, как следствие, снижение авторитета и доверия органам власти и управления, отчуждение человека от государства, которое в их лице может потерять надежную опору и поддержку.

Кроме того, угрозы можно рассматривать в соответствии с их проявлением в определенных сферах общественных отношений.

Сфера политики:

– принятие ошибочных либо заведомо противоречащих Конституции Российской Федерации законов, Указов, иных нормативных актов, затрагивающих жизненно важные интересы населения, что способно активизировать преступность, иные формы противоправного поведения, вызвать вооруженные конфликты, межнациональную рознь, массовое недовольство граждан, спровоцировать широкомасштабные выступления, митинги, забастовки, в том числе с острыми политическими требованиями, которые могут дестабилизировать обстановку в отдельном регионе или в стране в целом;

– существенные изъяны в работе органов власти, крупные злоупотребления властью со стороны отдельных должностных лиц, создающие серьезные трудности обеспечения социально приемлемого состояния криминологической безопасности;

– незаконная деятельность политических партий, общественных организаций, религиозных и иных объединений и движений, в том числе: политический экстремизм и терроризм; издание литературы подстрекательского характера; создание предпосылок для массовых, групповых нарушений общественного порядка, вооруженных конфликтов и государственных переворотов;

– ошибки и искажения национальной политики, следствием которых являются: насаждение идей агрессивного шовинизма, национализма и сепаратизма; нарушение прав, свобод и законных интересов некоренных народов; провоцирование и поддержание межэтнических и межконфессиональных конфликтов; создание предпосылки для распада Российской Федерации.

Сфера экономики:

– правовая неурегулированность многих сторон новых рыночных экономических отношений, отсутствие (неполнота) базовых кодифицированных и иных правовых документов, регулирующих ключевые вопросы экономики, создают предпосылки для крупномасштабных злоупотреблений и хозяйственных преступлений в жизненно важных для общества областях экономики, могут привести к дестабилизации экономики отдельного региона или даже страны в целом (преступления, связанные с приватизацией; созданием фиктивных акционерных обществ, фондов, банков; ложным банкротством; незаконным переводом валюты и вывозом культурных и ценностей

за границу; выпуском и сбытом поддельных ценных бумаг и т.п.);

– значительное расширение масштабов криминализации экономики;

– разрушение производственной сферы;

– незаконная выдача лицензий на поставку за рубеж сырьевых ресурсов; безлицензионный экспорт и импорт; экономическая контрабанда; занижение цен на экспортируемые товары; сокрытие валютной выручки и размещение ее в зарубежных банках;

– снижение уровня жизни значительной части граждан, что несет потенциальную возможность наступления тяжелых социальных последствий (забастовки, акции массового протеста, групповые антиобщественные действия, преступления на почве обнищания и т.п.).

Сфера защиты конституционных прав, свобод, неприкосновенности личности, имущества от преступных посягательств:

– социальная незащищенность значительной части населения, особенно наиболее нуждающихся в помощи (инвалиды, беженцы и вынужденные мигранты и т.п.); ущемление, ограничение или неурегулированность естественных прав человека и гражданина (право собственности, материального обеспечения старости, прав на свободу передвижения, на безопасные условия жизни, на благоустроенное жилье и др.), что делает их уязвимыми к преступлениям, связанным с мошенническими действиями с жильем, собственностью, насилием;

– нарушения законности в деятельности правоохранительных органов;

– бюрократизм, коррупция части государственно-го аппарата;

– рост хронического алкоголизма и наркомании среди самых широких слоев населения;

– массовые стрессовые расстройства, рост суицидных проявлений, разрушение нравственных устоев и деградация значительной части населения;

– ухудшение условий труда, быта, отдыха, питания, обучения и воспитания детей и подростков, способствующие криминализации их образа жизни;

– неупорядоченные миграционные процессы, состоящие в растущей иммиграции в Россию из стран дальнего и ближнего зарубежья; несовершенство системы приема, размещения и оказания помощи иммигрантам; хаотичность и недостаточная регулируемость внутренней миграции, приводит к бытовой и социальной неустойчивости мигрантов, создает в их среде криминогенную обстановку;

– незащищенность многих технологий производства дефицитной и ценной продукции от хищений;

– слабая проработанность программ развития экономики в плане защиты (разработки механизма) государственных средств от хищений, незаконных финансовых операций, приносящих «теневую» прибыль расхитителям государственной собственности;

– отсутствие криминологической экспертизы проектов развития отраслей народного хозяйства (транспорт, связь, добывающие, перерабатывающие и т.п.), социальных программ (строительство, создание инфраструктуры населенных пунктов, микрорайонов), требующих разработки мер криминологической защиты;

– расширение масштабов и повышение степени общественной опасности преступных деяний; появление новых квалифицированных видов преступлений; эскалация насилия, жестокости, агрессивности преступных проявлений; усиливающаяся вооруженность и техническая оснащенность преступников;

– тотальная криминальная пораженность экономики, что приводит к крупным практически безнаказанным хищениям народного имущества, позволяет извлекать сверхкрупные и трудно выявляемые криминальные доходы;

– активная консолидация преступных группировок на территориальном и межрегиональном уровне;

– возрастание тяжести и масштабов социальных, в том числе экономических последствий преступности (значительное число жертв преступных посягательств, а также неосторожных преступлений; сопоставимость совокупного ущерба от противоправного поведения в сфере экономики с доходной частью национального бюджета);

– все чаще отмечающиеся факты криминального террора в отношении представителей органов государственной власти и управления, судебных органов, потерпевших и свидетелей по уголовным делам, а также в отношении предпринимателей и финансистов;

Сфера предупреждения преступлений:

– криминализация наиболее важных сфер жизнедеятельности государства и общества, вызывающая повышение уровня социальной напряженности, в том числе в сферах политики, эко-

номики, экологии, национальных отношений и т.д., серьезно затрудняет, а порой и исключает возможности реального предупреждения преступлений;

– крупные ошибки в формировании стратегии и тактики противодействия преступности, ресурсном и финансовом обеспечении борьбы с ней вследствие недооценки масштабов развития преступности (проблема латентности), ограниченных ресурсных возможностей практически дезорганизовали систему предупреждения преступлений;

– недостаточная эффективность предупредительной деятельности правоохранительных органов в силу их разобщенности, нерешенности проблем правового, материально-технического, кадрового и социального обеспечения, не разработанность стимулирующих к предупредительной работе критериев оценки;

– значительное снижение воспитательного и профилактического потенциала учебных заведений, других учреждений, ведущих работу с различными контингентами несовершеннолетних;

– коммерциализация досуговых форм воспитания несовершеннолетних привела к фактическому развалу этой работы по месту жительства и ликвидации одного из важнейших субъектов предупреждения преступлений подростков;

– существенное влияние криминала на несовершеннолетних;

– проявление, с одной стороны, «взрослой криминальности» в преступности несовершеннолетних, усиление организованности, сплоченности, агрессивности и жестокости, а, с другой, - ее все большее омоложение, в том числе и за счет лиц, не достигших возраста уголовной ответственности.

Итак, угрозы криминологической безопасности включают в себя преступность во всех ее проявлениях, а также совокупность криминогенных факторов, создающих реальную или потенциальную опасность преступного посягательства на объекты криминологической безопасности. Реализация этих угроз происходит на общенациональном, региональном и индивидуальном уровнях в различных сферах социальной жизни.

Литература:

1. Пleshakov В.А. Понятие и содержание криминологической безопасности // Наука и ее роль в современном мире: Материалы международной научно-практической конференции. Караганда : «Болашак – Баспа», 2010. Т. 1. С. 42–47.

2. Антонов А.Б. Основы обеспечения безопасности личности, общества и государства : учебное пособие / А.Б. Антонов, В.Г. Балашов. М., 1996. С. 55.

3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1988. С. 673.

Literature:

1. Pleshakov V.A. Concept and Content of Criminological Security // Science and its Role in the Modern World: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Karaganda : Bolashak – Baspa, 2010. Vol. 1. P. 42–47.

2. Antonov A.B. Basics of ensuring the security of the individual, society and the state : manual / A.B. Antonov, V.G. Balashov. M., 1996. P. 55.

3. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian Language. M. : Rus. language, 1988. P. 673.

Малокостова Полина Равилевна
соискатель кафедры криминологии,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
milena.555@mail.ru

О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБОСНОВАННОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье представлен анализ соответствия существующих в Уголовном кодексе Российской Федерации в главе 22 норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности уголовно-правовым и криминологическим целям предупреждения таких преступлений. Авторские криминологические оценки уголовного законодательства и практики его применения в сфере предупреждения, так называемых, экономических преступлений дают основания для выводов о недостаточном учете законодателем и правоприменителем фундаментальных криминологических знаний, нацеленных на обеспечение надежной уголовно-правовой защиты общественных отношений в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: криминологическая обоснованность уголовного закона, предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности.

Сфера экономической деятельности всегда занимала и занимает особое место в жизни любого народа, поскольку в широком смысле представляет собой систему не только обеспечивающую жизнедеятельность человека и общества, но и органически связанную с законотворчеством. Как писал Ш. Монтескье: «Законы очень тесно связаны с теми способами, которыми различные народы добывают себе средства к жизни» [1]. Законодатель во все времена стремился защитить экономические отношения от преступных посягательств.

Сегодня сфера экономической деятельности, являясь одной из самых динамичных и развивающихся систем, определяющих настоящее и будущее развитие страны, испытывает нарастающее негативное трансформирование, связанных с «давлением» со стороны криминала, от которого исходят реальные угрозы экономической безопасности. Появляются новые виды преступлений, образующие целые индустрии криминального промысла в сфере экономической деятель-

Polina R. Malokostova
Applicant for the Department of Criminology,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia name V.Ya. Kikotya
milena.555@mail.ru

ON THE CRIMINOLOGICAL VALIDITY OF CRIMINAL LAW ON LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF ECONOMIC ACTIVITIES

Annotation. The article provides an analysis of the conformity of the existing rules on liability for crimes in the sphere of economic activity with the criminal and criminological purposes of preventing such crimes in the Criminal Code of the Russian Federation in chapter 22. The author's criminological assessments of criminal legislation and its application in the field of prevention of so-called economic crimes give rise to conclusions about insufficient consideration by the legislator and law enforcement officer of fundamental criminological knowledge aimed at ensuring reliable criminal legal protection of public relations in the field of economic activity.

Keywords: criminological validity of criminal law, prevention of crimes in the sphere of economic activity.

ности. Это требует адекватной реакции со стороны государства, его правовой системы, в которой одну из ведущих ролей играет уголовно-правовое противодействие преступности. Успешность такой деятельности во многом связана с совершенствованием уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Между тем, проведенный анализ правоприменительной практики показывает, что лишь около 30 % составов преступлений, входящих в 22 главу УК РФ, применяются с различной степенью активности. Остальные нормы мало востребованы и количество лиц, ежегодно по ним осуждаемых, в среднем, составляет от 3-х до 10-ти человек.

При этом существует ряд норм, по которым, несмотря на то, что по ним ни разу не выносились судебные приговоры (по крайней мере, с 2009 г.) [2], постоянно трансформируются, дополняются новеллами.

Примером может служить ст. 184 УК РФ, предусматривающая ответственность за оказание противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса. На протяжении последних 10-ти лет по данной статье не было осуждено ни одного человека. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 324-ФЗ данный состав был дополнен частью 5, устанавливающей уголовную ответственность за посредничество в оказании противоправного влияния на результаты указанных мероприятий.

Чем руководствовался законодатель, постоянно «оттачивая», модернизируя эту уголовно-правовую норму, не совсем понятно.

Вызывают сомнения и оценки некоторых ученых относительно данной криминализации. Так, И.В. Жуковская и В.Д. Ларичев пишут: «Представляется верной уголовно-правовая политика государства в противодействии коррупции, как в сфере экономики, так и в сфере государственного управления в целом...», в качестве примера, приводя установление уголовной ответственности за вышеуказанное посредничество. Здесь же авторы отмечают, что одним из криминообразующих признаков составов преступлений в сфере экономической деятельности выступают их последствия [3]. В данном случае, речь может идти только о гипотетических последствиях, не говоря уже о таком принципе криминализации, как относительная распространенность деяния.

В качестве другой такой «мертвой» нормы можно привести ст. 185.3 УК РФ «Манипулирование рынком». По словам председателя СК РФ Бастрыкина А.И., законодательство об уголовной ответственности за манипулирование рынком нуждается в совершенствовании. В своем выступлении 11 февраля 2016 г. на заседании круглого стола на тему: «Актуальные проблемы науки уголовного права и правоприменительной практики стран СНГ» он отметил, что, – «...за три года действия статей 185.3 и 185.6 УК РФ, предусматривающих ответственность за манипулирование рынком и незаконное использование инсайдерской информации, по ним возбуждено всего три дела. И связано это не только с объективными трудностями и отсутствием навыков выявления подобного рода преступлений. *Сами эти статьи, по сути, являются нормами, применение которых практически невозможно*» (курсив наш – П.М.). Наряду с этим, по мнению главы СК РФ, в законе множество так называемых мертвых норм, создающих лишь видимость уголовно-правовой защищенности соответствующих общественных отношений [4]. В первую очередь, это относится к преступлениям, входящим в 22 главу УК РФ.

Между тем, еще в конце XX века профессор И.И. Карпец писал: «Наиболее совершенным является уголовный закон, «выстраданный» после тщательного криминологического анализа той группы общественных отношений, которую этот закон должен защищать...Законы нельзя «выдумывать»... их надо формулировать на основе изучения и глубокого осмысления ситуации,

требующей принятия нового уголовного закона (либо отказа от него)». По его мнению, выдуманный закон, как правило, мертв [5].

По оценкам Н.А. Лопашенко, из всей сферы криминализации в России именно в 22 главе УК РФ она самая спорная, самая широкая и по основаниям – самая неубедительная [6].

Об этом же пишет В.И. Гладких. Проанализировав судебно-следственную практику по делам экономической направленности, он выявил ряд проблем правоприменения уголовно-правовых норм, принятие которых, по его мнению, не всегда было научно обоснованно и нередко носило конъюнктурно-идеологический характер [7]. Как отмечается в литературе, криминализация превратилась в любимый способ законодателя по решению любой проблемы в государстве. Тем более, если руководство страны вдруг инициировало какой-то законопроект, то он, скорее всего, обязательно будет принят, каким бы абсурдным он ни был. Примеров тому немало [8].

2 июля 2019 г. Премьер-министр России Д. Медведев, выступая на заседании президиума Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам, предложил ввести уголовное наказание за умышленный срыв торгов по нацпроектам из-за многомиллиардных убытков, которые такие нарушения могут принести. При этом, по мнению главы Правительства, вину в таких случаях будет сложно доказать, но это уже – вопрос правоохранительных органов и суда [9].

Пока такой нормы нет. Но не исключается, что она будет принята, а потом уже правоохранительные органы и суд будут «ломать голову», как ее применять на практике.

Между тем, Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая в декабре 2016 г. на IX Всероссийском съезде судей, говоря о многочисленных изменениях, которые в последнее время были внесены в уголовное законодательство, отметил, что «...жизнь, развитие страны требуют корректировки, настройки нашей правовой системы и законодательства. Но вместе с тем нужно признать, что наше правовое поле меняется очень быстро, может быть, слишком быстро и порой не системно, что создает немало угроз в процессе правоприменения. Стабильность и предсказуемость законов – общая для всех цель, гарантия качества национальной юрисдикции» [10].

Нам представляется, что такой гарантией качества юрисдикции, в общем, и ее отрасли в сфере экономической деятельности, в частности, должна стать криминологическая обоснованность уголовного законодательства и практики его применения, поскольку, именно криминология, имеющая в своем распоряжении систему научных знаний о тенденциях и закономерностях преступности, ее детерминации, свойствах и качествах личности преступника, виктимологических особенностях личности потерпевших, способна всесторонне оценить степень пораженно-

сти общественных отношений криминалом и предложить адекватные и оптимальные социально-правовые рецепты ее нейтрализации [11].

Однако законодатель, к сожалению, во многих случаях игнорирует выводы криминологических исследований. Несмотря на то, что социальные заказы на криминологию велики, отмечает Ю.М. Антонян, официальные запросы от законодательных и правительственных учреждений делаются редко [12].

Между тем, уже достаточно давно в привычный обиход специалистов вошло такое понятие, как «криминологическая обоснованность» уголовного закона, которая становилась тем более важной и востребованной, когда в обществе расширялись криминальные процессы [13].

По мнению ученых, криминализация общественно опасных деяний может рассматриваться как исходная точка уголовно-правовых и финальный вывод криминологических исследований. Эта та область интеграции знания, которая касается законотворческой практики и самым тесным образом связана с качеством процедур создания новых уголовных законов [14]. Как пишут М.М. Бабаев и Ю.Е. Пудовочкин: «Можно ответственно заявлять, чем дальше уголовное право и криминология расходились друг от друга, а вместе - от законодателя, тем менее обоснованным с научной точки зрения становился Уголовный кодекс». По их суждению, в целях обеспечения связи криминологии и уголовного права, необходимой для создания уголовно-правовых норм, адекватных криминологической реальности, есть потребность:

Литература:

1. *Монтескье Ш.Л.* «О духе законов». Избранные произведения. URL : <https://e-libra.ru/read/314288-izbrannye-proizvedeniya-o-duhe-zakonov.html>
2. На сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ ежегодно представляются «Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России», начиная с 2009 года.
3. См.: *Жуковская И.В.* Справедливость правового регулирования экономических отношений / И.В. Жуковская, В.Д. Ларичев // Безопасность бизнеса. 2017. № 3. С. 58–63.
4. Официальный сайт Следственного комитета РФ. URL : <http://sledcom.ru/news/item/1016437/>
5. *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992. С. 116–117.
6. *Лопашенко Н.А.* Уголовный закон и статистика преступности: параллельное существование / Н.А. Лопашенко; Под общ. ред. Е.Н. Салыгина, С.А. Маркунцова, Э.Л. Раднаевой // Сб. статей «Социология уголовного права». 2013. т. 1. С. 50.

– в возвращении к вопросу о разработке концепции криминологически обоснованной уголовной политики и создании при Президенте РФ совета по развитию уголовного законодательства;

– в реализации идеи «закона о законах» и учреждении обязательной криминологической экспертизы законопроектов, внесении изменений в уголовное законодательство, прогнозировании эффективности и последствиях принятия законов [15].

С этим трудно не согласиться. Необходимость воплощения вышеуказанных предложений в процессы «производства» новых уголовных законов очевидна. Особенно ярко об этом свидетельствует правоприменительная практика в отношении преступлений в сфере экономической деятельности.

В заключение, вновь зададимся вопросом, поставленным в названии статьи: нужна ли криминологическая обоснованность уголовному закону? И ответим словами профессоров М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина: «Выстрадавшая» и многострадавшая отечественная криминология заслужила уважительное отношение и право быть услышанной, тем более ей есть что сказать» [16].

Хочется верить, что позиция криминологов будет услышана законодателем, и процедура криминологической обоснованности уголовного закона прочно войдет в законотворческий процесс. Это должно коснуться всех без исключения криминальных объектов уголовно-правового воздействия, в том числе, преступности в сфере экономической деятельности.

Literature:

1. *Montesquie S.L.* «On the Spirit of the Laws». Selected works. URL : <https://e-libra.ru/read/314288-izbrannye-proizvedeniya-o-duhe-zakonov.html>
2. The website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation annually presents «Consolidated statistical information on the state of criminal record in Russia», since 2009.
3. See: *Zhukovskaya I.V.* Fairness of legal regulation of economic relations / I.V. Zhukovskaya, V.D. Larichev // Security of business. 2017. № 3. С. 58–63.
4. Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL : <http://sledcom.ru/news/item/1016437/>.
5. *Karpets I.I.* Crime: illusions and reality. M, 1992. P. 116–117.
6. *Lopashenko N.A.* Criminal Law and Crime Statistics: Parallel Existence / Under the general ed. E.N. Salygina, S.A. Markuntsov, E.L. Radnayeva // Sat. Articles «Sociology of Criminal Law». 2013. T. 1. P. 50.

7. *Гладких В.И.* Журналу «Безопасность бизнеса» – 15 лет // *Безопасность бизнеса*. 2018. № 2. С. 3–6.
8. *Лопашенко Н.А.* С. Уголовная политика по принципу «что изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // *Вестник Московского университета. Сер. Право*. 2015. № 1. С. 43.
9. *Медведев* выступил за уголовное наказание за срыв торгов для нацпроектов. URL : <https://www.rbc.ru/society/02/07/2019/5d1b3ceb9a7947cb80db5>; URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53419>.
10. *Шебанов Д.В.* Криминологическая обоснованность уголовного законодательства и практики его применения в сфере охраны собственности : дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 16.
11. *Антонян Ю.М.* Преступность, криминология, общество // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2019. № 1(45)79.
12. *Бабаяев М.М.* О криминологической составляющей уголовной политики // *Криминологический журнал*. 2008. № 2(14). С. 5.
13. *Бабаяев М.М.* Криминология и уголовное право: взаимодействие как способ выживания / М.М. Бабаяев, Ю.Е. Пудовочкин // *Вестник Московского университета. Сер. Право*. 2016. № 4. С. 44.
14. *Бабаяев М.М.* Указ. раб. / М.М. Бабаяев, Ю.Е. Пудовочкин. С. 52, 56.
15. Там же. С. 57.
7. *Smooth V.I.* Business Security Journal – 15 years // *Business Security*. 2018. № 2. С. 3–6.
8. *Lopashenko N.A.* S. Criminal policy on the principle of «what do you believe?», or criminal law as a means of solving all problems//*Journal of Moscow University*. It is gray. Right. 2015. №. 1. P. 43.
9. *Medvedev* advocated criminal punishment for disrupting bidding for national projects. URL : <https://www.rbc.ru/society/02/07/2019/5d1b3ceb9a7947cb80db5>; URL : <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53419>
10. *Shebanov D.V.* Criminological validity of criminal legislation and practice of its application in the field of property protection : Yew. edging. jurisprudence. Krasnodar, 2017. P. 16.
11. *Antonyan Yu.M.* Crime, Criminology, Society // *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2019. № 1(45)79.
12. *Babayev M.M.* On Criminological Component of Criminal Policy // *Criminological Journal*. 2008. № 2 (14). С. 5.
13. *Babayev M.M.* Criminology and Criminal Law: Interaction as a Way of Survival / M.M. Babayev, Yu.E. Pudovochkin // *Journal of Moscow University*. It is gray. Right. 2016. №. 4. P. 44.
14. *Babayev M.M.* Decree. Slave / M.M. Babayev, Yu.E. Pudovochkin. P. 52, 56.
15. Same place. P. 57

Меретуков Айдамир Гайсович
кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

Федченко Владимир Владимирович
кандидат юридических наук,
Краснодарский университет МВД России
Milena.555@mail.ru

Aidamir G. Meretukov
Candidate of Law Sciences,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

Vladimir V. Fedchenko
Candidate of Law Sciences,
Krasnodar University Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО ПО МОТИВУ КРОВНОЙ МЕСТИ, И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ ДРУГИХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. Убийства, совершаемые по мотиву кровной мести, связаны, как правило, с традицией отмщения определенной народности, нации, этноса в случае совершения посягательства на лицо или его близких. Они тщательно планируются, носят резонансный характер, и характеризуются определенным механизмом их совершения, сложившимся на протяжении длительного времени. В статье выделяются и рассматриваются современные проблемы квалификации убийства, совершенного по мотиву кровной мести. Авторы обращают внимание на проблемы правильной юридической оценки с учетом объективных и субъективных признаков данного состава преступления.

Ключевые слова: квалификация преступления, проблемы квалификации, квалификация убийства, мотив преступления, преступления ненависти, кровная месть.

Убийства, совершаемые по мотиву кровной мести, связаны, как правило, с традицией отмщения определенной народности, нации, этноса в случае совершения посягательства на лицо или его близких. Они тщательно планируются, носят резонансный характер, и характеризуются определенным механизмом их совершения, сложившимся на протяжении длительного времени. С другой стороны, обычай кровной мести выступает в качестве определенной превентивной меры, поскольку лицо, планирующее совершить некоторые виды правонарушений, и, в том числе, преступлений, понимает, что в отношении него или его близких могут наступить неблагоприятные последствия (вплоть до лишения жизни), вытекающие из этого обычая.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF A MURDER COMMITTED ON THE GROUNDS OF BLOOD VENGEANCE AND ITS DELINEATION FROM OTHER CORPUS DELICTI

Annotation. Murders committed on the basis of blood revenge are usually associated with the tradition of revenge of a certain nationality, nation, ethnicity in the event of an attack on a person or his loved ones. They are carefully planned, resonant in nature, and are characterized by a certain mechanism of their commission, which has developed over a long period of time. The article highlights and examines the current problems of the qualification of killing committed on the grounds of blood feud. The author draws attention to the problems of a correct legal assessment, taking into account the objective and subjective characteristics of this crime.

Keywords: crime qualification, qualification problems, murder qualification, crime motive, hate crime, blood feud.

Трудности, возникающие на практике при квалификации такого вида убийств, обусловлены неоднозначностью в уголовно-правовой оценке действий фигурантов дела и требуют правильного разграничения исследуемого вида преступного деяния от других.

Прежде чем перейти к рассмотрению проблем квалификации преступлений, предусмотренных п. «е. 1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, необходимо определить основания отграничения подобного деяния от убийств, совершенных по мотивам мести, не относящейся к кровной.

Так, кровная месть отличается от иных видов (личной мести) по следующим признакам:

1. Источником возникновения кровной мести служит обида, за причинение которой обидчик подвергается наказанию в соответствии с обычаями и традициями того или иного народа. В качестве обиды могут быть: похищение женщины, осквернение памяти родных, оскорбления, причинение вреда здоровью и т.д.

2. Кровной мести подвергается весь род, в то время как личная месть носит сугубо персонализированный характер и направлена на определенного человека. То есть, количество лиц, которые могут выступать в качестве потерпевших от убийств, совершенных по мотиву кровной мести, намного больше.

3. При убийстве из побуждений кровной мести важны конечная цель преступления и ее достижение. По мотиву личной мести главную роль играет сам мотив – отомстить.

4. Состав убийств, совершаемых по мотиву кровной и личной мести, значительно отличается. Как правило, убийство, совершаемое по мотиву личной мести, квалифицируется по ч. 1 ст. 105 УК РФ, в то время как аналогичное деяние лица под воздействием побуждения кровной мести относится к квалифицированному составу преступления.

На сегодняшний день достаточно сложно определить, было ли совершено убийство по мотиву кровной мести или – из личной неприязни, тем не менее, в обоих случаях месть исходит от личности, движимой идеей совершить ответное действие.

Н.И. Загородников полагает, что «убийство признается совершенным по мотивам кровной мести в тех случаях, когда виновный по собственному побуждению испытывал лично враждебные чувства к потерпевшему и в силу обычая кровной мести лишил его жизни». В подобных ситуациях, по мнению ученого, «мотив мести обусловлен чувством личной неприязни к потерпевшему и желанием расправиться с ним. Это, чаще всего, может быть тогда, когда потерпевший лично нанес обиду виновному и своими действиями создал повод для кровной мести». «Умышленное убийство», – отмечает автор далее, – «может быть признано совершенным по мотивам кровной мести и в том случае, когда виновный, не будучи лично обиженным, совершает убийство за брата, отца и т.д.» [2, с. 245].

М. Задворнов и А. Даубеков полагают, что мотив кровной мести не имеет самостоятельного назначения, поскольку по содержанию не отличим от личной мести. С данной точкой зрения согласиться сложно, поскольку кровная месть является сохранившейся до наших дней устоявшейся традицией, беспрекословной к выполнению после того, как было совершено правонарушение в отношении члена рода (тейпа, семьи), в то время, как личная месть может возникнуть даже и при отсутствии правонарушения со стороны потерпевшего, например, антипатия, карьеризм, измена и др.

Необходимо отметить, что сложившаяся практика относительно субъекта убийства, совершенного по мотиву кровной мести, представляется весьма дискуссионной.

В уголовно-правовой литературе получило широкое распространение мнение о том, что совершение убийства по мотиву кровной мести возможно лишь лицом, принадлежащим к той или иной народности, этнической группе, где подобные акты возмездия сохранились и пропагандируются.

В последнее время нередко встречаются случаи, когда меняют вероисповедание. Необходимо отметить, что обычай кровной мести воспроизводится не только на этнической, но и на религиозной основе, проникая в культуру и быт наций, для которых ранее он не был характерен.

Следует согласиться с точкой зрения Д.Б. Лаптева, Я.В. Танасейчук, согласно которой позиция о том, что данный состав уголовно наказуемого деяния будет иметь место только в случае установления принадлежности виновного к какой-либо социальной группе населения, которая признает кровную месть, представляет собой ограничительное толкование содержания п. «е. 1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку ставит на первое место относимость виновного к какому-либо этносу, а не исходит из характеристики мотива, как признака субъективной стороны [4, с. 44–47].

Н.Г. Борзенков отмечает, что для решения вопроса о наличии в действиях лица признаков преступления, предусмотренного п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ, решающее значение приобретает не установление принадлежности к той или иной национальности, а факт того, признает ли виновный обычай кровной мести и руководствуется ли он им при совершении убийства [1, с. 38–40].

Кроме того, необходимо учитывать, что ежедневно происходит иммиграция и ассимиляция населения, данные процессы не прошли мимо и нашего государства – России. Лица, относящиеся к той или иной народности, на протяжении долгих лет могут проживать на территории Российской Федерации, отказываясь при этом от соблюдения своих обычаев, традиций и даже языка. Соответственно, соблюдение принципа кровной мести в подобных случаях лицом также исключается.

Необходимо обратить внимание, что убийство по мотиву кровной мести, как правило, побуждает родственников второго потерпевшего к мести, а следовательно, приводит к убийству нескольких человек, в том числе одним и тем же «кровником» [6, с. 111–114].

В настоящее время в теории уголовного права нет единого мнения относительно целесообразности выделения признака субъективной стороны убийства – «мотива кровной мести», однако, учитывая повышенную степень общественной опасности рассматриваемого деяния, основания для его декриминализации в настоящее время отсутствуют по следующим причинам:

– круг потенциальных потерпевших от актов кровной мести значительно шире, нежели при простом убийстве. В данном случае преступление может быть направлено не только в отношении непосредственного причинителя вреда, но и членов его семьи и других родственников безотносительно к их отношению и причастности к содеянному;

– право совершения акта кровной мести остается не только за пострадавшим лицом, но и за его кровными родственниками, что значительно расширяет круг субъектов преступления;

– кровная месть не ограничена какими-либо сроками давности;

– совершение деяния по мотиву кровной мести может послужить своеобразной «цепной реакцией» и привести к затяжной вражде между родами и, как следствие, к большому количеству жертв.

– нарушаются положения ч. 1 ст. 117 Конституции России, согласно которым правосудие в нашей стране осуществляется только судами;

Следует согласиться с позицией М. Задворнова и А. Даубекова, согласно которой, сам по себе, обычай кровной мести, при безусловном наличии отрицательных сторон, несет в себе и позитивную социальную роль, поскольку выступает в качестве фактора превенции отдельных преступлений против личности и нередко выступает ингибитором при разрешении конфликтов, в том числе и насильственным путем [3, с. 24–28].

С учетом изложенного можно прийти к следующим выводам.

Убийство, совершаемое по мотиву кровной мести, представляет собой умышленное, общественно опасное деяние в виде причинения смерти за нанесение кровной обиды, которая обязательно карается смертью.

Литература:

1. Борзенков Г.Н. Уголовное право России в вопросах и ответах : учебное пособие / Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров, Н.Ф. Кузнецова, В.С. Комиссаров, И.М. Тяжкова М. : Проспект, 2015. С. 38–40.
2. Загородников Н.И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 245.
3. Задворнов М.В. Обычай кровной мести в ракурсе отечественного уголовного законодательства / М.В. Задворнов, А.А. Даурбеков // Уголовное право. 2010. № 4. С. 24–28.
4. Лаптева Д.Б. К вопросу о субъекте убийства по мотиву кровной мести. Западно-Сибирский Российского государственного университета правосудия / Д.Б. Лаптева, Я.В. Танасейчук. 2017. С. 44–47.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной прак-

Убийство, совершаемое по мотиву кровной мести, несет повышенный уровень социальной опасности, поскольку характеризуется не только количеством возможных жертв, но и количеством субъектов преступления. Указанные обстоятельства определяют вредоносность для общества таких видов преступлений, поскольку, в случае не достижения целей наказания может увеличиться социальная опасность со стороны осужденных.

Современное законодательство Российской Федерации признает мотив кровной мести квалифицирующим признаком преступления, предусматривает меру наказания с учетом всех обстоятельств – смягчающих и отягчающих, и обязывает правоприменителя выявлять все обстоятельства совершенного деяния, в том числе: истинные убеждения и побуждения субъекта рассматриваемого преступления (действовал он самостоятельно, осознавая мотив кровной мести и желая ее наступления, либо по решению главы той или иной национальной или этнической группы, в соответствии с обычаями и традициями и пр.).

Действующее уголовное законодательство весьма динамично и постоянно совершенствуется. В теории уголовного права исследуются новые проблемы, связанные с убийствами, совершаемыми по мотивам кровной мести.

Тем не менее, в настоящее время существует необходимость в дополнительных разъяснениях со стороны Пленума Верховного Суда России относительно особенностей квалификации убийств по мотиву кровной мести, направленных на устранение имеющихся проблем при рассмотрении уголовных дел по фактам совершения преступления, предусмотренного п. «е.1» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Literature:

1. Borsenkov G.N. Criminal Law of Russia in Questions and Answers : manual / G.N. Borsenkov, V.S. Commissarov, N.F. Kuznetsov, V.S. Commissars, I.M. Zhovkov. M. : Prospect, 2015. P. 38–40.
2. Country N.I. Crimes against life under Soviet criminal law. M., 1961. P. 245.
3. Dzvornov M.V. The custom of blood revenge from the perspective of domestic criminal legislation / M.V. Dzvornov, A.A. Daurbekov // Criminal law. 2010. № 4. P. 24–28.
4. Lapteva D.B. To the question of the subject of the murder on the motive of blood revenge. West Siberian Russian State University of Justice / D.B. Lapteva, Y.V. Tanaseychuk. 2017. P. 44–47.
5. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 27,

тике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» с изменениями и дополнениями от:6 февраля 2007 г., 3 апреля 2008 г., 3 декабря 2009 г., 3 марта 2015 г.

6. *Танасейчук Я.В.* Понятие кровной мести и история возникновения, трансформация и современное закрепление обычая кровной мести // Право: история, теория, практика: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2017 г.) СПб.: Свое издательство, 2017. С. 111–114.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018).

1999 № 1 «About judicial practice on cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)» with changes and additions from: On February 6, 2007, on April 3, 2008, on December 3, 2009, on March 3, 2015.

6. *Tanaseychuk J.V.* Concept of blood revenge and history of origin, transformation and modern consolidation of the custom of blood revenge//Law: history, theory, practice: materials V Internunar. науч. конф. (St. Petersburg, July 2017) SPb. : Its publishing house, 2017. P. 111–114.

7. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-ФЗ (ed. 03.10.2018) In force since 21.10.2018).

Мигачева Анна Юрьевна

кандидат юридический наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Кубанский государственный университет
a.migacheva@gmail.com

Мажник Дмитрий Алексеевич

Кубанский государственный университет
a.migacheva@gmail.com

Дубинец Диана Павловна

Кубанский государственный университет
a.migacheva@gmail.com

**К ПРОБЛЕМЕ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЛИЗИНГА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Аннотация. Лизинг – является одним из наиболее эффективных способов осуществления инвестиционной деятельности. Вместе с тем современное законодательство о лизинге, регулирующее оформление договорных отношений участников лизинговых отношений, не соответствует современным экономическим потребностям. В статье изучаются причины, побудившие к разработке Проекта внесения изменений в гражданское законодательство в части выделения договора финансового лизинга в самостоятельный вид. Авторами отмечаются как положительные, так и отрицательные стороны Проекта. Делается вывод о том, что целевое назначение договора лизинга, а также структура договорных связей позволяют говорить о его существенном отличие от договора аренды. В тоже время, исключение возможности приобретения имущества в лизинг без перехода права собственности на предмет лизинга не в полной мере отвечает интересам лизингополучателей в частности и рынка в целом.

Ключевые слова: лизинг, договор лизинга, аренда, финансовый лизинг, лизингодатель, лизингополучатель.

Реформа гражданского законодательства, продолжающаяся в настоящее время, затронула практически каждый институт гражданского права. В сфере регулирования отдельных видов обязательств она реализуется блоками. Уже вступили в действие изменения в разделы Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) [2] о договорах займа, финансирования под уступку денежного требования, банковского вклада, банковского счета и др. Вместе с тем, процесс преобразований нельзя назвать завершенным. В

Anna Ju. Migacheva

Candidate of Law,
Associate Professor,
Associate Professor
of Dept. of Civil Law
of Kuban State University
a.migacheva@gmail.com

Dmitrii A. Mazhnik

Kuban State University
a.migacheva@gmail.com

Diana P. Dubinets

Kuban State University
a.migacheva@gmail.com

**TO THE PROBLEM OF LEGAL
REGULATION OF LEASING IN RUSSIA**

Annotation. Leasing is one of the most effective ways to carry out investment activities. At the same time, the current legislation on leasing, regulating the execution of contractual relations between the participants of leasing relations, does not meet modern economic needs. The article examines the reasons that led to the development of the Draft amendments to the civil law in terms of the allocation of the financial lease agreement in an independent form. Both positive and negative aspects of the Project are noted. It is stated that the purpose of the lease agreement, as well as the structure of the contractual relations allow us to talk about its essential difference from the lease agreement. At the same time, the exclusion of the possibility of property acquisition on lease without transfer of ownership of the leased property is not in full measure meets the interests of lessees in particular and the market as a whole.

Keywords: leasing, leasing agreement, lease, financial leasing, lessor, lessee.

частности, заслуживает внимания вынесенный на общественное обсуждение законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования гражданско-правового регулирования лизинговой деятельности)» [6] (далее –Проект).

В числе проблемных аспектов регулирования лизинговой деятельности, побудивших к разработке законопроекта, называют обстоятельства

как правового, так и экономического порядка. Во-первых, формирование прозрачной и непротиворечивой нормативно-правовой базы позволит повысить привлекательность лизинга и снизить избыточные риски сторон лизинговых отношений. Во-вторых, в соответствии с направленностью текущей реформы гражданского законодательства, нормы ГК РФ о лизинге нуждаются в приведении в соответствие со сложившейся судебной и международной практикой.

Реформа лизинга, в целом, значима для экономики. Со времен, когда в 1877 г. американская компания «Bell», занимающаяся продажей телефонных аппаратов, впервые упомянула термин «лизинг», данный институт эволюционировал от предоставления имущества во временное владение и пользование с целью расширения объема продаж до инвестиционного соглашения о финансировании с целью приобретения имущества и внедрения его в производственную деятельность. История показывает, что пик активного развития законодательства о лизинге приходится на переломные в развитии экономик разных стран этапы. В США и Европе – это время бурного развития научно-технического прогресса. В России начала 90-х – появление частной собственности и возможности инвестировать в различные сферы экономики.

За годы, прошедшие с принятия части второй ГК РФ, институт лизинга не оставался статичным: расширились возможности использования лизингового имущества, изменились требования к участникам лизинговых отношений. Если особенностью начального этапа развития лизинга в России являлось его тесное взаимодействие с банковской сферой (первые российские лизинговые компании предполагали обязательное участие банков или других государственных структур), то в настоящее время число компаний, специализирующихся на лизинге, значительно возросло, а договор лизинга стал важным звеном в регулировании предпринимательской деятельности.

Вместе с тем, как показывает практика последних лет, уязвимым звеном в лизинговых отношениях оказались именно лизинговые компании. Сказанное демонстрирует ситуация с обанкротившейся авиакомпанией «Трансаэро», которой из 103 эксплуатируемых самолетов 99 были предоставлены в лизинг такими компаниями, как «Вэб-лизинг», «Сбербанк Лизинг», «ВТБ Лизинг», «Ильюшин Финанс Ко» и др. С одной стороны, именно лизинг позволил самой крупной авиакомпании длительное время успешно осуществлять свою деятельность. С другой – банкротство «Трансаэро» поставило лизинговые компании в затруднительное положение, связанное с возвратом своего имущества. Поэтому направленность реформы лизинга, кроме того, заключается в создании дополнительных гарантий для всех участников лизинговых правоотношений. Нормы о лизинге нуждаются в преобразовании с учетом новых реалий и выявленных недостатках в правовом регулировании.

В настоящее время нормы о договоре лизинга сосредоточены в отдельном параграфе главы 34

ГК РФ «Аренда». Согласно ГК РФ, под договором лизинга понимается такой договор, в соответствии с которым арендодатель обязуется приобрести в собственность указанное арендатором имущество у определенного им продавца и предоставить арендатору это имущество за плату во временное владение и пользование. Федеральный закон «О финансовой аренде (лизинге)» [7] определяет лизинг как совокупность экономических и правовых отношений, возникающих в связи с реализацией договора лизинга, в том числе, приобретением предмета лизинга.

Современное законодательство предусматривает две модели лизингового договора. Первая базируется на принципах арендных отношений и предусматривает возврат предмета лизинга лизингодателю после прекращения действия договора. Вторая предполагает, что с прекращением действия договора и выплатой всей лизинговых платежей предмет лизинга перейдет в собственность лизингополучателя. Такая форма лизинга получила наименование выкупного лизинга.

В разъяснениях Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» указано, что выкупным лизингом является такой договор лизинга, который содержит условия перехода права собственности на предмет лизинга от арендодателя к арендатору при условии внесения всех обязательных платежей предусмотренных договором финансовой аренды (лизинга) [8].

Модель выкупного лизинга отличается по своей сущности от договора аренды. В ней в концентрированном виде получает выражение инвестиционный интерес участников лизинговых отношений. Если в договоре аренды арендодатель передает во временное владение и пользование уже имеющееся у него имущество, то в договоре выкупного лизинга имущество приобретает специально для передачи в пользование с последующим приобретением права собственности на такое имущество. В этой связи, справедливо мнение, согласно которому «для лизингополучателя финансовая сторона лизинговой схемы имеет черты кредитования в целях приобретения долгосрочных активов» [9, с. 33]. Подобная трактовка лизинга характерна и для иностранных правовых порядков [11, р.1].

В Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 акцентируется внимание на том, что в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя – в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем, и при его содействии. При этом Пленум, по сути, рассматривает действия лизингодателя как финансирование, а не предоставление объекта во временное владение и пользование. Приобретение же лизингодателем права собственности на предмет лизинга служит для него обеспечением обязательств лизингополучателя по уплате уста-

новленных договором платежей, а также гарантией возврата вложенного [3].

В юридической литературе также уже некоторое время поднимается проблема отнесения лизинга к разновидности договора аренды.

Так, А.В. Егоров отмечает, что теория лизинга как нетипичной аренды представляет собой попытку поместить лизинг в рамки, не отвечающие его внутренней природе [4, с. 36–45]. В.А. Белов аналогично указывает, что лизинг по способу формирования лизинговых платежей ближе к кредитным правоотношениям [1].

Разработанный Минфином России проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования гражданско-правового регулирования лизинговой деятельности)» является итогом обобщения практического опыта и теоретических дискуссий. Проект предлагает исключить из главы 34 ГК РФ §6 «Финансовая аренда (лизинг)» и добавить главу 43.1 «Финансовый лизинг» в ГК РФ. Таким образом, в случае его принятия, договор лизинга будет выделен в самостоятельный договорный вид, отличный от аренды. В ст. 833.1 Проекта договор лизинга определяется как предоставление лизингодателем финансирования лизингополучателю путём оплаты по договору, заключенному с третьим лицом, стоимости предмета лизинга (лизингового имущества) в обмен на возврат такого финансирования с процентами за его пользования (лизинговыми платежами).

Фактически, договор лизинга приобретает черты услуги, направленной на приобретение за счёт денежных средств лизингодателя предмета лизинга с целью его последующего перехода в собственность лизингополучателя. Разработчики Проекта предлагают отказаться от модели лизингового договора, предполагающей возврат предмета лизинга лизингодателю после выплаты всех лизинговых платежей. Из смысла ст. 833.9 Проекта следует, что переход права собственности является обязательным условием договора лизинга, если договором не предусмотрен снос или утилизация имущества после исполнения всех обязательств перед лизингодателем. С одной стороны, такое решение позволит выделить квалифицирующий признак для разграничения договоров лизинга и аренды, поскольку последний всегда предполагает передачу имущества арендодателю после завершения действия договора и не направлен (по общему правилу) на предоставление имущества в собственность арендатора.

С другой стороны, действующая модель лизингового договора позволяет удовлетворить интерес лизингополучателя в имуществе без перехода права собственности на него. При этом имущественный интерес лизингодателя также удовлетворяется за счет получения платы на предоставление финансирования на приобретение предмета лизинга. Стандартной схемой получения «простого» лизинга является обраще-

ние в лизинговую компанию с дальнейшим авансом в виде процента от стоимости выбранного имущества, а также периодической выплатой оставшейся стоимости предмета договора и выплатой всех амортизационных платежей. Отказ от простой модели лизинга направлен на защиту интересов, прежде всего, лизингодателей, которым, безусловно, выгоднее не оставлять в своих активах уже использованное, изношенное и порой неликвидное имущество. Для лизингополучателя же возможность использования предмета лизинга в течение определенного времени без приобретения права собственности на него означает и возможность по непрерывному обновлению, модернизации и оптимизации производственной базы. Договор лизинга в большинстве случаев используют для аренды автомобилей, строительной техники, а также в сфере авиации. В информационный век технологии стремительно развиваются, и взятое сегодня в лизинг имущество, через пять лет оказывается устаревшим или приходит в негодность из-за неспособности конкурировать с новыми видами такого же имущества. Данное правило не относится, пожалуй, только к финансовой аренде жилья.

Исходя из вышесказанного, действующее законодательство является спасительным для перечисленных выше отраслей экономики. Поэтому решение Проекта в части отказа от просто лизинга, не предполагающего перехода права собственности на предмет лизинга, по-нашему мнению не только учитывает интересы лизингополучателя, но и, создавая, с одной стороны, гарантии для деятельности лизинговых компаний, с другой стороны, – ограничивает потенциальные объемы заключения лизинговых соглашений и области применения лизинга как способа оформления участия в инвестиционной деятельности.

Проект поднимает и другие проблемы. В частности, вызывает вопросы предложенная в п. 2 ст. 833 Проекта конструкция обеспечения права собственности. По мнению С. А. Громова, данная норма «устанавливает очень абстрактный (не наполненный пока никаким содержанием) принцип, порождает риск ее произвольного толкования, что несовместимо с требованием определенности права» [5]. Представляется, что такое правило, кроме того, может породить конструкцию временного права собственности, что не согласуется с принципами вещного права.

В Проекте не получили закрепления правила о допустимости или недопустимости лизинга земельных участков. Проект лишь максимально расширил возможности для описания в договоре предмета лизинга, путём указания на наиболее общие его признаки. Не затронуты в Проекте и вопросы о субъектном составе участников лизинговых отношений. По-прежнему не получил четкого разрешения вопрос о статусе физического лица – лизингополучателя, о последствиях уклонения лизингополучателя от приемки лизингового имущества, не конкретизирован режим предмета лизинга при банкротстве лизингодателя. По мнению В. Глазунова, прямое указание в

ГК РФ порядка и размера лизинговых платежей, порядка перехода права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю, критериев досрочного исполнения договора лизинга (в том числе понятие несущественной просрочки) позволило бы уменьшить количество спорных ситуаций [10].

Несмотря на отмеченные недостатки, в Проект включены и значимые для развития лизинговых отношений правила. В частности, в п. 4 ст. 833.1 получил закрепление возвратный лизинг, необходимость детальной законодательной регламентации которого давно уже обсуждалась в научных кругах и среди практиков. Своевременны и справедливы правила ст. 833.16 ГК РФ, которая прямо предусматривает, что если стои-

мость предмета лизинга, возвращаемого лизингодателю, а также все иные полученные им суммы превышают размер задолженности лизингополучателя, остаток денежных средств подлежит возврату последнему.

В заключении следует отметить, что реформа законодательства о лизинге в сложившихся современных экономических условиях необходима. В целом обособление договора лизинга от договора аренды представляется правильным, поскольку цель заключения договора лизинга значительно отличается от целей заключения договора аренды. Вместе с тем, предлагаемый на обсуждение Проект требует дальнейшей доработки с учётом эффективной защиты прав всех участников лизинговых отношений.

Литература:

1. Белов В.А. Договор аренды: научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

3. Об особенностях обеспечительной собственности в договоре лизинга см.: Громов С.А. Обеспечительная собственность: догматический очерк на примере лизинга // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 51–114; № 3. С. 66–123; № 4. С. 46–91.

4. Егоров А.В. Лизинг: аренда или финансирование? // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 36–45.

5. Лизингу будет посвящена отдельная глава Гражданского кодекса. URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/lizingu-budet-posvyashchena-otdelnaya-glava-grazhdanskogo-kodeksa/>

6. О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования гражданско-правового регулирования лизинговой деятельности): Проект. URL : <https://regulation.gov.ru/projects#npa=83902>

7. О финансовой аренде (лизинге): Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 44. Ст. 5394.

8. Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга: Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

9. *Философова Т.Г.* Лизинг : учебное пособие. М. : Юринити-Дана, 2015.

10. Экспресс-комментарий к проекту новой главы ГК РФ о финансовом лизинге . URL : https://zakon.ru/blog/2018/09/12/ekspress-kommentarij_k_proektu_novoj_glavy_gk_rf_o_finansovom_lizinge#comment_474326

Literature:

1. *Belov V.A.* Lease Agreement: scientific and educational essay. M. : Statute, 2018 // Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Civil code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 № 14-FZ // Collection of laws of the Russian Federation. 1996. № 5. P 410.

3. About features of security property in the leasing contract see: Gromov S.A. Security property: dogmatic essay on the example of leasing // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2019. № 2. P. 51–114. № 3. P. 66–123; № 4. P. 46–91.

4. *Egorov A.V.* Leasing: leasing or financing? // The Gazette of the VAS of the Russian Federation. 2012. № 3. P. 36–45.

5. A separate Chapter of the Civil code will be devoted to leasing. URL : <https://www.advgazeta.ru/novosti/lizingu-budet-posvyashchena-otdelnaya-glava-grazhdanskogo-kodeksa/>

6. About modification of part one, the second and the third of the Civil code of the Russian Federation (regarding improvement of civil regulation of leasing activity): Draft. URL : <https://regulation.gov.ru/projects#npa=83902>

7. About financial lease (leasing): the Federal law dated 29.10.1998 № 164-FZ // Collection of laws of the Russian Federation. 1998. № 44. P. 5394

8. On some issues related to the agreement of redemption leasing: the Resolution of Plenum YOU the Russian Federation from 14.03.2014 n 17 // the Bulletin YOU the Russian Federation. 2014. № 5.

9. *Filosofova T.G.* Leasing: a training manual. M. : Urinate-Dana, 2015.

10. Express comment to the draft new Chapter of the civil code on financial leasing. URL : https://zakon.ru/blog/2018/09/12/ekspress-kommentarij_k_proektu_novoj_glavy_gk_rf_o_finansovom_lizinge#comment_474326

11. *Fletcher M.* Leasing in Development Lessons from Emerging Economies. International Finance Corporation Washington, D.C / M. Fletcher, R. Freeman, M. Sultanov. 2005.

11. *Fletcher M.* Leasing in Development Lessons from Emerging Economies. International Finance Corporation Wash-ington, D.C. / M. Fletcher, R. Freeman, M. Sultanov. 2005.

Нимировский Виталий Валерьевич
старший оперуполномоченный
первого отдела ОРЧ (ЭБ и ПК)
№ 8 ГУ МВД России по Санкт-Петербургу
и Ленинградской области,
капитан полиции,
соискатель кафедры международного
и европейского права
Юридического факультета,
Казанский федеральный университет
sktmk1@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОВЕТА ЕВРОПЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Аннотация. В статье проанализированы основные юридические соглашения, ориентированные на сотрудничество государств-членов Совета Европы в противодействии торговле людьми. В ходе анализа акцентируется внимание на необходимость совершенствования международно-правовой основы противодействия и предупреждения торговле людьми. Сделан вывод, что именно нормы нормативных правовых актов определенного государства будут оказывать наиболее конкретное и действенное влияние на данную проблематику.

Ключевые слова: Международно-правовое сотрудничество, Совет Европы, торговля людьми, нормативно-правовые документы.

В последнее время актуальность проблемы противодействия торговле людьми обоснована проблемой межстрановой торговли людьми, которая наблюдается во всем мире. Следует обратить внимание на повышенную активность стран Европы и Евразии по противодействию торговле людьми как внутри государств (внутренняя торговля людьми), так и в трансграничной форме. Однако, несмотря на уже действующее международно-правовое сотрудничество государств в сфере предупреждения и противодействия торговле людьми, серьезность проблемы в современном мире требует необходимости совершенствования международно-правовых механизмов противодействия и предупреждения торговле людьми.

В рамках исследуемой проблемы Т.И. Соловей отмечает, что вопросы предупреждения и противодействия торговле людьми инициировались

Vitalii V. Nimirovskii
Operative officer of the Operations and Search division № 8 of the Russian MIA, Candidate of the Department of international and European law, faculty of law, Kazan Federal University. sktmk1@mail.ru.

INTERNATIONAL JUDICIAL COOPERATION MECHANISMS OF MEMBER-STATES OF COUNCIL OF EUROPE IN ACTIONS AGAINST HUMAN TRAFFICKING

Annotation. The article provides an insight into main judicial agreements directed to the member-states of Council of Europe in actions against human trafficking. During the course of analysis the necessity of improvement of actions against human trafficking occurs. We come to conclusion that norms of normative legal documents of concrete government have impact on mentioned issues.

Keywords: International judicial cooperation, Council of Europe, human trafficking, normative legal documents.

достаточно активно уже в XIX – начале XX века, но в условиях усиливающейся глобализации, кризисных процессов в мировой политической и экономической системе особо остро создаются условия для увеличения масштабов совершения преступлений [18, с. 33–36].

Заметное влияние на понимание проблемы международного сотрудничества в противодействии торговле людьми оказали работы таких ученых как: Бастрькин А.И., [5], Олимпиев А.Ю. [17], Меркушин В.В., [16] Мельникова Э.Б., [15] Мансуров Т.Т. [13]. С их позиций становится понятным, что международное сотрудничество регулируется нормами международного и внутригосударственного права, им представляется необходимым создание международного инструментария в виде определенных стратегических планов, способствующего более тесному международно-паровому сотрудничеству государств.

Подтверждением данной позиции являются взгляды Глобова И.Н, который обращает внимание на важность использования международно-правовых стандартов в вопросе противодействию преступности [8, с. 17–21].

На международном уровне принято достаточно много нормативно-правовых актов по рассматриваемой теме, однако, правовая база нуждается в совершенствовании с учетом современных реалий. Рассматривая торговлю людьми как целостное явление, необходимо четко и конструктивно проанализировать систему противодействия данному виду преступлений. Усилия мирового сообщества были направлены на формирование правовой базы борьбы с торговлей людьми, противодействию современным видам этой социальной аномалии. Исследование данной проблемы должно носить комплексный, междисциплинарный характер. Например, С.И. Винокуров предлагает «по-новому воспринимать и оценивать понятие «торговля людьми как комплексное криминологическое явление..., полное отражение которого одной уголовно-правовой нормой практически невозможно» [6, с. 49–53].

Исследователи Дзялошинский И.М., Тюрюканова Е.В. отметили, что «в мировом движении против торговли людьми можно выделить три действующих субъекта: государственные органы разных стран, неправительственные некоммерческие организации, международные организации» [9, с. 6]. Роль международных организаций Совета Европы, ОБСЕ в последовательном выполнении принятых документов в области противодействия торговле людьми рассмотрел Черный А.М. [19, с. 136].

Стоит отметить важную роль в эффективном международно-правовом сотрудничестве по предупреждению и противодействию торговле людьми международных организаций, в которых разрабатываются новые международно-правовые акты, нацеленные на углубление сотрудничества, в первую очередь, на принятие определенных механизмов на региональном уровне, в рамках Совета Европы.

Совет Европы является самостоятельной международной организацией с 1949 г., в составе которой насчитывается 47 государств. Совет Европы имеет постоянную штаб-квартиру в Страсбурге (Франция). 28 февраля 1996 года Российская Федерация стала полноправным участником Совета Европы. В структуру основных органов Совета Европы входят Комитет министров (КМСЕ), Парламентская ассамблея (ПАСЕ), Конгресс местных и региональных властей Совета Европы (КМРВСЕ, до мая 2007 года – КМРВЕ) и Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ).

Вместе с тем, необходимо отметить, что Совет Европы, в отличие от Евросоюза, не может издавать обязательные законы. В Уставе международной организации прописано, что «целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являю-

щихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу» [3].

Мизулина Е.Б в работе «Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект», анализируя проблему торговли людьми, пришла к выводу, что «поскольку такие международные обязательства, содержащиеся в международно-правовом акте, едины для всех государств-участников, то можно сказать, что в процессе реализации они выполняют роль, своего рода, международных стандартов применительно к той или иной сфере общественных отношений» [13, с. 167].

По мнению Лукач Н.М. [11, с. 81], Совет Европы обращается к проблеме торговли людьми непосредственно или опосредованно через ряд своих комитетов и программ. Одним из первых международных документов Совета Европы, который затронул вопрос, связанный с противодействием торговлей людьми, является Европейская конвенция о правах и основных свободах человека от 04 ноября 1950 года [1].

В соответствии со ст. 4 рассматриваемой Конвенции, устанавливается запрет на рабство и принудительный труд. А именно:

– никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии;

– никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду.

Европейская конвенция о правах и основных свободах человека от 4 ноября 1950 года ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ.

Основным документом, регламентирующим противодействие торговле людьми, в рамках Совета Европы является Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми от 16 мая 2005 года [2].

Целями настоящего документа являются:

– предупреждение торговли людьми и борьба с ней при обеспечении равенства между женщинами и мужчинами;

– защита основных прав человека жертв торговли людьми и разработка всеобъемлющей основы для защиты жертв и свидетелей и оказания им содействия при обеспечении равенства между женщинами и мужчинами, а также обеспечение эффективного расследования и привлечение к ответственности виновных;

– содействие международному сотрудничеству в области борьбы с торговлей людьми.

Важнейшим положением, содержащимся в Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми, является положение о международном сотрудничестве и взаимодействии с гражданским обществом, принятие мер по защите жертв.

Следующим нормативным правовым актом Совета Европы в сфере противодействия торговле людьми является Конвенция Совета Европы по борьбе с торговлей человеческими органами от 9 июля 2014 года.

В данном документе отмечается, что проблема торговли человеческими органами, носит очень острый и актуальный характер, ведь спрос на здоровые человеческие органы в мире очень высок. На сегодняшний день, ни одному высокоразвитому государству не удается достичь прозрачности в трансплантологии. Поэтому и стало необходимым принятие этого важного и главного в мире документа. Эта сфера деятельности приносит большую прибыль, при этом остается латентной. Крайне редко сотрудникам правоохранительных органов удается разоблачить преступников, занимающихся торговлей человеческими органами, и привлечь к уголовной ответственности. Такая преступная деятельность, зачастую осуществляется не в одиночку, а в составе организованной преступной группы, что носит еще более высокую общественную опасность для общества.

Конвенция Совета Европы по борьбе с торговлей человеческими органами учреждает мониторинговый орган – Комитет сторон, состоящий из государств-участников (ст. 23).

Россия приняла участие в разработке международного документа о запрете продажи человеческих органов. Существенным недостатком российского уголовного законодательства является отсутствие отдельной нормы, устанавливающей запрет на незаконный оборот человеческих органов или тканей.

Учитывая глобальный характер рассматриваемой проблемы, Совет Европы призывает к подписанию Конвенции и ее ратификацию. Однако, в настоящий момент Конвенция по борьбе с торговлей человеческими органами остается не вступившей в силу.

Использование незаконно изъятых органов, а также незаконный оборот человеческих органов в качестве преступлений отражение в УК РФ не нашли, что, по нашему мнению и мнению ряда российских ученых-юристов, является упущением. Стоит согласиться с позицией А.С. Якименко о необходимости включить в УК РФ норму, «...предусматривающую уголовную ответственность за незаконную куплю-продажу, а также совершения иных сделок в отношении органов, тканей или иных фрагментов тела человека, в целях трансплантации, проведения опытов, обрядов или в иных целях...» [20, с. 14].

Точка зрения Е.В. Герасимова [7, с. 103], М.М. Зейналова, В.М. Гаммаева [10, с. 122] совпадает с позицией А.С. Якименко.

Таким образом, Конвенция Совета Европы по борьбе с торговлей человеческими органами, на наш взгляд, является прорывом в области развития международно-правовых отношений по противодействию с незаконным оборотом чело-

веческих органов на международном и региональном уровнях, призывая криминализировать преступную деятельность в данной области, а также – принятие системы мер по защите прав потерпевших.

Проблема сексуальной эксплуатации детей очень тесно связана с торговлей людьми, зачастую, именно для сексуальной эксплуатации происходят данные преступные деяния. Следующим международным правовым актом в области противодействия торговле людьми является Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений, которая была заключена в г. Лансароте 25.10.2007.

В Главе VIII Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений определены порядок сбора и хранения данных. Далее, в Конвенции раскрываются особенности международного сотрудничества, механизм мониторинга, связь с другими международными документами, поправки к Конвенции, и заключительные положения. Данная Конвенция ратифицирована Федеральным законом РФ от 07.05.2013 № 76-ФЗ. Анализируя данный международно-правовой документ, Алихаджиева И.С. отмечает, что в нем не определено общее понятие «сексуальной эксплуатации» [1, с. 55–56].

Лебединец И.Н. в статье «Международно-правовые основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей женщинами и детьми» обращает внимание на положение Конвенции Совета Европы «О киберпреступности» 2003 г, обращает внимание на то, что в ней запрещено производство, распространение, потребление, хранение детской порнографии [9, с. 193].

Таким образом, проанализировав международно-правовой механизм противодействия торговле людьми в рамках Совета Европы, можно сделать вывод о том, что основными юридическими документами, где изложен механизм противодействия торговле людьми являются:

– Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми от 16 мая 2005 года;

– Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 года;

Конвенция Совета Европы по борьбе с торговлей человеческими органами от 9 июля 2014 года.

В вышеперечисленных Конвенциях Совета Европы особое внимание уделяется уголовно-правовым и уголовно-процессуальным аспектам, о необходимости приведения странами-участниками национального законодательства в соответствии с положениями, изложенными в данных международных документов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет прийти к выводу о серьезности проблемы в современном мире и акцентирует необходимость

совершенствования международно-правовой основы противодействия и предупреждения торговли людьми. Приведение внутреннего законодательства в области торговли людьми является наиболее действенной мерой по противодей-

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952).

2. Конвенция совета Европы о противодействии торговле людьми (CETS № 197) [рус., англ.] (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс». URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 03.06.2019).

3. Устав Совета Европы ETS N 001 (Лондон, 5 мая 1949 г.) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 02.06.2019).

4. *Алихаджиева И.С.* О понятии сексуальной эксплуатации в международном праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 10(83) октябрь. С. 55–56.

5. *Бастрыкин А.И.* Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. Л. : Ленингр. ун-т, 1986. 136 с.

6. *Винокуров С.И.* К вопросу о путях реформирования международного законодательства в сфере борьбы с торговлей людьми (основные тезисы) // Российский следователь. 2014. № 8. С. 49–53.

7. *Герасимова Е.В.* Принуждение к изъятию органов или тканей человека. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). № 4(125). 2007. С. 102–104.

8. *Глобов И.Н.* Международное право. М. : Дрофа 2006. 368 с.

9. *Дзялошинский И.М.* Торговля людьми: СМИ как ресурс общественного противодействия современному рабству / И.М. Дзялошинский, Е.В. Тюрюканова. М., 2008. 368 с.

10. *Зейналов М.М.* Уголовно-правовой анализ квалифицирующих признаков торговли людьми / М.М. Зейналов, В.М. Гаммаев // Современное право. 2011. № 4. С. 122.

11. *Лукач Н.М.* Международный опыт преодоления проблемы торговли людьми // Научный журнал «Век глобализации». 2016. № 4. С. 81–82.

12. *Лебединец И.Н.* Международно-правовые основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей женщинами и детьми // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11(72) ноябрь. С. 196–194.

ствию данной преступности в целом. Именно нормы нормативных правовых актов определенного государства будут оказывать наиболее конкретное и действенное влияние на данную проблематику.

Literature:

1. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Signed in Rome on 04.11.1950) (dated 13.05.2004) (together with Protocol [№ 1] (Signed in Paris on 20.03.1952).

2. The convention of the Council of Europe on counteraction to human trafficking (CETS № 197) [Russian, English] (It is concluded in Warsaw 16.05.2005 // Access from a legal-reference system ConsultantPlus. URL : <http://www.consultant.ru> (date of appeal 03.06.2019).

3. The charter of the Council of Europe of ETS N 001 (London, on May 5, 1949) // Access from a legal-reference system ConsultantPlus. URL : <http://www.consultant.ru> (date of the address 02.06.2019).

4. *Alihajieva I.S.* On the Concept of Sexual Exploitation in International Law // Topical Problems of Russian Law. 2017. № 10(83). October. P. 55–56.

5. *Bastrykin A.I.* Interaction of Soviet Criminal Procedure and International Law/A.I. Bastrykin. L. : Leningr. Un-t, 1986. 136 p.

6. *Vinokurov S.I.* On the Question of Ways to Reform International Legislation in the Field of Combating Trafficking in Persons (Main Theses) // Russian Investigator. 2014. № 8. P. 49–53.

7. *Gerasimov E.V.* Forcing the removal of human organs or tissues. Journal of the University named after O.E. Kutafin (MGSA). № 4(125). 2007. P. 102–104.

8. *Globov I.N.* International Law. M. : Drofa 2006. 368 с.

9. *Dzyaloshinsky I.M.* Human Trafficking: Mass Media as a Resource of Public Opposition to Modern Slavery / I.M. Dzyaloshinsky, E.V. Tyurukanova. M., 2008. 368 p.

10. *Zeynalov M.M.* Criminal Legal Analysis of Qualifying Signs of Trafficking in Persons / M.M. Zeynalov, V.M. Gammayev // Modern Law. 2011. № 4. P. 122.

11. *Lukach N.M.* International Experience of Overcoming the Problem of Human Trafficking // Scientific Journal «The Age of Globalization». № 4. 2016. P. 81–82.

12. *Lebedinets I.N.* International Legal Basis for Cooperation of States in Combating Trafficking in Women and Children // Topical Problems of Russian Law. 2016. № 11(72) Nov. P. 196–194.

13. *Мизулина Е.Б.* Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект : монография. М. : Юристъ, 2006. 596 с.
14. *Мансуров Т.Т.* Правовые основы международного сотрудничества в борьбе с преступлениями международного характера. М. : Современная экономика и право, 2003. 104 с.
15. *Мельникова Э.Б.* Международное сотрудничество в сфере уголовной юстиции: учебное пособие. М. : Проспект, 2003. 112 с.
16. *Меркушин В.В.* Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной организованной преступностью : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / В.В. Меркушин. Мн., 2005. 129 с.
17. *Олимпиев А.Ю.* Международное сотрудничество в противодействии торговле людьми. Москва: Изд-во Юнити-Дана, 2015. – 87с.
18. *Соловей Т.И.* Международное сотрудничество в борьбе с незаконным вывозом для сексуальной эксплуатации и растления несовершеннолетних.// Вопросы ювенальной юстиции. М. : Юрист, 2007. № 1. С. 31–36.
19. *Черный А.М.* Международно-правовые и национальные инструменты предупреждения торговли людьми // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 136–141.
20. *Якименко А.С.* Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным изъятием и (или) тканей человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2007. С. 24.
13. *Mizulina E.B.* Human Trafficking and Slavery in Russia: International Legal Aspect : monograph. M. : Lawyer, 2006. 596 p.
14. *Mansurov T.T.* Legal Basis of International Cooperation in Combating Crimes of International Character. M. : Modern Economy and Law, 2003. 104 p.
15. *Melnikov E.B.* International Cooperation in Criminal Justice: A Tutorial. M. : Prospect, 2003. 112 p.
16. *Merkushin V.V.* International cooperation in the fight against transnational organized crime : dis. ... yew. edging. jurisprudence: 12.00.10. Mn., 2005. 129 p.
17. *Olympiev A.Y.* International cooperation in combating human trafficking. M. : Unity-Dana, 2015. 87 p.
18. *Nightingale T.I.* International cooperation in combating illegal export for sexual exploitation and molestation of minors // Issues of juvenile justice. M. : Lawyer. 2007. № 1. P. 31–36.
19. *Black A.M.* International Legal and National Instruments for the Prevention of Trafficking in Persons // Journal of the Saratov State Law Academy 2016. № 5(112). P. 136–141.
20. *Yakimenko A.S.* Criminal liability for crimes related to illegal seizure and (or) human tissues : autoref. dis. ... cand. yurid. nauk. Rostov-on/D., 2007. P. 24.

Овсянникова Мария Александровна

студентка 5 курса
юридического факультета,
Юго-Западный
государственный университет
tuliyova@yandex.ru

Тарькин Владимир Константинович

доцент,
кафедра уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
tuliyova@yandex.ru

Тулиёва Виктория Витальевна

студентка 5 курса
юридического факультета,
Юго-Западный
государственный университет
tuliyova@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ
СОВЕРШЕНИЯ ПОБЕГОВ
ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ,
ОБВИНЯЕМЫМИ И ОСУЖДЕННЫМИ
ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И
СРЕДСТВАХ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ**

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье рассматривается такое приоритетное направление деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, как профилактика преступлений среди осужденных, в том числе, побегов. Анализируются современные исследования, а также правоприменительная практика касательно наиболее распространенных способов совершения побегов. А также говорится о применении технических средств как эффективного способа предупреждения побегов.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, побег, осужденный, предупреждение преступлений, места лишения свободы, инженерно-технические средства охраны и надзора, запретная зона.

■ ■ ■

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений, как осужденными, так и иными лицами.

Профилактика преступлений среди осужденных, в том числе, побегов из-под охраны – приоритетное направление деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Решение данной задачи включает в

Maria A. Ovsyannikova

Student of the 5th course
Law Department,
South-West State University
tuliyova@yandex.ru

Vladimir K. Tarykin

Assistant Professor,
Department of Criminal Law,
South-West State University
tuliyova@yandex.ru

Victoria V. Tulyova

Student of the 5th course
Law Department,
South-West State University
tuliyova@yandex.ru

**ON THE ISSUE OF METHODS
OF ESCAPE BY SUSPECTS, ACCUSED
AND CONVICTED PERSONS FROM
PLACES OF IMPRISONMENT
AND MEANS OF THEIR PREVENTION**

■ ■ ■

Annotation. This article considers such a priority activity of institutions and bodies of the criminal Executive system as the prevention of crimes among convicts, including escapes. Modern researches, and also law enforcement practice concerning the most widespread ways of Commission of escapes are analyzed. And also it is spoken about application of technical means as an effective way of the prevention of escapes.

Keywords: penitentiary system, correctional institutions, escape, convict, crime prevention, places of imprisonment, engineering and technical means of protection and supervision, forbidden zone.

■ ■ ■

себя комплекс мероприятий, проводимых службой охраны, совместно с оперативными, режимными и другими службами учреждений УИС. При этом обеспечить надежную охрану объектов УИС, изоляцию осужденных и лиц, содержащихся под стражей, опираясь только на личный состав учреждений, практически не представляется возможным. Успешное выполнение данных задач реально только при рациональном сочетании «человеческого фактора» с широким спектром современных и эффективных инженерно-

технических средств охраны и надзора (далее – ИТСОН).

Обозначенные в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р., основные направления реформирования УИС включают в себя создание системы противодействия пенитенциарной преступности с опорой на современные инженерно-технические средства обеспечения режимных требований и безопасности УИС во взаимосвязи с достижением такого состояния, когда все пенитенциарные учреждения России будут оборудованы интегрированными системами безопасности [1].

Согласно статистическим данным ФСИН России [6], за период с 2009 по 2018 годы численность осужденных уменьшилась от 724088 до 461006, т.е. на 263082 человека (36,33 %).

При этом количество совершенных преступлений увеличилось с 894 до 913 (на 19 преступлений или на 2,16 %), а уровень на 1000 человек вырос от 1,23 до 1,98 (на 37,88 %).

Число предотвращенных преступлений сократилось с 74614 до 278 или в 268 раз.

Число побегов сократилось от 329 до 103 (в 3,19 раза) при снижении уровня на 1000 человек от 0,45 до 0,22 (в 2 раза) [5, с. 85].

На сегодняшний день опасность побега состоит не только в уклонении преступника от отбывания наказания, а, самым главным образом, в тех последствиях, которые могут наступить в процессе его совершения. Бежавшие преступники с целью приобретения одежды, денег, завладения транспортными средствами, документами, удостоверяющими личность, и т.п., вынуждены сразу же совершать преступления. Чем больше времени преступник, совершивший побег, находится на свободе, тем опаснее он становится для общества, являясь криминальной угрозой в смысле как причинения материального вреда гражданам, так и физического. Исходя из этого, у граждан складывается мнение, что система учреждений для содержания преступников совершенно не способна обеспечить их надежную изоляцию от общества.

Анализируя современные исследования, а также правоприменительную практику хотелось бы рассмотреть наиболее распространенные способы совершения побегов.

В первую очередь, рассмотрим побег, которые совершаются путем преодоления ограждений запретных зон. Они могут осуществляться сверху ограждения, путем пролома полотна ограждения, под ограждением и над ограждением. Данный способ совершения побегов является самым распространенным. Практика показывает, что 3/4 от общего числа допущенных побегов из под охраны, совершены именно таким путём. При этом в ряде случаев технические средства охраны сигнал тревоги не выдают, а плотность и

фактическое состояние инженерных средств охраны не обеспечивают задержания нарушителя в пределах запретной зоны до прибытия резервных групп караула и дежурной смены.

Для подготовки данного побега осужденные, в первую очередь, тщательно изучают системы охраны, состояние ИТСОН, порядок несения службы часовыми и дежурными сменами. Далее, осужденными выбираются благоприятные место и время суток, (ночь, слабая освещенность участков периметра и т.п.), погодные условия (туман, метель, снегопад и др.). На третьем этапе подготовки они используют заранее приготовленные приспособления и инструменты [4, с. 3].

В течение последних 10-ти лет на объектах уголовно-исполнительной системы внедряются новейшие периметровые инженерно-технические средства охраны (далее – ИТСО). Осужденные приспособились за это время преодолевать запретные зоны, оборудованные ИТСО. Они выводят из строя системы обнаружения путем изучения устройств линейной части технических средств, изолируя контактные части электромеханических датчиков, отключая токонесущие провода.

Исходя из содержания данной проблемы, появляется необходимость в принципиальном изменении отношения к оборудованию запретных зон учреждений, что помогло бы создать необходимые условия для гарантированного задержания лиц, совершающих покушения на побег.

В целях более раннего предупреждения покушений на побег было бы целесообразным оборудовать проемы окон и дверей режимных корпусов (общезитий) датчиками обнаружения и блокировки. Такими средствами необходимо оборудовать и ограждения изолированных (локальных) участков [1].

На сегодняшний день, осужденные изучают и другие возможности для осуществления своих замыслов. Так, они применяют различные ухищрения, чтобы выйти с объектов через контрольно-пропускные пункты (далее – КПП).

Побег через КПП является менее распространенным, но более опасным. Данный способ побега характеризуется длительным этапом подготовки. Осужденными тщательно изучаются особенности организации и осуществления пропускного режима, наличие и состояние технических средств охраны, а также, проводится анализ качества несения службы часовыми КПП. Стоит отметить, что рассматриваемый способ побега совершается, как правило, в одиночку [4, с. 10].

Контрольно-пропускной пункт является одним из потенциально опасных направлений в побеговом отношении.

КПП по пропуску людей (далее – КПП-Л) остаются уязвимыми в плане совершения побегов путем подмены. Несмотря на редкость использования данного способа побега, надежность обнаружения подмены достаточно мала (менее

50 %). Кроме того, КПП-Л является одним из каналов поступления в учреждения запрещенных предметов [1].

Исходя из вышеизложенного, в целях повышения эффективности обнаружения запрещенных предметов, осужденных, совершающих побеги, а также нарушителей, которые пытаются проникнуть на территорию учреждения под видом сотрудника (работника), необходимо оборудовать КПП-Л современными техническими системами идентификации личности. Они позволяют опознавать людей по различным параметрам, начиная от результатов биометрии, дактилоскопии, заканчивая сетчаткой глаз. Таким средством на сегодняшний день принято считать биометрическую идентификацию осужденного. Данная система представляет собой автоматизированный способ распознавания личности, проверяя ее уникальные параметры. Например, такие как, отпечатки пальцев, сетчатка глаза, рисунок вен руки, геометрия лица и др.

Биометрические идентификаторы обеспечивают очень высокие показатели. Вероятность ошибки очень мала – 0,1 %. Но это не исключает вероятности принятия ошибочного решения, поэтому необходимо совмещать несколько типов идентификации: двух или трех с учетом категории осужденных, привлечения к труду, организации производственного процесса.

Биометрическая идентификация успешно применяется в различных зарубежных странах. Так, например, в США каждый осужденный зарегистрирован в системе идентификации, которая включает в себя анкетные данные, кодированное цифровое изображение руки, сетчатки глаза и сканированный отпечаток пальцев [3, с. 171].

Третьим хотелось бы рассмотреть побег из-под охраны караулов по конвоированию. Данный способ выбирается осужденными при их конвоировании к месту работы и обратно, при этапировании из одной колонии в другую. Как правило, осужденные заранее изучают постоянный маршрут движения колонны, а также тщательно изучают качество несения службы часовыми, их бдительность, договариваются с другими осужденными, которые своим поведением при передвижении в определенном месте будут отвлекать внимание часовых. Каких-либо глобальных действий по подготовке ими не проводится. Они начинают пользоваться внезапно возникшими обстоятельствами, преградами, особенностями местности [4, с. 13].

На сегодняшний день существует проблема качества приема-передачи спецконтингента в условиях ограниченного времени стоянок поездов на обменных пунктах. В этой связи, необходимо продолжить внедрение систем видеоконтроля за проведением приема (передачи) спецконтингента караулами по конвоированию на обменных пунктах (железнодорожных станциях), а также следовало бы внедрить в практику приема (передачи) осужденных электронные карты, которые содержали бы информацию по их личности. Также, целесообразно обеспечить

караулы по конвоированию устройствами для считывания указанной информации, идентификации личности осужденных в целях исключения подмены.

Касательно внедрения технических средств, которыми целесообразно было бы оснастить караулы по конвоированию, то к ним следует отнести: телефоны спутниковой связи, навигаторы для дистанционного контроля, средства типа «Электрошокер», сигнально-контрольные устройства, мобильные локаторы обнаружения полупроводниковых приборов (средств мобильной связи), современные металлодетекторы для проведения личного обыска осужденных в специальных вагонах.

Анализ ухищрений, используемых спецконтингентом для совершения побегов, позволяет говорить о негативных факторах, которые способствуют реализации преступных замыслов. Среди общих факторов следует назвать негативную кадровую ситуацию, сложившуюся в последние годы, рост некомплекта аттестованных сотрудников исправительных учреждений и следственных изоляторов, неумение сотрудников осуществлять комплекс первоочередных мер, направленных на фиксацию следов преступления, и сбора доказательств, позволяющих привлечь правонарушителя к уголовной ответственности. Другая насущная проблема, которая способствует совершению побегов, а точнее его подготовке – это нелегальное использование подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными средств мобильной связи.

Решение этих проблем требует дальнейшей теоретической проработки методики расследования побегов из мест лишения свободы, совершенствования организационных и правовых основ функционирования различных отделов и служб исправительных учреждений и следственных изоляторов, позволяющих обеспечить результативную противопобеговую деятельность.

Побег осужденного считается предотвращенным, если своевременно выявлено приготовление к нему [2, с.123]. Говоря о применении технических средств как эффективного способа предупреждения побегов, следует отметить, что положительные результаты могут быть достигнуты только благодаря их комплексному применению. На сегодняшний день внедрение новейших технических систем безопасности позволило бы осуществить переход на прогрессивные способы охраны, изменить тактику действий в плане пресечения побегов, а также обеспечить безопасность объектов. Эксплуатируемые на охраняемых объектах ФСИН России основные системы безопасности должны приходить на смену морально и физически устаревшим системам технических средств охраны, при этом современные технологии должны постоянно наращивать темпы роста, что приведет к появлению новых технических средств, а также модернизации систем безопасности. Внедрение биометрических технологий, позволяющих проводить идентификацию людей по физическим или поведенческим чертам, а также система охранного

телевидения помогут повысить также эффективность службы сотрудников уголовно-испол-

нительной системы в части обеспечения режимных требований.

Литература:

1. О концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряж. Правительства: (принято 14 окт. 2010 г. № 1772: по состоянию на 24 ноя. 2019 г.) Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

2. *Байбарин А.А.* Организация охраны и конвоирования в уголовно-исполнительной системе: учеб. пособие / А.А. Байбарин, В.К. Тарыкин; Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2018. 216 с.

3. *Бочкарев В.В.* Совершенствование использования в исправительных учреждениях инженерно-технических средств // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4(65). С. 168–175.

4. *Пискунов А.В.* Ухищрения, применяемые подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, для совершения побегов из-под охраны и меры по их профилактике : учебно-методическое пособие. М. : Управление охраны ФСИН России, 2006 г. С. 4–21.

5. *Тарыкин В.К.* Динамика изменения преступности в местах лишения свободы: проблемы профилактики / В.К. Тарыкин, И.А. Шуклин // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 85.

6. Федеральная служба исполнения наказаний: [сайт]. URL : <http://фсин.рф/>

Literature:

1. On the concept of development of the criminal Executive system of the Russian Federation until 2020: <url>. Governments: (adopted 14 Oct. 2010 № 1772: as of 24 Nov. 2019). Access from the Internet.- legal system ConsultantPlus.

2. *Baibarin A.A.* Organization of protection and escort in the penal system: studies. manual / A.A. Baiburin, V.K. Tarykin; the South-West. state University-Kursk, 2018. 216 p.

3. *Bochkarev V.V.* Improving the use of engineering and technical means in correctional institutions. Actual problems of Russian law. 2016. № 4(65). P. 168–175.

4. *Piskunov A.V.* Tricks used by suspects, accused and convicted persons to make escapes from protection and measures for their prevention: educational and methodical manual. Moscow: Department of protection of the Federal penitentiary service of Russia, 2006, P. 4–21.

5. *Taryki V.K.* Dynamics of changes in crime in prison: the problem of prevention // proceedings of southwest state University. Series: History and law. 2019. T. 9. № 3. P. 85.

6. Federal service of execution of punishments: [website]. URL : <http://фсин.рф/>

Олиндер Нина Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой конституционного
и административного права,
доцент кафедры уголовного права
и процесса, институт права,
Тольяттинский
государственный университет
olindernv@yandex.ru

Nina V. Olinder

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department «Constitutional
and Administrative Law»,
Associate Professor of the Department
«Criminal Law and Procedure»,
Institute of law,
Togliatti State University,
olindernv@yandex.ru

**Версионный анализ
преступлений, совершенных
с использованием
платежных систем**

**VERSIONED ANALYSIS
OF CRIMES COMMITTED USING
PAYMENT SYSTEMS**

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы проведения версионного анализа, в том числе, при расследовании преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем. Дана характеристика построения и проверки версий, выделены связи между версиями и их следствиями. Предпринята попытка рассмотреть этапы версионного анализа для преступлений, совершенных с использованием электронных платежных систем. Проведена связь между версионным анализом и разработкой криминалистической характеристики преступлений. Сделан вывод о том, что в основе версионного анализа лежит следовая картина преступления, которая складывается исходя из содержания элементов криминалистической характеристики преступлений.

Ключевые слова: версионный анализ, криминалистическая характеристика, расследование преступлений, совершенных с использованием платежных систем, версия, следствие, проверка версий.

Версионный анализ представляет собой анализ исходной информации о преступлении, разработку и построение версий, а также их проверку. Прежде всего, версионный анализ основан на изучении следовых картин. В научной литературе принято выделять следующую формулу такого анализа: «если... то, вероятно...». Данная формула основана на условно-вероятностных суждениях.

Исходя из этого, можно отметить, что деятельность следователя/ дознавателя делится на два типа: мыслительный и практический. Мыслительная деятельность проходит в сознании субъекта: анализ следственной ситуации (следовой картины), построение версии путем сопоставления имеющейся информации с типовыми следственными ситуациями, предположения, т.е., именно версионная форма. Сюда будут относиться восприятие и переработка информации

Annotation. The article deals with the issues of versioning analysis, including the investigation of crimes committed using electronic payment systems. The characteristic of construction and verification of versions is given, connections between versions and their consequences are allocated. An attempt is made to consider the stages of versioning analysis for crimes committed using electronic payment systems. The connection between the versioned analysis and the development of forensic characteristics of crimes is made. It is concluded that the basis of the versioned analysis is the trace picture of the crime, which is formed on the basis of the content of the elements of the criminalistic characteristics of crimes.

Keywords: version analysis, forensic characteristics, investigation of crimes committed using payment systems, version, investigation, verification of versions.

в конкретных следственных ситуациях. Практическая деятельность – это проверка версий, т.е., конкретные мероприятия, следственные действия, обнаружение, фиксация следов и т.п.

В теории версионного анализа можно выделить, как минимум, четыре этапа деятельности (используя формулу, указанную вначале).

Первый – получение первоначальной информации, ее оценка на достоверность – если ... – информация достоверна).

Второй – построение версии – вероятно, преступниками могут быть такие-то лица, они действовали, возможно, так-то, скорее всего, таким-то способом, значит, остались такие-то следы.

Третий этап – уточнение версии – если это так, то необходимо установить то-то и то-то, т.е., составить план.

Четвертый этап – проверка версии – подготовка запланированных мероприятий, в т.ч., следственных действий, подбор технических средств, проведение следственных действий.

Далее построение новых версий проходит по тому же алгоритму.

Необходимо отметить, что построение и проверка версий возможна только при наличии необходимых знаний у субъекта расследования относительно предмета доказывания по расследуемому событию, т.е., об элементах криминалистической характеристики преступлений. Здесь прослеживается взаимосвязь: с одной стороны – элементы криминалистической характеристики необходимы для построения версий (особенно значимы взаимосвязи между ее элементами), с другой – содержанием криминалистической характеристики должны быть данные, необходимые для формирования типовых версий [1, с. 128].

Типовые версии, в свою очередь, являются системой обстоятельств, подлежащих доказыванию. То есть, мы можем криминалистическую характеристику полностью представить через версионный анализ. С другой стороны, именно версия является средством собирания доказательств – ведь посредством их (версий) проверки происходит сбор информации и следов, и преобразование их в доказательства. Как без версий невозможно планомерное собирание фактических данных о преступлении, так без последних невозможно обоснованное построение и исчерпывающая проверка версий [2, с. 97–103].

С учетом сказанного следует согласиться с мнением А.Ф. Лубина о том, что: «перечень задач версионного анализа информации не остается неизменным применительно к каждой стадии расследования. Один тип задач доминирует на одной стадии, другой – на последующих» [1, с. 42]. Он выделял четыре типа задач:

- анализ-выявление информации;
- анализ-интеграция (слияние) исходной информации;
- анализ-обоснование альтернатив; анализ-оценка результатов.

Исходя из изложенного, можно провести версионный анализ типовой следственной ситуации преступлений, совершенного с использованием платежных систем. В основу версионного анализа возьмем криминалистическую характеристику рассматриваемых преступлений [3, с. 15–17]. Среди них можно выделить: списаны преступным способом деньги с электронного кошелька легального пользователя, и взятка передана через платежные системы.

В данном случае будет следующая следовая картина: легальный пользователь обнаружил пропажу электронных средств со своего кошелька, и заявляет об этом. Следователь должен предположить:

– первое – электронные средства действительно списаны (подтверждается через запрос в платежную систему);

– второе – списаны незаконно: здесь возможно два способа транзакция проходила не через счет самого клиента, с зафиксированного за ним IP- адреса, т.е. путем использования уязвимости системы; либо путем введения правильных данных логина и пароля, но с компьютера не самого клиента (здесь необходимо подтверждение факта, что не сам пользователь выполнил эту транзакцию).

Каждое предположение (если...) следователь проверяет, назначая следственные действия или оперативно-розыскные мероприятия. В данном случае кроме запроса в платежную систему необходимо сделать запрос о фиксации IP-адресов, провести допросы потерпевшего, допросы работников службы безопасности платежной системы, запросить соединения между абонентами, запросить IP-адрес злоумышленника и попытаться установить его фактическое местонахождение.

Какие четыре типа задачи необходимо решить следователю?

Первая – анализ-выявление информации о преступлении. Здесь будет систематизация информации из вещественных и документальных источников. Необходимо получить информацию как минимум о наличии/отсутствии уязвимости платежной системы, частоты пользования электронным кошельком потерпевшим, суммой электронных платежных средств и прочее. Информацию необходимо проверить на факт относимости (к событию), на факт допустимости (как источника доказательства), на факт наличия пробелов и противоречий.

Вторая задача – анализ-интеграция информации. такая интеграция проводится с данными о криминалистической характеристики преступления, проводится анализ следствий, вытекающих из версий.

Третья – анализ-обоснование альтернатив – провести выбор мероприятий, сделать необходимые запросы.

Четвертая (завершающая задача) – анализ – оценка результатов. На этом этапе необходимо провести корректировку версий и плана расследования.

Качественно проведенный криминалистический версионный анализ является основой для построения правильных, полных версий. На практике часто допускаются ошибки в полном и планомерном анализе информации. Чаще всего, ссылаются на внешние, объективные факторы: дефицит времени, отсутствие должного количества исполнителей, вал преступности, несовершенство показателей служебной деятельности, недостатки криминалистической и специальной техники и т.д.

В то время как отсутствие качественного анализа информации приводит к следующей цепочке закономерностей:

– нет следов – нечего анализировать;

– нет анализа – нет версий;

– нет версий – нет плана их проверки; нет плана – нет мероприятий и их комплексов (операций), то есть, реальной деятельности в рамках расследования преступлений [4].

Таким образом, можно рекомендовать провести научный анализ и разработку типичных ошибок версионного анализа.

Формирование версий является контролируемым процессом и должно основываться на знаниях элементов криминалистической характеристики. Необходимо помнить, что версия никогда не бывает только мыслительным продуктом, выше было сказано, что это и мыслительная и практическая деятельность лица, ведущего расследование. При построении версий необходимо проанализировать все возможные из нее следствия. Рекомендовано составлять так называемое «дерево следствий». На практике чаще всего проверяются ближайшие ветви. Для облегчения работы по их проверке можно прибегнуть к визуальным формам изложения: графическим, мультимедийным, письменным. Такая визуализация может быть рассмотрена как процесс перехода от мыслительных процессов к практической деятельности. В данном случае версионная модель прорабатывается графически. Проработка версий может быть парная или сквозная. В практике это называется «прокачка версий». Парная проработка – отрабатываются парные связи: субъект-способ. В этом случае первый элемент версии это посыл, второй следствие посыл, в некоторых случаях прослеживают обратную связь, т.е. изменяют роли на противоположные: то что было посылом становится следствием и наоборот. Вторая проработка: сквозная – от общего к частному либо наоборот: ситуация – следы – способ – субъект. Сквозной анализ исходит из элемента версии (посыл) и выводит следствия,

Литература:

1. Лубин А.Ф. Механизм преступной деятельности. Методология криминалистического исследования. Н. Новгород, 1997. С. 128
2. Зинатуллин З.З. Следственные версии в уголовно-процессуальном доказывании // Российск. юрид. журн. 1993. № 2. С. 97–103.
3. Дикова Н.В. Криминалистическая характеристика и криминалистическая классификация преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем : монография. Оренбург : ОГИМ. 2010. 124 с.
4. Гармаев Ю.П. Методика расследования преступлений: правоприменительная практика и комментарии законодательства // Консультант-

которые могут также стать посылом для другого элемента версии.

При разработке версий необходимо помнить о том, что чем больше сведений, тем надежнее проверка версии, и тем быстрее появляется «доминирующая версия». При построении и отработке версий может понадобиться консультация со специалистами [5, с. 29–33]. При расследовании преступлений, совершенных с использованием платежных систем – это одна из главных рекомендаций. Особенности совершения таких преступлений связаны с технической стороной, и следователю может не хватать знаний в этой сфере для проработки всех вариантов Консультации могут быть относительно способа совершения, путей вывода электронной наличности, личности преступника и т.д. Однако следователю необходимо помнить о тайне следствия, и избегать утечки информации.

Еще в конце 90-х годов прошлого века ученые-криминалисты начали говорить о разработке и использовании программных комплексов по построению и отработке версий – компьютерных экспертных систем. Работа с такими системами и программами заключается в том, что задаются параметры «своей» исходной ситуации (следовая картина по конкретному преступлению), а программа исходя из выбранных данных предлагает наиболее вероятные версии с типичными для них следствиями. В основу таких программ всегда заложены разработанные базовые и видовые методики расследования преступлений, т.е., в программа это технический продукт, и наполнить его можно только теми данными, которые ревалентны и достоверны, а значит, не просто разработаны на уровне теории, но и опробированы на практике, т.е., можно говорить о некой алгоритмизации расследования.

Таким образом, версионный анализ преступлений может быть признан частью криминалистической методики. Он должен опираться на следовую картину и элементы криминалистической характеристики. Версии как общие, так и частные должны проверяться. Версия всегда сопровождается следствием.

Literature:

1. Lubin A.F. Mechanism of criminal activity. The methodology of forensic investigation. N. Novgorod, 1997. P. 128
2. Zinatullin Z.Z. Investigative versions in criminal procedural proof // Russian. the faculty of law. journal. 1993. № 2. P. 97–103.
3. Dikova N.V. Criminalistic characteristics and criminalistic classification of crimes committed with the use of electronic means of payment and systems : monograph. Orenburg : OGIE. 2010. 124 p.
4. Garmaev Yu.P. Methodology of investigation of crimes: law enforcement practice and comments of legislation // ConsultantPlus: reference legal sys-

Plus : справочные правовые системы: Комментарии законодательства. URL : <http://www.consultant.ru>

5. *Эксахорпуло А.А.* Предмет и пределы криминалистики // Роль и значение деятельности Р.С. Белкина в становлении современной криминалистики. Материалы Международной научной конференции (к 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина). М., 2002. С. 29–33.

terms: Comments of legislation. URL : <http://www.consultant.ru>

5. *Exarchopulo A.A.* Subject and limits of criminalistics // Role and significance of R. S. Belkin's activity in the formation of modern criminalistics. Proceedings of the International scientific conference (to the 80th anniversary of the birth of R.S. Belkin). M., 2002. P. 29–33.

Прохорова Марина Леонидовна

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

Прохоров Леонид Александрович

Заслуженный работник
высшей школы РФ,
Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Кубанский государственный университет
Milena.555@mail.ru

**ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ
В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ:
ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО
«СТАТУСА»**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассмотрен процесс эволюции в современном уголовном законодательстве понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Авторы выделяют в его рамках два этапа: первый – придание занятию соответствующего положения статуса квалифицирующего признака (ст. 210 УК РФ), второй – самостоятельного преступления (ст. 210.1 УК РФ). Высказывая критическую оценку подобным решениям законодателя, авторы приводят аргументы такого к ним отношения, а также, полагают, что третьим этапом названного ранее процесса должно стать исключение соответствующего понятия из текста уголовного закона.

Ключевые слова: криминализация; квалифицирующий признак; общественно опасное деяние; статус лица; лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

■ ■ ■

Появление в законе понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», являя собой непосредственное воплощение в УК РФ *теории опасного состояния личности*, от чего законодатель отказался при создании действующего кодекса, не включив в него даже понятия особо опасного рецидивиста. Поистине, как писал великий поэт, «и устарела старина, и старым бредит новизна».

Внедрение в уголовный закон названного понятия прошло в два этапа. Первоначально Феде-

Marina L. Prokhorova

Doctor of Law,
Professor,
профессор кафедры
уголовного права и криминологии,
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

Leonid A. Prokhorov

Honored worker
the Higher school of the Russian Federation,
Honored lawyer of the Russian Federation,
Doctor of Law,
Professor,
Professor of Department
Criminal Law and Criminology
Kuban State University
Milena.555@mail.ru

**THE HIGHEST POSITION
IN THE CRIMINAL HIERARCHY:
EVOLUTION OF CRIMINAL LAW
«STATUS»**

■ ■ ■

Annotation. The article discusses the evolution process in modern criminal law of the concept of a person occupying the highest position in the criminal hierarchy. The authors distinguish two stages within its framework: the first – giving occupation of the relevant provision the status of a qualifying attribute (Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation), the second – an independent crime (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Expressing a critical assessment of such decisions of the legislator, the authors give arguments for such an attitude towards them, and also believe that the third stage of the process mentioned above should be the exclusion of the corresponding concept from the text of the criminal law.

Keywords: criminalization; qualifying attribute; socially dangerous act; person status; the highest person in the criminal hierarchy.

■ ■ ■

ральным законом от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ в ст. 210 УК РФ был включен особо квалифицирующий признак совершения ряда указанных в ней деяний (предусмотренных согласно соответствующей редакции ч. 1 данной статьи) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Разумеется, его появление вызвало бурную доктринальную и правоприменительную реакцию, поскольку возникли вопросы содержательного наполнения указанного понятия. В специальной литературе сформировались две позиции: 1) оправдывающая/ поддер-

живающая законодателя и 2) выражающая негативную оценку подобного подхода. Представители первой полагали, что «криминализация деятельности «воров в законе» будет иметь существенное значение для активизации борьбы с организованной преступностью, играть значимую превентивную роль [1, с. 83; 2, с. 51; 3, с. 48]. Авторы начали разрабатывать *критерии отношения лица к высшему эшелону преступной иерархии*, отмечая, что, коль скоро, это оценочное понятие, необходимо определиться с его содержанием. В научных статьях уголовно-правового толка, воплощая изыски художественного жанра, начали фигурировать термины «вор в законе», «положенец», «смотрящий», «коронация», «общак» и пр. Стали они звучать и в судебных решениях [4]. Представители уголовно-правовой науки абсолютно серьезно начали вести дискуссию о том, следует ли в качестве специального субъекта рассматривать исключительно «воров в законе», или же в качестве такого могут выступать уже упомянутые ранее «смотрящие» и «положенцы» [5, с. 52–53; 6, с. 13].

У представителей второй позиции, к которым относятся и авторы статьи, возникли вопросы, а как вообще трактовать указанные понятия в рамках правового поля и допустимо ли такое вообще [7, с. 95–98], к кому обращаться за *экспертными оценками*, у кого выяснять, «положенец» виновный или «смотрящий», проходил ли он обряд «коронации», и пр. Логика подсказывает, что следует апеллировать к специалистам в данной сфере, то есть к представителям преступного мира. Каким образом доказывать соответствующие факты? Документами (испрашивая их у представителей криминального сообщества), свидетельскими показаниями? Как? На наш взгляд, складывается совершенно абсурдная ситуация. Некоторыми авторами речь ведется уже о нормативном закреплении всех ранее приведенных понятий [8, с. 85]. Таким образом, в уголовный закон «протаскиваются» такие термины, как «общак», «вор в законе» и пр. Другими словами, предлагается нормативно закрепить элементы криминальной субкультуры, *искоренение которых* из позитивной культуры социума является одним из важнейших направлений предупреждения преступности.

Если сравнить эту категорию с понятием особо опасного рецидивиста, от которой как от достаточно вредной отказался законодатель, то это сравнение не в пользу первой, так как второй из названных терминов носил вполне *легальный характер*, имел нормативные рамки и критерии – без вкрапления арготизмов [9, с. 596–597].

Кстати, к чести Пленума Верховного Суда РФ, стоит отметить, что, толкуя соответствующий признак специального субъекта, он к ранее представленной терминологии не обращается. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» в п. 24 судам рекомендовано вопрос о положении соответствующего

лица в преступной иерархии решать посредством установления конкретных действий, свидетельствующих о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). Здесь же отмечается, что о лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями, наличие коррупционных связей и т.п. [10].

Второй этап эволюции означенного понятия связан с дополнением УК РФ Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ статьей 210.1, установившей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Криминализация этого деяния вызвала резкую критику представителей уголовно-правовой доктрины. Законодатель в данном случае пошел еще дальше в нормативном мифотворчестве. Появление в УК РФ ст. 210.1 – это уже не просто выраженное воплощение в нем теории опасного состояния личности. Последняя, будучи разработанной представителями социологической школы права, несомненно, полезна в *криминологическом аспекте* (в ракурсе предупреждения преступлений). Общеизвестно, что ее отголоски звучат в некоторых институтах уголовного права – рецидив, судимость, принудительные меры медицинского характера. Отмеченные аспекты достаточно детально проанализированы, например, Е.В. Сафроновой [11, с. 10–15]. Но непосредственное воплощение названной теории в уголовный закон может привести к весьма негативным последствиям. Появление в УК РФ ст. 210.1 – это, на наш взгляд, «вызов» базовым постулатам и принципам уголовного права, в котором ряд важнейших понятий и категорий формулируется посредством указания на общественно опасное деяние (понятие преступления: виновно совершенное *общественно опасное деяние*...; основание уголовной ответственности: совершение *деяния*...; принцип вины: лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные *действия (бездействия)* и пр.). Как справедливо отмечает А.В. Иванчин, появление указанного состава противоречит и теории криминализации преступления, поскольку общепризнанным основанием ее осуществления выступает определенная модель общественно опасного поведения, требующего соответствующей реакции государства [12, с. 159–161].

Очевидно, что в ст. 210.1 УК РФ криминализовано состояние лица, характеристика, признак субъекта. Это преступление, в конструкции состава которого *отсутствует объективная сторона* (а соответственно, и сам состав, выступающий юридическим основанием уголовной ответственности, как определено в ст. 8 УК РФ), так как вполне ясно, что *само по себе занятие высшего положения в преступной иерархии не является деянием*. Вместе с тем, следует заметить, что в специальной литературе предприняты попытки оправдать и этот шаг законодателя. Так, В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков полагают, что «сам статус преступника признается настолько общественно опасным, что допускается основание для его криминализации» [13, с. 83]. Вывод о том, что к криминализации допус-

кается *статус лица* (сколь бы вредоносным он ни был), вызывает недоумение. Однако авторы уточняют, что термин «занятие положения» нужно трактовать как характеристику деяния по смыслу наделения или присвоения высших полномочий; статус формируется на основе *деятельности, которая обращена в прошлое, это прошлые заслуги...*; наличие определенного статуса – это определенная разновидность общественно опасного поведения (например, управление преступной деятельностью, контроль над ней) [14, с. 83, 84–85]. Но наделение и присвоение полномочий – это фаза, предшествующая занятию определенного положения. И речь в законе не идет о деяниях, сопряженных с присвоением каким-либо образом тех или иных полномочий, результатом чего становится обретение определенного статуса. Если говорить о предшествующей криминальной деятельности, то она должна получать самостоятельную уголовно-правовую оценку, занятие соответствующего положения, исходя из содержания закона, ее не охватывает. Управление преступной дея-

Литература:

1. *Гришко А.Я.* Особо квалифицирующий признак создания преступного сообщества (преступной организации) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2(38). С. 82–85.
2. *Григорьев Д.А.* Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? / Д.А. Григорьев, В.И. Морозов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30). С. 50–58.
3. *Мондохонов А.Н.* Организация преступного сообщества (преступной организации): новая редакция ст. 210 и 35 УК РФ // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4(47). С. 45–48.
4. См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.09.2006 г. по делу № 31-о06-18 по кассационным жалобам осужденных Д., В., Н., С., Н.А., А., И., З., С.Р., А.А. URL : <https://www.lawmix.ru/vas/121413> (дата обращения 11.11.2019 г.).
5. См.: Григорьев Д.А., Морозов В.И. Указ. соч.
6. *Белоцерковский С.* Новый федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9–14.
7. См.: *Виденкина Ж.В.* К вопросу о субъекте преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 95–98.
8. См.: *Мондохонов А.Н.* Указ. соч. С. 85.

тельностью и контроль над ней – это уже посягательство, предусмотренное ч. 1 и ч. 4 новой редакции ст. 210 УК РФ, скорректированной Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ. Часть 11 ст. 210 регламентирует ответственность за участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных частью первой ст. 210 УК РФ. Часть 4 ст. 210 УК РФ устанавливает ответственность за деяния, предусмотренные ч. 1 и ч. 11 УК РФ, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Мы полагаем, что третий этап «эволюции» понятия «занятие высшего положения в преступной иерархии» без привязки его к конкретной преступной деятельности должен проявиться в его исключении из текста уголовного закона. Надеемся, что законодатель откажется от него как от неправового и противного уголовно-правовой материи [15, с. 95, 98].

Literature:

1. *Grishko A.J.* A particularly qualifying sign of the creation of a criminal association (criminal organization)//Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2017. № 2(38). P. 82–85.
2. *Gregory D.A.* How to determine the person who occupies the highest position in the criminal hierarchy? / D.A. Gregory, V.I. Morozov // Legal science and law enforcement practice. 2014. № 4(30). P. 50–58.
3. *Mondochonov A.N.* Organization of Criminal Association (Criminal Organization): new version of Articles 210 and 35 of the Criminal Code of the Russian Federation // Siberian Legal Gazette. 2009. № 4(47). P. 45–48.
4. See: Cassation definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.09.2006 on case № 31-о06-18 on appeals of the condemned D., V., N., S., N.A., A., I., Z., Neuter, A.A. URL : <https://www.lawmix.ru/vas/121413> (date of the address 11.11.2019).
5. See: Gregory D.A., Morozov V.I. Decree. соч.
6. *Belocerkovsky S.* New Federal Law on Strengthening the Fight against Criminal Associations: Commentary and Problems of Application // Criminal Law. 2010. № 2. P. 9–14.
7. See also: *Videnkin Z.V.* To the question of the subject of the crime provided for in article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation // Journal of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2011. № 3. P. 95–98.
8. See, e.g.: *Mondochonov A.N.* Decree. соч. P. 85.

9. См.: Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., ст. 24.1 / Ю.И. Бытко, С.Ю. Бытко // Сборник нормативных актов по уголовному праву России X–XX веков. Саратов : Изд-во «Научная книга», 2006. С. 578–758.

10. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 // СПС «КонсультантПлюс». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/

11. Сафронова Е.В. «Опасное состояние личности» как криминологическая категория / Е.В. Сафронова, В.Е. Лоба // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10–17.

12. Иванчин А.В. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) – пример необоснованной криминализации // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.). Саратов, 2019. С. 159–161.

13. Бурлаков В.Н. Высшее положение в преступной иерархии как основание уголовной ответственности / В.Н. Бурлаков, В.Ф. Щепельков // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Саратов, 30 сентября – 1 октября 2019 г.). Саратов, 2019. С. 81–85.

14. См.: Там же.

15. См.: Виденькина Ж.В. Указ. соч. С. 95, 98.

9. See: Criminal Code of the RSFSR of 1960, Article 24.1 / Vovko Yu.I., Vovko S.J. Collection of normative acts on criminal law of Russia of the X–XX centuries. Saratov : Book of Science, 2006. P. 578–758.

10. About judicial practice of consideration of criminal cases about establishing a criminal organization (the criminal organization) or participation in he (she): resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 10, 2010 № 12 // Union of Right Forces ConsultantPlus. – URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_101362/

11. Safronova E.V. Dangerous State of Personality as criminological category / E.V. Safronova, V.E. Loba // Criminological Journal of the Baku State University of Economics and Law. 2014. № 2. P.10–17.

12. Ivanchin A.V. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) is an example of unjustified criminalization // Criminal law impact and its role in crime prevention (IV Saratov Criminal Law Readings): a collection of articles on the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (Saratov, September 30. October 1, 2019). Saratov, 2019. P. 159–161.

13. Burlakov V.N. The highest position in the criminal hierarchy as the basis of criminal responsibility / V.N. Burlakov, V.F. Schepelkov // Criminal law impact and its role in the prevention of crime (IV Saratov Criminal Law Readings): a collection of articles on the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (Saratov, September 30. October 1, 2019). Saratov, 2019. P. 81–85.

14. See: In the same place.

15. See also: Videnkin J.V. Decree. соч. P. 95, 98.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading
Researcher of NIC-2,
Research Institute
Federal Service
Executions of Punishments
Milena.555@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕВЫШЕНИИ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

TO THE QUESTION OF EXCEEDING THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE

Аннотация. В статье изложены условия превышения права на необходимую оборону в сфере уголовно-правовых отношений, являющиеся поводом для привлечения защищаемого лица к уголовной ответственности. Превышение нормативных пределов необходимой обороны заключается в причинении посягающему лицу без необходимости и необусловленного сложившейся обстановкой очевидно чрезмерного умышленного вреда, значительно превосходящего вред, который причинило или намеревалось причинить данное лицо объекту своего посягательства.

Annotation. The article sets out the conditions for exceeding the right to necessary defense in the field of criminal law relations, which are the reason for bringing the defender to criminal liability. Exceeding the normative limits of the necessary defense consists in inflicting, without necessity and unconditioned onset of the situation, obviously excessive intentional harm significantly exceeding the harm that the person inflicted or intended to inflict upon the object of his encroachment.

Ключевые слова: уголовный закон, необходимая оборона, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Keywords: criminal law, necessary defense, circumstances precluding criminal acts.

Государство, публично признавая необходимость предоставления любому лицу права на необходимую оборону в сфере уголовно-правовых отношений, регламентируя тем самым его в ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), понимает, что это право должно быть безграничным, поскольку не каждый индивид способен вести себя в этически приемлемых рамках.

В науке уголовного права еще с советских времен сформировались точки зрения о превышении нормативных пределов рассматриваемой обороны, имеющие для современных исследований в этой области методологическое и фундаментально-гносеологическое значение. Согласно им, под этим превышением понималось явное несоответствие в соразмерности средств защиты и средств нападения [3], когда вред, причиненный посягающему, не был необходим для отражения его общественно опасного посягательства [4], при этом он заведомо и явно не соответствовал тому вреду, который ожидался от его действия [5], а также, последствиям, которые предполагались от действий посягающего [6].

Еще профессор Н.С. Таганцев по этому поводу отмечал, что оборона не может быть абсолютно беспредельной [1]. Осознавая это обстоятельство, законодатель устанавливает пределы допустимости данной обороны, превышение которых влечет привлечение к ответственности. Безусловно, это есть прогрессивное достижение нормотворческой мысли, обращенное на обеспечение цивилизованного характера общественных отношений.

Законодатель и судебная практика не устанавливают ограничения только на защиту от общественно опасного посягательства, связанного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ, п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 [7]) или вследствие неожиданности посягательства, при котором лицо не могло объективно оценить степень и характер опас-

Семантически «предел» означает последнюю крайнюю грань чего-нибудь [2]. Поэтому законодатель прав, установив, что превышение пределов необходимой обороны представляет собой совершение только таких умышленных действий, которые явно не соответствуют характеру и опасности посягательства (ч. 2 ст. 37 УК РФ).

ности нападения (п. 2.1. ст. 37 УК РФ), что следует признать верным и разумным решением, соответствующим здравому смыслу. В остальных случаях эта защита должна соответствовать характеру и опасности посягательства.

Наше исследование позволило сделать вывод о том, что к насилью, опасному для жизни, следует относить как общественно опасные деяния, непосредственно направленные на причинение смерти лицу, так и деяния, причиняющие вред здоровью, со всей очевидностью предполагающие летальный исход. Кроме того, нам представляется, что в качестве насилия, опасного для жизни, следует рассматривать и действия, которые, в зависимости от ситуации, могут быть и не направлены на причинение непосредственного вреда здоровью потерпевшего, однако создают реальную опасность этого. Такие действия могут иметь как умышленный (например, насильственное ограничение свободы, выталкивание из движущегося транспортного средства), так и неумышленный характер (например, «шутливое» нанесение ударов в жизненно важные органы).

Таким образом, превысить нормативные пределы необходимой обороны можно лишь при защите от посягательства, не связанного с насильем, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. При этом превышением будет признано совершение только умышленных действий, направленных на причинение вреда посягающему лицу, явно превосходящих характер и степень опасности его посягательства. Это обстоятельство исключает возможность превышения пределов данной обороны по неосторожности (ч. 2 ст. 37 УК РФ, п. 14 ППВС РФ № 19).

Вопросы установления превышения нормативных пределов необходимой обороны в науке уголовного права и юридической практике в связи с оценочным характером критериев, предъявляемых к защите, всегда имели и будут иметь дискуссионный характер. Именно поэтому научная мысль в решении этих вопросов развивается по двум основным направлениям: одни ученые считают, что вред причинителю вреда может быть большим относительно характера посягательства, но, явно не превышающим его [8], другие – только равным или желательнее меньшим [9]. Мы полагаем, что более верной следует признать первую точку зрения, поскольку остановить совершение какого-то деяния возможно только при условии совершения более результативного по своему характеру и способу совершения упреждающего деяния.

Превышение нормативных пределов необходимой обороны в науке уголовного права именуется эксцессом данной обороны (от лат. *excessus* – выход, отступление, уклонение), для установления которого необходимо наличие двух призна-

ков: объективного – совершение действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства, и субъективного – умышленный характер данных действий и осознанность их совершения для защищающегося лица.

Умышленный характер действий при превышении нормативных пределов необходимой обороны означает, что лицо осознавало их характер, предвидело возможность или неизбежность наступления желаемых последствий от их осуществления, хотело наступления такого рода последствий или относилось к этому безразлично.

Ключевым признаком таких действий является их «явность». С семантической точки зрения «явный» означает не скрываемый, не тайный, открытый, совершенно очевидный, ясный для всех [10]. В связи с этим, данные действия должны иметь очевидный, ясный, осознаваемый не только защищающимся лицом, но и всеми иными лицами, характер. Они должны не подвергаться сомнению, требовать дополнительного толкования, а также осуществляться без каких-либо ухищрений и способов скрыть реальную картину произошедшего.

В теории уголовного права выработаны два принципа определения явного несоответствия защиты и посягательства: соразмерность и необходимость. «Соразмерный» семантически означает соответствующий какой-нибудь мере, находящийся в согласии с чем-то [10], а «необходимый» – такой, без которого нельзя обойтись, очень нужный, обязательный, неизбежный [10].

Следовательно, превышение нормативных пределов необходимой обороны будет заключаться в причинении посягающему лицу без необходимости и необусловленного сложившейся обстановкой очевидно чрезмерного умышленного вреда, значительно превосходящего вред, который причинило или намеревалось причинить данное лицо объекту своего посягательства.

Рассматриваемое превышение имеет место быть не только при совершении защитных действий, явно превышающих характер и степень общественной опасности посягательства, но и совершение каких-либо иных действий (соразмерных или менее опасных) в случае преждевременной, запоздалой или мнимой необходимой обороны, что влечет привлечение защищающегося лица к уголовной ответственности на общих основаниях.

В силу того, что установления превышения нормативных пределов необходимой обороны основано на оценочных критериях, научные рекомендации в разрешении этого вопроса сводятся к тому, что в каждом конкретном случае произошедшее событие должно рассматриваться индивидуально, с учетом установления и детальной оценки всех юридически значимых для квалификации содеянного обстоятельств.

Литература:

1. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право : Лекции. СПб., 1902. Т. 1.
2. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1987.
3. *Пионтковский А.А.* Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961.
4. *Шавгулидзе Т.Г.* Необходимая оборона. Тбилиси, 1966.
5. *Ткаченко В.И.* Теоретические основы необходимой обороны и квалификация преступлений, совершенных при превышении ее пределов : автореф. дис. ... д-р юрид. наук. М., 1982.
6. *Юсупов Р.М.* Необходимая оборона в законодательстве и судебной практике : автореф. дис. ... кандид. юрид. наук. М., 1999.
7. Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11. (Далее – ППВС РФ № 19).
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. В.М. Лебедева, Ю.И. Скуратова. М., 1996.
9. *Крысанов О.О.* Необходимая оборона: теория и практика применения (размышления на тему) // Следователь. 1997. № 2. С. 62–65.
10. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005.

Literature:

1. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law : Lectures. SPb., 1902. T. 1.
2. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 1987.
3. *Piontkovsky A.A.* The doctrine of a crime in Soviet criminal law. M., 1961.
4. *Shavgulidze T.G.* Necessary defense. Tbilisi, 1966.
5. *Tkachenko V.I.* Theoretical foundations of the necessary defense and qualification of crimes committed when exceeding its limits : abstract. dis. ... doctor jur. sciences. M., 1982.
6. *Yusupov R.M.* Necessary defense in the legislation and judicial practice : author. dis. ... candidate. legal sciences. M., 1999.
7. Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of September 27, 2012 № 19 «On the application by the courts of legislation on the necessary defense and harm when detaining a person who committed a crime» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 11.
8. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. V.M. Lebedeva, Yu.I. Skuratova. M., 1996.
9. *Krysanov O.O.* Necessary defense: theory and practice of application (reflections on the topic) // Investigator. 1997. № 2. P. 62–65.
10. *Ushakov D.N.* Large explanatory dictionary of the modern Russian language. M., 2005.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА И УСЛОВИЯ ЕЕ ЛЕГИТИМНОСТИ

Аннотация. В статье изложены социально-криминологическая природа права каждого лица на необходимую оборону и условия легитимности реализации данного права с точки зрения российского уголовного закона.

В российской науке уголовного права и юридической практике условия легитимности необходимой обороны разделяют на две группы: 1) относящиеся к посягательству и 2) к защите от него. Соблюдение данных условий позволяет более правильно решить вопрос о ее легитимности или нелегитимности, о привлечении обороняющегося лица к уголовной ответственности или освобождении от нее.

Ключевые слова: уголовный закон, необходимая оборона, обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Многочисленные криминологические исследования подтверждают то, что преступность является одним из тех негативных социальных явлений, которое слабо поддается сдерживанию со стороны государства, не говоря уже о полной ее ликвидации. В этой ситуации государство со всей очевидностью объективно не способно обеспечить полную и постоянную безопасность всех лиц, находящихся на ее территории. Поэтому в некоторых случаях человек вынужден принимать оперативные меры для пресечения причинения вреда, как себе, так и иным лицам, в том числе интересам общества или государства.

Исходя из этого, в Конституции России содержится указание на то, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45). Данным положением законодатель поощряет любую правомерную самостоятельную активность личности по обеспечению безопасности человека, общества или государства. Развивая это конституционное положение, уголовный закон предоставляет всем лицам, находящимся на территории России, в определенных ситуациях право самостоятельной защиты от общественно опасных и иных посягательств в рамках необходимой

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of SIC-2,
«Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia»
Milena.555@mail.ru

NECESSARY DEFENSE AND CONDITIONS OF ITS LEGITIMITY

Annotation. The article sets out the socio-criminological nature of the right of each person to necessary defense and the conditions for the legitimacy of the implementation of this right from the point of view of the Russian criminal law. In the Russian science of criminal law and legal practice, the conditions of legitimacy of the necessary defense are divided into two groups: 1) related to the assault and 2) to the defense against it. Compliance with these conditions allows you to more correctly resolve the issue of its legitimacy or illegitimacy, on bringing the defending person to criminal liability or release from it.

Keywords: criminal law, necessary defense, circumstances precluding criminal acts.

обороны (ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)).

В российской науке уголовного права и в юридической практике условия легитимности необходимой обороны разделяют на две группы, относящиеся:

- 1) к посягательству;
- 2) к защите от посягательства.

Соблюдение данных условий позволяет более правильно решить вопрос о легитимности или нелегитимности необходимой обороны, о привлечении обороняющегося лица к уголовной ответственности или освобождении от нее.

Анализ механизма реализации необходимой обороны позволил сделать вывод, что к условиям ее легитимности, относящимся к посягательству, являются: характер совершенного посягательства, его наличие и реальность.

С точки зрения уголовного закона, посягательство, против которого допустима необходимая оборона, может быть любым: как общественно опасным (чч. 1 и 2 ст. 37 УК РФ), так и не являться таковым (ч. 2.1. ст. 37 УК РФ). Однако соглас-

но п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19 [1], недопустима необходимая оборона от мало-значительного деяния, не представляющего большой общественной опасности.

Условием легитимности рассматриваемой обороны при устранении посягательства, связанного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой осуществления такого насилия, является ценность защищаемого блага, а при устранении посягательства, не связанного с таким насилием – ценность защищаемого блага, пределы обороны и неожиданность посягательства. Отсюда следует, что именно степень общественной опасности выступает ограничительным обстоятельством для определения характера и степени вреда, причиняемого посягающему лицу, определяя тем самым прямую зависимость – чем общественно опаснее посягательство, тем более, обширными являются пределы допустимости причинения вреда его источнику [2].

Буквальное толкование ст. 37 УК РФ приводит к выводу о том, что необходимая оборона допустима только от умышленного действия, поскольку в ней говорится о посягательстве, реализуемом с определенной целью. Вместе с тем, в науке уголовного права дискутируется вопрос о допустимости данной обороны от бездействия и неосторожных деяний. Противники допустимости данной обороны от бездействия утверждают, что оно не может быть причиной чего-либо, в том числе, и опасности. Оно может лишь не препятствовать обстоятельствам, обуславливающим эту опасность [3]. Согласно такой точке зрения, посягательство, от которого происходит защита при необходимой обороне, заключается только в нападении [4]. При этом они опираются на то, что оборона – это, по сути, противодействие нападению [5], поэтому она невозможна против бездействия.

Что касается научной полемики относительно допустимости необходимой обороны от неосторожных посягательств, то одни авторы убеждены, что данная оборона дозволительна от неосторожных деяний [6], другие, наоборот, категорично заявляют, что она правомерна только лишь от умышленных действий или бездействий [7].

Судебная практика (п. 3. ППВС РФ № 19) и мы, в том числе, придерживаемся точки зрения о том, что необходимая оборона возможна от любых деяний:

– действий и бездействий;

– умышленных и не осторожных.

Условиями легитимности необходимой обороны, относящимся к защите, являются:

– причинение вреда только посягающему лицу;

– соразмерность вреда, причиняемого посягающему лицу с характером и опасностью его посягательства;

– соответствие защиты во временным рамках посягательства;

– универсальность этого права.

Уголовный закон допускает причинение вреда при необходимой обороне только посягающему лицу. Однако далеко не все преступные деяния совершаются в одиночку. Значительная часть из них имеет групповой характер. Групповые посягательства обладают повышенной общественной опасностью, значительно упрощают достижение преступного результата, ограничивают возможности обороняющемуся лицу оказать необходимое сопротивление. В связи с этим, к любому из посягающих на нее лиц (или нескольким) оно может применить такие меры защиты, которые предопределяются совокупным характером и опасностью действий всей группы (п. 12 ППВС РФ № 19).

В ситуациях, регламентированных ч. 1 и ч. 2.1 статьи 37 УК РФ, обороняющееся лицо имеет право причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу, когда как в ситуациях, предусмотренных ч. 2 данной статьи, действия этого лица не должны явно не соответствовать характеру и опасности посягательства.

Исследование показало, что характер и опасность посягательства определяются ценностью объекта уголовно-правовой охраны, способом его осуществления и степенью интенсивности, применением для достижения его цели оружия, предметов, используемых в качестве его, или специальных средств, физическими данными нападающего, количеством нападающих, стадией посягательства (приготовление, покушение, оконченное преступление), размером причиненного или грозящего вреда, всей обстановкой совершения посягательства.

В ст. 37 УК РФ отсутствует указание на временные границы необходимой обороны – момента ее начала и окончания, определить которые можно только путем логического толкования данной статьи, согласно которому она начинается с момента фактического начала посягательства на права обороняющегося или других лиц, правоохраняемые общественные или государственные интересы или возникновения угрозы данного посягательства и заканчивается его фактическим окончанием, причем, оба эти момента должны быть полностью понятны обороняющемуся лицу и осознаваемы им. Отсюда со всей очевидностью следует, что необходимая оборона всегда предполагает пресечение только наличного и реального посягательства при отсутствии ошибки в личности посягающего лица.

С точки зрения российского уголовного закона, правом на необходимую оборону наделены все без исключения лица, не зависимо от каких-либо обстоятельств, в том числе, сотрудники правоохранительных органов, выполняющие служебные обязанности по охране общественного порядка, даже в случае их более лучшего вооружения, чем причинители вреда (ч. 3. ст. 37 УК РФ). При этом в уголовном законе специаль-

но обозначено, что право на эту оборону принадлежит лицу независимо от возникновения у него возможности избежать общественно опасное посягательство или обратиться за помощью к кому бы то ни было, из чего следует, что подвергшееся нападению лицо может само вы-

Литература:

1. Постановление Пленума ВС РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11. (далее – ППВС РФ № 19).
2. *Баулин Ю.В.* Российское уголовное право. Общая часть / Ю.В. Баулин; Под ред. В.С. Комисарова. СПб., 2005.
3. *Малинин В.Б.* Объективная сторона преступления / В.Б. Малинин, А.Ф. Парфенов СПб., 2004.
4. *Портнов И.П.* Необходимая оборона в теории и практике // Журнал российского права. 1997. № 10.
5. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2005.
6. *Баранова Е.А.* Необходимая оборона в уголовном законодательстве России и ее отличие от смежных институтов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
7. Уголовное право России: Общая часть : учебник / Под ред. В.П. Ревина. 2-е изд. М., 2009.

брать: вступить ему в противостояние с посягающим лицом либо бежать, или звать на помощь. Эти положения являются безусловным прогрессивным достижением российской уголовно-правовой науки и нормотворческой деятельности.

Literature:

1. Resolution of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation of September 27, 2012 № 19 «On the application by the courts of legislation on the necessary defense and harm when detaining a person who committed a crime» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 11.
2. *Baulin Yu.V.* Russian criminal law. General Part / Ed. V.S. Komisarova. SPb., 2005.
3. *Malinin V.B.* The objective side of the crime / V.B. Malinin, A.F. Parfenov. St. Petersburg, 2004.
4. *Portnov I.P.* Necessary defense in theory and practice // Journal of Russian Law. 1997. № 10.
5. *Ushakov D.N.* Large explanatory dictionary of the modern Russian language. M., 2005.
6. *Baranova E.A.* Necessary defense in the criminal legislation of Russia and its difference from related institutions : dis. ... cand.. legal sciences. M., 2006.
7. Criminal law of Russia: General part : textbook / ed. V.P. Revina. 2nd ed. M., 2009.

Смирнов Александр Михайлович
кандидат юридических наук,
доцент,
ведущий научный сотрудник НИЦ-2,
Научно-исследовательский институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

РАЗВИТИЕ ПРАВА НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье изложены основные вехи развития правовой регламентации права на необходимую оборону в источниках права дореволюционной России. Автором делается вывод о том, что в развитии российской государственности право на необходимую оборону развивалось в направлении его ограничения, придания ему со стороны государства субсидиарного характера, что было предопределено стремлением государства правоограничить какую-либо активность своих граждан, регулировать происходящие в обществе социальные процессы, стремлением монополизировать «право на насилие».

Ключевые слова: уголовный закон, необходимая оборона, обстоятельства, исключающие преступность деяния, история уголовного права.

Необходимость человека защищаться от совершаемого в его отношении посягательства или возникающей опасности является одним из главных проявлений инстинкта самосохранения. Именно поэтому социальная и правовая природа такой защиты рассматривается учеными-правоведами как естественное, природное и неотчуждаемое право человека, присущее ему на всем протяжении развития общества [1].

Российское государство, признавая человека, его права и свободы высшими ценностями, предоставляет право каждому лицу защищать свой правовой статус всеми не запрещенными законом способами, закрепляя данное право на конституционном уровне (ч. 2 ст. 45 Конституции России). Зачастую, человеку приходится защищаться от деяний, содержащих в себе признаки общественной опасности. Именно поэтому право на самозащиту регламентировано в Уголовном кодексе Российской Федерации (УК РФ) в рамках права на необходимую оборону (ст. 37), которое относится к обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

Необходимо отметить, что современная правовая регламентация необходимой обороны в рос-

Alexander M. Smirnov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Leading
Researcher of SIC-2
FKU «Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia»
Milena.555@mail.ru

DEVELOPMENT OF THE RIGHT TO NECESSARY DEFENSE IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA

Annotation. The article describes the main milestones in the development of legal regulation of the right to necessary defense in the sources of law of pre-revolutionary Russia. The author concludes that in the development of Russian statehood, the right to necessary defense developed in the direction of limiting it, giving it a subsidiary character on the part of the state, which was predetermined by the state's desire to limit any activity of its citizens, to regulate social processes in society, by the desire monopolize the «right to violence».

Keywords: criminal law, necessary defense, circumstances precluding criminal acts, history of criminal law.

сийском уголовном законе появилась не сама по себе. Юридическая конструкция ст. 37 УК РФ есть результат изучения хронологии отражения данной обороны в исторических источниках права, поскольку история выступает одним фактором, способствующих более правильному оформлению мысли законодателя с учетом современной действительности.

История правовой регламентации права на необходимую оборону берет свое начало с Русской Правды [2], в которой отсутствовали какие-либо условия, ограничивающие применение данной обороны, вплоть до лишения жизни посягающего лица. Например, в ст. 26 Пространной редакции Русской Правды указывалось: «Не терпя ли противу тому (преступному посягательству – прим. А.М.) ударить мечем, то вины ему в том нетуть». Далее Соборное уложение 1649 г. [3] предоставляло особые привелегии в реализации данной обороны хозяевам домов или дворов в защите своей собственности от насильного вторжения. Им разрешалось даже убить того или тех, кто насильно вторгся в их имение. Кроме того, Уложение 1649 г. допускало защиту не только личных интересов, но и интересов иных лиц, причем в ряде случаев это было обязанностью, за неисполнение которой наступала ответственность. Так, например, в случае разбоя его очевидцы

должны были пресекать его. Слугам вменялась обязанность по защите своего хозяина (господина) от нападения вплоть до убийства или причинения вреда здоровью нападающих на него лиц. При этом была не важна виновность хозяина (господина) в произошедшем (ст. 21 Главы XXII).

Последующее развитие российского государства и укрепление его институтов, осуществляющих правоохранительную деятельность, поставило вопрос об ограничении рассматриваемого права на необходимую оборону для его подданных. В силу этого, в Артикуле воинском 1715 г. [4] уже были прописаны условия, ограничивающие реализацию данной обороны, в котором она называлась «нужным оборонением» или «самозащитой». Согласно этим условиям, она должна строго соответствовать характеру и средствам нападения («оборонение со обижением равно есть, а именно: чтоб таким же образом и обороняться, каким образом от кого кто нападен будет; ежели нападение учинится оружием, то можно оружием обороняться; ежели без оружия, то и противиться без оружия надлежит» (арт. 157)). Вместе с тем, данный документ сохранил возможность безусловной необходимой обороны, указав, что «если смертный страх есть, то надлежит обороняться, как возможно». Подготовленный под влиянием европейской правовой доктрины Артикул воинский придавал необходимой обороне субсидиарный характер, в силу чего она стала рассматриваться в нем не как неотъемлемое право каждого человека на защиту своих прав и свобод, а как дозволенная государством привилегия.

Субсидиарный характер необходимой обороны сохранился и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [5], согласно которому признавалось ненаказуемым убийство, причинение увечья или нанесение ран нападающему для отражения посягательства на жизнь, здоровье, свободу оборонявшегося, неприкосновенность его жилища, но лишь при установлении

Литература:

1. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. Лекции. Часть общая : в 2 т. Т. 1. М., 1994.
2. Памятники русского права / Под ред. С.В. Юшкова. М., 1952. Вып. I: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин.
3. Соборное уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. I.
4. Устав воинский 1715 г. // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V.
5. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
6. Российское уголовное законодательство X–XX веков : в 9 т. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М., 1994. Т. 9.

невозможности обороняющегося прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства (ст. 101–103). Уложение 1845 г. в ст. 108 предусматривало право женщины на необходимую оборону при посягательстве на ее целомудрие. Следует отметить, что данный правовой документ в рамках рассматриваемой проблематики имел прогрессивный характер, поскольку предусматривал пониженную уголовную ответственность при совершении убийства (ст. 1476) и нанесении ран или увечий (ст. 1493) при превышении пределов рассматриваемой обороны.

Дальнейшее развитие правовая регламентация необходимой обороны получила в Уголовном уложении 1903 г. [6], в ст. 45 которого указывалось, что «не почитается преступным деяние, учиненное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или другого лица. Превышение пределов необходимой обороны чрезмерностью или несвоевременностью защиты наказывается только в случаях, специально указанных в законе». Такими случаями являлись убийство или причинение тяжкого вреда здоровью (в этих случаях санкции были понижены), за исключением обороны от посягательства на жизнь или изнасилования. При этом Уложение 1903 г. дифференцировало уголовную ответственность за умышленное и неосторожное превышение пределов данной обороны, что свидетельствовало о прогрессе правовой мысли в этом направлении.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в дореволюционной России право на необходимую оборону развивалось в направлении его ограничения, придания ему со стороны государства субсидиарного характера, что было предопределено стремлением государства правоограничить какую-либо активность своих граждан, регулировать происходящие в обществе социальные процессы, стремлением монополизировать «право на насилие».

Literature:

1. Tagantsev N.S. Criminal Law Course. Lectures. Part is common : In 2 vols. M., 1994. T. 1.
2. Monuments of Russian Law / Ed. S.V. Yushkova. M., 1952. Issue. I: Monuments of law of the Kiev state of the X–XII centuries / comp. A.A. Zimin.
3. Cathedral Code of 1649 // Complete collection of laws of the Russian Empire. SPb., 1830. T. I.
4. Military Charter 1715 // Complete collection of laws of the Russian Empire. SPb., 1830. T. V.
5. The Code of Criminal and Correctional Sentences. SPb., 1845.
6. Russian criminal legislation of the 10th – 20th centuries : in 9 Vol. T. 9. Legislation of the era of bourgeois-democratic revolutions. M., 1994.

Смирнова Карина Сергеевна

кандидат юридических наук,
начальник кафедры
специальных дисциплин,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
mail2smirnova@mail.ru

Литвяк Лариса Геннадиевна

кандидат юридических наук,
начальник кафедры
уголовного права и криминологии,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
llg1978@yandex.ru

Челпух Эдем Айдерович

курсант,
Новороссийский филиал Краснодарского
университета МВД России
llg1978@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЕ

Аннотация. Государственная тайна в Российской Федерации является неотъемлемой частью суверенитета и государственного управления, выступая объектом повышенного внимания, что обязывает государство создавать необходимые условия её защиты. Актуальность проблемы защиты государственной тайны находит своё отражение в стратегических и доктринальных документах государства по обеспечению национальной безопасности. В статье рассматриваются вопросы нормативного регулирования государственной тайны в Российской Федерации и рассматриваются вопросы защиты государственной тайны, анализируется соотношение Закона «О государственной тайне» с современным состоянием нормативной базы России.

Ключевые слова: государственная тайна, государство, закон, законодательство, тайна, защита государственной тайны, суверенитет, государственные секреты, безопасность государства.

Государственная тайна в Российской Федерации является неотъемлемой частью суверенитета и государственного управления, тем самым, как и во многих других странах, выступает объектом повышенного внимания, что обязывает государство создавать необходимые условия её защиты.

Содержание системы национальной безопасности раскрыто в стратегических и доктринальных документах государства, в которых затрагивают-

Karina S. Smirnova

Candidate of Law Sciences,
Chief of chair of the Special Disciplines,
Novorossiysk branch Ministry
of Internal Affairs
Krasnodar University of Russia
mail2smirnova@mail.ru

Larisa G. Litvyak

Candidate of Law Sciences,
Head of the Department,
Criminal Law and Criminology,
Novorossiysk branch Ministry
of Internal Affairs
Krasnodar University of Russia
llg1978@yandex.ru

Eden A. Celph

Cadet,
Novorossiysk branch Krasnodar
Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation university
llg1978@yandex.ru

ON THE QUESTION OF STATE SECRETS

Annotation. State secret in the Russian Federation is an integral part of sovereignty and public administration, acting as an object of increased attention, which obliges the state to create the necessary conditions for its protection. The urgency of the problem of protecting state secrets is reflected in the strategic and doctrinal documents of the state to ensure national security. The article discusses the issues of normative regulation of state secrets in the Russian Federation and considers the issues of protecting state secrets, analyzes the relationship of the Law «On State Secrets» with the current state of the regulatory framework of Russia.

Keywords: state secret, state, law, legislation, secret, protection of state secret, sovereignty, state secrets, state security.

ся отдельные вопросы защиты государственной тайны. Пренебрежение условиями защиты государственной тайны с большей вероятностью приведёт к последствиям, несущим вред внутренней и внешней политике государства, его безопасности, тем самым нарушив его целостность. Для более полной защиты государственной тайны в Российской Федерации создана система защиты, состоящая из органов, полномочных осуществлять контроль за всеми органами и ведомствами, работающими с носителями госу-

дарственной тайны и в процессе осуществления своей деятельности обязаны соблюдать рамки, установленные нормативно-правовыми актами в данной сфере.

Наряду с указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ, не менее важным является Закон РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 № 5485-1, который можно рассматривать как основу деятельности всех работающих с государственной тайной органов, ведомств и служб. Основное целевое назначение данного нормативного акта это обеспечение защиты информации, относимой к государственной тайне, обеспечение защиты порядка обращения с такой информацией в государстве в части обеспечения безопасности самого государства.

Исходя из того, что Закон РФ «О государственной тайне» обладает высокой значимостью, он и его содержание обязаны сохраняться в актуальном виде, относительно сложившейся обстановки в государстве. Но прежде, чем проводить сравнение содержания данного Закона и современной обстановки в стране необходимо разобратся в самом главном его элементе – названии.

Стоит обратить внимание на то, что «Закон РФ» как понятие на данном этапе развития российского права вышло из иерархии законодательных актов Российской Федерации, таким образом, можно сделать вывод о том, что если не существует понятия «Закон РФ», то и нормативно-правовые акты, имеющие идентичное название утратили юридическую силу. Чтобы разобратся в данном вопросе, нужно обратиться к истории законодательной ветви власти в России, конкретно к 1993 году.

В начале 1990-х годов главным законодательным органом РФ был Верховный Совет Российской Федерации, в полномочия которого входило право принятия нормативно-правовых актов, вышедшие из которых приобретали название «Закон РФ». Но в ходе проведения конституционной реформы первым Президентом РФ Б.Н. Ельциным, Верховный Совет Российской Федерации был упразднен, и на смену ему пришла Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. При этом высшим нормативно-правовым актом была признана Конституция Российской Федерации, тем самым, ознаменовав переход от социалистического строя к демократическому. Данные события можно считать рубежом, на котором понятие «Закон РФ» было изменено на «Федеральный закон», но колоссальной разницы в этих понятиях нет, потому что по юридической силе они одинаковы, различия присутствуют только по юридической технике, а, следовательно, признавать утратившими силу «Законы РФ» не имеет принципиальной важности.

Всё вышесказанное и содержит ответ на вопрос, почему «Законы РФ» в наше время обладают юридической силой?

Если говорить об актуальности содержания Закона РФ «О государственной тайне», то, в первую очередь, необходимо детально изучить текст документа, ведь современная политическая, социальная и иные сферы жизнедеятельности в Российской Федерации и других странах, в целом, не стоят на месте, а прогрессируют с каждым днём, но из-за огромного объёма законодательной базы, не всегда удаётся уследить за всеми изменениями, как во внутренних, так и во внешних нормативно-правовых актах. Поэтому допустимо несоответствие текста закона современным реалиям, несмотря не неоднократно вносимые в данный законодательный акт изменений (последние изменения внесены 29.07.2018).

При анализе ст. 3 мы сразу видим это несоответствие – в перечне нормативных правовых актов, выступающих основаниями для законодательства Российской Федерации о государственной тайне: «Законодательство Российской Федерации о государственной тайне основывается на ..., Законе Российской Федерации «О безопасности»... ». Однако Закон РФ «О безопасности» утратил силу в соответствии с ФЗ от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности». Стоит обратить внимание на то, что данное изменение так и не было внесено в Закон РФ «О государственной тайне», несмотря на довольно долгий промежуток времени, прошедший со дня принятия нового нормативного акта.

Под государственной тайной в российском законе понимаются «защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-разыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации», то есть, государство осуществляет защиту, определяемым им, сведениям для обеспечения безопасности самого государства.

Закон РФ от 1992 года «О безопасности», который утратил силу в связи с принятием 28 декабря 2010 г. нового Федерального закона «О безопасности», раскрывал в ст.1 понятие «безопасность» как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Новый же Закон содержит уже иной понятий аппарат и понятие «безопасность» в нем отсутствует, но появляется новое – «национальная безопасность», которое раскрывается в Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015г. № 683 как «национальная безопасность Российской Федерации (далее – национальная безопасность) – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации (далее – граждане), достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации».

Отсюда, можно сделать вывод о несовершенности Закона РФ «О государственной тайне», что является поводом для его переработки и принятия нового, уже более современного и актуального федерального закона « О государственной

Литература:

1. Конституция Российской Федерации : текст с изменениями и дополнениями на 2015 год. М. : Эксмо, 2015. 32 с.;
2. Закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 (ред. от 29.07.2018) «О государственной тайне»
3. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности».
4. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
5. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. («Российская газета». 6.12.2016).

тайне», либо же – провести тщательную проверку соответствия содержания статей закона современным изменениям, касающимся законодательства о государственной тайне.

Literature:

1. Constitution of the Russian Federation : text with amendments and additions for 2015. M. : Eksmo, 2015. 32 p.;
2. Law of the Russian Federation № 5485-1 dated 21.07.1993 (ed. 29.07.2018) «On State Secrets»
3. Federal Law dated 28.12.2010 № 390-ФЗ (ed. 05.10.2015) «On Safety»
4. Decree of the President of the Russian Federation № 683 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» dated 31.12.2015.
5. Information security doctrine of the Russian Federation. Approved by Presidential Decree № 646 of 5 December 2016. (Rossiyskaya Gazeta. 6.12.2016).

Табакова Наталья Александровна
старший преподаватель
кафедры уголовного права
и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
tabnat@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАНИПУЛИРОВАНИЕ РЫНКОМ

Аннотация. В статье рассматриваются объективные и субъективные признаки состава преступления, предусмотренного ст. 185.3 УК РФ. С учетом blanketности диспозиции анализируемой нормы, исследуются проблемные вопросы уголовной ответственности за манипулирование рынком, анализируется действующее законодательство, направленное на обеспечение законного функционирования субъектов рыночных отношений, что позволит решить отдельные вопросы, возникающие в правоприменительной деятельности в связи с квалификацией манипулирования рынком.

Ключевые слова: преступления в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, уголовная ответственность, рынок ценных бумаг, манипулирование рынком, финансовые инструменты, крупный ущерб, излишний доход, убытки.

Функционирование рынка ценных бумаг, контроль инфляционных процессов, а также развитость современных платежных инструментов являются одними из отличительных признаков общества с рыночной экономикой. Как любая доходная сфера жизнедеятельности общества рынок ценных бумаг подвержен угрозам со стороны неправомерных действий участников правоотношений в сфере выпуска и обращения ценных бумаг, которыми причиняется вред охраняемым законом интересам граждан, организациям и государству и является объектом уголовно-правовой защиты. Именно поэтому каждое экономически развитое государство уделяет повышенное внимание уголовно-правовой охране общественных отношений, обеспечивающих соблюдение установленного действующим законодательством порядка выпуска и обращения ценных бумаг, соблюдения прав их владельцев и установленного порядка учета прав на ценные бумаги, расширяя и укрепляя правовую базу для эффективной борьбы с преступлениями в сфере выпуска и обращения ценных бумаг.

В современной России преступления на рынке ценных бумаг составляют небольшую долю среди всех преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности, однако, их высокая общественная опасность связана с большим количеством потерпевших и причиняемым им

Natalia A. Tabakova
Senior lecturer of a Chair
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia
tabnat@mail.ru

FEATURES OF CRIMINAL LIABILITY FOR MARKET MANIPULATION

Annotation. The article discusses the objective and subjective features of the offense under Art. 185.3 of the Criminal Code. Taking into account the blanketness of the disposition of the analyzed norm, the problematic issues of criminal liability for market manipulation are investigated, the current legislation is analyzed aimed at ensuring the legitimate functioning of market relations, which will allow to resolve certain issues that arise in law enforcement in connection with the qualification of market manipulation.

Keywords: crimes in the sphere of issuance and circulation of securities, criminal liability, securities market, market manipulation, financial instruments, major damage, excess income, losses.

немалым материальным ущербом и ухудшением в целом экономического положения в стране. Российское законодательство в сфере регулирования порядка выпуска и обращения ценных бумаг проходит стадию формирования, в связи с чем, следует отметить, что на сегодняшний день оно не способно защитить законные права и интересы участников рынка ценных бумаг в полном объеме. Как верно отмечает И.А. Клепицкий, которым была проведена большая работа по изучению зарубежного законодательства об охране инвестиционных отношений, российское уголовное законодательство далеко от совершенства в части надлежащей охраны указанных отношений, прав и интересов инвесторов от недобросовестных посягательств [1].

В настоящей статье мы проанализируем состав преступления, предусматривающий ответственность за манипулирование рынком (ст. 185.3 УК РФ), введенный в УК РФ Федеральным законом от 30 октября 2009 г. № 241-ФЗ, который направлен на защиту законных интересов участников рынка ценных бумаг, интересов граждан, организаций и государства в сфере обращения ценных бумаг. Повышенная общественная опасность манипулирования рынком заключается в подрыве целостности финансового рынка и доверия к нему инвесторов.

Рынок довольно остро реагирует на всевозможные слухи о товаре – ценах, дефиците и т.п. Всевозможные манипуляции на рынке связаны не с наличием или отсутствием товара, не с ростом цен, а с психологией покупателя и маркетингом и его приемами в оптимизации торговли. Основное правило, согласно которому в нормальных условиях функционирует рынок, гласит, что спрос порождает предложение, а рыночная стоимость товара является равновесным значением, находящимся на пересечении функций, определяемых как объемы покупок и продаж соответственно. Идеальный рынок всегда быстро реагирует на потребление, снижение которого вызывает ответное падение цен на товар. При операциях с ценными бумагами реальная стоимость детерминирована имиджем компании-эмитента или экономической устойчивостью ситуации в государстве.

Любая информация, ставшая достоянием участников рынка ценных бумаг, влияет на принятие ими решения о покупке-продаже ценных бумаг, что вызывает корректировку рыночной ситуации и изменение цен в соответствующем направлении. Эти тенденции могут быть использованы биржевыми маклерами для манипулирования ценами на интересующие их ценные бумаги на рынке с целью покупки или продажи по выгодному курсу, что делает рынок не предсказуемым.

Непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, регулирующие установленный законодательством Российской Федерации порядок предоставления информации о ценных бумагах, определяющий управление спросом, предложением, ценами и объемами рынка ценных бумаг [2]. Дополнительный непосредственный объект составляют общественные отношения, которыми обеспечиваются материальные интересы граждан, организаций или государства.

Диспозиция рассматриваемой нормы является бланкетной, для правильного применения которой необходимо обращение к Федеральным законам от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [3], от 5 марта 1999 г. № 46-ФЗ «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг» [4], от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5].

Предметом преступления выступает информация, размещаемая через средства массовой информации, в том числе, электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»), которая может содержать либо ложные сведения, либо может составлять те истинные сведения, которые скрываются от других участников торгов.

Объективная сторона преступления заключается в манипулировании рынком. Четкое юридическое определение этого понятия в настоящее время в законодательстве отсутствует. При этом следует

отметить, что, на наш взгляд, законодатель в части описания в диспозиции манипулирования рынком, с учетом ее бланкетности, излишне дублирует положения Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ, что сильно усложняет диспозицию нормы.

Манипулирование рынком выражается в совершении альтернативных действий, перечисленных в диспозиции статьи:

1. Распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»), заведомо ложных сведений, что предполагает опубликование в указанных источниках сведений, не соответствующих действительности. Под этими действиями можно понимать продажу периодических печатных изданий, аудио-, видеозаписей программ, передачу радио-, телепрограмм, размещение сведений на информационных ресурсах в электронных, информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования и т.д.

2. Совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, то есть совершение сделок, других действий, которые направлены на приобретение, отчуждение, другое изменение прав на финансовые инструменты, иностранную валюту и (или) товары, а также действия, которые влекут за собой принятие обязательств совершить указанные действия. Эти операции должны быть совершены на организованных торгах на основании заявок, адресованных всем участникам торгов, в случае, если информация о лицах, подавших заявки, а также о лицах, в интересах которых были поданы заявки, не раскрывается другим участникам торгов [6].

3. Иные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, которые предусмотрены подпунктами 3-7 п. 1 ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ, под финансовыми инструментами понимаются ценные бумаги или производные финансовые инструменты (договор, за исключением договора репо, предусматривающий одну или несколько обязанностей, например, обязанность одной стороны передать ценные бумаги, валюту или товар в собственность другой стороне не ранее третьего дня после дня заключения договора, обязанность другой стороны принять и оплатить указанное имущество и указание на то, что такой договор является производным финансовым инструментом).

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» [7], под иностранной валютой понимаются:

а) денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также, изымаемые либо изъяты из обращения, но подлежащие обмену, указанные денежные знаки;

б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах.

Гражданский кодекс РФ (часть первая) под товаром понимает любую движимую либо недвижимую вещь (ст. 130 ГК РФ).

Уголовная ответственность за совершение данного преступления наступает в случае, когда в результате совершения указанных в диспозиции статьи действий, цена, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без учета указанных выше незаконных действий, и такие действия причинили крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере.

В соответствии с ч. 2 ст. 5 указанного Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 224-ФЗ, критерии существенного отклонения цены, спроса, предложения или объема торгов финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром по сравнению с уровнем цены, спроса, предложения или объема торгов такими финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром, который сформировался бы без учета действий, предусмотренных настоящей статьей, устанавливаются в зависимости от вида, ликвидности и (или) рыночной стоимости финансового инструмента, иностранной валюты и (или) товара организатором торговли на основании методических рекомендаций Банка России [8].

По законодательной конструкции состав преступления является материальным, так как законодатель общественно опасные последствия включил в обязательные признаки объективной стороны преступления. К ним относятся причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству. Кроме того, в систему законодательно закрепленных общественно опасных последствий законодателем включены: извлечение излишнего дохода в крупном размере, избежание убытков в крупном размере.

В соответствии с примечанием к рассматриваемой статье, под крупным ущербом, излишним доходом, убытками в крупном размере понимаются ущерб, излишний доход, убытки в сумме, превышающей три миллиона семьсот пятьдесят тысяч рублей.

Излишним доходом признается доход, определяемый как разница между доходом, который был получен в результате незаконных действий, и доходом, который сформировался бы без учета незаконных действий, предусмотренных ст. 185.3 УК РФ.

Избеганием убытков признаются убытки, которых лицо избежало в результате неправомерного использования инсайдерской информации и (или) манипулирования рынком.

Рассматриваемое преступление считается оконченным с момента наступления одного из альтернативных общественно опасных последствий в виде ущерба, избежания убытков, извлечения излишнего дохода в крупном размере.

Ряд ученых полагает, что данное преступление относится к числу формально-материальных составов преступлений, так как избежание убытков в крупном размере, извлечение излишнего дохода в крупном размере соотносится с деянием, указанным в диспозиции ст. 185.3 УК РФ [9]. Не соглашаясь с указанной позицией, отметим, что эти последствия являются результатом действий, непосредственно связанных с манипулированием рынком. Извлечение излишнего дохода или избежание убытков в крупном размере представляет собой объективное последствие, которое находит свое отображение в системе бухгалтерского, депозитарного, финансового и налогового учета. В примечании к ст. 185.3 УК РФ законодатель установил материальный порог, характеризующий общественно опасные последствия и определяет с какого момента преступление считается оконченным. Случаи манипулирования рынком, которые не вписываются в рамки статьи, влекут за собой административную ответственность. Если размер причиненного ущерба, излишнего дохода, убытков составил менее трех миллионов семисот пятидесяти тысяч рублей, то рассматриваемое деяние может быть квалифицировано по ст. 15.30 КоАП РФ «Манипулирование рынком».

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления возраста 16 лет, в том числе, инсайдер, участник рынка ценных бумаг и др.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом, о чем, в том числе, свидетельствует указание законодателя в диспозиции статьи на заведомость. Цель и мотивы преступления не являются обязательными для квалификации, однако, могут учитываться судом при назначении наказания.

Квалифицированный состав данного преступления предусмотрен ч. 2 ст. 185.3 УК РФ и предусматривает ответственность за действия, предусмотренные ч. 1 рассматриваемой статьи, совершенные организованной группой или причинившие ущерб в особо крупном размере гражданам, организациям или государству либо сопряженные с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в особо крупном размере, под которыми понимается ущерб, излишний до-

ход, убытки в сумме, превышающей пятнадцать миллионов рублей.

Существующий механизм уголовно-правовой охраны рынка ценных бумаг сегодня является не эффективным. Достаточно сложно, а порой - и невозможно установить субъекта или группу лиц, виновных в искажении реального состояния дел на рынке в силу их воздействия на все сферы жизни и отнесения их к правящей элите. Кроме того, отдельно следует вести речь о государстве, для которого манипулирование рынком есть ничто иное, как средство регулирования экономической ситуацией на внутреннем рынке страны и поддержания стабильности национальной валюты. Наиболее ярким примером манипуляций на рынке международного масштаба является манипулирование нефтью, когда курс национальной валюты ряда стран, в том числе, и России, определяется повышенными объемами продаж по заниженным ценам арабскими странами или инсайдерской информацией о состоянии нефтяной отрасли в США и мировых нефтяных запасах.

Изначально, с момента введения в УК РФ нормы, предусматривающей ответственность за манипулирование рынком, ученые-правоведы выразили опасения относительно ее состоятельности. Так, по словам Н.А. Лопашенко, это не «рыночная статья». Наличие её в законе вместо того, чтобы принести благо, окажется злом, и будет препятствовать конкуренции и свободе торговли [10]. А.А. Ивченко отмечал, что ст. 185.3 УК РФ сложно применима из-за специфических общественных отношений, регулируемых ею, а также из-за отсутствия методики расследования этих преступлений. В свою очередь, отсутствие методики расследования обуславливается отсутствием практики применения нормы, что приводит к безнаказанности за совершение

Литература:

1. См.: *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. М.: Статут, 2005. С. 168–170.
2. См.: *Талан М.В.* Ответственность за преступления на рынке ценных бумаг по уголовному праву России // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 4. С. 192.
3. О рынке ценных бумаг: федер. закон от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы Консультант Плюс.
4. О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг: федер. закон от 5 мар. 1999 г. № 46-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы Консультант Плюс.
5. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 27 июля. 2010 г. № 224-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы Консультант Плюс.

указанных преступлений [11]. Согласно официальным статистическим данным ГИАЦ МВД, России за период с 2014 по 2018 по ст. 185.3 УК РФ было зарегистрировано 6 уголовных дел, а направлено в суд с обвинительным заключением для рассмотрения дела по существу всего 1 уголовное дело в 2018 году. На сегодняшний день четкой направленности практики судебных решений по данной категории дел не сформировалось. Кроме того, рассматриваемый состав преступления необходимо отграничивать от смежного состава преступления, предусматривающего ответственность за ограничение конкуренции (ст. 178 УК РФ).

В заключение следует отметить, что по юридической конструкции норма ст. 185.3 УК РФ представляет собой недоработанный уголовно-правовой запрет, не позволяющий с учетом изложенных в диспозиции действий определить было ли на самом деле манипулирование рынком или нет. Однако незаконное манипулирование рынком подрывает доверие к российскому рынку, нарушает экономические законы свободной конкуренции и ценообразования, формирования спроса и предложения, что, в конечном итоге, ведет к утрате государством потенциальных доходов. Дальнейшая разработка действенного механизма противодействия манипулированию рынком является одной из первоочередных задач, способствующих экономической безопасности государства. Механизм уголовно-правовой охраны рынка ценных бумаг сегодня направлен, прежде всего, на общеприветливое воздействие, в результате чего, у инвесторов складывается впечатление о защищенности российского рынка ценных бумаг от преступных посягательств. Решать эту проблему следует уголовно-правовыми мерами в сочетании с существующей экономической ситуацией в стране.

Literature:

1. See: *Klepitsky I.A.* System of economic crimes. M.: Statute, 2005. P. 168–170.
2. See: *Talan M.V.* Responsibility for crimes on the securities market under the criminal law of Russia // Scientists notes of Kazan State University. Series: Humanities. 2010. T. 152. № 4. P.192.
3. About the securities market: Feder. Law of 22 Apr. 1996 № 39-ФЗ // Access from reference legal system Consultant Plus.
4. On protection of rights and legitimate interests of investors on the securities market: feder. Law of 5 mar. 1999 № 46-ФЗ // Access from the reference legal system Consultant Plus.
5. On Combating Illegal Use of Insider Information and Market Manipulation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Feder. Law of 27 July. 2010 № 224-ФЗ // Access from the reference legal system Consultant Plus.

6. См.: *Нудель С.Л.* Манипулирование рынком: уголовно-правовая характеристика // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 1. С. 16.

7. О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10 дек. 2003 г. № 173-ФЗ // Доступ из справочной правовой системы Консультант Плюс.

8. См.: «Методические рекомендации по установлению критериев существенного отклонения объема торгов иностранной валютой» (утв. Банком России 13 апр. 2018 г. № 10-МР) // Доступ из справочной правовой системы Консультант Плюс.

9. См.: *Лопашенко Н.А.* Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ : монография : в 2 ч. М. : Юрлитинформ, 2015. С. 339; *Кравец Ю.П.* Ответственность за манипулирование рынком по Российскому законодательству // Законность и правопорядок. 2018. № 4. Ч. II. С. 50; и др.

10. *Лопашенко Н.А.* Заключение на предложения о дополнении УК РФ новой главой «Преступления в сфере рынка ценных бумаг». URL : http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Law_ex/e_zp_rzb.htm (дата обращения 15.03.2019).

11. *Ивченко А.А.* Особенности методики расследования преступлений, связанных с манипулированием рынком // Российский следователь. 2012. № 13. С. 8–10.

6. See: *Nudel S.L.* Market Manipulation: Criminal Legal Characteristic // Scientific Journal of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2012. № 1. P. 16.

7. On foreign exchange regulation and foreign exchange control: feder. Law of December 10, 2003 № 173-ФЗ // Access from reference legal system Consultant Plus.

8. See: «Methodological Recommendations for Setting Criteria for Substantial Rejection of Foreign Currency Trading Volume» (Ed. Bank of Russia April 13, 2018 № 10-MP) // Access from the reference legal system Consultant Plus.

9. See: *Lopashenko N.A.* Crimes in the sphere of economic activity: theoretical and applied analysis : monograph : at 2 h. II. M. : JurLitinform, 2015. P. 339; *Kravets Y.P.* Responsibility for market manipulation under Russian legislation // Legality and law and order. 2018. № 4. P. 50; Et al.

10. *Lopashenko N.A.* Conclusion on proposals to supplement the Criminal Code of the Russian Federation with a new chapter «Crimes in the sphere of securities market». URL : http://sartracc.ru/i.php?oper=read_file&filename=Law_ex/e_zp_rzb.htm/Date of appeal 15.03.2019).

11. *Ivchenko A.A.* Peculiarities of the Methodology of Investigation of Crimes Related to Market Manipulation // Russian Investigator. 2012. № 13. P. 8–10.

Турицын Дмитрий Александрович
магистр права,
научный сотрудник,
Научный исследовательский институт
истории, экономики и права
i.am.newbie@hotmail.com

ДОГОВОР КУПЛИ-ПРОДАЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОГОВОРНОГО ПРАВА

Аннотация. В статье исследуются основные проблемы, связанные с правовым регулированием договора купли-продажи в сети «Интернет». Автор рассматривает дефиницию такого договора, положения законодательства, регулирующие данный вид договоров, а также некоторые аспекты заключения такого договора. Особое внимание – формам заключения такого договора – click-wrap и browse-wrap. Обоснован вывод о необходимости дополнительного регулирования данной сферы – закрепления положений, регулирующих click-wrap и browse-wrap формы заключения договора, а также положений, направленных на защиту покупателя в ГК РФ.

Ключевые слова: контракт, цифровизация договорного права, договор купли-продажи, цифровизация гражданских правоотношений, гражданское право, договорное право, купля-продажа в интернете, интернет-торговля.

Развитие цифровых технологий и резкий скачок научно-технического прогресса в конце XX – начале XIX века обусловили появление в современном мире новых способов, с помощью которых возможно осуществлять предпринимательскую деятельность. В частности, мы говорим о купле-продаже товаров посредством сети «Интернет». Столь резкое распространение данного феномена стало причиной появления ряда правовых и экономических проблем. В частности, в последнее время особую актуальность приобретает проблема правового регулирования института купли-продажи в сети «Интернет» как в рамках отрасли гражданского права, так и в его подотрасли – в договорном праве.

В данной связи важно отметить, что в настоящее время в рамках цифровой купли-продажи товаров выделают электронную и мобильную коммерции. Несмотря на то, что оба явления получили широкое распространение благодаря появлению общедоступных компьютеров, мобильных устройств и иных технических средств с возможностью выхода в мировую компьютерную сеть, они имеют разную природу имплементации. Для правильного понимания этой разницы следует

Dmitry A. Turitsyn
Master of Laws,
Research Fellow,
Research Institute of History,
Economics and Law
i.am.newbie@hotmail.com

SALE CONTRACT IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF CONTRACT LAW

Annotation. In the article researched the main issues, related to legal regulation of sale contract in the «Internet» network. Author consider the definition of such contract, provisions of legislation, regulating this type of contracts, as well as some aspects of concluding of such contract. Special attention is paid to the forms of conclusion of contracts – click-wrap and browse-wrap. It substantiated the conclusion on the necessity to additional regulation of this sphere – consolidation of provisions on the click-wrap and browse-wrap forms of conclusion of contract, as well as provisions, aimed to protection of buyer in the Civil Code of the Russian Federation).

Keywords: contract, digitalization of contract law, sale contract, digitalization of civil legal relations, civil law, contract law, sale in the Internet, internet-trading).

рассмотреть их отдельные элементы, взаимосвязь, а также правовую природу существования. Только определившись с данными критериями, можно переходить к правовому регулированию всего института.

В первую очередь, необходимо определить дефиниции электронной и мобильной коммерции.

Легальной дефиниции «электронной коммерции» или «электронной торговли» в законодательстве Российской Федерации и в рамках международного права отсутствует. Однако, как справедливо отмечает Алексеева Е.В., из преамбулы Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1996 г., следует, что под электронной коммерцией понимаются «сделки, заключаемые с помощью электронного обмена данными и других средств передачи данных, которые предусматривают использование альтернативных бумажным формам методов передачи и хранения информации» [1, с. 31]. Более широко данное явление рассматривает Холодкова К.С.: «электронная коммерция – бизнес-процессы, основанные на информационных технологиях, или коммерческая деятельность в Интернете» [11]. Интересным также представляется определе-

ние, предложенное в так и не принятом проекте Федерального закона № 11081-3 «Об электронной торговле», в котором электронная торговля рассматривается как «система заключения с использованием электронных средств массовых коммуникаций, предусмотренных действующим законодательством Российской Федерации сделок, направленных на приобретение и осуществление прав и обязанностей (покупка и продажа товаров, предоставление и получение услуг), в том числе, в сфере предпринимательской деятельности, а также переговоры в связи с заключением таких сделок, оформляемые путем обмена электронными документами» [8].

Характеризуя «мобильную коммерцию», следует отметить, что синонимичными понятиями, также употребляющимися в литературе, являются «мобильная торговля» и «мобильная продажа» [2, с. 105–111]. Наиболее емко мобильную коммерцию определил Юрасов А.В., отнеся к ней «куплю-продажу товаров, оказание услуг и другие коммерческие действия с использованием мобильных электронных устройств: сотовых телефонов, карманных компьютеров и т.п.» [12]. Также, среди элементов мобильной торговли выделяются: транзакция или иное действие инициировано посредством мобильного телефона, транзакция оплачена со счета оператора либо счета, привязанного к мобильному телефону [14]. Иными словами, основной отличительной особенностью мобильной коммерции от электронной коммерции является использование в качестве средства совершения покупки мобильного телефона либо иного мобильного технического средства.

Таким образом, мы можем говорить о том, что электронная коммерция – более широкая область, которая включает в себя мобильную коммерцию, поскольку в качестве средства совершения покупки предусматривает не только мобильные, но и стационарные технические средства с возможностью выхода в сеть «Интернет».

Далее рассмотрим правовой статус договора купли-продажи в сети «Интернет». Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации основным источником регулирования таких договоров является Гражданский кодекс Российской Федерации. Помимо данного акта, положения о данном виде договоров содержатся в Законе РФ «О защите прав потребителей» и ряде Постановлений Правительства РФ. Несмотря на отсутствие в ГК РФ ряда положений, которые учитывали бы специфику такого рода сделок, в нем содержатся основные положения, позволяющие верно классифицировать такой договор.

Определяя правовой статус договора купли-продажи через сеть «Интернет», ряд исследователей указывает на то, что такой договор является по своей природе договором розничной дистанционной купли-продажи, следовательно, регулируется положениями §2 гл. 30 ГК РФ и п. 2 ст. 497 ГК РФ в частности, который предусматривает, что «договор розничной купли-продажи может быть заключен на основании ознакомле-

ния покупателя с предложенным продавцом описанием товара посредством каталогов, проспектов, буклетов, фотоснимков, средств связи (телевизионной, почтовой, радиосвязи и других) или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления потребителя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора» [3]. Отметим также, что Законом РФ «О защите прав потребителей» в п. 2 ст. 26.1 предусматривается обязанность продавца до заключения договора предоставить покупателю информацию «об основных потребительских свойствах товара, об адресе (месте нахождения) продавца, о месте изготовления товара, о полном фирменном наименовании (наименовании) продавца (изготовителя), о цене и об условиях приобретения товара, о его доставке, сроке службы, сроке годности и гарантийном сроке, о порядке оплаты товара, а также о сроке, в течение которого действует предложение о заключении договора», а также в п. 4 вышеназванной статьи – право покупателя «отказаться от товара в любое время до его передачи, а после передачи товара – в течение семи дней» [4]. Следовательно, такой договор является консенсуальным, поскольку иначе стороны будут лишены права предъявить требования о передаче товара или его неоплаты [5, с. 216–217].

Следует также отметить, что в отечественном правовом поле действуют разработанные Правительством Правила продажи дистанционным способом, которые можно считать неким разъяснением порядка ведения бизнеса по продаже товаров посредством сети «Интернет», содержащим основные аспекты осуществления дистанционной торговли товарами [7].

Таким образом, мы можем говорить о том, что в Российской Федерации имеется законодательная основа осуществления интернет-предпринимательства посредством договора купли-продажи через сеть «Интернет».

Основные дискуссионные вопросы относительно договора купли-продажи в сети «Интернет» касаются акцепта оферты продавца и, соответственно, формы заключения такого договора. В данной связи, принято выделять две формы заключения договоров в сети «Интернет»: click-wrap и browse-wrap [6, с. 113]. Рассмотрим обе формы.

Под click-wrap соглашением обычно понимается договор, заключаемый в электронном виде посредством отметки одной из сторон в специальном поле о согласии на заключение договора. Обычно, такое поле представляет собой элемент сайта («check-box») с подписью «я согласен(а)», находящиеся после текста договора [9, с. 640]. Обычно, не отметив данный check-box, покупатель не может продолжить оформление заказа и перейти к оплате. Таким образом, можно сказать, что оставление отметки в соответствующем check-box означает намерение стороны-покупателя на заключение договора и, можно сказать, заменяет его подпись под договором.

Основная проблема такой формы заключения договора купли-продажи в сети «Интернет» заключается в невозможности точного определения субъективного состава. Иными словами, такая форма затрудняет определение контрагентов. В отношении покупателя, это связывается с невозможностью досконально установить его личность. Такой субъект может использовать чужое имя и фамилию либо действовать анонимно. В отношении продавца – владельца платформы или интернет-магазина – также наблюдается аналогичная проблема. Таким образом, мы можем говорить о том, что в сети «Интернет» практически невозможно определить субъектный состав договора купли-продажи таким способом. Тем не менее, данная проблема решается обязательным подтверждением своего волеизъявления на заключения сделки персонафицированной электронной подписью. Однако следует отметить низкую вероятность широкого распространения данного способа в силу небольшого распространения среди населения цифровых подписей.

Форма заключения договора купли-продажи «browse-wrap». Также, именуемая «web-wrap» представляет собой соглашение, условия которого располагаются в специальной директории, обычно называемой «Пользовательское соглашение», «Правила пользования», «Условия пользования» и т.п. В случае использования данной формы, покупатель не выражает свое волеизъявление на заключение сделки и, следовательно, не соглашается с условиями в явной форме, лишь ознакомливается с ними. При этом проявление волеизъявления покупателя на совершение сделки происходит следующим обра-

зом: покупателю необходимо остаться на веб-сайте платформы или интернет-магазина после получения уведомления о правилах пользования сайтом [6, с. 113–114]. Иными словами, акцепт такого договора проявляется в форме конклюдентного действия со стороны покупателя.

В данной связи отметим, что именно способ акцепта является отличительной чертой каждой из форм заключения договора купли-продажи в сети «Интернет» [13, с. 14]. Следует также отметить, что, поскольку click-wrap договоры, в отличие от browse-wrap договоров менее разработаны и исследованы, в судах чаще встречаются споры именно по browse-wrap договорам. Зачастую, такие сделки признаются недействительными [10, с. 70].

Таким образом, мы видим, что в настоящее время сфера интернет-коммерции представляет собой абсолютно уникальную систему перераспределения товаров среди пользователей сети «Интернет». Несмотря на наличие в российском законодательстве положений, позволяющих регулировать данную сферу, наблюдается определенные пробелы. В частности, на наш взгляд, необходимо легально определить click-wrap и browse-wrap формы заключения договора купли-продажи в сети «Интернет», а также – разработать механизмы защиты покупателей в рамках совершения подобных сделок. Такие положения следует поместить в ст. 158 ГК РФ, а также в §2 гл. 30 ГК РФ. Закрепление данных положений является необходимым условием для дальнейшего устойчивого развития российского цифрового пространства, интернет-бизнеса и предпринимательства в целом.

Литература:

1. *Алексеева Е.В.* Понятие и сущность электронной коммерции // *Время и право.* 2015. № 2. С. 31.
2. *Васильева Т.В.* Мобильная коммерция: прошлое, настоящее, будущее // *Вопросы современной науки и практики.* Университет им. В.И. Вернадского. 2014. № 3(53).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // СПС «Консультант Плюс».
4. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 18.07.2019) «О защите прав потребителей» // СПС «Консультант Плюс».
5. *Кириллова Е.А.* Проблемы заключения договора купли-продажи через интернет // *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика.* 2016. № 11.
6. *Коростылева Е.С.* Заключение договора купли-продажи в сети Интернет: проблемы и пути их

Literature:

1. *Alekseeva E.V.* The concept and essence of electronic commerce // *Time and Law.* 2015. № 2.
2. *Vasilieva T.V.* Mobile commerce: past, present, future // *Questions of modern science and practice.* University named after in V.I. Vernadsky. 2014. № 3(53).
3. The Civil Code of the Russian Federation (part two) of 01/26/1996 № 14-ФЗ (as amended on 03/18/2019, as amended on 07/03/2019) // ATP «Consultant Plus».
4. The Law of the Russian Federation of 07.02.1992 № 2300-1 (as amended on 07/18/2019) «On the Protection of Consumer Rights» // ATP «Consultant Plus».
5. *Kirillova E.A.* Problems of concluding a contract of sale through the Internet // *Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice.* 2016. № 11.
6. *Korostyleva E.S.* The conclusion of the contract of sale on the Internet: problems and solutions //

решения // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 12.

7. Постановление Правительства РФ от 27.09.2007 № 612 (ред. от 04.10.2012) «Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом» // СПС «Консультант Плюс»

8. Проект Федерального закона № 11081-3 «Об электронном договоре» (ред. внесенная в ГД РФ, текст по состоянию на 03.10.2000) // СПС «Консультант Плюс».

9. *Савельев А.И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование (2-е изд.). М., 2016.

10. *Садькова М.М.* Кликнул и «попал» или о том, как заключить договоры онлайн (обзор зарубежной литературы) // Право и государство. 2019. № 1.

11. *Холодкова К.С.* Анализ рынка электронной коммерции в России. URL : <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/26760> (дата обращения 19 ноября 2019 года).

12. *Юрасов А.В.* Основы электронной коммерции : учебник для вузов. М. : Горячая линия-Телеком, 2008.

13. *Bruser H.H.* Form Contracts in an Online World: The Enforceability of Click-wrap and Browse-wrap Agreements // The Federal Lawyer. 2008.

14. Data Insight. Мобильная коммерция: маленький экран захватывает большой мир // Материалы исследования. 2011.

Sustainable development of science and education. 2018. № 12.

7. Decree of the Government of the Russian Federation of September 27, 2007 № 612 (as amended on October 4, 2012) «On approval of the Rules for the sale of goods by remote means» // ATP «Consultant Plus».

8. Bill of the Federal Law № 11081-3 «On the Electronic Contract» (as amended by the State Duma of the Russian Federation, text as of 03.10.2000) // ATP «Consultant Plus».

9. *Savelyev A.I.* E-commerce in Russia and abroad: legal regulation (2nd edition). M., 2016.

10. *Sadykova M.M.* I clicked and «got» or about how to conclude contracts online (review of foreign literature) // Law and State. 2019. № 1.

11. *Kholodkova K.S.* Analysis of the e-commerce market in Russia. URL : <http://web.snauka.ru/issues/2013/10/26760> (accessed November 19, 2019).

12. *Yurasov A.V.* The basics of e-commerce. Textbook for high schools. M. : Hotline-Telecom, 2008.

13. *Bruser H.H.* Form Contracts in an Online World: The Enforceability of Click-wrap and Browse-wrap Agreements // The Federal Lawyer. 2008.

14. Data Insight. Mobile Commerce: Small Screen Captures the Big World // Research materials. 2011.

Узгорская Ирина Александровна
преподаватель кафедры
уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
Irina-uzgorskaja@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ СРОКА ДОЗНАНИЯ

Аннотация. Базисом для построения уголовно-процессуальной деятельности является срок реализации всего уголовного судопроизводства. Любая процессуальная деятельность протекает в строго ограниченных действующим законодательством рамках, заключенных в сроки. В статье рассматриваются проблемные вопросы исчисления сроков дознания в традиционной его форме. С учетом правоприменительной практики предложены возможные способы совершенствования действующих уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок исчисления сроков производства дознания.

Ключевые слова: предварительное расследование, общая форма дознания, исчисление сроков дознания, нарушение сроков производства дознания, постановление о возбуждении ходатайства о продлении срока дознания, изменение исчисления сроков дознания.

Базисом для построения уголовно-процессуальной деятельности является срок реализации всего уголовного судопроизводства. Любая процессуальная деятельность протекает в строго ограниченных действующим законодательством рамках, заключенных в сроки. На основании уголовно-процессуальной нормы, закрепленной в ст. 128 УПК РФ, процессуальные сроки исчисляются часами, сутками, месяцами. Периоды предварительного расследования по уголовным делам исчисляются сутками и месяцами. В данной статье речь пойдет об исчислении сроков дознания в сутках, согласно уголовно-процессуальным нормам, закрепленным в статьях 223, 226.6 УПК РФ.

Изучив содержание уголовно-процессуальных норм, регламентирующих исчисление сроков производства дознания, как в общей, так и в сокращенной форме, можно прийти к выводу о том, что временные рамки сокращенного дознания обосновано заключены в суточное исчисление, поскольку его производство составляет 15 суток, точнее не должен превышать данный период расследования и продление которого допускается при наличии предусмотренных уголовно-

Irina A. Uzgorskaya
Lecturer of the Department
of Criminal Procedure,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Irina-uzgorskaja@rambler.ru

TO THE QUESTION OF THE APPROPRIATENESS OF CHANGING THE PERIOD OF INQUIRY

Annotation. The basis for the construction of criminal procedure is the deadline for the implementation of the entire criminal proceedings. Any procedural activity takes place within the strictly limited framework of the current legislation, concluded on time. The article discusses the problematic issues of calculating the terms of inquiry in its traditional form. Taking into account the law enforcement practice, possible ways of improving the existing criminal procedural rules governing the procedure for calculating the terms of inquiry are proposed.

Keywords: preliminary investigation, general form of inquiry, calculation of the terms of inquiry, violation of the terms of the inquiry, decision to initiate a request to extend the term of inquiry, change of calculation of the terms of inquiry.

процессуальным законодательством оснований до 20 суток. Производство же дознания в общем порядке составляет 30 суток и данный срок может быть продлен на аналогичный период [1]. И в данном контексте возникает предположение о необходимости изменении его исчисления с суток на месяцы, проводя параллель установленным срокам производства предварительного следствия.

При этом при реализации уголовно-процессуальных норм, отраженных в частях 4,5 ст. 223 УПК РФ отмечается изменение порядка исчисления сроков с суток на месяцы. То есть, дознаватель может ходатайствовать перед надзирающим прокурором о продлении сроков дознания до 6 месяцев, а в последствии, так же, перед прокурором субъекта Российской Федерации – до 12 месяцев.

Если в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством дознавателем исчерпаны установленные сроки расследования, то уголовное дело направляется прокурору для поручения дальнейшего расследования органам предварительного следствия, в соот-

ветствии с уголовно-процессуальными нормами, отраженными в п. 12 ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 150 УПК РФ.

Следует подробнее рассмотреть процессуальный порядок исчисления сроков производства дознания и выяснить причину допускаемых нарушений указанных норм уголовно-процессуального законодательства на практике. В соответствии с ч. 2 ст. 128 УПК РФ окончание срока исчисляемого сутками оканчивается в 24 часа последних суток, а в соответствии с ч. 3 ст. 223, ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ началом срока является день возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Исходя из исчисления сроков сутками, следует обращаться к понятийному аспекту данного временного периода. Исходя из интерпретации, содержащейся в словаре С.И. Ожегова, это – календарное понятие, в котором заложен период от одной полуночи до другой [2]. Согласно трактовке, отраженной в словаре Д.Н. Ушакова, сутками является продолжительность дня и ночи [3]. Также, следует учесть наличие выходных (а именно воскресенья) и праздничных (установленных трудовым законодательством) дней, которые не входят в срок, исчисляемый сутками. Если, согласно исчисляемого срока, дознание должно быть окончено в нерабочий день, то последним днем срока является первый, следующий за ним, рабочий день. В случае, если выходной и нерабочий праздничный день совпадают, то выходной день переносится на следующий после праздничного рабочий день.

В связи с существующим исчислением сроков дознания, возникают разносторонние трактовки правильности продления сроков производства расследования по уголовному делу. В ходе анализа практики производства дознания по уголовным делам, находящимся в производстве дознавателей территориальных ОМВД по Краснодарскому краю, установлено, что большая часть нарушений имеется при переходе исчисления сроков с суток на месяцы при продлении сроков дознания по уголовным делам. Также, имеет место неправильное исчисление сроков в случае, если дата принятия необходимого решения приходится на праздничные или нерабочие дни.

Разночтение уголовно-процессуальных норм, путаница с подсчетом сроков при исчислении, продлении сроков дознания не только дознавателями, но и прокурорами, приводит к необоснованному увеличению сроков предварительного расследования, нарушению прав участников уголовного судопроизводства.

В качестве примеров приведем следующие факты.

Так, в ОД ОМВД РФ по Тбилисскому району Краснодарского края при производстве дознания по уголовному делу, возбужденному 13.10.2018 г. дознавателем 13.11.2018. было вынесено постановление о возбуждении перед прокурором ходатайства о продлении срока дознания до 13.12.2018 г. Указанное свидетельствует о

нарушении порядка производства данного процессуального действия, выраженного как в несвоевременном предоставлении уголовно-процессуального документа, так и нарушении исчисления сроков, поскольку из указанной интерпретации следует, что он истек 12.11.2018 г. При этом дознаватель ходатайствовал о продлении срока не на 30 суток, а на 1 месяц, что является нарушением ч. 3 ст. 223 УПК РФ. Прокурор, в свою очередь, продлил срок дознания на указанный срок, то есть до 13.12.2018 года. В данном случае срок производства дознания необоснованно был превышен на одни сутки.

При изучении уголовного дела, находящегося ранее в производстве дознавателя отдела дознания ОМВД РФ по Кавказскому району Краснодарского края, установлено нарушение исчисления срока дознания при принятии решения по уголовному делу. 01.04.2018 г. дознавателем было вынесено постановление о возбуждении уголовного дела. По уголовному делу срок окончания производства дознания – 30 суток приходился на 31.04.2018 год. При этом дознавателем был неверно рассчитан срок, выразившийся в том, что по его расчетам, он оканчивался на 01 мая. В данном случае, срок производства дознания необоснованно был превышен на одни сутки.

При производстве дознания по уголовному делу в ОД ОМВД РФ по Красноармейскому району Краснодарского края имели место грубые нарушения действующего уголовно-процессуального законодательства при ходатайстве перед прокурором о продлении срока дознания. Так, дознаватель ходатайствовал перед прокурором о продлении срока дознания не на 30 суток, как это регламентирует ч. 3 ст. 223 УПК РФ, а на один месяц. А также, рассчитывая срок производства дознания, им безосновательно были вычтены праздничные дни, приходящиеся на май (02 мая, 09 мая). Таким образом, был неверно интерпретирован срок: срок начала дознания датировался 01.05.2018 года, а срок, до которого требовалось продление согласно постановлению – 03.06.2018 года.

Изначально, неверно рассчитывая срок производства дознания по уголовному делу и, впоследствии, ходатайствуя о его продлении на 30 суток, до 6, 12 месяцев, происходит выход за рамки установленного действующим законодательством порядка сроков исчисления. При таких обстоятельствах к срокам производства дознания по уголовному делу добавляются несколько «неучтенных» и незаконных суток. И этим нарушениям способствует не только неверный расчет сроков производства самим дознавателем, но и переход измерений исчисления с суток на месяцы. Последствиями ненадлежащего исчисления сроков, которое приобретает впоследствии «длящийся характер». Суть заключается в том, что

Необходимость изменения исчисления срока производства дознания месяцами по аналогии с исчислением сроков при производстве предварительного следствия, подкрепляется также

наличием отсылки к главе 22 УПК РФ, которая регламентирует порядок производства дознания по уголовным делам и всесторонне регулирует производство предварительного следствия. В связи с чем, возникает обоснованное предложение об изменении исчисления сроков дознания в общей форме с суток на месяцы.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.10.2019 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система. URL : <http://www.consultant.ru>. (дата обращения 22.10.2019).
2. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
3. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка. М. : Альта-Принт, 2005. 1216 с.
4. *Долгов А.М.* К вопросу об определении сроков производства предварительного расследования в форме дознания и порядке их продления. URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-opredelenii-srokov-proizvodstva-predvaritelnogo-rassledovaniya-v-forme-doznaniya-i-poryadke-ih-prodleniya> (дата обращения 09.11.2019).
5. *Глушков М.Р.* Об исчислении сроков сутками в уголовном судопроизводстве. URL : <http://отрасли-права.рф/article/16674> (дата обращения: 02.10.2019).

Таким образом, в целях недопущения дознавателями ошибок при исчислении сроков дознания, целесообразно внести изменения в ч.3 ст. 223 УПК РФ, а именно: «Дознание производится в срок не позднее 1 месяца со дня возбуждения уголовного дела. При необходимости этот срок может быть продлен прокурором до 2 месяцев».

Literature:

1. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 № 174-FZ (as amended on October 1, 2019 // Consultant Plus: Comp. Reference Legal System. URL : <http://www.consultant.ru> (date of appeal: 10/22/ 2019).
2. *Ozhegov S.I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed. / S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. M. : A TEMP LLC, 2006. 944 p.
3. *Ushakov D.N.* Explanatory dictionary of the Russian language. M. : Alta-Print, 2005. 1216 p.
4. *Dolgov A.M.* On the issue of determining the timing of the preliminary investigation in the form of an inquiry and the procedure for their extension. URL : <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-opredelenii-srokov-proizvodstva-predvaritelnogo-rassledovaniya-v-forme-doznaniya-i-poryadke-ih-prodleniya> (date of access 09.11. 2019).
5. *Glushkov M.R.* On calculating the terms of days in criminal proceedings URL : <http://industry-prava.rf/article/16674> (date of access 02.10.2019).

Усманова Елена Фанильевна

кандидат юридических наук,
доцент,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва
usmanowa_ef@rambler.ru

Зеленова Наталья Алексеевна

студентка юридического факультета,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет
имени Н.П. Огарёва
natashazelenova04@yandex.ru

**ПРАВО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ
И СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ
РАЗБИРАТЕЛЬСТВО:
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ
АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА)**

Аннотация. В статье раскрываются международно-правовые аспекты содержания категорий «право на доступ к правосудию» и «право на справедливое судебное разбирательство», их различия и взаимосвязь. Особое внимание уделено обзору практики Европейского Суда по правам человека по рассмотрению жалоб в связи с нарушением вышеуказанных прав. Кроме того, была проанализирована статистика заявлений в Европейский Суд за период его существования, результаты исследования подтверждают актуальность данной темы.

Ключевые слова: право на доступ к правосудию, право на справедливое судебное разбирательство, Конвенция о защите прав и основных свобод человека и гражданина, Европейский Суд по правам человека.

В ерховенство и непосредственное действие прав и свобод человека определяет содержание законодательной и правоприменительной деятельности в государстве. Реальная защита и полное обеспечение реализации законных интересов граждан осуществляется посредством права на свободный доступ к правосудию. В Российской Федерации закреплена гарантия судебной защиты прав и свобод в статье 46 Конституции Российской Федерации. В международных нормативных актах данное право закреплено в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, в ст. 14 Международного Пакта о гражд-

Elena F. Usmanova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
National Research
Mordovsky State University
named after N.P. Ogaryov
usmanowa_ef@rambler.ru

Natalia A. Zelenova

Student of Law Department,
National Research
Mordovsky State University
named after N.P. Ogaryov
natashazelenova04@yandex.ru

**RIGHT TO ACCESS TO JUSTICE
AND A FAIR TRIAL:
INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS
(CASE LAW OF THE EUROPEAN
COURT OF HUMAN RIGHTS)**

Annotation. The article reveals the international legal aspects of the content of the categories «right to access to justice» and «right to a fair trial», their differences and interconnection. Particular attention is paid to a review of the practice of the European Court of Human Rights to deal with complaints of violations of the above rights. In addition, the statistics of applications to the European Court for the period of its existence were analyzed, the results of the study confirm the relevance of this topic.

Keywords: right to access to justice, right to a fair trial, Convention for the Protection of the Rights and Fundamental Freedoms of Man and Citizen, European Court of Human Rights.

данских и политических правах, в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и ряде других документов.

Однако следует отметить, что указанные акты не имеют в своем содержании формулировки понятия «право на доступ к правосудию». Данное положение объясняется тем, что право на свободный доступ к правосудию является составным элементом права на суд, наряду с правом на справедливое судебное разбирательство. Однако их границы весьма условны. Обе составляющие находятся в тесной взаимосвязи, таким образом, право на справедливое судебное

разбирательство не может быть реализовано без права на доступ к суду и наоборот [6, с. 72].

К примеру, в статье 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, впервые закрепившей идею беспрепятственного доступа к суду, установлено, что «каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом». В ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод используется иная формулировка, позволяющая толковать содержание права, на наш взгляд, более широко. Во-первых, в Конвенции отсутствует привязка к национальным органам, осуществляющим правосудие, таким образом, мы можем судить о том, что данное положение свидетельствует о закреплении права обращения в международные органы правосудия. В содержании вышеуказанной статьи задается ряд критериев, определяющих порядок судопроизводства: справедливость, публичность разбирательства, производство в разумный срок, законность, независимость и беспристрастность суда. Однако последнее скорее характеризует содержание права на справедливое судебное разбирательство, что отражает тенденцию современного международного устанавливать единые требования к механизмам судебной защиты внутри государств. На текущий период создано большое число международно-правовых документов, регламентирующих доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство, которые, как правило, в отношении государств имеют ориентирующий характер, на основании их может формироваться национальная судебная система.

Право человека на доступ к правосудию является непосредственно действующим, не зависит от закрепления его в виде нормы в законодательстве конкретного государства. Однако практика демонстрирует, что, нередко, даже при наличии в государстве механизмов, обеспечивающих доступ к правосудию, ограничивается реальная возможность обращаться в суд. В таких случаях гражданин направляет заявление в международные учреждения, осуществляющие правосудие, с жалобой на невозможность разрешить дело в рамках производства в национальном суде.

Наиболее часто с подобными жалобами, ссылаясь на нарушение ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод человека, обращаются в Европейский Суд по правам человека (далее по тексту – ЕСПЧ). Рассмотрение дела в ЕСПЧ возможно лишь при соблюдении ряда правил:

Проанализировав практику ЕСПЧ по решениям, в которых подавалась жалоба на несоблюдение национальными судами и иными государственными органами прав, закрепленных в статье 6 Конвенции, можно прийти к выводу о том, что наиболее часто нарушаемые требования к правосудию можно разделить на три блока [1, с. 68]:

– обеспечение принципов справедливости судебного разбирательства, в том числе независимости, беспристрастности суда и равенства сторон в процессе;

– разумный срок судопроизводства, рассмотрения дела в различных судебных инстанциях;

– соблюдения порядка и полноты исполнения судебных решений, а также запрета необоснованной отмены решения.

Подобной логики подразделения требований, связанных с нарушением прав, придерживаются при формировании судебной статистики. Европейский Суд в своем отчете «Annual report European Court of Human Rights 2018» проанализировав весь объем судебных решений за период с 1959 по 2018 г., произвел подсчет жалоб, касающихся нарушений прав, гарантированных ст. 6 Конвенции по защите прав и основных свобод человека:

Жалобы на нарушение права на справедливое судебное разбирательство (Right to a fair trial) – 4902.

Жалобы на продолжительность судебного разбирательства (Length of proceeding) – 5778.

Жалобы на исполнение судебных решений (Non-enforcement) – 529 [4].

В совокупности общий объем решений по жалобам на нарушение прав, закрепленных в ст. 6 Конвенции – 11209, что составляет 52 % от числа всех решений ЕСПЧ в указанный период с момента основания по 2018 год (21 651).

Стоит обратить внимание на то, что в указанной статистике доля жалоб, связанных с нарушением права на доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство против Российской Федерации, велика. Из общего числа судебных разбирательств в ЕСПЧ, где одной из сторон являлась Россия (2501 решений), 1161 жалоба касалась нарушения ст. 6 Конвенции, что составляет 46 % от постановлений суда [4].

Если проводить сравнение с другими государствами-членами Совета Европа, то «лидером» по обращениям, связанным с нарушением права на судебное разбирательство, является Турция (1588), вторая позиция у Российской Федерации (1161), и тройку замыкает Украина (980). Стоит подчеркнуть, что против России и Украины жалобы были поданы в течение относительно небольшого временного периода, с момента вступления государств в Совет Европы, т.е. с конца 90-х годов XX века до 2018 года. В то время как Турция первоначально входила в сферу юрисдикции ЕСПЧ, следовательно, весь объем жалоб против этого государства сформировался за шестидесятилетний период. Однако если брать в расчет количество жалоб исключительно за 2018 год, то состав государств, в отношении которых чаще всего подаются жалобы о нарушении «права на суд» не изменится, но поменяется их расстановка внутри тройки. Так, наибольшее

число судебных разбирательств было в отношении Российской Федерации – 68, немногим меньше против Украины – 64, и количество жалоб против Турции составляет 53 [4].

Отдельное внимание хотелось бы уделить отдельным категориям жалоб, подаваемых против Российской Федерации в связи с неисполнением требований ст. 6 Конвенции в соответствии с данными статистики Европейского суда по правам человека с 1959 по 2018 г. Лидирующие позиции по числу обращений против Российской Федерации занимает обеспечение принципов справедливости судебного разбирательства – 820. Как показывает практика, наиболее часто подаются жалобы о нарушении принципа равноправия сторон в процессе, например, в своей жалобе заявитель указывал, что суд первой инстанции не обеспечил присутствие свидетеля стороны обвинения и свидетелей стороны защиты, что существенно нарушало требование ст. 6 Конвенции. (Постановление ЕСПЧ от 4 декабря 2014 г. Дело «Казаков против Российской Федерации» по жалобе № 16412/06).

По другой категории жалоб, связанных с нарушением сроков судопроизводства, количество заявлений значительно меньше – 204. Как правило, жалобы подаются по причине чрезмерной длительности судопроизводства, причем, следует отметить, что данное нарушение одинаково распространено в всех судебных инстанциях. В Постановлении ЕСПЧ от 1 апреля 2010 г. Дело «Михайлов против Российской Федерации» по жалобе № 4543/04, гражданин указывает на превышение длительности (свыше пяти лет) производства по его иску в суде первой инстанции, а также в нарушение его права на доступ к суду второй инстанции [2]. В другом случае, общий срок судебного разбирательства по делу о защите права собственности на земельный участок рассматривался составлял восемь лет и семь месяцев (Постановление ЕСПЧ от 18 июня 2009 г. Дело «Рысев против Российской Федерации» по жалобе № 924/03) [3].

Количество обращений в ЕСПЧ по третьей категории жалоб в связи с нарушением порядка и пол-

ноты исполнения судебного решения составляет 137 решений, однако, в сравнении с началом 2000-х годов их количество в последние годы значительно возросло. Например, решение национального суда о выделении квартиры заявителю не исполнялось на протяжении четырех лет и одного месяца, в результате чего ЕСПЧ установил, что длительное неисполнение решения не оправдано, отсутствуют какие-либо обстоятельства, влияющие на своевременность (Постановление ЕСПЧ от 29 января 2009 г. Дело «Левищев против Российской Федерации» по жалобе № 34672/03). [5] Как правило, сроки нарушений по исполнению судебных решений значительны, однако имеются обращения по признанию чрезмерными относительно небольших временных промежутков. Так, в Постановлении ЕСПЧ от 29 июля 2010 г. Дело «Кузнецова против Российской Федерации» по жалобе № 3006/03, срок неисполнения судебного решения был менее пяти месяцев, вследствие чего ЕСПЧ отказал в удовлетворении жалобы, указав, что данный срок является разумным с позиции Конвенции [4].

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что право на доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательств, призванное обеспечивать защиту иных прав и свобод человека и гражданина, зачастую, реализуется не в полной мере, а нередко значительно ограничивается, вследствие чего, при исчерпании внутригосударственных способов защиты, лица, чьи интересы нарушены, прибегает к обращению в международные организации, осуществляющие отправление правосудия. Анализ статистики Европейского Суда по правам человека с 1959 по 2018 г. показал, что более половины жалоб связаны с нарушением ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод человека и гражданина, гарантирующей право на судебное разбирательство. Кроме того, в указанных статистических данных значительна доля заявлений против Российской Федерации, что приводит к выводу о необходимости совершенствования внутригосударственных способов защиты граждан и контроля над отправлением правосудия и исполнением судебных решений.

Литература:

1. *Переплеснина Е.М.* Реализация прав граждан на доступ к правосудию (международно-правовой аспект) // Юридическая наука. 2011. № 3. С. 67–71.
2. Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 апреля 2010 г. Дело «Михайлов против Российской Федерации» по жалобе № 4543/04. URL : <https://www.garant.ru/>
3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 июня 2009 г. Дело «Рысев против Российской Федерации» по жалобе № 924/03. URL : <https://www.garant.ru/>
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 июля 2010 г. Дело «Галина Куз-

Literature:

1. *Perelesnina E.M.* The exercise of citizens' rights to access to justice (international legal aspect) // Legal Science. 2011. № 3. P. 67–71.
2. The judgment of the European Court of Human Rights of April 1, 2010. The case of Mikhailov v. Russia, on complaint № 4543. URL : <https://www.garant.ru/>
3. The judgment of the European Court of Human Rights of June 18, 2009. The case «Rysev v. Russian Federation» in relation to complaint. № 924/03. URL : <https://www.garant.ru/>
4. The judgment of the European Court of Human Rights of July 29, 2010. The case «Galina Kuz-

нецова (Galina Kuznetsova) против Российской Федерации» (жалоба № 3006/03). URL : <https://www.garant.ru/>

5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 января 2009 г. Дело «Левищев против Российской Федерации» по жалобе № 34672/03. URL : <https://www.garant.ru/>

6. *Ткачёва Н.В.* Принцип доступности правосудия в практике Европейского суда по правам человека // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2010. № 38(214). С. 71–73.

7. Annual report European Court of Human Rights 2018. URL : https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2018_ENG.pdf (дата обращения 18.11.2019 г.).

netsova (Galina Kuznetsova) v. Russian Federation" (complaint № 3006/03) . <https://www.garant.ru/>

5. The judgment of the European Court of Human Rights of January 29, 2009. The case of «Levishchev v. Russia» on complaint № 34672/03 . <https://www.garant.ru/>

6. *Tkacheva N.V.* The principle of accessibility of justice in the practice of the European Court of Human Rights // Bulletin of SUSU. Series: Law. 2010. № 38(214). P. 71–73.

7. Annual report European Court of Human Rights 2018. URL : https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2018_ENG.pdf (date of the address 18.11. 019).

Хабиева Заира Докуевна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
yana_bo_09@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной статье анализируются современные проблемы российского законодательства в сфере уголовного права. Рассматриваются статистические данные совершенных преступлений в РФ. Подвергаются анализу последние корректировки, Уголовного кодекса Российской Федерации. Выделяются основные тенденции развития и эффективного становления уголовного законодательства РФ. Также анализируются актуальные проблемные вопросы при применении «модернизированных» правовых норм Уголовного кодекса Российской Федерации, которые были откорректированы за последнее время. Большое внимание уделено на «проблематичность» внесенных корректировок, которые только дестабилизируют положения закона.

Ключевые слова: уголовное законодательство РФ; криминал; деяния; наказание; правовое действие.

От того, какие правовые нормы Уголовного права РФ своевременно и эффективно совершенствуются и практикуются, зависит очень многое. Прежде всего, это касается безопасности всего гражданского социума нашей державы. Одним из фундаментальных принципов, при соблюдении современных положений законодательства – является решение проблемных вопросов, связанных с усовершенствованием этих положений. В частности, это относится к развитию соответствующих институтов правового обеспечения. На сегодняшний день, актуализировались поправки уголовного законодательства, связанные с различными противоправными принципами законодательства.

Согласно Земцовой А.В., в нашей стране проводится колоссальная работа по совершенствованию противоправных положений [1]. Большой частью, подобные противоправные поправки вносятся в такие сферы человеческой деятельности, как экономика (или ведение бизнеса и предпринимательство).

Однако находятся и противники подобных «преобразований» в российском уголовном законодательстве. Например, Крылова Н.Е. считает, что современные поправки в Уголовный Кодекс РФ только укрепляют репрессивные стороны [7, с. 89], хотя сами законодатели имеют и свои аргументы.

Zaira D. Khabieva
Senior lecturer,
Department of Civil Law and Procedure,
Chechen State University
yana_bo_09@mail.ru

MODERN PROBLEMS OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. This article analyzes the current problems of Russian legislation in the field of criminal law. Statistical data on crimes committed in the Russian Federation are considered. The latest adjustments to the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed. The main trends in the development and effective formation of the criminal legislation of the Russian Federation are highlighted. It also analyzes the current problematic issues in applying the «modernized» legal norms of the Criminal Code of the Russian Federation, which have been revised recently. Much attention is paid to the «problematic nature» of the amendments made, which only destabilize the provisions of the law.

Keywords: criminal legislation of the Russian Federation; crime; acts; punishment; legal action.

В современном гражданском обществе, одной из важных черт поправок, вносимых в уголовное законодательство страны, по праву можно назвать «всеобщее» уважение социума к ним. Применение сложной терминологической базы при внесении корректировок в уголовное законодательство только усиливают «негативное» отношение общества. Это связано с тем, что в некоторых случаях, возникают проблемы при интерпретации этих поправок. Каждый начинает по-своему понимать поправки и, соответственно, это все порождает только «недопонимание» между людьми и властью.

Принцип всеобщего уважения социума к современному уголовному законодательству – это основополагающее составляющее всей конструкции Уголовного Кодекса РФ. Особенно, большое значение оно имеет при составлении поправок «санкционного» характера. Например, в этом случае, стоит вспомнить поправку, принятую еще пять лет назад, в правонарушениях дорожной безопасности [1]. Так, в Уголовном кодексе РФ была принята статья 2641, суть которой заключается в том, что лицо нарушившее право дорожного движения, привлекается к четырём видам наказания:

1) выполнение принудительных общественных работ;

- 2) выплата штрафа;
- 3) лишение свободы (в зависимости от степени ДТП);
- 4) выполнение обязательных работ.

Согласно статистическим данным за 2018 год, по статье 2641 уголовного законодательства РФ, к ответственности было привлечено около 48500 человек. Большая часть привлеченных к уголовной ответственности (около 70 %), должны были выполнять обязательные работы. Стоит заметить, что около 5 % лишились свободы [2]. Наказание, связанное с выполнением обязательных общественных работ, могло бы быть заменено на выплату административного штрафа (согласно статье 12.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях).

Очевидно, что разницы в примере, приведенном выше, абсолютной никакой нет. Выплата штрафа и выполнение общественных работ, абсолютно взаимозаменяемые виды наказаний для лица, нарушившего правила дорожного движения. Однако важным нюансом в этом вопросе будет соответствующее установление суммы штрафа.

При совершенствовании положений Уголовного Кодекса РФ, подготавливаются законопроекты, связанные с уголовным проступком, для рассмотрения соответствующими органами. Преступления незначительного характера (проступок) предполагает более «смягченное» наказание, нежели преступления. За преступления, лицу его совершившему, приходится быть уголовно привлеченным, что в будущем оставляет большой «отпечаток» в его биографии.

Самым важным «достоинством» проступка, в отличие от преступления, является то, что у лица, совершившего его (проступок), не бывает судимости. Как это было заявлено Председателем Верховного Суда РФ В. Лебедева: «Это спасет человека от дальнейших неприятностей в жизни. Ведь судимым закрыты многие пути. Так что, если человек возьмется за ум, его проступки станут фактом истории, но никак не пятном в биографии» [5].

Стоит заметить, что в последнее время, много «преобразований» сделано и положениях уголовного законодательства, где человек совершил преступления легкой и средней тяжести в первый раз. После таких видов преступлений, совершенных впервые, лицо, их совершившее, может не привлекаться к уголовной ответственности после возмещения причиненного им вреда.

С 2015 года, исходя из статистических данных, известно, что по «современным» поправкам в Уголовном Кодексе РФ, от уголовной ответственности и судимости «ушли» около 8 тысяч человек [6]. Стоит упомянуть и о статьях «декриминализирующего» характера. В частности, о таких видах преступной деятельности, как нанесение побоев, невыполнение кредитных обязательств и т.п.

Согласно Кириенко М.С., после ряда корректировок уголовного законодательства РФ в вышеперечисленных видах преступлений, произошли изменения не в лучшую сторону. Такая ситуация в стране – есть следствия «ужесточительных» мер в уголовном законодательстве страны [4, с. 76].

На сегодняшний день, в уголовном законодательстве РФ существует ряд проблем, которые необходимо как можно скорее разрешить. Большая часть этих проблем связана с некоторыми противоречивыми положениями Уголовного Кодекса РФ. К примеру, известно, что в современной криминальной части, даже для лиц, впервые совершивших преступные деяния, очень трудно добиться в суде соответствующего решения.

Чтобы за совершенное преступное деяние было наказание, с учетом в первый раз совершенного преступления, необходимо наличие некоторых нюансов. Прежде всего, ссылаются на статью 63 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Затем, если совершенное преступное деяние носило характер причинения вреда здоровью и подрыву социальных ценностей, то факт «впервые» совершенного преступного деяния, также не учитывается.

Большинство экспертов и юристов, считают подобное изменение вида преступления несоответствующим уголовному законодательству РФ и явным его нарушением. Это связано с тем, что от вида преступления, зависит много моментов правовой сферы. Например, от вида преступления (тяжкое или особо тяжкое), определяется сколько лет назначат в заключении, какой будет режим содержания преступника, будет ли возможно досрочное освобождение и т.п. все это прописано в уголовном законодательстве страны в статье три.

Эксперты отмечают, что законодательные органы этими поправками только расширили круг своих полномочий, особо и не задумываясь о сохранении и соблюдении «равновесия» в правовой сфере РФ. Напрашивается вопрос: к чему же хочет придти уголовное законодательство России?

Необходимо призвать к «гуманности» соответствующие законодательные органы, чтобы избежать худших последствий. Ведь многие представители данных органов, в большинстве случаев начинают реагировать только после того, когда беда касается их родственников, или носит глобальный характер, с привлечением всеобщего внимания. Гуманное отношение к «модернизации» уголовного законодательства стоит понимать в широком смысле этого слова. Необходимо относиться к социуму как к объекту в уголовной и правовой сферах (жизни и здоровья человека, его чести и достоинства, неприкосновенности и безопасности) [8, с. 112].

Согласно статистическим данным, нынешнее гражданское общество России (около 80 %) счи-

тает, что цели и интересы представителей власти полностью аналогичны их жизненным приоритетам. Всего лишь 20 % уверены в том, что их права и свободы находятся под защитой соответствующих государственных органов власти [8]. При внесении изменений в законодательство РФ, практически никто даже не учитывает состояние современного правосознания гражданского общества Российской Федерации.

Законодатель не должен стремиться к составлению «новых» поправок и положений, только с целью демонстрации проделанной им работы. Необходимо учитывать не количество этих изменений, а их влияние на качество жизни населения.

Литература:

1. *Авдейко А.Г.* Тенденции и перспективы современной уголовной политики в сфере предпринимательства / А.Г. Авдейко, А.В. Земцова // Вестник ВИПК МВД России. 2016. № 1(37). С. 30–45.
2. *Бытко Ю.И.* Справедливость и уголовная политика. М. : Юрлит информ, 2017. 216 с.
3. *Екимов А.А.* Гуманизация уголовного законодательства // Молодой ученый. 2015. № 9(89). С. 830–840.
4. *Кириенко М.С.* Системный анализ Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. М. : Юрлит информ, 2018. 240 с.
5. *Крылова Н.Е.* Гуманизация уголовного законодательства продолжается? Анализ проектов Федеральных законов, одобренных Пленумом Верховного Суда РФ 31 июля 2015 г. // Закон. 2015. № 8. С. 91–105.
6. *Липинский Д.А.* О псевдогуманизации карательного воздействия уголовной ответственности // Право и политика. 2005. № 7. С. 141–149.
7. *Рарог А.И.* Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 86–97.
8. *Сумачев А.В.* Публичность и диспозитивность в уголовном праве. М. : Юрист, 2003. 331 с.

В заключении, стоит отметить, что для гуманного отношения к социуму и уголовному законодательству страны, необходим единый подход к сложившейся в стране ситуации. Для соответствующего «совершенствования» и улучшения законодательной базы в сфере уголовного права следует учитывать следующие моменты:

- 1) эффективное и достоверное применение законодательной базы Уголовного Кодекса Российской Федерации;
- 2) соответствие положений уголовного законодательства РФ международным стандартам прав и свобод личности;
- 3) согласованность законов уголовного характера с административными нормами;

Literature:

1. *Avdeiko A.G.* Trends and prospects of modern criminal policy in the field of entrepreneurship / A.G. Avdeiko, A.V. Zemtsova // Bulletin of the VIPK Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 1 (37). P. 30–45.
2. *Bytko Yu.I.* Justice and criminal policy. M. : Yurlit inform, 2017. 216 p.
3. *Ekimov A.A.* The humanization of criminal law // Young scientist. 2015. № 9(89). P. 830–840.
4. *Kirienko M.S.* System analysis of the Special part of the Criminal Code of the Russian Federation: M. : Yurlit inform, 2018. 240 p.
5. *Krylova N.E.* Does humanization of criminal law continue? Analysis of draft federal laws approved by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on July 31, 2015 // Law. 2015. № 8. P. 91–105.
6. *Lipinsky D.A.* On the pseudo-humanization of the punitive effects of criminal liability // Law and Politics. 2005. № 7. P. 141–149.
7. *Rarog A.I.* Repressive roll of Russian criminal policy // Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2014. № 3. P. 86–97.
8. *Sumachev A.V.* Publicity and dispositiveness in criminal law. M. : Lawyer, 2003. 331 p.

Хабиева Заира Докуевна
старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса,
Чеченский государственный университет
yana_bo_09@mail.ru

Zaira D. Khabieva
Senior lecturer,
Department of Civil Law and Procedure,
Chechen State University
yana_bo_09@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ ПОНИМАНИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

MODERN UNDERSTANDING OF CRIMINAL LAW IN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В данной статье анализируются особенности современного понимания уголовного права Российской Федерации. Рассматриваются специфические черты уголовного права при регулировании деятельности российского гражданского общества. Детальному анализу подвергаются современные интерпретации преступной деятельности и их виды, прописанные в Уголовном кодексе Российской Федерации. Выделяются основные тенденции развития и эффективного становления уголовно-правовых норм РФ и виды наказаний. Большое внимание уделяется анализу актуальных статей Уголовного Кодекса РФ, которые часто применяются в современной судебной практике.

Ключевые слова: уголовное право РФ; преступление; соучастник; наказание; добровольность.

Annotation. This article analyzes the features of the modern understanding of the criminal law of the Russian Federation. The specific features of criminal law are considered in regulating the behavior of Russian civil society. A detailed analysis is made of modern interpretations of criminal activity and their types prescribed in the Criminal Code of the Russian Federation. The main trends in the development and effective formation of the criminal law of the Russian Federation and the types of punishments are highlighted. Much attention is paid to the analysis of relevant articles of the Criminal Code of the Russian Federation, which are often used in modern judicial practice.

Keywords: criminal law of the Russian Federation; the crime; partner in crime; punishment; voluntariness.

В правовой системе России отрасли уголовного права принадлежит фундаментальное место из всех отраслей правового регулирования взаимоотношений граждан страны. Современное уголовное право РФ представляет собой отрасль права, в которой происходит регулирование социальных взаимоотношений между гражданами РФ. Как известно, эти взаимоотношения связаны с совершаемыми преступлениями граждан.

Уголовное право в Российской Федерации, в свою очередь является и самостоятельной областью правовых отношений. Как самостоятельный орган, он определяет:

– характер преступных деяний, совершенных лицом с нарушение статей Уголовного Кодекса РФ;

– характер уголовной ответственности (в зависимости от степени тяжести, совершенного преступного деяния);

– вид совершенного преступления;

– виды и способы назначения наказаний за совершенное преступное деяние;

– характер привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное преступление;

– возможность освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего противоправные действия [10, с. 43].

В современной российской законодательной системе основные признаки преступных деяний указаны в статье четырнадцать Уголовного Кодекса РФ. Одним первых признаков преступности указано само деяние. Оно может иметь своеобразный характер, как бездействия, так и действия. Однако стоит отметить, что психологические процессы деятельности человеческого сознания, будь то негативные мысли или убеждения, даже, если они записаны на бумаге – не могут быть преступлением, так как это все подпадает под определение выражения свободы слова [5, с. 65].

Следующим признаком преступного деяния является опасность для общества. В этом случае речь идет о возможности заведомого преступника нанести вред общественным ценностям. Даже сама угроза такое деяния, считается в этом случае преступлением. Одно из них указывает на то, что противоправность в уголовной практике

предполагает, представляющее опасность для социума деяние, включающее в себя признаки виновности, и определяемое только Уголовным Кодексом РФ [6].

И наконец, отметим еще два признака преступности деяний, как наказание и значимость преступления. В свою очередь, наказание имеет силу преступного деяния только тогда, когда из совершенного преступления деяния, согласно закону, следует нести ответственность (или наказание). Значительность преступного деяния практически и не поясняется в законодательных актах, что очень удивительно. Данный признак преступления, согласно части второй статье четырнадцать Уголовного Кодекса Российской Федерации, обозначен как противоположность «малой значимости» преступного деяния.

Свою особую специфику интерпретации имеет такая форма преступного деяния как бездействие. Человек, практически ничего не делая, и не сделав, может быть привлечен к уголовной ответственности. Уголовный Кодекс Российской Федерации – это базовый и фундаментальный источник уголовного права России. Основные его концепции построены на нормах международного права и Конституции РФ.

В современной системе уголовного законодательства РФ особая и специфичная структура, состоящая из 2-х частей. Первая часть называется «Общей». В ней присутствуют положения, описывающие и поясняющие состав различных правовых институтов власти, и в частности, уголовного права. Также, «Общая» часть характеризуется следующими нормами: значение преступного деяния, структура и задачи уголовного законодательства, распространение на лиц уголовного законодательства, их уголовной ответственности и т.п.

«Особенная» же часть уголовного права РФ выражена в целокупности уголовных и правовых положений, которые в себе содержат раскрытие конкретных социальных, представляющих опасность, деяний. «Особенная» часть уголовного права РФ также устанавливает виды наказуемости к виновным лицам. В «Особенной» части уголовного права РФ, преступления идут с формулировкой «оконченные преступные деяния» [7, с. 32–33].

Согласно статье двадцать девять Уголовного Кодекса РФ, законодательные органы выделяют определенные виды преступных деяний. Учитывая степень реализации замысла виновного лица на совершение задуманного деяния, то есть, оконченное преступление (согласно части первой статье двадцать девять Уголовного Кодекса РФ); и неоконченное преступное деяние. Неоконченное преступление также состоит:

- 1) из готовности к совершению преступления;
- 2) из покушения на преступное деяние (согласно части второй статье двадцать девять Уголовного Кодекса РФ) [3, с. 21].

При добровольном отказе от преступного деяния, человек, готовящийся совершить эти противоправные действия должен осознанно, без принуждения решить отказаться от совершения противоправных действий. Только при таких обстоятельствах, его могут не привлекать к уголовной ответственности. Основным и значимым аргументом в этом будет служить отсутствие всех признаков преступления.

Также в нынешнем уголовном законодательстве РФ, очень актуальна тема соучастия в преступных деяниях. Основные положения относительно деяний соучастников, изложены в статье тридцать два Уголовного Кодекса РФ. При этом важно помнить, что весомым аргументом для признания соучастия в преступной деятельности считается осознанная и умышленная привлеченность лиц.

Для того, чтобы соучастие лица имело законную силу, необходимо достижение определенного возраста лица, полная вменяемость совершаемого им противоправного действия (хотя не знание закона и не освобождает от ответственности). Совместное деяние соучастников предполагает несколько нюансов. В первую очередь, это взаимная связанность и координация действий в совершении преступления. Во вторую очередь, это стремление всех соучастников достичь определенной (единой) цели, после совершения противоправных действий. И, наконец, в-третьих, это наличие причинно-следственной связи и взаимообусловленности действий.

Учитывая тот факт, что каждый соучастник, в зависимости от своих наклонностей и способностей может выполнять разные функции при совершении преступления, в современной законодательной системе Российской Федерации, принято различать: пособника, организатора и подстрекателя преступления (согласно статье тридцать три Уголовного Кодекса РФ) [4, с. 44–45].

Согласно части, второй статье тридцать три Уголовного Кодекса РФ, исполнителем преступных деяний принято считать лицо, которое совершило противоправное действие, совместно с остальными участниками. В законодательстве также предусмотрен случай, когда исполнителем считается лицо, которое совершает противоправные действия, используя остальных участников. Однако важно отметить, что участники в этом случае должны быть не вменяемы, и соответствовать по возрастным критериям, согласно которым это лица не могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Согласно части три, статьи тридцать три Уголовного Кодекса РФ, организатором преступления является лицо, которое руководило и создало группировку для совершения преступления. Также, организация может быть и в сборе соучастников, составлении плана действий и т.п.

Согласно части четыре статье тридцать три Уголовного Кодекса РФ, подстрекателем признается лицо, которое склонило (уговорило) другого совершить противоправное действие. Лицо, ока-

завшее содействие в преступлении, считается пособником (согласно статье тридцать три Уголовного Кодекса РФ) [1, с. 39–40].

В заключении стоит подчеркнуть, что нынешняя политика изменения всех упомянутых нами статей уголовного законодательства пребывает в

Литература:

1. *Голик Ю.* Понятие и происхождение названия «Уголовное право» / Ю. Голик, С. Елисеев // Уголовное право. 2002. № 2. С. 14–16.
2. *Кочои С.М.* Уголовное право. Общая и Особенная части : учебник. М. : Волтерс Клувер; Контракт. 2010. 592 с
3. *Кулыгин В.* Уголовное право, правосознание, справедливость // Уголовное право. 2003. № 1. С. 120.
4. *Ляпунов Ю.* Уголовное право: предмет и метод регулирования и охраны // Уголовное право. 2005. № 1. С. 50–51.
5. *Мальцев В.В.* Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 692 с.
6. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Курс лекций : в 2 т. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. Т. 1. С. 10.
7. *Пудовочкин Ю.Е.* Понятие, принципы и источники уголовного права: Сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран СНГ / Ю.Е. Пудовочкин, С.С. Пирвагидов. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. 297 с
8. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 27.
9. *Журавлев М.П.* Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / М.П. Журавлев, А. В. Наумов и др.; Под ред. А.И. Рапога. М. : ТК Велби, Проспект, 2004. 696 с.
10. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник. Практикум / Под ред. А.С. Михлина. М. : Юрист, 2004. 494 с.

глубоком застое. Необходимо оптимизировать работу по улучшению данных статей Уголовного Кодекса РФ, так как лица, совершающие и планирующие совершать преступления, находят «обходные» пути, благодаря которым им удается уйти от уголовной ответственности.

Literature:

1. *Golik Yu.* Concept and origin of the name «Criminal Law» / Yu. Golik, S. Eliseev // Criminal Law. 2002. № 2. P. 14–16.
2. *Kochoi S.M.* Criminal Law. General and Special Parts : textbook. M. : Walters Clover; Contract. 2010. 592 p.
3. *Kulygin V.* Criminal law, legal consciousness, justice // Criminal law. 2003. № 1. P. 120.
4. *Lyapunov Yu.* Criminal law: subject and method of regulation and protection // Criminal law. 2005. № 1. P. 50–51.
5. *Maltsev V.V.* Principles of criminal law and their implementation in law enforcement. SPb. : Legal Center Press, 2004. 692 p.
6. *Naumov A.V.* Russian criminal law. Lecture course : In two volumes. The general part. 3rd ed., Revised. and add. M., 2004. T. 1. P. 10.
7. *Pudovochkin Yu.E.* Concept, principles and sources of criminal law: A comparative legal analysis of the legislation of Russia and the CIS countries / Yu.E. Pudovochkin, S.S. Pirvagidov. St. Petersburg: Legal Center Press, 2003. 297 p.
8. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law. Part General. Tula, 2001. T. 1. P. 27.
9. *Zhuravlev M.P.* The criminal law of Russia. Parts General and Special : textbook / M.P. Zhuravlev, A.V. Naumov and others; under the editorship of A.I. Raroga. M. : TC Velby, Prospect, 2004. 696 p.
10. The criminal law of the Russian Federation. General part : textbook. Workshop / ed. A.S. Mikhlin. M. : Yurist, 2004. 494 p.

Хазуев Изнаур Алхазурович
аспирант,
Северо-Кавказский
федеральный университет
iznaur.khazuev@gmail.com

Анализ законодательной базы в отношении социального предпринимательства в федеративной Республике Германии

Аннотация. Социальное предпринимательство в Российской Федерации на сегодняшний день является формирующимся институтом, которому необходимо пройти через все стадии институционализации. Уровень развития экономики и сферы социальных услуг в стране актуализирует вопрос общественных потребностей, удовлетворение которых требует совместных организованных действий. Таким образом, государство инициирует процессы, направленные на привлечение гражданского общества к поиску решений и реализации этих самых решений, как в экономической, так и в социальной сфере.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, институционализация, нормы и правила социального института, государственный сектор, некоммерческий сектор, благотворительность, коммерческий сектор, Германия.

В данной статье мы хотим подробно проанализировать, как функционируют правовые механизмы в отношении социального предпринимательства в Федеративной Республике Германия.

В дискуссии о правовых условиях, которые могут содействовать развитию социального предпринимательства в Германии, мы бы хотели осветить три больших раздела правовой системы:

1. Гражданский кодекс. Наиболее важный документ (Bürgerliches Gesetzbuch), который состоит из пяти основных частей: основной части, обязательственного права, имущественного права, семейного права и права наследования. Гражданский кодекс определяет взаимоотношения между частными лицами и/или юридическими лицами. Помимо этого, гражданский кодекс определяет легальные формы организаций (ассоциация, фонд, ООО, АО, ИП), которые, в той или иной мере, могут быть значимыми в области социального предпринимательства.

Ассоциация – это организация, основанная, по меньшей мере, двумя (для не зарегистрирован-

Iznaur A. Khazuev
Postgraduate student,
North Caucasus Federal University
iznaur.khazuev@gmail.com

ANALYSIS OF THE LEGAL FRAMEWORK REGARDING SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY

Annotation. Social entrepreneurship in Russian Federation today is an emerging institution that needs to go through all stages of institutionalization. The level of development of the economy and the of social services field in the country is arising the issue of social needs, which satisfaction requires joint organized actions. Thus, the state initiates processes aimed at involving civil society in the search for solutions and the implementation of these very decisions, both in the economic and social fields.

Keywords: social entrepreneurship, institutionalization, norms and rules of a social institution, public sector, non-profit sector, charity, commercial sector, Germany.

ных ассоциаций) или семью (для зарегистрированных ассоциаций) членами, которые добровольно объединяются для достижения общей цели. Ассоциация не может быть создана на короткий период времени. Деятельность ассоциаций, в первую очередь, регулируется разделами 21–80 гражданского кодекса.

Фонд определяется гражданским кодексом, как юридическое лицо, активы которого используются для достижения определенной цели, определенной основателем. Деятельность фондов регулируется по разделам 81–88 гражданского кодекса, а также в соответствии с законами федеральных земель (в некоторых случаях).

Общество с ограниченной ответственностью (GmbH) представляет собой компанию, которая учреждена одним или несколькими лицами, для достижения общей цели. Учредители вкладывают начальный капитал и, как правило, несут ответственность только за собственную долю. Деятельность «ООО» регулируется законом об обществах с ограниченной ответственностью, а также коммерческим кодексом (HGB).

Акционерное общество (AG). На первом этапе учредители акционерного общества вкладывают первоначальный капитал. Взамен они получают соответствующее количество акций, дающих им право на определенную часть компании. Учредителям обычно принадлежит 51 % акций, чтобы гарантировать себе право принятия решений. Деятельность акционерных обществ регулируется Законом об акционерных обществах (AktG), а также Коммерческим кодексом (HGB) [1].

2. Налоговое законодательство. Согласно немецкому законодательству, статус «общественно-полезной» организации назначается органами налогового, а не гражданского права. Таким образом, налоговое право определяет то, какие организации де-юре являются социально-ориентированными. Только организации с таким статусом могут иметь налоговые привилегии в виде освобождения от уплаты налогов. Как следствие, все типы юридических лиц, такие как ассоциации, фонды, общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества могут быть использованы для создания организации, которая будет представлять третий сектор. Важно уточнить, что в случае с обществом с ограниченной ответственностью и акционерным обществом (типичными коммерческими формами), при получении ими статуса общественно-полезной организации, к названию добавляется слово «благотворительный» (gemeinnützig) и официальное название выглядит так – gGmbH или gAG.

Организация рассматривается как общественно-полезная, если преследует цели, которые должны принести пользу обществу. Организация должна действовать бескорыстно и на благо широкой общественности.

Подробности о том, как осуществляется процесс регулирования статуса общественно-полезной организации, зафиксированы в отдельном разделе Налогового кодекса, посвященного «задачам, получающим налоговые привилегии». Этот раздел содержит 19 пунктов (от 51 до 68), и описывает основные правила, регулирующие налоговые привилегии.

Организация, занимающаяся социальным предпринимательством, может иметь одну из правовых форм, перечисленных в разделе Гражданского кодекса. Во многих случаях социальное предприятие принимает формы «ООО» или благотворительного «ООО», «мини-ООО» (UG) или благотворительного «мини-ООО» (gUG), акционерного общества (редко) или благотворительного акционерного общества (чаще), а также зарегистрированного кооператива.

Хотелось бы подчеркнуть, что в данном вопросе существует два ключевых аспекта. Первый заключается в том, что любая организация, получившая статус общественно-полезной освобождается от уплаты налогов. Второй – в том, что пожертвование частного лица общественно-полезной организации при уплате подоходного налога позволяет снизить цифру его дохода до 20 % (максимум, в зависимости от суммы по-

жертвований за год) и уплачивать подоходный налог от получающейся цифры. Таким образом, налоговый кодекс стимулирует частные и юридические лица (компания) к тому, чтобы совершать пожертвования организациям, имеющим общественно-полезный статус. Во время реформы 2007 года данные цифры были увеличены вдвое, так как до того года процент для частных лиц составлял 10 %, а для юридических лиц 0,2 % [2].

Из этого следует, что комфортные условия, которые создает налоговое законодательство, существенно влияют на успешное развитие социальных предприятий, которое может оцениваться тем, насколько экономически и социально устойчивыми становятся данные организации.

3. Социальный закон. Является областью общественного права. Он обязывает власть оказывать поддержку и пользу обществу, способствуя тем самым улучшению социального благосостояния на основах справедливости и равенства. Основные характеристики этого закона определяются в Социальном кодексе (Sozialgesetzbuch, SGB), который разделен на 12 глав. Каждая из них регулирует меры поддержки по отношению к определенным социальным группам (например, дети и подростки, люди с инвалидностью, безработные и т.д.).

Существует большое количество социальных предприятий, которые имеют различные организационные формы и различные социальные миссии. В зависимости от того, какую социальную миссию определяет для себя организация, станет понятно с какой из частей Социального кодекса стоит ознакомиться. Следовательно, для каждого случая необходимо проводить отдельный комплексный анализ той или иной главы кодекса [3].

Зная о том, что каждая сфера Социального закона имеет собственные нормы, можно предположить, что эти нормы оказывают воздействие на социальное предпринимательство в двух противоположных направлениях: они могут содействовать развитию или могут создавать препятствия для развития предприятий. Например, нормы Социального кодекса могут обязывать предпринимателя, который открывает детский сад, соблюдать особые условия, которые могут повышать стоимость затрат предпринимателя на этапе становления его дела. Такие условия могут иметь негативное влияние на мотивацию предпринимателя к продолжению собственного бизнеса. Можно также с уверенностью сказать, что в Социальном кодексе существуют нормы, создающие положительные условия для становления и развития социального бизнеса. Для описания таких примеров необходимо изучить соответствующую главу (одну из 12 частей Социального кодекса) и сделать выводы, которыми затем применимые к своему предприятию.

Таким образом, подводя итоги анализа правовых условий для социального предпринимательства в Федеративной Республике Германия, можно отметить то, что существенной особенностью

является большое количество организационных форм, которое позволяет потенциальным социальным предпринимателям выбрать наиболее подходящую форму для своего стартапа с той целью, чтобы обе модели: бизнеса и социально-

Литература:

1. Гражданский кодекс Федеративной Республики Германия. URL : https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.pdf
2. Налоговый кодекс Федеративной Республики Германия. URL : <https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/EN/>
3. Социальный кодекс Федеративной Республики Германия. URL : <https://guides.library.harvard.edu/c.php?g=310823&p=2079291>
4. German Social Code. URL : <https://guides.library.harvard.edu/c.php?g=310823&p=2079291>

го воздействия были более устойчивыми. Знание о данном подходе может стать особо полезным, учитывая текущую динамику развития законодательства в отношении социального предпринимательства в Российской Федерации.

Literature:

1. European Commission platform on Internal Market, Industry, Entrepreneurship and SMEs. URL : <http://ec.europa.eu/growth/sectors/social-economy/enterprises/>
2. German Civil Code. URL : https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.pdf
3. German Fiscal Code. URL : <https://www.bundesfinanzministerium.de/Content/EN/>
4. German Social Code. URL : <https://guides.library.harvard.edu/c.php?g=310823&p=2079291>

Хомякова Алевтина Владимировна
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета,
Южный федеральный университет
avhomyakova@sfnu.ru

Вопросы подготовки государственного обвинителя к доказыванию в судебном разбирательстве

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы эффективности судебного доказывания со стороны государственного обвинителя. Автор обосновывает значение подготовки государственного обвинителя к представлению доказательств, установлению порядка их исследования. Аргументируется вывод о том, что в основе подготовки государственного обвинителя к судебному следствию лежит прогнозирование судебной ситуации. Автор также полагает, что оглашение показаний допрошенных ранее лиц является значимым инструментом в представлении позиции обвинения.

Ключевые слова: уголовный процесс, государственный обвинитель, подготовка к судебному следствию, представление доказательств, оглашение показаний, свидетель.

Особая роль процессуальной деятельности государственного обвинителя в судебном разбирательстве определена статьей 49 Конституции РФ, возложившей на сторону обвинения бремя доказывания виновности лица в совершении преступления. Государственный обвинитель как единственный представитель государства из участников – сторон реализует обязанность доказывания в судебном заседании от имени государства.

Раскрывая понятие «обязанность доказывания», профессор П.А. Лупинская указывает на то, что его главный смысл в уголовном процессе «состоит в ответе на вопрос: на ком лежит обязанность доказывать виновность обвиняемого? Очевидно, что эта обязанность лежит на том, кто утверждает, что обвиняемый виновен, т.е. на обвинителе (государственном, частном)» [1, 352]. Основной формой участия государственного обвинителя в доказывании является представление доказательств.

Осуществление судопроизводства в условиях действия УПК 2001 года, по мере усвоения юристами-профессионалами состязательных процедур, заставляет вновь обратиться к вопросу вза-

Alevtina V. Khomyakova
Candidate of Jurisprudence,
Associate Professor,
Department of Criminal Procedure
and Criminalistics Faculty of Law,
Southern Federal University
avhomyakova@sfnu.ru

ISSUES OF PREPARING A PUBLIC PROSECUTOR FOR EVIDENCE IN LITIGATION

Annotation. The article addresses the issues of proper judicial evidence on the part of the public prosecutor. The author substantiates the importance of preparing the public prosecutor for the presentation of evidence, establishing the procedure for their investigation. The conclusion that the preparation of the public prosecutor for the judicial investigation is the prediction of the judicial situation is argued. The author also believes that the disclosure of testimony of previously interrogated persons is an effective tool in representing the prosecution.

Keywords: criminal trial, public prosecutor, preparation for a judicial investigation, presentation of evidence, announcement of evidence, witness.

имной связи процессуальных и тактических аспектов в представлении доказательств. Сейчас, когда имеется почти двадцатилетний опыт применения уголовно-процессуального закона, появились основания к оценке тех норм, которые так или иначе затронули тактические аспекты в деятельности государственных обвинителей.

Устранение из российского уголовного процесса института дополнительного расследования радикально отразилось на подготовительной деятельности государственного обвинителя и его работе на судебном следствии. Во главу угла при подготовке ставятся: оценка возможности восполнить в суде пробелы и промахи предварительного следствия. В первую очередь, это относится к проблеме недопустимых доказательств при их обнаружении в деле. Практика показывает, что судьи в стадии назначения судебного заседания далеко не всегда исключают недопустимые доказательства, и гособвинителю необходимо избежать неприятных «сюрпризов» на судебном следствии.

Приказом Генеральной прокуратуры № 465 от 25.12.2012 года «Об участии прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства» [2]

государственным обвинителям предписано тщательно готовиться к участию в судебном разбирательстве по каждому уголовному делу. Для надлежащего исполнения указания прокурором должны быть необходимо детально изучены материалы уголовного дела, действующее законодательство, решения КС РФ и постановления Пленума ВС РФ, а при необходимости и решения Европейского Суда по правам человека, научно-методическую литературу, материалы судебной и прокурорской практики, объективно оценивая в совокупности все собранные доказательства – как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, или, как отмечают М.А. Григорьева, А.С. Беляева, «надлежащим образом оценить доказательственную базу» [3, 70–74]. Вместе с тем, уже на этапе подготовки к делу вырабатывается тактика представления суду доказательств и опровержения доводов стороны защиты. В то же время у прокурора остается процессуальная возможность в необходимых случаях ходатайствовать перед судом о предоставлении времени для подготовки к судебному разбирательству или обоснования своей позиции.

Анализируя материалы уголовного дела при подготовке к судебному разбирательству, гособвинитель уясняет: каково место таких доказательств в системе обвинения, построенной следователем; каковы перспективы замены такого доказательства другим путем проведения аналогичного следственного действия в суде (например, при необходимости нового проведения экспертизы – не утрачены ли образцы и материалы); есть ли в деле иные доказательства, которыми можно установить исключаемые фактические данные.

При этом гособвинитель прогнозирует судебную ситуацию, связанную с источником доказательства, полученного с нарушением закона. Если речь идет о недопустимых показаниях обвиняемого (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК), содержащих признание вины, с большой долей уверенности можно утверждать, что в суде они будут изменены. Если исключается протокол осмотра или иного следственного действия, в котором отсутствуют обязательные подписи понятых, необходимо будет выяснить, не проводилось ли оно при обстоятельствах, указанных в ч. 3 ст. 170 (труднодоступная местность, опасность для жизни людей и др.) и по какой причине следователем не сделана обязательная запись об этом. В литературе обращалось внимание на то, что при ознакомлении с материалами дела осуществляется моделирование преступного события [4]. Полагаем, что элемент моделирования ситуации присутствует и в отношении предстоящего судебного заседания, в частности поведения допрашиваемых лиц.

Согласно п. 3. ч. 2 ст. 221 УПК прокурор, утверждая обвинительное заключение, может дополнить или сократить список лиц, подлежащих вызову в суд. Является ли такое расширение или сокращение окончательным для гособвинителя? Безусловно, нет. Однако в суде гособвинителю придется обосновывать свое ходатайство о вызове дополнительных свидетелей или иных лиц.

Разрешая вопрос о своевременности вызова «новых» свидетелей необходимо учитывать также следующее. От того, насколько тактически грамотно будет определена последовательность представления доказательств, в частности, показаний свидетелей, настолько они будут восприниматься судом и остальными участниками процесса. Бессистемное представление доказательств, переход от исследования доказательства, позволяющего установить одно обстоятельство, подлежащее доказыванию, к исследованию доказательства, подтверждающего другое обстоятельство и после этого исследование доказательств, устанавливающих первоначально исследованное обстоятельство, приводит к выводу о том, что государственный обвинитель не имеет достаточных доказательств по рассматриваемому уголовному делу, а избранная им тактика предоставления доказательств направлена на создание видимости их наличия при фактическом отсутствии. В указанной ситуации государственный обвинитель даже при наличии имеющихся доказательств фактически убеждает суд в их слабости, либо отсутствии.

Специфика судебного разбирательства такова, что тактические приемы, сопряженные с элементами внезапности, имеют свое значение, в основном, для защиты. Цель защиты – если не опровергнуть обвинение, то заставить усомниться в его обоснованности. В силу же презумпции невиновности для обвинения в суде намеков на преступное поведение подсудимого недостаточно. Поэтому, решая для себя вопрос о вызове дополнительных свидетелей, гособвинитель должен представлять не только содержание их показаний в пользу обвинения, но и общую осведомленность свидетеля по делу, выраженность его отношения к сторонам, обстоятельствам, могущие подорвать доверие суда к его показаниям (например, изменение показаний, данных при опросе свидетеля – очевидца преступления).

Вместе с тем, практика показывает, что гособвинитель должен в каждом случае предусматривать вероятность явки или неявки свидетеля или иного лица, вызванного для допроса/и возможность оглашения его показаний, данных на предварительном следствии или дознании.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что оглашать в ходе судебного разбирательства показания потерпевшего, свидетелей, так же как и другие приобщенные к делу документы, должна сторона, заявившая об этом ходатайство, либо суд (ст. 285 УПК РФ).

Государственный обвинитель обязан заявлять ходатайство об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования либо в суде, при наличии существенных противоречий между этими показаниями и показаниями, данными в суде. Для удовлетворения указанного ходатайства не требуется специальных условий. Однако следует принимать во внимание, что, ходатайствуя об оглашении показаний отношении свидетеля или потерпевшего, отказавшихся от

дачи показаний государственный обвинитель, должен учитывать нормативно установленное требование о том, что проверяемые в суде показания должны быть получены с соблюдением требования закона о предупреждении этих лиц о возможности использования их показаний в качестве доказательств при дальнейшем производстве по уголовному делу.

Представляется, что наиболее важным для государственного обвинителя в процессуальном порядке исследования показаний свидетеля и потерпевшего является то обстоятельство, что в случае обнаружения существенных противоречий в показаниях потерпевшего или свидетеля по сравнению с ранее данными ими показаниями он предлагает суду реализовать свое право на оглашение показаний, данных при производстве расследования без получения согласия на это участников стороны защиты (ч. 2 ст. 11, ч. 3 ст. 281 УПК РФ).

Проблема оглашения свидетельских показаний в отсутствие неявившегося свидетеля была разрешена уже вскоре после принятия действующего УПК – изменениями и дополнениями, внесенными в ст. 281 Федеральным законом РФ от 4 июля 2003 года № 92 «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». У суда и сторон имеется возможность оглашать такие показания в названных законом случаях (смерть потерпевшего или свидетеля; тяжелая болезнь; отказа свидетеля или потерпевшего – иностранного гражданина от явки в суд; стихийное бедствие или иное чрезвычайное обстоятельство). В отсутствие этих обстоятельств оглашение показаний допускается с согласия сторон. Что же происходит в этом случае?

Во-первых, свидетели обвинения или потерпевшие могут не явиться в суд, опасаясь преследования со стороны подсудимого или его близких.

Во-вторых, их отсутствие может быть вызвано уважительными причинами, не названными в ч. 2 ст. 281 УПК РФ: длительная командировка или отъезд по семейным обстоятельствам, перемена места жительства и другие обстоятельства.

Литература:

1. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П.А. Лупинской. 2-е изд. перераб. М. : Норма. 2009.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70221540/>
3. Григорьева М.А. Анализ прокурором материалов уголовного дела: сущность и основные направления / М.А. Григорьева, А.С. Беляева // Криминалист. 2016. № 2.
4. Норец А.М. Аналитическая работа прокурора по уголовному делу, поступившему к нему с об-

Полагаем, что введение Федеральным законом от 02.03.2016 № 40-ФЗ еще одного основания для оглашения показаний неявившегося свидетеля или потерпевшего (п. 5) ч. 2 ст. 281 УПК РФ: (если в результате принятых мер установить место нахождения потерпевшего или свидетеля для вызова в судебное заседание не представилось возможным) не вполне разрешило обозначенную проблему.

У свидетеля обязательство о явке, предусмотренное ст. 112 УПК, отбрасывается далеко не всегда. При этом еще сложнее осуществить привод согласно ст. 113 УПК, поскольку место нахождения лица, подлежащего приводу не известно. Кроме того ФЗ № 118-ФЗ «О судебных приставах» не предполагает права судебного пристава входить в жилище лица в целях привода

Сторона защиты, конечно, будет возражать против оглашения их показаний. Что же получается? Реализация функции одной стороны ставится в зависимость от согласия другой. И ладно, если бы невозможность получения или недопустимость доказательства была связана с некачественным выполнением обязанностей следователя или дознавателя. Но презюмировать вину обвинения в том, что оно основало свою позицию на показаниях свидетеля, заведомо зная о его неявке, неразумно. При этом не следует забывать, что УПК РФ в числе процессуальных нарушений, влекущих отмену или изменение приговора, называет и нарушение или ограничение гарантированных УПК прав участников судопроизводства. Позиция Пленума Верховного Суда ограничивает возможности оглашения показаний в судебном заседании лишь обстоятельствами, указанными соответственно в статьях 276 и 281 УПК РФ, их перечень которых является исчерпывающим [5]. Полагаем, что по ходатайству стороны следует допустить оглашение показаний свидетелей и потерпевших, не явившихся по иным причинам, (нежели указано в ч. 2 ст. 281 УПК), признанным судом уважительными. Это гарантировало бы сторонам право на представление всех допустимых доказательств, имеющихся по делу, и создавало бы условия для справедливого приговора по уголовному делу.

Literature:

1. Criminal Procedure Law of the Russian Federation / Edited by P.A. Lupinsky. 2nd prod. Re-work M. : Norma. 2009.
2. Order of the Prosecutor General's Office of Russia № 465 dated 25.12.2012 «On the Participation of Prosecutors in the Judicial Stages of Criminal Proceedings». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70221540/>
3. Gregory M.A. Analysis by the prosecutor of the materials of the criminal case: essence and main directions / M.A. Gregory, A.S. Bialiyayeva // Criminologist. 2016. № 2.
4. Prisoner A.M. Analytical work of the prosecutor in the criminal case, which came to him with

винительным заключением // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки». 2016. Вып. 1–2.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2017 № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3. §8.

the indictment // Humanities, socio-economic and social sciences». 2016. Rel. 1–2.

5. The resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2017 № 51 «About practice of application of the legislation by consideration of criminal cases in court of first instance (the general order of legal proceedings)» // The Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2018. № 3. §8.

Числов Александр Иванович

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры философии,
иностранных языков
и гуманитарной подготовки
сотрудников органов внутренних дел,
Тюменский институт
повышения квалификации
сотрудников МВД России
944343@gmail.com

Поделякин Александр Александрович

преподаватель
кафедры административной
деятельности органов внутренних дел,
Краснодарский университет МВД России
podlyialexandr@gmail.com

**Вопросы, связанные
с определением правового
статуса участников дорожного
движения, использующих
электрические средства
передвижения**

Аннотация. В статье авторы размышляют о проблемах определения административно-правового статуса участников дорожного движения, использующих электрические средства передвижения (электросамокаты, гироскутеры, моноколеса и др.) в условиях действующего законодательства. Существующая проблема вызвана ростом количества электрических средств передвижения, пользователи которых регулярно нарушают Правила дорожного движения, становятся участниками различных происшествий.

Ключевые слова: электросамокат, гироскутер, моноколесо, электрические средства передвижения, Правила дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие.

Госавтоинспекция МВД России выносит на общественное обсуждение проблематику определения административно-правового статуса участников дорожного движения, использующих электрические средства передвижения (далее ЭСП), к которым отнесены электросамокаты, гироскутеры, моноколеса и др. [1].

В последние годы интерес людей к использованию для передвижения электросамокатов, моноколес, гироскутеров и других им подобных средств, возрос. В крупных городах открываются сервисы, предоставляющие электросамокаты в

Alexander I. Chislov

Doctor of Law,
Professor,
Professor Department of Philosophy,
Foreign Languages
and Humanitarian Training
of Internal Affairs Bodies,
Tyumen Institute for Advanced Studies
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
944343@gmail.com

Alexander A. Podelyakin

Lecturer of the Department of Administrative
Activities of Internal Affairs,
Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia
podlyialexandr@gmail.com

**ISSUES RELATED
TO DETERMINING
THE LEGAL STATUS OF ROAD USERS
USING ELECTRIC VEHICLES**

Annotation. In the article, the authors reflect on the problems of determining the administrative and legal status of road users using electric vehicles (electric scooters, gyro scooters, monowheels, etc.) in the current conditions Legislation. The current problem is caused by the increase in the number of electric vehicles, whose users regularly violate the rules of the road, become participants in various incidents.

Keywords: electric scooter, gyro scooter, monowheel, electric vehicles, traffic rules, traffic accident.

аренду, на улицах этих устройств становится все больше. Использование ЭСП позволяет человеку быстрее добраться из точки «А» в точку «Б», на нем можно легко ездить по тротуару и ему не помеха пробка на дороге. У ЭСП большой потенциал, этот способ перемещения служит не только средством развлечения, но постепенно занимает место в структуре городской мобильности.

Но существуют и проблемы, вызванные ростом количества ЭСП. Эти средства передвижения представляют реальную угрозу для пешеходов

при использовании их на тротуарах, случаи наезда на пешеходов где люди получили серьезные травмы, уже имеются [2]. Также, пользователи ЭСП становятся участниками дорожно-транспортных происшествий (далее ДТП) с участием автомобилей на проезжей части дороги [3]. Не стоит оставлять без внимания вопрос, касающийся создания необходимой инфраструктуры для пользователей ЭСП. Уже сегодня существует необходимость разграничить передвижение «Автомобилей – ЭСП – Пешеходов».

Специалисты считают, что проведенный анализ происшествий с ЭСП, свидетельствует о необходимости закрепления административно-правового статуса их пользователей. По данным официальной статистики аварийности в 2018 году в Российской Федерации зафиксировано 39 ДТП с участием электрических устройств передвижения малой мощности, в которых получили ранения 40 человек, погибших, не было. За шесть месяцев 2019 года совершено 40 таких ДТП, 39 человек ранены, 2 погибли [4].

Многие страны мира расширили Правила дорожного движения (далее Правила) для электросамокатов и им подобных средств передвижения, ставшими крайне популярными среди граждан, к таковым относятся: Австрия, Швейцария, Эстония и др. В России, согласно Правилам, лица, управляющие гироскутерами, электросамокатами, сегвеями и другими аналогичными средствами приравниваются к пешеходам и соответственно на них распространяются обязанности по выполнению требований как участников дорожного движения. В соответствии с пунктом 4.1 Правил, пешеходы должны двигаться по тротуарам, пешеходным дорожкам, велопешеходным дорожкам, а при их отсутствии – по обочинам [5], если исходить из технических характеристик: гироскутер может развивать скорость от 20 км/ч, мощность двигателя от 0,1 кВт; электросамокат и моноколесо от 20 до 65 км/ч, мощность двигателя от 0,25–2,4 кВт; сегвей от 15 км/ч., мощность двигателя от 0,5 кВт.

По своим скоростным показателям и максимальной мощности эти устройства близки к велосипедам и мопедам, для которых в нормах Правил существует ограничения для их передвижения по тротуарам и проезжей части.

В пункте 1.2 Правил применяются следующие основные термины:

– «*велосипед*» – транспортное средство, кроме инвалидных колясок, которое имеет, по крайней мере, два колеса и приводится в движение, как правило, мускульной энергией лиц, находящихся на этом транспортном средстве, в частности при помощи педалей или рукояток, и может также

иметь электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки, не превышающей 0,25 кВт, автоматически отключающийся на скорости более 25 км/ч.;

– «*мопед*» – двух- или трехколесное механическое транспортное средство, максимальная конструктивная скорость которого не превышает 50 км/ч, имеющее двигатель внутреннего сгорания с рабочим объемом, не превышающим 50 куб. см, или электродвигатель номинальной максимальной мощностью в режиме длительной нагрузки более 0,25 кВт и менее 4 кВт [5].

Так, на основании пунктов Правил 24.1 и 24.2:

1) движение велосипедистов в возрасте старше 14 лет должно осуществляться по велосипедной, велопешеходной дорожкам или полосе для велосипедистов;

2) допускается движение велосипедистов в возрасте старше 14 лет:

– по тротуару или пешеходной дорожке - в следующих случаях:

– отсутствуют велосипедная и велопешеходная дорожки, полоса для велосипедистов либо отсутствует возможность двигаться по ним, а также по правому краю проезжей части или обочине;

– велосипедист сопровождает велосипедиста в возрасте до 14 лет либо перевозит ребенка в возрасте до 7 лет на дополнительном сиденье, в велоколяске или в прицепе, предназначенном для эксплуатации с велосипедом. А водителей мопедов в пункте 24.7 Правил, обязывают двигаться по правому краю проезжей части в один ряд либо по полосе для велосипедистов, также допускается движение по обочине, если это не создает помех пешеходам [5].

Таким образом, на наш взгляд, нет необходимости вводить новые определения в Правила, касающиеся ЭСП, существующих норм вполне достаточно. Так, пользователей более мощных ЭСП (электросамокаты), можно приравнивать к водителям мопедов, если исходить из технических характеристик этого транспортного средства. А пользователей менее мощных устройств (таких как гироскутер), учитывая их конструктивные особенности можно отнести к пешеходам и (или) велосипедистам. При любых обстоятельствах привлечь к ответственности можно и тех, и других, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях имеются составы статей, где предусмотрена ответственность для водителей мопедов, пешеходов, велосипедистов и других лиц, участвующих в дорожном движении.

Литература:

1. URL : <https://мвд.рф/news/item/18324248/> (дата обращения 23.09.2019).
2. *Затолокин А.А.* Проблема правового регулирования государственного контроля за управле-

Literature:

1. URL : <https://interior.rf/news/item/18324248/> (reference date 23.09.2019).
2. *Satlokin A.A.* The problem of legal regulation of state control over the management of a gyrocopter

нием гироскутером (сегвеем), электросамокатом / А.А. Затолокин, О.И. Вислогубова Под ред. Ю.Н. Калюжного // В сборнике: Современное состояние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения: теория и практика Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 57–61.

3. URL : https://news-r.ru/amp/news/krasnodar_krai/351172/ (дата обращения 11.09.2019).

4. URL : <https://traffic.rf/news/>(reference date: September 18, 2019) 5. The rules of the road of the Russian Federation are approved by the Resolution of the Council of Ministers – The Government of the Russian Federation of October 23, 1993 № 1090: (Ed. on December 4, 2018) / Access from the right. Garant. URL : <http://garant.ru>. (reference date: September 24, 2019).

5. Правила дорожного движения Российской Федерации Утверждены Постановлением Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090: (ред. от 4 декабря 2018 г.) // Доступ из справ. правовой системы «Гарант» URL : <http://garant.ru>. (дата обращения 24.09.2019).

(segway), electric scooter / A.A. Satlokin, O.I. Vислогубова; Ed. by Y.N. Kalyuzhnyy // In the collection: Modern state and prospects for road safety: the theory and practice of the Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 2018. P. 57–61.

3. URL : https://news-r.ru/amp/news/krasnodar_krai/351172/ (call date September 11, 2019).

4. URL : <https://traffic.rf/news/>(reference date: September 18, 2019) 5. The rules of the road of the Russian Federation are approved by the Resolution of the Council of Ministers – The Government of the Russian Federation of October 23, 1993 № 1090: (Ed. on December 4, 2018) / Access from the right. Garant. URL : <http://garant.ru>. (reference date: September 24, 2019).

5. Rules of the road of the Russian Federation are Approved by the Resolution of the Council of Ministers-the Government of the Russian Federation of October 23, 1993 № 1090: (ed. of December 4, 2018) // Access from the Internet. legal system «guarantor» URL : <http://garant.ru>. (accessed 24.09.2019).

Швец Юрий Юрьевич
кандидат экономических наук,
доцент,
Институт проблем управления
имени В.А. Трапезникова, РАН
jurijswets@yahoo.com

ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ОТНОШЕНИИ ПРОЧИХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ НА ПРИМЕРЕ ВЫБРАННОЙ СТРАНЫ

Аннотация. Статья посвящена освещению проблемы соотношения права на охрану здоровья с другими конституционными правами и определению его места в системе таких прав. Проанализировано содержательное и сущностное соотношение права на охрану здоровья с такими конституционными правами, как право на жизнь, равенство и свободное развитие, достаточный жизненный уровень, уважение достоинства, свободу и личную неприкосновенность, отдых и т.д. На основании проведенного анализа сделан вывод о месте права на охрану здоровья в системе других конституционных прав Украины.

Ключевые слова: право на охрану здоровья, конституционные права, соотношение.

Право на охрану здоровья занимает особое место в системе других конституционных прав, поскольку интегрирует в себе признаки как социальных, экономических, так и культурных прав. Его связь с другими правами обусловлена также особенностью объекта, которым выступают здоровье и здравоохранение, одновременно являются составными элементами объектов других прав. Поэтому комплексный подход в сфере исследования права на охрану здоровья позволяет выявить взаимное влияние различных видов социальных, экономических и культурных прав, их соотношение и критерии разграничения. здравоохранение конституционный право

В то же время, право на охрану здоровья является самостоятельным конституционным правом, в связи с чем, возникает необходимость определения его места в системе других прав, выяснения его специфического значения и роли.

Вопрос систематизации конституционных прав, в частности, определение соотношения некоторых конституционных прав между собой, исследовали такие ученые, как: Ю.М. Бисага, В.С. Виткова, А.Н. Волкова, В.Ф. Москаленко, Я.Ф. Советуешь,

Yuriy Yu. Shvets
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
Institute of Problems of Management
named after V.A. Trapeznikov, RAN
jurijswets@yahoo.com

THE SIGNIFICANCE OF THE CONSTITUTIONAL HUMAN RIGHT TO HEALTH IN RELATION TO OTHER CONSTITUTIONAL RIGHTS, AS EXEMPLIFIED BY A SELECTED COUNTRY

Annotation. The article is devoted to the coverage of the problem of the correlation of the right to health protection with other constitutional rights and the determination of its place in the system of such rights. The substantial and essential correlation of the right to health protection with such constitutional rights as the right to life, equality and free development, an adequate standard of living, respect for dignity, freedom and personal integrity, rest, etc. is analysed. Based on the analysis, a conclusion is drawn about the place of the right to health protection in the system of other constitutional rights of Ukraine.

Keywords: right to health care, constitutional rights, correlation.

И.Я. Сенюта, Ю.А. Сульженко, А.Н. Циборовский и другие. Однако следует отметить, что комплексных научных работ, посвященных проблеме определения права на охрану здоровья в системе других конституционных прав, в отечественной науке конституционного права не хватает, что обуславливает актуальность предлагаемой темы.

Право на охрану здоровья определяется в ст. 49 Конституции Украины [1] и относится к группе социально-экономических прав. Поэтому, исследуя соотношение права на охрану здоровья с другими конституционными правами, прежде всего, стоит обратить внимание на традиционную классификацию прав человека и гражданина, принятой в правовой теории.

Так, в научной литературе отмечается, что, поскольку основные права и свободы человека и гражданина обеспечивают политическую, социальную, экономическую и культурную сферы жизнедеятельности, то, соответственно, такое разграничение повлекло разделение основных прав и свобод человека и гражданина по категориям и наименованиям [2, с. 21].

По этому поводу необходимо отметить, что на современном этапе развития конституционных прав сложно провести четкое разграничение группы социальных, экономических, культурных прав друг от друга. Такая ситуация обусловлена тем, что указанные сферы жизнедеятельности тесно связаны между собой, а реализация, скажем, социального статуса лица не может быть осуществлена изолированно от удовольствия ее экономических или культурных потребностей.

По мнению А.Н. Волковой, тот факт, что в теории государства и права социальные права часто сочетаются с экономическими и культурными, нельзя считать положительной тенденцией. Проблема разграничения социальных прав с одной стороны, и экономических и культурных - с другой, затруднена, как считает ученый, традиционно принятой в нашей стране концепцией их понимание [3, с. 41].

Поднятую проблему можно рассматривать только в научном ракурсе для того, чтобы определить научно обоснованные пределы различных групп прав, поскольку разграничение социальных, экономических и культурных прав имеет не столько практическое, сколько научно-теоретическое значение, тем более, что Конституция Украины не придает приоритетного значения той или иной группе прав, не выделяет главные и производные права - все права признаются одинаково важными и в равной степени гарантируются государством.

В связи с тем более правильным представляется системный подход, который, по мнению некоторых ученых, позволяет полнее, контрастнее выявить наиболее существенные корреляционные, субординационные и другие связи и отношения между целым и его частями, а также последних между собой. Поэтому интегративный подход к правам человека, как считает А.А. Отставнову, является единственно правильным. Исходя из этого, ученый отмечает, что право на охрану здоровья и медицинскую помощь находится в общей системе конституционно-правового регулирования, из чего следует, что конституционные права и свободы человека и гражданина должны сосуществовать, взаимно дополняя друг друга [4, с. 40]. Следовательно, именно системный подход позволит выяснить взаимосвязи между социальными, экономическими, культурными и другими правами, и, в частности, определить в их системе права на охрану здоровья.

При этом необходимо согласиться с мнением А.Н. Циборовский, который отмечает, что, поскольку здоровье является крупнейшей общественной и индивидуальной ценностью, в значительной мере влияет на процессы и результаты экономического, социального и культурного развития страны, демографическую ситуацию и состояние национальной безопасности, а также является важным социальным критерием степени развития и благополучия общества, проблемы здравоохранения требуют постоянного внимания государства, а их решение должно быть одним из приоритетных направлений социальной политики [5, с. 4].

Взаимообусловленность и тесная связь права на охрану здоровья с другими социально-экономическими и культурными правами определены, прежде всего, тем, что исследуемое право имеет достаточно широкий смысл, а также, общие с другими правами элементы в структуре своего объекта.

В частности, согласно ст. 6 Основ законодательства Украины о здравоохранении, каждый гражданин Украины имеет право на охрану здоровья, что предусматривает:

- а) жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и социальное обслуживание и обеспечение, который необходим для поддержания здоровья человека;
- б) безопасную для жизни и здоровья окружающую природную среду;
- в) санитарно-эпидемическое благополучие территории и населенного пункта, где он проживает;
- г) безопасные и здоровые условия труда, учебы, быта и отдыха;
- д) квалифицированную медицинскую помощь, включая свободный выбор врача, выбор методов лечения согласно его рекомендациям и учреждения здравоохранения и т.п. [6].

Итак, как показывает анализ приведенной нормы, в законодательстве четко определено, что некоторые из гарантированных Конституцией Украины прав входят в содержание права на охрану здоровья. Поэтому можно сделать предварительный вывод о том, что право на охрану здоровья является шире некоторые другие конституционные права, в частности, такие как право на достаточный жизненный уровень, на безопасную для жизни окружающую среду и др. В то же время, право на охрану здоровья необходимо считать неотъемлемой частью права на жизнь.

В научной литературе высказываются различные точки зрения по поводу определения права на охрану здоровья в системе других конституционных прав.

Так, по мнению В.Ф. Москаленко, Т.С. Грузева и др., право на охрану здоровья тесно связано с некоторыми другими правами человека, в частности гражданскими, политическими, экономическими, социальными, культурными, гуманитарными. Гражданские и политические права, такие как право на жизнь и запрет пыток, призванные права человека, и напрямую связаны со здоровьем. Ряд экономических, культурных и социальных прав вмещает в себя вопросы здоровья. Гуманитарное право содержит положения о защите лица во время международных и внутренних вооруженных конфликтов и касается доступа к медицинской помощи в военное время, безопасного и беспрепятственного ее предоставления [7, с. 201].

В свою очередь И.Я. Сенюта считает, что право человека на охрану здоровья как субъективное юридическое явление, с одной стороны, выпол-

няет гарантийную функцию относительно других субъективных юридических прав (например, о праве на жизнь, права на личную неприкосновенность), а с другой – своими гарантиями имеет другие субъективные юридические права (например, право на информацию, право на социальную защиту), а кроме того, сама здравоохранение является основанием ограничения других субъективных юридических прав человека [8, с. 189].

Другие ученые отмечают, что некоторые социальные и политические права, призванные защищать человека, тесно связанные со здравоохранением – это право на жизнь, запрет пыток. С другой стороны, ряд экономических и социальных прав включает в себя вопросы здравоохранения, в частности право на жилье и право на образование. Больше всего в содержание права на охрану здоровья попадает ряд правомочий, входящих в содержание права на жизнь, права на личную неприкосновенность, права на образование и информацию, права на труд [4, с. 46].

Таким образом, по своему содержанию право на охрану здоровья соотносится с некоторыми другими конституционными правами (на безопасные условия труда, безопасную окружающую среду и т.д.) как цель и средство ее достижения, то есть для сохранения здоровья населения должны быть обеспечены другие права.

При этом необходимо более подробно рассмотреть сущностное соотношение права на охрану здоровья с некоторыми другими конституционными правами, связанными общими элементами в структуре объекта, или есть взаимообусловлены. В частности, право на охрану здоровья имеет особую связь с такими правами, как:

1. Право на жизнь. Так, в соответствии со ст. 27 Конституции Украины каждый человек имеет неотъемлемое право на жизнь.

Выдающийся исследователь конституционного права Ю.М. Бисага отмечает, что право на жизнь – одно из самых дорогих прав, неотъемлемая ценность каждого человека. Оно позволяет человеку владеть всеми правами и свободами. К тому же жизнь – право, которое нельзя обновлять, поэтому защита права на жизнь принадлежит к важнейшим приоритетам [9, с. 33].

Соглашаясь с мнением ученого, необходимо также заметить, что из содержания ст. Из Конституции Украины следует, что жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность человека поставлены на один уровень и признаются в Украине наивысшей социальной ценностью. В связи с этим право на жизнь и право на охрану здоровья относятся к одной группе прав, хотя их содержание составляют также другие правомочия.

Некоторые ученые видят соотношение права на жизнь и права на охрану здоровья в следующем: право на охрану здоровья выступает одной из гарантий права на жизнь, учитывая, что право на

жизнь является определяющим в системе прав человека, а здоровье человека является одним из главных критериев полноценной жизни, условием «качества жизни». Вопросы, связанные с эвтаназией, деятельностью хосписов в качестве альтернативного решения проблем неизлечимо больных людей – одни из определяющих как в исследовании права на жизнь, так и в исследовании права на охрану здоровья. И именно они создают «общую территорию» исследования, дает основание обсуждать соотношение упомянутых выше прав [8, с. 189].

Следовательно, право на жизнь включает в себя, в частности, право на охрану здоровья, поскольку реализация первого права невозможна без создания условий для поддержания здоровья на должном уровне. В то время как право на охрану здоровья, так и право на жизнь имеют наряду с общими элементами объекта (здоровье, полноценную жизнь и т.д.) некоторые различия. В частности, такие правомочия, как свободный выбор врача, выбор методов лечения, медицинское страхование являются объектом права на охрану здоровья, однако их сложно отнести к содержанию права на жизнь.

Таким образом, в итоге можно сделать вывод о том, что исследуемые конституционные права имеют общие и отличительные элементы в структуре объектов, и одновременно с этим право на жизнь шире, поскольку частично поглощает в себе некоторые правомочия, входящие в содержание права на охрану здоровья "я - получение квалифицированной медицинской помощи, в том числе бесплатной, в государственных и коммунальных учреждениях здравоохранения, эпидемиологическом благополучии тому подобное.

2. Право на уважение достоинства, которое в соответствии со ст. 28 Конституции Украины объясняется так, что никто не может быть подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. Также установлено, что ни один человек без его добровольного согласия не может быть подвергнут медицинским, научным или иным опытам.

В свою очередь защита от пыток, бесчеловечного обращения является одной из гарантий защиты здоровья лица, реализуется путем не причинения вреда психическому и физическому здоровью человека в любых условиях, независимо от статуса, места нахождения человека и тому подобное. Итак, гарантированная Конституцией Украины защита от пыток и бесчеловечного обращения, выступает одним из видов обеспечения здравоохранения (предупреждение задачи физического или психического вреда здоровью).

3. Право на труд и отдых. Право на труд определено в ст. 43 Конституции Украины, где указывается, что каждый имеет право на труд, что включает возможность зарабатывать себе на жизнь трудом, который он свободно выбирает или на который свободно соглашается. Кроме того, в этой норме устанавливается запрет на

использование принудительного труда, а также труда женщин и несовершеннолетних на опасных для их здоровья работах.

Взаимосвязь этого права с правом на охрану здоровья выражается в следующем:

– во-первых, поддержания здоровья на должном уровне предполагает наличие финансовых и фактических возможностей для этого, чем в определенной степени способствует гарантированная государством оплачиваемая занятость;

– во-вторых, здравоохранение также обеспечивается созданием безопасных и здоровых условий труда; в-третьих, в особом порядке государство заботится об охране здоровья отдельных категорий граждан, в частности, женщин и детей, оказывается, помимо прочего, в запрете использования труда на работах с тяжелыми и вредными условиями труда.

В соответствии со ст. 45 Конституции Украины, каждый, кто работает, имеет право на отдых. Это право обеспечивается предоставлением дней еженедельного отдыха, а также оплачиваемого ежегодного отпуска, установлением сокращенного рабочего дня для отдельных профессий и производств, сокращенной продолжительности работы в ночное время.

Таким образом, право на отдых определенным образом приводит к обеспечению здравоохранения, поскольку создает условия для профилактики и предупреждения заболеваемости. Кроме того, отдельные государственные гарантии одновременно обеспечивают реализацию исследуемых видов прав (например, предоставление оплачиваемого ежегодного отпуска, санаторно-курортное лечение и т.д.).

4. Право на социальную защиту, включающее право на обеспечение в случае полной, частичной или временной потери трудоспособности, потери кормильца, безработицы по независящим от лица обстоятельствам, а также в старости и в других случаях, предусмотренных законом.

Так, в условиях полной или частичной потери трудоспособности право на охрану здоровья приобретает активный характер, то есть реализуется путем получения гарантированной государством медицинской помощи, в том числе бесплатной, в государственных и коммунальных учреждениях здравоохранения, санаторно-курортного лечения и принятия других мер, необходимых для восстановления здоровья, возмещение государством их стоимости за счет средств фонда социального страхования и др.

5. Право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, определено в ст. 48 Конституции Украины, включающий достаточное питание, одежду, жилье.

Связь этого права с правом на охрану здоровья носит преимущественно экономический характер и выражается в том, что, создавая условия для

достаточного жизненного уровня своих граждан и других лиц, государство тем самым заботится о поддержании надлежащего уровня общественного здоровья (благодаря нормальному питанию, надлежащим жилым и гигиеническим условиям и т.д.). Таким образом, реализация права на охрану здоровья тесно связана с реализацией права на достаточный жизненный уровень.

6. Право на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду и на возмещение причиненного нарушением этого права вреда. В соответствии со ст. 50 Конституции Украины каждому гарантируется право свободного доступа к информации о состоянии окружающей среды, о качестве пищевых продуктов и предметов быта, а также право на ее распространение. Такая информация никем не может быть засекречена.

Одна из обязанностей государства является обеспечение экологического благополучия в государстве, которое напрямую влияет на состояние общественного здоровья. Запрет засекречивания информации о состоянии окружающей среды, о качестве пищевых продуктов в таком случае связана с тем, что такая информация может оказаться жизненно важным фактором, необходимым для принятия соответствующих профилактических, лечебных и других мероприятий, направленных на охрану (восстановление) здоровья. То есть, это право по своей сути является своеобразной гарантией обеспечения реализации права на охрану здоровья.

Выводы.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать вывод, что социальные, экономические, культурные и другие конституционные права тесно связаны между собой, являются взаимообусловлены и определенным образом пересекаются по содержанию. Поэтому в современных условиях необходимо их комплексное исследование, предусматривает применение прежде всего системного метода. Вместе с тем право на охрану здоровья необходимо признать самостоятельным конституционным правом, поскольку в его содержание включены следующие правомочия, которые в системе создают единый уникальный объект такого права, что позволяет говорить о его сущностную особенность. Последняя выражается в том, что право на охрану здоровья сочетает в себе элементы социальных, экономических и культурных прав, а значит, его реализация требует соответствующих видов гарантий.

В связи с этим можно говорить о том, что значение права на охрану здоровья в системе других конституционных прав заключается в том, что благодаря его реализации создаются гарантии для осуществления других прав (в частности, права на жизнь, на труд). Одновременно с этим его реализация требует создания определенных предпосылок, которыми могут выступать такие права, как право на достаточный жизненный уровень, экологическое благополучие и т.д.

Литература:

1. Конституція України: Основний Закон України від 28.06.1996 № 254к/96-ВР. URL : <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/5iioш/254%00%BA/96-%00%B2%01%80>
2. Сульженко Ю.О. Конституційний генезис захисту економічних прав та свобод людини і громадянина у світі та Україні. Юридична наука. 2011. № 4–5. С. 16–23.
3. Волкова О.М. Соціальні права особи: поняття, сутність, особливості. Часопис Київського університету права. 2011. № 1. С. 39–43.
4. Отставнова Е.А. Конституционные основы защиты права человека и гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь в современной России : дис. ... канд. юрид наук: 12.00.02. Саратов, 2010. 246 с.
5. Ціборовський О.М. Шляхи систематизації законодавства України у сфері охорони здоров'я / О.М. Ціборовський, С.В. Істомін, В.М. Сорока. К., 2011. 72 с.
6. Основи законодавства України про охорону здоров'я: Закон України від 19.11.1992 № 2801-XII. URL : <http://zakon3.rada.gov.ua/1аш5/5йош/2801-12>
7. Москаленко В.Ф. Регламентация права на охрану здоровья у міжнародних нормативно-правових актах. / В.Ф. Москаленко, Т.С. Грузева, Г.В. Іншакова. Медичне право України: правовий статус пацієнтів в Україні та його законодавче забезпечення (генезис, розвиток, проблеми і перспективи вдосконалення). Матеріали II Всеукраїнської науково практичної конференції (17–18.04.2008, м. Львів). С. 186–201.
8. Сенюта І.Я. Право людини на охорону здоров'я та його законодавче забезпечення в Україні : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Львів, 2006. 215 с.
9. Бисага Ю.М. Права людини / Ю.М. Бисага, М.М. Палінчак, Д.М. Белов, М.М. Данканич. Ужгород, 2003. 189 с.

Literature:

1. Constitution of Ukraine: The Basic Law of Ukraine of June 28, 1996 № 254k / 96-BP. URL : <http://law3.rada.gov.ua/laws/5iioш/254%00%VA/96-%00%B2%01%80>
2. Sulzhenko Yu.O. The constitutional genesis of the protection of economic rights and freedoms of man and citizen in the world and in Ukraine. Legal Science. 2011. № 4–5. P. 16–23.
3. Volkova O.M. Social rights of the person: concept, essence, features. Journal of the Kyiv University of Law. 2011. № 1. P. 39–43.
4. Otstavnikova E.A. Constitutional Framework for the Protection of the Right of Man and Citizen to Health Protection and Medical Care in Modern Russia : dis. ... edging. юрид sciences: 12.00.02. Saratov, 2010. 246 p.
5. Tseborovskiy O.M. Ways of systematization of the legislation of Ukraine in the field of health care / O.M. Tsiborovsky, S.V. Istomin, V.M. Forty. K., 2011. 72 p.
6. Fundamentals of Legislation of Ukraine on Health Care: Law of Ukraine of November 19, 1992 № 2801-XII. URL : <http://zakon3.rada.gov.ua/1ash5/5yosh/2801-12>
7. Moskalenko V.F. Regulation of the right to health care in international legal acts. / V.F. Moskalenko, TS Georgia, GV. Inshakova. Medical law of Ukraine: legal status of patients in Ukraine and its legislative support (genesis, development, problems and prospects for improvement). Proceedings of the II All-Ukrainian Scientific Practical Conference (April 17–18, 2008, Lviv). P. 186–201.
8. Senyuta I.Ya. Human right to health care and its legislative support in Ukraine: diss. ... cand. lawyer. Sciences: 12.00.01. Lviv, 2006. 215 p.
9. Bisaga Y.M. Human rights / Yu.M. Bisaga, M.M. Polinchak, D.M. Belov, M.M. Dankanic. Uzhhorod, 2003. 189 p.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Акопова Елена Сергеевна

доктор экономических наук,
профессор
кафедры коммерции и логистики,
Ростовский государственный
экономический университет
akopova-sovet@mail.ru

Крятова Галина Анатольевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
гуманитарных дисциплин,
Армавирский механико-технологический
институт (филиал)
Кубанского государственного
технологического университета
galina_anat.kr@mail.ru

Самыгин Сергей Иванович

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры управления
персоналом и социологии,
Ростовский государственный
экономический университет
darya.maksimovich@gmail.com

Elena S. Akopova

Doctor of Economics,
Professor of Department
of Commerce and Logistics,
Rostov State Economic University
akopova-sovet@mail.ru

Galina A. Kriatova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
Humanitarian Disciplines,
Armavir Institute of Mechanics
and Technology (branch)
Kuban State Technological University
galina_anat.kr@mail.ru

Sergey I. Samygin

Doctor of Sociology,
Professor of Department
of Judicial Examination and Criminalistics,
Rostov State Economic University
darya.maksimovich@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БИЗНЕС В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению национального бизнеса в условиях глобализации. Рассмотрены некоторые положительные и отрицательные последствия влияния глобализационных процессов на национальный бизнес. Выделены факторы, детерминирующие необходимость изменения государственного регулирования национального бизнеса. Приведен экспертный прогноз на 2020 год о функционировании и развитии национального бизнеса в условиях глобализации.

Ключевые слова: национальный бизнес, глобализация, факторы, риски, государственное регулирование бизнеса.

Актуальность темы исследования национального бизнеса обусловлена возрастанием его роли в условиях глобализации как парадигмы XXI века, открывающей перед субъектами хозяйствования новые возможности для расширения бизнеса. Процесс глобализации, сопряженный с технологическими изменениями, определяет инновационное направление развития мировой экономики в целом, и ее субъектов, в частности, который на практике реализуется в

NATIONAL BUSINESS IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

Annotation. The article is devoted to the consideration of national business in the context of globalization. Some positive and negative consequences of the impact of globalization processes on national business are considered. The factors determining the need for changes in state regulation of national business are identified. An expert forecast for 2020 on the functioning and development of national business in the context of globalization is presented.

Keywords: national business, globalization, factors, risks, state regulation of business.

рамках национального экономического развития [1]. Как подчеркивают В.И. Самофалов и А.Я. Ростокина, в условиях объективно существующих «провалов» рынка государство включается в корректировку рыночных процессов, усиливая и процесс использования национального бизнеса в разрешении социально-экономических проблем [2, с. 311]. Этот факт подтверждается ФЗ «О статусе национального бизнеса в Российской Федерации», целью кото-

рого является создание правовых основ обеспечения экономического суверенитета РФ и устойчивого развития российской экономики путем формирования системы государственных гарантий и мер государственной поддержки национально-ориентированному бизнесу в РФ.

Согласно экономическому словарю, национальный бизнес представляет собой экономическую деятельность, направленную на получение прибыли. Бизнес охватывает любые сферы деятельности: производственную, банковскую, коммерческую, консультационную, сельскохозяйственную, строительную, торговую, транспортную, сферу услуг и др. Государство и общество ждет от бизнеса не просто прибыльное производство, а социальную значимость, направленную на удовлетворение социально-экономических потребностей населения [3, с. 31].

Национальный бизнес (в т.ч. малый, средний) в условиях глобализации становится более мобильным, способным быстро адаптироваться к изменениям конъюнктуры рынка, активно внедрять инновационные технологии, а также конкурировать с крупным бизнесом [4], причем, эффект конкуренции признается позитивным последствием глобализации. Действительно, процессы глобализации, как показывает практика, способствуют обострению конкуренции на национальном рынке, поскольку к внутренним конкурентам присоединяются внешние конкуренты [5; 6]. С этих позиций глобализационные процессы как на уровне мировой, так и на уровне национальной экономики выгодны, в первую очередь, потребителям, т.к. в условиях конкурентного бизнеса возможно формирование выбора того или иного товара и закономерное снижение цены [7].

Что же касается повышения конкурентоспособности национального бизнеса в условиях происходящих процессов глобализации, то многие российские компании могут вполне извлечь экономическую пользу и найти свое собственное место в мировой экономической системе. Так, повышению их конкурентоспособности может способствовать, с одной стороны, частичная или полная передача выполнения отдельных бизнес-функций сторонним организациям, имеющим объективные возможности осуществить их более эффективно, с другой стороны – участие в сетевых корпорациях, включая и зарубежные [7].

Однако процессы глобализации, помимо возможностей развития и повышения конкурентоспособности национального бизнеса, как на внутреннем, так и на внешнем рынках, имеет и отрицательные последствия [8]:

- усиление рискогенности, нестабильности и конкуренции в условиях высокой степени взаимозависимости национальных экономик;
- постоянно меняющиеся процессы рыночной конъюнктуры;
- высокие темпы совершенствования производственных и технологических процессов.

Так, Лю Сяомэй в своей статье приводит следующие данные: порядка 50 % малых предприятий закрываются в первые два года своей деятельности, в то время как полностью успешными к своему 10-летнему рубежу оказываются только 15 % предприятий [4].

Говоря о выживаемости национального бизнеса в условиях глобализации, целесообразно выделить две группы факторов, детерминирующих необходимость изменения на уровне государственного регулирования национального бизнеса. К внутренним факторам (на уровне предприятий), определяющим важность трансформации государственного регулирования бизнеса, относятся: недостаточный объем имеющихся оборотных средств у предприятий, устаревшее оборудование на предприятиях и изжившие технологии, трудности привлечения молодых квалифицированных работников, невысокий уровень менеджмента.

К внешним факторам (на национальном уровне), детерминирующим необходимость изменения государственного регулирования национального бизнеса, можно отнести следующие:

- недоработку нормативно-правовой базы;
- большую налоговую нагрузку;
- высокий уровень процессов инфляции;
- высокую стоимость арендной платы;
- рост ценообразования на сырье и рабочую силу;
- невысокий платежеспособный спрос населения;
- высокозатратные административные расходы; невысокий уровень финансирования и экономической поддержки;
- разнообразные риски: валютные (коммерческие и банковские), политические, экологические.

Заметим, что развернувшиеся процессы глобализации создают определенные предпосылки для возникновения рисков в экономической и социально-политической обстановке не только внутри страны, но и вокруг нее (что может отразиться на социальных гарантиях и оказать влияние на уровень жизни населения) [9; 10].

Как подчеркивает С.М. Тхамокова, в 2020г. будут использованы все финансы из Фонда национального благосостояния, соответственно, будут сокращены расходы на социальную сферу, снова повысится налогообложение, что отразится на малом и среднем национальном бизнесе, который «не выдержит дополнительной фискальной нагрузки – при том, что сегодня российский бизнес уже платит немаленькие проценты» [11, с. 85].

Дополнительная налоговая нагрузка в виде прибавки НДС в 2019 г. оказалась негативным фак-

тором, повлиявшим на малый и средний бизнес, реальные доходы населения и темпы экономического роста. Поэтому повышение налогов – это не самое удачное предприятие, в особенности на этапе, когда национальная экономическая система находится в рецессии.

В связи с этим, оказание помощи национальному бизнесу по ряду указанных выше внешних и внутренних факторов на уровне компетентного вмешательства государства являются важным методом поддержки и стимулирования развития бизнеса. Например, материальная поддержка по предоставлению инвестиционных кредитов для улучшения качества ассортимента товаров и услуг, замене устаревшего оборудования и технологий на предприятиях, а также снижение налоговых ставок на определенный срок у субъектов национального бизнеса – все это облегчит экономическое состояние предприятий.

Согласно результатам опроса журнала «Финансовый директор», в 2020г. на функционирование и развитие национального бизнеса в условиях глобализации окажут влияние следующие факторы:

– фактор замедления потребительского спроса, который, в свою очередь, будет спровоцирован медленным ростом национальной экономики, увеличением инфляции, слабым ростом доходов основной части населения, а также недостаточным ростом кредитов как основного источника для наращивания расходов населения;

– фактор конкуренции, который, по прогнозам специалистов, будет иметь тенденцию к увеличению, что приведет к закрытию части региональных сетей, а рынок будет консолидироваться за счет крупных ритейлеров;

– фактор неустойчивости и колебания валютных курсов. Так, по мнению аналитиков, рост волатильности на мировых финансовых рынках, напрямую связанный с замедлением экономики США, Китая и мировой торговли, приведет к значительным колебаниям валютных курсов, кото-

рые повлекут за собой изменения в налоговой системе. Для национальных компаний, работающих в сфере импорта потребительских товаров, это существенно повышает риски кассовых разрывов;

– фактор роста доли дисконтных форматов, что, в свою очередь, объясняется сравнительно высокой долей бедного населения – 11,7 %, а это – сдерживающий фактор для роста экономики. После увеличения пенсионного возраста число пенсионеров по формальным механизмам будет расти медленнее, чем в предыдущие годы и на этом фоне доля бедного и малообеспеченного населения продолжит увеличиваться по той основной причине, что реальные доходы имеют тенденцию к снижению. Это будет вести к сохранению модели сдержанного потребления как минимум до конца 2021 г., и, как следствие, будет возрастать выручка в магазинах, придерживающихся дисконтного формата в рамках национального бизнеса;

– фактор роста расходов на логистику, связанный с запланированным на февраль 2020 г. повышением тарифов на 7,8 % системы «Платон» (российская система взимания платы с грузового автомобильного транспорта) [12].

В целом, за последние два десятилетия глобализационные процессы привели к значительному изменению условий национального бизнеса, наряду с этим изменились сами организации, их место и роль в среде бизнеса. При этом важна государственная поддержка национального бизнеса, чтобы экономика имела шанс на выравнивание в течение следующих лет, т.к. в условиях глобализации для любой организации важнее быть частью мировой экономической системы, нежели противостоять ей. Став некоторой частью данной системы посредством кооперации и сотрудничества, конкурентоспособные российские организации получают возможность развиваться синхронно с глобальной экономикой, а национальный бизнес займет свое достойное место в мировом сообществе.

Литература:

1. *Акопова Е.С.* The role of energy sector infrastructure in world economy development / E.S. Akopova, A.A. Polubotko // Life Science Journal. 2014. Т. 11. № 11s. P. 560–564.
2. *Самофалов В.И.* Внешнеэкономическая деятельность предприятий малого бизнеса в условиях глобализации мировой экономики: постановка проблемы / В.И. Самофалов, Я.А. Росткина // Модернизация экономики России: отраслевой и региональный аспект: материалы международной науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2018. С. 310–314.
3. *Экономический словарь: справочное издание / Сост. В.И. Нечаев, П.В. Михайлушкин.* Краснодар, 2011. 464 с.
4. *Лю Сяомэй.* Малый и средний бизнес в условиях глобализации мировой экономики // Вестник

Literature:

1. *Акопова Е.С.* The role of energy sector infrastructure in world economy development / E.S. Akopova, A.A. Polubotko // Life Science Journal. 2014. Т. 11. № 11s. P. 560–564.
2. *Samofalov V.I.* Foreign economic activity of small businesses in the context of globalization of the world economy: statement of the problem V.I. Samofalov, Y.A. Rostokina // Modernization of the Russian economy: sectoral and regional aspect: materials of international scientific and practical. conf. Rostov-on/D., 2018.
3. *Economic Dictionary: reference edition / comp. in and. Nechaev, P.V. Mikhailushkin.* Krasnodar, 2011. 446 p.
4. *Liu Ciaomei.* Small and medium-sized businesses in the context of globalization of the world econ-

Гомельского государственного технического университета. 2014. № 2. С. 89–95.

5. *Ослина К.А.* Глобализация: методология и направления структурного анализа / К.А. Ослина, Б.Т. Ражапов, Г.А. Крятова // В сборнике: Проблемы цивилизационного развития России: характер, факторы и пути решения Материалы III Междунар. науч.-практич. конф. 2018. С. 21–26.

6. *Крятова Г.А.* К проблеме экономической субъектности в экономической теории / Г.А. Крятова, И.В. Коваль // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2016. № 2 (6). С. 37.

7. *Мешалкин В.П.* Проблемы и перспективы развития российского бизнеса в условиях глобализации экономики / В.П. Мешалкин, Л.В. Фомченкова, И.А. Петров // Российское предпринимательство. 2002. Т. 3. № 5. С. 92–94.

8. *Акопова Е.С.* Экономическая глобализация как фактор разрушения экономической безопасности российского общества / Е.С. Акопова, М.Г. Магомедов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. С. 101–104.

9. *Гафиатулина Н.Х.* Моделирование социально-политических процессов в условиях неопределенности : учеб. пособ. : в 2 ч. для студентов-бакалавров очной и заочной форм обучения / Южный федеральный университет. Ростов-н/Д. – Азов, 2013. Ч. I. 164 с.

10. *Самыгин С.И.* Экономическая глобализация как фактор риска снижения социального здоровья молодежи / С.И. Самыгин, Н.Х. Гафиатулина // Модернизация экономики России: отраслевой и региональный аспект. Материалы международной науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. Ростов н/Д., 2018. С. 360–364.

11. *Тхамокова С.М.* Экономическая ситуация в России в 2019 году // Аграрный вестник Урала. 2018. № 12(179). С. 82–86.

12. Электронный журнал «Финансовый директор». URL : <https://www.fd.ru/news/47453-kakie-otraslevye-riski-nado-uchest-v-byudjete-na-2020-god>

omy // Bulletin of the Gomel State Technical University. 2014. № 2. P. 89–95.

5. *Oslina K.A.* Globalization: the methodology and directions of structural analysis / K.A. Oslina, B.T. Razhapov, G.A. Kryatova // In the collection: Problems of the civilizational development of Russia: nature, factors and solutions Materials III of the International scientific and practical conf. 2018. P. 21–26.

6. *Kryatova G.A.* To the problem of economic subjectivity in economic theory / G.A. Kryatova, I.V. Koval // Bulletin of the Krasnodar State Institute of Culture. 2016. № 2.

7. *Meshalkin V.P.* Problems and prospects for the development of Russian business in a globalized economy / V.P. Meshalkin, L.V. Fomchenkova, I.A. Petrov // Russian Journal of Entrepreneurship. 2002. Т. 3. № 5. P. 92–94.

8. *Akopova E.S.* Economic globalization as a factor in the destruction of the economic security of Russian society / E.S. Akopova, M.G. Magomedov, S.I. Samygin // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. № 2. P. 101–104.

9. *Gafiatulina N.Kh.* Modeling of socio-political processes in the face of uncertainty. Two-part textbook for full-time and part-time bachelor students / Southern Federal University. Rostov-on/D. – Azov, 2013. Part I. 164 p.

10. *Samygin S.I.* Economic globalization as a risk factor for reducing the social health of youth / S.I. Samygin, N.Kh. Gafiatulina // Modernization of the Russian economy: sectoral and regional aspects. Materials of the international scientific and practical. conf. faculty, young scientists and students. Rostov-on/D., 2018.

11. *Tkhamokova S.M.* The economic situation in Russia in 2019 // Agrarian Bulletin of the Urals. 2018. № 12(179). P. 82–86.

12. The electronic journal «Financial Director». URL : <https://www.fd.ru/news/47453-kakie-otraslevye-riski-nado-uchest-v-byudjete-na-2020-god>

Балаяев Наран Джангарович
студент кафедры государственного
финансового контроля,
Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации
balyaev1003@gmail.com

Naran D. Baliaev
Student of Department of State
Financial Control,
Financial University
at the Government
Russian Federation
balyaev1003@gmail.com

УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ БАЛАНС ПРЕДПРИЯТИЯ И МЕТОДИКА ЕГО СОСТАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT BALANCE SHEET OF THE ENTERPRISE AND METHODS OF ITS PREPARATION

Аннотация. Бухгалтерский учет объясняет через финансовую отчетность состояние дел на предприятии. Но, поскольку, ее подготовка всегда занимает какое-то время, руководителю на стол попадает отчет о событиях давно минувших дней, а то и месяцев. В этом состоит главная причина того, почему бухгалтер не справляется с управленческими задачами. Если разрабатывать отдельную систему управленческого учета с нуля, просто нет времени и сил, можно воспользоваться бухгалтерской аналитикой. Управленческая отчетность – основа организации финансового управления предприятием.

Annotation. Accounting explains through financial statements the state of Affairs in the enterprise. But since its preparation always takes some time, the head of the table gets a report on the events of bygone days, and even months. This is the main reason why accounting does not cope with management tasks. If you develop a separate management accounting system from scratch just do not have the time and effort, you can use accounting Analytics. Management reporting is the basis of the organization of financial management of the enterprise.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, баланс предприятия, финансовая отчетность, план, отчетность.

Keywords: accounting, balance sheet, financial statements, plan, reporting.

Сегодня к составлению управленческой отчетности стремятся все больше и больше продвинутых бизнесменов.

В управленческие задачи предприятия входит: определение целей, выбор путей их достижения, разработка плана действий, сверка результата с планом. В связи с этим, возникает потребность в составлении управленческого баланса. Приведем отличия бухгалтерского учета от учета, который строится для целей управления.

Обычные организации по закону обязаны составлять финансовую отчетность лишь по итогам года (п. 1 ст. 15 Закона от 06.12.2011 № 402-ФЗ). Тем не менее, по приказу руководителя отчетность может составляться каждый квартал, а то и каждый месяц.

Таблица 1

Отличия бухгалтерского учета от учета, который строится для целей управления

Параметр	Бухгалтерский учет	Управленческий учет
Пользователи	Существующие и потенциальные владельцы, кредиторы, госорганы	Руководители внутри предприятия (все уровни – от менеджера до директора), собственники
Ограничения	В соответствии с законодательно установленными принципами и правилами	Отсутствуют. Только уровень затрат на организацию и функционирование системы учета
Шкала времени	Смолит в прошлое (фиксирует то, что уже свершилось)	Направлен на прогноз будущих результатов при изменении текущих параметров
Отчетный период	От календарного квартала до года	Любой, от нескольких часов до нескольких лет
Детализация отчетов	Предприятие в целом	Любая. Чем детальнее, тем лучше (отделы, менеджеры, локации, товары, клиенты, время и т.д.)
Показатели отчетов	Ограничены требованиями законов и собственными уставными документами организации, выражены в абсолютных (стоимостных) значениях	Свобода выбора и выражения. Количественные и качественные характеристики, относительные показатели

Для составления управленческого баланса предлагаются следующие формы таблиц:

Таблица 2

Форма управленческого баланса

Показатель	31.03.2019	31.12.2018	30.09.2018	30.06.2018	31.03.2018
Активы					
Внеоборотные активы					
Финансовые вложения					
Запасы					
Дебиторская задолженность					
Денежные средства					
Итого активы					
Обязательства					
Заемные средства					
Кредиторская задолженность					
Итого обязательства					
Капитал					
Уставный капитал					
Собственные акции					
Добавочный капитал					
Нераспределенная прибыль					
Итого капитал					
Итого пассивы					

При необходимости эти обобщенные показатели легко разворачиваются на детализирующие подстроки. Заполним таблицу данными (табл. 3).

Таблица 3

Финансовое состояние (БАЛАНС), тыс. руб.

Показатель	31.03.2019	Доля показателя, %	31.12.2018	30.09.2018	30.06.2018	31.03.2018
Активы						
Внеоборотные активы	478	4	501	549	695	732
Финансовые вложения	180	1	273	308	254	222
Запасы	2 080	16	2212	1923	1878	2016
Дебиторская задолженность, в том числе:	3027	24	3034	2950	3103	3050
покупатели А	1181	9	1 483	1335	1585	1389
покупатели В	832	7	907	659	544	613
покупатели С	1014	8	644	956	974	1 048
Денежные средства, в том числе	7181	55	7207	7898	7375	8352
RUB	4 685	37	5221	5978	5692	6571
USD	2496	18	1986	1920	1683	1781
Итого активы	12946	100	13227	13628	13305	14372
Обязательства						
Заемные средства	987	14	1154	1684	2345	3120
Кредиторская задолженность	5473	35	6318	7258	6062	6580
авансы от покупателей	1115	9	1774	1709	1846	2093
оплата труда	1278	10	1312	513	1388	1271
налоги и страховые взносы	2480	16	3232	2602	2828	3216
задолженность участникам	0	0	0	2434	0	0
Итого обязательства	6460	43	7472	8942	8407	9700
Капитал						
Уставный капитал	2000	16	2000	2000	1000	1000
Собственные акции	0	0	0	-2434	0	0
Добавочный капитал	0	0	0	1000	0	0
Нераспределенная прибыль	4486	41	3755	4120	3898	3672
Итого капитал	6486	57	5755	4686	4898	4672
Итого пассивы	12946	100	13227	13628	13305	14372

Используя функции группировки данных, можно детализировать абсолютно все показатели, а не только самые важные (табл. 4).

Таблица 4

Управленческий баланс: детализация показателей

Финансовое состояние (БАЛАНС), тыс. руб.									
Показатель	31.03.2019	к пред. кв., %	31.12.2018	к пред. кв., %	30.09.2018	к пред. кв., %	30.06.2018	к пред. кв., %	31.03.2018
Активы									
Внеоборотные активы	478	-5	501	-9	549	-21	695	-5	732
Финансовые вложения	180	-34	273	-11	308	21	254	14	222
Запасы	2080	-6	2212	15	1 923	2	1 878	-7	2016
Дебиторская задолженность, в том числе	3027	-0	3034	3	2 950	-5	3103	2	3050
покупатели А	1181	-20	1483	11	1 335	-16	1585	14	1389
покупатели В	832	-8	907	38	659	21	544	-11	613
покупатели С	1014	57	644	-33	956	-2	974	-7	1048
Денежные средства, в том числе:	6912	-0	7207	-9	7898	7	7375	-12	8352
RUB	4685	-10	5221	-13	5978	5	5692	-13	6571
USD	2227	26	1986	3	1920	14	1683	-6	1781
Итого активы	12677	-2	13227	-3	13628	2	13305	-7	14372

В указанной таблице показаны темпы прироста активов к предыдущему кварталу. Такой вариант подходит для иллюстрации изменений внутри всего периода (в нашем случае – года) от квартала к кварталу.

Если требуется показать отличия именно текущего отчетного периода в последовательном сравнении с предыдущими кварталами, то наш «управленческий» баланс будет выглядеть следующим образом – таблице 5.

Таблица 5

Управленческий баланс: показать отличия текущего отчетного периода в последовательном сравнении с предыдущими кварталами

Финансовое состояние (БАЛАНС), тыс. руб.									
Показатель	31.03.2019	31.12.2018	к пред. кв., %	30.09.2018	к пред. 6 мес., %	30.06.2018	к пред. 9 мес., %	31.03.2018	к пред. году, %
Активы									
Внеоборотные активы	478	501	-5	549	-13	695	-31	732	-35
Финансовые вложения	180	273	-34	308	-42	254	-29	222	-19
Запасы	2080	2212	-6	1923	8	1878	11	2016	3
Дебиторская задолженность	3027	3034	-0	2950	3	3103	-2	3050	-1
Денежные средства	6912	7207	-0	7898	-9	7375	-3	8352	-14
Итого активы	12946	13227	-2	13628	-5	13305	-3	14372	-10
Обязательства									
Заемные средства	987	1154	-14	1684	-41	2345	-58	3120	-68
Кредиторская задолженность	5473	6318	-13	7258	-25	6062	-10	6580	-17
Итого обязательства	6460	7472	-14	8942	-28	8407	-35	9700	-33
Капитал									
Уставный капитал	2000	2000	0	2000	0	1000	100	1000	100
Собственные акции	0	0	-	-2434	-	0	-	0	-
Добавочный капитал	0	0	-	1000	-	0	-	0	-
Нераспределенная прибыль	4486	3755	19	4120	9	3898	15	3672	22
Итого капитал	6486	5755	13	4686	38	4898	32	4672	39
Итого пассивы	12946	13227	-2	13628	-5	13305	-3	14372	-10

Итак, мы показали методику составления управленческого баланса для руководства предприятия. Приведенный нами в качестве примера баланс должен понравиться и руководителю, и собственнику. Ведь, налицо, работа с кредиторской задолженностью, поскольку она уменьшается (мы видим красные цифры), активы не увеличиваются, капитал прирастает (зеленые цифры).

Отметим, что баланс больше нацелен на собственника. Инвестору из него должно быть понятно, ради чего и каким капиталом он рискует, располагая столькими ресурсами и обязательствами. На основе составленного управленческого баланса могут быть приняты грамотные и рациональные управленческие решения на предприятии.

Литература:

1. *Бойко Е.А.* Бухгалтерский управленческий учет. М. : Феникс, 2016. 380 с.
2. *Кондраков Н.П.* Бухгалтерский управленческий учет / Н.П. Кондраков, М.А. Иванова. М. : РИОР, 2015. 240 с.

Literature:

1. *Boyko E.A.* Accounting management accounting. M. : Phoenix, 2016. 380 p.
2. *Kondrakov N.P.* Accounting management accounting / N.P. Kondrakov, M.A. Ivanova. M. : RI-OR, 2015. 240 p.

Богданов Игорь Яковлевич
доктор экономических наук,
профессор,
руководитель отдела
социально-экономической безопасности
Центра социальной безопасности
и рискологии, ИСПИ РАН
i_bogdanov@list.ru

Бусыгин Андрей Евгеньевич
доктор экономических наук,
профессор,
главный научный сотрудник
отдела социально-экономической
безопасности Центра социальной
безопасности и рискологии ИСПИ РАН
i_bogdanov@list.ru

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация. Все решения, касающиеся проведения внутренней и внешней политики современных государств, в том числе России, связаны с рисками, действующими на социальный климат общества. Невнимание к рискам со стороны власти способно превращать их в угрозы. Немалые риски связаны с внедрением цифровой экономики. Риск-группы включают десятки миллионов человек, неспособных добиться доходов в соотношении к потреблению.

Ключевые слова: цифровая трансформация, социальный климат общества, глобальные риски, угрозы, частная собственность, производительность труда, социальная справедливость.

По мере усиления глобализационных процессов всё более рискованным становится всё, связанное с обществом: политика, управление, экономика и прочее, все решения, которые принимаются органами власти. Причём, возрастает не только масштаб рисков, сама по себе их система становится всё более сложной и менее стабильной, всё более изменчивой.

Глобальные риски современности. Человечество на современном историческом этапе под-

Igor Ya. Bogdanov
Doctor of Economics,
Professor,
Head of the Social
and Economic Security Department
at the Center for Social Security
and Riskology, ISPR RAS
i_bogdanov@list.ru

Andrey E. Busygin
Doctor of Economics,
Professor,
Senior Researcher of the Social
and Economic Security Department
at the Center for Social Security
and Riskology, ISPR RAS
i_bogdanov@list.ru

THE MAIN VECTORS OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF EXTERNAL AND INTERNAL THREATS TO NATIONAL SECURITY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Annotation. All the decisions that cover domestic and foreign policy of modern states as well as Russia deal with risks affecting the social climate of society. The failure on the part of the authorities to risks can make them threats. Risk groups include tens of millions of people being unable to generate income in relation to consumption.

Keywords: digital transformation, social climate of society, global risks, threats, private property, productivity, social justice.

вержено всё возрастающим рискам, некоторые из которых угрожают существованию всех форм жизни на планете. Природно-климатические масштабные катастрофы, в тех или иных частях земли, реально возможны по причине изменения климата, вызванного производственной деятельностью людей. «Глобальное потепление», «озоновые дыры» – возникновение этих явлений (которые отнюдь не являются «страшилками», а действительно внушают обоснованные опасения) обусловлено воздействием человечества на

природу. Эти риски появились потому, что созданные людьми машины и технологии исправно действуют во всё более расширяющихся масштабах.

Другие риски возникают вследствие возможных сбоев в функционировании машин, механизмов и технологий. Это, например, взрывы на химических предприятиях, информация о которых с завидным постоянством появляется в мировых СМИ. Чернобыльская катастрофа – яркий пример такого риска, и нет никаких гарантий, что подобные «чернобыли» невозможны в будущем из-за отказа оборудования.

Есть и риск совершения террористического акта, в результате которого сложное оборудование целенаправленно будет выведено из строя с целью нанесения ущерба, масштабы которого поразят всякое воображение. Создатели голливудских фильмов время от времени щекочут нервы зрителям, рисуя картины возможных апокалипсисов, которые не происходят только потому, что некие обаятельные героини-одиночки смогли их предотвратить в последние секунды. Но это происходит в кино. В действительности, всё может оказаться гораздо серьёзнее.

Накопленные запасы ядерных вооружений сами по себе порождают риски вселенской катастрофы и не обязательно в результате теракта, а вследствие возможной ошибки, организационного сбоя или действия психологического фактора.

Решение задачи элиминирования вышеперечисленных рисков настоятельно требует объединения усилий всех государств.

Это всё риски, вызванные техникой и технологиями. Следующая группа рисков относится к финансово-экономической сфере. Финансовые рынки в современном мире имеют глобальный характер, и активность на них не затихает ни на минуту. Изменение цен на нефть, колебания курсов мировых валют – всё это мгновенно воздействует на весь взаимосвязанный мир: объёмы экспорта и импорта государств, стабильность банковских систем, инфляционные процессы, уровень цен... Финансово-экономические неурядицы практически неизбежно влекут за собой политические последствия: социальные волнения, политические кризисы, в результате которых происходит смена правительств, меняется законодательство, приоритеты развития различных государств. В данном случае речь идёт о социально-политических рисках.

Отдельно следует сказать о рисках, связанных с бурным развитием «цифровой экономики», которая неизбежно охватит все страны мира. С одной стороны, «цифровая экономика» облегчает жизнь людей, делая многие услуги гораздо более доступными, с другой – способна снизить степень защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних информационных угроз.

Принято считать, что более всех иных сфер деятельности рискам подвержено предпринима-

тельство. Предпринимательские риски, иной раз, сравнивают с риском обрушения нетвёрдой конструкции, установленной в кузове грузовика, движущегося по ухабистой дороге. Примерно столь же велики риски, возникающие при проведении внешней и внутренней политики современного государства. Только, если предпринимательские риски способны привести к краху бизнеса, пусть, даже значительного масштаба, что способно породить локальные встряски, риски при проведении государственной политики грозят мировыми потрясениями.

Мы исходим из того, что Россия является частью современного глобального мира. Изоляция России в современном мире (вынужденная или добровольная) недопустима. Всякого рода попытки возвести «железный занавес» периода «холодной войны» недопустимы и, более того, – невозможны.

Современное российское общество, его социальный климат. Поддержка В.В. Путина на президентских выборах 2018 года свидетельствует о том, что общество имеет высокую степень единства, но на самом деле оно далеко не однородно. Это и естественно, если иметь в виду события, которые происходили в России в последние 30 лет.

Сразу следует оговориться, что, по мнению социолога Леонтия Бызова, с которым авторы согласны, «президентские выборы в современной России – это форма ритуальной легитимации власти, а не механизм её смены». «Легитимация власти 2018 года» прошла спокойно – без потрясений и расколов.

У современного российского общества, если иметь в виду политические предпочтения его членов, два крыла – либеральное и консервативное. Причём второе значительно больше первого. По данным мартовского 2018 года исследования ВЦИОМ, к либеральному крылу можно причислить около 20 % членов общества, а к консервативному – почти 80 %. При этом последовательных либералов – не более 6–7 %, а последовательных консерваторов – свыше 50 %! Следует подчеркнуть: речь идёт именно о политических предпочтениях, которые, чаще всего, никоим образом не артикулируются: носители этих предпочтений членами политических партий и общественных движений, как правило, не являются и в проводимых ими акциях не участвуют.

Последовательные либералы выступают за сближение с Западом, демократию, самоуправление, сильное гражданское общество, рыночную экономику.

Консерваторы ратуют, прежде всего, за социально-ориентированную экономику, традиционные российские ценности (православие, прежде всего), социализм, ведущую роль государства во всех сферах жизнедеятельности общества.

Причём и те, и другие, прежде всего, поддерживают лозунги «Сильное и социально-ориентиро-

ванное государство, способное обеспечить социальную справедливость» и «Укрепление оборонной мощи, могущества Российской державы».

Это – те приоритеты, ориентация на которые цементирует современное российское и спланирует его вокруг В.В. Путина. О том, что можно говорить о политически едином обществе, свидетельствуют итоги последних президентских выборов: либералы Григорий Явлинский и Ксения Собчак набрали, в совокупности, 2,7 % голосов. Это сравнимо с теми голосами (по 0,7 %), которые набрали практически малоизвестные Титов, Сурайкин и Бабурин. Эти личности избирателей мало интересовали, так как Григорий Явлинский безуспешно «засветился» и на всех предыдущих выборах, а что касается Собчак, то за ней тянулся шлейф разговоров о несамостоятельности её решения баллотироваться в президенты на этих выборах.

О том, что общество не так едино, как кажется на первый взгляд, свидетельствует тот факт, что по некоторым оценкам, против всех проголосовали от 10 до 15 %.

События, происшедшие между выборами 2012 и 2018 годов (Донбасс, Крым, санкции и проч.), пока не повлияли в отрицательном смысле на единство общества. Наоборот, влияние было даже позитивным. «Крым» привёл к всплеску национально-патриотических чувств. Даже самые последовательные либералы за редким исключением сочли, что возвращение Крыма в состав России – это «историческая справедливость». Они выражали только несогласие с тем, как это было сделано. При этом внимание общества с внутренних проблем было переориентировано на внешние: если в 2011 году 62 % респондентов считали, что основные угрозы – внутри страны, то три года спустя таковых оказалось в три с лишним раза меньше – всего 18 %. Интересно, что, по данным некоторых социологических опросов, одновременно повысилась доверие россиян к СМИ, прежде всего к телевидению: в декабре 2015 г. «Левада-центр» зафиксировал рекордное снижение доверия россиян к телевидению как источнику информации о происходящем (в 2009 г. ему доверяли 79 % россиян, в 2013-м – 51 %, в 2014-м – 41 %). А исследование сентября 2015 г. фиксировало: около 60% россиян говорили о доверии информации, распространяемой телеканалами.

А что «в середине» – между последовательными консерваторами и либералами? Какие настроения преобладают в их среде?

В не зависимости, к какому крылу примыкают колеблющиеся и сомневающиеся, в этой среде растёт «политический пофигизм». Эти многочисленные слои ориентированы на потребление – максимально возможное, если есть средства, и на минимальное, которое позволило бы выжить, если средств нет.

«В середине» существует и «Единая Россия» как «партия власти». На выборах различных уров-

ней партию поддерживает около 53 % россиян. Сама партия немногочисленна: сообщается, что она насчитывает (данные за 2013 год – более поздние данные не обнародованы) примерно 2 млн 114 тыс. членов. Подавляющее число членов этой партии – государственные и муниципальные служащие, которых в современной России почти 1,5 миллиона человек. Почти все они – члены партии «Единая Россия». Если иметь в виду, что многие депутаты представительных органов власти федерального, регионального и муниципального уровней также принадлежат к этой партии, получается, что практически все её члены – это функционеры, работающие во власти или на неё. В партию вступает и молодёжь, которая в будущем видит себя во властных структурах, причём в таких, каковыми эти структуры являются сегодня, т.е. отчуждёнными от граждан.

В последнее время «Единая Россия» всячески старается пропагандировать отсутствие её связи с властью, но с очевидностью трудно спорить: именно как «партия власти» она создавалась представителями правящих элит, долгое время в таком виде существовала, и изменить свой имидж у неё не получится.

Анализ современного общества возможен, исходя из различных критериев. Н.В. Зубаревич, известный исследователь, экономико-географ, например, считает, что существуют как бы четыре разные России, которые, как параллельные прямые, не пересекаются. Первая – страна больших городов. Здесь концентрируется «средний класс». Вторая Россия – страна средних промышленных городов. Здесь преобладает борьба за занятость и зарплаты (там живёт примерно 25 % населения страны). Третья Россия – это огромная по территории периферия, состоящая из жителей села и малых городов – здесь 38 % населения. Протестный потенциал этой периферии минимален. Четвёртая Россия – это республики Северного Кавказа и юга Сибири (Тыва, Алтай), в которых живёт менее 6 % населения страны. Для них важно, в первую очередь, помощь центра и трансферты. На самом деле эти «прямые» не такие уж параллельные. И в крупных городах есть бедные, и на периферии живут представители «среднего класса».

Возможны «срезы» общества по национальному и религиозному признакам. В последнее время, когда на первый план вышел лозунг «национальных ценностей», всё чаще говорят о Православии, как той религии, которая выделяет русских как её носителей от прочего мира. По словам Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, 75 % россиян являются православными. На самом деле, православными верующими являются от 4 до 10 % населения России. Следует согласиться с исследователями, которые считают, что для большинства современных россиян их самоотнесённость к православию не есть вопрос веры или идеологии, а, прежде всего, вопрос идентификации, некий этнонациональный маркер.

Теперь о понятии «социальный климат». В литературе чаще говорится о «социально-психо-

логическом» или «социально-политическом» климате, что, в общем-то, оправданно. Первое понятие применяется, чаще всего, к коллективу, второе – к обществу в целом.

Социально-политический климат может быть определён как характеристика социальной среды, отражающая состояние всех сфер жизнедеятельности общества. Как общественный настрой, создающий условия, в которых протекает политический процесс и формируется политическая культура. Он может быть благоприятным, оптимальным, стабильным, предсказуемым, напряженным, взрывоопасным и т.д.

Несмотря на политическое единство общества, подтверждённое результатами выборов 2018 года, социальный климат в стране, в целом, можно считать скрыто-напряжённым. «Болотная» и «проспект Сахарова» в 2011–2012 г. – это лишь первые пузырьки закипающей общественной субстанции, температура которой неизбежно будет возрастать, если общепримиряющий бег на месте не будет заменён действительными переменами.

Наблюдения за состоянием социального климата свидетельствуют о том, что «посткрымская эпоха» заканчивается. На подъеме общественных настроений, который произошёл после присоединения Крыма, считающих, что страна движется в правильном направлении, было на 28 % больше тех, кто считал, что страна идёт по неверному пути. Сегодня разница стала почти нулевой. Недавние социологические обследования свидетельствуют о том, что число людей, желающих перемен, за последнее время значительно выросло. С 2012-го по 2018 годы доля россиян, которые полагают, что страна нуждается в существенных переменных и реформах, выросла с 28 до 56 %, т.е. практически удвоилась. В свою очередь, доля сторонников статус-кво за этот же период сократилась с 76 до 44 %.

Риски внутренней политики. Управление внутренней политики Президента Российской Федерации занимается работой с политическими партиями, общественными организациями и движениями, курирует проведение выборов органов власти. В поле зрения управления – политическая и законодательная деятельность Государственной Думы и Совета Федерации. Задача этого подразделения – обеспечение политическими средствами поддержки политики Президента, «купирование» общественного недовольства, проявляющегося в проведении протестных акций. На протяжении последних более 25 лет власти удаётся успешно сдерживать разрастание протестных настроений в случаях, если его очаги появляются в различных сегментах общества. Кризисные явления 1998-го, 2014-го и последующих годов, которые привели к заметному снижению жизненного уровня россиян, не привели к заметному усилению недовольства, которое ощущается, скорее, на психологическом уровне, нежели на политическом.

В данном разделе речь идёт, главным образом, не о рисках, возникающих вследствие снижения

жизненного уровня населения, а, прежде всего, о рисках, которые угрожают самому существованию российского общества, а они есть. Причём, риски эти настолько опасны, что ставят под угрозу национальную безопасность России в целом. Опасность этих рисков такова, что они уже перерастают в угрозы.

В российском законодательстве национальная безопасность Российской Федерации определяется как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации.

Среди рисков, которые на глазах превращаются в угрозы, прежде всего, следует назвать:

- критическое состояние российской экономики;
- массовую бедность населения, масштабы которой снижаются крайне медленно;
- нарастающую социальную поляризацию;
- ухудшение здравоохранения;
- научную и образовательную политику;
- критическую демографическую ситуацию; ухудшение экологии.

Нет необходимости комментировать все вышеперечисленные позиции, на эту тему имеется много публикаций, поэтому остановимся только на некоторых основных.

Следует подчеркнуть, что власть предпринимает шаги, направленные на решение существующих проблем. Но это нацелен «майский» указ Президента 2018 года. Разработаны и реализуются «национальные проекты». Сдвиги к лучшему есть, их нельзя не замечать. Но, оценивая состояние российской экономики, надо отметить, что нужны более энергичные действия власти для элиминирования перечисленных рисков.

Главный риск – критическое состояние российской экономики. Страна, позиционирующая себя сильной державой, не может быть сильна только политически и своей военной мощью. Сильная экономика – третье необходимое условие считаться сильной державой. А вот этим Россия похвастаться не может.

Среди экономических факторов риска на первом месте – низкие темпы экономического роста. В настоящее время он не более чем символический. Среднегодовой экономический рост в 2001–2018 гг., как показывает статистика, составил всего 1 % в год. Экономическое отставание от наиболее развитых западных стран продолжается. И не только западных! Темпы роста ВВП за 2017 год в некоторых больших государствах (Китай, Вьетнам, Индия, Турция, Индонезия) составляли

от 5,1 до 10,3 %, а в России – только 1,6 %. Между тем, энергетические, сырьевые, научно-технические, кадровые ресурсы в этих странах слабее, чем в России. Если экономический рост недостаточен – недостаточны инвестиции, невозможно победить бедность, развивать социальную сферу. В конечном счете, власть может окончательно потерять поддержку граждан.

С проблемой ускорения экономического роста тесно связана задача повышения производительности труда. Задача – увеличить её до 5 % к 2024 году (в 2018 году – 1,4 %). Выработка на одного работающего в России порядка 23\$ в час, в США – в три раза выше. У мировых лидеров – Ирландии, Люксембурга – около 90\$ в час. Основная проблема – это износ основных фондов и нехватка средств на их модернизацию. Поставлена задача добиться сильного рубля, доступной стоимости кредита при низкой инфляции. Программа потребует 10–20 лет и взаимодействия бизнеса и государства. Правительство подсчитало, что на выполнение «майского указа» потребуется 26 трлн рублей, из них на повышение производительности труда и поддержку занятости только 52,1 млрд рублей (около 2 %), а на цифровизацию экономики 1,6 трлн руб. без ускорения экономического роста изыскать требуемые средства будет невозможно!

В российской экономической сфере сложился удивительный парадокс: учеными РАНХиГС подсчитано, что доля предприятий с госсобственностью выросла с 31,2 % в 2000 году до 43,8 % в 2017 году. Одновременно властями проводится либеральная политика финансового регулирования, делающая ставку на механизм рыночного саморегулирования.

О каких инвестициях может идти речь, если в конце 2014-го и в 2015 году в условиях финансовой дестабилизации и высокой инфляции ключевая ставка Центрального банка России была 17 %, а проценты коммерческих банков по инвестиционным кредитам были около 20–23 %? То есть, Центральный банк интересовался только низкой инфляцией и поддержанием макроэкономической стабильности – стагнация экономического роста для него не имела никакого значения! Удивительного в этом нет ничего, так как Госбанк действует в рамках своих полномочий, определенных федеральным законом.

В середине марта 2018 года ключевая ставка Центрального банка была понижена до 7,3 %, потом, 14 сентября, Центральный банк вновь повысил её до 7,5 %. Сейчас проценты по инвестиционным кредитам коммерческих банков составляют 10–18 %, но и это много. Ожидать массированных инвестиций под такой процент невозможно, значит, надо забыть о повышении динамики экономического роста.

При таких неблагоприятных условиях для инвестирования неизбежно возникает потребность создания более благоприятных условий «для некоторых», чтобы инвестиции всё же производились и кое-какой экономической рост всё же был. Можно догадаться, что исключения дела-

ются, прежде всего, для предприятий с государственным участием. Инвестиции осуществляют «по разнарядке» такими гигантами, как «Газпром», «РАО» и др. подобными. Это порождает условия, при которых нормальная, здоровая конкуренция в экономике невозможна.

Большие надежды возлагались на федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации».

В октябре 2018 года на заседании совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам А. Шохин говорил, что закон о защите и поощрении капиталовложений в России, который разрабатывается Минфином, можно будет принять уже в ходе осенней сессии Госдумы. Но – нескоро дело делается. Появилось поручение Президента до 1 июля 2019 г. внести этот законопроект в Госдуму и принять его. Но оказалось, что принятие этого закона невозможно! Государственно-правовое управление Президента дало на этот законопроект отрицательный отзыв! Таким образом, прошло уже значительное время после «майского» указа Президента 2018 года, который начал действовать с момента опубликования. А закона, на который возлагались большие надежды, так и нет! Когда же экономический рост ускорять и увеличивать капиталовложения? До 2024 года трудно будет обеспечить экономический рост выше общемирового и сделать экономику одной из пяти самых мощных в мире, как предписывается «майским» указом 2018 года!

Кстати, в каких «недрах», в каких ведомствах разрабатывался этот указ? Кто авторы? Получается, как в сказке: «По моему велению, по моему хотению ускорить экономический рост в два раза!» А кто и как просчитал, что это возможно? А невыполненные обещания к 2024 году – году выборов Президента страны значительно увеличивают риски плавной передачи власти. В России это всегда чревато неожиданностями. Проблема ускорения экономического роста неразрывно связана с проблемой необходимости структурного преобразования российской экономики: более 50 % российского бюджета формируется прямо или косвенно из доходов от продажи энергоносителей за рубеж. Экспорт углеводородов составляет 20 % ВВП. Иначе говоря, «сырьевой крен» российской экономики не позволяет считать её высокоразвитой.

Кроме того, государственный сектор в экономике России непомерно велик. Он «задал» своим весом и объемом инициативное и эффективное предпринимательство. В июле 2016 года на первом заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам А. Шохин внёс такое предложение: «Можно поставить амбициозную задачу: сократить долю государственного сектора в экономике за 10 лет в два раза. Она выросла за 10 лет у нас в два раза с 35 до 70 %. Можно за 10 лет сделать обратный манёвр». Однако более трех лет прошло с тех пор, а его предложение так и осталось не реализованным, и приступить к его реализации, похоже, власть не собирается.

Госсектор производит менее половины ВВП, но имеет значительную часть льгот и госфинансирование. Однако «при росте государственного сектора на 1 п.п. наблюдается снижение ВВП на 0,5 п.п., в среднем, и при прочих равных» Именно это одна из ведущих причин риска для инвесторов, роста инвестиций в область внедрения высоких технологий, обеспечивающих увеличение производительности.

Рассматривая организацию экономики страны, необходимо учитывать структуру взаимодействия государственной и частной собственности, та как это определяет степень риска для многих инвесторов. Сегодня мнения экспертов различны – по данным ученых РАНХ и ГС это учитывается при перераспределении финансовых потоков государством, то есть, относительных размеров совокупных доходов государства в виде налогов, доходов от собственности, операций с активами, выручки от оказания услуги т.п. или соответствующих им расходов. Такой подход ведет к завышению оценки вклада государственных органов управления в ВВП. Однако пока отсутствуют исследования того, какое соотношение государственной и частной собственности являлось бы оптимальным для сегодняшней России с учётом перспектив развития её экономики и социальной сферы.

Отток капитала также является показателем нестабильности экономики. Либерализация вывоза капитала за рубеж превысила все разумные пределы. По некоторым оценкам, в последние десятилетия из страны утекло от 1 до 1,5 трлн долларов. Большая часть из них вывезена олигархами. И этот процесс продолжается. Вывозится от 80 до 100 млрд долларов в год и более! В 2016 году из страны было вывезено 15 миллиардов долларов США, в 2017 году – 30 млрд долл., в прошлом 2018 году – порядка 76 млрд долл.

Результаты возврата амнистированного капитала олигархов до сих пор более чем скромны и малообещающи, несмотря на гарантии Президента. Большая часть российских олигархов перестали быть лояльными гражданами страны. Около 60 % из них имеют двойное гражданство в западных странах. Многие там и живут со своими семьями, в своих домах. Подавляющая часть их детей учится и тоже продолжает жить за рубежом. Их капитал хранится в иностранных банках, в недвижимости и в ценных бумагах. И налоги в России многие из них не платят, что хорошо известно тому, кому следует это знать.

В конечном счёте, тяготы экономического кризиса ложатся на «простых граждан», а не на олигархов. Попирается социальная справедливость. Каждое общество очень чувствительно относится к понятию «справедливость». Чем меньше справедливости в обществе, тем меньше доверия к власти. И наоборот.

Ученые считают, что на данном этапе национальная стратегия развития страны – **управление рискообразующими факторами** для обеспечения надежной социальной защиты обще-

ства. Риск-группы населения в нашей стране составляют десятки миллионов человек, неспособных добиться доходов в соотношении к потребностям.

А.Е. Горин пишет: «Под социальными рисками подразумевается мера ожидаемого социального последствия, определенного изменения, наступление которого содержит вероятность потери либо ограничения самостоятельности и безопасности социальной системы» [1, с. 98–103]. Структура рисков меняется со временем развития общества, а также из-за регионального разнообразия жизни в России. Необходим постоянный учет «социальной политики с взаимной социальной ответственностью субъектов и объектов управления».

Инфляция, увеличение НДС, акцизов, тарифов ЖКХ и цен на топливо – все это уже привело к уменьшению доходов населения и предприятий. За шесть последних лет доходы населения постоянно снижаются, а кредиторская задолженность резко возросла. 75 % населения России тратит все свои доходы на покупку товаров и услуг.

Доходы населения увеличивались до 2013 года (+4 %), наступивший длительный период с 2015 года привел к значительному обнищанию населения. Сохранение жесткой бюджетной политики в 2019 году при повышении налогов и инфляция также приведут к дальнейшему падению доходов. Минэкономразвития планирует рост зарплаты в 2019 году на 1,4 %. Безработица составит около 6 %, страховые выплаты достигли, не зависимо от величины дохода с каждого человека – 35,6 % при этом 22 % – в пенсионный фонд. Все это обуславливает, что обстановка, в данный момент в России неустойчива. Объем задолженности граждан перед банками достиг 14,6 трлн руб. причем половина из них – ипотечные кредиты. Экономика страны, в значительной мере, подвержена не возврату коммерческих кредитов. Санитарные банки не смогут вернуть около 2 трлн руб. Фонд «плохих долгов», созданный ЦБ, уже насчитывает 1,1 трлн руб., а опыт 2017 года убедил, что их возвратность – не более 13 %. Потери государства составят, по мнению аналитиков, не менее 1,5 трлн руб. Необходимо понять отношение ЦБ к ряду санитруемых банков, получивших льготные кредиты: «Открытие» – 710 млрд руб., ликвидность из них – 380 млрд руб. по ставке 0,5 %; «Промсвязьбанк» – 330 млрд руб., соответственно, 230 млрд руб. льготных; «Бинбанк» получил 418 млрд руб., льготно – 170 млрд руб. Не понятно... Список можно продолжить. Льготный кредит под 0,5 % – это сотни миллиардов рублей и появляется желание понять, на что потрачены эти деньги: на кредиты для развития промышленности или сельского хозяйства, решение социальных проблем? Ведь население может получить кредит в этих банках не ниже 10 % годовых, так, где ответ? При попытке выяснить в банке «Открытие» ответ был – это коммерческая тайна. Богатые становятся богаче, а бедные должны не быть ленивыми (совет политика).

Негативное восприятие вызвало введение пенсионной реформы. Россия признана одной из наименее здоровых наций, у которых старческие заболевания развиваются в 59 лет, когда в среднем по миру в 65 лет (медицинский журнал The Lancet). Но закон принят, и выход на пенсию увеличен на пять лет – до 65 лет у мужчин и до 60 лет – у женщин. Принятое решение ежегодно переучивать 75 тысяч людей предпенсионного возраста за счет государства – не решает проблему. Надежды на резкое увеличение количества рабочих мест (обещания 2012 года) не оправдались.

Мы много раз касались проблемы бедности в различных публикациях. А это 22 млн человек по данным Росстата.

10 % населения проживают в районах, где отсутствует связь с дорогами, которые эксплуатируются круглый год, т.е. нет возможности для получения всех необходимых услуг. Дорог с твердым покрытием в стране – только около 70 %. Значительную социальную напряженность вызывает проблема расселения людей из аварийного и ветхого жилья. Точных цифр нет, региональными властями умышленно занижаются показатели. Миллионы россиян вынуждены ютиться в непригодном для жизни жилье, размер которого к 2025 году составит 42 млн кв.м., а к 2035 году – 85,7 млн кв.м. Степашин С. В. считает, что такой объем не соответствует возможностям бюджетной системы страны [2]. Жить в аварийном и ветхом жилье – это опасно для жизни. Актуальность этой проблемы подтверждают данные Верховного суда РФ по количеству жилищных споров – в 2016 году – 311 тысяч, в 2017 году – 317 тысяч.

Значение для определения качества современного жилья имеет наличие централизованного водоснабжения и водоотведения. Эти цифры, соответственно, имеют 80,56 % и 62,8 % населения. Туалеты внутри жилья по переписи 2010 года имеют 89,1 % городского населения и 35,4 % – в сельской местности. Холодный климат не влияет на наличие теплого туалета. Имеют унитазы в доме на Алтае – 23,7 % населения, в Туве – 29,9 %, в Якутии – 56,6 % (температура зимой минус 30–40 с.).

При наличии подобной статистики только по одному фактору – трудно дальше обсуждать вопрос о санитарных условиях проживания и культуры гигиены населения. При этом, согласно паспорту, доля домохозяйств, использующих широкополосный доступ к сети «Интернет» на территории Российской Федерации должна составлять не менее 89 % к концу 2021 года и не менее 97 % – к концу 2024 года. Таким образом, предполагается, что широкополосный Интернет придёт в дома скорее, чем централизованное водоснабжение и водоотведение.

Можно продолжать и дать анализ более 20 факторов уровня жизни населения России [3], но это не является нашей задачей – мы хотели бы еще и еще раз поставить вопрос о необходимости обеспечить достойную жизнь миллионам граждан России уже сегодня.

Социологические исследования за 2018 год установили изменения, происшедшие в социально-политических настроениях населения. Для улучшения ситуации в казне правительством принято решение увеличить налоговую нагрузку, несмотря на массовые демонстрации несогласных. Сложившуюся обстановку в стране мы рассматриваем как «подготовку к длительному противостоянию внешним и внутренним вызовам в условиях «конституционного перехода» 2024 г» [4].

Один из недавних опросов Института социологии РАН показывает, какой россияне хотят видеть Россию. Самый популярный ответ: социальная справедливость – 59 %. Демократия, права человека, свобода самовыражения личности – 37 %. Возвращение России статуса одной из ведущих мировых держав – 32 %. Возрождение национальных традиций и моральных устоев – 27 %.

Не может быть речи о социальной справедливости, если растёт имущественное неравенство. А оно растёт, причём, быстрыми темпами. В связи со 100-летием Октябрьской революции были опубликованы данные, которые показывают, что социальная поляризация в России ныне подобна той, которая существовала 100 лет назад, в канун Октябрьской революции. Член-корреспондент РАН Р. Гринберг сообщает, что «за 2017 год российские миллиардеры разбогатели на 25 млрд долларов. Одновременно бедных стало на 3,5 млн больше». По уровню минимальной оплаты труда мы сблизилась со слаборазвитыми странами. В переводе на доллары по состоянию на 2018 год в России МРОТ составлял 179 долларов (74-е место среди 103 стран), в Турции – 535 долларов, в Иране – 319, в Марокко – 277, даже в бывших социалистических странах МРОТ выше: в Польше 603 доллара, в Венгрии – 533, в Румынии 488, А в странах, которым мы бросили вызов, он составляет от 1500 до 1800 долларов и выше.

Авторитет власти подорван коррупцией. На слуху – то Улюкаев, то «дело реставраторов», то задержание Абызова, то какого-нибудь действующего или бывшего губернатора, то обсуждается задержанный полковник МВД с более чем 8 млрд рублей, то полковник ФСБ, в квартире которого обнаружено 12 млрд рублей наличных денег. Всё это углубляет пропасть между властью и обществом – причём всеми его сегментами без исключения; негативно влияет на социально-психологическую атмосферу в обществе. Этот негатив нейтрализует позитивное восприятие действий властей, направленных на реализацию нацпроектов.

Коррупционная зависимость системы управления государственными финансами привела к конфликту между бизнесом и властью, и как следствие – к развитию теневой экономики. Масштабы ее огромны, по данным контрольного управления Администрации Президента, только в сфере государственных закупок воруются более 1 трлн рублей в год. Теневая экономика значительно влияет на макроэкономические показатели развития страны.

Выше говорилось об одном из парадоксов российской экономики: росте предприятий с государственным участием и одновременном проведении рыночной либеральной политики. Следует сказать ещё об одном парадоксе: акцент властей на традиционные ценности, на российскую специфику и одновременное некритичное заимствование западных методик и методов управления. При этом делается большая ошибка: методы и методики управления, которые разработаны для применения в рамках крупных корпораций, начинают использоваться в России в государственном управлении. Понятно, что бизнес ориентирован на прибыль, а у государства совсем иные цели. Это – первая нестыковка. Вторая состоит в том, что масштабы федеративного государства качественно несопоставимы с масштабами даже крупной межнациональной корпорации. Отсюда – невозможность государственного стратегического управления на основе методов, применяемых в корпорациях. В этом – одна из причин «забюрократизированности» государственного управления.

В июле 2016 года на первом заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам В.В. Путин призывал выстроить слаженную работу, избавиться от изматывающего людей бюрократизма. 8 мая 2019 г. состоялось заседание этого Совета, посвященное «инвентаризации» того, что удалось сделать в рамках нацпроектов. Во вступительном слове Президент сказал, что «мы вновь нередко сталкиваемся с инертным бюрократическим подходом». Подчеркнул, что одна задержка тянет за собой цепочку других, в итоге – работа буксует. Особо он отметил, что работа над нацпроектами – совместная. То есть, вновь он сделал акцент на том, на чём фиксировал внимание три года назад. Это означает, что ни совместную работу не удалось наладить, ни бюрократизм победить. Показательно, что полностью стенограмма этого заседания Совета пока не опубликована. Стенограммы всех предыдущих заседаний Совета публиковались на сайте в день его проведения. А эта стенограмма обрывается. Видимо, после выступления представителя Народного фронта Развозжаева на заседании начался такой «разбор полётов», что решено было «сор из избы не выносить».

На этом заседании говорилось о том, что существует очень сложная система распределения мероприятий нацпроектов и, соответственно, финансовых ресурсов по госпрограммам. Например, «Демография» реализуется в рамках 8 госпрограмм, «Цифровая экономика» – в рамках 10-ти, то есть, нарушен предметный подход. Говорилось также об огромном количестве показателей, по которым оценивается результат работы, а работа буксует.

По сути дела, на середину 2019 года можно констатировать срыв реализации нацпроектов. До этого как-то «ушла в песок» модернизация, заявленная во время президентства Д.А. Медведева. Получается, что на протяжении около 10 лет Россия никак не может измениться. Невольно на ум приходит аналогия: перестройка

конца 1980-х привела советскую систему к краху. Не потому ли, что она была, в принципе, не способна к изменениям? Возможно, и сегодняшняя российская социально-экономическая система не подвержена изменениям? Тронь её – она и разрушится?

Уместно остановиться на программах совершенствования здравоохранения и образования в рамках нацпроектов. На майском заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и нацпроектам зампреда Счётной палаты В.Е. Чистова заявила о том, что расходы бюджетной системы сегодня не совершили структурный манёвр ни в сторону образования, ни в сторону здравоохранения. «Объемы ресурсов, которые в предстоящие три года направляются на эти отрасли, это 3,4–3,6 % ВВП, т.е. это уровень 2015 года. Мы констатировали, – продолжила она, – что в предстоящие шесть лет из 25,7 триллионов рублей всех расходов на здравоохранение только 6,7 %, это 1,7 триллионов рублей, направляются по национальным проектам, а в образовании этот процент еще меньше, это 2,9 %». Таким образом, получается, что «нацпроект» – это одно красивое название! Львиная доля средств направляется на текущие нужды, а не на реализацию проекта, не на прорыв! И это неизбежно, если не увеличить темпы экономического роста!

Действительно, смешно, когда на заседании Совета по стратегическому развитию зампреда Правительства Т.А. Голикова докладывает, что «в регионах страны продолжают активно строиться школы, уже введено в эксплуатацию 32 новых объекта: двадцать – в городской и двенадцать – в сельской местности...». Надо вдуматься: речь идёт о масштабах огромной страны! В России сельских населённых пунктов около 130 тысяч, а вице-премьер на самом высоком государственном уровне докладывает, что в сельской местности введены 12 новых школ (причём, из доклада не ясно, о каком периоде времени идёт речь)!

Главное – не в материально-технической базе образования. Главное – в содержании программ и качестве образования. В первый послевоенный период, после 1945 года, с материально-технической базой образования дело обстояло ещё хуже, но дети учились! Образование и в те годы делало успехи!

Именно качество образования продолжает в современной России оставаться низким. И в школах, и в вузах. Да, кое-что делается для повышения качества образования. Но процессы, которые протекают в образовательной среде, очень напоминают те, что происходят в других сферах: та же бюрократизация, ориентир не на результат, а на показатель. Испанский мыслитель Хосе Ортега-и-Гассет ещё в 1930 году писал о том, что «школа как естественный государственный институт гораздо больше зависит от общественной атмосферы, в которую она погружена, чем от искусственной педагогической атмосферы в её стенах. Только когда давление обоих атмосфер уравнивается, школа станет хо-

рошей». Далее философ делает вывод: «Даже если английское среднее образование и немецкий университет совершенны, их всё же невозможно перенять, поскольку они являются только одной из частей целого. Объемлющая их реальность – это страна, которая их создаёт и поддерживает» [5].

Хотелось бы особое внимание обратить на гуманитарное образование. В конце 1980-х годов академик Валерий Алексеевич Легасов, много сделавший для ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, покончил с собой – скорее всего, от безысходности, от осознания того, что не смог донести до властей и общества то, что считал необходимым. Он говорил, что надо сосредоточить усилия на создании защиты от техногенных катастроф, писал, что великие технари всегда стояли на плечах великих гуманитариев – только так возможно развивать научно-технический прогресс. Продолжая его мысль, можно сказать, что, если технари и впредь будут разрабатывать свои теории на основе идей таких же технарей, то «чернобыли» будут продолжать взрываться. Без гуманистических идей человек начинает служить техническим наукам как таковым, однако, он должен знать некие пределы, которые задаются нравственными принципами. Так что сегодня никак нельзя недооценивать значимость гуманитарных знаний и тех учреждений, которые формируют гуманитарную среду.

Этот тезис позволяет подчеркнуть важность такого важного фактора экономического роста и национальной безопасности, как культура. Причём, имеется в виду и культурная специфика России. Имеются исследования специфических факторов риска, заложенных в национальной культуре России. Авторы полагают, что важно обозначить эту проблему, для того, чтобы обязательно учитывать её наличие, выстраивая курс на дальнейший подъем России.

Отечественная художественная литература хорошо иллюстрирует этот тезис. В одном из рассказов под названием «Русская душа» в своё время популярного, даже знаменитого писателя Пантелеймона Романова (1884–1938 гг.) есть такой эпизод. Профессор столичного университета посещает брата, живущего в деревне, из которой молодой человек, ставший профессором, уехал много лет назад. Братья на кургане любят виды просторов, и «деревенский» брат говорит: «Оглянись кругом, простор-то какой!» Профессор взрывается: «...когда оглянешься кругом и видишь, мужики сплошь неграмотны, дики... живут в грязи, когда посмотришь на всё это, то чувствуешь, что каждый уголок нашей бесконечной земли кричит об одном: о коренной ломке, о свете, о дисциплине, о культуре». А деревенский брат кивал головой на каждое слово, но при последнем поморщился.

«– Что она тебе далась, право...

– Кто она?

– Да вот культура эта.

– А что же нам нужно?

Душа – вот что» [6].

В последнее время часто говорится о традиционных ценностях, присущих россиянам. Причём говорится только о позитивном. А негативное? Оно есть, и его немало! Писал же В.И. Ленин о том, что по сравнению с передовыми нациями «русский человек – плохой работник». Были для этого заявления основания ещё сто лет назад. И сейчас есть.

В прошлом России было немало того, что предопределило отсутствие стремления членов общества к модернизации. Это было и до 1917 года, и в советский период. Современное российское общество ещё в значительной мере состоит из представителей поколений, которые сформировались в советский период. Они-то и являются базой преобладающих в обществе консервативных взглядов.

Широкое распространение образования (разумеется, высшего, среднее, само собой, подразумевается) – это залог того, что молодежь будет более восприимчива к новым идеям, к подлинной демократии и динамичному общественному развитию. Недавние социологические опросы свидетельствуют о том, что среди последовательных либералов 50 % имеют высшее или незаконченное высшее образование, а в аналогичной группе консерваторов таких 28 %.

Разумеется, человеку развитому, с высшим образованием труднее повесить на уши «пропагандистскую лапшу». Можно согласиться с мнением руководителей государственных ведомств, ответственных за высшее образование: мол, нам не надо много специалистов с высшим образованием и незачем тратить бюджетные средства зря. Но есть же не только бюджетные места! Люди готовы тратить заработанные ими деньги на образование! Лишь бы оно было высокого качества. К сожалению, применение в образовании методов бизнес-управления, как и в управлении экономикой, ведёт к тому, что хотя в национальном проекте «Образование» качество образования декларируется, на деле получается, что школе нужны только академические успехи, т.е. отличные оценки по предметам. Для школы главное – отчитаться и иметь высокий рейтинг. Но к качеству образования это не имеет никакого отношения!

Одним из важнейших национальных проектов является создание «цифровой экономики». В январе 2018 года была опубликована программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Выделено 2,6 триллиона рублей до 2024 года. Грандиозные планы по автоматизации и внедрению новейших высоких технологий, массовое внедрение робототехники и «кремневые разумные существа». По своей значимости и масштабности, процесс создания «цифровой экономики» в России может быть сравним с индустриализацией, которая проводилась в Советском Союзе в конце 20-х и в 30-х годах прошлого столетия. Результаты, привносимые «Цифровой экономикой», также сравнимы с теми изменени-

ями в жизни миллионов людей, которые принесла индустриализация.

Внедрение цифровой экономики требует учета тех рисков, которые определяются внутренними и внешними факторами развития России.

Проблема цифровой трансформации злободневна во многих странах мира. Стремление к использованию информационно-коммуникационных технологий актуально для развития общества. Активное развитие ИТ-сектора, потребует обязательного международного сотрудничества в разработке информационных технологий и обеспечения безопасности их использования. Это – один из факторов, которые делают невозможным изоляцию России от остального мира.

Переход на новые технологии необратим, но это требует постоянного и крайне продуманного развития общества, совокупности отношений между различными слоями населения в системе производства, распределения, обмена и потребления. Человечество встретилось с новым явлением «информационное общество», которое можно рассматривать, как «угрозу, спасение, панацею от всех бед и страшное оружие». Необходимо отметить, что не любая «цифровизация» является благом для развития современного общества в России. Высокотехнологичный цифровой бизнес требует огромных финансовых вложений при многолетних сроках окупаемости и больших рисках.

Несмотря на планы внедрения масштабной цифровизации, можно утверждать, что бизнес и общество в нашей стране к этому пока не готовы. Необходимо учитывать, что цифровизация не может быть региональной, она носит планетарный характер, необходимо договариваться с другими странами. Государство вынуждено учитывать нестабильность экономики и обеспечить принципы социального государства и гуманистического общества.

Государственная программа цифровизации российской экономики предполагает резкий рост бюджетных расходов на эти цели до 2024 года. Но этот резкий скачок создаёт риски необоснованного увеличения поддержки уже существующих технологических решений и мелких проектов при имеющемся дефиците действительно прорывных технологий. Кроме того, следует ожидать отставания спроса на цифровые технологии со стороны бизнеса и домохозяйств [7].

Риски внешней политики. В апреле 2019 года состоялась 27-я ассамблея Совета по внешней и оборонной политике, который является авторитетным аналитическим центром. Дискуссия на нём прошла под названием «Мировая революция или война. Чего ждать?». На заседании выступил министр иностранных дел С. В. Лавров. Лейтмотивом обсуждения стал тезис: «Мир брошен на заклатие».

Как и в советское время, люди в России ныне начали спокойнее относиться к тяготам повседневной жизни, так как главным считали – «лишь бы не было войны!». Ситуация на мировой арене – сложная. России важно проводить внешнюю политику, которая способствовала бы ускорению экономического роста, широкому распространению новейших технологий и инноваций, развитию науки и образования.

Введенные и ожидаемые санкции представляют угрозу надежности и стабильности финансового рынка. Возникли проблемы в ряде банков и в управлении суверенным долгом. Экономическое состояние России (1,8 % мирового ВВП), США (24 %), Евросоюз (20 %) (рис. 1) требует трезво взглянуть на возможности решения глобальных задач, в том числе, на цифровую трансформацию общества. Необходимо также учитывать социальные риски, касающиеся основной части граждан России.

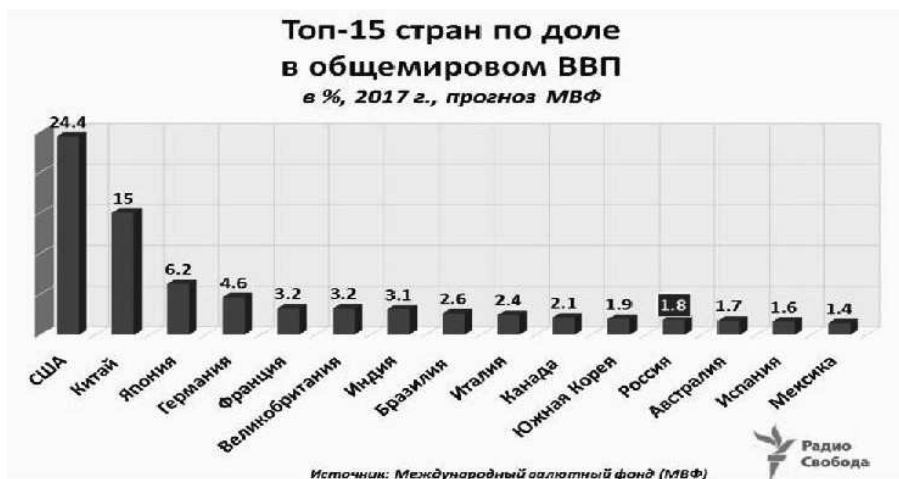

Рисунок 1 – Топ-15 стран по доле в общемировом ВВП

На 1 января 2019 года внешний долг России составил 36,839 млрд дол. (без учета госгарантий), т.к. из-за ситуации с Украиной уменьшилась возможность привлечения заемных средств.

Бизнес понес колоссальные убытки, вплоть до банкротства. Сокращение ВВП, падение стоимости рубля, нестабильность сырьевых рынков, уменьшение стоимости энергоносителей – все

это обуславливает ухудшение экономической ситуации. Необходимо учитывать, что в 2019 году Россия должна выплатить 15,269 млрд долларов по внешним займам. Минфин предупредил о накоплении больших бюджетных рисков. Только процентные расходы с 2019 года составят 869,5 млрд рублей ежегодно, что равно расходам на медицину и образование вместе взятым.

Ситуация такова, что американская администрация не симпатизирует России, европейские государства Америку в основном поддерживают. Восточно-европейские страны также ориентированы на США. Союзников у России практически нет. Есть партнёры. Самый мощный – это Китай. Но вот дилемма внешней политики: в долгосрочной перспективе Россия должна рассчитывать на стратегическое партнёрство, прежде всего, с Китаем или, всё же, пытаться наладить отношения с США и Европой? Эта дилемма имеет основополагающее значение как раз в силу слабости экономической позиции России на международном масштабе. Страна наша «сидит на нефтяной игле» и географически расположена как раз между двумя экономическими гигантами – Евросоюзом и Китаем. Если цена на нефть на международных рынках снизится надолго, Россию ждут невесёлые времена. При ориентации на восточного соседа нельзя рассчитывать на его бескорыстную дружбу. Китай будет платить за поставки нефти, но, наверняка, по мировым ценам без всяких скидок. Так, что высокой платы ожидать не приходится. А в перспективе, с учётом ориентации США на добычу сланцев как заменителя нефти (себестоимость добычи которых постоянно снижается), потребность в этом энергетическом сырье в мире понизится. «Подкупать» Россию высокой платой за нефть Китаю не надо сейчас и не надо будет в будущем: экономика Китая развивается высокими темпами, а Россия движется вперёд мелкими шагами. Разница экономических потенциалов этих двух партнёров будет только возрастать.

Причём следует признать, что Россия сама во многом спровоцировала ухудшение отношений с западными странами. С Украиной они также в ближайшие годы не нормализуются. Восточно-европейские страны не тяготеют к России. Если уж это произошло, тем более, нельзя терять время и пока не поздно – сделать масштабный манёвр во внутренней политике для наращивания экономического потенциала.

Внешняя политика России должна служить целям экономического развития страны, а Россия ведёт себя на мировой арене как преемница СССР: мы по-прежнему защищаем «обиженных и оскорбленных» мировым империализмом и пытаемся «купить» расположение разных стран не «первого ряда». По карману ли нынешней России прощать миллиарды долларов долга различным странам, таким как Ирак, Афганистан, Монголия, Алжир, Куба и даже Никарагуа? Необходимо учитывать, что Россия за последние 20 лет (это только долги свыше 1 млрд \$) списала различным странам около 140 млрд \$ [8].

В долг давал ещё Советский Союз, а прощает долги Россия как преемница СССР. Можно говорить о том, что долги эти всё равно «невозвратные», но слишком дорогой ценой обходится России её «имперское» прошлое.

В. Сурков в своей нашумевшей недавно статье сравнил Президента Путина с Петром Великим. Только в одном это сравнение кажется правомерным: действительно, успехи Петра на международной арене были впечатляющими, он создал Империю. После Полтавской победы отношение Европы к России резко переменялось: это и понятно – сильных уважают. А вот во внутренней политике успехи Петра были более чем скромны. Цена, которую заплатил народ за создание флота и армии, ведение нескончаемых военных компаний и строительства Петербурга была поистине огромной. А внутри страны многие новшества носили лишь декоративный характер. Менялся фасад, а уклад жизни оставался, по сути дела, прежним. Наверное, неправомерно проводить аналогии между тем, что было 300 лет назад, и днём сегодняшним. Но, тем не менее... Тем более, что ныне невозможно при реализации масштабных проектов использовать рабский труд или труд заключённых. Царь и император Пётр Великий мог себе позволить так поступать. И Сталин мог в условиях тоталитарной системы. Но сейчас мы живём в другой стране. И народ стал другим.

Разумеется, за последние 20 лет в России, благодаря усилиям власти, многое изменилось к лучшему. Но в последние 7 лет всё более крепнет ощущение того, что мы вступили в период упускаемых возможностей. Для того, чтобы идти по пути прогресса, необходимы перемены: больше социальной справедливости, больше возможностей для самореализации людей. Это необходимо для ускорения экономического роста, повышения производительности труда и раскрепощения творческого потенциала общества. Те перемены к лучшему, которые произошли за последние 20 лет, стали возможными при существующей ныне системе управления страной. Но страна вступает в новую фазу развития, а это требует изменения подходов к управлению. Иначе невозможно будет элиминировать риски, грозящие перерасти в угрозы.

Некоторые выводы. Экономика России слаба, и попытки «встряхнуть её» методами, которыми пользовались последние 20 лет, не увенчиваются успехом. Для того, чтобы ускорить экономический рост, нужны структурные преобразования, которые затронут интересы правящих элит. Власть на это не решается. Но, если с экономической всё будет оставаться, как сейчас, Россию ждёт дальнейшее ослабление, поэтому надо идти на риск перемен.

Социальная сфера продолжает во многом оставаться «советской». За всё отвечает государство – за выплату пенсий, за образование, за здравоохранение. Это всё – в значительной степени, бюджетные сферы. И в них работают «бюджетники». Тогда как в развитых странах эти сферы рассматриваются не как затратные, а в качестве

сфер, обеспечивающих прогресс. Рискованно продолжать относиться к этим сферам по старинке. Это приведёт к социальной деградации общества.

В социальном государстве должен осуществляться принцип социальной справедливости, обеспечивающий всем людям достойный уровень жизни, именно это записано в Конституции России. Для осуществления этой задачи необходимо обеспечить **высокий уровень экономического развития страны и формирование гражданского общества**. Уровень жизни народа определяется взаимозависимостью от многих факторов.

Решение задачи создания «цифровой экономики» в России по своим масштабам и значимости сравнимо с индустриализацией, которая проводилась в Советском Союзе в прошлом веке. Несмотря на амбициозные планы, содержащиеся в соответствующем «Нацпроекте», приходится констатировать, что государство и бизнес пока не в полной мере готовы к цифровизации всех сфер жизни. Перспективы цифровизации должны быть более тесно увязаны с планами решения социальных проблем Российского общества и прежде всего с проблемой ликвидации бедности.

Геополитическая обстановка в стране осложнилась после глобального кризиса 2008 года. Необходимо с сожалением констатировать, что экономика России в большой степени предоставила иностранному капиталу свои природные и трудовые ресурсы, в том числе, привлекая различные формы займов и кредитов. Это вынуждает в развитии экономики России учитывать решения, принимаемые на рынках других стран. Чтобы экономика России от ведомой стала ведущей – требуется политическая воля и значительные финансовые и организационные усилия.

Политическая система современной России имеет все внешние признаки демократии. Но по

Литература:

1. Горин А.Е. Риск-управление в современном социуме // Материалы межвузовской конференции по социологии и социологии управления: сборник научных трудов. М. : «Спутник+», 2009. С. 98–103.
2. Степашин С.В. Шаг через порог / Интервью Ольге Бухаровой. 12. 2018.
3. Богданов И.Я. Феномен российской бедности. М., Издательство «Академическая наука», 2011. 668 с.
4. «Крепость врастает в землю. Год после выборов: стратегии, вызовы, тренды» Фонд «Либеральная Миссия». Проект «Либеральная миссия – Экспертиза». Сергей Алексашенко, Павел Баев, Александр Кынев, Николай Петров, Кирилл Рогов / Под ред. Кирилла Рогова. М., 2019 г.

сути демократической не является. Этот факт может объясняться (и объясняется) историческими особенностями нашей страны, особенностями текущего момента, тем, что демократы в 1990-е годы себя скомпрометировали до такой степени, что «народ их не примет». Отсюда делается вывод о том, что западные «демократические ценности» – это не для России, у которой особый путь. Это очень рискованная позиция, которая способна со временем ещё более отбросить Россию назад по сравнению с динамично развивающимися странами. Да, современный Китай не является демократической страной. Но он быстро растёт и развивается и ориентирован на будущее. Если бы Россия демонстрировала такие высокие темпы роста, можно было бы поспорить с изменениями в политической системе. Но дело в том, что, видимо, существующие сегодня методы государственного управления сдерживают развитие экономики.

Россия продолжает проводить внешнюю политику так, как будто продолжает оставаться могущественным Советским Союзом: соперничает с США и западной Европой, поддерживая «униженных и оскорблённых» (Ирак, Иран, Венесуэла и т.п.), прощая долги многим странам, которым ещё СССР выдал кредиты. Современной России это не по карману. Внешняя политика должна быть подчинена задаче развития экономического потенциала страны, работать на привлечение капиталов и развитие модернизации. Пока же складывается впечатление: проводимая внешняя политика должна показать миру, что Россия сильна и с ней нельзя не считаться. Продолжение такой внешней политики – это большой риск, грозящий истощением страны.

Экономика, социальная сфера, политика – всё это тесно взаимосвязано. Вот и надо найти то звено, ухватившись за которое, можно вытянуть всю цепь. Конечно, очень хочется стать сильным и большим, но необходимо объективно оценивать имеющиеся ресурсы и потенциал терпения людей.

Literature:

1. Gorin A.E. Risk management in modern society // Proceedings of the Inter-institutional Conference on Sociology and Sociology of Management: A Collection of Scientific Works. M. : «Sputnik+», 2009. P. 98–103.
2. Stepashin S. V. A step over the threshold/ Interviewed by Olga Bukharova. 12.2018.
3. Bogdanov I. Ya. The phenomenon of poverty in Russia. – M., The Publishing House “Academic science”, 2011. 668 p.
4. «The fortress sinks into the ground. One year after the elections: strategies, challenges, trends» «Liberal Mission» Foundation. «Liberal Mission – Expertise Project». Sergey Aleksashenko, Pavel Baev, Alexander Kynev, Nikolai Petrov, Kirill Rogov / Edited by Kirill Rogov. M., 2019.

5. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Мн. : БГУ, 2005.

6. *Пантелеймон Романов* // Серия «Библиотека юмора и сатиры». М., Издательство «Правда», 1991.

7. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции и измерение // Доклад НИУ ВШЭ. При участии Всемирного банка. М., 2019. URL : https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004671/2%20Цифровая_экономика.pdf

8. *Лавров С.* объяснил почему Москва списала 140 млрд долларов долгов // Московский Комсомолец. 30.07.2018.

5. Ortega y Gasset J. Mission of the University. Mn. : Belarusian State University, 2005.

6. *Panteleimon Romanov* // Series «Humour and Satire Library». M., The Publishing House «Pravda», 1991.

7. What is digital economy? Trends, competences and measurement // The report was prepared by Higher School of Economics in partnership with the World Bank. M., 2019. URL : https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004671/2%20Цифровая_экономика.pdf

8. *Lavrov S.* explained why Moscow had forgiven a \$140 billion debt // Moskovky Komsomolets. 30.07.2018.

Доленко Андрей Андреевич
управляющий партнёр,
ГК «МБФ», г. Владивосток
555627@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ

Аннотация. Настоящая статья рассматривает вопросы выбора концепции управления инновационным предприятием в условиях современной России, а также анализирует необходимость повышенного внимания вопросам организации управления инновационными российскими предприятиями в целях стимулирования инновационного развития экономики.

Необходимость опережающего социально-экономического развития в современных условиях глобальной конкуренции на межгосударственном уровне, делают необходимым реализацию комплекса системных мероприятий, направленных на модернизации отечественной экономики и сферы управления, что в свою очередь подразумевает необходимость широкого внедрения передовых инновационных производственных комплексов и технологий, управление которыми требует наличия эффективных управленческих решений и методик, которые в силу инновационности самого объекта управления могут в корне отличаться от методик и технологий администрирования традиционных предприятий.

Наличие образованного населения, развитость информационных коммуникаций и электронных сервисов наряду с проводимой государством политикой цифровизации всех сфер общественно-экономической жизни, закладывают потенциал успешного развития российских инновационных производств. Вместе с тем сфера управления инновационными предприятиями, как основа административного сопровождения передовых, высокоэффективных предприятий нуждается в дальнейшей научной проработке.

Ключевые слова: инновации, концепции управления, инновационные предприятия, модели управления, инновационный процесс.

В условиях глобализации мировой экономики необходимая нашей стране экономическая конкурентоспособность в современных условиях может быть обеспечена в первую очередь за счет стимулирования именно инновационного развития. Однако, по итогам определения глобального инновационного индекса 2019 года Россия второй год подряд занимает 46-е место,

Andrey A. Dolenko
Managing partner,
MBF GROUP,
Vladivostok, Russia
555627@mail.ru

MODERN CONCEPTS OF MANAGING INNOVATIVE ENTERPRISES

Annotation. This article considers the choice of the concept of management of an innovative enterprise in the conditions of modern Russia, and also analyzes the need for increased attention to the organization of management of innovative Russian enterprises in order to stimulate innovative development of the economy.

Necessity of leading socio-economic development in modern conditions of global competition at the interstate level, Make it necessary to implement a set of systemic measures aimed at modernizing the domestic economy and the sphere of management, Which in turn implies the need to widely introduce advanced innovative production complexes and technologies, Management of which requires effective management solutions and techniques that, because of the innovation of the management entity itself, may differ fundamentally from those of traditional enterprise administration.

The presence of an educated population, the development of information communications and electronic services, along with the state 's policy of digitalization of all spheres of social and economic life, lay the potential for the successful development of Russian innovative industries. At the same time, the sphere of management of innovative enterprises, as the basis of administrative support of advanced, high-efficiency enterprises, needs further scientific development.

Keywords: innovation, management concepts, innovative enterprises, management models, innovation process.

поднявшись с 2015 всего на две ступени – диаграмма рисунка 1 [1].

Как видно из рисунка 1. В последние пять лет наблюдается стабильное улучшение ситуации по субиндексу ресурсов инноваций – плюс 11 пунктов, однако при этом отечественные позиции заметно снижаются по степени воздействия

результатов научно-технической и инновационной деятельности на экономику и общество – минус 10 пунктов. Именно невысокая эффективность инноваций и связанных с инновационной

деятельностью институтов определяет отставание Российской Федерации от стран-лидеров глобального инновационного индекса.

	2015	2016	2017	2018	2019
Глобальный инновационный индекс*	48	43	45	46	46
Ресурсы инноваций	52	44	43	43	41
Результаты инноваций	49	47	51	56	59

* Количество стран: 2015 г. – 141; 2016 г. – 128; 2017 г. – 127; 2018 г. – 126; 2019 г. – 129.

Рисунок 1 – Динамика изменения места Российской Федерации в глобальном инновационном индексе за последние пять лет

Вместе с тем, Россия, согласно данным Корнельского университета (США), Школы бизнеса INSEAD (Франция) и Всемирной организации интеллектуальной собственности Россия на сегодняшний день относится к группе государств, в которых ВВП на душу населения выше среднего, занимая среди них 6-е место из 34 [1]. В то же время, согласно рейтингу ЮНЕСКО Россия относится к первой десятке стран по размеру инвестиций в НИОКР. Российские вложения в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы эксперты оценили с начала 2019 г. в 40,3 миллиардов долларов США по паритету покупательной способности. Однако по соотношению инвестиций к ВВП Российская Федерация не входит даже в топ-15 стран. ЮНЕСКО оцени-

вает этот уровень в 1,1 % от ВВП, что ниже среднемирового показателя в 1,7 %, и в два с лишним раза ниже, чем для аналогичных показателей в развитых странах Западной Европы и Северной Америки, где эта доля составляет 2,5 % ВВП [2]. Согласно данным Института статистики Высшей школы экономики, наибольшую активность инвестирования в технологии и инновации проявляет российская промышленность – такие инвестиции осуществляют 9,6 % от всех промышленных компаний страны. Затем идут компании сферы телекоммуникаций – 8 % компаний сектора, а из каждых 100 сельскохозяйственных компаний в инновации инвестируют лишь три [2], рисунок 2.

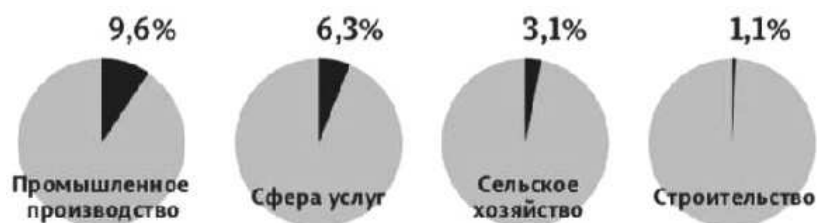

Рисунок 2 – Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инвестиции в Российской Федерации по отраслям (по данным Института статистических исследований высшей школы экономики)

Анализ показателей глобального инновационного индекса-2019 показывает, что к сильным сторонам России в сфере инновационного развития относятся: наличие качественного человеческого капитала (23-я позиция в рейтинге), уровень развития бизнеса (35-строка из 129), развитие технологий и экономики знаний (47-е место). Слабые позиции нашей страны в сфере продвижения инноваций обусловлены инфраструктурой (62-е место в рейтинге) и нормативно-правовыми условиями (95-я позиция). Наконец, одной из последних в глобальном инновационном индексе-2019 наша страна оказалась по таким показателям, как информационно-коммуникационные технологии создание бизнес-моделей – 91 место; качество регулирования – 103 место; и соответствие систем управления качеством стандарту ISO 9001 – 111 место из 129 [1]

На рисунке 3 отображены позиции Российской Федерации по основным элементам глобального инновационного индекса, а также общий рейтинг за последние два года.

Приведенные выше цифры показывают следующую картину: в количественном отношении в настоящее время в инновации инвестирует больше промышленных предприятий (96 из каждой тысячи), чем предприятий высокотехнологичного и инновационного самого по себе сектора телекоммуникаций, что довольно позитивно характеризует сам темп внедрения инноваций в российской промышленности. Об этом же свидетельствует и место России в первой десятке стран, по размеру затрат на НИОКР по паритету покупательной способности, однако существенного продвижения России к передовым позициям глобального инновационного рейтинга не наблю-

дается, что с большой долей вероятности свидетельствует о недостаточной системной составляющей в виде менеджмента инноваций. Следовательно для обеспечения дальнейшего стимулирования инновационного развития российской экономики необходим комплекс мер, среди кото-

рых одно из основополагающих мест должны занимать выработка и применение на практике концепций управления инновационными предприятиями с учетом соответствующей специфики.

* Количество стран: 2018 г. – 126; 2019 г. – 129. По каждому элементу возможно получение первой позиции.

Рисунок 3 – Позиции России в глобальном инновационном индексе по основным элементам в 2018 и 2019 гг. [1]

Любое инновационное предприятие, прежде всего является именно предприятием, а следовательно логичным будет предположить, что процесс управления данным экономическим субъектом в целом должен быть аналогичен процессу управления любым другим предприятием или производством, а значит к нему могут быть применимы те же концепции управления. Однако сам по себе инновационный процесс предполагает использование принципиально новых решений и инструментов в рамках внешней и внутренней среды организации, в связи с чем компаниям, действующим на рынке инновационных товаров и услуг, жизненно необходимо осуществлять поиск новых управленческих инструментов с помощью как собственных научных исследований, так и обобщения имеющегося мирового опыта [3].

На сегодняшний день можно выделить следующие основные концепции управления предприятием в условиях рынка:

- концепция совершенствования производства;
- концепция совершенствования товара;
- концепция интенсификации коммерческих усилий;
- концепция классического маркетинга;
- концепция социально-этичного маркетинга,
- концепция маркетинга взаимодействия.

Очевидно, что универсальный рецепт выбора стратегии управления инновационным предприятием предложить невозможно, в том числе и по причине инновационности, т.к. речь всегда будет идти о чем-то принципиально новом, однако можно выработать ряд рекомендаций такого вы-

бора, который в случае инновационного предприятия может носить комбинированный характер.

Представляется очевидным рассматривать выбор концепции управления инновационным предприятием с двух позиций:

- 1) управление производством инноваций, как продукции или услуг, не имеющих аналогов на местном, региональном, или глобальном рынках;
- 2) практическое внедрение инновационных методик и технологий в производственные процессы и в процессы менеджмента предприятия, что, как правило, предполагает адаптацию существующих, в том числе вышеперечисленных основных концепций управления.

Очевидно, что на первом этапе выбора концепции управления инновационным предприятием, необходимо предварительное выявление целевых групп, на которые ориентированы внедряемые инновации, - будь то нововведения в управлении организацией или инновационные товары и услуги, предлагаемые внешним потребителям. К таким целевым группам помимо потребителей, в т.ч. государственных и муниципальных заказчиков, могут также относиться акционеры компании, ее партнеры, менеджеры или иной персонал.

Определение указанных перечисленных целевых групп позволяет перейти ко второму этапу реализации стратегии внедрения инноваций – выбору инструментов и формированию среды реализации бизнес-процессов по коммерциализации новых товаров, услуг, методик и технологий.

Необходимо понимать, что итоговые результаты внедрения инноваций на первом этапе с боль-

шой долей вероятности будут неопределенными. Например инновационный продукт несмотря на реально существующую фактическую потребность в нем может оказаться невостребованным, в связи с чем могут потребоваться дополнительные затраты на его продвижение. Классическим примером здесь можно провести производство растворимого кофе. Данный, инновационный для первой половины XX века товар изначально не пользовался спросом, поскольку женщину, приобретающую растворимый кофе считали плохой хозяйкой, лентяйшей или не умеющей варить обычный кофе. Производителям

Литература:

1. Глобальный инновационный индекс – 2019 // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL : <https://issek.hse.ru/news/299608238.html> (дата обращения 21.12.2019).
2. Как развиваются инновации в России // «Ведомости&» – партнерские проекты. URL : <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/10/09/813027-razvivayutsya-innovatsii> (дата обращения 21.12.2019).
3. *Цыганов А.М.* Современные концепции управления инновационным предприятием // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2018. Т. 8. № 1А. С. 149–155.

растворимого кофе ничего не оставалось, как проводить рекламные кампании, направленные на устранение данных предубеждений.

Поэтому выбор концепции управления инновационным предприятием всегда должен учитывать необходимость эффективного информационно-разъяснительного сопровождения инноваций. Данное утверждение справедливо и в случае внедрения инновационных технологий производства и управления внутри предприятия – сотрудникам необходимо разъяснять преимущества нововведений, в целях повышения мотивации персонала.

Literature:

1. Global Innovation Index // National Research University «Higher School of Economics» URL : <https://issek.hse.ru/news/299608238.html> (date of appeal 21.12.2019).
2. How innovations are developing in Russia // «Gazette &» – partner projects. URL : <https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/10/09/813027-razvivayutsya-innovatsii> (date of appeal 21.12.2019).
3. *Zuganov A.M.* Modern concepts of management of innovative enterprise // Economics: yesterday, today, tomorrow. 2018. Vol. 8. № 1A. P. 149–155.

Жигунова Татьяна Сергеевна
аспирантка кафедры
экономики и управления,
Ленинградский государственный
университет имени А.С. Пушкина
stegniy@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА И ГОСТЕПРИИМСТВА В ТУРИСТСКОЙ ДЕСТИНАЦИИ «ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ»

Аннотация. В настоящее время индустрия туризма и гостеприимства – это крупная территориальная социокультурная экономическая система, которая интегрирована в социально-экономическую систему туристской дестинации через его инфраструктуру и ресурсы, что даёт возможность выявить между ними существенную взаимозависимость. Статья посвящена перспективам развития туризма в дестинации «Ленинградская область», специфике функционирования экономических механизмов и формированию модели программы устойчивого развития туризма в регионе.

Ключевые слова: механизм развития индустрии туризма, дестинация, туристско-рекреационный потенциал, программно-целевой метод, организационно-экономическая модель.

На современном этапе развития, индустрия туризма и гостеприимства является крупнейшей в сфере предоставления услуг, включающая в себя потребление материальных и нематериальных благ в процессе предоставления и использования туристского продукта, и оказывающая огромное влияние на развитие духовных и физических сил человека. В этой связи, проблема перехода туристских предприятий на модель устойчивого развития, с помощью которой можно добиться сбалансированного решения задач природной, социально-экономической и социокультурной среды, стала весьма актуальной.

В настоящее время, индустрия туризма и гостеприимства – это крупная территориальная социокультурная экономическая система, которая интегрирована в социально-экономическую систему туристской дестинации через его инфраструктуру и ресурсы, что даёт возможность выявить между ними существенную взаимозависимость.

Туризм как сфера экономической деятельности базируется на эффективном использовании туристских ресурсов дестинации, которые могут

Tatiana S. Zhigunova
Graduate student of Department
Economies and Managements,
Leningrad State
Pushkin University
stegniy@mail.ru

MECHANISMS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY IN THE TOURIST DESTINATION «LENINGRAD REGION»

Annotation. Currently, the tourism and hospitality industry is a large territorial sociocultural economic system, which is integrated into the socio-economic system of tourist destination through its infrastructure and resources, which gives opportunity to identify significant interdependence between them. The article is devoted to the prospects of tourism development in the destination «Leningrad region», the specifics of the functioning of economic mechanisms and the formation of a model of sustainable tourism development program in the region.

Keywords: mechanism of development of the tourism industry, destination, tourist and recreational potential, program-target method, organizational and economic model.

удовлетворить потребности и желания потенциальных клиентов турфирм. Объективной особенностью турресурсов является то, что они могут быть использованы не только туристами, но и другими категориями потребителей, в том числе местными жителями.

Выявление и формулировка экономических целей является важнейшим этапом на пути достижения устойчивого развития туризма в дестинации, что требует глубокого анализа региональных программ развития туризма в Ленинградской области. Проведённый анализ туристских программ позволил выявить ряд недостатков, таких как некорректное формулирование поставленных целей, несоразмерность масштабов развития реальным возможностям, противоречивость целей одного уровня и др. [1, с. 53].

Для устранения выявленных недостатков, повышения обоснованности и осуществимости поставленных целей необходимо разработать структурированную модель устойчивого развития территории, в которой будут сочетаться требования экологической, экономической, социальной и культурной среды, что даст возможность выявить пути развития и достижения

устойчивости туристской индустрии в условиях ограниченности туристских ресурсов.

Специфика функционирования туризма, в свою очередь, формирует систему управления туризмом в дестинации и определяет принципы устойчивого развития, позволяющие определить экономику туристской дестинации как целостную систему. Здесь необходимо выделить специфические принципы, отражающие особенности системы управления устойчивым развитием туризма, такие как:

– принцип координации и согласованности деятельности туристских организаций;

– принцип эквивалентности требований к функционированию и развитию индустрии туризма в дестинации и др. [2, с. 101].

Необходимым условием устойчивого развития туризма в дестинации является практическое применение научно обоснованной системы регулирования, сформированной на основе норм и правил индустрии туризма, способствующих эффективному функционированию сферы туризма в условиях ограниченности туристских ресурсов. Для решения задач нормирования необходимо разработать требования к нормам, правилам и стандартам, определить объекты нормирования, а также разработать систему классификация, которая позволит создать информационную базу для дальнейшего изучения туристской дестинации и использования системы нормирования в условиях ограничений турресурсов.

Перспективы и возможности развития туризма на территории Ленинградской области необходимо оценивать через интегральный показатель устойчивости. Несомненно, что эффективность развития туризма не всегда предполагает его устойчивое развитие и получение высокой прибыли, а может происходить за счет несоблюдения предельно допустимых норм антропогенной нагрузки, что влечет за собой уничтожение объектов туристского интереса (например, природных или исторических). Поэтому необходимо классифицировать показатели по видам устойчивого развития и разработать алгоритм расчета интегрального показателя устойчивости, с помощью которого можно рассчитать и оценить эффективность развития туризма на территории. [1, с. 89].

Литература:

1. *Азар В.И.* Методологическое введение к программам регионального туристского развития // Труды Академии туризма. Вып. 1. СПб., 2016.

2. *Гермогенов М.А.* Основные направления и проблемы государственного регулирования туризма в РФ // Туризм и отдых. 2015. № 7. С. 42.

Для эффективной эксплуатации туристско-рекреационного потенциала дестинации необходимо создать систему рациональной организации туристской индустрии. Для решения этой задачи максимально подходит программно-целевой метод, который во взаимосвязи с различными методами планирования позволяет рационально сочетать туристские цели с целями развития всей социально-экономической системы в дестинации.

Программно-целевой метод позволяет наиболее эффективно разработать целевую программу устойчивого развития и функционирования туризма на территории Ленинградской области.

Организационно-экономическая модель программы устойчивого развития туризма в Ленинградской области, основанная на принципах сбалансированности потребностей, желаний и возможностей потребителей туристского продукта и имеющихся туристских ресурсов, позволяет повысить обоснованность и выполнение целевых программ. [1, с. 149].

Системный подход к формированию организационно-экономического механизма управления дестинацией – это основной фактор обеспечения устойчивого функционирования и развития туризма в Ленобласти, создающий необходимые предпосылки для дальнейших исследований, направленных на создание целостной системы индустрии туризма и гостеприимства, функционирующей и развивающейся в соответствии с интересами потребителей в полноценном отдыхе. Именно в этом направлении происходят интеграционные процессы экономики туризма. Для успешного развития туристской индустрии в Ленинградской области необходимо финансирование строительства объектов гостиничной индустрии, которое осуществляется в основном за счет привлечения внебюджетных источников. [2, с. 97].

Продвижение туристских возможностей дестинации способствует росту туристского потока, а следовательно, росту финансовых поступлений в экономику дестинации. Необходимо учитывать мультипликативный эффект туризма, развитие смежных видов предпринимательской деятельности и рост занятости (по статистике, 11 туристов создают 1 рабочее место). При значительном объеме, регулярности и длительности воздействия мероприятия по продвижению начинают приносить экономический эффект только с определенного минимального порога.

Literature:

1. *Azar V.I.* Methodological introduction to regional development program tourism development // Proceedings Of the Academy of tourism. Vol. 1. SPb., 2016.

2. *Germogenov M.A.* Main directions and problems of state regulation of tourism in Russia // Tourism and recreation. 2015. № 7. P. 42.

Зарецкий Александр Дмитриевич

доктор экономических наук,
профессор кафедры
мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
zad94@mail.ru

Иванова Татьяна Евгеньевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
ite15@mail.ru

Плешакова Марина Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
мировой экономики и менеджмента,
Кубанский государственный университет
pmv23@list.ru

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ
ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ
ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. В статье проанализированы теоретические основания для формирования института ценностей в современном обществе с позиции структурно-функциональной теории Т. Парсонса и Р.Б. Перри. В качестве факторов институционализации рассмотрены процессы имплементации корпоративных и общих ценностей в поведенческие практики бизнеса в аспекте взаимоотношений со стейкхолдерами, их закрепление в традициях, миссии, корпоративных этических кодексах компаний и других формах внутренних стандартов компаний.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, общие ценности корпоративные ценности, институционализация ценностей.

В самых различных сферах созидательной деятельности современного общества, социальных коммуникациях и других формах взаимодействия в социуме все более значимым становится ценностный компонент, статус которого является предметом как научно-теоретического осмысления, так, и одним из драйверов экономического роста, формирования человеческого капитала, инновационного развития бизнеса. Многоаспектность глобальных ценностей, их интерпретация и восприятие широко освещается в литературе, обсуждается на разных дискуссионных площадках.

Следует подчеркнуть, что разнообразие интересов, активные междисциплинарные исследова-

Alexander D. Zaretsky

Doctor of Economics,
Professor of World Economics
and Management,
Cuban State University
zad94@mail.ru

Tatiana E. Ivanova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of World Economics
and Management,
Cuban State University
ite15@mail.ru

Marina V. Pleshakova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of World Economics
and Management,
Cuban State University
pmv23@list.ru

**INSTITUTION VALUE
IN THE MODERN SOCIETY**

Annotation. The article analyzes the theoretical grounds for the formation of the institution of values in modern society from the position of structural and functional theory of T. Parsons and R. Perry. As factors of institutionalization, the processes of implementation of corporate and general values in behavioral business practices in the aspect of relationships with stakeholders, their consolidation in traditions, mission, corporate ethical company codes and other forms of internal company standards.

Keywords: values, values, shared values, corporate values, institutionalization of values.

ния на стыке философии, социологии, культурологии, экономики и других наук, распространение практик использования концептов теории ценностей в менеджменте, политологии, педагогике и иных сферах, свидетельствует о превращении ценностного подхода в некие устойчивые формы отношений как прообраз социального института. Однако при обилии публикаций по проблемам научно-практических аспектов ценности, попытка институционального осмысления категории «ценность» пока имеет отражение в единичных работах. В то же время, основанием для постановки вопроса о правомерности исследования институционализации ценностей является ряд положений, отражающих реальные шаги в данном направлении, характеризующие появление

определенных социальных норм, а также статусов и ролей, получивших распространение на практике¹.

Цель данного исследования состоит в рассмотрении и теоретическом обосновании особенностей процесса институционализации ценностей и анализе практических шагов на примере реализации концепций общих и корпоративных ценностей в российском обществе. Методология исследования основана на положениях структурно-функциональной теории Т. Парсонса и теории ценностей Р. Перри. Эмпирический аспект базируется на осмыслении опыта использования в менеджменте концепции «создания общей ценности» М. Портера и М. Крамера и лучших практик внедрения корпоративных ценностей, отражающих внедрение рыночных ценностей в предпринимательскую среду.

В конце XX и начале XXI столетия в России началось формирование целой системы новых рыночных институтов, таких, как институт собственности, качества жизни, социальной ответственности бизнеса и др. Одновременно, под влиянием общецивилизационной тенденции перехода к постиндустриальному обществу классическая система факторов производства стала дополняться такими факторами как «человеческий капитал», «информация», «знания», «научно-технический прогресс», «предпринимательская способность», [1] и др., что нашло отражение в исследованиях неоклассической экономической теории.

В современной экономике расширяется не только состав материальных факторов; вместе с этим, становятся принципиально значимыми условия организации управления трудом и совместной деятельностью, включая процессы целеполагания, мотивации, возможности самореализации личности, важность удовлетворенности трудом и др., носящие ценностный характер. На определенном этапе происходит своеобразное «обособление ценности» в самостоятельный фактор производства, фактор особого рода, способный выполнять роль драйвера, движущей силы, концентрирующей определенные нормы и стереотипы поведения, признанные членами общества, что дает основание для развития идеи о формировании экономического института ценности, влияющего на формальные и неформальные «правила игры».

Сравнивая сущностные характеристики категории «ценность», принятые в различных философских и экономических теориях, приходим к следующим выводам. Неокантианский подход, положивший начало аксиологии – науки о ценностях, построен на признании ценностной значимости мира и самооценности личности как неэмпирических объектов. Феноменологический подход трактует ценности как «идеальные предметы», значимость которых постигается человеком интуитивно под влиянием предпочтений, задаваемых исторической эпохой и соответствующей культурой. С позиции

позитивистского подхода ценности рассматриваются как идеи, имеющие социальную природу и воплощаемые в реальных вещах – символах.

Со временем идеалистические подходы привели к развитию натуралистического понимания ценностей, что положило начало развитию неореалистической философии, рассматривающей ценности как объективные эмпирически наблюдаемые факторы реальности. Поэтому первым шагом в направлении формирования института ценностей можно считать создание американским философом Р.Б. Перри в начале XX века общей теории ценностей, рассматривающей их как «ориентиры интереса» индивида и коллектива. Перри принадлежит одна из первых классификаций, разделяющей ценности на истинные и ложные, развитые и неразвитые, сложные и простые, позитивные и негативные, скрытые и активные в соответствии с иерархией интересов, столкновением интересов взаимодействующих индивидов. Уникальным является разделение ценностей и интересов с позиции просвещенности, имея в виду:

- качество знания, которое ориентирует интерес;
- интенсивности, то есть силе интереса, обусловленного ценностью;
- степени предпочтения, влияющей на выбор объектов и действий, и высшего критерия ценности – включаемости, подразумевающей согласованность с другими интересами и ценностями.

При этом ценность возрастает с увеличением числа согласованных интересов, которые на него направлены, что может быть достигнуто путем их взаимного участия друг в друге и опосредования их интересов [2].

Следующий этап осмысления ценностей в институциональном аспекте связан с разработкой структурно-функциональной теории Т. Парсонса, который трактует институт как социальную систему действий, направленных на воспроизводство ценностных образцов экономического поведения в виде коллективных представлений и взаимодействий, интеграцию усилий, целедостижение и адаптацию [3]. Этим функциям сопоставляются независимые структурные компоненты: «ценности», «нормы», «коллективы» и «роли», которые, несмотря на самостоятельность, должны «руководствоваться» конкретными ценностями и нормами. При этом Парсонс рассматривает ценности и ценностные ориентации, как определенные правила или критерии выбора способа действия в социо-культурной среде. В теории Парсонса «ценности занимают ведущее место, так как они отражают «коллективные представления» о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия ее субъектами определенных обязательств» [3]. Соотнесение их с моделями реальных экономических систем позволяют индивидуумам идентифицировать себя в качестве членов общества. В результате, по мнению Парсонса, именно консенсус членов общества по поводу ценностной ориентации означает институционализацию ценностного образца поведения.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-02-00494-ОГН.

Концептуальные подходы Перри и Парсонса относительно феномена ценностей предвосхитили появление современных социально-ориентированных практик формирования «общих» и «корпоративных» ценностей в менеджмент-маркетинге и отвечающих идеологии корпоративной социальной ответственности [4], что являющиеся убедительной иллюстрацией реальных процессов институционализации ценностей. Гуманитарный тренд этих моделей как раз и состоит в том, что ценность объекта (действия) возрастает с увеличением числа согласованных общих интересов, которые на него направлены, что, в свою очередь, может быть достигнуто путем их взаимного участия друг в друге. Важно подчеркнуть, что это не только не противоречит взглядам классиков институционализма, но представляет возможность изучения особенностей формирования института ценностей.

Авторами концепции «создания общей ценности» (CSV) являются М. Портер и М. Крамер, известные также как разработчики философии «Маркетинга 3.0». Одна из важнейших задач, решению которой она способствует, является восстановление доверия к бизнесу со стороны общества. Концепция общих ценностей воплотилась в управленческую социально-ориентированную практику, направленную на повышение финансовой эффективности компаний и может рассматриваться как органичная часть ее бизнес-процессов, обеспечивающая совмещение двух принципиальных целей в рамках стратегии «win-win», то есть одновременное получение прибыли и удовлетворение общественных

потребностей посредством переосмысления своей продукции и рынков с учетом интересов общества [5].

Внедрение CSV в реальные управленческие практики и поведенческие модели осуществляется усилиями непосредственных участников бизнеса-сообщества. В России лидерами ценностно-ориентированного подхода являются компании «Нестле», «Новард», «Сити-XXI век», «Эконика», «Рутектор» и др. Общее в их деятельности состоит в том, что они строят свою стратегию и бизнес-модель на основе сочетания опыта западных компаний и лучших российских традиций предпринимательства, следующих заповеди: «прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли» [6]. Общие ценности формируются во взаимодействии с основными заинтересованными сторонами (стейкхолдерами) и отражают совместные интересы.

Следование идее создания общих ценностей, предполагает, что каждая компания имеет свои «корпоративные ценности», то есть принятые и разделяемые всеми членами организации правила и принципы, определяющие взаимоотношения сотрудников организации как между собой, так и со внешней средой. Эти ценности формулируются на основе стратегического видения и выполняют роль особого инструмента, используемого для концентрации усилий персонала на воплощении своей Миссии [7]. В таблице 1 дана сравнительная характеристика организационных форм и целевой направленности корпоративных и общих ценностей.

Таблица 1

Институциональные формы реализации ценностного подхода

Ценностно-ориентированные концепции	Организационные формы проявления и закрепления	Целевая направленность	Экономические и социальные результаты
Корпоративные ценности: Набор наиболее важных предпочтений, правил и установок, разделяемых большинством работников убеждений и принципов	Включение в миссию компании, кодексы корпоративной культуры и другие этические стандарты и правила поведения, системы поощрения работников и др.	Привитие «корпоративного духа», институционализация внутренних правил и рутин; повышение производительной дисциплины и производительности труда	Формирование организационной (корпоративной) культуры; мотивация приверженности компании; позитивное позиционирование во внешней среде
Общие ценности: Система принципов и методов работы, которые усиливают конкурентоспособность компании, одновременно улучшая экономические и социальные условия тех сообществ, в которых она работает»	Совместное со стейкхолдерами социальное инвестирование в повышение качества жизни, развитие человеческого капитала, программы развития местного сообщества и др.	Восстановление и укрепление доверия к бизнесу со стороны общества; стратегия «win-win»: одновременное создание как акционерной стоимости, так и ценности для общества в целом	Переосмысление продукта и рынков с учетом интересов сообщества; пересмотр эффективности в цепочке создания стоимости; содействие развитию местных кластеров

В практиках современного менеджмента накоплен большой опыт разработки корпоративных ценностей, перечень которых декларируется руководством компании и закладывается во внутренние стандарты – миссию компании, кодекс корпоративного поведения (этический кодекс) и др., учитывается при разработке систем мотивации и поощрения. Тем самым, формируются ценностные ориентации работников, которыми следует руководствоваться в повседневной практике и в которых заинтересована компания [8]. В ряде компаний корпоративные ценности значимы не только для своих сотрудников,

но и для клиентов, инвесторов, органов власти, поскольку отражают степень социальной ответственности компании, ее гражданскую позицию, влияют на имидж [7]. Для этого конкретный список корпоративных ценностей компании размещают на своих сайтах в Интернете.

Базовые корпоративные ценности компаний, как правило, включают:

- профессионализм и нацеленность на результат;
- энергичность и лидерство;

– справедливость и открытость;

– социальную ответственность и безопасность. Стремление к соответствию международным стандартам корпоративного управления в перечни ценностей включают также внимание к клиенту;

– работу в команде; инициативность и инновационность; быструю реакцию на изменения; стремление к совершенству и др. [9].

Таким образом, вследствие повышения актуальности и практической значимости ценностного подхода в различных сферах социума возникла

Литература:

1. Черкасова Е.М. Институциональная система факторов производства // Проблемы современной экономики. 2017. № 4(64). С. 65–68.
2. Перри Р.Б. Об общей теории ценностей. URL : <https://mybiblioteka.su/5-73000.html> (дата обращения 01.12.2019).
3. Парсонс Т. Системы современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. URL : <http://www.gumer.info> (дата обращения 01.12.2019).
4. Зарецкий А.Д. Корпоративная социальная ответственность: мировая и отечественная практика : учебное пособие / А.Д. Зарецкий, Т.Е. Иванова. М. : КНОРУС. 2016. 292 с.
5. Борзаков Д.В. Создание общей ценности в контексте стратегии корпоративной социальной ответственности // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2015. № 1. С. 5–12.
6. Иванова Т.Е. Общие ценности компаний, инвестирующих в людей // Экономика: теория и практика. 2017. № 2(46). С.139–140.
7. Михайленко О.А. Корпоративные ценности фирмы: институциональный аспект исследования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 4(23). С. 12–15.
8. Зарецкий А.Д. Имплементация ценностных ориентаций в период смены экономических парадигм / А.Д. Зарецкий, Т.Е. Иванова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 6. С. 74–82.
9. Кабалина В.И. Корпоративные ценности в управлении российскими компаниями / В.И. Кабалина, Л.М. Чеглакова // Российский журнал менеджмента. 2013. Т.11. № 3. С. 5–30
10. Тимонин А.Ю. Ценность как экономический институт в концепте «образование – богатство» // Экономика образования. 2008. № 3. С. 176–178.

потребность в формировании института ценностей, которая подтверждается появлением, принятием и практическим применением определенных норм и правил ценностно-ориентированного поведения в процессах организационно-экономического взаимодействия как внутри компаний, так и с внешними заинтересованными сторонами, которые приобретают устойчивые формы создания общих и корпоративных ценностей [10]. Это является свидетельством развития процесса институционализации ценностей в современном обществе и требует дальнейшего научного осмысления особенностей данного процесса.

Literature:

1. Cherkasova E.M. Institutional system of factors of production / Problems of the modern economy. 2017. № 4(64). P. 65–68.
2. Perry R.B. on General Value Theory. «Electronic resource» URL : <https://mybiblioteka.su/5-73000.html> (reference date 01.12.2019).
3. Parsons T. Systems of modern societies. M. : Aspect Press, 1997. Electronic URL : <http://www.gumer.info> (call date 01.12.2019).
4. Zaretsky A.D. Corporate Social Responsibility: World and Domestic Practice : Educational Manual / A.D. Zaretsky, T.E. Ivanova. M. : KNORUS. 2016. 292 p.
5. Borzakov D.V. Creating common value in the context of corporate social responsibility strategy / VSU Review. Series: Economics and Governance. 2015. № 1. P. 5–12.
6. Ivanova T.E. Common values of companies investing in people./ Economics: theory and practice. 2017. № 2(46). P. 139–140.
7. Mikhailenko O.A. Corporate values of the firm: the institutional aspect of the study / Herald of Saratov State Socio-Economic University. 2008. № 4 (23). P. 12–15.
8. Zaretsky A.D. Implementation of value orientations during the period of changing economic paradigms / A.D. Zaretsky, T.E. Ivanova // Herald of the Altai Academy of Economics and Law. 2018. № 6. P. 74–82.
9. Kabalina V.I. Corporate values in the management of Russian companies / V.I. Kabalina, L.M. Cheglakova // Russian Management Journal. 2013. Vol. 11. № 3. P. 5–30.
10. Timonin A.Y. Value as an economic institution in the concept of «education – wealth» / Education economics. 2008. № 3. P. 176–178

Карпова Юлия Сергеевна
магистрант 1 курса,
Юридическая школа
Дальневосточного
федерального университета
artem.drachev@vladpravo.ru

Драчев Артем Валерьевич
магистрант 1 курса,
Юридическая школа
Дальневосточного
федерального университета
artem.drachev@vladpravo.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНЕГО ФИНАНСОВО-БЮДЖЕТНОГО КОНТРОЛЯ ВО ВЛАДИВОСТОКСКОМ ГОРОДСКОМ ОКРУГЕ

Аннотация. Федеральное законодательство регулирует и раскрывает минимальное значение правового статуса и деятельности региональных контрольно-счетных органов субъектов России. Так, основное развитие контрольно-счетных органов происходит на региональном и местном уровне. В настоящей статье рассматриваются функции Контрольно-счетной палаты города Владивостока в области муниципального финансового контроля и аудита.

Ключевые слова: контрольно-счетная палата, финансовый контроль, бюджетный контроль.

Муниципальный финансовый контроль представляет собой контроль за действиями должностных лиц, финансово-хозяйственной деятельностью получателей бюджетных средств либо иных субъектов, использующих средства или собственность муниципального образования, осуществляемый представительными и (или) исполнительными органами местного самоуправления, а также специально уполномоченными учреждениями по проверке законности, целесообразности и эффективности действий в образовании, распределении и использовании фондов, находящихся в их ведении, в целях выявления резервов увеличения доходов поступлений в бюджет и укрепления финансовой дисциплины.

В системе органов местного самоуправления ведущая роль в сфере муниципального финансового контроля отдаётся представительному органу муниципального образования. Так, в соответствии со ст. 153 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) к бюджет-

Yulia S. Karpova
Undergraduate of 1 course,
Law school Far East
Federal University
artem.drachev@vladpravo.ru

Artem V. Drachev
Undergraduate of 1 course,
Law school Far East
Federal University
artem.drachev@vladpravo.ru

IMPLEMENTATION OF EXTERNAL FINANCIAL AND BUDGETARY CONTROL IN VLADIVOSTOK CITY DISTRICT

Annotation. Federal law regulates and discloses the minimum value of the legal status and activities of the control and accounting bodies of the constituent entities of Russia. So, the main development of control and accounting bodies is taking place at the regional and local level. Audit Chamber of the city of Vladivostok in the field of municipal financial control and audit.

Keywords: control and accounting chamber, financial control, budget control.

ным полномочиям представительного органа самоуправления отнесено рассмотрение и утверждение бюджетов и отчетов об их исполнении, осуществление последующего контроля за исполнением местных бюджетов, формирование и определение правового статуса органов, осуществляющих контроль за исполнением местных бюджетов. Однако, эти полномочия представительный орган реализует не самостоятельно, а с помощью создания специального контрольного органа. В городе Владивостоке, согласно ст. 20 Устава, таковым является Контрольно-счётная палата города Владивостока.

Неслучайно Контрольно-счётная палата создаётся именно Думой, поскольку такой механизм позволяет избежать зависимости контрольного органа от проверяемых им главных распорядителей бюджетных средств (далее – ГРБС), как правило, подотчётных администрации города. Такая структура позволяет им быть независимыми друг от друга, а значит, и лучше осуществлять контрольную функцию.

Согласно БК РФ бюджетно-финансовый контроль (в том числе муниципальный) подразделяется на предварительный и последующий, которые отличаются по своим целям. Целью осуществления предварительного контроля является принятие мер с тем, чтобы предупредить и не допустить в будущем нарушения финансового законодательства. Предназначение последующего контроля заключается в том, чтобы, исходя из результатов исполнения бюджетов, установить законность их исполнения, а также достоверность учета и отчетности.

Органы государственного (муниципального) финансового контроля, в соответствии с БК РФ, наделены специальными бюджетными полномочиями (ст. 157 БК РФ). Так, контрольно-счетные органы муниципальных образований осуществляют:

– аудит эффективности, который направлен на определение экономности и результативности использования бюджетных средств;

– экспертизу законопроектов, проектов решений о бюджетах, иных нормативных правовых актов бюджетного законодательства, включая обоснованность показателей бюджетов;

– экспертизу государственных и муниципальных программ;

– анализ и мониторинг всего бюджетного процесса, включая подготовку предложений по устранению выявленных отклонений в бюджетном процессе и совершенствованию бюджетного законодательства;

– другие вопросы, определенные законодательством об органах внешнего государственного и муниципального финансового контроля.

В ст. 7 Положения о Контрольно-счётной палате города Владивосток данные положения находят некоторую конкретизацию в виде задач, которые Контроль-счётная палата выполняет. Это:

– организация и осуществление контроля за установленным порядком подготовки и рассмотрения проекта решения о местном бюджете;

– анализ обоснованности и законности доходов и расходов бюджета, их объемов и целевого назначения в проекте решения о местном бюджете;

– экспертиза проектов решений Думы города Владивостока о местном бюджете на очередной финансовый год, проектов решений Думы города Владивостока, регулирующих порядок управления и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности;

– и другие задачи.

Анализ данных задач, а также Отчёта о деятельности Контрольно-счётной палаты города Владивосток за 2017 год позволяет разделить деятельность контрольного органа на три условных направления:

1) Контроль проектов решений о местном бюджете, его подробный анализ, в том числе объёмов и целевого назначения бюджета. Контрольно-счётная палата проверяет, правильно ли были соотнесены виды расходов в бюджете с Кодом бюджетной классификации; имела ли Дума предусмотреть такие расходы в своём бюджете согласно законодательству РФ; проверяет, имеется ли дефицит бюджета, и если имеется, то не превышает ли он лимит; проверяет расходы в муниципальных программах, утверждает их санкционированием.

2) Контроль исполнения бюджета, оценка его целевого использования. Данная деятельность представляет наиболее объёмный пласт в деятельности Контрольно-счётной палаты города Владивосток. Заключается данная деятельность в проверках, осуществляемых Контрольно-счётной платой в отношении ГРБСов, путём запроса документов, их анализа. Предметом проверок, как правило, являются средства городского бюджета, направленные на важнейшие отрасли городского хозяйства и социальную сферу, а также муниципальное имущество. Так, в городе Владивосток в 2017 году, согласно отчёту, особое внимание было уделено осуществлению капитальных вложений в объекты капитального строительства (наружного освещения), оказанию ритуальных услуг населению и содержанию кладбищ, ремонту автомобильных дорог, выполненному в рамках муниципальной услуги.

3) Контроль за использованием имущества путём проверки объёмов потраченных на его использование средств.

В научной литературе встречается критическая оценка эффективности контрольной деятельности муниципальных Контрольно-счётных палат в связи с отсутствием рычагов привлечения к ответственности проверяемых ими органов, а также в том, что контрольный орган в значительной степени зависим от муниципальной власти. С этой точкой зрения сложно согласиться после изучения их деятельности на примере Контрольно-счётной палаты города Владивосток. Так, согласно части 7 статьи 28.3 КоАП РФ, должностные лица, а именно Председатель, заместитель Председателя, аудиторы, начальники отделов и инспекторы Контрольно-счётной палаты города вправе привлекать к административной ответственности. Кроме того, ст. 14 «Положения о Контрольно-счётной палате города Владивосток» предусмотрена обязанность исполнения требований должностных лиц Контрольно-счётной палаты. Согласно статье, требования и запросы должностных лиц Контрольно-счётной палаты, связанные с осуществлением ими своих должностных полномочий, установленных законодательством Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами, являются обязательными для исполнения проверяемыми органами и организациями. В то же время, неисполнение законных требований и запросов должностных лиц Контрольно-счётной палаты, а также воспрепятствование осуществ-

лению ими возложенных на них должностных полномочий влекут за собой ответственность, установленную законодательством Российской Федерации и законодательством Приморского края. Данная ответственность может носить, в зависимости от тяжести деяния, как административный, так и, в редких случаях, уголовный характер.

Так, согласно отчёту за 2017 год, Контрольно-счётная палата направила 26 представлений для принятия мер по устранению и предупреждению выявленных нарушений в сфере бюджета и финансов, на которые соответственно реагировали проверяемые органы. В 2017 году было исполнено и снято с контроля в связи с принятием мер исчерпывающего характера 17 представлений, из них 2 – вынесенные в предыдущие годы, остальные представления 2017 года находились на контроле до полного устранения отмеченных в них нарушений. Контрольно-счётная палата также может составлять протоколы о привлечении к административной ответственности, например, за грубые нарушения бухгалтерского учёта. За 2017 год инспекторами Контрольно-счётной палаты были составлены 2 протокола об административном правонарушении, в соответствии с которыми должностное лицо дважды было привлечено к административной ответственности.

Литература:

1. *Мирзоева Э.Р.* Государственный (муниципальный) финансовый контроль как один из основных видов финансового контроля // Молодой ученый. 2018. №33. С. 105–109.
2. Отчёт от 27.09.2018 № 8 о результатах контрольного мероприятия «Эффективность использования объектов муниципальной недвижимости в части установки и эксплуатации рекламных конструкций», утвержден решением Коллегии Контрольно-счётной палаты города Владивостока, протокол № 7.
3. Отчёт о деятельности Контрольно-счётной палаты города Владивостока за 2017 год, утвержден решением Коллегии от 30.03.2018, протокол № 2.

В исключительных случаях лицо может быть даже привлечено к уголовной ответственности – так, в 2017 году на основании материалов Контрольно-счётной палаты прокуратурой города Владивостока в отношении должностных лиц МУПВ «Некрополь» было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления.

Таким образом, можно говорить о том, что деятельность Контрольно-счётной палаты ориентирована не только на выявление нарушений, но и на их устранение путём прекращения нарушения либо возврата выделенных средств.

Существуют и определённые проблемы правоприменения. К примеру, из-за специфики работы инспекторам Контрольно-счётной палаты приходится проверять деятельность ГРБСов в самых разных сферах, от строительства до экологии, в то время как, очевидно, людям с экономическим или юридическим образованием сложно разобраться в тонкостях данных сфер. В городе Владивостоке данная проблема решается с помощью разделения сотрудников Контрольно-счётной палаты по сферам деятельности, однако в небольших муниципальных образованиях это может быть проблематично в связи с ограниченностью бюджетов, а, следовательно, и количества рабочих мест.

Literature:

1. *Mirzoyeva E.R.* State (municipal) financial control as one of the main types of financial control // Young scientist. 2018. № 33. P. 105–109.
2. Report dated 27.09.2018 № 8 on the results of the control event «Efficiency of use of municipal real estate objects in terms of installation and operation of advertising structures», approved by the decision of the Board of the Control and Accounting Chamber of Vladivostok, Protocol № 7.
3. The report on activity of Control Audit Chamber of the city of Vladivostok for 2017, is approved by the decision of Board of 30.03.2018, protocol № 2.

Колпащикова Анастасия Андреевна

аспирантка кафедры
экономической теории,
Московский государственный
областной университет
awaa@mail.ru

Акимова Елена Николаевна
доктор экономических наук,
доцент,
профессор кафедры
экономической теории,
Московский государственный
областной университет
awaa@mail.ru

Лавров Михаил Николаевич

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры экономической теории,
Московский государственный
областной университет
awaa@mail.ru

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ
КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ РЕГИОНА**

Аннотация. В статье проанализированы методологические предпосылки и особенности использования концепции интеллектуального капитала в анализе социально-экономического развития региона. Дана характеристика признаков интеллектуального капитала как экономической категории. Сделан вывод о взаимосвязи показателей роста интеллектуального капитала и развития предпринимательской, инновационной, инвестиционной активности в регионе, обеспечивающих его устойчивое развитие.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, экономика знаний, региональная экономика, устойчивое развитие.

Современные исследования в сфере развития региональных экономик демонстрируют, что существует положительная корреляция между динамикой предпринимательской активности и региональными экономическими показателями. В связи с этим возникает вопрос, какие именно факторы лежат в основе экономического успеха отдельных регионов, поскольку традиционные экономические ресурсы, такие, как дешевая рабочая сила или земля не гарантируют устойчивых темпов социально-экономического развития. Всё больше исследований объективно доказывают, что в основе новой экономик лежат

Anastasia A. Kolpashchikova

Graduate student of Department
Economic Theory,
Moscow Region State University,
awaa@mail.ru

Elena N. Akimova

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Professor of Department
Economic Theory,
Moscow Region State University
awaa@mail.ru

Mikhail N. Lavrov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Economic Theory,
Moscow Region State University,
awaa@mail.ru

**INTELLECTUAL CAPITAL
AS A FACTOR OF SUSTAINABLE
DEVELOPMENT OF THE REGION**

Annotation. The article analyzes the methodological prerequisites and features of the use of the concept of intellectual capital in the analysis of socio-economic development of the region. The characteristic features of intellectual capital as an economic category. It is concluded that the indicators of growth of intellectual capital and the development of entrepreneurial, innovative, investment activity in the region, ensuring its sustainable development.

Keywords: intellectual capital, knowledge economy, regional economy, sustainable development.

инновационные факторы, комфортная среда жизнедеятельности, культурный и интеллектуальный капитал¹ [6].

Эффективное управление и развитие интеллектуального капитала является важным фактором устойчивого развития и способствует экономическому прогрессу. При этом исследователи убедительно показывают, что вывод о том, что ре-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования по научному гранту Губернатора Московской области (2019 г.).

гиональные экономические различия могут быть следствием неравномерного развития регионального интеллектуального капитала и существует взаимосвязь интеллектуального капитала и экономического развития как в странах с развитой рыночной экономикой, так и в странах других регионов, в частности, Юго-Восточной Азии. Однако в то же время влияние интеллектуального капитала на экономическое развитие различно в зависимости от уровня развития национальной экономики. Если в странах с развитой рыночной экономикой данный аспект является доминирующим, то в развивающихся странах он не является однозначно определяющим вектор развития региона [10].

Концепция интеллектуального капитала формировалась прежде всего как инструмент анализа эффективности корпоративного сектора и малых и средних предприятий. В этой же традиции сформировалась классификация интеллектуального капитала как структуры из трех основных элементов: человеческого, реляционного и структурного капиталов. Данный подход продемонстрировал свою эффективность при анализе, как отдельных крупных корпораций, так и небольших предприятий. Вместе с тем, с течением времени произошло заимствование концепции интеллектуального капитала исследователями, занимающимися анализом региональных экономик, что вызвало определенную вариативность в подходах и трактовках как понятийного аппарата, так и методологических принципов анализа [9].

В целом, анализ научной литературы показывает, что как экономическая категория интеллектуальный капитал обладает следующими основными признаками:

- может быть классифицирован по уровням (частный, отраслевой, межотраслевой, региональный и т.д.);
- имеет динамику роста или падения собственной ценности в зависимости от состояния развития региона;
- включает в себя сложные компоненты, проявляющиеся в различных условиях (капитал знаний, здоровья, бренда и т.д.);
- имеет пространственную структуру, как правило соответствующую административно-территориальному делению конкретного региона;
- является общей характеристикой различных региональных социальных и экономических подсистем, как взаимосвязанных, так и независимых;
- реализуется через экономическую и социальную деятельность населения и предприятий, при

Литература:

1. *Алексеева М.В.* Инновации и интеллектуальный капитал в экономике устойчивого развития региона / М.В. Алексеева, Т.Л. Лепихина // Инно-

этом формируя дополнительные взаимосвязи, потенциально дающие как положительные, так и отрицательные мультипликативные эффекты [3].

В целом, можно сделать вывод о том, что интеллектуальный капитал отображает специфичность региона в культурном, социальном, экономическом и иных разрезах, являясь фундаментом для развития таких производных показателей региона, как предпринимательская и инвестиционная привлекательность, динамика деловой активности и др.

Исследования показывают взаимосвязь между инновационной активностью и уровнем интеллектуального капитала, как отдельной фирмы, так и территориального образования. Так как обе данные концепции в своей основе подразумевают инвестиции в образование, увеличение объема высококвалифицированного сегмента рынка труда, формирование «тройной спирали» взаимодействия науки, бизнеса и государства, логично образуется взаимосвязь между ростом интеллектуального капитала и инновационной активностью отдельных индивидов, компаний и регионов [1].

Эмпирические исследования, связанные с анализом интеллектуального капитала, как правило, концентрируются на статическом анализе, представляя собой определенный «срез» актуального развития региона или результат компаративного анализа группы регионов [4]. Примерами такого подхода могут быть исследование «Развитие человеческого потенциала в РФ» [2], проект проекта RICARDA («Разработка отчетности о региональном интеллектуальном капитале для стран ЕС») [7], немецкий проект «Региональный интеллектуальный капитал округа Ортенану» [11]. Вместе с тем, в реализации подобных исследований существует «ловушка» потери наиболее важных компонент регионального развития за множеством факторов, так или иначе влияющих на социально-экономическое развитие региона. В этой связи, представляется важным в каждом конкретном случае проведение предварительного анализа и определение задач развития конкретных задач развития региона с последующей «увязкой» параметров стимулирования роста интеллектуального капитала.

Однако это не означает методологической слабости данной концепции, интеллектуальный капитал является удобным инструментом для определения задач государственной экономической политики, формируя комплексную среду для развития взаимосвязанных подсистем экономики региона. Использование данной концепции при программировании развития региона позволяет обеспечить достижение гармоничных сбалансированных изменений формирующих вектор устойчивого развития региона.

Literature:

1. *Alekseeva M.V.* Innovation and intellectual capital in the economy of sustainable development of the region / M.V. Alekseeva, T.L. Lepichina // Inno-

важное развитие экономики: тенденции и перспективы. 2017. Т. 1. С. 260–269

2. *Бобылев С.Н.* Доклад о развитии человеческого потенциала в РФ. 2006/2007. Регионы России: цели, проблемы, достижения. М. : Весь мир, 2007. С. 115–141.

3. *Мальцева А.А.* Дефиниция «интеллектуальный капитал региона» и его уровневая структура // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 2. С. 222–228.

4. *Макаров П.Ю.* Анализ подходов к оценке интеллектуального капитала региона // Проблемы современной экономики (Новосибирск). 2011. № 4-2. С. 55–59.

5. *Шкодинский С.В.* Кластерный подход в развитии региональной инновационной системы / С.В. Шкодинский, А.Г. Назаров // Образование. Наука. Научные кадры. 2012. № 2. С. 51–53

6. *Cabrita M.R.* Entrepreneurship Capital and Regional Development: A Perspective Based on Intellectual Capital / M.R. Cabrita, C. Cabrita, F. Matos // International Studies in Entrepreneurship Vol. 31. P. 15–28.

7. Intellectual Capital Reporting for Regional Cluster and Network Initiatives. Manual on the RICARDA Methodology. URL : www.ricarda-project.org

8. *Jednak S.* Intellectual capital as a driver of economic development / S. Jednak, V. Dmitrovic, V. Damjanovic // 5th International Scientific Conference on Economy of Integration (ICEI): Tuzla, BOSNIA & HERCEG. DEC 07-09, 2017.

9. *Koh H.* Intellectual Capital Statements as a Driver for Regional Development / H. Koh, S. Wuscher, R. Orth // 7th European Conference on Intellectual Capital (ECIC), Tech Univ Cartagena, SPAIN: APR 09-10, 2015.

10. Liu Chao. A Study on Regional Economic Differences of Shandong Province from the Perspective of Regional Intellectual Capital / Liu Chao, Xu Lingyu // 13th International Conference on Innovation and Management (ICIM 2016), Malaysia-Japan Int Inst Technol, Kuala Lumpur, MALAYSIA: NOV 28–30, 2016.

11. *Nagel C.* Regionale Wissensbilanz Ortenaukreis / C. Nagel, S. Mauch. URL : http://www.nagel-kollegen.de/sites/default/files/Wissensbilanz_

vative development of the economy: trends and prospects. 2017. T. 1. P. 260–269

2. *Bobylev S.N.* Human Development Report in the Russian Federation. 2006/2007. Regions of Russia: goals, problems, achievements. M. : The whole world, 2007. P. 115–141.

3. *Maltseva A.A.* Definition «intellectual capital of the region» and its level structure // Journal of the Tver State University. Series: Economics and Governance. 2018. № 2. P. 222–228.

4. *Makarov P.Y.* Analysis of approaches to assessment of intellectual capital of the region // Problems of modern economy (Novosibirsk). 2011. № 4-2. P. 55–59.

5. *Shkodinsky S.V.* Cluster Approach in the Development of Regional Innovation System / S.V. Shkodinsky, A.G. Nazarov // Education. Science. Scientific shots. 2012. № 2. P. 51–53

6. *Cabrita M.R.* Entrepreneurship Capital and Regional Development: A Perspective Based on Intellectual Capital / M.R. Cabrita, C. Cabrita, F. Matos // International Studies in Entrepreneurship Vol. 31. P. 15–28.

7. Intellectual Capital Reporting for Regional Cluster and Network Initiatives. Manual on the RICARDA Methodology. URL : www.ricarda-project.org

8. *Jednak S.* Intellectual capital as a driver of economic development / S. Jednak, V. Dmitrovic, V. Damjanovic // 5th International Scientific Conference on Economy of Integration (ICEI): Tuzla, BOSNIA & HERCEG. DEC 07-09, 2017.

9. *Koh H.* Intellectual Capital Statements as a Driver for Regional Development / H. Koh, S. Wuscher, R. Orth // 7th European Conference on Intellectual Capital (ECIC), Tech Univ Cartagena, SPAIN: APR 09-10, 2015.

10. Liu Chao. A Study on Regional Economic Differences of Shandong Province from the Perspective of Regional Intellectual Capital / Liu Chao, Xu Lingyu // 13th International Conference on Innovation and Management (ICIM 2016), Malaysia-Japan Int Inst Technol, Kuala Lumpur, MALAYSIA: NOV 28–30, 2016.

11. *Nagel C.* Regionale Wissensbilanz Ortenaukreis / C. Nagel, S. Mauch. URL : http://www.nagel-kollegen.de/sites/default/files/Wissensbilanz_

Коскова Вероника Сергеевна
аспирантка кафедры финансов,
денежного обращения и кредита,
Уральский государственный
экономический университет
koskova@66.ru

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ – МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам бюджетной децентрализации, автором анализируется взгляд на само понятие «бюджетная децентрализация», рассматриваются пути децентрализации, а также, выявлены факторы, определяющие соотношение централизации и децентрализации. Обсуждается необходимость внедрения бюджетной децентрализации в экономику России с учетом специфических особенностей нашего развития направленных на достижение устойчивого уровня развития хозяйственной экономики и повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: бюджетная децентрализация, общественные финансы, региональные бюджеты, межбюджетных отношении.

Современное развитие российской экономики требуют глубокого анализа причин успехов и неудач в своем развитии, в условиях усиления международной изоляции, обусловленной санкционной политикой экономик ведущих стран. Глобализация и либерализация экономик развитых и развивающихся стран потребовали выработки новых взглядов на теорию фискального федерализма. В основу глобальных изменений взгляда на централизацию экономики была положена теория децентрализации, которая направлена на системные преобразования бюджетной сферы, на достижение устойчивой хозяйственной динамики и повышение качества жизни населения, определяющих необходимость обеспечения долгосрочной сбалансированности социально-экономического развития территорий.

Уоллес Э. Оутс указывает: «Традиционное экономическое обоснование фискальной децентрализации основано на потенциальном росте благосостояния, которое он обещает в результате более эффективного распределения ресурсов в государственном секторе» [1].

Мамедов А.А., Авксентьев Н.А., Семенова Р.И. «...под децентрализацией управления понимают передачу инициативы и ответственности за проведение социально-экономической политики на нижестоящие уровни власти, а также соответствующие возможности определения субнацио-

Veronica S. Koskova
Graduate student
of the Department of Finance,
Money Circulation and Credit,
Ural State Economic University
koskova@66.ru

DECENTRALIZATION – THE MAIN WAY OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY

Annotation. The article is devoted to the problems of fiscal decentralization, analyzes the view on the very concept of «fiscal decentralization», discusses ways of decentralization, identifies the factors that determine the ratio of centralization and decentralization. It justifies the need to introduce fiscal decentralization into the Russian economy, taking into account the specific features of our development aimed at achieving a sustainable level of economic development and improving the quality of life of the population.

Keywords: fiscal decentralization, public finances, regional budgets, intergovernmental relations.

нальными властями своей бюджетной политики» [2].

Сумская Т.В. предполагает под децентрализацией «...передачу более значительных полномочий органам власти на местах, с тем чтобы те могли самостоятельно принимать решения по формированию доходов, расходов и нормативно-правовому регулированию» [3].

Иголина Л.Л. видит децентрализацию как «...процесс передачи в введение органов нижних уровней власти поступлений от соответствующих доходных источников при разграничении расходных полномочий, что способствует усилению самостоятельности территорий и достижению баланса общегосударственных и территориальных интересов в целях повышения эффективности бюджетных средств и более полного удовлетворения потребностей населения в общественных благах» [4].

Ряд российских ученых: Иголина Л.Л., Сумская Т.В., Малиновская О.В., Бровкина А.В., Ларина С.Е., Швецов Ю.Г. на основе анализа ведущих экономик и экономики России делают вывод о том, что централизация привела российскую экономику к «властному федерализму» и, в конечном итоге, к тупику развития экономики, примером которого служит снижение темпов ВВП и уровня производства. Единственно правильным

путем развития экономики и выходом из экономического кризиса они видят в поэтапном введении принципов децентрализации [3–6; 8].

Международный опыт экономического развития выделяет три варианта фискальной децентрализации соответствующие степени независимого принятия решений на местном уровне, выделенных Р. Берд и Ф. Вайльанкорт.

«Во-первых, деконцентрация означает распределение обязанностей внутри центрального правительства между региональными отделениями или местными административными единицами.

Во-вторых, делегирование относится к ситуации, в которой местные органы власти действуют в качестве агентов центрального правительства, выполняя определенные функции от его имени.

В-третьих, деволюция относится к ситуации, в которой не только реализация, но и право решать, что делать находится в руках местных органов власти» [7].

Малиновская О.В. и Бровкина А.В. по-своему видят три варианта бюджетной децентрализации:

«1. Делегирование – субнациональным территориальным единицам предоставляются отдельные функции по предоставлению услуг, но они находятся под надзором центрального органа власти и подотчетны ему. Этот способ можно рассматривать как промежуточный между децентрализацией и централизацией.

2. Предоставление автономии – передача субнациональным территориальным единицам права самостоятельно принимать решения по административным финансовым и социальным вопросам. Этот способ означает наиболее полную децентрализацию.

3. Деконцентрация – децентрализация центральных министерств (распределение полномочий по принятию решений среди разных уровней государственной власти) Это самая слабая форма децентрализации» [5].

Развивая теорию децентрализации Р. Берд и Ф. Вайльанкорт, определяют достоинства, присущие ей:

- учет интересов местного населения;
- активное участие в демократическом выборе, что ведет к поддержке правительства;
- повышенная мобилизация ресурсов и снижение нагрузки на центральные финансы;
- доступность;
- местная ответственность;
- эффективность правительства» [7].

Опираясь идеи Р. Берд о преимуществах децентрализации, Игонина Л.Л. отмечает:

«– способность обеспечить большую стабильность, связанную с тем, что локальные автономии ограничивают возможности центра проводить авторитарную бюджетно-налоговую политику. При жесткости бюджетных ограничений и выборности территориальных органов власти децентрализация может привести к снижению бюджетного дефицита;

– содействие сохранению рынков и стимулирование их развития;

– возможность лучшего выражения интересов граждан повышение политической ответственности территориальных властей прозрачности и подотчетности их деятельности.

За счет близости территориальных властей к населению формируются каналы прямой коммуникации, устанавливается частое регулярное и открытое взаимодействие между властью и населением. Вместе с тем, положительный эффект достигается при такой децентрализации, которая опирается на базу собственного налогообложения на субнациональном и местном уровнях» [4].

Анализ возможностей и условий децентрализации позволили Р. Берд и Ф. Вайльанкорт сделать вывод о том, что «суть децентрализации заключается в том, что она происходит не в целом, а в конкретной стране – в стране с ее собственной историей, традициями и собственным специфическим институциональным политическим и экономическим контекстом» [7].

Особо сложные условия для проведения децентрализации сложились в российской экономике, это было обусловлено рядом причин: огромной территорией, неравномерностью развития регионов, многонациональным составом населения, различием уровня экономического развития, неравномерным распределением трудовых ресурсов, отличием в размещении природных богатств, предыдущее ориентирование на сырьевую экономику. В этих условиях только постепенное внедрение элементов децентрализации с ростом национального рынка и налогооблагаемой базы могли дать импульс для развития экономики.

Мировой опыт показывает, что стратегия управляемой бюджетной децентрализации, ориентированная на инициативное территориальное управление, реализуется через бюджетные реформы, реформы межбюджетных отношений направленные на повышение эффективности и качества управления общественными финансами. Программы реформ, как правило, включают в себя совокупность изменений, таких как: введение новых уровней территориальных органов власти, перераспределение расходных полномочий и источников доходов между различными уровнями власти, изменение механизма выравнивания и регулирования заимствований.

Ларина С.Е. выделяет несколько базовых положений определяющих стратегию управляемой бюджетной децентрализации:

«– наличие нескольких уровней системы органов власти с четким разграничением полномочий»;

– субнациональные власти должны быть наделены достаточными полномочиями в пределах своих территорий в том числе и нормативно-правовом регулировании;

– центральное правительство должно обеспечивать свободное перемещение товаров услуг и факторов производства между территориями;

– наличие жестких бюджетных ограничений для всех уровней власти ограниченное использование разделения доходов;

– наличие институциональных гарантий того, что разграничение полномочий между уровнями власти носит устойчивый и долгосрочный характер» [6].

Иньи Цянь и Барри Р. Вейнгагст рассматривают федерализм как обязанность по сохранению рыночных стимулов и выделяют такие характерные черты федерализма, как децентрализация информации, власти и конкуренция между юрисдикциями. Децентрализация информации связана с тем, что на местах в муниципалитетах более всего осведомлены о тех потребностях, которые стоят перед территориями и им легче найти оптимальные и экономичные пути решения возникающих проблем социального плана. Расширение уровня информированности позволяет выстроить равные конкурентные условия на экономическом рынке и повысить политическую активность избирателей при выборе политических представителей населения, которые бы боролись за их интересы. Конкуренция между юрисдикциями вынуждает правительство представлять интересы граждан и сохранять рынки [9].

Мы используем информацию как атрибут развития живых систем, которые с помощью прямых и обратных потоков информация адаптируются, вписывается в окружающую среду и существует как материальное явление. Ф. Уэбстер отмечает: «Информация заняла центральное место в обществе, она настолько важна, что даже стала фактором создания общества нового типа» [10].

Информация обладает рядом удивительных свойств, которые человечество выделило за время многовекового освоения и использования: она неисчерпаема, никогда не исчезает, быстро тиражируется, независима от времени, обладает ценностью и полезностью.

Джа Пракаш Чандра, поддерживая децентрализацию, выделяет ряд принципов присущих ей: эффективность, подотчетность, управляемость и автономия. Главную проблему он видит в распределении ответственности за расходы и дохо-

ды между правительствами разных уровней. Это связано с тем, что федеральное правительство имеет больше налоговых полномочий, но сравнительно меньше расходных обязанностей и с другой стороны, у субнациональных правительств обычно меньше налоговых органов, но больше расходных функций, что обусловило «вертикальный фискальный дисбаланс». В отличие от него «горизонтальный фискальный дисбаланс» относится к несоответствию между увеличением доходов и фискальными потребностями правительства на одном уровне. В итоге он делает вывод: глобализация и либерализация привели к всемирной тенденции к децентрализации [11].

Критический анализ взглядов западных экономистов и ряда российских ученых на децентрализацию позволяет сделать вывод о том, что перенос необоснованных идей на российскую экономическую почву не даст тех положительных итогов, которые бы двинули нашу экономику вперед. В России сложился свой присущий только ей конгломерат взаимоотношений между уровнями власти, различными бюджетами это обусловлено огромными территориями, неравномерностью развития экономики регионов, различием сырьевой базы, многонациональным составом населения. Поэтому главной задачами экономики страны являются:

– формирование нового налогооблагаемого потенциала регионов, который обусловлен модернизацией экономики, стремлением к освоению восточных и северных пространств страны, социальной направленностью на демографическое развитие;

– экономическая реинтеграция с бывшими советскими республиками;

– дальнейшее развитие демократии.

Вместе с тем, нельзя и отбросить тот положительный опыт бюджетной децентрализации, который постепенно анализируется, воплощается в жизнь, используя то лучшее, что было доказано практикой.

Таким образом, оптимизация распределения полномочий в предоставлении общественных услуг, исключение необоснованного и нерационального их перераспределения между разными уровнями публичной власти приобретают в настоящее время особую актуальность. Стратегия бюджетной децентрализации должна не только обеспечить рост финансовой самостоятельности местного самоуправления и формирование сбалансированных местных бюджетов на основе потенциала собственных доходных источников, но и стимулировать политическую подотчетность перед гражданами, экономическую эффективность и прозрачность системы межбюджетных отношений.

Литература:

1. Oates W.E. On The Evolution of Fiscal Federalism: Theory and Institutions // National Tax Journal.

Literature:

1. Oates W.E. On The Evolution of Fiscal Federalism: Theory and Institutions // National Tax Journal.

2008. Vol. LXI, № 2. Pp. 313-334. Available at: <http://ntanet.org/NTJ/61/2/ntj-v61n02p313-34-evolution-fiscal-federalism-theory.pdf>

2. Мамедов А.А. Факторы бюджетной децентрализации на региональном уровне в России и США / А.А. Мамедов, Н.А. Авксентьев, Р.И. Семенова // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. № 2. С. 233–240.

3. Сумская Т.В. Проблемы децентрализации государственного управления с позиции формирования бюджетной системы // Вестник НГУЭУ. 2012. № 3. С. 17–29.

4. Игонина Л.Л. Бюджетно-налоговая децентрализация в системе управления общественными финансами // Дайджест-Финансы. Digest Finance. 2016. № 1. С. 2–13.

5. Малиновская О.В. Бюджетная децентрализация: состояние и особенности развития в Российской Федерации на современном этапе / О.В. Малиновская, А.В. Бровкина // Финансы и кредит. 2012. № 15(495). С. 20–29.

6. Ларина С.Е. Модели реализации стратегии бюджетной децентрализации / С.Е. Ларина, П.А. Высоцкий // Бизнес в законе. 2009. № 5. С. 295–297.

7. Richard M. Bird, Francois Vallancourt. Fiscal Decentralization in Developing Countries // Cambridge University Press. 1998. 18 p. Available at: <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam032/98020491.pdf>

8. Швецов Ю.Г. О состоянии российского бюджетного федерализма // Налоги и финансы. 2017. № 2. С. 14–22.

9. Yingyi Q. Weingast. Federalism as a Commitment to Preserving Market Incentives / Q. Yingyi, R. Barry // Journal of Economic Perspectives. 1997. Vol. 11, № 4. P. 83–92. Available at: <http://www.siepr.stanford.edu/workp/swp97042.pdf>

10. Уэбстер Т. Теория информационного общества. М., 2002. С. 14.

11. Jha Prakash Chandra. Theory of Fiscal Federalism: An Analysis // MPRA Paper. 2013. No. 41769, 32 p. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/41769/1/MPRA_paper_41769.pdf

2008. Vol. LXI, № 2. P. 313–334. Available at: <http://ntanet.org/NTJ/61/2/ntj-v61n02p313-34-evolution-fiscal-federalism-theory.pdf>

2. Mamedov A.A. Factors of budgetary decentralization at the regional level in Russia and the USA / A.A. Mamedov, N.A. Avksentyev, R.I. Semenova. 2016. T. 17. № 2. P. 233–240.

3. Sumskaya T.V. Problems of decentralization of the government from a position of budget system formation // Vestnik of NSUEM. 2012. № 3. P. 17–29.

4. Igonina L.L. Budget and tax decentralization in the system of public Finance management. Digest-Finance. Finance Digest. 2016. № 1. P. 2–13.

5. Malinovskaya O.V. Budgetary decentralization: state and features of development in the Russian Federation at the present stage / O.V. Malinovskaya, A.V. Brovkina // Finance and credit. 2012. № 15(495). P. 20–29.

6. Larina S.E. Models of implementation of the budget decentralization strategy. Business in law / S.E. Larina, P.A. Vysotsky. 2009. № 5. P. 295–297.

7. Richard M. Bird, Francois Vallancourt. Fiscal Decentralization in Developing Countries // Cambridge University Press. 1998. 18 p. Available at: <http://catdir.loc.gov/catdir/samples/cam032/98020491.pdf>

8. Shvetsov Yu.G. About the state of Russian fiscal federalism // Taxes and finances. 2017. № 2. P. 14–22.

9. Yingyi Q. Weingast. Federalism as a Commitment to Preserving Market Incentives / Q. Yingyi, R. Barry // Journal of Economic Perspectives. 1997. Vol. 11, № 4. P. 83–92. Available at: <http://www.siepr.stanford.edu/workp/swp97042.pdf>

10. Webster T. The Theory of the information society. M., 2002. С. 14.

11. Jha Prakash Chandra. Theory of Fiscal Federalism: An Analysis // MPRA Paper. 2013. № 41769, 32 p. Available at: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/41769/1/MPRA_paper_41769.pdf

Михайлов Вячеслав Александрович
преподаватель кафедры
гуманитарных и социальных наук,
Саратовский военный ордена
Жукова Краснознаменный институт
войск национальной гвардии
Российской Федерации
mvawm20047910@yandex.ru

ДЕНЕЖНОЕ ДОВОЛЬСТВИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РФ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Аннотация. Военнослужащие, в соответствии с Федеральным законодательством, за исполнение своих служебных обязанностей получают денежное довольствие, которое является основным средством материального обеспечения и стимулирования. Между тем, материальный уровень отдельных групп военнослужащих не соответствует уровню жизни в современный период.

В статье, используя метод анализа документов, автор исследует денежное довольствие военнослужащих, проходящих военную службу по контракту. Целью работы является изучение трансформации денежного довольствия и его влияние на возможность выбора военнослужащими досуговых услуг.

Ключевые слова: военнослужащие, досуг, денежное довольствие, инфляция.

Военная служба – это особый вид государственной службы. Военнослужащие войск национальной гвардии Российской Федерации выполняют задачи по обеспечению государственной безопасности, охране общественного порядка, защите прав и свобод человека и гражданина. За свою службу они получают материальное вознаграждение в виде денежного довольствия.

У ученых социологов нет однозначного подхода к рассмотрению денежного довольствия военнослужащих. В своих работах Т.М. Баландина, А.М. Пихтелев [5] и В.Э. Алексеенко [4] рассматривают денежное довольствие как показатель социального неравенства военнослужащих. А.Д. Белоусов считает, что денежное довольствие военнослужащих является механизмом мотивации повышения их профессиональной деятельности. [6]. По мнению Г.Г. Холод, материальное обеспечение военнослужащих – это материальное поощрение их профессиональных заслуг [9, с. 2]. С точки зрения Д.П. Варлакова и К.В. Яцук денежное довольствие рассматривается как вознаграждение за труд [7, с. 81].

Mikhailov V. Alexandrovich
Lecturer of the Department
of Humanities and social Sciences,
Saratov military order of Zhukov
red banner Institute
of the national guard
of the Russian Federation
mvawm20047910@yandex.ru

MONETARY ALLOWANCE OF SERVICEMEN OF THE NATIONAL GUARD OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF MODERN DEVELOPMENT OF RUSSIA

Annotation. Military personnel in accordance with Federal legislation for the performance of their official duties receive a salary, which is the main means of material support and incentives. Meanwhile, the material level of certain groups of servicemen does not correspond to the standard of living in the modern period.

In the article, using the method of analysis of documents, the author investigates the monetary allowance of servicemen undergoing military service under the contract. The aim of the work is to study the transformation of monetary allowances and its impact on the choice of military leisure services.

Keywords: military personnel, leisure, monetary allowance, inflation.

На основании Федерального Закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», денежное довольствие является основным способом материального обеспечения военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, за исполнение ими обязанностей военной службы [1].

Таким образом, денежное довольствие является материальным стимулированием служебно-боевой деятельности военнослужащих, размер которого зависит от социального статуса военнослужащего в военной организации.

Социальный статус военнослужащего зависит от воинского звания и занимаемой должности. Автор предлагает условно разделить военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, на 4 группы:

1 группа – военнослужащие, проходящие военную службу на должностях солдат, сержантов, старшин;

2 группа – прапорщики;

3 группа – младшие офицеры (от младшего лейтенанта до капитана включительно);

4 группа – старшие офицеры (от майора до полковника включительно).

Каждой группе соответствуют определенные тарифные разряды по занимаемой должности: 1 группе с 1 по 5, 2 группе с 6 по 9, 3 группе с 10 по 14, 4 группе с 15 по 31.

Таким образом, воинское звание и занимаемая должность являются основой денежного довольствия.

Денежное довольствие военнослужащих оказывает влияние на уровень их благосостояния. Автор предлагает рассмотреть трансформацию денежного довольствия военнослужащих с 2012 по 2019 года, и как она повлияла на их благосостояние.

С 1 января 2012 года в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации «Об установлении окладов денежного содержания военнослужащим, проходящим военную службу по контракту» денежное довольствие военнослужащих было увеличено в 2,5–3 раза [3]. (табл. 1)

Таблица 1

Среднее денежное довольствие военнослужащих с 01.01. 2012 года

группа	без НДФЛ 13 %	с НДФЛ 13 %
1	23062,50	20064,37
2	31718,75	27595,32
3	39062,5	33984,5
4	48333,75	42050,35

На основании Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», размеры окладов по воинским должностям и воинским званиям должны ежегодно индексироваться (увеличиваться) с учетом уровня инфляции, определенной Федеральным Законом о Федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период. Правительство Российской Федерации принимает решение об индексации денежного довольствия военнослужащих [1].

В рассматриваемый период в нашей стране был различный уровень инфляции. Например, в 2012

году – 6,0 %, в 2013 году – 5,5 %, в 2014 году – 5,0 %, в 2015 году – 12,2%, в 2016 году – 5,8 %, в 2017 году – 4 %, в 2018 году – 4 %, в 2019 году – 4,3 % [8].

Несмотря на то, что в рассматриваемый период уровень инфляции менялся ежегодно, а в 2015 году был ее наивысший уровень 12,2 %, денежное довольствие было проиндексировано только в 2018 и 2019 годах.

Автор предлагает провести сравнительный анализ реального денежного довольствия и, каким оно могло бы быть, с учетом ежегодной индексации (табл. 2).

Таблица 2

Среднее денежное довольствие военнослужащих

группа	2018		2019		Увеличение	
	без НДФЛ 13 %	с НДФЛ 13 %	без НДФЛ 13 %	с НДФЛ 13 %	без НДФЛ 13 %	с НДФЛ 13 %
1	23985	20867	25017,5	21765,2	1032,5	898,2
2	32987,5	28699,1	34407,15	29934,15	1419,65	1235,05
3	44016,7	38294,5	45909,4	39941,2	1892,7	1646,7
4	50266,66	43732	52429,4	45613,6	2162,7	1881,6

Таким образом, денежное довольствие военнослужащих с 2012 по 2019 гг. увеличилось в 1 группе на 1955 (1700,83) рублей, во 2 группе на 2688,4 (2338,83) руб., в 3 группе на 6847 (5956,7) руб., в 4 группе – на 4095,65 (3563,25) руб. Но если бы денежное довольствие военнослужащих индексировалось ежегодно, то на сегодняшний день размер денежного довольствия составлял для 1 группы 34211,85 рублей (29764,35), для 2 группы 51178,7 (44525,5) руб., для 3 группы 57947 (50414) руб., для 4 группы 71700,3 (62379,3) руб.

Таким образом, исходя из расчетов, военнослужащие не получили денежное довольствие (ежемесячно) в следующем размере: 1 группа –

9194,35 (7999,15) рублей, 2 группа – 16771,6 (14591,35) рублей, 3 группа – 12037,6 (10472,8) рублей, 4 группа – 19270,9 (16765,5) рублей.

Автор считает, что, исходя из полученных данных, нельзя утверждать, что за 7 лет материальное положение военнослужащих кардинально изменилось, в лучшую сторону, так как размер повышения денежного довольствия не соответствует ежегодной инфляции.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что проводимое повышение денежного довольствия военнослужащих является недостаточным для улучшения качества жизни. В связи с этим, автор предлагает:

1. Ежегодно с 1 января индексировать денежное довольствие военнослужащих с учетом инфляции.

2. Провести повторную индексацию денежного довольствия, с учетом инфляции с 2013 по 2017 гг.

3. Отменить 13 % НДФЛ, так как его сумма составляет для 1 группы 3252 руб. 30 коп., для 2 группы – 4473 руб., для 3 группы – 5508 руб. 50 коп, для 4 группы – 6815 руб. 80 коп., для 5 группы – 10512 руб. 50 коп. Данное предложение обусловлено тем, что в 90-е годы XX века военнослужащие на основании Указа Президента Российской Федерации «О мерах по усилению социальной защиты военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы» освобождались от уплаты подоходного налога [2]. В дальнейшем данный Указ был отменен Указом Президента РФ № 1214 г. от 12 октября 1998 года, в результате чего военнослужащие начали платить подоходный налог.

4. При невозможности отмены подоходного налога, его необходимо дифференцировать. Это связано с тем, что у каждой группы военнослужащих разное денежное довольствие. Исходя из его анализа, можно сказать, что военнослужащие 1 и 2 группы наименее материально обеспечены. Дифференциацию подоходного налога можно представить в следующем виде: для 1 группы – 5 %, для 2 группы – 7,5 %, для 3 группы – 10 %, для 4, 5 группы – 13 %.

Литература:

1. «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» ФЗ от 7 ноября 2011 года № 306-ФЗ.

2. «О мерах по усилению социальной защиты военнослужащих и лиц, уволенных с военной службы» Указ Президента от 19 февраля 1992 г. № 154

3. «Об установлении окладов денежного содержания военнослужащим, проходящим военную службу по контракту» Постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2011 г. № 992.

4. *Алексеенко В.Э.* Содержание социального неравенства военнослужащих // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Вольск : Вольский военный институт материального обеспечения Министерства обороны Российской Федерации, 2019. С. 8–11.

5. *Баландина Т.М.* Социальное неравенство в воинских коллективах / Т.М. Баландина, А.М. Пихтелёв // Материалы VI Международной научной конференции «Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления». Саратов : «Саратовский источник», 2018. С. 353–357.

6. *Белосов А.Д.* Сравнительный анализ системы выплаты денежного довольствия и мотивации военнослужащих армии России и других за-

Таким образом, денежное довольствие военнослужащих является их материальным стимулированием за военную службу. Его размер является показателем благополучия военнослужащих и зависит от их социального статуса. Наименее обеспеченными являются военнослужащие 1 и 2 групп. Их материальное благосостояние могло бы быть выше, в случае ежегодной индексации денежного довольствия с учетом инфляции. В настоящее время материальное обеспечение военнослужащих выросло незначительно. Это может оказать влияние на то, что они будут расходовать свое денежное содержание на нужды первой необходимости (еда, одежда, коммунальные услуги), а на развитие человеческого потенциала и досуговые практики у них не будет хватать средств. Так же, не стоит забывать о том, что доход военнослужащего частично зависит от него самого:

– от его дисциплинированности зависит размер ежемесячной премии;

– от профессионального мастерства — надбавка за классную квалификацию;

– повышение своего образования может оказать влияние на повышение его социального статуса.

Из этого следует, что уровень благосостояния военнослужащего зависит не только от государства, но и от него лично.

Literature:

1. «About the monetary allowance of the military personnel and granting them separate payments» FZ of November 7. 2011. № 306-FZ.

2. «On measures to strengthen social protection of servicemen and persons dismissed from military service» presidential Decree № 154 of February 19, 1992.

3. «On establishing the salaries of servicemen undergoing military service under the contract», the government of the Russian Federation from December 5, 2011 № 992.

4. *Alekseenko V.E.* The Content of social inequality of servicemen // Actual problems of humanitarian and socio-economic Sciences. Volsk : Volsky military Institute of material support of the Ministry of defence of the Russian Federation, 2019. P. 8–11.

5. *Balandina T.M.* Social inequality in military collectives / T.M. Balandina, A.M. Pikhteleev // Proceedings of the VI International scientific conference «Social inequality of modernity: a new reality of scientific understanding». Saratov : «Saratov source», 2018. P. 353–357.

6. *Belousov A.D.* Comparative analysis of the system of payment of salaries and motivation of servicemen of the army of Russia and other foreign

рубежных стран // Сборник материалов XV Международной студенческой научно-практической конференции. Чебоксары : «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2017. С. 149–153.

7. *Варлаков Д.П.* Денежное довольствие военнослужащих / Д.П. Варлаков, К.В. Яцук. Саратов : «Институт управления и социально-экономического развития», 2018. С. 80–84.

8. *Корякин В.М.* Некоторые проблемы индексации денежного довольствия военнослужащих и военных пенсий // Право в Вооруженных Силах. М. : «Центр правовых коммуникаций», 2017. С. 22–26.

9. *Холод Г.Г.* Стимулирование воинского мастерства: проблемы и пути совершенствования. М. : «Центр правовых коммуникаций», 2015. С. 2–23.

countries // Proceedings of the XV international student scientific and practical conference. Cheboksary: «center for scientific cooperation «Interactive plus», 2017. P. 149–153.

7. *Varlakov D.P.* Monetary allowance of servicemen. Saratov : «Institute of management and socio-economic development» / D.P. Varlakov, K.V. Yatsuk, 2018. P. 80–84

8. *Koryakin V.M.* Some problems of indexation of monetary allowance of servicemen and military pensions // Law in the Armed Forces. M. : «Center of legal communications», 2017. P. 22–26.

9. *Kholod G.G.* Stimulation of military skill: problems and ways of improvement. M. : «Center of legal communications», 2015. P. 2–23.

Некрасов Константин Викторович

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
мировой экономики и логистики
Уральский государственный
университет путей сообщения
ekonn@bk.ru

Konstantin V. Nekrasov

Candidate of Economics,
Associate Professor,
Ural State University of Railway Transport,
Associate Professor of World Economy
and Logistics Department
ekonn@bk.ru

**ПРИМЕНЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В ОРГАНИЗАЦИЯХ
АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА**

**APPLICATION OF INNOVATIVE
TECHNOLOGIES IN ORGANIZATIONS
OF AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX**

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению перспектив применения инновационных технологий в агропромышленном производстве как фактора, способного качественно изменить подход к производству сельско-хозяйственной продукции, повысив его продуктивность, и эффективность.

Постоянное увеличение численности населения Земли диктует необходимость рационального и эффективного использования имеющихся природных ресурсов для обеспечения этого населения доступными и качественными продуктами питания. За всю историю человечества земледелие и скотоводство неоднократно переживали технологические скачки, обусловленные техническим прогрессом и приводившие к повышению продуктивности. На современном этапе развития наша цивилизация с одной стороны уже накопила достаточный технологический потенциал для очередного качественного скачка в производстве продуктов питания, с другой – оказалась перед необходимостью решать вопросы продовольственного обеспечения огромных масс населения, проживающего в городах и утратившего навыки и возможности самостоятельного производства продовольствия. Очевидно, что государства, которые первыми сумеют внедрить передовые инновационные технологии сельскохозяйственного производства, имеют все шансы, не только обеспечить собственную продовольственную безопасность, но и занять лидирующие позиции на мировом рынке продовольствия в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: инновации, сельское хозяйство, новые технологии.

Annotation. This article is devoted to the consideration of the prospects for the application of innovative technologies in agro-industrial production as a factor capable of qualitatively changing the approach to the production of agricultural and economic products, increasing its productivity, and efficiency.

The constant increase in the population of the Earth necessitates the rational and efficient use of available natural resources in order to provide the population with affordable and quality food.

In the history of mankind, farming and pastoralism have repeatedly experienced technological spikes, driven by technological advances and resulting in increased productivity. At the present stage of development, our civilization, on the one hand, has already accumulated sufficient technological potential for another qualitative leap in food production, on the other - it has been faced with the need to solve the issues of food supply to huge masses of the population living in cities and having lost skills and opportunities for independent food production. It is obvious that the states that are the first to be able to introduce advanced innovative technologies of agricultural production have every chance, not only to ensure their own food security, but also to take a leading position in the world food market in the short term.

Keywords: innovation, agriculture, new technologies.

Продовольственные запросы большинства современных потребителей сегодня не могут быть удовлетворены, как, например, несколько столетий назад, несколькими видами зерна и овощей. При этом накопленный, на сегодняшний день, технологический потенциал и опыт ведения сельского хозяйства дают возможность разработки абсолютно новых технологий производства сельхозпродукции, позволяющих

значительно повысить эффективность и качество такого производства.

По прогнозам ООН, к 2050 году население Земли вырастет до 9,7 миллиардов человек, чтобы прокормить которых при используемых сегодня технологиях понадобятся сельхозплощади равные всей Южной Америке, поэтому необходимость внедрения инноваций в сельском хозяй-

стве, повышающих его продуктивность, действительно назрела, тем более, что сегодня около 67 % сельскохозяйственных земель используется для производства кормов для животных, и лишь 33 % – для выращивания овощей, фруктов и зерновых для человека [1].

Инновационные технологии в сельском хозяйстве можно условно разделить на два основных типа:

– абсолютно новые инновационные технологии, такие, как например технология вертикального фермерства, позволяющая круглогодично выращивать овощи и фрукты в черте крупных мегаполисов, что в условиях Российской Федерации возможно, в частности, решить вопросы снабжения свежей сельхозпродукцией населенные пункты на территориях Крайнего Севера (при наличии достаточных источников энергии);

– модернизация, автоматизация и цифровизация традиционных технологий сельхозпроизводства.

В любом случае можно выделить основные направления внедрения инновационных технологий, которые позволят увеличить эффективность и повысить рентабельность агропромышленных предприятий:

1. Технология обработки почвы.
2. Технология содержания и выращивания скота.
3. Технологии сбора, сохранения и переработки урожая.
4. Технология сбора, сохранения и переработки продукции животноводства.
5. Технология улучшения сельскохозяйственной техники [2].

Очевидно, что повысить эффективность данных направлений можно путем внедрения новых цифровых и телекоммуникационных технологий дистанционного управления и контроля, например, таких как автопилотирование сельхозтехники

Литература:

1. *Иконописцева О.Г.* Экоархитектура вертикальных ферм как новая типология агропромышленных зданий городского хозяйства будущего // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 3. С. 34–41.
2. *Чибисова И.С.* Применение информационных технологий в сельском хозяйстве России // Эпоха науки № 13. Март 2018 г. Технические науки. С. 92–96.
3. *Мирзоева С.А.* Теоретическое обоснование информационных систем управления предприятием АПК // Региональные проблемы преобразования экономики. 2014. № 8. С. 113–118.

ки и автоматизированный мониторинг. Сегодня автопилотирование наземного транспорта только проходит обкатку, однако, ни что не мешает уже сейчас использовать системы глобального позиционирования для контроля за сельхозмашинами.

В настоящее время существуют и используются на коммерческой основе автоматизированные цифровые технологии управления поливами, подкормками, освещением и пестицидными обработками на основе дистанционного контроля состояния растений, вплоть до наличия вредителей и заболеваний. Используя бортовые датчики, можно проводить мониторинг урожайности и определять нормы высевы семян.

Что касается животноводства, то и здесь эффективность производства, напрямую зависящая от технологий кормления и ухода за животными, может быть повышена путем применения цифровых технологий дистанционного мониторинга и автоматизированного принятия решений на основе получаемых данных.

Несмотря на определенные успехи в сельском хозяйстве Российской Федерации за последние пять лет, данная отрасль отечественной промышленности все еще имеет целый комплекс нерешенных структурных и технологических проблем, а следовательно и потенциал для их решения с применением современных инновационных технологий.

Здесь стоит отметить, что Министерство сельского хозяйства России в настоящее время реализует проект единой системы информационного обеспечения агропромышленного комплекса (ЕСИО АПК), предусматривающий создание системы рыночной информации во всех субъектах РФ и информационно-консультационной службы АПК [3], однако эти меры, хотя и способны существенно улучшить возможности предприятий АПК по повышению своей эффективности, не решают основной задачи модернизации сельского хозяйства, заключающейся во внедрении инновационных технологий, и здесь необходима разработка дополнительных мер.

Literature:

1. *Iconopiszeva O.G.* Eco-architecture of vertical farms as a new typology of agro-industrial buildings of urban economy of the future // News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanities, medical and biological sciences. 2018. Т. 20. № 3. P. 34–41.
2. *Chibisova I.S.* Application of Information Technologies in Agriculture of Russia // Era of Science № 13. March 2018. Technical Sciences. P. 92–96.
3. *Mirzoyeva S.A.* Theoretical Justification of Information Systems of Agribusiness Enterprise Management // Regional Problems of Economic Transformation. 2014. № 8. P. 113–118.

Никитин Николай Сергеевич
аспирант,
Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого
Nikolay.nikit@gmail.com

Nikolai S. Nikitin
Postgraduate,
Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
Nikolay.nikit@gmail.com

ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ АВТОМАТИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

HISTORY OF SCIENTIFIC RESEARCH IN THE FIELD OF INDUSTRIAL AUTOMATION

Аннотация. В статье рассмотрены исторические аспекты развития автоматизации на производстве, начиная с момента ее зарождения и заканчивая современными технологиями, применяющимися для оптимизации как непосредственно технологических процессов, так и процессов планирования производства. Проанализированы ключевые разработки в области автоматизации, значительно повлиявшие на производственный процесс. Также, в статье представлено текущее состояние сферы автоматизации производства, проанализирована роль человека в ней, а также, рассмотрены новые технологии, такие как: агентные системы, искусственный интеллект, робототехника, которые могут существенно изменить принципы производства, его планирования и управление в целом.

Ключевые слова: производство, автоматизация, история автоматизации, технологии автоматизации на производстве.

Annotation. The article discusses the historical aspects of the development of automation in production, starting from the moment of its inception and ending with modern technologies used to optimize both technological processes and production planning processes. The key developments in the field of automation, which significantly influenced the production process, are considered. The article also presents the current state of production automation, analyzes the human role in it, as well as the new technologies, such as agent systems, artificial intelligence, robotics, which can significantly change the principles of production, its planning and management as a whole.

Keywords: production, automation, history of automation, technology of automation in production.

Рост эффективности производства является одним из ключевых приоритетов развития экономики. Повышение качества продукции, снижение издержек на производство, увеличение количества изготавливаемых изделий является постоянной, стратегической задачей предприятий из различных сфер и различных масштабов. Автоматизация является одним из ключевых драйверов качественного развития производственных процессов, позволяющая существенным образом их оптимизировать, начиная с этапа планирования и заканчивая непосредственно производством с применением современного оборудования. Автоматизация на производстве, как в прочем и в других сферах, имеет свою собственную историю, которая во многом определила нынешнее положение дел.

Процесс автоматизации начал зарождаться практически сразу же с возникновением производства как такового. Первым этапом развития автоматизации стали самодействующие устройства, которые являются прообразами современных автоматов. Однако в условиях мелкого кустарного производственного процесса, вплоть до начала 18 в. никакого практического применения

они не получили и свидетельствовали лишь о высоком профессионализме древних мастеров. Совершенствование орудий и приёмов труда, адаптация машин и различных механизмов для замены человека в производственных процессах вызвали в начале 19 в. резкий скачок уровня развития производства, который известен как промышленная революция 18–19 вв.

Промышленная революция явилась основной причиной для создания необходимых условий механизации производства. К. Маркс видел в этом процессе отличительно новое направление технического прогресса и предсказал переход от применения единичных машин и аппаратов к «автоматической системе машин», в которой за человеком сохраняются лишь функции управления [2]. Впервые результат внедрения автоматизационных единиц на производстве удалось оценить в 1765 г., когда русский механик Ползунов И.И. изобрел автоматический регулятор питания парового котла, внедрение которого позволило автоматически контролировать уровень воды в барабане. Уже тогда стало понятно, что применение автоматизации позволяет обеспечить более стабильную работу всего комплекса

и перенаправить человеческие ресурсы в более требовательные области производства. Также важнейшим явлением в области автоматизации того периода стало изобретение английским изобретателем Дж. Уаттом центробежного регулятора скорости паровой машины (1784), которая стала после этого главным источником механической энергии для привода станков, машин и механизмов [1].

Во времена промышленной революции экономическая эффективность вышла на первый план. Уже в то время перед менеджментом на предприятиях стали ставиться следующие задачи: повышение качества работы коллектива, использование современных технологических процессов и материалов и, что очень важно, автоматизация работы предприятий. Высокая экономическая эффективность, технологическая целесообразность и эксплуатационная необходимость способствовали большому распространению автоматизационных процессов, как в промышленности, так и в транспорте, в технике связи, в торговле и других сферах обслуживания. Её основные предпосылки: более эффективное использование экономических ресурсов – энергии, сырья, оборудования, рабочей силы и капиталовложений. При этом повышается качество и обеспечивается однородность выпускаемой продукции, повышается надёжность эксплуатации установок и сооружений.

С 60-х гг. 19 в., в связи с очень быстрым развитием железных дорог, стала очевидной потребность в автоматизации железнодорожного транспорта и создания автоматических механизмов контроля скорости для обеспечения безопасности движения поездов. Первыми изобретениями в этом направлении были автоматический указатель скорости инженера-механика С. Прауса (1868) и инструмент для автоматической регистрации скорости движения поезда и времени его прибытия, который был создан инженером В. Зальманом и механиком О. Графтио (1878). Об уровне распространения автоматических устройств в работе железных дорог свидетельствует тот факт, что на Московско-Брестской железной дороге к 1892 г. уже существовало подразделение механического контроля поездов [5].

Учение об автоматических устройствах до 19 в. находилось в рамках классической прикладной механики, которая рассматривала их как обособленные, несвязанные механизмы. Основы науки об автоматическом управлении по факту впервые были описаны в статье английского физика Дж.К. Максвелла «О регулировании» (1868) и труде русского учёного И.А. Вышнеградского «О регуляторах прямого действия» (1877), где впервые регулятор и машина рассматривались как цельная система. А. Стодола, Я.И. Грдина и Н.Е. Жуковский, продолжая развивать эти работы, уже смогли дать систематическое изложение теории автоматического регулирования.

После появления механических источников электрической энергии – электромашинных ге-

нераторов постоянного и переменного тока, а также электродвигателей, стало возможно вырабатывать энергию централизованно, передавая её на значительные расстояния и по-разному используя на местах потребления. В тоже время, возникла потребность в автоматической стабилизации напряжения генераторов, без которой их применение было довольно ограниченным [3]. Только после изобретения регуляторов напряжения с начала 20 в. электроэнергия стала использоваться для привода производственного оборудования. Наряду с паровыми машинами, энергия которых распределялась трансмиссионными валами и ремёнными передачами по станкам, постепенно развивался и электропривод, который начал вытеснять паровые машины, а вскоре, и вовсе, получивший собственное индивидуальное применение, так как станки начали оснащать индивидуальными электродвигателями.

Переход от центрального трансмиссионного привода к индивидуальному в 20-х гг. 20 в. значительно увеличил возможности совершенствования технологии механической обработки, что приводило к повышению экономического эффекта. Простота и надёжность индивидуального электропривода позволяли механизировать как энергетику станков, так и непосредственное управление ими [1]. Именно после этого возникли и получили свое развитие разнообразные станки-автоматы, многопозиционные агрегатные станки и автоматические линии. Широкое применение автоматизированного электропривода в 30-е гг. 20 в. сильно способствовало механизации многих отраслей промышленности и положило начало современной автоматизации производства.

Научно-технический прогресс и автоматизация, как его составная часть, имеют огромное влияние на развитие общества. Прежде всего, это связано с тем, что в последние годы в связи с заметным уменьшением природных ископаемых, изменениями климата и значительным увеличением численности населения Земли появляется потребность в стабильных и высокопроизводительных системах, которые смогут при использовании необходимого количества ресурсов решать сложные задачи, производственные в частности [4]. В условиях постоянно увеличивающейся сложности технических систем, автоматизация выполняет не только задачи управления объектом в целом, но и позволяет анализировать поведение объекта и всей системы управления для принятия решений по их улучшению. Использование интеллектуальных, мобильных систем автоматизации и активное взаимодействие с ними повышают компетенцию людей в сфере, где применяются автоматизационные инструменты.

Наряду с процессами автоматизации физических производственных процессов очень важную роль, особенно в век становления и развития информационных технологий, приобретают процессы автоматизации планирования и управления. Причиной этому является необходимость в поддержании стабильного уровня рентабельно-

сти в производственных компаниях, который можно обеспечить с помощью средств автоматизации построения производственных программ. Развитие вычислительных средств и информационных технологий – новый виток в развитии общества, который положительно влияет на развитие экономических отношений. Автоматизация процессов планирования и управления – достаточно отдаленный от физического производства процесс, однако эффективно организованная производственная программа, которая учитывает наличие рабочих центров, их емкости, ресурсы, заказы и операции, позволяет производственным компаниям значительно максимизировать прибыль и добиться высокого уровня стабильности.

В нынешних условиях подход к организации производственной деятельности предприятий направлен на поддержание согласованности в работе каждого подразделения компании по выпуску высококонкурентоспособной продукции необходимого качества и объема, которые определяются договорами с контрагентами, при оптимальном использовании ресурсов. Современные системы управления производством на большинстве предприятий до сих пор далеки от идеала, что значительно влияет на рентабельность выпускаемой продукции. Достаточно часто неэффективно и нерационально организовано информационное взаимодействие между производственными отделами, что в значительной мере тормозит ход производственных процессов и увеличивает риск появления узких мест. Автоматизированная система планирования и управления производством, в свою очередь, позволяет на основании производственного плана очень быстро извлекать информацию о стадии его выполнения и количестве свободных ресурсов на требуемый момент времени.

В результате эффективного использования автоматизированных систем появляется возможность оперативного управления производством, в результате чего решения могут приниматься моментально и результаты этих решений могут без временных потерь доводиться до всех задействованных в производственных процессах участников. Процесс оперативного управления производством обеспечивает полноту и своевременность предоставления всех необходимых данных для принятия тех или иных управленческих решений. В XXI веке ключевую роль в повышении эффективности деятельности производственных систем и промышленных холдингов играет именно информация, которая должна быть достоверной и своевременной. Именно информация позволяет менеджменту предприятия осуществлять контроль и оперативное регулирование, в чем и нуждается вся производственная система для достижения максимальной оптимизации производственных процессов.

Современный уровень автоматизации производства можно условно разделить на пять уровней:

1. Механизация.
2. Автоматизация рабочего цикла в серийном и поточном производстве.
3. Автоматизация технологических процессов.
4. Комплексная автоматизация.
5. Автоматизация процессов оперативного управления производством.

Каждый последующий уровень наследует предыдущий, при этом всё более абстрагируясь от технологических процессов на производстве и снижая уровень влияния человека на процесс. До механизации был ручной труд, а после автоматизации процессов оперативного управления производством следует применение робототехники, агентных систем и искусственного интеллекта. На сегодняшний день, так или иначе, большинство производственных компаний применяют тот или иной уровень автоматизации, который позволяет решать производственные задачи с необходимым уровнем эффективности.

На сегодняшний день инновационные технологии и автоматизация технологических процессов предоставляют производственным предприятиям отличную возможность выйти на абсолютно новый, более высокий уровень развития бизнеса и конкурентоспособности, что с точки зрения макроэкономики влечет повышение эффективности всего промышленного комплекса страны. Промышленная автоматизация влечет за собой огромную последовательность изменений в технологических процессах, что способствует значительному повышению производительности труда, а также помогает оптимизировать весь производственный процесс, что в конечном счете повышает качество продукции. Также процесс автоматизации приводит к значительной экономии материальных активов, фонда заработной платы, налоговых платежей и прочих отчислений. Современный уровень промышленной автоматизации делает бизнес гораздо более эффективным, как на микро-, так и на макроуровне. Кроме того, системы автоматизации производственных процессов понижают вероятность возникновения человеческой ошибки и, как следствие - брака, что очень положительно сказывается на качестве продукции в целом.

В свое время, механизация технологических процессов позволила избавить человека от тяжелого физического труда, дала возможность изменять масштабы человеческой деятельности, добиваться новых результатов и совершать такие открытия, которые до возникновения механизации сложно было даже представить. На сегодняшний день автоматизация промышленных процессов сводит работу человека до функции настройки, регулирования и контроля автоматики. Это позволяет снизить зависимость производства от человеческого фактора, что гарантирует более слаженную и эффективную работу всего производственного комплекса.

Литература:

1. Баронов В.В. Автоматизация управления предприятием / В.В. Баронов, Г.Н. Калянов, Ю.И. Попов и др. М. : ИНФРА-М, 2007.
2. Олейник С.У. Автоматизированные системы управления машиностроительным предприятием : учебник для вузов по спец. «Экономика и управление в машиностроении» / С.У. Олейник, В.И. Иванова, Г.М. Макарова и др.; Под ред. С.У. Олейника. М. : Высшая школа, 2001.
3. Автоматизированные технологии в экономике : учебник / Под ред. Г.А. Титоренко. М. : ЮНИТИ, 2000.
4. Балагин В.В. Теоретические основы автоматизированного управления: Учебное пособие для вузов. Мн. : Высшая школа, 1991.
5. Большая советская энциклопедия : в 30 т. 1970.

Literature:

1. Baronov V.V. Automation of enterprise management / V.V. Baronov, G.N. Kalyanov, Yu.I. Popov et al. M. : INFRA-M, 2007.
2. Oleinik S.U. Automated control systems for a machine-building enterprise : textbook for universities on specialty «Economics and Management in Mechanical Engineering» / S.U. Oleinik, V.I. Ivanova, G.M. Makarova et al.; Ed. S.W. Oleinik. M. : Higher School, 2001.
3. Automated technologies in the economy : textbook / Ed. G.A. Titorenko. M. : UNITY, 2000.
4. Balagin V.V. Theoretical Foundations of Automated Management: Textbook for universities. Mn. : Higher school, 1991.
5. The Great Soviet Encyclopedia : in 30 vol. 1970.

Осипов Геннадий Васильевич
академик РАН,
руководитель Объединенного центра
социологии и экономики знания,
Институт социально-политических
исследований
Российской академии наук
osipov@ispr.ras.ru

Карепова Светлана Геннадьевна
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социально-политических
исследований
Российской академии наук
Svetlran@mail.ru

Некрасов Сергей Владимирович
научный сотрудник,
Институт социально-политических
исследований
Российской академии наук
sv_79@inbox.ru

ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ МЕГАПРОЕКТ «ТРАНС-ЕВРАЗИЙСКИЙ ПОЯС RAZVITIE (ТЕПР) – ИНТЕГРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЙСКАЯ ТРАНСПОРТНАЯ СИСТЕМА (ИЕТС)»

■ ■ ■
Аннотация. Сегодня Россия, переживающая не самые простые времена, нуждается в больших идеях, способных обеспечить мощной стратегический прорыв, определяющий основные параметры будущего России и судьбы её народа.

Статья посвящена рассмотрению инфраструктурного Социального мегапроекта «Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE (ТЕПР) – Интегральная Евразийская Транспортная Система (ИЕТС)» как основы для стратегического прорыва в ключевых сферах жизнеобеспечения, определяющих основные параметры будущего России и судьбы её народа.

Ключевые слова: мегапроект, ВВП (валовой внутренний продукт), рост благосостояния, эффективность, рабочие места, окупаемость, инфраструктура, магистраль, территория, связность.

■ ■ ■
Россия во все времена жила *большими идеями*, которые собирали страну после кризисов, поднимали экономику, вдохновляли народ на великие свершения, повышали моральный дух нации. Такими большими идеями были строительство Транссибирской Магистрали, начатое при Александре III, строительство БАМа, план ГОЭЛРО, атомный и космический проекты.

Gennady V. Osipov
Academician of RAN,
Head of the Joint Center for Sociology
and Economics of Knowledge,
Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences
osipov@ispr.ras.ru

Svetlana G. Karepova
Candidate of Sociological Sciences,
Leading Researcher,
Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences
Svetlran@mail.ru

Sergey V. Nekrasov
Research Associate,
Institute of Socio-Political Research
of the Russian Academy of Sciences
sv_79@inbox.ru

THE INFRASTRUCTURAL MEGAPROJECT «TRANS-EURASIAN BELT OF RAZVITIE (TEBR) – INTEGRATED EURASIAN TRANSPORT SYSTEM (IETS)»

■ ■ ■
Annotation. Today, Russia, which is going through difficult times, needs big ideas capable of providing a powerful strategic breakthrough that determines the basic parameters of Russia's future and the fate of its people. This article is devoted to the consideration of the infrastructural Social megaproject «Trans-Eurasian Belt of RAZVITIE (TEBR) - Integrated Eurasian Transport System (IETS)» as a basis for strategic breakthrough in the key essential services, which define the basic parameters for the future of Russia and its people.

Keywords: megaproject, GDP (gross domestic product), growth in prosperity, efficiency, job opportunities, recoupment, infrastructure, railroad, territory, cohesion.

■ ■ ■
Сегодня Россия, переживающая не самые простые времена, также нуждается в больших идеях, способных как сказано Президентом РФ В.В. Путиным, обеспечить мощной *стратегический прорыв*, определяющий основные параметры будущего России и судьбы её народа [1, с. 6].

Такой идеей является Социальный мегапроект «Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE (ТЕПР) –

Интегральная Евразийская Транспортная Система (ИЕТС)» (далее – Мегапроект или Мегапроект «Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE»). Представляемый Мегапроект исходит из *системного* представления о национальных интересах России в XXI веке. Его особенности и важные преимущества заключается в том, что для него характерен *комплексный подход* ко всем сферам жизнедеятельности не только российского, но и мирового сообщества.

Содержание Мегапроекта. Если говорить кратко о сути Мегапроекта, то он имеет, во-первых, *инфраструктурный аспект*: строительство *интегральной евразийской инфраструктурной системы*. Это создание на территории России, с опорой на ее уникальное географическое положение, *транспортной решетки* с возможным выходом в сопредельные зарубежные регионы по периметру «Запад-Восток», «Север-Юг», а также интеграцию всех видов транспорта (железнодорожного, автомобильного, авиационного, речного, морского) [2, с. 240–246] и сведение их в *единую систему согласованного единства транспорта, энергетики и телекоммуникаций* [1, с. 7].

Ключевые аспекты Мегапроекта. И, во-вторых, Мегапроект имеет – *социально-экономический и геополитический аспекты*:

– это – обеспечение территориальной связанности страны, преодоление угрозы ее распада;

– это – введение в хозяйственный оборот природных богатств Сибири, Дальнего Востока и Арктики;

– это – в целом, стимулирование социально-экономического развития этих регионов, создание сети высокотехнологичных предприятий, которые станут центрами притяжения квалифицированной рабочей силы, увеличения количества рабочих мест, что создаст условия для закрепления трудоспособного населения на пуляющих окраинных территориях России, привлекающих корыстное внимание сопредельных держав.

– это – формирование базы для ухода от сырьевой модели экономики, проблема, которая актуализируется с учетом перспективы сокращения запасов нефти;

– это – переход к качественно иным показателям измерения социальной и экономической деятельности государства;

– это – использование уникального географического ресурса российской территории в качестве моста между мировыми экономическими зонами между Европой и Восточной Азией.

С геополитической точки зрения, Мегапроект:

– создает условия для взаимовыгодного сотрудничества с рядом европейских стран, а также Японией, Южной Кореей, Сингапуром, Индией;

– открывает новые возможности сотрудничества с Корейской Народной Республикой и в перспективе с Канадой и Соединенными Штатами Америки [3, с. 7].

Сама постановка вопроса о реализации Мегапроекта вызовет живой интерес к более широкой интеграции представляемого Мегапроекта с проектом «Шелковый путь» со стороны Китайской Народной Республики, а также – других сопредельных стран, внесет дополнительное содержание в идею Президента РФ о создании большого *Евразийского пространства*.

Кроме названных аспектов, Мегапроект «Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE» имеет и «*духотподъемное*» значение. В условиях фиксируемого социологами преобладания у населения *социального пессимизма, кризисного сознания* – реализация мегапроекта – это перелом тенденции к упадку, новые реальные перспективы, движение на новые земли, решение масштабных задач, мобилизация больших средств и энергий. Все это окажет позитивное воздействие на духовную сферу, укрепит *национальную безопасность страны* [4, с. 35–43] и усилит *консолидацию российского общества*.

Рост ВВП. Специалистами сделаны расчеты с применением методов компьютерного моделирования, демонстрирующие народнохозяйственную и финансовую эффективность проекта (рис. 1) [3, с. 218].

Математическое моделирование на период до 2030 года показало, что, с учетом прямых и косвенных эффектов, реализация Мегапроекта приведет к дополнительному увеличению ВВП РФ в начале 2020-х годов на 1,5 % по отношению к базовому сценарию (без реализации мегапроекта), в середине 2020-х годов – на 2,5 %, к 2030-му году – на 3,2 %. С учетом прогноза роста в остальных областях экономики общий годовой прирост ВВП составит в начале 2020-х годов – 3,5 %, в середине 2020-х годов – 5,0 %, к 2030-му году – 6,2 %. Это позволит выйти на темпы роста экономики России, превышающие среднемировые, что определено в качестве одной из важнейших национальных целей в Указе Президента РФ № 204 от 07.05.2018 г. [5].

Рост доходов граждан. Математическое моделирование на период до 2030 года показало, что темпы роста реальной заработной платы с учетом прямых и косвенных эффектов от реализации Мегапроекта составят в начале 2020-х годов – 3,6 %, в середине 2020-х годов – 4,9 %, к 2030-му году – 5,6 %. (табл. 1) [3, с. 218].

В результате реализации Мегапроекта, возможно увеличение демографического потенциала Сибири и Дальнего Востока, по крайней мере, на 1 млн человек.

Вклад в ВВП

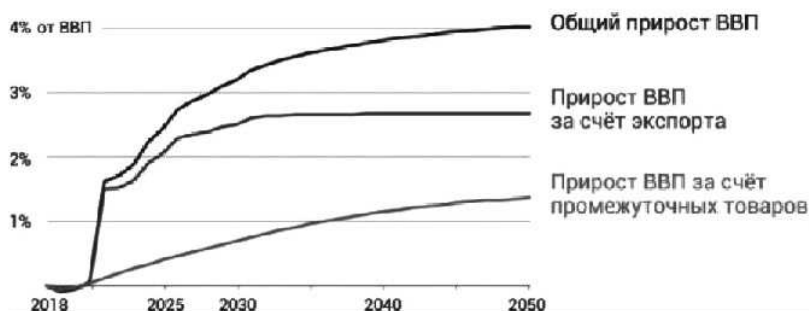

Рисунок 1 – Дополнительное увеличение ВВП РФ (по сравнению с базовым сценарием развития российской экономики) в случае реализации Мегапроекта (с учетом прямых и косвенных эффектов)

Таблица 1

Оценка дополнительного изменения макроэкономических параметров (по отношению к базовому сценарию развития экономики РФ) в случае реализации Мегапроекта

Эффект	к 2030 г. (расчет)	к 2050 г. (оценка)
Рост потребления домашних хозяйств	5,2 %	7,2 %
Рост реальной заработной платы	2,9 %	4,2 %

Окупаемость Мегапроекта. В результате реализации Мегапроекта, к 2030-му году будут построены новые железнодорожные пути протяженностью 2,5 тыс. км., станет возможной реализация более пятидесяти масштабных инве-

стиционных проектов с общим объемом инвестиций 3,7 трлн рублей (из них 1,2 трлн рублей – развитие железнодорожной инфраструктуры). Средний срок окупаемости проектов – 13 лет (рис. 2) [3, с. 216].

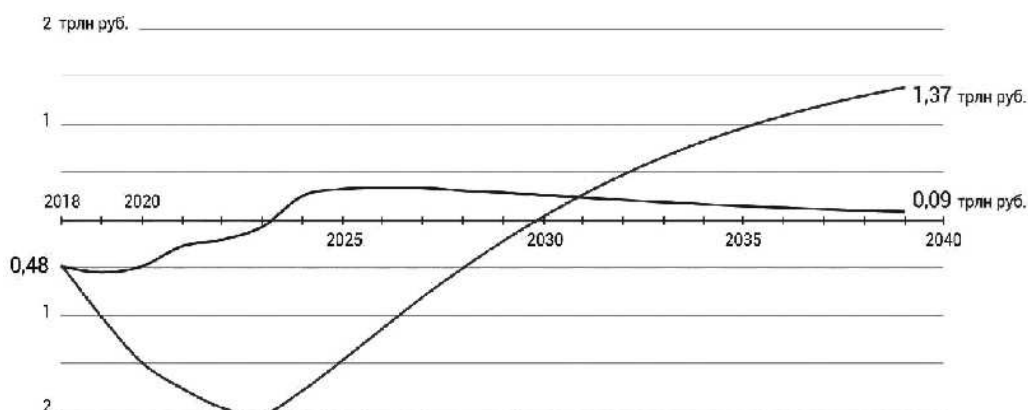

Рисунок 2 – Прогноз суммарного дисконтированного денежного потока (оранжевая линия) и накопленного дисконтированного денежного потока (зеленая линия) по рассмотренным инвестиционным проектам, связанным с Мегапроектом

Возможные итоги Мегапроекта. Можно констатировать, что Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE для России – это *стратегический Социальный мегапроект*, который:

– обеспечивает *связанность* российской территории и может стать программой пространственного развития страны на многие десятилетия;

– формирует условия для *преодоления региональных диспропорций*;

– создает мощные *стимулы для интеграции сибирских и дальневосточных макрорегионов* Российской Федерации в единое социально-экономическое пространство;

– возрождает и выводит на качественно новый технологический уровень сразу несколько сырьевых отраслей национальной индустрии РФ (в частности, машиностроение) и становится локомотивом комплексной реиндустриализации России;

– формирует спрос на высокие технологии и лежащие в их основе фундаментальные исследования, что подчеркивает роль Российской академии наук, Московского государственного университета и, в целом – академической и вузовской науки;

– позволяет привлечь в Россию большой объем иностранных инвестиций и открывает возможно-

сти для масштабного импорта в Россию современных технологий;

– вовлечение иностранных инвесторов повышает степень их заинтересованности в России как в ключевом геополитическом и геоэкономическом партнере и создает стимулы для перехода экономического и политического сотрудничества на качественно новый уровень;

– позволяет России укрепить геополитические позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, в определенной мере, уравновесить геополитические и геоэкономические амбиции Китая, Японии, Южной Кореи, стран АСЕАН;

– позволяет качественно повысить роль России как геополитического, экономического, культурного моста между Западной и Центральной Европой и Восточной Азией.

Мегапроект выступает не только как инструмент использования достижений современной науки, обусловившей начало перехода от индустриальной к электронно-цифровой стадии в раз-

Литература:

1. Социальный Мегапроект XXI века «Единая Евразия: Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE (ТЕПР) – Интегральная Евразийская Транспортная Система (ИЕТС)». Концепция (в кратком изложении). М.; СПб. : Нестор-История, 2019. 12 с.

2. *Осипов Г.В.* Инфраструктурные транспортные проекты: российский и международный опыт / Г.В. Осипов, С.Г. Кареева, С.В. Некрасов // *Modern Science*. 2019. № 9-1. С. 240–246.

3. Социальный Мегапроект XXI века («Единая Евразия: Транс-Евразийский Пояс Развития – Интегральная Евразийская Транспортная Система»). М.; СПб. : Нестор-История, 2019. 520 с.

4. *Кареева С.Г.* Национальная безопасность: тенденции, перспективы, научно-практическая основа для укрепления – система показателей и индикаторов / С.Г. Кареева, А.Н. Пинчук, С.В. Некрасов // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2018. № 9. С. 35–43.

5. Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (с изменениями и дополнениями) // ГАРАНТ.РУ. URL : <https://base.garant.ru/71937200/>

витии человеческой цивилизации, но и как проект, способствующий повышению солидарности стран, снижению конфронтации, предотвращению возможных глобальных угроз [3, с. 8].

Мегапроект может стать не только основой внутренней и внешней стратегии России, стратегического планирования в Российской Федерации, но и обоснованием *солидарного развития народов трех континентов: Европы, Азии и Америки*. Проект представляет *альтернативу* доминирующим принципам глобальной экономической динамики, а также предлагает постепенное формирование парадигмы нового мирового порядка, исключающего силовые конфликты и ядерное противостояние стран и народов.

Социальный мегапроект «Транс-Евразийский Пояс RAZVITIE» может быть реализован только как *Мегапроект Президента Российской Федерации*.

Literature:

1. Social megaproject for the 21st century «United Eurasia: Trans-Eurasian Belt of RAZVITIE (TEBR) – Integrated Eurasian Transport System (IETS)». The Conception (in brief). M.; SPb. : Nestor-Historia, 2019. 12 p.

2. *Osipov G.V.* Infrastructural transport projects: Russian and international experience / G.V. Osipov, S.G. Karepova, S.V. Nekrasov // *Modern Science*. 2019. № 9-1. P. 240–246.

3. Social megaproject for the 21st century («United Eurasia: Trans-Eurasian Belt of RAZVITIE – Integrated Eurasian Transport System»). M.; SPb. : Nestor-Historia, 2019. 520 p.

4. *Karepova S.G.* National security: tendencies, prospects, scientific and practical basis for the enhancement – indicator system / S.G. Karepova, A.N. Pinchuk, S.V. Nekrasov // *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2018. № 9. P. 35–43.

5. The Presidential Decree of the Russian Federation of 7 May 2018 № 204 «On the national goals and strategic objectives of developing the Russian Federation for the period up to 2024 (as amended) // GARANT.RU. URL : <https://base.garant.ru/71937200/>

Преснякова Дарья Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры прикладной экономики,
Елецкий филиал Автономной
некоммерческой организации
высшего образования
«Российский новый университет»
gadavl@list.ru

Галицких Елизавета Владимировна

магистрант института
права и экономики,
Елецкий государственный университет
имени И.А. Бунина
vndalieg@list.ru

Галицких Владимир Николаевич

кандидат экономических наук,
финансовый консультант,
ООО «ППФ Страхование жизни»
vndalieg@list.ru

**НАПРАВЛЕНИЯ ПРОВЕДЕНИЯ
ДИАГНОСТИКИ ФИНАНСОВОЙ
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ
ЭФФЕКТИВНОСТИ
ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

■ ■ ■

Аннотация. Целью исследования является разработка направлений диагностики финансовой несостоятельности организаций в целях повышения эффективности хозяйственной деятельности в условиях конкурентного рынка. Диагностика финансовой несостоятельности позволяет своевременно проводить оценку ключевых показателей текущей работы, таких как платежеспособность, ликвидность и устойчивость за конкретный период времени и принимать важные управленческие решения по снижению возможных рисков. Направления проведения диагностики несостоятельности организаций должны быть разносторонними, охватывать все стороны хозяйственной жизни, должны быть значимыми и иметь большую интерпретацию, позволяющую получить ответ о текущем состоянии бизнеса. Результаты исследования могут быть использованы для объективной оценки хозяйственного состояния организаций и определения возможных путей проведения финансового оздоровления.

Ключевые слова: диагностика несостоятельности, эффективность хозяйственной работы, платежеспособность, ликвидность и устойчивость.

■ ■ ■

Daria V. Presnyakova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Applied Economics
Elets Branch of the Autonomous Non-Profit
Organization of Higher Education
«Russian New University»
gadavl@list.ru

Elizaveta V. Galitskikh

Undergraduate Institute
of Law and Economics,
Elets State University
named after I.A. Bunina
vndalieg@list.ru

Vladimir N. Galitskikh

Candidate of Economic Sciences,
Financial Advisor
LLC «PPF Life Insurance» Russia
vndalieg@list.ru

**DIRECTIONS FOR DIAGNOSING
FINANCIAL INSOLVENCY
OF ORGANIZATIONS IN ORDER
TO INCREASE THE EFFICIENCY
OF ECONOMIC ACTIVITY**

■ ■ ■

Annotation. The aim of the study is to develop directions for diagnosing financial insolvency of organizations in order to increase the efficiency of economic activity in a competitive market. Diagnostics of financial insolvency allows timely assessment of key indicators of current work, such as solvency, liquidity and stability for a specific period of time and makes important management decisions to reduce potential risks. Directions for diagnosing the insolvency of organizations should be versatile, cover all aspects of economic life, should be significant and have a greater interpretation, allowing you to get an answer about the current state of the business. The results of the study can be used to objectively assess the economic condition of organizations and determine possible ways of conducting financial recovery.

Keywords: diagnostics of insolvency, economic performance, solvency, liquidity and stability.

■ ■ ■

Диагностика финансовой несостоятельности связана с применением управленческих методов распознавания нарушений в хозяйственном механизме работы организации, поэтому в действующей практике организаций используется комплексная методика оценки основных и дополнительных показателей. При отслеживании динамики основных показателей финансовой и хозяйственной работы, проводятся расчеты относительных коэффициентов, характеризующих финансовую устойчивость, текущую платежеспособность и ликвидность ценных активов и имущества организации. На сегодняшний день методическая основа диагностики финансового несостоятельности организаций «проработана достаточно глубоко и определяет принципиальные разновидности показателей, характеризующих отдельные аспекты финансового состояния предприятия, способы их расчета, трактовки и оценки, т.е. подходы к исследованию финансового состояния предприятия, методики этого аналитического исследования» [1].

Проведение диагностики финансовой несостоятельности также связано с определением критериев повышения эффективности производства, принятой стратегий развития бизнеса, инвестициями и экономического потенциала. Например, к базовым критериям оценки эффективности производства относят показатели, которые могут положительно повлиять на экономию затрат на производство, накладные расходы, транспортные расходы и т.д. Получая экономию в денежном выражении, организации могут использовать эти резервы на увеличение масштабов производства и объемов сбыта готовой продукции. Финансовую несостоятельность организаций также необходимо рассматривать с позиции вероятности наступления неплатежей по взятым обязательствам, так как этот показатель первый вестник банкротства. Такая управленческая стратегия позволяет своевременно предпринимать эффективные управленческие действия для недопущения возможных финансовых и материальных потерь, поэтому специалисты экономических служб используют методику определения платежеспособных организаций, например:

– «платежеспособные организации, у которых значение данного коэффициента не превышает 3 месяцев;

– неплатежеспособные организации первой категории, у которых значение данного показателя составляет от 3 до 12 месяцев;

– неплатежеспособные организации второй категории, у которых значение данного показателя составляет более 12 месяцев» [2].

В ходе диагностики финансовой несостоятельности организаций, используется текущая информация по достигнутым показателями хозяйственной работы, далее создается полноценная информационная база, которая должна быть основой для принятия эффективных управленческих решений. Например, абсолютные показатели отчетного периода достаточно сложно при-

вести в сопоставимый вид в условиях инфляции и изменении курсов валют, поэтому менеджеры организаций часто используют для проведения финансовой диагностики относительные показатели. В этом случае, полученные данные всегда сравнивают с аналогичными показателями за предыдущие периоды хозяйственной работы или с методическими нормативами, что позволит более точно определить объемы денежных и материальных ресурсов необходимых для поддержания устойчивости бизнеса. Кроме того, организации должны стремиться к контролю объемов «собственных финансовых источников, дебиторской и кредиторской задолженности, а также контролировать величину заемных средств, поскольку их соотношение показывает финансовую обеспеченность хозяйствующего субъекта и её независимость» [3].

В процессе аналитической работы по диагностике финансовой несостоятельности также должны оцениваться показатели текущей задолженности, заемного финансирования, соотношения между долгосрочными и краткосрочными обязательствами, оборачиваемости ценных ресурсов, доходности коммерческих операций и эффективности использования собственных денег. Например, ключевой целью аналитической работы по диагностике финансовой несостоятельности, считается своевременное выявление отрицательных тенденций производства и сбыта, выявление недостатков в товародвижении, что позволяет разработать мероприятия по устранению или снижению рисков неполучения запланированного объема товарной выручки, поскольку полученная прибыль от продаж готовой продукции может быть направлена на хозяйственные нужды, и в том числе на восстановление текущей платежеспособности по взятым обязательствам. «Восстановление платежеспособности производственных компаний является заранее заданным положительным результатом процесса финансового оздоровления» [4].

Итак, диагностика финансовой несостоятельности организаций предполагает определение оптимизационной структур капитала, имеющегося на конкретный период времени на основе многовариантных расчетов, что дает возможность определить нужные объемы денежных средств, установить цены на изготавливаемую продукцию и запланировать прибыль с учетом потребления в следующем периоде. Оценка финансовой несостоятельности часто связана с определением критериев минимизации стоимости основного имущества, что позволяет проводить предварительную оценку собственных и заемных денег при разных условиях использования. Применяемые варианты расчетов средневзвешенной стоимости имущества, также позволяют провести оптимизацию финансовых ресурсов для снижения риска. Это может быть сопряжено с использованием льготных и менее рискованных денежных источников покрытия отсутствующих активов. Решение поставленных задач по проведению диагностики финансовой несостоятельности, во многом зависит от выбранных приоритетов по привлечению финансовых инструментов для повышения эффективности использования соб-

ственных денег или заемных ресурсов. Это имеет серьезные преимущества, связанные с долго-

срочным развитием бизнеса и влияющие на финансовую устойчивость организации.

Литература:

1. *Данилова Н.Ф.* Экономический анализ деятельности предприятия : курс лекций : учебное пособие для вузов / Н.Ф. Данилова, Е.Ю. Сидорова. Электр. текстовые данные М. : Экзамен, 2018. 114 с.

2. *Абалакина Т.В.* Финансовый менеджмент : учебное пособие / Т.В. Абалакина, К.В. Абрамова, О.А. Агеева, Н.А. Адамов. Электрон. текстовые данные. М. : ИД «Экономическая газета», ИТКОР, 2018. 518 с.

3. *Левченко А.С.* Оценка и механизм повышения деловой активности хозяйствующего субъекта : монография / А.С. Левченко, А.А. Рудычев, И. А. Кузнецова, А.Ю. Лычев. Электрон. текстовые данные. Белгород : Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, ЭБС АСВ, 2017. 140 с.

4. *Зинченко С.А.* Предупреждение банкротства коммерческой организации. Методология и правовые механизмы : монография / С.А. Зинченко, А.И. Гончаров. Электрон. текстовые данные. М. : Юриспруденция, 2018. 480 с.

Literature:

1. *Danilova N.F.* Economic analysis of the enterprise : lecture course. Textbook for High Schools / N.F. Danilova, E.Yu. Sidorova. M. : Exam, 2018. 114 p.

2. *Abalakina T.V.* Financial management : textbook / T.V. Abalakina, K.V. Abramova, O.A. Ageeva, N.A. Adamov. M. : Publishing House «Economic Newspaper», ITKOR, 2018. 518 p.

3. Evaluation and mechanism for increasing business activity of a business entity : monograph / A.S. Levchenko, A.A. Rudychev, I.A. Kuznetsova, A.Yu. Lychev. Belgorod: Belgorod State Technological University. V.G. Shukhov, EBS DIA, 2017. 140 p.

4. *Zinchenko S.A.* Prevention of bankruptcy of a commercial organization. Methodology and legal mechanisms : monograph / S.A. Zinchenko, A.I. Goncharov. M. : Jurisprudence, 2018. 480 p.

Семенова Ариадна Гаврильевна

кандидат политических наук,
доцент кафедры
социологии и управления персоналом,
Северо-Восточный Федеральный
университет имени М.К. Аммосова
ariadnasemen@mail.ru

Данилова Елена Владимировна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической теории,
Северо-Восточный Федеральный
университет им. М.К. Аммосова
elena_danilova@inbox.ru

**ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЕМ ПЕРСОНАЛА
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
МОДЕЛИ ОБРАЗОВАНИЯ**

■ ■ ■

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям управления персоналом образовательной организации в условиях современной модели образования, что подразумевает в том числе, и в первую очередь постоянное и систематическое повышение квалификации педагогических кадров. Основная задача образовательного учреждения заключается в организации процесса обучения различных групп населения тем или иным общеобразовательным, научным, профессиональным, знаниям, ознакомление с методиками и технологиям, привитие первичных навыков и умений. Педагогические методики, научные знания и образовательные технологии не стоят на месте, в связи с чем приоритетное значение в сфере управления персоналом образовательного учреждения имеет систематическое повышения квалификации кадров.

Ключевые слова: управление персоналом, педагогические кадры, повышение квалификации, повышение конкурентоспособности.

■ ■ ■

Современная модель российского образования ориентирована на перспективное обеспечение инновационной модели развития экономики, должна отвечать социальным ожиданиям населения и обеспечивать конкурентоспособность России на рынках технологий, труда и инноваций.

Существуя сегодня в условиях цифровизации и широко доступных систем электронных коммуникаций, образование с каждым годом испытывает на себе все большее влияние со стороны стремительно развивающихся форм дистанционного обучения. При этом получатель образовательных услуг сегодня обладает широким спектром возможностей выбора того или иного образова-

Ariadna G. Semenova

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor
Sociology and Personnel Management,
Northeast Federal University,
name of M.K. Ammosov
ariadnasemen@mail.ru

Elena V. Danilova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Economic Theory,
Northeast Federal University,
name of M.K. Ammosov
elena_danilova@inbox.ru

**PECULIARITIES OF MANAGEMENT
OF PERSONNEL DEVELOPMENT
OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS
IN CONDITIONS OF MODERN MODEL
OF EDUCATION**

■ ■ ■

Annotation. This article is devoted to the peculiarities of personnel management of the educational organization in the conditions of the modern model of education, which implies, among other things, the constant and systematic improvement of the skills of pedagogical personnel. The main task of the educational institution is to organize the process of training of various groups of the population in certain general education, scientific, professional, knowledge, familiarization with methods and technologies, education of primary skills and skills. Pedagogical methods, scientific knowledge and educational technologies are not in place, and therefore systematic improvement of personnel skills is a priority in the field of personnel management of the educational institution.

Keywords: personnel management, pedagogical personnel, skills development, competitiveness improvement.

■ ■ ■

тельного учреждения, в максимальной степени отвечающего его возможностям и запросам.

Указанные обстоятельства стимулируют фактор конкуренции среди образовательных учреждений, заставляя их не только стремиться улучшать материально-техническую базу и применять передовые технологии обучения, но и реализовывать комплекс мероприятий, направленных на постоянное повышение качества преподавательского состава.

Поскольку развитие человеческого общества, его знаний и технологий, эволюция общественно-политических отношений носят динамичный непрерывный характер, одной из первоочеред-

ных задач любого образовательного учреждения, желающего, повысить свою конкурентоспособность и привлекательность среди получателей образовательных услуг, является необходимостью соответствовать современным стандартам образования, для чего требуется системная работа по повышению качества персонала, поскольку знания, умения, трудовые навыки и инициатива, работников становятся все более важным ресурсом образовательного учреждения, т.к. именно они и формируют тот человеческий капитал, который сегодня имеет стратегический характер [1].

Важнейшей задачей в системе управления персоналом образовательного учреждения является привлечение и удержание высококвалифицированных кадров [2]. Именно благодаря высокой квалификации кадрового состава образовательного учреждения у конкретной организации появляются конкурентные преимущества на рынке образовательных услуг [3].

Теория управления педагогическим персоналом базируется на ряде научных идей, сущность которых заключается в управлении кадрами как незамкнутой, много-субъектной, динамично развивающейся структурой, и делает ключевую ставку на выстраивание внутриорганизационной практико-ориентированной системы повышения квалификации педагогов.

К основным методам управления педагогическим персоналом можно отнести:

1. Организационно-распорядительные, подразумевающие прямой директивный и обязательный к исполнению характер. Данные методы базируются на принципах ответственности, дисциплины и неукоснительного исполнения всех указаний руководителя;
2. Социально-психологические методы, основанные на социальном планировании, моральном поощрении, формировании эффективной системы мотивации и др.;
3. Экономические методы – представляющие собой приемы и способы воздействия на исполнителей посредством материального стимули-

Литература:

1. Попов Ю.А. Современные подходы к управлению персоналом образовательного учреждения / Ю.А. Попов, Д.Г. Маркаров // Современные наукоемкие технологии. 2016. № 12. С. 423–427.
2. Костылева С.Ю. О проекте Федеральной целевой программы развития образования на 2016–2020 годы / С.Ю. Костылева, С.В. Петрова, Н.Е. Поповичева, А.М. Аллагулов, С.Ю. Неклюдов, Н.Н. Калмыков // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 2. С. 5–12.

рования за положительные результаты и санкций за допущенные нарушения.

Как уже было отмечено, в современных условиях образовательные учреждения вынуждены осуществлять свою деятельность в конкурентной среде. При этом политика органов государственной власти в сфере образования направлена на усиление данного фактора в целях стимулирования образовательных учреждений всех уровней к повышению качества образования и улучшению показателей эффективности. В частности, предполагается задействовать принцип конкуренции между образовательными центрами среднего образования и при распределении бюджетного финансирования, пропорционально количеству родителей, избравших соответствующее образовательное учреждение для обучения своих детей. Соответственно и образовательные учреждения в условиях современной системы образования должны повышать свою конкурентоспособность, что может быть достигнуто в первую очередь систематического обучения и переподготовки педагогических кадров.

Очевидно, что в данных условиях первоочередной задачей администрации образовательного учреждения должно являться создание на основе вышеперечисленных методов управления персоналом системы мер, направленных на постоянное самосовершенствование, развитие и переподготовку педагогов, их компетентности, профессионализма и профессионального роста. С одной стороны, необходимо распределять профессиональную нагрузку таким образом, чтобы преподаватели имели в своем графике четкие временные окна, которые могут быть использованы для целей профессиональной переподготовки. С другой стороны, администрации учебных заведений должны стимулировать и материально поощрять повышение квалификации педагогов, и на своем уровне организовывать участие сотрудников в мероприятиях по повышению квалификации. Иными словами, первоочередная задача в управлении персоналом современной образовательной организации должна заключаться как в создании условий для повышения профессионального уровня педагогических кадров, так и в стимулировании заинтересованности персонала в таком повышении.

Literature:

1. Popov Yu.A. Modern approaches to personnel management of educational institution / Yu.A. Popov, D.G. Markarov // Modern knowledge-intensive technologies. 2016. № 12. P. 423–427.
2. Kostileva S.Y. On the Project of the Federal Target Program for Education Development for 2016-2020/S.Y. Kostileva, S. V. Petrov, N.E. Popovicheva, A.M. Allagulov, S.Y. Nekludov, N.N. Kalmykov // Alma mater (Journal of Higher School). 2016. № 2. P. 5–12.

3. Гончарова М.Н. Система управления персоналом образовательного учреждения // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2016. № 3. С. 69–71.

3. *Goncharova M.N.* System of Personnel Management of Educational Institution // International Scientific Journal «Innovative Science». 2016. № 3. P. 69–71.

Стрябкова Елена Анатольевна

доктор экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
прикладной экономики
и экономической безопасности,
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
stryabkova@bsu.edu.ru

Лысых Юлия Геннадьевна

аспирантка кафедры
прикладной экономики
и экономической безопасности,
Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет
5yu.lysykh@mail.ru

**ЕВРОПЕЙСКИЙ
И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРОВ**

Аннотация. В стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года большое внимание уделяется проблеме неравномерного развития субъектов страны. Инструментом сглаживания диспропорций социально-экономического развития выступают межрегиональные кластеры. В России данный вид взаимодействия регионов только начинает развиваться, в то время как в странах Европы - это весьма успешно функционирующая система. В статье обобщен практический опыт создания межрегиональных кластеров. Авторами выделены транснациональные и трансграничные кластеры. Цель исследования заключается в изучении практического опыта управления территориями, основанного на создании межрегиональных кластеров в европейских странах, выделении особенностей функционирования подобных систем на территории РФ, выявлении возможностей использования европейского опыта в нашей стране. Проанализирована специфика деятельности межрегиональных кластеров в ЕС, определены регионы, входящие в их состав, выявлены совместные кластерные проекты, реализуемые в рамках межрегиональных кластеров. Изучены действующие российские межрегиональные кластеры и определены направления их развития.

Ключевые слова: межрегиональный кластер, трансграничный кластер, транснациональный кластер, конкурентоспособность, пространственное развитие регионов.

Elena A. Stryabkova

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Head of Department of Applied Economics
and Economic Security,
Belgorod National Research University
stryabkova@bsu.edu.ru

Yuliya G. Lysykh

Post-graduate student of Department
of Applied Economics
and Economic Security,
Belgorod National Research University
5yu.lysykh@mail.ru

**EUROPEAN AND RUSSIAN
EXPERIENCE IN CREATING
INTERREGIONAL CLUSTERS**

Annotation. The spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2025 pays great attention to the problem of uneven development of the country's subjects. Interregional clusters are an instrument for smoothing imbalances in socio-economic development. In Russia, this type of interaction between the regions is only beginning to develop, while in Europe, this is a very successfully functioning system of interaction. The article summarizes the practical experience of creating inter-regional clusters. The authors identified transnational and cross-border clusters. The purpose of the study is to study the practical experience of territorial management, based on the creation of inter-regional clusters in European countries, highlighting the features of the functioning of such systems in the Russian Federation, identifying opportunities for using European experience in our country. The specifics of the activities of inter-regional clusters in the EU are analyzed, the regions that make up them are identified, joint cluster projects implemented within the framework of inter-regional clusters are identified. The existing Russian interregional clusters are studied and the directions of their development are determined.

Keywords: interregional cluster, cross-border cluster, transnational cluster, competitiveness, spatial development of regions.

В конце XX века во всем мире получил развитие кластерный подход организации экономики с целью повышения конкурентоспособности, как отдельных регионов, так и всего государства.

В последние годы актуальным направлением является межрегиональное кластерное взаимодействие и сотрудничество между европейскими странами. Для развития региональных кластеров в Европе создаются специальные кластерные программы с целью выхода на рынки приграничных стран и повышения межнационального взаимодействия с производителями других государств [1]. Опираясь на европейский опыт, правительство нашей страны утвердило Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Главной целью ее создания является сокращение диспропорций между развитием регионов. В стратегии сформулированы принципы, приоритеты и основные направления пространственного развития страны. В рамках ее концепции были созданы 12 макрорегионов, которые будут выступать основными инструментами согласования и балансировки регионального и отраслевого направления развития страны [2].

Межрегиональные кластеры являются весьма распространенным и эффективным механизмом взаимодействия в большинстве развитых стран мира благодаря синергетическому эффекту. Особенностью таких кластеров за рубежом является то, что большинство из них создаются между регионами двух и более стран, реже можно наблюдать формирование таких объединений внутри страны, т.е. они носят международный характер. В научной литературе международные кластеры, по критерию географического положения участников, классифицируют на транснациональные и трансграничные. Под транснациональным будем понимать межрегиональный кластер, участники которого расположены в регионах двух и более стран и не имеют общей границы друг с другом. Члены трансграничного межрегионального кластера расположены на границах соседних стран [3; 4; 5]. Большое количество транснациональных и трансграничных кластеров расположено на территории Скандинавских стран (Норвегия, Дания, Швеция, Финляндия, Исландия). Наиболее эффективные из них приведены на рис. 1 [6–10].

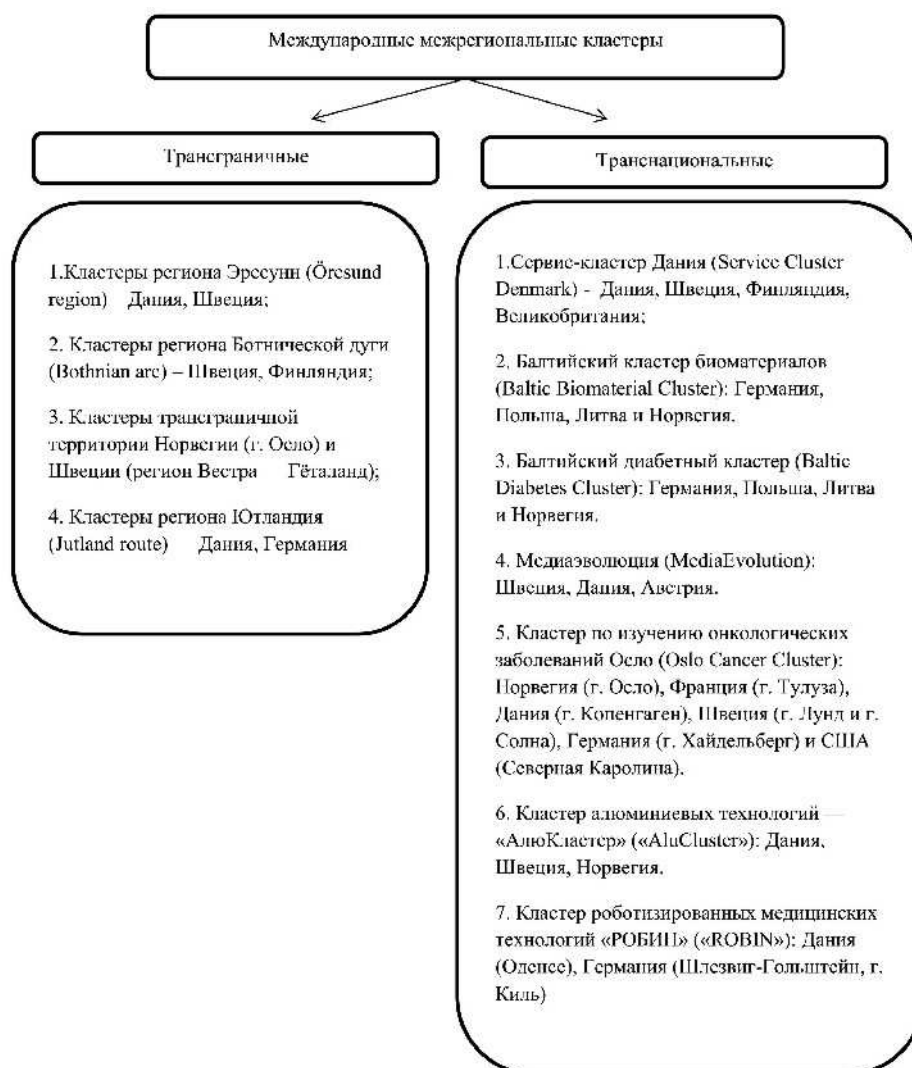

Рисунок 1 – Международные межрегиональные кластеры

Как видно из рисунка 1, наибольшее количество стабильных кластеров расположено в регионах, имеющих общую границу со Швецией, так как в данной стране особое внимание уделяется инновационному и научно-техническому развитию. Это подтверждается наличием в Швеции межрегиональных кластеров, специализирующихся на высокотехнологических видах деятельности, таких как, фармацевтика, биомедицина, нанотехнологии и др. Весьма эффективным и известным является датско-шведский кластер «Медикон Велли», основным направлением деятельности которого являются разработки в области биотехнологий. Сосредоточен он на границе двух стран – Дании и Швеции. Данный кластер, на сегодняшний день, относится к одним из самых мощных биомедицинских кластеров в Европе, несмотря на то, что его участники расположены на достаточно малой площади – всего 21 тыс. км². В данной структуре сотрудничества компании из Дании отвечают за разработки в области фармацевтики и медицинского оборудования, а шведские – биотехнологий [11].

В пределах «Ботанической дуги» расположены межрегиональные кластеры Швеции и Финляндии. Основные их направления деятельности: металлургия, медицина, лесное хозяйство, деревообработка, образование. Специализации отдельных регионов уделяется особое внимание в рамках государственной «Программы экспертных оценок» («The Centre Expertise Program»).

Норвегия так же является участником нескольких международных межрегиональных класте-

ров. Правительством страны уделяется значительное внимание развитию инноваций. Так, на территории создано множество научно-исследовательских советов и разработан ряд программ инновационного развития. Примером служит Программа по созданию сети исследовательских инновационных центров, которая действует с 2006 года и направлена на повышение эффективности реализации инноваций.

Из рисунка 1 видно, что Германия участвует во многих межрегиональных кластерах. Правительством страны разработана политика по активному стимулированию кластерных образований для того, чтобы ускорить процесс по разработке новых технологий. Немецкие организации являются членами промышленных, автомобильных, стекольных и других кластеров [12].

В Российской Федерации создание межрегиональных кластеров, функционирующих в рамках страны - относительно новый уровень в кластерном развитии экономики. По данным Минпромторга России, в 2018 году зарегистрировано 3 межрегиональных кластера:

- национальный аэрозольный кластер;
- межрегиональный кластер электронных приборов, материалов и компонентов;
- межрегиональный промышленный кластер «Композиты без границ».

Информация по данным кластерам отражена в таблице 1 [13].

Таблица 1

Межрегиональные кластеры, зарегистрированные на территории Российской Федерации по состоянию на 2018 г.

№ п/п	Название кластера	Регионы	Специализация	Кол-во участников	Совместный кластерный проект
1.	Национальный аэрозольный кластер	Ставропольский край, Карачаево-Черкесская Республика, Тульская область	Химическая промышленность	10 предприятий	«Организация импортозамещающего и экспортно-ориентированного производства алюминиевых баллонов и аэрозольных комплектующих»
2.	Межрегиональный кластер электронных приборов, материалов и компонентов	Ставропольский край, Белгородская область	Электроника	10 предприятий, 3 высших учебных заведения	«Создание крупнейшего в мире производства пластин диаметром 6 дюймов из кристаллов сапфира массой от 120 до 400 кг»
3.	Межрегиональный промышленный кластер «Композиты без границ»	Республика Татарстан, Саратовская область, Московская область	Химическая промышленность	15 предприятий, 5 высших учебных заведения, 2 объекта инфраструктуры	«Организация современного производства ПАН (полиакрилонитрил) – волокна для обеспечения российского рынка всеми типами углеродных волокон»

Межрегиональный аэрозольный кластер. Основным направлением деятельности является производство товаров бытовой химии и косметических изделий в аэрозольной и полимерной упаковке, а также производство сырья, полуфабрикатов и комплектующих для аэрозольной промышленности. Якорными предприятиями являются АО «Арнест», ООО «Новые технологии»,

ООО «Аэрозоль Новомосковск». За 2017 год выручка участников кластера составила 14 млрд рублей, предоставлено 2200 рабочих мест, налоговые отчисления в бюджет составили 1 млрд руб. (дополнительные налоги в федеральный бюджет к 2019 г. – 1,1 млрд руб.), привлечено частных инвестиций на 1 рубль бюджетных средств 1,99 рублей. Участники кластера заклю-

чили договоры на поставки на сумму более 1 млрд руб., увеличен объем экспорта на 4,2 млрд руб., доля импорта алюминиевого баллона снизилась в 4 раза (с 32 % в 2015 г. До 7 %) [14].

Межрегиональный кластер электронных приборов, материалов и компонентов занимается производством продукции в электронной промышленности и электрического приборостроения. Сформирован на базе холдинга «Концерн Энергомера» – лидера по производству сапфиров и электрического оборудования. За 2017 г. Выручка участников составила 9,8 млрд руб., предоставлено 3100 дополнительных рабочих мест населению, налоговые отчисления составили 851 млрд руб. Участниками кластера являются 10 промышленных предприятий, 3 объекта образовательной инфраструктуры, расположенные на территории Ставропольского края и Белгородской области. За 2017 г. Заключено договоров поставки на сумму более 4 млрд рублей, прирост объема экспорта составил 2,95 млрд руб. Деятельность кластера направлена на повышение инвестиционной активности производителей электронных приборов, увеличение не сырьевого экспорта, а также укреплению позиций отечественных производителей на мировом рынке [15].

Межрегиональный промышленный кластер «Композиты без границ» специализируется в области производства композитных материалов. Данный кластер сформирован в рамках правительственной программы «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности». За 2017–2018 гг. выручка кластера составила 15,4 млрд руб., предоставлено 4200 рабо-

чих мест, налоговые отчисления составили 1,8 млрд руб. Базовым предприятием является ООО «АЛАБУГА-ВОЛОКНО» (Республика Татарстан). Цель создания – увеличение доли российского рынка композитных материалов с текущих 0,5 % общемирового потребления до 2 % к 2025 году [16].

Заключение. Проанализировав межрегиональные кластеры в Европе и Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что за границей кластеры носят международный характер, т.е., сотрудничество происходит между регионами как близко расположенных, так и не граничащих между собой стран. С помощью кластерного развития экономики развитые страны ЕС повышают свою привлекательность для инвесторов, высококвалифицированных сотрудников, исследователей. Таким образом, кластерная политика выступает одним из главных инструментов межрегиональной политики в Европе. В нашей стране развитие межрегионального сотрудничества только начинает набирать обороты. Это подтверждает наличие всего 3 межрегиональных кластеров на территории России. Основным направлением их деятельности является обрабатывающая промышленность. Данный факт объясняется тем, что развитие промышленных кластеров – это одна из перспективных мер государственной поддержки, реализуемых Минпромторгом РФ. Для повышения конкурентоспособности нашей страны на мировой арене необходимо развивать межрегиональные кластерные объединения как внутри страны, так и уделить должное внимание развитию транснациональных и трансграничных кластеров, опираясь на Европейский опыт.

Литература:

1. Европейская кластерная обсерватория. URL : <http://www.clusterobservatory.eu/index.html>
2. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р URL : <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>
3. Clusters are individuals: new findings from the European cluster management and cluster program benchmarking. Danish Ministry of Science, Technology and Innovation. Berlin, 2012. Vol. 2. URL : http://files.conferencemanager.dk/medialibrary/04d6301d-b532-4d77-9d6f-90a7e38fc1db/images/Updated_Report_Clusters_are_individuals_Vol_II.pdf
4. TerWal A. Cluster emergence and network evolution: a longitudinal analysis of the inventor network in Sophia-Antipolis // Regional Studies. 2010. Vol. 45. P. 1–18.
5. Walerud C. Transnational networks of cluster organisations / C. Walerud, A. Viachka // Stockholm. 2007.
6. Burger P. Preconditions of successful cross-border cluster in renewable energy sources /

Literature:

1. European Cluster Observatory. URL : <http://www.clusterobservatory.eu/index.html>
2. The spatial development strategy of the Russian Federation for the period until 2025 was approved by order of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019 № 207-r. URL : <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf>
3. Clusters are individuals: new findings from the European cluster management and cluster program benchmarking. Danish Ministry of Science, Technology and Innovation. Berlin, 2012. Vol. 2. URL : http://files.conferencemanager.dk/medialibrary/04d6301d-b532-4d77-9d6f-90a7e38fc1db/images/Updated_Report_Clusters_are_individuals_Vol_II.pdf
4. TerWal A. Cluster emergence and network evolution: a longitudinal analysis of the inventor network in Sophia-Antipolis // Regional Studies. 2010. Vol. 45. P. 1–18.
5. Walerud C. Transnational networks of cluster organizations / C. Walerud, A. Viachka // Stockholm. 2007.
6. Burger P. Preconditions of successful cross-border cluster in renewable energy sources /

P. Burger, P. Džupka, O. Hudec // 1st Knowbridge Conference on Renewables. Miskolc. 2010. P. 8.

7. *Dávila N.G.* Simultaneous cooperation and competition for economic development: the case of Copenhagen capacity (Denmark) and invest in Skane (Sweden) to foster the Medicon valley cluster. Edinburgh, 2011.

8. Den Dansk, Tyske Region «Vioverskrider Graenser». URL : <http://www.deinregionsportal.de>

9. *Zámborský P.* Emergence of Transnational Clusters // Journal for East European Management Studies. 2012. Vol. 16(4). P. 464–479.

10. Baltic Supply [official website]. URL : <http://www.balticsupply.eu>

11. *Asheim B.T.* The Life Science Cluster of Medicon Valley, Scandinavia / B.T. Asheim, L Coenen., J. Moodysson, P. Jonathan, Gabriela M. (eds.) // Clusters, Innovation and Entrepreneurship. P. 2009. P. 131–154.

12. Обзор инновационных кластеров в иностранных государствах. URL : http://www.ved.gov.ru/moder_innovac/analitic/analytical_materials/obzor_innov_klasteri

13. Совместные проекты участников промышленных кластеров. URL : <http://akitrf.ru/upload/Clusters2018.pdf>

14. Национальный аэрозольный кластер. URL : <http://aerosol-cluster.ru>

15. Кластер электронных приборов, материалов и компонентов. URL : <http://www.энергомера.рф>

16. Кластер композиты без границ. URL : <https://umatex.com/composites/cluster>

P. Burger, P. Džupka, O. Hudec // 1st Knowbridge Conference on Renewables. Miskolc. 2010. P. 8.

7. *Dávila N.G.* Simultaneous cooperation and competition for economic development: the case of Copenhagen capacity (Denmark) and invest in Skane (Sweden) to foster the Medicon valley cluster. Edinburgh, 2011.

8. Den Dansk, Tyske Region «Vioverskrider Graenser». URL : <http://www.deinregionsportal.de>

9. *Zámborský P.* Emergence of Transnational Clusters // Journal for East European Management Studies. 2012. Vol. 16(4). P. 464–479.

10. Baltic Supply [official website]. URL : <http://www.balticsupply.eu>

11. *Asheim B.T.* The Life Science Cluster of Medicon Valley, Scandinavia / B.T. Asheim, L Coenen., J. Moodysson, P. Jonathan, Gabriela M. (eds.) // Clusters, Innovation and Entrepreneurship. P. 2009. P. 131–154.

12. Overview of innovation clusters in foreign countries URL : http://www.ved.gov.com/moder_innovac/analitic/analytical_materials/obzor_innov_klasteri

13. Joint projects of participants in industrial clusters URL : <http://akitrf.ru/upload/Clusters2018.pdf>

14. National aerosol cluster. URL : <http://aerosol-cluster.ru>

15. Cluster of electronic devices, materials and components. URL : <http://www.energomera.rf>

16. Cluster composites without borders. URL : <https://umatex.com/composites/cluster>

Хубаев Георгий Николаевич

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры информационных систем и прикладной информатики,
Ростовский государственный экономический университет
gkhubaev@mail.ru

Georgy N. Khubaev

Doctor of Economics,
Professor,
Professor of Department of Information, Systems and Applied Informatics,
Rostov State University of Economics
gkhubaev@mail.ru

Модели для прогнозирования ожидаемой продолжительности жизни населения страны: выбор состава факторов и структуры модели по критерию минимума ошибки функции отклика (на примере Российской Федерации и Германии)

MODELS FOR FORECASTING THE EXPECTED LIFE OF THE POPULATION OF THE COUNTRY OF THE COUNTRY: CHOOSING THE COMPOSITION OF FACTORS AND STRUCTURE OF THE MODEL BY THE CRITERION OF MINIMUM ERRORS OF THE FUNCTION OF RESPONSE (ON THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND GERMANY)

Аннотация. Построена совокупность статистически значимых регрессионных моделей ($R^2 > 0,9$; $F_{кр} \gg 100$; у b-коэффициентов отношение $b_i/\sigma_{b_i} \gg 2$; функция отклика – ожидаемая продолжительность жизни населения) для прогнозирования динамики ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации и Германии. Впервые обнаружено и подтверждено статистически значимое влияние на приращение значений ожидаемой продолжительности жизни населения страны приращений группы факторов-независимых переменных и выполнена оценка величины лага.

Annotation. A set of statistically significant regression models was constructed ($R^2 > 0.9$; $F_{cr} \gg 100$; for b-coefficients, the ratio $b_i / \sigma_{b_i} \gg 2$; response function – Life expectancy of a population) to predict the dynamics of life expectancy of the population of the Russian Federation and Germany. For the first time, a statistically significant effect on the increment of the expected life expectancy of the country's population was found and confirmed for the first time by increments of a group of factors-independent variables and an estimate of the lag value was made.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, регрессионные модели, статистическая значимость.

Keywords: life expectancy, regression models, statistical significance.

Введение. Различные аспекты проблемы прогнозирования и повышения продолжительности жизни населения страны рассмотрены в [1–5]. В статье представлены оригинальные результаты исследований, связанных с выявлением определяющих факторов, построением и оценкой статистических характеристик качества прогнозных моделей и качества прогноза ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) населения стран Российской Федерации и Германии. Исходной информацией для проведения исследований служили данные Всемирного банка о динамике показателей, характеризующих социально-экономическое развитие стран мира.

предварительный отбор искомого подмножества факторов из множества большой мощности, включающего более 1000 факторов (использовался метод [6, 7]). Второй этап состоял из двух операций: первая операция включала использование экспертного опроса для выделения и ранжирования каждым экспертом выбранной им группы факторов, влияющих на выходной показатель – ОПЖ. На второй операции осуществлено пошаговое уточнение ранжирования (упорядочения) факторов, выделение минимального состава определяющих факторов и построение прогнозных моделей. После выполнения второго этапа исходный состав факторов уменьшился в среднем на порядок. И, наконец, на третьем этапе выполнен сравнительный анализ статистических характеристик качества построенных ре-

1. Этапы исследования. Исследование проведено в три этапа. На первом этапе осуществлён

грессионных моделей разной структуры и с разным составом факторов. В статье представлены результаты выполнения *третьего* этапа исследования ОПЖ¹.

2. Ответ на самый главный вопрос: Какие факторы из множества достаточно большой мощности (> 1000) оказывают определяющее влияние на величину ОПЖ населения, в какой степени и с каким лагом?

В результате проведенных исследований с использованием методов [8, 9] впервые обнаружено, содержательно и статистически подтверждено влияние (с *количественной оценкой степени* влияния) на приращение ОПЖ населения группы определяющих факторов и определена величина лага. Построение регрессионных моделей выполнялось при использовании исходной информации в *относительных* единицах (отношение численных значений показателей по годам рассматриваемого периода).

Ниже представлены *сформированный состав *независимых переменных* в регрессионных моделях, *статистические оценки степени влияния приращений переменных на функцию отклика (ОПЖ) с указанием величины лага.

Для Российской Федерации:

1) Модель вида: $Y11 = b1 * X11$, где:

$Y11$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения РФ; $X11$ – относительное приращение (за один год) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения, ППС (текущие международные \$). Статистические характеристики качества модели:

$$b1 = 0,93; b1/\sigma_{b1} = 33,98; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{\text{скадр}} = 0,9; F_{\text{кр}} = 1154,5.$$

2) Модель с $X12$: $Y11 = b1 * X12$, где:

$Y11$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения РФ; $X12$ – относительное приращение (за два года) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения, ППС (текущие международные \$). Статистические характеристики качества модели:

$$b1 = 0,83; b1/\sigma_{b1} = 22,03;$$

$$R^2 = 0,98; R^2_{\text{скадр}} = 0,89; F_{\text{кр}} = 485,5.$$

Для Германии:

1) Модель вида: $Y12 = b1 * X11$, где:

$Y12$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения Германии; $X11$ – относительное приращение (за один год) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения (в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b1 = 0,96; b1/\sigma_{b1} = 40,7; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{\text{скадр}} = 0,88; F_{\text{кр}} = 1650,9.$$

2) Модель с $X12$: $Y12 = b1 * X12$, где:

$Y12$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения Германии; $X12$ – относительное приращение (за два года) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения (в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b1 = 0,91; b1/\sigma_{b1} = 34,1; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{\text{скадр}} = 0,88; F_{\text{кр}} = 1163,1.$$

3) Модель с $X13$: $Y12 = b1 * X13$, где:

$Y12$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения Германии; $X13$ – относительное приращение (за один год) Экспорта коммерческих услуг (в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b1 = 0,94; b1/\sigma_{b1} = 38,6; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{\text{скадр}} = 0,88; F_{\text{кр}} = 1492,1.$$

4) Модель с $X14$: $Y12 = b1 * X14$, где:

$Y12$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения Германии; $X14$ – относительное приращение (за два года) ВВП на одного работающего (в постоянных долларах США в 2011 году). Статистические характеристики качества модели:

$$b1 = 1,003; b1/\sigma_{b1} = 110,45; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{\text{скадр}} = 0,88; F_{\text{кр}} = 12199,7.$$

Вывод. Выполненные расчеты показали, что основное влияние на величину относительного приращения ОПЖ населения Российской Федерации и Германии оказывают приращения величины Внутренних государственных расходов на здравоохранение, ВВП на одного работающего (в постоянных долларах США в 2011 году) и величина Экспорта коммерческих услуг (в текущих ценах). Этот вывод, позволяя *оптимизировать планирование и распределение бюджетных расходов* государства, полностью подтверждается и *содержательным* анализом.

3. Регрессионные модели для прогнозирования ОПЖ населения с оценкой характеристик потребительского качества.

Замечание 1. Функция отклика (ОПЖ) представлена в абсолютных единицах (годах), а все независимые переменные – в относительных единицах (относительное приращение за период: за один, два или три года). Характеристики потре-

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) – проект 18-010-00806/18 «Уровень жизни населения административно-территориальных образований: выявление, исследование, анализ и оценка значимости определяющих факторов (для последующей оптимизации в условиях ограниченных ресурсов)».

бительского качества построенных моделей оцениваются используемыми в статистике показателями: b/σ_{b_i} , $R^2_{\text{корр}}$. В представленных ниже моделях изменяется только состав независимых переменных при неизменной функции отклика – ОПЖ.

Модели для прогнозирования ОПЖ населения Российской Федерации.

1) Модель для прогнозирования имеет вид:

$$Y_{01} = b_1 * X_1 + b_2 * X_{11}, \text{ где:}$$

Y_{01} – ОПЖ населения РФ за период с 2006 по 2017 годы (абсолютные значения); $X_1(Y_{11})$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения РФ (по 2015 г.); X_{11} – относительное приращение (за один год) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения, ППС (текущие международные \$). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 80,19; b_2 = -11,23;$$

$$b_1/\sigma_{b_1} = 22,64; b_2/\sigma_{b_2} = -3,4;$$

$$R^2 = 0,99; R^2_{\text{корр}} = 0,9; F_{\text{кр}} = 19665,05.$$

2) Модель с X_{12} :

Y_{01} – ОПЖ населения РФ за период с 2006 по 2017 годы (абсолютные значения); $X_1(Y_{11})$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения РФ; X_{12} – относительное приращение (за два года) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения, ППС (текущие международные \$). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 70,65; b_2 = -7,16;$$

$$b_1/\sigma_{b_1} = 37,27; b_2/\sigma_{b_2} = -4,14;$$

$$R^2 = 0,99; R^2_{\text{корр}} = 0,9; F_{\text{кр}} = 24841,11.$$

3) Модель с X_{13} :

Y_{01} – ОПЖ населения РФ за период с 2006 по 2017 годы (абсолютные значения); $X_1(Y_{11})$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения РФ; X_{13} – относительное приращение (за два года) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения (в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 73,17; b_2 = -3,8;$$

$$b_1/\sigma_{b_1} = 78,07; b_2/\sigma_{b_2} = -5,49;$$

$$R^2 = 0,99; R^2_{\text{корр}} = 0,9; F_{\text{кр}} = 36637,4.$$

Модели для прогнозирования ОПЖ населения Германии.

1) Модель для прогнозирования имеет вид:

$$Y_{02} = b_1 * X_1 + b_2 * X_{11},$$

где Y_{02} – ОПЖ населения Германии за период с 2008 по 2017 годы (абсолютные значения); $X_1(Y_{12})$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения Германии (по 2015 г.); X_{11} – относительное приращение (за один год) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения (в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели

$$b_1 = 85,88; b_2 = -5,85;$$

$$b_1/\sigma_{b_1} = 42,93; b_2/\sigma_{b_2} = -3,02;$$

$$R^2 = 0,99; R^2_{\text{корр}} = 0,87; F_{\text{кр}} = 147425,4.$$

2) Модель с X_{12} :

Y_{02} – ОПЖ населения Германии за период с 2008 по 2017 годы (абсолютные значения); $X_1(Y_{12})$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения Германии; X_{12} – относительное приращение (за один год) Экспорта коммерческих услуг (в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 85,32; b_2 = -5,19;$$

$$b_1/\sigma_{b_1} = 42,84; b_2/\sigma_{b_2} = -2,76;$$

$$R^2 = 0,99; R^2_{\text{корр}} = 0,87; F_{\text{кр}} = 134020.$$

3) Модель с X_{13} :

Y_{02} – ОПЖ населения Германии за период с 2008 по 2017 годы (абсолютные значения); $X_1(Y_{12})$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения Германии; X_{13} – относительное приращение (за два года) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения (в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 84,24; b_2 = -4,03;$$

$$b_1/\sigma_{b_1} = 44,16; b_2/\sigma_{b_2} = -2,32;$$

$$R^2 = 0,99; R^2_{\text{корр}} = 0,87; F_{\text{кр}} = 115090,8.$$

4) Модель с $X_1(Y_{12})$:

Y_{02} – ОПЖ населения Германии за период с 2008 по 2017 годы (абсолютные значения); $X_1(Y_{12})$ – относительное приращение (за три года) ОПЖ населения Германии; Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 79,85; b_1/\sigma_{b_1} = 393,15; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{\text{корр}} = 0,89; F_{\text{кр}} = 154566,5.$$

5) Модель с X_{14} :

Y_{02} – ОПЖ населения Германии за период с 2008 по 2017 годы (абсолютные значения); X_{14} – относительное приращение (за два года) ВВП на одного работающего (в постоянных долларах США в 2011 году). Статистические характеристики качества модели:

$$b_1 = 80,1; b_1/\sigma_{b_1} = 106,58; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{\text{корр}} = 0,87; F_{\text{кр}} = 115090,8.$$

6) Модель с X15:

Y02 – ОПЖ населения Германии за период с 2008 по 2017 годы (абсолютные значения); X15 – относительное приращение (за два года) Внутренних государственных расходов на здравоохранение на душу населения (в текущих ценах). Статистические характеристики качества модели:

$$b1 = 75,3; b1/\sigma_{b1} = 85,5; R^2 = 0,99;$$

$$R^2_{\text{корр}} = 0,89; F_{\text{кр}} = 7311,3.$$

3. Имитационное моделирование для оценки ошибки функции отклика – ОПЖ населения страны. Оказалось, что построенные модели обладают достаточно хорошими статистическими характеристиками качества (b/σ_{b_i} , $R^2_{\text{корр}}$, $F_{\text{кр}}$). Однако, как показано на реальных примерах в [10], ТОЛЬКО имитационное моделирование позволяет реализовать сравнительный анализ прогнозных свойств регрессионных моделей и обоснованно осуществить выбор по критерию минимума ошибки функции отклика, то есть именно имитационное моделирование обеспечивает возможность **выявить**, какая регрессионная модель, с каким составом факторов и какой структуры является лучшей для использования при прогнозировании.

Поэтому, воспользовавшись методами, описанными в [10], и выполнив имитационное модели-

рование, легко оценить ошибки функций отклика построенных регрессионных моделей для прогнозирования ОПЖ населения Российской Федерации и Германии.

Так, при прогнозировании ОПЖ населения **для Российской Федерации**, реализовав имитационное моделирование с использованием программы автоматизированного синтеза имитационных моделей СИМ-UML [11], получим представленные в таблице 1 значения характеристик распределения функции отклика регрессионных моделей с наименьшими стандартным отклонением и коэффициентом вариации функций отклика.

Как следует из данных таблицы 1, минимальными стандартным отклонением и коэффициентом вариации обладает модель Y301. В таблице 2 представлены результаты, характеризующие качество прогнозирования ОПЖ населения России с использованием моделей Y101 и Y301.

Для **Германии** в таблице 3 представлены полученные в результате имитационного моделирования оценки характеристик потребительского качества трех лучших из шести построенных прогнозных моделей.

В таблице 4 представлены значения ошибки прогноза ОПЖ населения в зависимости от состава факторов и структуры функции отклика прогнозных моделей.

Таблица 1

Результаты имитационного моделирования для оценки характеристик распределения функции отклика прогнозных моделей

Параметры-характеристики	Модели	
	1) Y101 = 80,19 × X1 – 11,23 × X11	3) Y301 = 73,17 × X1 – 3,8 × X13
Переменная	Y101	Y301
Число итераций	1000	1000
Среднее	69.5	69.6
Стандартное отклонение	5.53	2.03
Коэффициент вариации	0.08	0.029
Асимметрия	0.046	-0.03
Экссесс	0.036	-0.06
Модальный интервал	67.17 : 70.51	68.90 : 70.12
Медиана	69.4	69.7

Таблица 2

Ошибка прогноза ОПЖ населения России при использовании моделей Y101 и Y301

Годы	Фактическое значение ОПЖ	Ошибка прогноза	
		Y101	Y301
2006	67,56634	0,029096	0,012414
2007	67,00606	0,006242	0,00866
2008	68,32111	0,000677	0,005442
2009	68,97636	0,022176	0,004229
2010	69,19692	0,002005	0,00514
2011	71,05816	0,007753	0,01934
2012	71,05832	0,017775	0,013878
2013	69,94746	0,007715	0,009026
2014	69,35707	0,020615	0,019992
2015	70,52836	0,006788	0,009288
2016	70,67851	0,022491	0,013762
2017	72,11424	0,015628	6,63E-05
Средняя ошибка прогноза		0,0132 (1,32 %)	0,0101 (1,01 %)

Таблица 3

**Результаты имитационного моделирования для оценки характеристик
распределения функции отклика прогнозных моделей**

Параметры-характеристики	Модели		
	$Y_{102} = 85,88 \times X_1 - 5,85 \times X_{11}$	$Y_{202} = 85,32 \times X_1 - 5,19 \times X_{12}$	$Y_{302} = 84,24 \times X_1 - 4,03 \times X_{13}$
Переменная	Y102	Y202	Y302
Число итераций	1000	1000	1000
Среднее	80,25	80,5	80,6
Стандартное отклонение	2,86	2,89	2,64
Коэффициент вариации	0,036	0,036	0,033
Асимметрия	-0,067	0,046	0,053
Эксцесс	-0,18	0,04	-0,23
Медиана	80,3	80,5	80,6

Таблица 4

Зависимость ошибки прогноза от состава факторов и структуры функции отклика

Регрессионные модели	Результаты прогнозирования ОПЖ населения ФРГ с использованием построенных регрессионных моделей		
	$Y_{102} = 85,88 \times X_1 - 5,85 \times X_{11}$	$Y_{202} = 85,32 \times X_1 - 5,19 \times X_{12}$	$Y_{302} = 84,24 \times X_1 - 4,03 \times X_{13}$
Имя функция отклика	Y102	Y202	Y302
Средняя относительная ошибка прогноза	0,004	0,0046	0,00457
Ошибка прогноза, % (средняя)	0,4%	0,46%	0,46%

Заключение. Проведенные исследования позволили

1. Построить регрессионные модели для прогнозирования ожидаемой продолжительности жизни населения России и Германии, обладающие высоким потребительским качеством ($R^2 > 0,9$; $F_{кр} \gg 100$; у b-коэффициентов отношение $b_i/\sigma_{b_i} \gg 2$; функция отклика – Ожидаемая продолжительность жизни населения).

2. Впервые подтвердить статистическую значимость влияния на приращение ожидаемой продолжительности жизни населения Российской Федерации и Германии приращений группы определяющих факторов с различной величиной лага. Обнаружено, что основное влияние: оказывают приращения величины Внутренних государственных расходов на здравоохранение, ВВП на одного работающего (в постоянных долларах

Литература:

1. Хубаев Г.Н. Веб-приложение для сравнительной оценки, анализа динамики и прогнозирования уровня жизни населения субъектов РФ / Г.Н. Хубаев, К.Н. Щербакова, Д.С. Сидоренко // Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ. № 2019619362. М. : Роспатент, 2019. URL : <http://uroven-zhizni.ru>

2. *Khubaev G.* Regression models for forecasting life period of population of administrative-territorial education: construction and evaluation of quality //

США в 2011 году) и величина Экспорта коммерческих услуг (в текущих ценах). Этот вывод, позволяя **оптимизировать** планирование и распределение бюджетных расходов государства, полностью подтверждается и **содержательным** анализом.

3. Обнаружить, что оригинальная совокупность независимых переменных, включенных в состав моделей для прогнозирования ОПЖ населения, обеспечивает возможность получить ничтожно малую ошибку прогноза: *при прогнозировании ОПЖ населения Российской Федерации – 1,3 % и 1,01 %, а при прогнозировании ОПЖ населения ФРГ – даже менее одного процента (!).

Автор благодарен доктору экономических наук Игорю Сергеевичу Иванченко за подробный критический анализ публикаций по теме исследования в зарубежных изданиях.

Literature:

1. *Hubayev G.N.* Web application for comparative assessment, analysis of dynamics and forecasting of living standards of the population of the constituent entities of the Russian Federation / G.N. Hubayev, K.N. Scherbakov, D.S. Sidoenko // Certificate of state registration of the program for computers. № 2019619362. М. : Rospatent, 2019. URL : <http://uroven-zhizni.ru>

2. *Khubaev G.* Regulation models for forwarding life period of population of administrative-territorial education: construction and evaluation of quality //

Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 9. С. 206–217.

3. Хубаев Г.Н. Уровень жизни населения субъектов Российской Федерации: статистическое исследование // II Открытый российский статистический конгресс : сборник докладов (г. Ростов-на-Дону, 4–6 декабря 2018 г.): Т. 1. Ростов-н/Д, 2018. С. 409–414.

4. *Khubaev Georgy N.* How to increase duration of the population of the country // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 28 September 2019). Beijing, 2019. P. 16–23.

5. Хубаев Г.Н. Как увеличить продолжительность жизни населения России: современный вариант ответа // Бюллетень науки и практики. 2019. № 10. С. 115–127.

6. Хубаев Г.Н. Метод выделения искомого подмножества объектов из множества большой мощности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 8. С. 206–211.

7. *Khubaev Georgy N.* Method of isolating a desired subset of objects from a set of greater power // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 31 July 2019). Beijing, 2019. P. 50–57.

8. *Khubaev G.* Expert review: method of intuitively agreed choice // 5th International Conference «Economy modernization: new challenges and innovative practice» (November 12, 2017, Sheffield, UK). P. 65–80.

9. Хубаев Г.Н. Динамика характеристик распределения административно-территориальных образований по показателям уровня жизни населения: метод исследования / Г.Н. Хубаев, Д.С. Сидоренко // Глобальный научный потенциал. 2019. № 4(97). С. 184–190.

10. Хубаев Г.Н. Имитационное моделирование при выборе состава факторов и структуры уравнения регрессии // Прикладная информатика. 2010. № 6. С. 83–89.

11. Хубаев Г.Н. Система автоматизированного синтеза имитационных моделей на основе языка UML «СИМ-UML» / Г.Н. Хубаев, С.М. Щербаков, Ю.А. Рванцов // GeBIT 2015 (Ганновер, 2015). Каталог разработок российских компаний. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; МСП ИТТ, 2015.

Bulletin of Science and Practice. 2018. Vol. 4. № 9. P. 206–217.

3. *Khubayev G.N.* Standard of Living of the Population of the Constituent Entities of the Russian Federation: Statistical Study // II Open Russian Statistical Congress: Collection of Reports (Rostov-on-Don, December 4–6, 2018): Т. 1. Rostov-on/D., 2018. P. 409–414.

4. *Khubaev Georgy N.* How to increase duration of the population of the country // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 28 September 2019). Beijing, 2019. P. 16–23.

5. *Hubayev G.N.* How to increase life expectancy of the population of Russia: modern version of the answer // Bulletin of science and practice. 2019. № 10. С. 115–127.

6. *Khubayev G.N.* Method of selecting the desired subset of objects from the set of large capacity//Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 8. С. 206-211.

7. *Khubaev Georgy N.* Method of isolating a desired subset of objects from a set of greater power // Scientific research of the SCO countries: synergy and integration (Beijing, China 31 July 2019). – Beijing, 2019. P. 50–57.

8. *Khubaev G.* Expert review: method of intuitively agreed choice // 5th International Conference «Economy modernization: new challenges and innovative practice» (November 12, 2017, Sheffield, UK). P. 65–80.

9. *Hubayev G.N.* Dynamics of characteristics of distribution of administrative-territorial entities by indicators of living standards of the population: method of research / G.N. Hubayev, D.S. Sidoenko // Global scientific potential. 2019. № 4(97). С. 184–190.

10. *Khubayev G.N.* Simulation modeling in the selection of the composition of factors and the structure of the regression equation // Applied informatics. 2010. № 6. С. 83–89.

11. *Hubayev G.N.* System of automated synthesis of imitation models based on UML language «SIM-UML» / G.N. Hubayev, S.M. Scherbakov, Yu.A. Rwantsov // GeBIT 2015 (Hanover, 2015). Catalogue of developments of Russian companies. Ministry of Education and Science of the Russian Federation; MSP ITT, 2015.

Хусаинова Алия Ильдаровна
ассистент кафедры финансов
и экономического анализа,
Уфимский государственный
авиационный технический университет
aliya h@mail.ru

Коцегулова Ильмира Рустамовна
доктор экономических наук,
доцент,
заведующая кафедрой финансов
и экономического анализа,
Уфимский государственный
авиационный технический университет
ilma2001@mail.ru

ИНСТИТУТ ДЕНЕГ: ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ УРОВНЯ ДОВЕРИЯ К ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЕ

■ ■ ■

Аннотация. Цель статьи заключается в формировании модернизированного подхода к оценке доверия к институту денег и денежным единицам, как его носителям. В статье выявлены объективные количественные индикаторы, позволяющие произвести математический расчет уровня доверия к деньгам. Обоснован выбор количественных измерителей уровня общественного доверия на основе анализа сберегательного поведения, данных социологических опросов населения, кредитных рейтингов и официальной статистической информации.

Ключевые слова: институционализм, теория денег, институт, доверие, устойчивость денежной единицы, валюта, фидуциарные деньги, институциональный фактор.

■ ■ ■

■ ■ ■

Подавляющим большинством представителей институционального направления справедливо подчеркивается, что существование института обусловлено фактом его воспроизводства. При этом в исследованиях ученых уделяется недостаточно внимания рассмотрению условиям нормального воспроизводства института. Между тем, важным представляется отметить одно из ключевых условий функционирования института – устойчивость. Для того, чтобы институт существовал, он должен воспроизводиться, следовательно, быть устойчивым.

Поскольку специфические нормы и правила, составляющие сущность института, реализуются в обществе посредством носителей института, последние должны нормально функционировать, следовательно, быть устойчивыми.

Aliya I. Khusainova
Assistant of the Department
of Finance and Economic Analysis,
Ufa State Aviation Technical University
aliya h@mail.ru

Ilmira R. Koshchegulova
Doctor of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of Department of Finance
and Economic Analysis,
Ufa State Aviation Technical University
ilma2001@mail.ru

INSTITUTE OF MONEY: THE PROBLEM OF EVALUATING THE LEVEL OF TRUST IN MONETARY UNIT

■ ■ ■

Annotation. The purpose of the article is to form a modern approach to evaluating the trust in institute of money and monetary units as its carrier. The article presents relevant quantitative indicators, which make possible to calculate mathematically the level of trust in money. The choice of quantitative measurers of the public trust level is based on the analysis of savings behavior, sociological surveys of the population, credit ratings and official statistical information, is justified.

Keywords: institutionalism, theory of money, institute, trust, stability of the monetary unit, currency, fiduciary money, institutional determinant.

■ ■ ■

■ ■ ■

С целью обеспечения устойчивости денежных единиц может производиться масса усилий по поддержанию конкретных количественных показателей, которые будут иметь определенные результаты. Однако, если указанные меры не влияют на уровень доверия, население будет вырабатывать свои собственные типы поведения.

С учетом вышеизложенного, следует признать, что основная проблема функционирования института – это обеспечение устойчивости его носителей, которое невозможно без общественного доверия.

Таким образом, настоящая статья имеет своей целью формирование модернизированного подхода к оценке доверия к денежным единицам как носителям института денег. Достижение постав-

ленной цели предопределило основные задачи исследования:

– раскрыть сущность взаимосвязи между устойчивостью денежной единицы и уровнем общественного доверия;

– разработать механизм оценки уровня доверия к денежной единице;

– выявить объективные количественные индикаторы уровня доверия к национальной денежной единице.

Несмотря на то, что необходимость удержания доверия к деньгам на высоком уровне отмечается многими исследователями сферы денежных отношений, доверительный аспект в денежном контексте сегодня проработан не в полной мере. Некоторые моменты доверия к деньгам раскрываются в отдельных работах отечественных ученых.

Так, О.А. Золотарева полагает, что доверие, будучи вспомогательным институтом на историческом этапе полноценных денег, постепенно трансформировалось в «институциональную основу современных денег» [1]. Исследователь рассматривает доверие как базовый институт современной денежно-кредитной политики, находящийся в комплементарных отношениях с институтом денег.

К.Ю. Суриков относит доверие к квазиинститутам неформального типа [2]. Кроме того, исследователь отмечает, что существование и развитие института денег связано с уровнем доверия к эмитентам денег, но не определяется доверием к самим деньгам как к экономическому явлению. Считая институциональное доверие к государству начальным уровнем пирамидальной иерархии институционального доверия к монетарным институтам, К.Ю. Суриков сводит вопрос общественного доверия к денежным единицам к проблеме доверия к государству как их гаранту.

Действительно, фидуциарный характер нынешних денег способствовала укреплению в экономической среде точки зрения, что проблемы доверия к денежной единице в настоящее время

не существует. Поскольку закрепление денежной единицы нормативными актами в качестве единственно законного платежного средства исключает широкое использование других валют на территории страны, проблема доверия к государственной валюте считается исчерпанной.

Подобную точку зрения выражает в своем исследовании А.К. Ляско. По мнению ученого, суверенность права государства эмитировать валюту, обязательную для хождения на его территории, сводит проблему доверия к денежной единице к вопросу доверия к государству и его экономической политике [3].

Трудно не согласиться, что легитимизация денежной единицы является необходимым условием функционирования денег как формального института. Однако, как показали события последних десятилетий в РФ, в случае понижения уровня общественного доверия к государственной валюте, одной лишь правомочности национальных денег оказывается недостаточно для обеспечения их устойчивости. Негативные изменения в уровне доверия к национальной валюте способствует активному использованию альтернативных денежных единиц, разнообразных денежных суррогатов и иностранных валют.

Так, в РФ начало 1990-х годов, принесшее с собой гиперинфляционные явления вкупе с низким коэффициентом монетизации экономики (12–20 %) [4], снизили общественное доверие к российскому рублю, привели к распространению бартерных отношений в экономике и использованию денежных суррогатов в межличностных расчетах [5]. Российский рубль постепенно превратился лишь во временное средство хранения.

Обобщая вышеизложенное, устойчивость предлагается трактовать как комплексное позитивное долгосрочное состояние, заключающееся в высокой способности денежной единицы снижать транзакционные издержки и создавать определенность во взаимодействиях, формируемое под влиянием совокупности экономических детерминант и факторов общественного доверия. Авторская позиция представлена на рисунке 1.

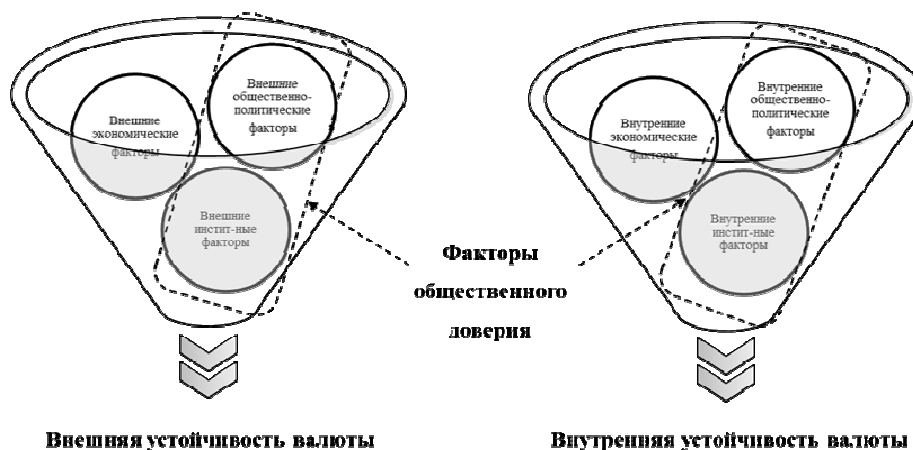

Рисунок 1 – Устойчивость национальной денежной единицы

Поскольку устойчивость денег детерминирована влиянием совокупности экономических, общественно-политических и институциональных факторов, доверие к денежной единице является функцией от указанных факторов. Оценка влияния каждой из групп факторов на устойчивость денежной единицы, выражаемой уровнем доверия, становится возможной благодаря при-

своению детерминантам неэкономического характера конкретных количественных измерителей. В результате проведенного исследования, были подобраны объективные количественные измерители, в наибольшей мере отражающие основные аспекты качественных факторов (табл. 1).

Таблица 1

Система количественных индикаторов оценки общественного доверия и экономических факторов

Группа факторов	Подгруппа факторов	Результирующий признак	Количественный индикатор	Методика расчета
Внешние	Экономические	Курс валюты	Соотношение расчетного и официального курсов	$K_1 = K_{расч}/K_{офици}$; $K_{расч} = Ден.база_{в шир.опр.}/ЗВР$
	Прямые институциональные	Доверие к денежной единице как средству международных расчетов	Доля платежей в национальной валюте в общем объеме международных платежей	$K_2 = V_{cur}/V_{world}$; V_{cur} – объем конверсионных операций в валюте; V_{world} – объем конверсионных операций в мире;
	Общественно-политические (опосредованные институциональные)	Внешнее доверие к стране – эмитенту денежной единицы	Кредитный рейтинг страны-эмитента	K_3 – кредитный рейтинг, определяется по данным РА «Moody's»
Внутренние	Экономические	Покупательная способность денежной единицы	Индекс покупательной способности денежной единицы	$K_4 = 1/ИПЦ$; ИПЦ – индекс потребительских цен, в % к соотв. периоду предыдущего года
	Прямые институциональные	Общественное доверие к денежно-кредитным институтам	Структура депозитов населения в разрезе сроков размещения	$K_5 = D_{long}/D_{all}$; D_{long} – объем депозитов физических лиц сроком размещения > 1 года; D_{all} – общий объем депозитов физических лиц
		Общественное доверие к денежной единице как средству сбережения	Структура депозитов населения в разрезе валют	$K_6 = D_{cur}/D_{all}$; D_{long} – объем депозитов физических лиц в валюте; D_{all} – общий объем депозитов физических лиц
	Общественно-политические (опосредованные институциональные)	Общественное доверие к государству как гаранту национальной денежной единицы	Интегральный индекс доверия органам государственной власти	$K_7 = \sum_{j=1}^4 x_j / 4$; $I_j = (a-b)/c$; I_j – частный индекс доверия; a – доля положит. ответов; b – доля отриц. ответов; c – общее число ответов.

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем, что, если у института есть способность снижать неопределенность во взаимодействиях, удержание этой способности на протяжении длительного времени ведет к возникновению доверия. В свою очередь, высокий уровень общественного доверия способствует поддержанию функционирования института. Таким образом, установлено, что основная проблема функционирования института – это обеспечение устойчивости его носителей, которое невозможно без общественно-го доверия.

Литература:

1. Золотарева О.А. Развитие институциональных основ государственной монетарной политики (на примере республики Беларусь): дисс...док. экон. наук: 08.00.10 / Золотарева Ольга Александровна. СПб. : 2015. 404 с.

В результате исследования были выделены факторы, имеющие фундаментальную важность для обеспечения устойчивости национальной денежной единицы и предложена система количественных индикаторов оценки общественного доверия и экономических факторов. Регулирующие меры воздействия для достижения устойчивости денежной единицы должны учитывать природу факторов и осуществляться по указанным направлениям.

Literature:

1. Zolotareva O.A. The development of the institutional foundations of state monetary policy (on the example of the Republic of Belarus): diss ... PhD. Sciences: 08.00.10 / Zolotareva Olga Aleksandrovna. SPb. : 2015. 404 p.

2. Суриков К.Ю. Фактор доверия в эволюции денег // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 4(126). С. 6–14.

3. Ляско А.К. Проблемы доверительных отношений в монетарной экономике. Институт экономики РАН. Доклад, представленный на Российский экономический конгресс, М., 2009 года.

4. Издания банка России. Статистический бюллетень Банка России (1998–2018) // Официальный сайт Банка России. URL : <http://www.cbr.ru/publ/?PrId=bbs> (дата обращения 01.12.2019).

5. Woodruff D. Monetary surrogates and money's dual nature / J. Pixley, G. Harcourt – Financial Crises and the Nature of Capitalist Money: Mutual Developments From the Work of Geoffrey Ingham. London : Palgrave Macmillan, 2013. P. 101–123.

2. Surikov K.Yu. Confidence factor in the evolution of money // Bulletin of Samara State University of Economics. 2015. № 4(126). P. 6–14.

3. Lyasko A.K. Problems of trust in the monetary economy. Institute of Economics, RAS. Report presented at the Russian Economic Congress, M., 2009.

4. Publications of the Bank of Russia. Statistical Bulletin of the Bank of Russia (1998–2018) // Official website of the Bank of Russia. URL : <http://www.cbr.ru/publ/?PrId=bbs> (accessed 01/12/2019).

5. Woodruff D. Monetary surrogates and money's dual nature / J. Pixley, G. Harcourt – Financial Crises and the Nature of Capitalist Money: Mutual Developments From the Work of Geoffrey Ingham. London : Palgrave Macmillan, 2013. P. 101–123.

Цыганова Ирина Александровна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры прикладной информатики
в экономике и управлении,
Оренбургский
государственный университет
i.tsyganova@mail.ru

Ханжина Наталья Владимировна

старший преподаватель кафедры
прикладной информатики
в экономике и управлении,
Оренбургский
государственный университет
natalyoren@mail.ru

Савина Ксения Юрьевна

магистрант кафедры
прикладной информатики
в экономике и управлении,
Оренбургский
государственный университет
saw.ksenia@yandex.ru

**ПРОЕКТ КОРПОРАТИВНОЙ
ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ
СИСТЕМЫ ОЦЕНКИ
КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ
ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ**

Аннотация. Статистические данные исследований кредитных портфелей банков показывают, что велика доля невыплаченных кредитов. Этот факт вынуждает кредитные организации заострять внимание на качестве своих кредитных портфелей. Одним из главных способов борьбы с невозвратами является организация скорректированной процедуры оценки финансового состояния заемщика. В качестве информационной поддержки данной процедуры предлагается разработать концепцию корпоративной информационно-аналитической системы, интегрирующей в себе имеющиеся стандартные программные решения и дополнительные модули.

Ключевые слова: кредитоспособность, процедура оценки, информационная система.

В банковской сфере наблюдается высокая конкуренция и, соответственно, велико стремление привлечь как можно больше клиентов. Главным направлением политики в этом направлении является привлечение потенциальных заемщиков, для этого используются в основном такие инструменты, как отсутствие залога, поручителей, минимальный пакет необ-

Irina A. Tsyganova

Candidate of Economics,
Associate Professor of Department
for Applied Informatics
in Economics and Management,
Orenburg State University
i.tsyganova@mail.ru

Natalya V. Khanzhina

Senior Lecturer of Department
for Applied Informatics
in Economics and Management,
Orenburg State University
natalyoren@mail.ru

Ksenja Yu. Savina

Master student of Department
for Applied Informatics in
Economics and Management,
Orenburg State University
saw.ksenia@yandex.ru

**DRAFT CORPORATE
INFORMATION-ANALYTICAL SYSTEM
FOR EVALUATING
THE CREDIT ABILITY OF INDIVIDUALS**

Annotation. Statistics of studies of bank loan portfolios show that a large proportion of outstanding loans. This fact forces credit organizations to focus on the quality of their loan portfolios. One of the main ways to deal with arising defaults is the organization of the adjusted procedure for assessing the financial condition of the borrower. As an information support for this procedure, it is proposed to develop the concept of a corporate information-analytical system that integrates existing standard software solutions and additional modules.

Keywords: creditworthiness, assessment procedure, information system.

ходимых документов. Таким образом, банки пытаются предоставлять облегченные условия кредитования заемщикам, избавляя их объемного пакета документов. Но, с другой стороны, как раз, и возрастает кредитный риск для банков. В таких условиях очевидна необходимость более гибкой и, в тоже время, надежной системы оценки кредитоспособности. Надежность должна га-

рантированно уберечь от сомнительных заемщиков, а гибкость не отпугнуть потенциальных.

Существует многообразие методик оценки кредитоспособности заемщиков, но банки, как правило, используют в основном один приемлемый с их точки зрения метод. Выходом из создавшейся ситуации может служить разработка механизма, использующего совокупность методик и лучших практик, позволяющих устранить недостатки отдельных из них.

Проводимое исследование и разработка его информационной поддержки актуальны, поскольку на современном этапе возникает необходимость проработки вопросов, касающихся совершенствования системы по определению кредитоспособности заемщика.

Целью работы является разработка проекта корпоративной информационно-аналитической системы оценки кредитоспособности физических лиц на основе прецедентов.

Для достижения поставленной цели были решены следующие основные задачи:

– анализ используемых банками методик по проведению оценки кредитоспособности и предложения по ее усовершенствованию;

– разработка структуры корпоративной системы как инструмента улучшения обслуживания клиента и рационального формирования кредитного портфеля.

Решение сформулированных задач осуществлялось с применением математического аппарата интеллектуального анализа данных (ИАД), объектно-ориентированных методов проектирования программного обеспечения для анализа и обработки больших объемов кредитных данных [1].

В качестве информационной поддержки и обеспечения оперативной обработки кредитной информации предлагается использовать информационно-аналитическую систему.

При создании модельного обеспечения информационной системы использованы методы ИАД ID3 и C4.5, реализованные средствами платформы Deductor Studio, и построенные на

Литература:

1. *Гаврилова Т.А.* Базы знаний интеллектуальных систем : учеб. пособие для вузов / Т.А. Гаврилова, В.Ф. Хорошевский. СПб. : Питер, 2001. 384 с.: ил. Библиогр.: С. 358–382. ISBN 5-272-00071-4.

2. *Скальный А.В.* Интеллектуальная система предварительной диагностики как инструмент реализации региональной социальной политики // А.В. Скальный, И.П. Болодурина, И.А. Цыганова. Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 9. С. 123–128.

основе качественных кредитных данных механизмы прямого логического вывода [2].

Предлагаемый механизм оценки кредитоспособности заемщика включает условно 3 этапа:

1. Заявка на кредит с проверкой кредитной истории.

2. Расчет по методу рейтинговых оценок.

3. Поиск прецедентов в сформированной базе знаний.

В разрабатываемую систему будут включены уже имеющиеся модули стандартной проверки кредитной истории и определение класса заемщика по методу рейтинговых оценок.

Расширение функционала корпоративной информационно-аналитической системы оценки кредитоспособности предлагается по следующим направлениям:

– корректировки закрытия кредитной истории заемщика с уточнением всех возникших проблемных ситуаций;

– на основании скорректированных кредитных историй осуществлять процедуру поиска правил на основе алгоритма построения деревьев решений C4.5;

– выявленной совокупности правил, оформить в актуализируемую базу знаний;

– на заключительном этапе принятие решения о выдаче кредита использовать наработанную на основе опыта базу знаний.

Отдельно стоит отметить формирование базы знаний на основе имеющей совокупности одобренных кредитных историй заемщиков.

Таким образом, предложенная концепция системы позволяет гибко и оперативно организовать работу с заемщиками, используя систему прецедентов, минимизируя, при этом, кредитные риски. Заключение о предоставлении кредита заемщику или отказе формируется на основе системы знаний, представленной продукционными правилами

Literature:

1. *Gavrilova T.A.* Knowledge Base of Intelligent Systems : textbook. manual for universities / T.A. Gavrilova, V.F. Horoshevskij. SPb. : Peter, 2001. 384 p. : ill. Bibliography. P. 358–382. ISBN 5-272-00071-4

2. *Skalny A.V.* Intelligence system preliminary diagnosis as an instrument of regional social policy // A.V. Skalny, I.P. Bolodurina, I.A. Tsyganova. Intelligence. Innovation Investments. 2016. № 9. P. 123–128.

Шелестова Дилдарахон Абдисамадовна

кандидат экономических наук,
доцент
кафедры теории финансов,
кредита и налогообложения,
Институт экономики и финансов,
Волгоградский
государственный университет
Dilja80@mail.ru

Шор Дмитрий Михайлович

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
теории финансов,
кредита и налогообложения,
Институт экономики и финансов,
Волгоградский
государственный университет
ShorDM@volsu.ru

Шор Инна Михайловна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры теории финансов,
кредита и налогообложения,
Институт экономики и финансов,
Волгоградский
государственный университет
ShorIM@volsu.ru

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ФИНАНСОВАЯ
ПОДДЕРЖКА КАК ФАКТОР
РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО
И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА**

Аннотация. В условиях дефицита финансовых ресурсов у малого и среднего бизнеса возрастает значимость государственной финансовой поддержки. Вместе с тем, имеющиеся на сегодняшний день результаты государственной финансовой поддержки не позволяют говорить о совершенстве механизма такой поддержки. В силу этого настоящая статья включает конкретные практические меры по совершенствованию механизма государственной финансовой поддержки малого и среднего бизнеса в России и отдельном ее регионе – Волгоградской области. Проведен анализ статистических данных по современной практике реализации государственной финансовой поддержки малого и среднего бизнеса. Выявлены перспективы развития государственной финансовой поддержки малого и среднего бизнеса. Предложен комплекс мер для дальнейшего стимулирования развития государственной финансовой поддержки малого и среднего бизнес.

Ключевые слова: государственная финансовая поддержка, малый и средний бизнес (МСБ), развитие, бюджет, субсидии, регион.

Dildarakhon A. Shelestova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Department
of Theory Finance, Credit and Taxation,
Institute of Economics and Finance,
Volgograd State University
Dilja80@mail.ru

Dmitriy M. Shor

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Department
of Theory Finance, Credit and Taxation,
Institute of Economics and Finance,
Volgograd State University
ShorDM@volsu.ru

Inna M. Shor

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Department
of theory Finance, Credit and Taxation,
Institute of Economics and Finance,
Volgograd State University
ShorIM@volsu.ru

**STATE FINANCIAL SUPPORT
AS A FACTOR OF DEVELOPMENT
OF SUBJECTS OF SMALL
AND MEDIUM BUSINESS**

Annotation. In conditions of shortage of financial resources for small and medium-sized businesses, the importance of state financial support increases. At the same time, the results of state financial support available to date do not allow us to speak about the perfection of the mechanism of such support. Therefore, this article includes specific practical measures to improve the mechanism of state financial support for small and medium-sized businesses in Russia and its separate region-the Volgograd region. The analysis of statistical data on modern practice of implementation of the state financial support of small and medium business is carried out. Prospects of development of the state financial support of small and medium business are revealed. A set of measures to further stimulate the development of state financial support for small and medium-sized businesses is proposed.

Keywords: state financial support, small and medium-sized businesses (SMB), development, budget, subsidies, region.

В рыночных условиях малый и средний бизнес (далее – МСБ) является важным институтом, обеспечивающим социально-экономическое развитие современного государства. Данный институт достаточно мобилен, гибок, инновационно активен, способен к быстрому созданию новых производств и рабочих мест. Вместе с тем, он наиболее чувствителен к внешней среде, которая в ряде случаев характеризуется высокой подвижностью и изменчивостью, что, в свою очередь, может оказать существенное неблагоприятное влияние на предпринимательскую деятельность. Учитывая данное обстоятельство, а также рисковый характер и специфику организации финансов МСБ, особую значимость приобретают задачи разработки и реализации государственной финансовой поддержки, содействующей его устойчивому и конкурентоспособному функционированию. Причем, такая поддержка должна быть комплексной, своевременной и адекватно соответствующей развитию предпринимательской деятельности.

Проведенный нами анализ статистических данных по современной практике реализации государственной финансовой поддержки МСБ в Российской Федерации позволил сделать следующие выводы:

– средства федерального бюджета, направленные на финансирование развития МСБ в рамках государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» [7], освоены не в полном объеме (в 2014–2017 годах из федерального бюджета было выделено 120,5 миллиардов рублей, что соответствует 98 % освоения);

– не обеспечивается принцип прозрачности и открытости бюджетной системы Российской Федерации. Основные мероприятия по поддержке МСБ федерального уровня предусмотрены в рамках государственной программы «Экономическое развитие и инновационная экономика» и только по этой программе в бюджетной отчетности в рамках бюджетной классификации выделяются расходы на данную поддержку. Вместе с тем такая поддержка осуществляется и в рамках иных государственных программ. При этом складывается такая ситуация, когда идентификация соответствующих расходов практически невозможна;

– порядок установления плановых характеристик развития МСБ для регионов во многом не связан с объемом направленных им средств федерального бюджета. Так, имеются факты отсутствия связи между количеством новых рабочих мест, созданных в данном сегменте экономики, и объемом предоставляемых субсидий. К примеру, Адыгее было выделено 209 миллионов рублей при плане создания 73 рабочих мест, в то время как выделение Ямало-Ненецкому АО средств в объеме 9 миллионов рублей предполагало создание 81 рабочего места;

– порядок распределения субсидий из федерального бюджета не создает равных условий для развития МСБ в регионах. Так, с 2014 по

2016 годы более 20 % федеральных средств, предусмотренных на государственную поддержку МСБ, были направлены только лишь в 5 из 85 регионов. А в 2017 году около 40 % этих средств приходилось на 11 регионов;

– объем государственной кредитной поддержки МСБ незначителен. Более того, с 2015 по 2017 годы наблюдается его снижение. Доля кредитов, обеспеченных гарантиями в рамках Национальной гарантийной системой, незаметна: на 1 января 2016 года – 1,5 %, а 1 января 2018 года – 4,8 %.

Если говорить о результатах реализации государственной финансовой поддержки МСБ на уровне субъектов Российской Федерации, то также можно обнаружить ряд проблемных зон, позволяющих сделать вывод о недостижении заданных показателей устойчивого развития данного сегмента экономики. В качестве примера приведем Волгоградскую область.

Важно отметить тот факт, что в период 2015–2017 годы произошло уменьшение расходов на исполнение мероприятий государственной программы Волгоградской области «Экономическое развитие и инновационная экономика» [5; 6], связанных с развитием МСБ, с 484,5 миллионов рублей в 2015 году до 172,3 миллионов рублей в 2016 году (–64,4 % к предыдущему году) и 159,4 миллионов рублей в 2017 году (–7,5 % к предыдущему году). Наряду с этим наблюдались следующие негативные явления:

– в состав целевых показателей данной программы не были включены отдельные индивидуальные показатели, характеризующие результативность использования средств федерального бюджета, и при оценке эффективности ее реализации не учитывалось достижение индивидуальных показателей;

– не проводилась оценка результативности использования бюджетных средств на предоставление микрозаймов МСБ, что свидетельствует о формальном подходе к оценке данного инструмента поддержки МСБ;

– по причине того, что Комитет экономической политики и развития Волгоградской области не доводит до Микрофинансового центра [3] и Гарантийного фонда [2] плановые показатели результативности использования субсидий, не проводилась оценка эффективности ранее предоставленных им бюджетных средств.

В целом, руководствуясь вышесказанным, мы можем сделать следующий вывод: на сегодняшний день государственную финансовую поддержку МСБ федерального и регионального уровня нельзя назвать эффективной. При этом происходит усиление отрицательных результатов ее реализации под влиянием таких факторов, как ограниченность заемных источников финансирования, высокая налоговая и административная нагрузка, уголовное давление, низкий уровень осведомленности потенциальных получателей государственной поддержки о механизме ее оказания и другое.

Точки роста эффективности государственной финансовой поддержки МСБ видятся следующим образом:

– мониторинг и актуализация нормативно-правовой базы в сфере предпринимательской деятельности; гарантия защиты прав и законных интересов субъектов МСБ; совершенствование налогообложения МСБ, направленное на оптимизацию его налоговой нагрузки;

– ограничение числа проверок МСБ; изменение системы обязательных требований и моделей регулирования предпринимательской деятельности с учетом современного международного опыта; привлечение должностных лиц к ответственности за преднамеренное воспрепятствование предпринимательской деятельности; исключение избыточной отчетности и внедрение современных электронных систем документооборота; повышение уровня осведомленности потенциальных получателей государственной поддержки о ее видах и условиях оказания;

– обеспечение полноты освоения бюджетных средств, выделяемых на развитие МСБ; выделение расходов на государственную поддержку МСБ в бюджетной отчетности с учетом действующей бюджетной классификации и всех государственных программ для обеспечения принципа прозрачности (открытости) бюджетной системы Российской Федерации; установление плановых характеристик развития МСБ для регионов во взаимосвязи с объемом направленных им бюджетных средств; обеспечение равномерности распределения субсидий и создания равных условий для развития МСБ в регионах; обеспечение доступности различных источников финансирования МСБ посредством разработки стандартов кредитования, корректировки программы стимулирования кредитования в сфере высокотехнологичных производств, повышения статуса гарантий и поручительств Корпорации МСП [4] и АО «МСП Банк» [1] и другое.

При этом для Волгоградской области отдельно отметим важность включения в состав целевых показателей государственной программы Волгоградской области «Экономическое развитие и инновационная экономика» индивидуальных показателей, характеризующих результативность использования средств федерального

бюджета. Также требуется проведение оценки результативности использования бюджетных средств на предоставление микрозаймов МСБ в регионе и доведение Комитетом экономической политики и развития Волгоградской области до Микрофинансового центра и Гарантийного фонда плановых показателей результативности использования субсидий.

Увеличение экономического оборота МСБ в регионах возможно добиться посредством формирования благоприятной предпринимательской среды, что в свою очередь предполагает осуществление комплекса следующих мер:

– популяризация МСБ среди населения региона;

– организация и проведение тематических конференций, семинаров и круглых столов по развитию МСБ в регионе;

– формирование матрицы потребляемых (производимых) товаров, работ, услуг на территории региона;

– увеличение объема государственных (муниципальных) закупок у МСБ;

– предоставление льготных торговых мест на ярмарках для отдельных категорий МСБ.

Также следует отметить, что особую роль играет оказание государственной финансовой поддержки МСБ, создающему высокопроизводительные рабочие места и специализирующемуся на видах деятельности, высоко значимых для социально-экономического развития региона. Для таких субъектов рекомендуется устанавливать более льготные условия налогообложения с учетом пределов, закрепленных Налоговым кодексом Российской Федерации.

И в заключение отметим, что на современном этапе институт государственной финансовой поддержки МСБ в российских регионах находится в процессе адаптации к трансформирующимся социально-экономическим отношениям. Поэтому в целях повышения эффективности функционирования данного института необходимо снизить (устранить) слабые стороны и угрозы МСБ и в полной мере обеспечить реализацию его широких возможностей

Литература:

1. АО «МСП Банк». URL : <https://mspbank.ru/>
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ. URL : <http://www.consultant.ru/>
3. Гарантийный фонд Волгоградской области. URL : [http://nprgf.com./](http://nprgf.com/)
4. Государственный фонд «Региональный микрофинансовый центр». URL : [http://rmc34.ru./](http://rmc34.ru/)
5. Корпорация МСП. URL : <https://corpmsp.ru/>

Literature:

1. АО «MSP Bank». URL : <https://mspbank.ru/>
2. Budget code of the Russian Federation on 31.07.1998 № 145-FZ. URL : <http://www.consultant.ru/>
3. Guarantee Fund of the Volgograd region. URL : [http://nprgf.com./](http://nprgf.com/)
4. State Fund «Regional microfinance center». URL : [http://rmc34.ru./](http://rmc34.ru/)
5. MSP Corporation. URL : <https://corpmsp.ru/>

6. Постановление Администрации Волгоградской области от 23.01.2017 №14-п «Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Экономическое развитие и инновационная экономика». URL : <http://www.consultant.ru/>

7. Постановление Администрации Волгоградской области от 09.12.2013 №696-п «Об утверждении государственной программы Волгоградской области «Экономическое развитие и инновационная экономика на 2014–2016 годы». URL : <http://www.consultant.ru/>

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика». URL : <http://www.consultant.ru/>

6. Resolution Of the administration of the Volgograd region on 23.01.2017 № 14-p «About the approval of the state program of the Volgograd region» Economic development and innovative economy». URL : <http://www.consultant.ru/>

7. Resolution Of the administration of the Volgograd region on 09.12.2013 № 696-p «About the approval of the state program of the Volgograd region» Economic development and innovative economy for 2014–2016». URL : <http://www.consultant.ru/>

8. Resolution of the Government of the Russian Federation on 15.04.2014 № 316 «On approval of the state program of the Russian Federation» Economic development and innovative economy». URL : <http://www.consultant.ru/>

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 18.12.2019
Подписано в печать 20.12.2019
Формат 60x84¹/₈. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 22,3
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 40

e-mail: id.yug2016@gmail.com